Е.П. ЯНИН

ИЗ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА В.И. ВЕРНАДСКОГО.

Дневник и другие материалы 1910 года

Москва — 2026

Е.П. ЯНИН

ИЗ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА В.И. ВЕРНАДСКОГО.

Дневник
и другие материалы 1910 года

Москва – 2026

УДК 550.4+001.
ББК 26.30
Я62

Янин Е.П. Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Дневник и другие материалы 1910 года. – М.: НП «АРСО», 2026. – 460 с.

Книга посвящена жизни, деятельности и творчеству академика Владимира Ивановича Вернадского в 1910 г. – важному периоду его жизни, когда он, все еще не уходя совсем от проблем минералогии и кристаллографии, начинает все большее внимание уделять проблемам химии и радиоактивности Земли (геохимии и радиогеологии). В Приложениях к ней впервые публикуются дневник Вернадского за 1910 год и «Хронология 1910 года», а также другие материалы, имеющие отношение к тому времени. Все они снабженные информационно-справочными примечаниями.

Рецензенты:
доктор географических наук В.Г. Линник,
кандидат геолого-минералогических наук С.Б. Самаев

ISBN 978-5-6056085-7-8

© Е.П. Янин, 2026

Когда пытаешься набрасывать
дневник впечатлений и виденного –
чувствуешь бесконечное.
Ибо не бумагой отражаются
незаметные частички пережитого.
Всюду чувство бесконечности.
В.И. Вернадский, 5 февраля 1910 г.

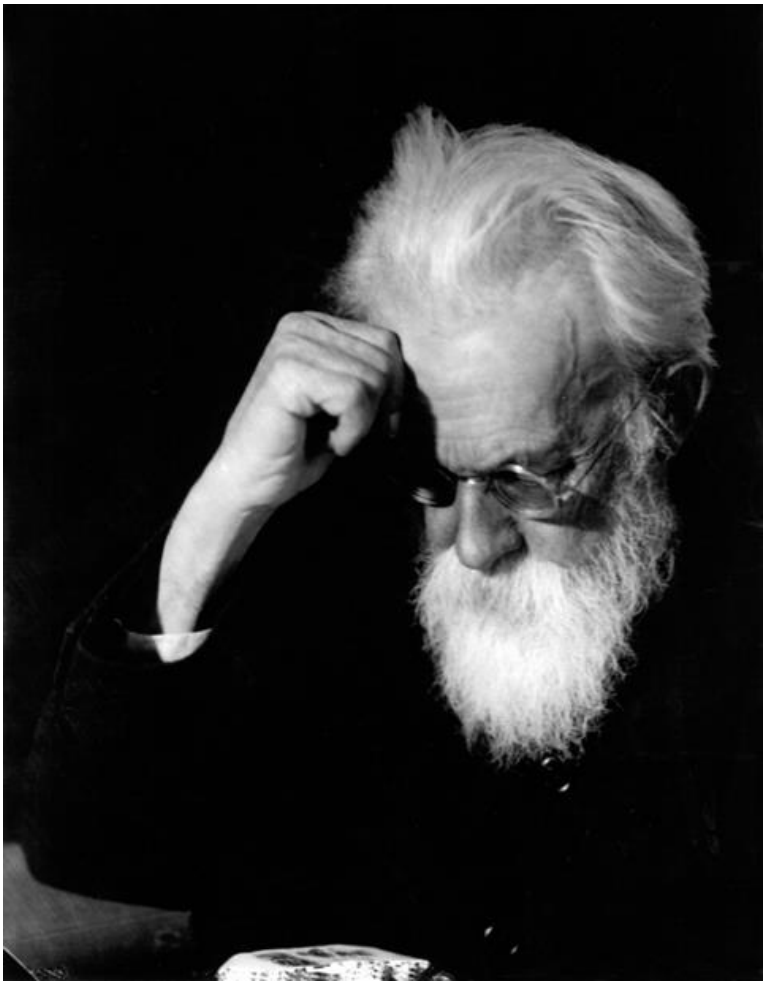
Чувство бесконечности
и безначальности мышления мною
и сейчас чрезвычайно ярко чувствуется.
В.И. Вернадский, 6 декабря 1944 г.

ОТ АВТОРА

Книга посвящена жизни, деятельности и творчеству академика Владимира Ивановича Вернадского в 1910 году – важном периоде его жизни, когда он, все еще не уходя совсем от проблем минералогии и кристаллографии, начинает все большее внимание уделять проблемам химии и радиоактивности Земли (геохимии и радиогеологии). Это также был последний год педагогической деятельности ученого – в феврале 1911 г. он ушел из Московского университета, переехал в Санкт-Петербург и практически полностью отдался работе в Академии наук.

В книге рассматривается участие Вернадского в организации и работе XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей, на котором он выступил с речью «Парагенезис химических элементов в земной коре», опубликованной 4 января 1910 г. и положившей начало новой «эпохи в минералого-геохимических науках». Рассказывается о его работе в Московском университете (организационно-педагогическая деятельность, курсы лекций, Минералогический кабинет, Минералогический кружок, Комиссия для организации чествования памяти М.В. Ломоносова, Московское общество испытателей природы), в Императорской Академии наук (участие в заседаниях Академии наук, руководство Минералогическим отделением Геологического музея, Ломоносовская комиссия Академии наук, подготовка и издание под эгидой Академии наук очередного выпуска «Опыта описательной минералогии», Радиевая комиссия), педагогическая и ученая деятельность в

других учебных и научных организациях (Московские высшие женские курсы, Геологический комитет, Комиссия по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды), общественно-политическая деятельность (Государственный совет Российской империи, земская деятельность, конституционно-демократическая партия, Комитет по устройству чествования Т.Г. Шевченко по случаю 50-летия со дня смерти поэта, Общество распространения технических знаний, Общество содействия внешкольному образованию в Москве, Общество единения народностей России, Московское общество народных университетов, Комитет славянской взаимности, Общество славянской культуры), о его жизни в Вернадовке летом 1910 г. и поездке на фосфориты в Пензенскую губернию. Завершается книга рассказом об участии Вернадского в торжественном публичном заседании Академии наук 29 декабря 1910 г., где на него, говоря его словами, «выпала обязанность произнести ежегодную речь по существовавшему тогда старому обычаю» и он «выбрал темой: “Задача дня в области радия”, где <…> пытался дать понятие об основном значении в геологической истории нашей планеты радиоактивной энергии. Как следствие этого вытекало основное значение химических элементов в геологии нашей планеты и, очевидно, всех планет – значение геохимии».

В.И. Вернадский (1863–1845)

В Приложениях к книге впервые публикуются дневник Вернадского за 1910 год и «Хронология 1910 г.», а также некоторые другие

материалы, имеющие отношение к тому времени, которые снабженные информационно-справочными примечаниями.

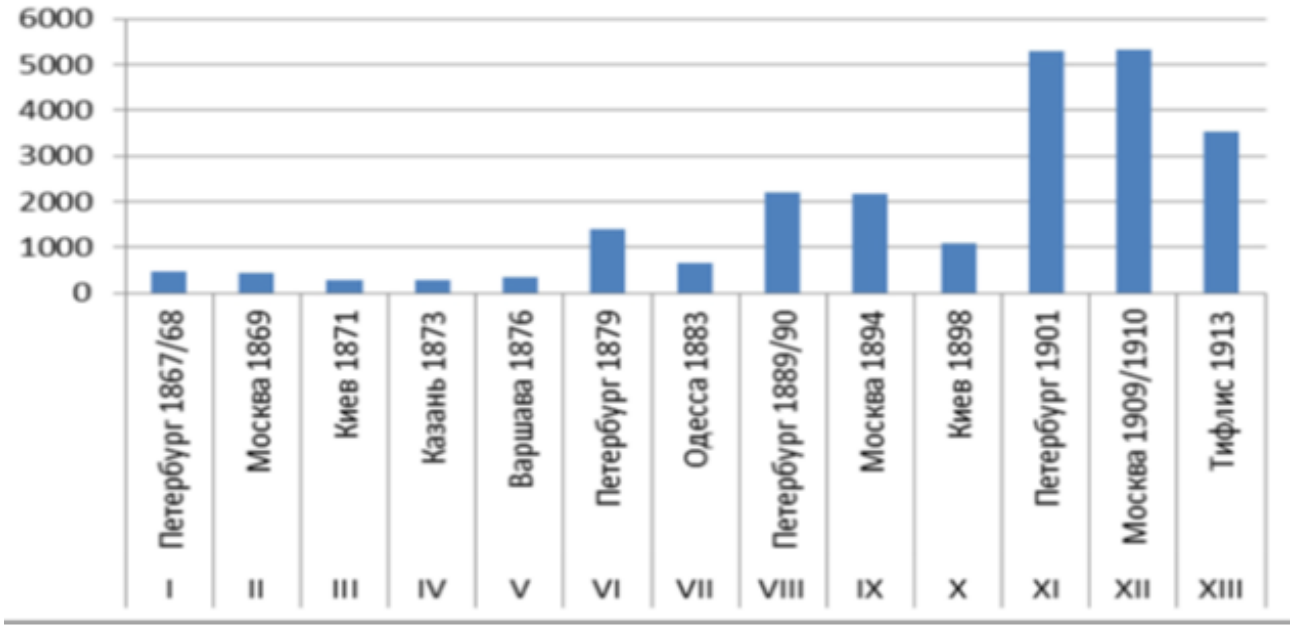
Книга подготовлена в рамках государственного задания Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук (тема FMMZ-2024-0039, Группа «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы»). Она является логическим продолжением ранее опубликованных автором работ, посвященных жизни, деятельности и творчеству Владимира Ивановича Вернадского [567–571, 573–575] [1].

Е.П. Янин, канд. геол.-мин. наук,
руководитель Группы «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы», Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН

[1] В используемых в основном тексте книги цитатах и архивных материалах авторские подчеркивания выделены *курсивом*; неразборчиво написанные слова помечены как <нрзб>, условно расшифрованные слова даны как <нрзб?>; части недописанных и сокращенных слов приведены в [квадратных скобках]. Пропуск текста в цитатах и архивных материалах обозначен как <…>. Пропущенные слова и слова, введенные (в редких случаях) автором книги для лучшего понимания смысла, заключены в <угловые скобки>. Цифры в основном тексте книги, ограниченные [квадратными скобками], служат отсылкой к соответствующему библиографическому источнику, помещенному в списке литературы. Иллюстрации, приводимые в книге, в основном взяты из свободного доступа в сети Интернет, некоторые – из архива Мемориального кабинета-музея В.И. Вернадского при ГЕОХИ РАН.

НАЧАЛО ГОДА.
XII СЪЕЗД РУССКИХ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ

Новый 1910 год начался для В.И. Вернадского участием его в работе XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей, который проходил с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. в Москве и был самым многолюдным (5309 членов) из всех, состоявшихся ранее съездов.

Число зарегистрированных участников съездов русских естествоиспытателей и врачей [336]

Съезды русских естествоиспытателей и врачей – крупнейшие в Российской империи форумы ученых естественнонаучных направлений (химиков, биологов, физиков, географов, медиков, физиологов и др.). Первый из них состоялся в Санкт-Петербурге в 1867 г. и многими историками науки справедливо считается крупным событием в истории культурного прогресса России; последний – XIII-й по счету – в июле 1913 г. в Тифлисе (Тбилиси). Съезды с первого (1867) по четвертый (1873) назывались «Съезды русских естествоиспытателей» (без прибавления слова «врачей», которое появилось в официальных названиях форумов лишь начиная с V-го съезда). В истории развития естествознания в России они сыграли выдающуюся роль [2].

[2] См. о съездах [336, 458, 490].

Вернадский придавал Съезду очень большое значение. В небольшой, но емкой статье, опубликованная в день открытия Съезда в газете «Речь», он писал [96]: «28 декабря в Москве собирается XII съезд русских естествоиспытателей. Долгие годы не мог он собраться [3]. В эти годы не только русская история сделала бесповоротный шаг к новому, но и в мировом научном движении совершились события величайшей важности – происходит полная революция в представлениях о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни. Явления радиоактивности, начатки воздухоплавания, опытный метод в биологических науках пустили за это время глубокие корни, и их ростки мы чувствуем всюду кругом: они все изменяют в сложившемся с XVII века научном мировоззрении. Мы переживаем теперь более глубокие изменения картины мира, чем те, которые были даны в течение всего XIX столетия со всем блеском его кипучей умственной деятельности. Перед нами открываются горизонты негаданные – даже в самых смелых и фантастических утопиях будущего» [96]. Вернадский считал, что «в истории русской науки наступил момент исторической важности. Она должна завершить двухвековую свою работу последним штрихом. Она должна быть *сознана* в своем *мировом значении* русским обществом и самими русскими учеными» [96], тем более, что «то, что было создано *русским* обществом в литературе, музыке и искусстве, давно уже оценено и понято. Но до сих пор не оценена и не понята огромная творческая работа русских ученых, непрерывно блестяще развивающаяся в течение последнего полустолетия. А между тем по величине и по культурному значению она может и должна быть поставлена наравне с другими, всем ясными созданиями нашего национального гения» [96]. Он надеется, что предстоящий Съезд «может ускорить проникновение этого сознания в русское общество. Русские ученые должны понять свою силу, русское общество и правительство обязаны сознать ту национальную ценность, какою является научная работа России, русская научная деятельность. <…> Поймут ли это русские ученые – покажет начинающийся съезд» [96].

[3] XI Съезд русских естествоиспытателей и врачей состоялся 20–30 декабря 1901 г. в С.-Петербурге. Вернадский принимал в нем участие, но, как он написал жене 28 декабря 1901 г., «съезд малоинтересен: для меня были только любопытны свидания с людьми, но так много на это тратить времени я не люблю. А еще многих не видел» [145, с. 68].

Председателем XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей был избран Д.Н. Анучин, его товарищами (заместителями) – И.П. Павлов и И.И. Бергман.

Участие В.И. Вернадского в работе Съезда

Организацией Съезда занимался Распорядительный комитет (председатель Д.Н. Анучин, товарищ председателя А.П. Павлов, делопроизводители – Э.Е. Лейст и Г.А. Кожевников). В его составе – более 50 видных деятелей отечественного (и не только) естествознания того времени, включая В.И. Вернадского, а также Московский городской голова Н.И. Гучков и Московский губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин [213].

На Съезде работали секции математики, физики, физической географии и метеорологии, химии, минералогии и геологии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека и животных, географии, этнографии и антропологии, агрономии, научной медицины и гигиены. Многие секции включали подсекции. Профессор Вернадский – заведующий (председатель) Секции минералогии и геологии, его заместитель – В.Д. Соколов, секретарь Секции – А.В. Павлов, помощники секретаря – Н.Н. Боголюбов и В.В. Карандеев. Секция включала 5 подсекций: минералогии, петрографии и кристаллографии (зав. Вернадский), геологии (зав. А.П. Павлов), палеонтологии (зав. М.В. Павлова), прикладной геологии (зав. В.Д. Соколов), педагогических вопросов (зав. К.О. Висконт).

В Большом зале Дома Благородного собрания состоялись три общих заседания Съезда (28 декабря 1909 г., 2 января и 6 января 1910 г.).

На открытии Съезда – 28 декабря – Д.Н. Анучин в своей речи «Русская наука и съезды естествоиспытателей» рассмотрел более чем тридцатилетнюю историю съездов русских естествоиспытателей и врачей, отметил, что они по праву называются праздником науки и являются смотром «русской науки, русского естествознания перед наукой всего человечества, перед культурными задачами нашей собственной страны, перед нами самими – работниками на ниве русского просвещения» [214, с. 3], а также подчеркнул, что предстоящий Съезд является «одним из средств взаимного духовного воздействия в интересах науки и преподавания» [214, с. 18]. Любопытно отметить, что в своей речи Анучин отчасти повторил отдельные положения упомянутой

выше статьи Вернадского в газете «Речь». Так, например, у Вернадского читаем: «В царствование Александра I был расцвет естествознания в России <…> Волна великих путешествий по России <…> по инициативе гр[афа] Румянцева перелилась в кругосветные плавания» [96]. У Анучина: «Эпоха Александра I <…> отмечена многими прогрессивными чертами и в истории русского естествознания. <…> состоялся ряд замечательных экспедиций, в том числе несколько кругосветных – на средства графа Румянцева…» [14, с. 4]. И вслед на Вернадским призовет участников Съезда проникнуться «убеждением, что мы в совокупности составляем важный фактор в культурном развитии нашей страны, что мы – одна из сил, без которой не мыслим ее прогресс, ее успехи в цивилизации…» [14, с. 18]. Затем с докладом «Естествознание и мозг» выступил академик И.П. Павлов [214]. Были также заслушаны многочисленные приветствия Съезду, а профессор Н.Г. Егоров произнес речь «Пятьдесят лет спектрального анализа». Вернадский, безусловно, присутствовал на этом Общем заседании Съезда.

Москва, Дом Благородного собрания, 1907 г.

Кратко остановимся на других научных событиях и мероприятиях Съезда, участником которых был или мог быть Вернадский [4].

[4] Вернадский, несомненно, участвовал и в заседаниях Распорядительного комитета Съезда, которые собирались во время его прохождения (например, 1

Так, 28 декабря в 8 часов вечера в Актовом зале Московского университета свою работу начала (под председательством Вернадского) Секции геологии и минералогии [214]. Заседание открылось его речью «Парагенезис химических элементов в земной коре», о содержании и значении которой будет рассказано ниже.

29 декабря в Минералогическом кабинете Московского университета состоялось заседание подсекции минералогии (зав. Вернадский). С докладами выступили Д.Н. Артемьев («Метод кристаллизации шаров и его значение для решения некоторых вопросов кристаллографии»), С.А. Вейберг [5] («Многогранники роста, растворения и регенерации калиево-алюминиевых квасцов в водных растворах хлористого водорода»). Вернадский сделал замечаниям по обоим докладам [215]. В частности, относительно доклада Вейберга он отметил: «Много лет назад в Минералогическом кабинете Московского университета были сделаны многочисленные опыты над кристаллизацией калийных алюминиевых квасцов ныне умершим А.А. Ауновским. Работа велась для проверки старинных указаний, что химически чистые квасцы дают только плоскости {111}. После многократных кристаллизаций не удалось получить чистые {111}, но в начале появлялись площадки {100} и {110}. В последних фракциях {110}

Значок члена XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей

января 1910). Добавим также, что участниками Съезда были ученики и сотрудники Вернадского.

[5] О С.А. Вейберге см. Приложение 4.

исчезали. Удалить {100} не удалось. Кристаллизация велась при комнатной температуре» [217, с. 173–174].

30 декабря в 9:30 утра открыла свою работу подсекция палеонтологии, перед началом которой Вернадский сообщил, что получено приветственное письмо от А.А. Иностранцева и приветственная телеграмма от П.Я. Армашевского [216]. В этот же день в Актовом зале Московского университета состоялось заседание подсекции минералогии. С докладом «Новейшие успехи в определении плотностей сеток граней и значение таких определений в связи с правильной установкой кристаллов» выступил Д.Н. Артемьев [216]. Одно замечание к этому докладу было сделано Вернадским. После перерыва Д.Н. Артемьев, Ю.В. Вульф и А.Е. Ферсман демонстрировали новые методы измерения, вычисления и черчения кристаллов. Вернадским выразил пожелание о переходе при измерении кристаллов на теодолитный метод [6].

В этот же день, вечером, в 19:30, в новой аудитории Политехнического музея началось соединенное заседание Съезда и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на котором (после перерыва) с докладом «Радиоактивность Земли» выступил А.П. Соколов [217].

Утром 31 декабря состоялось (оно продолжалось до 18:00) соединенное заседание секций физики и физической географии с Магнитной комиссией Академии наук [7]. Несколько докладов были посвящены земному магнетизму и организации магнитным съемок в России и за границей. И.И. Боргман сделал сообщение «О радиоактивности целебных грязей», в котором изложил результаты своих исследований. Ф.И. Индриксон выступил с докладом «Радиоактивность», а С.И. Залесский – «О наблюдениях над радиоактивностью боржомских минеральных вод» [219]. Все эти сообщения вполне могли заинтересовать Вернадского.

На заседании Секции минералогии и геологии, состоявшегося 1 января 1910 г. (началось в 10 часов утра) обсуждался проект устава «Русской Ассоциации для содействия развитию и распространению

---

[6] Идея применения теодолитного метода в минералогии впервые была публично заявлена Е.С. Федоровым в ноября 1889 на заседании С.-Петербургского минералогического об-ва, а сам метод подробно описан и в его книге [516]. В ней же Федоров изложил историю внедрения этого метода в минералогические и петрографические исследования.

[7] Магнитная комиссия организована 5 марта 1908 на заседании Физико-математического отделения АН, ее председатель – академик М.А. Рыкачев.

наук», предложенной на рассмотрение Распорядительным комитетом [221]. Соглашаясь в принципе с указанным проектом, Секция большинством голосов признала необходимым, чтобы для окончательной выработки устава Ассоциации был созван особый Съезд из представителей (с правом решающего голоса) всех русских естественнонаучных обществ.

В этом же день на заседании Секции минералогии Вернадский сделал замечания по докладу профессора В.И. Лучицкого «Рапакиви Киевской губ. и породы его сопровождающие» [220]. Замечания, очевидно, были не случайными, поскольку с рапакиви (разновидностью гранита) Вернадский был хорошо «знаком» еще со времен своих естественно-научных экскурсий в Выборгскую губернию в 1885 и в 1886 г. [574].

Вернадский, судя по всему, присутствовал и на втором Общем собрании Съезда, состоявшегося 2 января (началось в 13:30) в Большом зале Дома Благородного собрания, на котором выступили с докладами И.И. Боргман («Свет и электричество»), Б.Ф. Вериго «Роль азота в обмене веществ животного организма») и В.Я. Данилевский («Основной физиологический закон ума и воли»), а также рассматривались различные текущие дела [218].

3 января 1910 г. в Актовом зале Московского университета состоялось соединенное заседание Секции минералогии и геологии с Секцией агрономии (началось в 10 утра), на котором были заслушаны сообщения Я.В. Самойлова («Организация работ по исследованию фосфоритов»), С.П. Кравкова («К вопросу о происхождении фосфоритов»), В.Н. Чирвинского («О цементе фосфоритов»), В.П. Прохорова («К геологии вечной мерзлоты»), В.А. Димо и А.Д. Архангельского («Демонстрация почвенных и геологических карт Вольского и Хвалынского уезда Саратовской губ. как иллюстрация связи между почвенными и геологическими исследованиями») [218].

Вечером 3 января в Большой аудитории Политехнического музея состоялось соединенное заседание Съезда и Московского общества испытателей природы [219]. Президент МОИП Н.А. Умов, приветствуя членов Съезда, указал на великий рост естествознания и «выразил мысль, что сила естествознания, принесшего человечеству столько материальных и духовных благ, кроется в доверии к самому дивному произведению природы – человеческому разуму» [418, с. 1]. С докладами выступили: П.И. Вальден («25-летие теории электрической диссоциации и неводные растворы»), А.Н. Северцов («Эволюция и

эмбриология») и Н.А. Морозов («Эволюция вещества на небесных светилах»).

4 января (в 18:00) Вернадский председательствовал на заседании Секции минералогии и геологии, на котором были заслушаны и разрешены некоторые текущие вопросы [221]. Так, Н.И. Криштафович доложил отчет по изданию журнала «Ежегодник по геологии и минералогии России». Единогласно было принято решение о необходимости дальнейшего издания этого журнала. В.В. Аршинов и И.А. Богашев внесли предложение о необходимости создания «центрального библиографического учреждения для научных работ по естествознанию и географии». Собрание, одобряя основную идею этого предложения, признало желательным рассылку его по всем естественнонаучным обществам страны для заключения. Вечером этого же дня (в 19:30) началось заседание подсекции минералогии [221]. Были заслушаны доклады С.А. Вейберга («Об искусственных содалитах»), Я.В. Самойлова («О значении вегетационных опытов в минералогии») и А.Е. Ферсмана («Об уэллсите и цеолитах Крыма»).

5 января 1910 г. на заседании подсекции минералогии (началось в 9:30 утра) в Геологической аудитории Московского университета Вернадский выступил с докладом «О применении закона Ле Шателье-Джиббса к явлениям кристаллизации» [219]. Краткое содержание (тезисы) этого доклада были опубликованы в «Дневнике XII съезда» [106]. В своем докладе Вернадский указал, что до сих пор к явлениям кристаллизации применялись правило фаз и учение о свободной энергии, которые, однако, не охватывают всего явления, поскольку ими почти не предусматривается выделение энергии, постоянно наблюдаемой в явлениях кристаллизации. Оно охватывается принципом Ле Шателье-Джиббса, который указывает на то, что во время кристаллизации должна выделяться та энергия, обратное изменение которой вызывает явления кристаллизации. Эти явления складываются: 1) из выпадения твердой фазы, 2) изменения облика и типа кристалла (рост кристалла), 3) изменения формы кристаллизации. Все эти части процесса кристаллизации, очевидно, могут сопровождаться выделением или изменением энергии в окружающей среде. Вернадский полагает, что можно предвидеть, какие изменения энергии в окружающей среде будут происходить в зависимости от роста кристалла и формы кристаллизации. По его мнению, они будут обратны тем, которые влияют на изменение формы кристаллизации и рост кристалла. Таковы по наблюдениям многочисленных наблюдателей: 1) изменение температуры, 2)

изменение давления, 3) капиллярные силы, 4) изменение электрического поля. Менее ясны указания на влияние магнитного поля и света. С другой стороны, подчеркивает Вернадский, мы знаем, что при кристаллизации: 1) выделяется теплота (и поглощается?), 2) происходит механическая работы (опыты Спринга, наблюдения минералов, движение ледников, процессы в <геологических> жилах), 3) выделяется свет, 4) выделяется электричество. Он приходит к заключению, что в этой области необходимы конкретные наблюдения и, в частности, принцип Ле Шателье позволяет проверить, в чем состоит явление кристаллолюминисценции [8]. Если это световое явление, то вещества, его показывающие, должны изменять форму кристаллизации или рост на свете и в темноте. Если это явление электрическое, то тоже изменение должно происходить при кристаллизации в электрическом поле [9]. Выступивший позже Ю.В. Вульф указал, что было бы желательно, чтобы идеи, положенные в основу доклада Вернадского, получили количественное развитие. П.Н. Чирвинский отметил, что принцип Ле Шателье-Джиббса применим к эвтектикам и имеет большое значение в процессе отвердения небесных тел [221].

На этом же заседании свои доклады представили три ученика Вернадского: В.В. Карандеев («Вращение плоскости поляризации в двухосных кристаллах»), Б.А. Линденер («К вопросу о свечении кристаллов») и А.Е. Ферсман («О характере природных плоскостей кристаллов»). По поводу доклада Б.А. Линдера Вернадский высказал следующие пожелания: «1. Необходимо, чтобы при исследовании триболюминисцирующих [10] веществ обращалось внимание на существование или отсутствие в них центра симметрии. Увеличение среди них % <доли> веществ, не обладающих центром симметрии, очевидно, не случайно. Исследования, сделанные в нашем <Минералогическом>

---

[8] Кристаллолюминисценция (crystaloluminescence) – необычное свечение кристалла, которое начинается под воздействием ультрафиолета; холодное свечение вещества.

[9] В Мемориальном кабинете-музее академика В.И. Вернадского при ГЕОХИ РАН сохранилась машинописная копия черновика этой речи Вернадского, которая публикуется ниже (см. Приложение 3).

[10] Триболюминесценция (от греч. τρίβω – тереть и люминесценция) – свечение некоторых твердых тел, возникающее при их растирании или измельчении. Механизм ее не установлен; чаще всего триболюминесценцию связывают со свечением микроскопических электрических разрядов, сопровождающих раскалывание вещества.

Кабинете, над веществами, триболюминисцирующими и относимыми к классам с центром симметрии, показали, что центра симметрии в них нет. Списки Чугаева, Трейца, Жернеза и подготовляемый список минералов Линденера дают удобную почву для этих исследований. 2. Необходимо обратить внимание на классы, в которых кристаллизуются соединения, заключающие UO_2 <диоксид урана>. Они триболюминисцируют, м[ожет] б[ыть], всегда. Желательно выяснить, всегда ли в них отсутствует центр симметрии» [221, с. 485–486]. В конце заседания подсекции профессор Б.К. Поленов от лица присутствующих выразил глубокую благодарность Бюро подсекции минералогии в лице В.И. Вернадского, В.В. Карандеева и А.Е. Ферсмана за их труды по демонстрации Минералогического кабинета, а также представителям учащейся молодежи, несшим невидную, но нужную работу в подсекции. Вернадский от имени подсекции благодарил иногородних членов Съезда и выразил пожелание, чтобы следующий съезд собрался возможно скорее. Эти слова были встречены единодушными аплодисментами.

В этот же день, 5 января, в 19:30 в Актовом зале Московского университета началось соединенное заседание Московского общества испытателей природы с секциями минералогии и геологии, географии, этнографии и антропологии с подсекцией почвоведения [214]. С докладами выступили Н.И. Криштафович («О послетретичном ледниковом периоде в Европе и С. Америке»), В.Ч. Дорогостайский («Зоологические и географические исследования в сев.-зап. Монголии в 1905, 1907 и 1908 гг.»), Б.Б. Полынов («Особенности условий выветривания и почвообразования в Амурской области» и А.П. Павлов («О древнейших на Земле пустынях») [418].

Надо отметить, что во время Съезда работали выставки физических и научных приборов и аппаратов таких фирм, как «Карл Цейс», «Рейнигер» («Reiniger»), «Сименс и Кальске» («Siemens and Galske»), «Ф. Швабе», «Е.С. Трындина С-вей», «Липшиц и Лифшиц». Была также организована выставка книг по естествоведению. Есть все основания полагать, что Вернадский посетил многие из них. Для осмотра был также открыт (31 декабря 1909 г. и 3 января 1910 г. с 12:00 до 16:00) Минералогический кабинет Московских высших женских курсов.

6 января 1910 г. в Большом зале Дома Благородного собрания в 13:30 началось третье Общее заседание Съезда, на котором были заслушаны доклады Ф.Н. Чернышева («О климатах в минувшие

геологические эпохи»), А.А. Эйхенвальда «Материя и энергия») и А.А. Чупрова («О новых течениях теоретической мысли в статистике»), отчет делопроизводителя Съезда, рассмотрены текущие дела, а также объявлено о закрытии Съезда. [220].

Как уже отмечалось выше, на Съезде рассматривался вопрос об учреждении «Русской ассоциации для содействия развитию и распространению знаний» (активным сторонником создания которой был и Вернадский). Вопрос этот обсуждался не в первый раз. Так, еще в 1869 г. на II Съезде русских естествоиспытателей геолог, профессор Г.Е. Щуровский (1803–1884) предложил создать Товарищество русских естествоиспытателей [557. с. 68]. Затем вопрос о создании «Русской ассоциации» вновь был поднят в 1890 г. на УШ Съезде русских естествоиспытателей и врачей, по поручению которого зоолог, один из основателей российской антропологии, профессор Московского университета (с 1867), член-корреспондент Петербургской академии наук (1890) А.П. Богданов (1834–1896) разработал детальную структуру будущей организации [41].

На заседании Распорядительного комитета XII Съезда, состоявшегося 24 декабря 1909 г., Д.Н. Анучин доложил о современном положении дела по вопросу об устройстве указанной Ассоциации, а также предложил «Краткий проект или основы проектируемой “Русской ассоциации для содействия развитию и распространению науки”», который был одобрен Комитетом и вынесен на обсуждение XII Съезда и его секций [214]. 1 января Совет XII Съезда, обсудив вопрос об учреждении Ассоциации и выслушав заявления по этому вопросу девяти секций Съезда, постановил одобрить в принципе предложение Распорядительного комитета и избрать Комиссию (из семи человек) для выработки основных положений проекта. В указанную Комиссию большинством голосов были выбраны Д.Н. Анучин, А.В. Васильев, И.И. Боргман, Б.Ф. Вериго, В.И. Вернадский, В.М. Шимкович и С.И. Залеский. Комиссия в тот же день рассмотрела проект Ассоциации и выработала ее основы [218]. Было отмечено, что «Ассоциация ставит себе задачей содействовать всеми, располагаемыми ею, силами и средствами развитию и распространению теоретического и прикладного естествознания, математики, географии, теоретической медицины и наук, с ними соприкасающихся» [218, с. 214]. Выработка подробного устава Ассоциации и представление его на утверждение поручили Совету XII Съезда, который получил права Совета Ассоциации впредь до выбора нового на следующем первом общем Собрании Съезда

естествоиспытателей и врачей. Надо заметить, что к вопросу об Ассоциации обращались еще не раз, но лишь 31 мая 1916 г. устав Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей был утвержден министром народного просвещения, а 5 октября 1916 г. состоялось заседание Совета Объединения, в состав которого вошли члены Совета XП Съезда русских естествоиспытателей и врачей [257]. Вернадский был избран членом Правления Объединения и его Совета. С 20 по 24 августа 1917 г. в Москве прошел Организационный съезд Ассоциации [382]. Увы, но известные события октября 1917 г. так и не дали осуществиться планам Ассоциации.

Надо отметить, что в Минералогическом кабинете Московского университета находилась выставка изданий Геологического комитета, которая состояла из изданных им сочинений по геологии России («Труды», «Известия», работы сибирских горных партий [11], а также геологические карты, изданные комитетом в последние годы). Кроме того, был также представлен полный комплект журнала «Ежегодник по геологии и минералогии России», доставленный его Редакцией из г. Ново-Александрии Люблинской губернии [216]. Эти выставки, безусловно, не обошлись без участия Вернадского.

26 января 1910 г. Вернадский записал в своем дневнике: «Вечером окончательное заседание бюро съезда: М.В. и А.П. Павловы, А.В. Павлов, В.В. Карандеев, Ник[олай] Ник[олаевич] Богол[юбов]» [12]. Речь явно идет о заседании Бюро секции геологии и минералогии XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей, который завершился 6 января 1910. Судя по всему, на этом заседании подводились итоги работы указанной Секции.

Отклики на Съезд в печати

XП Съезд русских естествоиспытателей и врачей вызвал определенный (но довольно разный по оценке) интерес у широкой публики,

[11] Еще в 1893 при проектировании и строительстве Сибирской железнодорожной магистрали были созданы три «сибирские горные партии», общее руководство которыми осуществлял Геологический комитет: Западно-Сибирская, Средне-Сибирская и Амурская. Несколько позже появились Забайкальская горная партия и Кругобайкальская горная партия. Маршрутные геологические карты вдоль трассы стали основой для площадного исследования регионов.

[12] См. Приложение 2.

о чем свидетельствует анализ опубликованных в некоторых газетах того времени материалов, выполненный З.А. Платоновой [405, с. 125–128]. Так, 29 декабря 1909 г. в газете «Русские ведомости» [13] была помещена статья, в которой сообщалось не только о торжественном открытии Съезда, но и рассказывалось о предварительном (27 декабря 1909 г.) собрании членов «для взаимного ознакомления». Оно проходило в ресторане Большой Московской гостиницы. Событие оказалось настолько массовым, что были заполнены «не только белая зала (ближайшая к Тверской), но и все прочие залы ресторана». Автор статьи упомянул также, что Секция физики была вынуждена перейти в трактир, находящийся неподалеку в Верхних торговых рядах (сейчас ГУМ) «Мартъянычъ», где позже собралось около 150 человек. Сообщалось также, что вечером того же дня в ограниченном тираже вышел первый дневник съезда с программой общих, соединенных и секционных заседаний. Затем рассказывалось об открытии Съезда и первом его Общем собрании, к началу которого «зала вполне наполнилась, а также проходы за колоннами и хоры, и дальнейший впуск публики полицией был ограничен», были перечислены выступившие докладчики с кратким изложением их речей, а также реакцией публики. Автором газетной статьи особо было отмечено, что речь академика И.П. Павлова «Естествознание и мозг», краткое содержание которой было отражено в статье, «вызвало шумные аплодисменты». Также было предоставлено слово московскому городскому голове Н.И. Гучкову, который «выразил удовольствие, что в Москве собралось значительное число ученых и преподавателей», приветствовал Съезд от города Москвы и «принес пожелание наилучшего успеха его деятельности». В публикации отмечено, что на первом Общем собрании Съезда его Распорядительный комитет особое внимание уделил вопросу организации Ассоциации русских естествоиспытателей и врачей, который не раз поднимался на проведенных ранее съездах, но из-за отсутствия единого мнения о целях и форме организации Ассоциации так и не был решен.

31 декабря 1909 г. в «Русских ведомостях» была помещена информация о соединенном собрание Императорского Общества любителей

[13] Общественно-политическая газета «Русские ведомости» выходила в Москве с 1863 по март 1918, первоначально до 1868 – три раза в неделю, затем ежедневно. С 1905 газета была идейно близка Конституционно-демократической партии и Партии демократических реформ. В числе сотрудников и авторов – многие профессора Московского ун-та.

естествознания, антропологии и этнографии со Съездом, которое прошло в новой аудитории Политехнического музея, вместимостью 1000 человек. Сообщалось, что зала была переполнена, а прения по докладам продолжались «почти до 12 часов».

В газете «Русские ведомости» в № 2 за 1910 г. вышла большая статья, в которой рассказывалось о Съезде. Достаточно подробно описывались заседания разных секций и подсекций с кратким содержанием докладов. Отмечалось, что на втором Общем собрании было оглашено решение Совета Съезда по поводу вопроса об учреждении Ассоциации русских естествоиспытателей и врачей: «Совет отнесся к этому вопросу сочувственно и избрал из своей среды комиссию для выработки кратких основ проекта». Комиссия «исполнила порученную ей задачу в тот же день и выработала краткие положения Ассоциации».

Большая Московская гостиница («Гранд-отель»), фото начала XX в. [14]

[14] Она находилась в районе Охотного Ряда, главный фасад ее выходил на Воскресенскую площадь (ныне Площадь Революции). Построена в конце XIX в., считалась одним из самых комфортабельных и роскошных заведений своего времени. Здесь останавливались иностранные гости, представители высшего общества, купцы. Ее ресторан пользовался особой популярностью, в том числе у представителей творческой интеллигенции. В 1930-х в рамках реконструкции центра Москвы и строительства гостиницы «Москва» старая гостиница была снесена

В номере этой же газеты от 5 января 1910 г. описывался ажиотаж вокруг соединенного заседания Съезда и Московского общества испытателей природы: «не только все места были заполнены, но публика густыми рядами стояла на всех проходах, а средние прохода сверху донизу были заняты сидящими фигурами. Многие не могли попасть в залу; внизу, у входа в раздевальню, стояла густая толпа, чающих каким-нибудь путем получить повестку. Наряд городовых стоял на лестнице, сдерживая толпу». В № 5 за 1910 г. в газете «Русские ведомости» относительно заключительного (3-го) Общего собрания Съезда, состоявшегося 6 января, было отмечено, что «все места в зале были заняты, но уже той духоты и чрезмерной давки, как на первом общем собрании, нет». На заключительном собрании были подведены итоги Съезда, рассмотрен окончательный вариант положения о «Русской Ассоциации для содействия развития и распространения знаний», которое было принято единогласно. Распорядительный комитет также выразил благодарность городу Москве, Московскому университету и Политехническому музею за всевозможную помощь в организации Съезда.

З.А. Платонова подчеркивает, что в целом газета «Русские ведомости» довольно подробно освещала события XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей, особое внимание уделяя научной составляющей съезда и предоставляя читателям возможность ознакомиться с кратким содержанием научных докладов.

Газета «Московские ведомости» [15] довольно скупо (и, можно сказать, несколько тенденциозно) освещала работу XII Съезда. Например, в небольшой статье (в № 297 за 1909 г.), посвященной его открытию, упор главным образом был сделан на большом столпотворении: «обширный Колонный зал был битком набит, равно как и хоры. Одно время было сделано распоряжение не впускать более членов <Съезда> в залы собрания. Это распоряжение вызвало взрыв негодования среди подъезжавших и подходивших членов; бросались от одного подъезда к другому, кричали, ломились в двери, но ничто не помогало. У главного подъезда образовалась большая толпа; пришлось вмешаться

(окончательно это произошло в 1976 при достройке второй очереди гостиницы «Москвы»).

[15] Газета «Московские ведомости» выходила в Москве в 1756–1917, периодичность первоначально составляла два номера в неделю, в 1842–1859 – три, затем ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней (всего до 330 номеров в год). С начала XX в. – крайне правое издание.

полиции, чтобы воспрепятствовать чрезмерному скоплению толпы. После довольно продолжительного времени одному врачу удалось пройти в залы собрания через депутатский проезд и осведомить распорядителей съезда, мирно заседавших на эстраде, с беспорядком. Врач указал на пустующие боковые залы, в которые могли бы быть допущены запоздавшие члены съезда. Это подействовало на распорядителей, и после двери собрания снова открылись для участников съезда». В статье также сообщалось, что «при чрезмерном скоплении в Колонном зале, при шуме, все время царившем в боковых залах, немногие могли расслышать, что говорилось с кафедры почтенными учеными». В дальнейших выпусках «Московских ведомостей» давались только очень краткие выжимки из выступлений на секционных заседаниях Съезда и лишь в номере № 5 за 1910 г. вышла статья, посвященная его закрытию, в которой говорилось, что «собрание было многолюдным, но далеко не в такой степени, как при открытии съезда».

Более холодную (местами даже язвительную) реакцию вызвало открытие Съезда в газете «Русское слово» [16]. Так, в одной из опубликованных в ней статей указывалось, что «вполне понятно поэтому, почему на нынешний съезд, на его торжественное открытие могло собраться свыше 6000 человек и перенести всю тяжесть пребывания в толкотне и сутолоке <...> наша публика всегда любила открытие съездов, более, чем заседания секций». Автор этой газетной публикации даже выразил мнение, что «в условиях вчерашнего “открытия” было столько препятствий к тому, чтобы сделать его интересным для большой публики общих собраний, что едва ли можно говорить об интересе этого собрания. Чрезмерный наплыв публики <...> привел к тому, что ни одного сообщения, ни одного доклада не слыхали даже на самой эстраде. Да, в сущности, доклады-то эти для большой публики едва ли могли быть доступны и интересны». В последующих публикациях «Русского слова» встречаются упоминания о секционных заседаниях, в которых просматривается скептическое отношение к содержанию докладов и сообщений, произнесенных на заседаниях: «С самого начала докладчик ничего не дал аудитории, кроме малопонятных формул и различных ссылок, начиная с Тейлора и кончая пророком Даниилом».

[16] Ежедневная политическая, общественно-экономическая и литературная газета умеренно либерального направления «Русское слово» выходила в Москве в 1895–1918.

В газете «Утро России» [17], по мнению З.А. Платоновой, внимания заслуживает статья от 6 января 1910 г., посвященная закрытию XП Съезда. В ней была напечатана Ода, в которой был высмеян научный труд в целом и научные съезды в частности: «... И все таблицы умноженья, каких не сочиняйте вы, и формулы, и выраженья один лишь звук пустой, увы!». Автор Оды посоветовал естествоиспытателям: «… оставьте ваши все науки, к труду прилаживайте руки...». Увы, но здесь мы явно имеем явление, которое Н.А. Бердяев [18] называл «агрессивным обскурантизмом», подчеркивая, что зависть к чужой творческой мысли всегда была одним из его движущих мотивов [38, с. 31].

В упомянутой выше статье Вернадского, опубликованной накануне Съезда русских естествоиспытателей и врачей (28 декабря 1909 г.), он задавался вопросом: «Будет ли этот съезд удачным?» [96]. Есть все основания считать, что Съезд был не просто *удачным*, но и сыграл важную роль в развитии многих направлений естествознания, а русские ученые, говоря словами Вернадского, поняли свою силу и осознали ту национальную ценность, какою является научная работа России и русская научная деятельность [19].

Парагенезис химических элементов в земной коре и начало новой «эпохи в минералого-геохимических науках»

Как было указано выше, 28 декабря 1910 г. на заседании Секции геологии и минералогии XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей Вернадский выступил с выдающейся по своему научному значению и последствиям речью «Парагенезис химических элементов в

---

[17] Ежедневная газета «Утро России», выражавшая интересы торгово-промышленных кругов, выходила в Москве в 1907–1918 (с перерывом в издании с 25 октября 1907 по 14 ноября 1909).

[18] Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, развивавший идеи экзистенциализма и персонализма. Выслан из Советской России в 1922.

[19] Вернадский явно высоко оценивал работу и итоги Съезда. Так, П.П. Пилипенко писал Вернадскому (3 марта 1910 г.) из Томска: «Прочитавши Ваше письмо, очень пожалел, что не поехал на Съезд. <…> Нельзя ли выслать мне протоколы заседаний по Отделению геологии и минералогии хотя бы? <…> У Вас, по-видимому, вводятся новые приемы исследования и преподавания, и мне очень хотелось бы ознакомиться с ними – это очень важно» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1272. Л. 68).

земной коре», которая была опубликована 4 января 1910 г. в 7 выпуске «Дневника XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей» [104] [20].

4 января. 1910 года.

ДНЕВНИКЪ

XII СЪѢЗДА

РУССКИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ

ВЪ МОСКВѢ

съ 28-го декабря 1909 г. по 6-е января 1910 г.,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПО ПОСТАНОВЛЕНІЮ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА СЪѢЗДА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. Н. КРАШЕНИННИКОВА.

№ 7.

Содержаніе: Постановленія Общаго Собранія. — Привѣтствія и телеграммы. — Протоколы засѣданій. — Программы на 4-е и 5-е января.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Рѣчь В. И. Вернадскаго.
» Д. Н. Прянишникова.
» А. Н. Сабанина.

В. И. Вернадскій.

Парагенезисъ химическихъ элементовъ въ земной корѣ.

Рѣчь при открытіи секціи геологіи и минералогіи 28 декабря 1909 г.

В начале своей речи Вернадский обратился к истории исследований химического состава земной коры, которые «начались на заре научной геологии» [104, с. 73]. Он отметил, что в XVIII столетии, когда понятие химического элемента не было еще выработано и не получило

[20] Практически сразу же она был напечатана отдельным оттиском в типографии Г. Лисснера и Д. Собко.

тех стойких и точных рамок, какие царили в течение всего XIX в., рядом исследователей уже ставились вопросы о химическом составе Земли. Среди них – Кронштедт, Валлерий, русский академик И.Ф. Герман («один из самых выдающихся минералогов конца XVIII столетия, точные и глубокие работы которого не потеряли своего значения до сих пор» [104, с. 73]), Лавуазье, Бойль. Между прочим, в своей речи Вернадский упоминает имена 43 (!) ученых разных стран и эпох [21].

В задаче химического познания земной коры, с исторической точки зрения, Вернадский выделил два основных направления, два «пути». Один из них – путь естественной истории, путь описательного естествознания, изучающего посредством наблюдения ход и свойства природного процесса, – состоял в изучении роли химических элементов в истории Земли. Другой путь – путь наук опытных, основанный на изучении свойств и взаимного положения химических элементов без всякого отношения к окружающей природе. Первый путь, базирующийся на данных минералогии, полученных еще «до создания идеи химических элементов», позволил заключить, что химические элементы («новые пришельцы в научную мысль») неодинаково распространены в земной коре. Уже в первой четверти XIX в. в науке поставлен был вопрос о причине этой неравномерности – связана ли она со свойствами элементов или с историей нашей планеты?

По мнению Вернадского, одними из первых, попытавшимися конкретизировать эти идеи, был (в 1816 г.) английский минералог У. Филлипс и особенно его соотечественник Генри де ла Беш, который в 1834 г. «из 50 элементов выдвинул 16, имеющих значение в истории Земли. Он полагал, что только O, Si, Al, Fe, Ca, Mg, Na, K, H, Mn, C, P, N, S, Cl и F должны приниматься во внимание – все же остальные – большинство элементов – по малой распространенности никакого значения на земле не имеют» [104, с. 75]. Несколько позже (в 1847 г.) французский геолог Эли де Бомон (стоявший «во многом впереди своего времени»), основываясь на работах де ла Беша, добавил к указанным выше 16-ти элементам еще четыре – Ti, Se, Br и J, а также развил идеи У. Филлипса о связи химических элементов земной коры с геологическими процессами и показал, что разные химические элементы строят

[21] Вернадский был убежден, что всякий исследователь «всегда должен знать прошлое своей науки, чтобы понимать ее настоящее. Только этим путем возможна правильная и полная оценка того, что добывается современной наукой, что выставляется ею, как важное, истинное или нужное» [113, с. 127].

или сопровождают кислые и основные магматические породы, определенные из них встречаются в вулканических эманациях, в горячих источниках, в коре выветривания, а геологическими процессами они разделяются и соединяются. Таким образом, отметил Вернадский, введя химические элементы в круг геологической истории, де Бомон указал, что, во-первых, парагенезис (т. е. закономерное совместное нахождение) их является отражением процессов внутренних слоев Земли, во-вторых, должен быть поставлен отдельно вопрос о распределении химических элементов земной коры и земного ядра. Именно Бомон, считает Вернадский, впервые поставив этот вопрос на научную почву, указал, что наибольшее количество химических элементов связано с гранитом и затем, «развивая идеи Филлипса, конкретно поставил перед нами вопрос о геологическом возрасте химических элементов *на земной поверхности* – о приходе их в определенные геологические эпохи из глубоких слоев земного шара. В блестящем анализе известных в его время фактов он связал их нахождение и распределение в земной коре с геологической историей расплавленных магм внутренних частей литосферы и указал на разделение их в магме, благодаря процессам кристаллизации, растворения, испарения – в зависимости от их химических свойств. Минералы, характерные для гранитных магм, для связанных с ними пегматитовых жил и конкреционных жил – трещин, образованы посредством внутренних вулканических эманаций, пневматолизом [22], где вода, фосфор, сера, хлор играют особую роль благодаря летучести их соединений и их легкой растворимости или разлагаемости, – это продукты гранитных фумарол» [104, с. 76]. Вернадский особо подчеркнул, что идеям Э. де Бомона «нельзя отказать в глубине и силе, к ним теснейшим образом примыкают наши современные воззрения» [104, с. 77].

Спустя примерно 25 лет после Э. де Бомона благодаря развитию спектроскопии [23] и астрофизики зародилось новое течение. «Это было осторожное возвращение к старым идеям изменчивости химических элементов, перехода их в более простые тела или другие элементы», причем эта идея – «идея изменчивости химических элементов впервые

[22] Пневматолиз – процесс образования минералов как в результате прямого отложения (возгонки) выделившихся из магмы газообразных летучих соединений или взаимодействия газов, так и вследствие воздействия газов на ранее существовавшие минералы.

[23] О значении спектроскопии для изучения химического состава земной коры см. статью Вернадского [118].

после XVIII в. была вновь в конкретной форме высказана в 1867 г. Стерри Гентом, допустившим распадение элементов на более простые тела в туманностях и звездных скоплениях» [104, с.77]. Эта идея обратила на себя внимание, когда в 1873 г. одновременно и независимо друг от друга американец Кларк и англичанин Локайр применили ее в общей форме к процессам, наблюдаемым в звездной среде, причем последний «развил ее в блестящем построении, в идее неорганической эволюции, диссоциации и образования химических элементов в связи с космическими изменениями небесных светил» [104, с. 77]. Тем не менее казалось, отметил Вернадский, что масштаб этих вероятных космических процессов был так же недостижим для химических явлений нашей планеты, как он был далек и непонятен для наших лабораторий. Однако довольно скоро английский физик и химик Уильям Крукс сперва применил их к объяснению реакций окиси иттрия, а в 1886 г. выдвинул то же объяснение по отношению ко всем химическим элементам, допустив образование их в космические периоды истории Земли из одного первичного вещества – так называемого протила. Крукс также допускал, что медленная дифференциация элементов из этого первичного вещества могла продолжаться и в геологические периоды и что некоторые химические элементы, например, элементы редких земель, сохраняют следы своего общего происхождения в своем распространении в земной коре. Редкие земли (Ce, Y, Yb, Ho, Gd, Nd, Pd, La, Lu, Eu, Dy, Er, Tb, Sm, Tu <Tm> и, может быть, Sc) обычно «находятся в *земной коре* вместе, в одном и том же минерале, близки по своим свойствам и являются, по идеям Крукса, как бы туманностью элементов, не закончившею стадию распадения и дифференциации. Идеи Крукса уже не сходили с поля научного зрения – и в явлениях радиоактивности получили блестящее подтверждение» [104, с. 78]. Таким образом, считает Вернадский, «мысли де Бомона о парагенезисе элементов как функции геологической истории их распределения и Крукса – как следствия их диссоциации – являются основными тонами современного научного сознания в этой области. Но естествознание не может строиться на красивых и широких идеях, как бы глубоки и истинны они ни были. Ибо характерной чертой его развития является его *изменчивость*, постоянное создание *нового*, не останавливающийся процесс созидания. Оно служит отражением живого человеческого сознания, а не мертвой мысли. Идеи в естествознании должны постоянно расти, изменяться и создаваться, и если они не будут питаться постоянно возобновляемым конкретным материалом

новых фактов, новых наблюдений, новых опытов, в них самих начнется процесс разложения и изменения, который неизбежно приведет, в конце концов, к далекой от научной действительности мистике, отвлечет от науки живой интерес мыслителя, в конце концов, приведет к сухой, мертвой абстракции. В истории естествознания мы имели не раз большие и малые периоды такого замирания, анемии научной работы» [104, с. 78] [24].

Тем не менее, продолжает Вернадский, уже во второй половине XIX в. были созданы – в рассматриваемой области – два крупнейших обобщения: 1) схема о парагенезисе минералов и 2) схема о количественном составе земной коры. Что касается схемы о парагенезисе минералов, то в 1844 г. французский минералог и геолог В. Фурнэ развил идею ассоциации (совокупности) в геологии и минералогии, а в 1849 г. немецкий минералог А. Брейтгаупт соединил те же самые явления под именем парагенезиса [25] (т. е. совместного нахождения минералов, объясняющееся генетической связью между ними). В свою очередь, подчеркивает Вернадский, «парагенезис минералов, давая классификацию минералов, встречающихся *вместе*, неизбежно распределяет тем самым и те химические элементы, из которых состоят эти минералы. Механически он <парагенезис> систематизирует химические элементы земной коры. Для этого достаточно заменить “минерал” его химическим составом. Этот шаг был уже сделан Брейтгауптом. Уже он говорит о парагенезисе некоторых элементов. С течением времени в этой области накопился колоссальный материал, еще не охваченный одной идеей, но дающий удобную форму собирания фактов, позволяющий делать отдельные эмпирические обобщения, разбираться в сложных вопросах практики. Неясно понимая законности распределения химических элементов в земной коре, мы все же приводим материал в форму, удобную для обобщающей мысли будущего, накопляем его так же, как накопляет астроном, каталогизующий звезды; накопляем, не зная того, что увидят в этом колоссальном точном материале наши потомки» [104, с. 79].

---

[24] См. [572].

[25] Понятие «парагенезис», разработанное Брейтгауптом, отчасти совпадает с понятием «смежность», предложенного В.М. Севергиным в 1798, под которым он понимал «совокупное пребывание двух или многих минералов в каком-либо месте, которое заслуживает особенного примечания» [446, с. 85]. См. также [175].

Схема о количественном составе земной коры и отдельных ее частей, считает Вернадский, разрабатывалась двумя разными, но «одинаково плодотворными и важными, путям». Прежде всего, исследователи обратились к наиболее обычным химическим элементам, пытались выразить числами или порядком их относительное количество (содержание) в земной коре. В 1888 г. эти попытки были приведены в удобную для научной работы форму американским химиком У. Кларком и развиты его последователем норвежским петрографом Й. Фохтом. Ими была выработана таблица валового (общего) состава земной коры и отдельных ее участков; химические элементы были распределены по степени их распространенности, и получены числа, частью действительно выражающие количества элементов в земной коре, частью дающие понятие о порядке их значения. Каждый новый анализ, новое наблюдение легко и просто укладываются в рамки этой схемы. Однако, подчеркивает Вернадский, в земной коре порядок чисел, выражающих распространенность разных химических элементов, колеблется в огромном масштабе. Отсюда следует, что «чисто количественный метод исследования, каким мы привыкли строить точные обобщения химии, здесь явно недостаточен. Ему должна быть придана другая форма. Ибо в земной коре порядок чисел, выражающих распространенность разных химических элементов, колеблется в огромном масштабе. В миллионы и десятки миллионов раз одни элементы более распространены, чем другие» [104, с. 80]. Именно поэтому для сравнения друг с другом «обычных и редких» химических элементов «была создана схема о распространении их *следов* в минералах и участках земной коры, о их рассеянии среди природных химических соединений», что стало возможным после разработки (в 1859 г.) спектрального анализа, давшего возможность определения в горных породах ничтожных следов элементом и тем самым ставшего для рассеяния химических элементов «могущественным методом исследования» [104, с. 80], а «в последние годы явления радиоактивности еще дальше раздвинули рамки исследования следов вещества. Фактов накопилось много, но не осознана даже общая картина, ими создаваемая. Чтобы охватить ее в немногих словах, надо обратить внимание только на одну основную ее черту. В каждой капле и пылинке вещества на земной поверхности – по мере увеличения тонкости наших исследований – мы открываем все новые и новые элементы. Получается впечатление *микрокосмического характера* их рассеяния. В песчинке или капле – как в микрокосме – отражается общий состав космоса. В ней могут быть найдены все те

же элементы, какие наблюдаются на земном шаре, в небесных пространствах. Вопрос связан лишь с улучшением и утончением методов исследования» [104, с. 81]. Ученый подчеркивает, что «в истории знания главным рычагом является совмещение опыта с наблюдением. В то время как земной шар может служить только объектом наблюдения, химический элемент может дать начало опыту. Благодаря этому, мы получаем новое, могущественное орудие для понимания химии земной коры. Три *пути опыта* имеют здесь значение: *периодическая система элементов*, законности в образовании ими твердых растворов, так наз[ываемые] *изоморфные ряды элементов* и, наконец, их *радиоактивность*» [104, с. 82].

К началу XX в., отмечает Вернадский, выяснилось, что периодическая система элементов может объяснить лишь отдельные частности в парагенезисе (совместном нахождении) элементов в земной коре, но она бессильна выяснить общую картину их нахождения. Точно так же слабо отражается на общих явлениях парагенезиса и область радиоактивных свойств элементов. «Не эти свойства элементов создают основные черты их нахождения кругом нас в земной коре». Вернадский приходит к заключению, что «наиболее глубоко и наиболее полно охватывается парагенезис элементов учением об *изоморфных рядах*» [26], в разработку которого особенно велик вклад Э. Митчерлиха, Ф.-С. Бедана, Ж.-Ш. Мариньяка и А.Е. Арцруни [104, с. 82]. «Подобно тому, как элементы располагаются в ряды и строки в периодической системе элементов, точно так же их можно расположить в ряды на основании изоморфизма их соединений аналогичной формулы. Эти изоморфные ряды элементов не совпадают с рядами периодической системы; в них вместе с элементами попадают сложные комплексы, радикалы. Один и тот же элемент может стоять в нескольких изоморфных рядах» [104, с. 83–84]. При этом изоморфные ряды элементов отличаются от рядов периодической системы. «Первые основаны на свойствах неопределенных химических соединений, тогда как ряды периодической системы основаны на свойствах соединений определенных. Приложимость первых к распространению химических элементов в земной коре и неприложимость вторых тесно связаны с характером природных процессов, приводящих к образованию неопределенных соединений, разных форм твердых растворов. Частным типом твердого раствора

[26] Подробнее об изоморфных рядах см. [300].

является изоморфная смесь, другим – указанное раньше микрокосмическое рассеяние элементов» [104, с. 83].

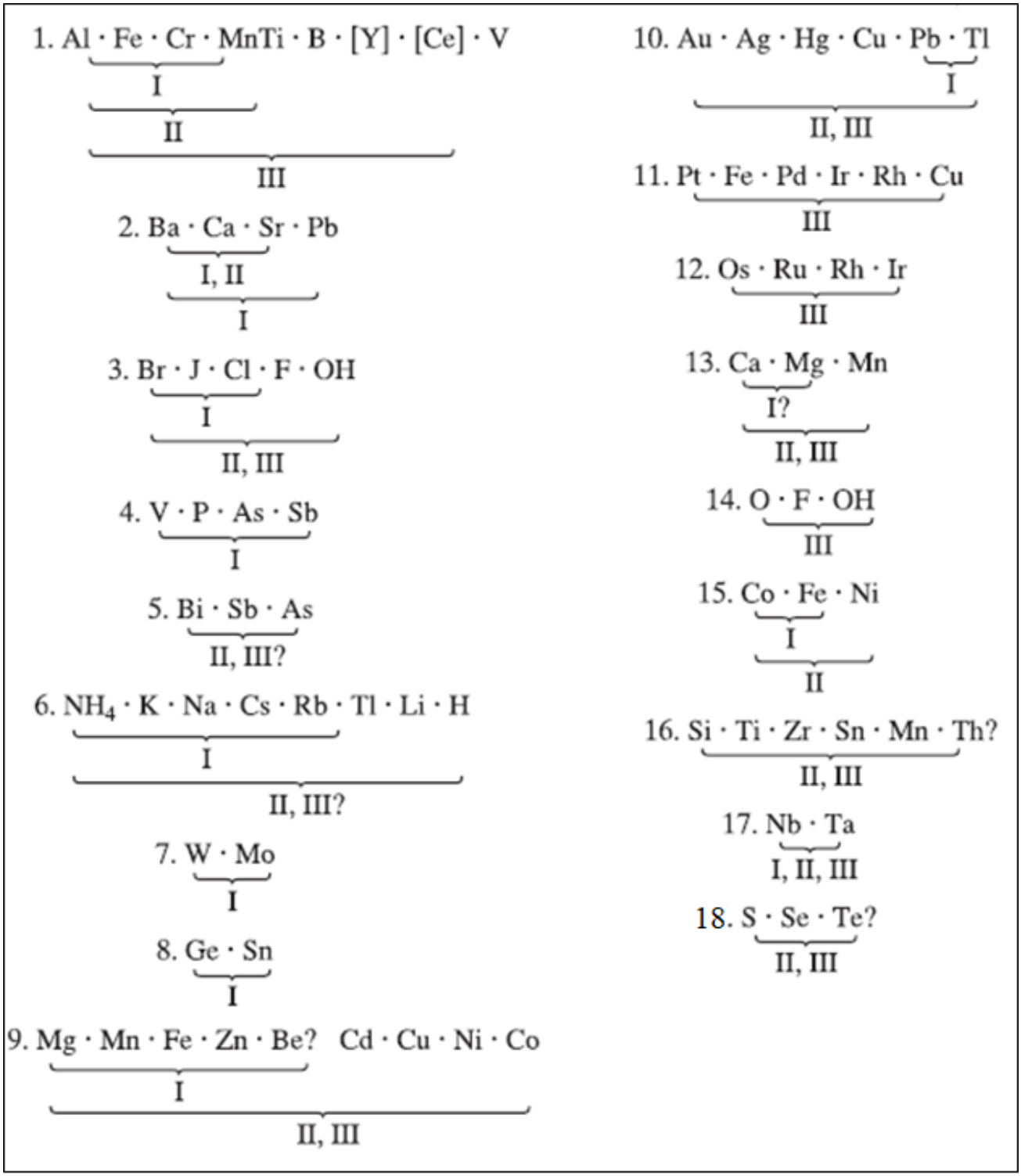
В изоморфных рядах, считает Вернадский, мы имеем твердый базис для изучения парагенезиса химических элементов в природе. «Для всех природных соединений можно дать единообразную таблицу изоморфных рядов, которые в отличие от рядов химии мы будем называть *природными изоморфными рядами*. Чрезвычайно характерно, что такие ряды *изменчивы* в зависимости не столько от типа химического соединения, к которому они применяются, сколько от *внешних условий* его образования» [104, с. 83]. Среди таких условий важнейшие значение имеют температура и давление (термодинамические условия), которые подвергаются колоссальным изменениям в земной коре. В свою очередь, наблюдение указывает нам, что «*изоморфные ряды перемещаются и изменяются под влиянием изменения температуры и давления* [27]. Химический элемент, входящий в один изоморфный ряд при определенных t <температуре> и p <давлении>, не входит в него при их изменении и входит в другой. В то же время могут быть случаи, что элементы, входящие в какой-нибудь или какие-нибудь изоморфные ряды, не входят при других t <температуре> и p <давлении> ни в какие изоморфные ряды, являются одинокими изгоями. В природе это явление должно выражаться в том, что их соединения будут химически чистыми, в той части, которая касается данного элемента» [104, с. 84].

Вернадский приходит к выводу, что в земной коре, можно выделить три резко различные термодинамические области: 1) кору выветривания – область низкой температуры и низкого давления (область I), 2) область метаморфизации – область высокого давления и не очень высокой температуры (область II), 3) глубокие слои литосферы – область магматизации – область высокой температуры и высокого давления (область III). Количество изоморфных рядов невелико– их не больше 18. Они представлены ниже, где вместе с тем приведены и те термодинамические области, к которым они относятся (см. табл. 1). Еще резче влияние термодинамических условий скажется в истории отдельных элементов (см. табл. 2).

---

[27] По замечанию академика В.С. Урусова, в этой работе Вернадского содержалась «важнейшая идея» о влиянии температуры и давления на изоморфизм. Именно Вернадский впервые указал на расширение возможностей изоморфных замещений с увеличением температуры в природных условиях [500].

Таблица 1

Таким образом, продолжает Вернадский, если при анализе данного природного тела мы нашли одни элементы какого-нибудь изоморфного ряда, то мы должны искать все остальные, и обычно часть или все их находим. Конечно, надо вносить поправку – принимать во внимание ту термодинамическую среду, в которой образовался изучаемый минерал» [104, с. 88].

Таблица 2

		I	II	III			I	II	III
1	Азот	–	–	–	41	Натрий	(6)	6	6
2	Алюминий	(1)	(1)	1	42	Неодимий	(1)	(1)	1
3	Аргон	–	–	–	43	Иттербий	(1)	(1)	1
4	Барий	2	(2)	(2)	44	Гольмий	(1)	(1)	1
5	Бериллий	9?	–	–	45	Неон	–	–	–
6	Бор	–	1?	1	46	Никель	?	9	9
7	Бром	(3)	?	–			–	15	15
8	Ванадий	4	(1)	1	47	Ниобий	17?	17	17
9	Висмут	–	5	5?	48	Олово	8?	–	16
10	Водород	–	6?	6	49	Осмий	?	?	12
11	Вольфрам	7	–	–	50	Палладий	–	?	11
12	Гадолиний	(1)	(1)	1	51	Платина	–	?	11
13	Галлий	?	?	?	52	Празеодимий	(1)	(1)	1
14	Гелий	–	–	–	53	Радий	–	–	–
15	Германий	8	?	?	54	Родий	?	?	11
16	Диспрозий	(1)	(1)	1			–	–	12
17	Европий	(1)	(1)	1	55	Ртуть	?	10?	10
		(1)	(1)	1	56	Рубидий	(6)	6	6
18	Железо	(9)	9	9	57	Рутений	(?)	?	12
		–	–	11	58	Самарий	(1)	(1)	1
19	Золото	–	10?	10	59	Свинец	2	10	10
20	Индий	?	?	?			(10)	–	–
21	Иридий	?	?	11	60	Селен	–	18	18
				12	61	Серебро	–	10?	10
22	Иттрий	(1)	(1)	1	62	Скандий	(1)?	(1)?	1?
23	Иод	(3)	?	–	63	Стронций	(2)	2	2
24	Ионий	–	–	–	64	Сера	–	18	18
25	Кадмий	(9)?	9	9	65	Сурьма	4?	5	5?
26	Калий	(6)	6	6	66	Таллий	10?	6	6
27	Кальций	2	(2)	(2)			–	10	10
		(13)?	13	13	67	Тантал	17?	17	17
28	Кислород	–	–	14?	68	Теллур	–	18?	18?
29	Кобальт	(15)	15	15?	69	Тербий	(1)	(1)	1
		–	9	9					
30	Кремний	–	16	16	70	Титан	–	16	16
31	Криптон	–	–	–			–	–	1
32	Ксенон	–	–	–	71	Торий	–	–	16?
33	Лантан	(1)	(1)?	1	72	Тулий	(1)	(1)	1
34	Литий	?	6	6	73	Углерод	–	–	–
35	Лютеций	(1)	(1)	1	74	Уран	–	–	–
36	Магний	13?	13	13	75	Фосфор	4	–	–
		–	9	9	76	Фтор	–	3	3
		(9)	(1)	1	77	Хлор	(3)	3	3
		–	9	9	78	Хром	(1)	1	1
37	Марганец	–	13	13	79	Цезий	(6)	6	6
		–	16	16	80	Церий	(1)	(1)	1
38	Медь	10	–	11	81	Цинк	(9)	9	9
39	Молибден	7	–	–	82	Цирконий	–	16	16
40	Мышьяк	4	5	5?	83	Эрбий	(1)	(1)	1

Кроме того, изоморфный природный ряд есть схема сложного характера, поскольку, например, не одни химические свойства элементов определяют их принадлежность к рядам, т. е. природный изоморфный ряд всегда составляет часть изоморфного ряда химии. Из самого определения изоморфных рядов ясно, что химические элементы, в них входящие, должны образовывать аналогичные соединения. «Следовательно, необходимо, чтобы, с одной стороны, 1) данный элемент мог находиться в земной коре *одновременно* с элементами своего изоморфного ряда и 2) чтобы он мог давать при земных условиях аналогичные соединения. <...>. Необходимо, наконец, чтобы его соединение могло при этих условиях выкристаллизовываться в одном и том же классе, как изоморфное ему соединение. Таким образом, изоморфный ряд требует наличности условий, частию 1) геологического и генетического, частию 2) физического и химического характера. Очевидно, последние могут находиться в тесной зависимости от первых» [104, с. 88]. Вернадский обращает внимание на то, что «из самого построения изоморфные ряды не могут охватывать всей сложности природных процессов, ибо изоморфная смесь есть только один частный случай твердых растворов. Можно было бы даже ждать, что изоморфные ряды не будут играть видной роли в составе природных соединений. В действительности их значение здесь огромно, а это указывает на распространенность отвечающего им типа твердых растворов в процессах земной коры» [104, с. 89]. В то же время, продолжает Вернадский, мы знаем область явлений, где их значение более ограничено. Это «микрокосмические смеси элементов», хотя и здесь можно до известной степени пользоваться «путеводной нитью изоморфных рядов, но приходится идти ощупью», поскольку «мы не знаем, где кончается эта путеводная нить, а несомненно, она где-то кончается, не объясняет всего явления. Если для Cs, Rb, T1 можно идти этим путем, то этого нельзя уже сделать для таких элементов, которые или совсем не укладываются в изоморфные ряды, или укладываются с трудом; таковы, например, Ge, J, N, In, Ga, Sc, U, He и т. д. Эти элементы всюду рассеяны в соединениях, ничего с ними общего не имеющих» [104, с. 89].

Вернадский также намечает еще один путь исследования. «Мы изучаем не только изоморфные ряды элементов, но и их ассоциации. <…> Изоморфные ряды образуют ассоциации <элементов>. Некоторые из них встречаются постоянно вместе, другие никогда так не наблюдаются. <…> Несомненно, многое здесь может объясниться чисто геологическими и химическими причинами, но дать

удовлетворительное объяснение этим путем всему процессу мы сейчас не можем. Дело будущего выяснить, не имеем ли мы здесь отражения явлений другого порядка – генезиса элементов. Во всяком случае, в области ассоциаций изоморфных рядов и в микрокосмических смесях скорее можно искать следов генетической связи между элементами, чем в пределах одного и того же изоморфного ряда» [104, с. 90]. «На этот непривычный для нашей мысли путь мы только что вступили. <…> Пойдем по этому пути с оглядкой, но смело, – так как даже эти широкие обобщения явно недостаточны, малы и ничтожны перед разнообразием и величием стоящих перед нами природных процессов!» [104, с. 90–91].

Как в свое время отметил И.И. Мочалов, «этот доклад подводил итог многолетним размышлениям и научным изысканиям ученого, его учеников и сотрудников в области проблем химии земной коры. Доклад, несмотря на свою неизбежную краткость, был насыщен фактическим материалом, ссылками на литературные источники, удивительно глубоким историческим анализом рассматривавшихся в нем проблем» [357, с. 179]. Этот доклад В.И. Вернадского открыл «эпоху в минералого-геохимических науках» [169, с. 359]. По справедливому замечанию А.И. Перельмана, эта речь Вернадского ознаменовала появление особой отрасли наук о Земле – геохимии [398], а А.Е. Ферсман указал, что именно начиная с 1910 г., при все усиливающейся дифференциации геологических наук, выявилось их новое – геохимическое – направление, когда основной единицей исследования стал не минерал, а химический элемент. Наметились пути к установлению сочетаний элементов в природе [520].

Действительно, не разу не использовав в своем докладе термин «геохимия» и производные от него, Вернадский, по существу, сформулировал в нем не только главные идеи новой науки – геохимии, но и, прежде всего, положение, которое позже было названо основным законом геохимии – законом повсеместного распространения химических элементов, законом всеобщего рассеяния элементов [28]. Если до недавних пор господствовало представление о минеральной форме

[28] «Ныне уверенность в справедливости названного закона такова, что необнаружение любого элемента в каком-либо веществе воспринимается не как доказательство действительного его отсутствия в анализируемом материале, а как свидетельство несовершенства примененных методов и средств исследования» [440, с. 22].

нахождения химических элементов в земной коре, то Вернадский показал, что их «неминеральная», «рассеянная» форма играет важнейшую роль в геохимической истории химических элементов. Именно в этой речи он определил объект исследования этой науки – уже не минерал, а «атом и химический элемент, с ним связанный» [29], а размышляя о перемещении химических элементов земной коры во времени и пространстве, об изменениях их сочетаний (ассоциаций) друг с другом, Вернадский в сущности определил и предмет геохимии – историю химических элементов в земной коре, которая, как он сформулирует позже, «может быть всегда сведена к их разнообразнейшим движениям, перемещениям, которые мы в геохимии будем называть их миграциями» [125, с. 36]. Вернадский также показал, что в земной коре, можно выделить три резко различные термодинамические области, поведение элементов в которых, различно: 1) кора выветривания (область низкой температуры и низкого давления), 2) область метаморфизации (область высокого давления и не очень высокой температуры), 3) глубокие слои литосферы – область магматизации (область высокой температуры и высокого давления). Они характеризуются присущими им природными изоморфными рядами химических элементов, которые, однако, «не могут охарактеризовать всей сложности природных процессов». Тем не менее явление изоморфизма дает возможность предсказывать, где и какие химические элементы могут находиться вместе. Надо отметить, что уже в марте 1910 г. Г.Н. Антонов, один из пионеров изучения радиоактивности в России, указал в письме к Вернадскому, что в полученной от него статье о парагенезисе химических элементов, он многое почерпнул из идей о изоморфизме и изоморфных рядах для своих

Г.Н. Антонов, около 1910 г.

[29] См. [127, с. 8].

работ, связанных с получением одного из дочерних продуктов распада урана-235 [30].

В 1910 г. Вернадский продолжил исследования распространения химических элементов в земной коре с помощью спектроскопии, которые, по его сообщению, были начаты им в 1908 г. [118]. Так, в 1908 г. в статье [91, с. 88] Вернадский указал на «вторичное рассеяние» цезия и рубидия «в поверхностной пленке земной коры», на их повсеместное распространение в «ничтожных количествах». В 1909 г. на примере таллия он показал, что «для определения истории данного элемента в земной коре мы должны различать: 1) соединения данного химического элемента и 2) примеси его, нередко ничтожные, в соединениях других элементов», причем «таллий принадлежит к числу тех химических элементов, главная масса которых сосредоточена в виде примеси к соединениям других элементов» [94, с. 825–826].

В августе 1910 г., находясь в Вернадовке, он завершил работу над достаточно большой статьей, посвященной распространению химических элементов в земной коре. Эта статья 15 сентября 1910 г. была представлена в заседании Физико-математического отделения Императорской Академии наук [270] и затем опубликована в «Известиях» Академии [156]. В ней приведены результаты спектроскопического исследования распределения в различных минералах, горных породах, почвах, фумаролах, налетах, в водных вытяжках из торфов, в солях, полученных выпариванием минеральных вод, широкой группы химических элементов (Cu, Li, K, Rb, Tl, Bi, Mn, In, Ca, Ga, Fe, Zn, Na, Ba, Cs, Mg, Sr, Pb, B).

Особой интерес представляет статья Вернадского о распределении титана в почвах [107]. В ней он ставит вопрос о необходимости разработки специальных методов химического анализа почв, поскольку методы, выработанные для горных пород, не годятся для определения количественного содержания химических элементов в почвах. Это, прежде всего, обусловлено тем, что по своему составу почвы («верхняя покрышка суши») отражают «в себе ход процессов выветривания в связи с жизнедеятельностью организмов», т. е. он однозначно указал на роль живого вещества в формировании химического состава почв. В почвах «неизбежно будут накапливаться некоторые химические элементы, редкие и неважные в составе горных пород». В то же время, анализы, применяемые к почвам, «делаются на основании

[30] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 52. Л. 2 об.

предполагаемой тождественности их состава с составом горных пород». Вследствие допущения присутствия в почвах немногих лишь определенных химических элементов, анализы почв неизбежно включают в себя ошибки, которые, по-видимому, исчисляются в целых процентах. Специально в отношении титана Вернадский установил, что «неизвестно ни одного соединения титана, которое выделялось бы из своих водных растворов в коре выветривания». Следовательно, титан при выветривании не выносится из почвы, а наоборот, собирается и накапливается в ней. Поэтому в почве титана должно быть больше, нежели в массивных породах. Кроме того, подобно титану в почвах накапливаются также уран, торий, марганец, ванадий, фтор, по-видимому, литий, циркон и т. д. Следовало бы определять при анализе почв, «по крайней мере», названные элементы, которые должны находиться в почвах в количествах больших, чем в горных породах.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Более двадцати лет (с ноября 1890 г. по февраль 1911 г.) научно-педагогическая деятельность В.И. Вернадского была тесно связана с Московским университетом [31]. В сущности, именно в этот период произойдет его становление как ученого, педагога, организатора науки, общественного и политического деятеля. В Московском университете Вернадский «много лет провел в исключительном по энергии и результатам труде, <…> приобрел мировую известность, создал кадры достойных учителя учеников, продолжателей его ученой и педагогической работы» [576, с. 321].

Организационно-педагогическая деятельность Вернадского и общая ситуация в Университете в 1910 г.

Осенью 1890 г. Вернадский прочитал в Московском университете две пробные лекции – «28 сентября “Полиморфизм как общее свойство материи” 538, 5 октября – “О группе авгитов и роговых обманок”» [575, с. 228].

8 октября 1890 г. в письме из Петербурга В.В. Докучаев радуется за своего ученика: «Многоуважаемый Владимир Иванович, спешу поздравить Вас с полным успехом лекций, о чем уведомил меня <А.П.> Павлов. Очень желаю, чтобы Вы поскорее окончили Вашу диссертацию и стали бы, так [им] обр[азом], твердой ногой в Московском университете» [274, с. 805]. Поздней осенью 1890 г. вопрос о работе в Московском университете был решен окончательно, и 22 ноября 1890 г. В.И. Вернадского зачислили в штат преподавателей (приват-доцентом) кафедры минералогии физико-математического факультета. «С января 1891 г. начал чтение лекций минералогии в Московс[ком] универс[итете] в качестве приват-доцентского обязательного курса» [575, с. 228].

Именно в Московском университете «В.И. Вернадский становится одним из наиболее авторитетных минералогов своего времени. Создает фундаментальные труды по кристаллографии и минералогии <…> Вслед за В.М. Севергиным в 18 веке, Н.И. Кокшаровым и Е.С.

[31] Сведения о правовом положении и организационном устройстве Московского ун-та 1910 г. см. Приложение 10.

Федоровым в 19-м веке, завершил в начале 20-го века построение превосходной отечественной школы минералогии <…> И одно это обеспечило бы ему достойное место в истории науки» [184, с. 7–8].

Московский университет. Старое здание

Как позже вспоминал академик А.Е. Ферсман, в Москве Владимир Иванович «создал вокруг себя прекрасную научную школу, объединив университетскую молодежь. Эта школа превратилась в могучий источник новых идей и новых начинаний. В стенах старого университетского здания Вернадский постепенно расширял помещение Минералогического кабинета, расширял и прекрасный Минералогический музей… <…>. Так постепенно превращал он скромную лабораторию в очаг государственного масштаба» [523, с.794]. Школу Владимира Ивановиче Вернадского «прошли все минералогии Московского университета» [553, с. 142].

Придя в Университет, на кафедру минералогии, Вернадский, как подчеркнул Г.П. Барсанов, коренным образом изменить всю систему преподавания [27]. Он, продолжает Г.П. Барсанов, всегда увлекал своих слушателей новизной идей, оригинальностью и глубиной решения научных проблем. Основой преподавания Вернадский считал внелекционные занятия, самостоятельную работу студентов,

осуществлявшуюся целеустремленно и под непосредственным его руководством. Им при кафедре была реорганизована химическая лаборатория, дающая возможность использовать все новые методы аналитической химии (химический анализ силикатов, спектроскопический метод, термический анализ, физико-химическое изучение минералов и равновесных систем и др.). Лаборатория, располагала обширным по тому времени помещением в три комнаты в нижнем этаже старого корпуса (во дворе) и заведование ею было поручено окончившему университет в 1897 г. ученику Владимира Ивановича П.К. Алексату. На III курсе Вернадский ввел не обязательный для минералогов, но всегда осуществлявшийся двухгодичный химический практикум, содержанием которого были даваемые студентам задачи по химическому анализу и изучению минералов, опыты по кристаллизации различных солей, с последующим исследованием зависимости между составом, морфологией кристалла и условиями кристаллизации, точным изучением оптических и других физических свойств и констант солей и минералов и др. На этих практикумах и в научных работах кристаллография по-новому увязывалась с минералогией через химию [27]. Одновременно Вернадский, говоря его словами, резко отделил минералогию от кристаллографии, перенеся центр тяжести в химию как природный геологический процесс [32], а «в 1897 г. <...> стал все больше углубляться в химическую минералогию в геологическом аспекте» [476, с. 161]». «Это определило весь ход моего преподавания и изучения минералогии и отразилось на мысли и научной работе моих учеников и сотрудников. Отсюда в Московском университете создалось свое своеобразное течение минералогии, приведшее к созданию *геохимии* как науки, изучающей историю атомов в земной коре, в отличие от минералогии, изучающей историю в ней молекул и кристаллов, и к

[32] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 65. Л. 52. Уже в январе 1891 г. в первой лекции студентам-медикам Вернадский указал: «Та отрасль знания, которую я имею честь излагать вам, занимается изучением продуктов химических реакций, происходивших и непрерывно происходящих на нашей планете; она изучает условия, какие вызывают тот или иной химический процесс нашей Земли; она стремится свести эти процессы к немногим основным и как pia desideria <благие намерения> ее является понимание законной связи между ходом химических процессов во времени и в пространстве – в разные периоды жизни нашей небольшой планеты и их <смены?> и характера на других, доступных нашему исследованию частях Солнечной системы» [151, с. 154.].

биогеохимии – к науке, изучающей жизнь в аспекте атомов» [130, с. 6] [33], «создалась блестящая школа учеников В. И. – минералогов-геохимиков в Московском университете» [169, с. 357].

В 1896 г. Вернадский впервые в России ввел в учебную программу систематические минералогические экскурсии (или, говоря современным языком, полевую практику) для студентов. В экскурсиях принимали участие также и сотрудники, работавшие с ним в Минералогическом кабинете. Первая экскурсия состоялась в мае 1896 г. на Урал (Ильменские горы, Златоуст, Екатеринбург, Тагил), затем минералогические экскурсии проводились в Подмосковье и в других районах России (Сибирь, Кавказ, Крым, еще несколько раз на Урал). Всего в период с 1896 по 1911 г. было организовано 65 минералогических экскурсий, которые, между прочим, не только позволили существенно пополнить коллекции Минералогического кабинета Московского университета [539, 540], а полученный материал послужил основой для многих научных публикаций сотрудников и учеников Вернадского.

К 1 января 1911 г. в Московском университете состояло студентов 9940, сторонних слушателей 216, аптекарских помощников, посещающих в качестве сторонних слушателей лекции по предметам, входящим в состав провизорского экзамена, – 243, т. е. всего слушателей в Университете насчитывалось 10399 [391]. В 1910 г. на естественном отделении физико-математического факультета Университета обучалось 1483 студента (для сравнения – на историко-филологическом ф-те 966, на математическом отделении физико-математического ф-та 1398, на юридическом ф-те 3890, на медицинском ф-те 2203). Ректор Университета – ординарный профессор А.А. Мануилов, помощник ректора – заслуженный ординарный профессор М.А. Мензбир, проректор – ординарный профессор П.А. Минаков, декан физико-математического ф-та – заслуженный ординарный профессор по кафедре чистой математики К.А. Андреев, секретарь факультета – заслуженный ординарный профессор по кафедре физической географии и заведующий институтом Э.Е. Лейст. Кафедру минералогии возглавлял заслуженный ординарный профессор В.И. Вернадский, он же – заведующий Минералогическим кабинетом. Приват-доценты (т. е. внештатные

[33] «Представление о геохимии как науке об истории земных атомов возникло на фоне новой атомистики, новой химии и физики в тесной связи с тем представлением о минералогии, которое проводилось в Московском университете в 1890–1911 годах» [127, с. 20].

преподаватели) кафедры минералогии: В.В. Карандеев (ассистент), Г.В. Вульф, Я.В. Самойлов, П.К. Алексат (штатный ассистент). Ассистенты сверхштатные: В.В. Аршинов, А.Е. Ферсман, Г.И. Касперович, Н.Н. Боголюбов (хранитель Геологического и Минералогического кабинетов). Из Отчета Университета за 1910 г. известно, что Вернадский пожертвовал несколько книг Университетской библиотеке (библиотекарь А.И. Калишевский), в которой на 1 января 1910 г. числилось 194193 названия книг и периодических изданий в 341112 томах и 26909 тетрадях.

В 1910 г. среди наиболее значимых событий для Московского университета (согласно Летописи 1910 [356]) названы:

- 7 марта Председателем Третьей Государственной думы избран А.И. Гучков, выпускник юридического факультета (1886 г.),

- 15 марта – состоялась встреча короля Сербии Петра I со студентами сербами Московского университета,

- в марте-апреле – арестованы члены социал-демократической фракции в Московском университете В.И. Орлов, В.И. Вегер, В.И. Берсенев; всего были арестованы и высланы из Москвы около 20 студентов Университета,

- 26 мая – постановлением Совета университета создана из восьми членов (по два от каждого факультета) Комиссия для организации чествования памяти М.В. Ломоносова по случаю двухсотлетия со дня его рождения (8 ноября 1911 г.),

- 7 октября – участие части профессоров и студентов Университета в антиправительственной демонстрации в связи с похоронами председателя 1-й Государственной думы профессора С.А. Муромцева (юридический факультет) [34],

- 7–8 ноября – студенческие собрания в Университете в связи со смертью Л.Н. Толстого; занятия прекращались на 3 дня, избрана делегация из 10 человек для участия в похоронах писателя в Ясной Поляне,

- 13 ноября – запрещение ректором А.А. Мануйловым собраний студентов в память Л.Н. Толстого,

- 4 декабря – членами-корреспондентами С.-Петербургской Академии наук избраны профессор Л.А. Камаровский (юридический

[34] Так было не везде. Например, ученик Вернадского Л.Л. Иванов, в то время преподаватель Екатеринославского высшего горного училища, сообщил ему 27 октября 1910 г.: «Наше Училище покорно промолчало, не отозвалось на смерть Муромцева» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 658. Л. 124).

факультет) и Н.И. Кареев, выпускник историко-филологического факультета (1873 г.).

Многие другие – не менее интересные и любопытные – события 1910 г. нашли отражением в дневнике историка-медиевиста, профессора Московского университета А.Н. Савина [435]. К этому дневнику мы и обратимся, тем более что Савин, с одной стороны, нередко рассказывает о событиях, участником или свидетелем которых был и Вернадский, а с другой стороны, достаточно ярко описывает общую университетскую ситуацию, в которой работал последний.

Так, «11 января <1911 г.> получил приглашение на Татьянинский обед в “Прагу”. Оказалось, что позванных человек, на мой счет, 70. Большинство профессоров… <…> Устроители – Новгородцев, Вернадский [35]. Особенности: все платили за обед всего 2 р., закусывать идут по желанию в общую закусочную, а вино каждый заказывал сам. Для трезвенников очень дешево, но нельзя сказать, чтобы очень празднично. Расселись по дружбе и по факультетам приблизительно. <…> Новгородцев коротко сказал о побуждениях, заставивших возобновить Татьяну <т. е. Татьянин день>, но Татьяну разумную, трезвую; главная причина – успокоение и повышение научной работы. Предлагает избрать в председатели ректора.» [435, с. 98]. В ходе обеда обсуждали и дела высшей школы, проект нового университетского устава [36]. «Надеяться на исправление Шварцевского проекта в Думе нельзя. Октябристы смирно побредут за правительством, а потом поправки Думы будут отвергнуты советом. <…> Муромцев говорит с чрезмерным чувством собственного достоинства, чуть не величия, отчеканивает слова. Надо дискредитировать Шварцевский устав в общественном мнении. Это недобросовестное законодательство. Против действующего закона в нем десяток новых статей; они прикрыты, припрятаны пересказом действующего устава. Надо их обнажить и сделать дело ясным для всех» [435, с. 99]. «Вернадский сказал несколько слов о безнадежности Государственного совета в деле с уставом. Мануилов резюмировал очень сдержанно. Нужно бороться с тучей, пусть каждый

[35] Например, доктор медицины и профессор Московского ун-та И.Ф. Огнев 11 января 1910 г. сообщил Вернадскому: «Многоуважаемый Владимир Иванович, я с большим удовольствием прочел Ваше извещение и постараюсь быть непременно на обеде в Праге. Преданный Вам И. Огнев» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1189. Л. 5).

[36] О проекте университетского устава см. Приложение 1, примечание № 7 к записи от 19 января.

авторитетный человек печатает свое мнение об уставе. Лучший целитель время. Мало ли что может выйти, пока проект пройдет все стадии. И мало ли было в нашем прошлом самых вредоносных проектов, из которых ничего не выходило. Кончает пожеланием, чтобы возобновленная Татьяна жила и цвела в ближайшие годы. Официальная часть кончена. Остаются кружкѝ. Пьют и беседуют. В нашем кружке было весело. Подходили юристы. Мы пересидели всех, и все-таки “разумность” была соблюдена, мы ушли ½ 12-го, на своих ногах и в полном порядке. Но какие мы благонравные барашки!» [435, с. 100].

Ресторан «Прага» (справа), старая фотография

Надо сказать, что в те времена знаменитый студенческий праздник – Татьянин день – обычно начинался на Моховой улице. В университетской церкви во имя св. Татьяны служили молебен, затем в присутствии высокопоставленных гостей проходил торжественный акт. Актовый зал набит битком, – писала о празднике газета «Голос Москвы» в 1910 г. – Тут и шитые камергерские мундиры, и косоворотки, и красные ленты через плечо, и красные рубашки, выглядывающие из-под засаленных тужурок, и девушки в простеньких нарядах. В 1910 г. Татьянин день вообще был отпразднован очень скромно. Студенты, посидев по пивным и ресторанчикам, без эксцессов разошлись по домам. Профессура собиралась в «Праге», где высказалась за то, чтобы

«настоящим обедом было положено начало ежегодным профессорским трапезам в день праздника русского просвещения». Видимо, – подвел итоги «Голос Москвы», – прежнее шумное празднование Татьяниного дня отошло в область преданий» [432].

Во второй половине XIX столетия в этот день все было иначе. Так, А.В. Амфитеатров, выпускник Московского университета, вспоминал: «В мое студенческое время (1881–1885) университетский акт был еще праздником огромного общественного значения. Вскоре затем его затиснули в рамки скучной казенщины: казенный отчет, казенная речь, казенное присутствие 300–400 студентов “по выбору”. Акт стал проходить бесцветно и бесследно. Студенчество охладело к нему как к формальности, из которой вынут корпоративный смысл, улетучился дух: оборвалось свободное и живое, непосредственное общение кафедры и аудитории – не стало чувства единства университета – слияния в праздничный день его рождения всей профессуры со всем студенчеством» [9, с. 121]. В то время «любимыми ораторами Татьянина дня были А.И. Чупров, М.М. Ковалевский, Ф.Н. Плевако, а специально медики вытаскивали на трибуну терапевта А.А. Остроумова, второго по Захарьине московского врача-чудотворца. С ним сперва добрую четверть часа возились, честью и насилием убеждая его открыть вещие уста. Он ругался, упирался, чуть не дрался, цеплялся за мебель, но его все-таки волокли, по летописному выражению, «аки злодея пьхающе» – и ставили на стол. Максим Ковалевский, громадный, толстый, боялся щекотки и, пока его доносили до стола, визжал, хохотал и брыкался. А взгромоздившись на стол, принимался острить. Быстро, неудержимо, фонтаном шутливых словечек, летучих характеристик-карикатур, афоризмов – не в бровь, а прямо в глаз. Хохот кругом стоял гомерический, и вместе с публикою хохотал сам оратор» [9, с. 124].

А.П. Чехов в «Осколках московской жизни» [37] (19 января 1885 г.) писал: «Сто тридцатая Татьяна отпразднована en grand <широко> и с трезвоном во вся тяжкая. Татьянин день – это такой день, в который разрешается напиваться до положения риз даже невинным младенцам и классным дамам. В этом году было выпито все, кроме Москвы-реки, которая избегла злой участи, благодаря только тому обстоятельству, что она замерзла. В Патрикеевском, Большом московском, в Татарском и прочих злачных местах выпито было столько, что дрожали

[37] «Осколки. Еженедельный иллюстрированный журнал», 1885, № 3, 19 января, с. 4.

стекла, а в “Эрмитаже”, где каждое 12 января, пользуясь подшефейным состоянием обедающих, кормят заваляшей чепухой и трупным ядом, происходило целое землетрясение. Пианино и рояли трещали, оркестры не умолкая жарили “Gaudeamus”, горла надрывались и хрипли… Тройки и лихачи всю ночь не переставая летали от Москвы к Яру, от Яра в “Стрельну”, из “Стрельны” в “Ливадию”. Было так весело, что один студиоз от избытка чувств выкупался в резервуаре, где плавают натрускинские стерляди. Больше всего досталось торжествующим свиньям и трихине, по адресу которых посыпалось внушительное “pereat!” <погибнуть>, и шампанскому, которое пили с усердием дятла, долбящего кору. Истребляли этот напиток особенно яро бывшие студенты, не уплатившие долга Обществу вспомоществования недостаточным студентам. Этих господ так много, что для удовлетворения их не хватило ни шампанского, ни лихачей. Многим из неисправных должников пришлось довольствоваться одними только стерлядями, зернистой икрой и ликерами».

Студенческие гуляния на Тверском бульваре

Но продолжим чтение дневника А.Н. Савина за 1910 год. 30 января «в заседании совета <Университета> предложение послать министерству материалы по университетской реформе, протест довольно невинный, но почти бесполезный. Серьезнее план издать коллективную работу о теперешнем состоянии университета и об его реформе, возникший среди “столпов” нашего совета. Муромцев собирается резко раскритиковать проект Шварца с почки зрения законодательной техники. <…> Предложение о сообщении материалов министерству принято единогласно, без прений» [435, с. 100–101].

«20 февраля, суббота. Все заседание совета <Университета> ушло на выборы Кизеветтера и Мартынова. О Кизеветтере очень краткое сообщение факультета. Никто не пожелал делать никаких замечаний. У собравшихся 64 шара. Кизеветтер получил 50 избирательных и 14 неизбирательных, для такого яркого кадета это очень хороший результат. <…> После заседания я с Петрушевским зашел к Кизеветтеру поздравить его с выборами. Застали и поздравили. Даже Ключевский пришел на заседание» [435, с. 105].

20 марта «в университетском совете были выборы экстраординарного профессора по кафедре полицейского права. В порядке рекомендации <юридический> факультет единогласно избрал перешедшего из Казани приват-доцента Елистратова. В совете он получил 46 избирательных и 4 неизбирательных шара. Больше в совете ничего интересного не было» [435, с. 110–111].

«Понедельник, 22 марта. Вчера праздновалось 25-летие Психологического Общества [38]. Набралось очень много народа. Говорил первым Лопатин. Он, не знаю в который раз, повторил свои любимые утверждения о спорности предпосылок естествознания, о многозначности причины, о возможности перерыва в ряду механической причинности. Интереснее была резкая критика неокантианства, мелкой борьбы, мелких школ … <…>. Всего любопытнее была необыкновенно высокая оценка прагматистов, в особенности Джемса [39]. Речь

[38] Московское Психологическое общество – первое профессиональное об-во философов и психологов было создано в 1885 г. С 1889 г. издавало журнал «Вопросы философии и психологии». В состав об-ва входили представители различных наук, писатели (Л.Н. Толстой) и деятели культуры (А.Н. Скрябин, В.И. Немирович-Данченко). Председателем об-ва с 1899 по 1918 г. был П.М. Лопатин.

[39] О Джемсе и прагматистах – см. Приложение 2, запись от 29 января и примечания № 3 и № 4 к ней.

была порою спорна, порою узка, но все-таки умна и интересна» [435, с. 111].

«Вторник 4 мая. Вчера вечером был совет <Университета>, на котором я не был. Выбирали помощника ректора. Переизбрали Мензбира, 49 голосами против 11» [435, с. 114].

«Среда 12 мая. Шварц внес в Думу свой проект университетского устава, кажется подвергшийся небольшому изменению в Совете министров» [435, с. 116].

26 мая состоялось заседание совета, на котором выбирали Котляревского [435].

27 мая «министерство прислало бумагу, в которой зовет незаконным постановление совета <Университета> о рассылке имеющихся в архивах совета материалов по университетскому вопросу» [435, с. 117].

«15 сентября, среда. Первый [40] совет <Университета>. Народу мало. Скучно. Выбирают советскую комиссию, конечно прежнюю, и <профессорский> суд с небольшими переменами. <…> … бумага о Кизеветтере. Министр не утверждает Кизеветтера и предписывает факультету безотлагательно озаботиться выбором нового лица для замещения вакантной кафедры. Кафедра вовсе не вакантна. Как министр может предлагать немедленно выбрать новое лицо, когда факультет вправе ходатайствовать о назначении конкурса или даже может вовсе никого не выбирать. Министр может назначить профессора, но не может заставить выбрать профессора. Советом дело передано в факультет. Хочется думать, что в факультете все-таки удастся выработать приличный ответ. Министерство ничего не делает, до сих пор не утвердило обозрения преподавания на 2 факультетах, не утвердило сметы на ремонт (на 28.000 <рублей>); правление все-таки произвело ремонт. Но зато из округа пришла кляузная бумажка о вознаграждении приват-доцентов» [435, с. 118].

«Суббота, 25 сентября. Сегодня в “Русских Ведомостях” известие, будто Шварц и Георгиевский уволены в отставку и будто наш Кассо назначен министром. Кого и когда пленил черный молдаванин, недоумеваю. При проезде через Москву, Столыпин действительно два раза принимал его. Кассо по слухам очень прав [41], но он такой замкнутый, что кажется, сами товарищи – юристы не знают его как следует.

[40] «Первый совет», т. е. первый после летних каникул.

[41] В смысле «правый» по своей политической позиции.

Выдвинули Кассо, по всей вероятности, свои люди – Крупенские [42], может быть, даже и Пуришкевич заступился. Впрочем, Котляревский сообщил, что Кассо – родственник Столыпинской жены» [435, с. 120].

«Суббота 23 октября. Сегодня скучный <университетский> совет. Медики выбирали декана. Снова выбрали Зернова, 27 голосами против 2» [435, с. 122].

А.Н. Савин, 1911 г.

«Среда 3 ноября. Союзники обнаглели. Кассир общества взаимопомощи студентов-юристов, Флоровский, проворовался с некоторыми другими молодцами, обернулся союзником и конечно немедленно перешел в наступление, сочинил Пуришкевичу донос, по которому все растраты в обществе от того, что Мануйлов покрывает растратчиков кадетов. В субботу какой-то Пиралов-Пиралянц на приеме у ректора швырнул ему в лицо свое прошение о приеме за то, что ректор указал ему на невозможность приема, 1) потому что вообще уже прошел срок для приема прошений, 2) потому что Пиралов был исключен еще в 1906 году и пропустил льготный срок для подачи прошения. Некоторые подозрительные люди и здесь видят руку союзников, которые будто подбили Пиралянца “замарать” ректора. Подозрительно, что с Пиралянцем было два каких-то студента, поспешивших убраться до составления протокола. Делу дан законный ход. Все факультеты являлись к ректору выражать свое негодование и уважение» [435, с. 123].

Воскресенье, 7 ноября. «Помер Толстой».

[42] Крупенские – представители дворянского рода Бессарабской губернии, откуда был родом и Л.А. Кассо. П.Н. Крупенский (1863–1939) был депутатом II и IV Государственной думы, монархистом. В 1909 стал одним из руководителей Всероссийского национального клуба. А.Н. Крупенский (1850–1923) был российским послом в Норвегии и Италии.

8 ноября, «6 часов вечера. Я был на совете <Университета>. Решили послать на похороны депутацию из трех человек – ректора, М.Н. Сперанского и М.К. Любавского. Философы уклонились под предлогом болезни. Ректор сообщил о сходке. Слух о резких резолюциях неверен. Сходка прошла мирно. Но студенты решили идти завтра к московскому дому Толстого для гражданского поминовения и к Курскому вокзалу для встречи и провожания депутаций. Если только они выполнят намерения, могут быть осложнения. Завтра решено университет для занятий закрыть. На заседании был В.О. Ключевский. На его лице печать смерти. Я говорил с ним о его знакомстве с Толстым и о том впечатлении, которое могут произвести на народ гражданские похороны отлученного человека. Мне было больно глядеть на него, хотя я и сам болен. Но что я в сравнении с ним? Меня не жалко» [435, с. 124].

Суббота, 13 ноября. Почитание памяти Толстого привело в высших учебных заведениях к ряду манифестаций. Были они и в Москве, но были много слабее, чем в С.-Петербурге. Советские комиссии в Университете и на Высших женских курсах (ВЖК) собирались несколько раз, выслушивали “совершенно конфиденциальные” бумаги от градоначальника [43] и попечителя (бессилие Министерства народного просвещения сказывается и тут: градоначальник – оригинал, попечитель просто его переписывает), совещались, как отписываться на эти бумаги, разрешать ли или не разрешать сходки. “Настоящего учебного настроения не было у молодежи, и аудитории поредели” [435, с. 124].

«Понедельник, 15 ноября. Порядок пока не восстанавливается. В воскресенье были уличные демонстрации <…>. Толпа учащихся при появлении конной полиции разбегалась. Выкидывали флаге надписью: “Долой смертную казнь”. Арестовали человек двести. Помощник градоначальника Модль заверяет, что полиция решительно никого не била, но что некоторые женщины из толпы бранились крепкими словами. Сегодня, конечно, явочные сходки с требованием освободить арестованных. Но сходки в немногих аудиториях, а в большинстве аудиторий шли лекции. Да и сходки расходятся по требованию полиции. Какая-то странная, худосочная канитель. Советская комиссия собирается часто и толкует, что делать, разрешать ли сходку или закрывать заведение, или брать публику измором. На ВЖК решили пока

[43] В то время им был Андрианов Александр Александрович (1861–1918).

пробовать последнее средство, читать пока только это возможно» [435, с. 124–125].

3 декабря 1910 г. «Едва успел отойти Толстой, как надвинулось сечение политических каторжников в Зерентуе [44], за которым последовали покушения на самоубийство, у Сазонова <Созонов> приведшее к смерти [45]. Спешность запроса в Думе отклонили, но сейчас же сходки в высших учебных заведениях в СПБ. На этот раз учащиеся не расходятся добровольно, их пришлось удалять силою. При этом конечно пошли слухи о насилиях полиции, и в Думу внесен соответствующий запрос, которому вероятно тоже предстоит отклонение или отсрочка. Но у учащихся еще повод к волнениям. У нас есть специально московский повод. Левым студентам не понравилась статья кн. Е.Н. Трубецкого в “Русских Ведомостях” о студенческих толстовских беспорядках; созывалась сходка, разрешенная, выразить ему порицание. И выразили, конечно, браня либералов за трусость и клеветы на “демократическое” движение. Кстати, выразили негодование “штрейкбрехерам” толстовских дней. Умеренные студенты собирают подписи под заявлением о глубоком уважении к кн. Трубецкому. Это дело, вероятно, улеглось бы скоро, но подоспело зерентуйское дело. Очевидно, возбуждение есть, ибо теперь святки на носу, а у юристов, да отчасти и у нас, экзамены. И, тем не менее, в университете уже неспокойно. На ВЖК уже вчера была неразрешенная сходка, постановившая бастовать три дня. Сходку быстро разогнали, без особых последствий <…>. Сегодня, когда я шел на лекции в начале первого, я застал ворота университета закрытыми. Студентов туда не пускали. Полковник Модль уже дежурил в университете. Он входил в аудиторию № 1 юридического корпуса и просил

---

[44] Горно-Зерентуйская каторжная тюрьма являлась центральной тюрьмой Нерчинской каторги. Осенью 1910 шесть политических заключенных попытались покончить с собой в знак протеста против бесчеловечного обращения с ними тюремного начальства. Весть о событиях в Зерентуе вызвала всплеск студенческих волнений.

[45] Имеется в виду самоубийство (морфий) в 1910 эсера Е.С. Созонова, который был осужден за убийство министра внутренних дел В.К. Плеве на пожизненную каторгу. (15 июля 1904 в Петербурге, на Измайловском проспекте, Созонов, одетый в форму железнодорожного служащего, бросил бомбу в карету, в которой ехал Плеве, министр был убит на месте, сам же бросивший бомбу – тяжело ранен и арестован. С большим трудом правительству удалось установить, что не пожелавший назвать при допросе свое имя и фамилию террорист – сын уфимского купца, Егор Сергеевич Созонов). Подробнее см. [402].

студентов разойтись. Студенты отвечали, что они пришли не на сходку, а на лекцию Котляревского. Это, конечно, неправда, их было гораздо больше, чем обычно бывает на лекции. <…> Я беседовал с некоторыми участниками моего семинария о политических настроениях теперешнего студенчества. Они говорят, что студенты, поступившие в университет в 1910, значительно левее, чем студенты трех последних приемов (1907–1909). Отсюда в значительной степени и возобновление студенческих беспорядков. Есть ли это полевение студенчества отражение полевения взрослых обывателей, сказать трудно. Но конечно очень важной причиной беспорядков является и усиление правительственной реакции. Если дело пойдет дальше тем же путем, мы и в университете, и вне университета неминуемо встретимся с новою смутой» [435, с. 125–126].

Наталья Егоровна и Владимир Иванович Вернадские, 1911 г.

Суббота, 11 декабря, заседание совета Университета. «Ректор доложил о ходе событий и поставил вопрос, нужно ли опровергать неверные известия о событиях в университете, появляющиеся в газетах. У него в руках были вырезки с клеветническими или лживыми статьями и он привел несколько выдержек из “России” и “Студенческой газеты”. Он предложил не относиться равнодушно к печатным помоям и посильно опровергать. Граф [46] произнес две пышных слащавых речи о

[46] Так А.Н. Савин называет в своем дневнике графа Л.А. Камаровского – в то время профессора и декана юридического ф-та Московского университета, члена-корреспондента С.-Петербургкой АН.

необходимости отстаивать достоинство университета. Но, слава Богу, был и ряд возражений. Указывали (Кожевников, Анучин), что газеты не уймутся, что будут опровергать опровержения и выливать новые помои. Указывали, что администрация университета может ошибиться в мелочах, которые будут раздуты недобросовестными газетчиками. Но самые сильные возражения были сделаны двумя юристами (Шершеневич, Хвостов): опровержения опасны потому, что создадут представление об обязанности университета опровергать лживые сообщения, и что неопровергнутые сообщения будут считаться установленными, на университетскую администрацию падет тяжелое бремя – следить за сообщениями газет об университете, просевать эту газетную труху и опровергать лгунов и клеветников. Хвостов предложил ограничиться тем, чтобы в доклады ректора совету о текущих событиях помещать опровержения наиболее резких лжей и клевет, выявившихся в наиболее распространенных либо наиболее влиятельных газетах, и с согласия совета, в случае надобности печатать эти доклады для раздачи членам совета; приложенные к протоколу, эти доклады дойдут и до министерства. Мануйлов, очевидно, был раздражен гнусными газетными выходками по поводу общества взаимопомощи юристов, дело о котором теперь передано прокурорскому надзору. Слава Богу, Мануйлов принял это примирительное предложение и этим вопрос был исчерпан» [435, с. 126–127].

Согласно Университетскому уставу 1884 г., заседания (собрания) факультетов и заседания Совета собирались по мере надобности и назначались: первые – деканами по принадлежности, а вторые – ректором [47]. Если ориентироваться на дневник А.В. Савина, то заседания Университетского совета проходили примерно один раз в месяц, исключая летние месяцы (в 1910 г. – 30 января, 20 февраля, 20 марта, 4 мая, 26 мая, 15 сентября, 23 октября, 8 ноября, 11 декабря). Судя по всему, примерно с такой же регулярность проходили и заседания факультетских советов (примерно один раз в месяц) [48]. По мере возможности Вернадский, безусловно принимал в этих мероприятиях участие, хотя, например, в его дневнике Вернадского отразилось заседание Совета Университета (а также советской комиссии) только 30 января. Кроме того, он точно отсутствовал на заседаниях университетского

[47] См. Приложение 10.

[48] Например, в дневнике Вернадского есть две записи о его участии в заседаниях факультета – 20 января и 17 февраля 1910 г. – см. Приложение 2.

Совета 20 марта (находился в Петербурге) и 26 мая (был в Вернадовке). К этому надо добавить, что Вернадский участвовал и в совещаниях «небольшой группы» профессоров, которые (по мере надобности) организовывал ректор университета (например, 24 января, 6 февраля, 25 апреля [49]).

Курсы лекций

«Московский период моей научной жизни – вспоминал много лет спустя Вернадский – был чисто минералогический и кристаллографический, но уже в это время зарождалась геохимия, и через изучение явлений жизни я подошел к биогеохимии. Уже в это время я сразу вошел в изучение радиоактивности» [139, с. 150].

Как отметил Г.П. Барсанов [27], создание современной минералогии – новой науки, новой по методам и задачам, происходило в скромных кабинетах и лабораториях кафедры минералогии Московского университета в период 1890–1911 гг. руками и мыслью В.И. Вернадского и его ближайших учеников, причем до В.И. Вернадского школа Московского университета в области минералогии не только не являлась ведущей в мировой науке, но не была и заметным научным центром в России. Автор цитируемой работы также указал, что особая заслуга Вернадского состоит в том, что он понял необходимость внесения в геологические науки, и прежде всего в минералогию, передовых методов и представлений химии и физической химии, благодаря чему развитие минералогии пошло быстрыми темпами. Минералогия получила новое содержание, перед ней встали новые задачи, обеспечивавшие ее прогрессивное развитие. Уже в то время Вернадский в своих лекция и учебниках излагал не статическую систему предметов и явлений, а динамическую историю минералов и химических элементов в природных процессах, сменявших друг друга в течение геологического времени.

В Московском университете Вернадский вел лекционные курсы параллельно на двух факультетах: в 1891–1911 гг. – на физико-математическом (кристаллография в первом полугодии, минералогии – во втором и практические занятия по обоим курсам) и в 1891–1904 гг. – на медицинском (сокращенный курс минералогии и кристаллографии

[49] См. записи в дневнике – Приложение 2.

и практические занятия для желающих). Между прочим, некоторые выпускники медицинского факультета впоследствии называли Вернадского своим учителем. За это время Вернадский издал несколько лекций (курсов) по кристаллографии и по минералогии [50]. Заметная часть из них – так называемые литографированные издания студентов. Такие издания – из-за нехватки учебной литературы – практиковались уже со второй половины XIX в. Как вспоминал известный экономист, статистик, профессор Московского университета Н.А. Каблуков, среди студентов были такие, которые «кропотливо записывали лекции профессора и затем издавали их, скудно поддерживая тем свое существование; были и настоящие предприниматели-издатели, нанимавшие для записывания лекций своих товарищей, а сами занимавшиеся издательством нескольких курсов» [281, с. 124]. Эти издания не всегда отличались качеством содержания, но, судя по всему, Вернадский к таким изданиям своих лекций подходил ответственно и они в больше степени представляли собой «авторизованные» издания [51].

В 1891–1912 гг. у Вернадского вышли в свет 7 курсов лекций по минералогии и кристаллографии, читанные студентом-медикам [68, 71–73, 75, 77, 78], 6 курсов лекций по кристаллографии и минералогии, читанные студентам естественникам Московского университета [70, 74, 89, 101, 102, 114], также лекции для слушателей Высших женских курсов [85].

«В 1910 г., благодаря инициативе моего слушателя, теперь проф. А.В. Казакова, я начал переиздавать свои лекции Московского университета, в большом числе экземпляров, как книгу. Я пользовался для этого и записями А.В. Казакова, и моими собственными (для силикатов и алюмосиликатов почти сплошь), и прежними изданиями лекций. Второй том, посвященный всецело силикатам и алюмосиликатам, вышел в 1912 г. [52], когда меня уже не было в Москве. <…> Эти лекции <…> у нас они быстро разошлись и оказали прочное влияние. Оно еще увеличилось долголетним моим преподаванием в Московском университете и преподаванием моих учеников, вошедших в круг этих идей и занявших кафедры минералогии в ряде высших школ» [155, с. 30–31].

---

[50] Как отметил Д.П. Григорьев, Вернадским «был составлен курс лекций с новой трактовкой минералогии, который должен расцениваться как выдающееся явление в педагогической литературе» [209, с. 29].

[51] О студенческих литографированных изданиях см. [245, 551].

[52] См. [114].

В 1910 г. вышли в свет два выпуска «Минералогии»: второе издание II-й части [101] и третье (переработанное и дополненное) издание I-й части [102].

Вторая часть 2-го издания «Минералогии» начинается с небольших дополнений (12 страниц) к предыдущему изданию этого курса (см. [89). Дополнения включают [101]:

- «Продукты присоединения к метасиликатам», в котором дается краткая характеристика группы апофиллита: физические, особенно оптические, свойства, химический состав, основные месторождения (приурочены в основном к вулканическим породам и к верхним частям конкреционных и пегматитовых жил), рассматриваются вопросы их образования и изменения при выветривании на земной поверхности.

- «Продукты присоединения к ортосиликатам». В этом дополнении дается характеристика группы палыгорскита и группы мелилита и геленита (химический состав, физические свойства, генезис, изменения). Отмечается, что группа палыгорскита является одним из распространенных соединений магния в коре выветривания, а природа «этой весьма сложной группы в значительной мере выяснена лишь недавно – 1–2 года назад – Ферсманом. Название группы было дано Савченковым [53] в 1862 г.». Вернадский подчеркивает, что геленит – в природе довольно редкий минерал контакта, но образуется в огромном количестве в шлаках при добыче железа и других металлов.

Основная часть данных лекций состоит из двух разделов: «А. Соли глин» и «В. Продукты присоединения к солям глин» [101].

В начале раздела «Соли глин» Вернадский отмечает, что для всех этих соединений общим свойством является весьма обычный переход их на земной поверхности (вообще при выветривании) в глины и искусственное получение их из глин, т. е. для всех «солей глин» является типичным каолиновое ядро. Он подробно характеризует следующие группы минералов (химический состав и классификация членов группы, кристаллографические и физические свойства, условия генезиса минералов, их изменения при выветривании, практическое значение): группу лейцита и группу полевых шпатов (эта группа является самой важной и самой распространенной из всех силикатов и составляет не менее 25% по весу всей массы земной коры).

---

[53] Назван по месту открытия – Палыгорская дистанция бывшего Пермского горного округа. Термин ввел в обиход минералог и инженер Горного департамента Т.В. Савченков.

Проф. В. И. Вернадскій.

Минералогія.

СОДЕРЖАНІЕ:

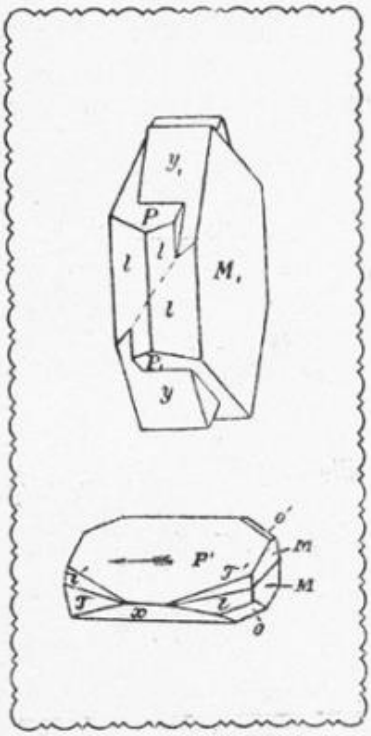
Группы Апофиллита, Гелените, Мелилита и Палыгорскита.

Алюмо-феррисиликаты и продукты присоединенія къ нимъ.

Боросиликаты.

Ванадіо и фосфатосиликаты.

Иттро и Церосиликаты.

СОДЕРЖАНІЕ:

Цирконаты — простые и сложные.

Титанаты ,, ,,

Манганаты ,, ,,

Кобальтаты ,, ,,

Второе изданіе.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, (№ 9).
1910.

Титульный лист книги В.И. Вернадского «Минералогия. Второе издание. Часть II». М., 1910

Вернадский напоминает, что теория строения полевых шпатов как изоморфных смесей была впервые высказана немецким ученым Гесселем. Однако его теория не была понята современниками и вновь независимо от Гесселя была установлена Чермаком. Тем не менее, отмечает Вернадский, теория изоморфных смесей не охватывает целиком всех свойств полевых шпатов и останавливается на некоторых неясностях и противоречиях. Он также указывает на то, что на земной поверхности все полевые шпаты неустойчивы и подвергаются (под влиянием H_2O, CO_2, кислорода воздуха, действия организмов и пр.) энергичным процессам разложения. «Процессы выветривания полевых шпатов идут всюду, куда приникают атмосферный воздух и почвенные воды; продукты распада этих соединений окружают нас со всех сторон» [101, с. 37]. Вернадский различает две категории распада полевых шпатов. В одном случае каолиновое ядро полевых шпатов сохраняется, в другом – нет. В последнем случае совершается полный разрыв кольцевого строения каолинового ядра, в результате чего образуется совершенно особая группа тел. Тем не менее большинство процессов распада полевых шпатов идет в таком направлении, что каолиновое ядро сохраняется. Он также отмечает, что в огромном большинстве случаев распад каолинового ядра связан с метаморфизацией; при выветривании такие явления известны только при участии организмов (например, образование бокситов).

В начале раздела «Продукты присоединения к солям глин» Вернадский указывает, что для всех продуктов присоединения к солям глин является общим:

1. Каолиновое ядро, образованное элементами, остающимися неизменными во время ряда химических изменений тела.

2. Более легко удаляемые и замещаемые группы элементов, помещаемые в боковой цепи (А).

Далее достаточно подробно характеризуются продукты присоединения (химический состав, классификация, физические свойства, условия генезиса и изменения при выветривании членов группы) к алюмосиликатам разного типа по следующим группам: нефелина, эпидота, гранатов, берилла, скаполита, слюд, цеолитов, хлоритов и хлоритоидов и др. Вернадский отмечает очень слабую изученность минералов группы слюд, которые – в то же время – чрезвычайно распространены в природе, составляют несколько процентов (может быть, больше 10%) по весу всей земной коры, являются одной из наиболее существенных составных частей многих обычных горных пород (гнейсов,

гранитов, различных сланцев и т. д.). Он систематизирует известные данные по различным свойствам, генезису и изменению слюд, а также анализирует доступные сведения по содержанию в них химических элементов (около 30). На примере цеолитов Вернадский рассматривает различные типы нахождения воды в минералах (конституционная + кристаллизационная = гидратная; цеолитная, гигроскопическая).

В качестве особой группы кремнеглиноземистых тел Вернадский предлагает рассматривать скопления (массой в миллионы тонн) в земной коре той магмы, которая дает начало массивным породам. По его представлениям, во время вулканических извержений жидкая магма выливается на земную поверхность. В результате ее застывания и распадения образуются все плутонические и вулканические горные породы. Разрушение последних приводит к образованию осадочных пород – более позднего звена в этом круге процессов. Осадочные и массивные породы при действии давления переходят в метаморфические, а в некоторых участках земной коры эти метаморфические породы дают (может быть, вследствие давления и повышения температуры) опять магму. Вернадский также отмечает, что при выходе на земную поверхность из магмы (лавы) выделяются различные вещества (газообразные, продукты возгонки, рыхлые продукты, грязевые потоки и др.). Небольшой раздел лекций посвящен природным стеклам, которые, как указывает Вернадский, не представляют по своему химическому составу аналог магм, а являются одним из продуктов ее распада, причем химический характер естественных стекол очень слабо изучен. По его мнению, эта группа тел представляет также теоретический интерес в том отношении, что в них «мы встречаемся с первичной формой нахождения элементов воды».

Оставшаяся часть книги посвящена рассмотрению (по той же схеме) боросиликатов (простых и сложных), ванадио- и фосфатосиликатов, иттро-и церосиликатов, цирконовых соединений, титанистых соединений, манганатов (соли и производные MnO_2) и кобальтатов. Боросиликаты – комплексные кремнеземистые соединения, в которых место алюминия занимает бор, – весьма обычны в земной коре, причем химический характер бора во многом аналогичен алюминию. В природе бор не является редким элементом. Главная масса его сосредоточена в самостоятельных борных минералах (боросиликаты, алюмоборосиликаты, гидраты окиси бора, соли простых борных кислот). Вернадский рассматривает химический состав боро- и алюмоборосиликатов, физические свойства турмалина (представляющего особый

интерес) и других членов этой группы, условия генезиса турмалина, его изменения при выветривании. Касаясь группы ванадио- и фосфатосиликатов, он указывает на их в целом очень слабую изученность, а также отмечает, что фосфорнокремнеземистые соединения встречаются в почвах и их генезис часто связан с жизнедеятельностью организмов.

Довольно подробно рассматриваются силикаты редких земель – иттро- и церосиликаты. Отмечается, что они не так уже и не редки в природе, как первоначально считалось. Первым, что бросается в глаза при изучении этой группы соединений, является факт совместного нахождения в иттро-церовых силикатах целой серии родственных химических элементов. «Несомненно, в природе есть законности, выражающиеся в парагенетической ассоциации как минералов, так и отдельных элементов. по отношению к минералам это явление во многом выяснено, что же касается случаев постоянной парагенетической ассоциации целой серии химических элементов, то явление это во многом загадочно. Является ли это следствием распадения одной общей первичной материи, или каких-либо других причин – трудно сказать. В данном случае вместе с Ce и Y встречается целый комплекс химических элементов, схожих между собой как по условиям своего образования, так и по своим химическим функциям» [101, с. 134–135]. Элементы группы Ce и Y встречаются в природе в первичной форме своих соединений в следующих группах минералов: фосфаты, иттро- и церосиликаты, цирконосиликаты, титанониобаты и титанотанталаты, ниобаты и танталаты. Отмечается, что манганаты играют в истории марганца очень «крупную и характерную роль», поскольку, судя по всему, в коре выветривания, в верхней термодинамической оболочке земной коре, все соединения марганца переходят в конце концов в MnO_2, как соединения титана или кремния.

Первый выпуск третьего издания «Минералогии» включает «Часть общую» и «Часть описательную». В свою очередь «Часть общая» содержит «Отдел А. Условия нахождения и образования минералов в земной коре» (7 глав – I–VII, 78 параграфов) и «Отдел Б. Химический состав и физико-химические свойства минералов» (6 глав – VIII–XIII, 43 параграфа) [102].

В главе I Вернадский дает краткий исторический очерк, рассматривает современное положение минералогии в ряду других наук и определяет ее основные задачи. Он, прежде всего, отмечает, что минералогия, являясь одной из древних отраслей естествознания, в

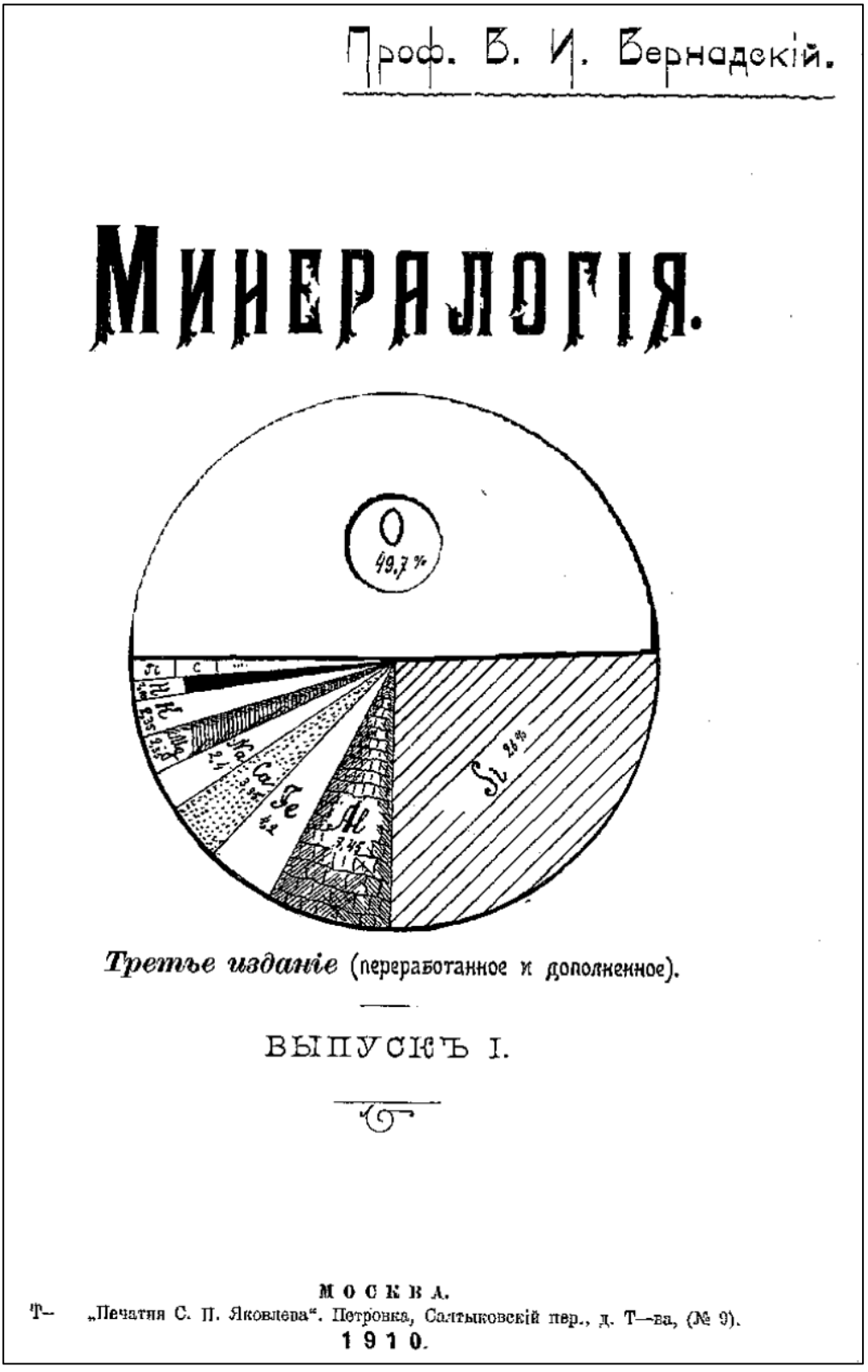
современное время изменяется в своем содержании, находится в периоде интенсивного развития и перестройки. Минералогия – под влиянием развития геологии и физической химии – вступила на путь самостоятельного развития, отделившись от кристаллографии и химии по характеру затрагиваемых в ней вопросов и методу исследования. «Минералогия представляет собою химию земной коры. Она имеет задачей изучение как продуктов природных химических процессов, т[ак] наз[ываемых] минералов, так и самих процессов. Она изучает изменение продуктов и процессов во времени и в различных естественных областях земной коры. Она исследует взаимные естественные ассоциации минералов (их парагенезис) и закономерности этих образований» [102, с. 3–4]. Химия земной коры [54] исследует не только естественную историю в ней отдельного химического элемента, но решает другой очень важный общий вопрос – вопрос о законностях совместного нахождения различных химических элементов в земной коре и их взаимных соотношениях во времени и в разных областях земной коры (их парагенезис). Важным является то, что законности в распределении химических элементов в земной коре не совпадают с законностями в истории их естественных соединений (минералов), ибо многие из химических элементов в природных условиях не дают соединений, а являются рассеянными в других телах в форме, пока малоисследованной.

В главе II Вернадский раскрывает понятие о «земной коре» – поверхностной оболочке земного шара, доступной в настоящее время нашему наблюдению и исследованию, и подчеркивает, что по ряду причин сейчас мы можем изучать не химию земного шара, а лишь химию земной коры, причем ту ее часть, которая составляет не более половины всей земной коры, лишь для этой области земной коры «мы до известной степени можем изучить химические продукты, иметь из нее образчики, выяснить ее строение». В этой части земной коры следует выделить ряд отдельных горизонтов с точки зрения химических реакций земли, которые, охватывая всю земную кору, составляют как бы ряд оболочек – ряд областей, находящихся в особых состояниях температуры, давления, состава, физической фазы вещества [55]. Каждая из этих термодинамических оболочек, играющих огромную роль в химии земной коры, характеризуется определенными минералами, в ней

[54] Ниже, в сущности, речь идет о геохимии и ее задачах.

[55] Эти и последующие рассуждения получат в 1942 дальнейшее и глубокое развитие в известной статье Вернадского [131].

образующимися, и представляет совершенно особую область химических процессов. Минералы устойчивые в одной области, неустойчивы в другой, и химические элементы, дающие в одной области одни тела, дают в другой совершенно иные соединения.

Проф. В. И. Вернадскій.

Минералогія.

Третье изданіе (переработанное и дополненное).

ВЫПУСКЪ I.

МОСКВА.

Т— „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, (№ 9).

1910.

Титульный лист книги В.И. Вернадского «Минералогия. Третье издание. Выпуск I. М., 1910

В земной коре можно различать три оболочки:

1. Внешнюю газообразную – атмосферу (играет на земной поверхности роль окислителя и гидратизатора минералов, вследствие свободного кислорода, CO_2, окислов азота и водяных паров, всегда находящихся в воздухе).

2. Жидкую (океаны и т. д.) – гидросферу (вызывает многочисленные реакции растворения; в морской воде растворены соединения больше 30 химических элементов, в тесной связи с гидросферой находится поверхность суши, пропитанная водой, находящаяся в тесной химический связи и с атмосферой).

3. Твердую оболочку земной коры – литосферу (она содержит почти все известные нам минералы земного шара и является главной областью химических реакций земли; в ней можно различить три слоя: поверхностный (область выветривания), средний (область метаморфизма) и внутренний (область магматизации).

В главе III рассматривается химический состав земной коры и приводится таблица с известными на то время данными о распределении в ней (литосфере, гидросфере, атмосфере) 81 химического элемента. Вернадский указывает на чрезвычайно своеобразное распределение химических элементов в земной коре. Он предлагает выразить это распределение в таблице, в которой химические элементы разбиты на группы, каждая из которых охватывает элементы, различие в степени распространенности которых не превосходит 10 (кроме 1 и 10 групп). Этим путем можно разбить элементы на 10 групп (декад) (см. табл. 3).

Таблица 3

Порядок по распространению.	% по весу земной коры.	
I.	10 – 100	O, Si.
II.	1 – 10	Al, Fe, Ca, Na, Mg, K, H.
III.	0,1 – 1	Ti, C, Cl, S, P.
IV.	0,01 – 0,1	Mn, N, Ba, F, Zr, B, V, Li, Ni, Sr, Cr, Br.
V.	0,001 – 0,01	Be, Y, Sn, Ge, Co.
VI.	0,0001 – 0,001	Ar, J, Rb, Pb, Zn, Th, W, Ta.
VII.	0,00001 – 0,0001	La, Mo, As, Cu, Nd, Nb, Sb, U.
VIII.	0,000001 – 0,00001	Bi, Hg, Se, Ag, Tl, Cs, Cd, Te, Pr, Au.
IX.	0,0000001 – 0,000001	Ga, In, Pt, He, Pd, Sc.
X.	Меньше 0,0000001	Gd, Ge, Yb, Lu, Jr, Kr, X, Ne, Os, Rh, Ru, Tb, Tu, Nr, Eu, Sm, Ra, Dy.

Вернадский рассматривает некоторые особенности и законности в распределении химических элементов в земной коре. Он отмечает, что указанные выше декады отражают только самое общее представление о структуре земной коры, рассматриваемой целиком (как космическое тело). В земной коре встречается совсем иное распределение элементов, местами необыкновенно редкие элементы (с точки зрения валового анализа) находятся в значительных массах (в значительных скоплениях). Именно поэтому необходимо вместо общего схематического представления о составе земной коры переходить к детальному, точному изучению ее состава в отдельных условиях. В то же время для некоторых химических элементов характерно рассеянное состояние в общей массе земной коры. Такие элементы как бы совершенно исчезают из рассмотрения при изучении химии земной коры, они не дают минералов, а как бы растворены, рассеяны в чуждых им самых разнообразных телах. Вернадский также указывает на наличие в природе циклических химических процессов. Так, он отмечает, что минералы являются промежуточными, временными членами одного и того же химического процесса, неуклонно и постоянно возобновляемого в природе, причем химические реакции земной коры представляют определенные циклы, определенные системы химических изменений, которые постоянно повторяются в том же порядке.

Глава IV посвящена рассмотрению форм нахождения минералов в природе. «Минералы в природе могут скопляться иногда в виде огромных масс, иногда находиться в ничтожных количествах, иногда быть рассеянными в виде тонкого порошка в посторонних им массах». Все скопления или выделения минеральных тел находятся в литосфере, которая состоит из отдельных участков, образованных правильно и тесно смешанными между собой немногими минералами. Такие участки литосферы, отличающиеся по своему происхождению, химическому и минералогическому составу и физическому характеру, называются горными породами, которые составляют главную массу земной коры и по своему происхождению, структуре, химическому составу могут быть разделены на три главных типа: а) массивные породы (95% по весу литосферы), в) кристаллическо-слоистые породы и в) осадочные и обломочные породы. Массивные горные породы представляют собой наиболее важный элемент в строении земной коры, так как, во-первых, из них прямо или косвенно образовались другие два типа пород и, во-вторых, химический состав их в общем соответствует валовому составу литосферы.

В главе V речь идет о «минеральных телах», под которыми Вернадский предлагает различать участки горных пород, отличных по своему химическому и минералогическому составу и строению [56]. Он пишет, что впервые это понятие под названием «рудных тел» вошло в учение о полезных ископаемых, но оно целиком может быть перенесено и в область минералогии (но здесь размеры минеральных тел – по своей массе – меняются от долей грамма до миллионов тонн). Условия, в которых минерал находится в природе, называют его месторождением, причем в каждом из них можно различать: 1) форму месторождения, или минеральное тело, 2) парагенезис минералов, т. е. ассоциацию минералов, которые совместно находятся в том же минеральном теле, 3) генезис минерального тела и составляющих его минералов (их происхождение). Приводится (в виде таблице) классификация минеральных тел (для указанных выше трех главных типов горных пород). Особое внимание уделяется жилам, которые по разнообразию находящихся в них минералов и по значению, какое имеют в истории химических элементов в земной коре, играют в минералогии исключительно важную роль. По своему генезису они могут быть разделены на два типа: 1) связанные непосредственно с магмами, 2) связанные с водными растворами. Дается систематический обзор группы жил.

В главе VI рассматриваются псевдоморфозы, изучение которых позволяет восстановить химические реакции земной коры в данной местности и исчезнувшие (некогда в ней существовавшие) минералы.

В главе VII «Парагенезис» отмечается, что «минеральной ассоциацией называется совместное нахождение минералов в природе, в одном и том же минеральном теле». Именно изучение минеральных ассоциаций и привело к учению о парагенезисе. «Мы называем парагенезисом какого-нибудь минерала или химического элемента определение тех минеральных ассоциаций, среди которых он находится в природе». При определении парагенезиса необходимо точно установить: 1) минеральные тела, в которых встречается данный минерал или элемент, 2) минеральные ассоциации, которые при этом наблюдаются, 3) генерации минералов ассоциаций, т. е. определение того, какие из минералов ассоциаций древнее или моложе по отношению друг к другу.

---

[56] Одновременно он подчеркивает, что «необходимо помнить, что научная номенклатура в этой области развита очень слабо. Большею частью приходится пользоваться прикладной номенклатурой, достигшей в учении о рудных месторождениях большого совершенства».

Особо подчеркивается, что «точно также, как по отношению минералов, можно изучать парагенезис химических элементов. Причем и для них – путем изучения генераций их соединений – можно изучать их историю, изменение их соединений во времени. В этом отношении только намечаются некоторые определенные законности».

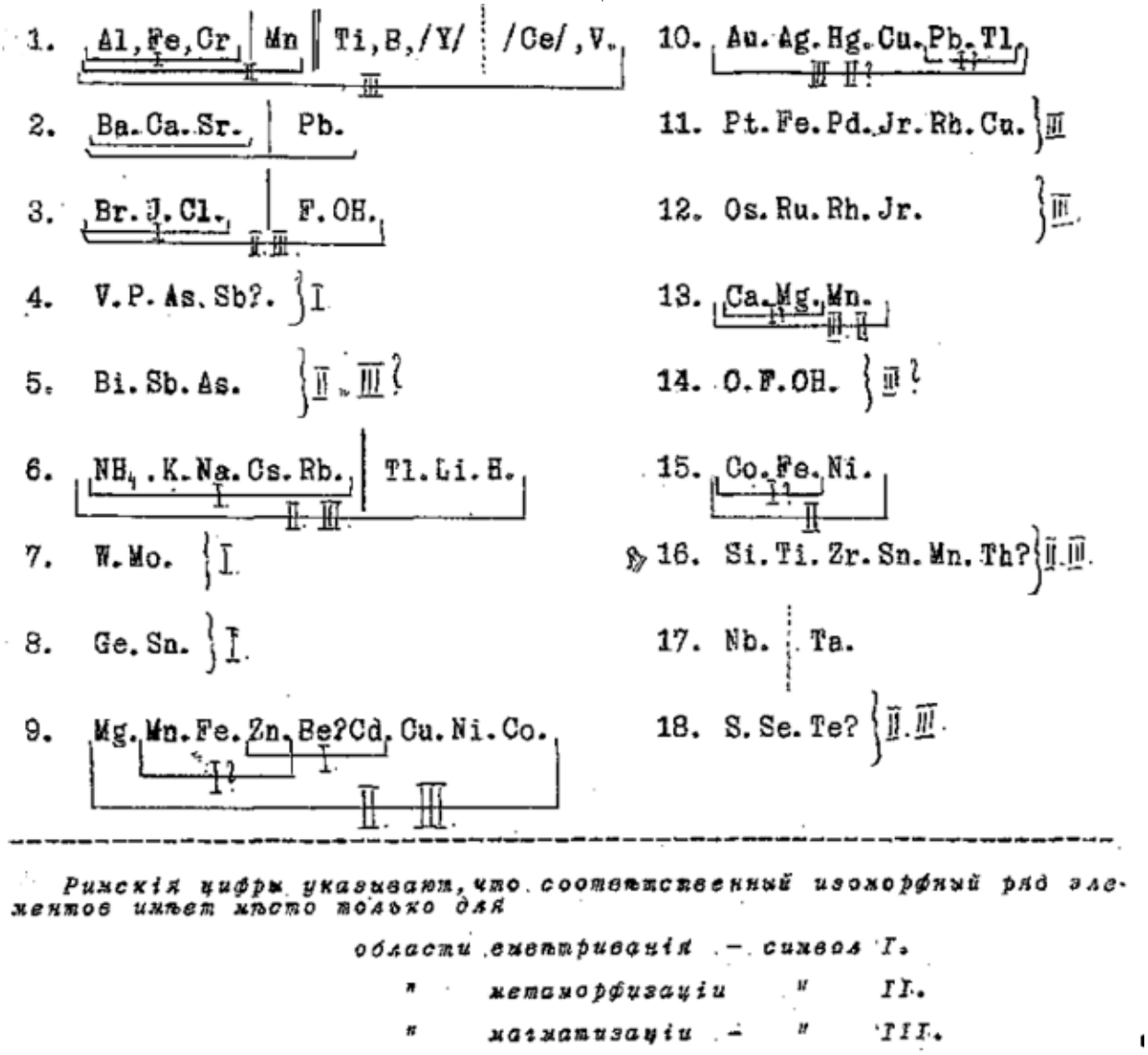
Отдел Б. «Химический состав и физико-химические свойства минералов» включает главы VIII–XIII. Огромное большинство минералов (химических соединений, образующихся на земле естественным путем) является в твердом виде, которые и служат главным предметом изучения в минералогии. Твердые минералы, являющиеся чистыми химическими соединениями, распадаются на два класса: 1) определенные химические соединения (отношения между элементами выражены простыми рациональными числами), 2) неопределенные химические соединения (отношения не между всеми элементами выражены простыми рациональными числами), которые включают: а) твердые растворы, б) изоморфные смеси, в) диссоциационные системы.

Дается довольно подробный исторический очерк развития идей изоморфизма, приводятся современные взгляды на изоморфизм. Подчеркивается, что в минералогии изоморфные смеси имеют особое значение, так как они позволяют предвидеть законности в распространении химических элементов в земной коре. Можно разделить все химические элементы на определенные изоморфные ряды по характеру изоморфных смесей их соединений. Изоморфным рядом называется группа элементов, аналогичные по химической формуле (и кристаллической сетке) соединения которых способны давать изоморфные смеси. Природные изоморфные ряды элементов не совпадают с теми рядами, которые могут иметь место в искусственных соединениях. Способность элементов к изоморфному замещению меняется в зависимости от температуры и давления. Установление изоморфных рядов элементов является чисто эмпирическим обобщением. Найти ясную связь с периодической системой элементов нельзя. Один и тот же элемент может наблюдаться в нескольких изоморфных рядах. Приводится таблица таких рядов элементов для земной коры (см. табл. 4).

В дополнение к этой таблице приводится также систематическая таблица химических элементов, показывающая их способность к изоморфному замещению в зависимости от изменения температуры и давления (см. табл. 5). Из таблицы видно, что некоторые элементы совершенно не обладают способностью к изоморфному замещению в земной коре, что особенно характерно для Be, N, C и U. Если в

искусственно полученных соединениях N изоморфен P, Be изоморфен Mg, Fe, то в природных соединениях ничего подобного мы не наблюдаем. Изоморфные ряды имеют огромное применение, ибо позволяют предвидеть химический состав неопределенных соединений.

Таблица 4

Римскія цифры указываютъ, что соотвѣтственный изоморфный рядъ элементовъ имѣетъ мѣсто только для

области выветриванія — символъ I.
" метаморфизаціи " II.
" магматизаціи — " III.

В «Части описательной» («описательная минералогия») рассматриваются самородные (твердые и газообразные) элементы, сернистые и селенистые соединения, сложные сернистые соединения, полисернистые соединения, кислородные соединения, простые и сложные окислы, простые гидраты, сложные гидраты и галоидоангидриды. В ходе описания минералов Вернадский рассматривает их химически состав, физические свойства, нахождение в природе, изменение в ходе процессов выветривания и в связи с деятельностью низших организмов.

Таблица 5

	I	II	III		I	II	III		I	II	III
Азот	–	–	–	Кремній	–	16	16	Ртуть	–	10?	10
Алюминій	(1)	(1)	1	Криптон	–	–	–	Рубидій	(6)	6	6
Аргон	–	–	–	Ксенон	–	–	–	Рутеній	?	?	12
Барій	2	(2)	(2)	Лантан	(1)	(1)?	1	Самарій	(1)	(1)	1
Бериллій	9?	–	–	Літій	?	6	6	Свинец	2	10	10
Бор	–	1?	1	Лютецій	(1)	(1)	1		(10)		
Бром	(3)	?	–	Магній	–	9	9	Селен	–	18	18
Ванадій	4	(1)	1?		(13?)	13	13	Серебро	–	10?	10
Висмут	–	5	5?	Марганец	(9)	(1)	1	Скандій	(1?)	(1?)	1?
Водород	–	6?	6			9	9	Стронцій	(2)	2	2
Вольфрам	7	–	–			13	13	Сёра	–	18	18
Гадолиній	(1)	(1)	1			16	16	Сурьма	4?	5	5?
Галлій	?	?	?	Молибден	7	–	–	Таллій	(10)?	6	6
Гелій	–	–	–	Мышьяк	4	5	5?			10	10
Германій	8	?	?	Мёдь	–	9	9	Тантал	17?	17	17
Диспрозій	(1)	(1)	1			10?	10	Теллур	–	18?	18?
Европій	(1)	(1)	1	Натрій	(6)	6	6	Тербій	(1)	(1)	1
Желёзо	(1)	(1)	1	Неодимій	(1)	(1)	1	Титан	–	16	1
	(9)	9	9	Неогольмі	(1)	(1)	1				16
			11	Неон	–	–	–	Торій	–		16?
Золото	–	10?	10	Никкель	?	9	9	Тулій	(1)	(1)	1
Индій	?	?	?			15	15?	Углерод	–	–	–
Иридій	?	?	11	Ніобій	17?	17	17	Уран	–	–	–
			12	Олово	–	?	16	Фосфор	4	–	–
Иттербій (неоиттербій)	(1)	(1)	1		8?			Фтор	–	3	3
Иттрій	(1)	(1)?	1	Осмій	?	?	12	Хлор	(3)	3	3
Іод	(3)	?	–	Палладій	–	3	11	Хром	(1)	1	1
Іоній	–	–	–	Платина	–	?	11	Цезій	(6)	6	6
Кадмій	(9)?	9	9	Празеодим	(1)	(1)	1	Церій	(1)	(1)	1
Калій	(6)	6	6	Радій	–	–	–	Цинк	(9)	9	9
Кальцій	2	(2)	(2)	Родій	?	?	11	Цирконій	–	16	16
	(13)?	13	13				12	Эрбій	(1)	(1)	1
Кислород	–	–	14?	Ртуть	–	10?	10				
Кобальт	(15)	15	15?	Рубидій	(6)	6	6				
			9								

Примечание: 1) Римские цифры означают то же, что и в первой таблице. 2) Скобки “( )” указывают на принадлежность данного элемента в соответственной термодинамической оболочке к неполному изоморфному ряду. 3) Знак “–“ означает отсутствие способности к изоморфизму данного элемента в соответственной термодинамической оболочке.

Надо отметить, что, рассматривая простые окислы, Вернадский подробно останавливается на «минералогических разностях природной воды и их месторождениях», на огромном значении воды в химии земной коры, указывает на циклический характер процессов синтеза воды и переходе ее в связанное состояние. В начале этой части Вернадский отмечает, что в настоящее время классификация минералов имеет для нас лишь практическое значение, подобно различным классификациям химических соединений, она является лишь средством лучше ориентироваться среди разнообразных тел минерального царства. Но есть один основной принцип, которые теперь лежит в основе всех современных классификаций: всякая научная классификация минералов должна исходить из их химического состава.

В последнее время, утверждает Вернадский, появился новый фактор, который увеличивает количество свободных химических элементов на земной коре. Фактором этим является деятельность человека. Он приводит масштабы добычи человеком основных металлов (золота, алюминия, никеля, ртути, серебра, олова, меди, цинка, свинца и железа) и подчеркивает, что в ходе их добычи «были переработаны колоссальные количества руды. Мы стоим лишь перед началом добычи металлов. Добыча Fe, Al, Cu все увеличивается и человек совершает все большую и большую работу химического характера, постоянно перерабатывая верхнюю покрышку земной коры и переводя значительную часть ее соединений в свободные элементы». Вернадский также отмечает, что используемые человеком самородные металлы постепенно рассеиваются в пространстве и переходят в неизвестные пока для нас подвижные формы, а также указывает на то, что в газовом обмене земной коры очень важным фактором является деятельность человека – сжигание топлива, причем «нельзя не признать, что развивающаяся промышленность в течение немногих столетий должна внести заметные изменения в состав атмосферы». Касаясь процессов поглощения в природе CO_2, он обращает внимание на процессы, связанные с жизнедеятельностью организмов.

Основы кристаллографии

Вернадский справедливо считается одним из виднейших кристаллографов России. По мнению академика В.С. Урусова, «вклад В.И. Вернадского в кристаллографию достаточно велик даже по объему

написанного им, и он еще не был оценен потомками в должной мере» [501, с. 3]. Идеи и понятия кристаллографии всегда занимали в его научном мировоззрении особое место [237, 238]. Действительно, кристаллография долгое время являлась основным направлением научной и преподавательской деятельности ученого, по крайне мере, до 1910 г. Начиная с 1911 г., он практически не публикует работ, имеющих к ней отношение [57].

В 1903 г. В.И. Вернадский издает первый выпуск первой части книги «Основы кристаллографии» [79]. В ней содержится пять глав (первая – Очерк развития кристаллографии, вторая – Предмет кристаллографии. Понятие о кристалле, третья – Явления симметрии, их законы и их зависимость от строения кристалла, четвертая – Геометрические правильности кристаллических многогранников, пятая – Обзор кристаллических строений). В разделе от автора сказано: «Работа, первый выпуск которой лежит пред читателем, явилась результатом многолетнего преподавания кристаллографии в Московском университете, а также научной работы и размышления в этой области в течение более 15 лет. <…> Моей задачей было дать в ней изложение современного состояния кристаллографии, подвергнуть критике и проверке многие из господствующих в науке взглядов и кроме того проверить на всем доступном мне научном материале некоторые идеи и принципы, которые не являются распространенными, – или даже должны считаться совсем непринятыми, – но которые казались мне вытекающими из ныне известного материала и способными осветить ныне темные области» [79, с. III]. Вернадский отметил, что в конце книги (2-го выпуска) будут даны литературные и библиографические примечания и исправления к отдельным параграфам, причем второй выпуск – заключающий явления полиморфизма, кристаллизации (в том числе и двойников), спайности, вытравливания, скольжения – печатается; им закончится первая часть всего сочинения.

К сожалению, Вернадский так и не смог завершить и опубликовать указанный второй выпуск «Основ кристаллографии».

Из письма Вернадского к Я.В. Самойлову 14 марта 1904 г.: «После долгих колебании решился отложить печатание 2го выпуска “Кристаллографии” и начать с осени печатать “Описательную минералогию”:

[57] Хотя, например, в письме Н.Е. Вернадской (от 19 октября 1913) пишет: «А сейчас у меня опять пробуждается интерес к математике и кристаллографии» [146, с. 170].

побудило меня к этому то обстоятельство, что у нас нет теперь под руками никакой книги для минералогии, и я это очень сильно чувствую на каждом шагу. Летом большую часть рукописи приготовлю к печати. Как Вы думаете – если выбросить совсем введение? Начать прямо с систематики?» [58]. 23 марта 1904 г. Самойлов ответил ему: «То, что Вы отложили составление 2-го выпуска “Кристаллографии” и взялись за “Описательную минералогию”, было для меня неожиданностью. Лично для меня было чрезвычайно интересно, и я с большим нетерпением ожидал второй части “Кристаллографии”, особенно некоторых глав, о которых мы с Вами говорили, но появление Вашей “Описательной минералогии” охватывает интересы и запросы несравненно большего количества людей. Полное отсутствие руководств “Описат[ельной] минералогии” – настоящих, а не каталогов – прямо поразительно. И если бы Вы видели, как мои студенты (их 101 человек) ухитряются заниматься по шести экземплярам Вашей минералогии (мой личный экземпляр – шестой). Я думаю, Вы были бы очень растроганы, и еще больше почувствовали бы, что Ваше решение выпустить “Минералогию” отвечает истинной и очень настоятельной нужде. Что касается “Введения”, то, конечно, оно желательно, но если бы составление Введения задержало издание “Минералогии”, то лучше выпустить ее без введения, настолько велика в ней потребность» [404, с. 180].

Второй выпуск (первой части) был опубликован в 1988 г. под названием «Лекции по физической кристаллографии» [134]. Публикаторы указывают, что эти «Лекции» написаны в 1908–1909 гг., что не совсем верно. Вернадский действительно в 1909 г. работал над «Кристаллографией». Так, в письме Я.В. Самойлову от 22 июля 1909 г. он пишет [59]: «Обрабатываю “Кристаллографию” – очень она у меня разрастается. Любопытные результаты получаются при применении к явлениям кристаллизации принципа Ле Шателье–Джиббса. Применив учение о фазах, принцип свободной энергии и принцип Ле Шателье – в связи с представлением о разных формах энергии кристалла – получается совершенно стройная картина явлений кристаллизации. О принципе Ле Шателье м[ожет] б[ыть] сделаю сообщение» [60].

---

[58] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1996. Л. 5–5 об.

[59] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1996. Л. 23 об.

[60] Об этом было его сообщение на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей – см. выше, а также Приложение 3.

Работу над «Кристаллографией» он продолжал и в 1910 г., подтверждением чему являются следующие факты. Во-первых, во «Введении» к «Лекциям по физической кристаллографии» Вернадский пишет: «В этом втором выпуске <Основ кристаллографии>, касающемся области физической кристаллографии, необходимо было ввести некоторые новые понятия, которых не приходилось касаться в первой части основ кристаллографии. За семь лет, прошедших после издания 1-й части, накопилась огромная масса нового материала. Но не столько новые открытые в этой области явления, не столько даже работа в области кристаллографии, сколько развитие физической химии и та революция, которая совершается на наших глазах в области физических знаний, заставляет коренным образом переработать материал физической кристаллографии» [134, с. 66]. Фраза «за семь прошедших лет» явно указывает на то, что «Введение» составлялось Вернадским в 1910 г. Во-вторых, в разделе «Полиморфизм» у него есть ссылка на работу «Вернадский Опыт описательной минералогии, 1910» [134, с. 66, с. 113]. В-третьих, на с. 138 в примечаниях Вернадским указано: «О характере граней цеолитов см. любопытные наблюдения *А. Ферсмана*. Труды Геол. Музея Петра Великого, Академия наук. III. СПб., 1909. Явления эти не изучены» [134 с. 138]. Указанная работа Ферсмана увидела свет в 1910 г. [61]. Больше того, на этом томе трудов Геологического музея указано: «Напечатано по распоряжению Императорской Академии наук. Ноябрь 1910 года», а в конце статьи Ферсмана – «Университет. Минералогический кабинет. Декабрь 1909». И еще один факт: в письме Я.В. Самойлову от 15 июня 1910 г. Вернадский сообщает, что «к своей работе над кристаллографией почти [62] не приступил…» [63].

По мнению В.А. Копцика, «Лекции по физической кристаллографии» позволяют полнее судить о замысле Вернадского «коренным образом изменить содержание этой дисциплины, превратить ее из геометрически описательного учения о формах кристаллов, используемого минералогией в диагностических целях, в полнокровную и всеобъемлющую науку о кристаллах – раздел физики твердого тела, пользующуюся всем современным арсеналом теоретических и

[61] *Ферсман А.* Материалы к исследованию цеолитов России // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Том III. 1909. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910, с. 129–183.

[62] т. е. все-таки что-то начал делать.

[63] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 2–2 об.

экспериментальных методов исследования» [303, с. 169]. В них Вернадский рассматривает явления кристаллизации и фазового равновесия, симметрия которых полностью описывается 32 кристаллографическими группами. «Установление этого научного факта, а также явления завышения симметрии кристаллических сростков при двойниковании – выдающееся научное открытие В.И. Вернадского, частично подготовленное и его предшественниками в данной области кристаллографии» [303, с. 171]. Он также затрагивает общие принципы классификации физических свойств кристаллов, описываемых направленными величинами, откладывая их более полное рассмотрение до второй части сочинения, куда должна была войти кристаллооптика и феноменологическая теория остальных физических свойств кристаллов, создававшаяся в конце XIX в. его предшественниками. Как подчеркивает В.А. Копцик, «по пониманию основных задач и целей кристаллографии В.И. Вернадский – наш современник. Содержащиеся в его лекциях передовые идеи не устарели и в наши дни…» [303, с. 172].

Надо отметить, что в трудночитаемых черновиках [64] Вернадского, имеющих отношение к кристаллографии, сохранился перечень глав – главы VI–XX, возможно, один из вариантов продолжения книги 1903 г. (в ней, как было отмечено выше – пять глав), причем в отдельных случаях можно прочитать их названия (отложились даже черновики, вполне читаемые, этих глав): Глава VI. Общие основания систематики физических свойств кристаллов. Неоднородность кристаллического многогранника, § 345–§ 360. Глава VII. Условия кристаллизации. Глава VIII. Спайность. Рост кристаллов. Глава X. Кристаллы одноосные. Глава XI. Кристаллы двуосные. Глава XVI. Химические свойства кристаллов. Глава XIX. Изоморфизм и кристаллы.

В конце своей жизни Вернадский не раз вспоминал о своих «Очерках кристаллографии». Так, находясь в эвакуации в Боровом, Вернадский в «Хронологии 1903» отметит, что в этом году напечатал 1 том «Основы кристаллографии» и запишет: «Я очень жалею, что я не доконал эту книгу – я работал по первоисточникам и многое впервые мною принято во внимание. Для 2-го тома сохранил большой материал, который собирал лет 10. После революционных лет к 1917–1918 я окончательно повернул к геохимии. <…> Я послал, м[ежду] пр[очим], мою книгу Карпинскому <…> и получил от него письмо, чрезвычайно любезное, и я думаю, что выбор мой в Академию с этим

[64] РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 122.

связан [65]. С Карпинским я познакомился в 1888 году в Лондоне»[66]. В письме А.Е. Ферсману от 4 января 1944 г. Вернадский пишет: «Я начал перечитывать мою кристаллографию и материал, приготовленный для ее продолжения» [401, с. 235]. Показательна одна из последних записей, которые он сделал в дневнике. Так, 3 декабря 1944 г. Вернадский записал: «Я хочу подвести итоги моей работы по кристаллографии. Я думаю, что в этой своей работе пошел по пути, который был только мною намечен. <…> И в эти дни мне хочется оттенить те новые течения, к которым я пристал, но не закончил в книге. Книга по кристаллографии осталась без конца – в 1903 году я еще начал писать то, что литературно не было мною <обработано> и напечатано. <…> Господствующая кристаллография – *стоячая*, когда процесс остановили. Надо написать статью в “Доклады <Академии наук СССР>”» [150, с. 183–184]. Запись от 4 декабря 1944 г.: «Вчера внимательно прочел все примечания и текст «Основ кристаллографии». I. М.: 1903. Примечания – только в рукописи. Сегодня имел разговор с Глебом Георг[иевичем] Леммлейном [67] об окончании моей «Кристаллографии», первого тома в двух частях» [150, с. 186].

Минералогический кабинет

Научные исследования в университетах того время обычно проводились в специализированных подразделениях – кабинетах, лабораториях и институтах, которые входили в состав учебно-вспомогательных учреждений университета [68]. При таких подразделениях, как правило, формировались научные библиотеки и хранились коллекции различных предметов. Примером такого подразделения и являлся Минералогический кабинет Московского университета, которым Вернадский заведовал, начиная с 1892 г.

---

[65] Напомним, что Вернадский избран действительным членом-адъюнктом Петербургской академии наук по Физико-математическому отделению наук 4 марта 1906.

[66] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 33. Л. 93.

[67] Леммлейн Георгий Глебович (1901–1962) – кристаллограф, историк естествознания, основоположник технической кристаллографии; доктор физ.-мат. наук (1943), профессор (1947), сотрудник Лаборатории кристаллографии (с 1937) и Ин-та кристаллографии АН СССР (с 1946).

[68] См. Приложение 10.

С.П. Попов [69] – ученик Вернадского, работавший в Минералогическом кабинете в 1894–1908 гг., позже вспоминал, что «жизнь Кабинета быстро развивалась. В[ладимир] И[ванович] не был, что называется, “блестящим” лектором. Аудитория его в первые годы нередко была далеко не полна, но глубокая содержательность его лекций, правильно поставленные практикумы скоро стали привлекать в Кабинет все больше хороших работников, мало-помалу стало создаваться и распространяться, стали приезжать работать у В[ладимира] И[вановича] и лица из других университетов, уже окончившие курс, но не удовлетворенные положением дел в своем учебном заведении, привлеченные уже приобретавшим известность именем В.И. Вернадского» [3, с. 145].

О лекциях Вернадского С.В. Обручев – сын В.А. Обручева, тогда студент Московского университета, писал: «В четверг, 16 сентября, начал читать свой курс кристаллографии Вернадский. Как лектор, он не особенно хорош, но лекция его была очень интересна, и я решил вместо „Введения в кристаллографию” Самойлова слушать Вернадского... В географическом семинаре у Анучина участвовать не придется, так как часы те же, что и у Вернадского» [357, с. 174] [70].

---

[69] Вернадский сыграл огромную роль в становлении С.П. Попова как ученого и педагога [4, 372]. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные письма Попова своему учителю [370, 371].

[70] В письме от 9 октября 1910 г. из Томска В.А. Обручев писал Вернадскому, что несколько ранее просил его «содействия для поступления моего второго сына <С.В. Обручева> в университет (Московский), ввиду того, что он из другого учебного округа и мог получить отказ. К счастью, это не случилось, и он принят и является теперь Вашим слушателем, так как перешел из нашего <Томского технологического> Института в Университет ради изучения естественных наук, особенно геологии, к которой получил влечение во время трех путешествий со мной по Джунгарии, когда с самозабвением коллектировал окаменелости; в Институте он слушал два года почти только естественные науки и потому имеет подготовку большую, чем гимназисты, и пожалуй мог бы кончить Университет менее чем в 4 года; но это вероятно невозможно по тем правилам, которые все меряют одной меркой. В Москве у него знакомых почти нет и хотя он поселился в хорошей семье, но мне хотелось бы, чтобы он нашел доступ в Вашу семью – конечно, при условии, что он вам понравится – и вращался в среде людей более высокой культуры и более высоких общественных идеалов, чем среда студентов-первокурсников; не хотелось бы, чтобы его втянули в свои узкопартийные кружки эсдеки или эсеры; пока у него политические взгляды скорее кадетские, но в его годы – ему еще нет 21го – перемены совершаются слишком быстро под влиянием брошюр или красноречия агитаторов, а таковы факты нашей печальной русской действительности» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1183. Л. 15–16 об).

К 1910 г. Минералогический кабинет занимал 13 комнат, в числе которых были два зала минералогических коллекций, находившихся в ведении ассистента А Е. Ферсмана [553].

В 1910 г. по составленному Вернадским плану, связанному с общей перестройкой Московского университета [71], Минералогический кабинет «должен был стать в ряду самых больших и лучших минералогических институтов Запада» [100]. «Неожиданно жизнь придала очень своеобразный облик Минералогическому кабинету Московского университета. Из “учебного кабинета пособий” для преподавания в университете он по существу превратился в исследовательский институт такого типа, какого не было ни в одном из университетских уставов, какой никем не предвиделся» [132, с. 179].

Много позже Вернадский отметит: «В 1911 г. Минералогический кабинет (собственно институт) был, думаю, самым мощным институтом в Европе и лучше всего оборудованным (м[ожет] б[ыть] <лишь менее чем> у Брёггера в Христиании) и состав ученых был блестящий» [139, с. 150]. «В 1911 г., когда <…> я оставил университет, то Минералогический институт был одним из самых больших в Европе» [476, с. 243].

В 1914 г. В.В. Карандеев особо подчеркивал, что характерной чертой в жизни Минералогического кабинета и его лаборатории [72] «были

---

[71] А.П. Павлов и В.И. Вернадский еще в 1907 г. представили техническое задание на проектирование здания специально для Минералогического и Геологического институтов (с музеями и библиотеками) Московского университета. При составлении технического задания они учли опыт посещения лучших европейских музеев во время своих зарубежных поездок. Это специальное здание решено было возводить по соседству с основным корпусом университета (Университетским домом), в котором сначала помещался медицинский факультет. «Предварительный эскиз проекта здания составил в 1910 г. штатный архитектор университета Александр Сергеевич Гребенщиков. На этом чертеже стоят подписи профессора А.П. Павлова (“Проект вполне удовлетворяет требованиям геологического института”) и В.И. Вернадского (“Проект вполне удовлетворяет требованиям минералогического кабинета”), а также подпись инженера А.С. Гребенщикова и дата – 12 апреля 1910 года» [39, с. 180–181].

[72] «Являясь проводником химического направления в минералогии, В[ладимир] И[ванович] старался создать необходимые условия для проведения химических работ, была устроена небольшая химическая лаборатория из двух комнат и третьей – для работы с редкими газами. Лаборатория помещалась на нижнем этаже главного корпуса Университета, во втором этаже которого находились Минералогический и Геологический кабинеты. Лаборатория была очень

дружные отношения в среде специалистов, а также постоянное общение и тесная связь между ними, с одной стороны, и руководителями их научной работы – с другой [73]. При повышенном настроении того времени, а также при значительной разнице во взглядах и темпераментах дело не обходилось без горячих споров на научные и общественные темы; но эти споры всегда носили строго принципиальный характер, никогда не опускавшийся до степени личных ссор и пререканий. В значительной мере этому способствовали личные качества главного руководителя Минералогического кабинета, профессора В.И. Вернадского, который пользовался большим авторитетом не только среди работавших в Минералогическом кабинете, но и среди разнообразных студенческих групп, а также прямой и вместе с тем оригинальный характер заведующего лабораторией, ныне уже покойного П.К. Алексата, к которому все работавшие под его ближайшим руководством в лаборатории относились с искренней любовью и уважением. Но главной основой близких и дружеских отношений, которые установились в то время в Минералогическом кабинете, бесспорно, следует признать тот чистый дух научного исследования, который приносил с собой В.И. Вернадский и который одушевлял всех работавших в Минералогическом кабинете» [285, с. 26]. В этом же, 1914 г., в предисловии к сборнику [74],,

---

невелика, работали здесь только сотрудники Кабинета и студенты, специализировавшиеся по минералогии» [3, с. 145]. В этой лаборатории «велись специальные работы но кристаллографии и минералогии», она «была переполнена и временами не могла вместить стремившихся в то время работать под руководством проф. В.И. Вернадского» [285, с. 26], здесь под руководством В.И. Вернадского студенты ежегодно вели научные работы по нескольким направлениям: изучали отдельные минералы и делали их полный химический анализ, наблюдали кристаллизацию различных органических и неорганических соединений и проводили их кристаллографическое исследование, различными методами определяли удельный вес минералов [468].

[73] На это же указывает в своих воспоминания и С.П. Попов: «Дружная и теплая обстановка работы Кабинета под общим умелым руководством В.И. Вернадского очень сближала всех нас, принимавших также участие в его работе, и эти связи нередко сохраняли мы долгие годы, иногда на всю жизнь, несмотря на то, что жизнь разносила нас по разным областям нашего общего Отечества» [3, с. 148].

[74] Сборник издан по постановлению Совета Московского общества испытателей природы. Он содержит работы 20 учеников Вернадского, посвященных минералогии, кристаллографии, радиоактивности минеральных источников, петрографии, геологии. Особо следует отметить, что многие работы основаны на

посвященного двадцатипятилетию научной деятельности В.И. Вернадского, его ученики писали: «Сколько исключительного труда и энергии было положено Владимиром Ивановичем в течение многих лет на устройство <Минералогического> Кабинета, сколько увлечения и любви – на создание настоящей научной обстановки для работы его многочисленных учеников, находившихся постоянно под особенным обаянием Владимира Ивановича как ученого и человека!» [441, с. V].

В 1910 г. в Минералогическом кабинете ассистентом В.В. Карандеевым была завершена организация лаборатории термического анализа и физико-химического изучения минералов и равновесных систем [553]. Кабинет к этому периоду был богато оснащен приборами, и Карандеев проводил в нем новые исследования вращения плоскости поляризации в двуосных кристаллах.

К 1911 г. собрание Минералогического кабинета увеличилось в два раза [541]. Основными источниками новых поступлений были целенаправленные покупки в специализированных «минералогических» конторах мира и у частных коллекционеров, сборы во время проведения экскурсий и многочисленные дары, поступавшие не только из разных уголков России, но и из-за рубежа. Между прочим, согласно ежегодным отчетам и инвентарям, только от В.И. Вернадского в общей сложности за время его работы в Московском университете поступило в Минералогический кабинет около полутора тысяч образцов. В основном это были полевые сборы, но есть и экземпляры, купленные им на свои средства в конторах во время зарубежных поездок. Авторы цитируемой работы отмечают, что ведущую роль при пополнении коллекций Вернадский отводил целенаправленным покупкам. В то время в Европе, Америке и России существовали специальные конторы, занимавшиеся сбором и продажей геологических коллекционных материалов. Большинство таких контор печатало каталоги, которые рассылались в крупнейшие университеты и частным коллекционерам. Московский университет входил в список рассылки, а информация о новых приобретениях ежегодно помешалась руководством Минералогического кабинета в отчете о состоянии и действиях Университета.

Согласно официальному отчету Московского университета, в 1910 г. в систематическом собрании Минералогического кабинета минералов числилось 1167 видов и самостоятельных разностей, образующих

результатах полевых работ, выполненных их авторами в Московской губернии, Крыму, Сибири, Забайкалье, на Урале и Кавказе, Новой Земле.

19020 номеров [391]. Непосредственно в 1910 г. прибавилось 400 номеров и 18 минеральных видов. В парагенетическую коллекцию был занесен 371 номер, всего в ней числилось 2994 номера. Коллекция кристаллов заключала в себе 692 номера, из которых в отчетном году поступило 36 номеров. Собрание метеоритов состояло из 114 номеров (в том числе вновь поступивших 7 номеров). Общий вес метеоритов 16376,7 г, падений 64. В дар Кабинету поступили коллекции и отдельные минералы от разных лиц, в том числе от учеников Вернадского – И.И. Сургунова и В.Н. Мамонтова (продукты каменноугольных пожаров Алтайского округа). Физических приборов в кабинете числилось 327 номеров, из которых в отчетном году приобретено 57 номеров, включая: 2-ой теодолитный гониометр по Гольдшмидту от P. Stoe; теодолитный гониометр по Чапскому от R. Fuess`a; двойной проекционный фонарь Zeiss`a; микрофотографическая камера Zeiss`a; стереоскопическая камера Кодак, перегоный куб от Гугерсгофа, монохроматор Fuess`a – большая и малая модели, большая и малая дуговая лампа Fuess`a; прибор Бекмана для определения понижения точки кипения, бинокулярный микроскоп от Winkler и др. Также приобретено для Кабинета и его лаборатории: минералов от разных фирм на 301 франк, 75 долларов, 610 крон, 1087 марок и 331 рубль, мебель, фотографические принадлежности, посуда, часы стенные, химические реактивы, книги и др. В библиотеке Минералогического кабинета числилось 2583 номера книг и брошюр, из которых в 1910 г. поступило 115 номеров (в том числе, и от В.И. Вернадского).

Особо следует отметить, что еще в 1909 г. были выделены две новые коллекции: а) коллекция шлаков, продуктов синтеза и искусственных минералов и пород и б) коллекция валунов и валунных минералов. На конец 1910 г., коллекция шлаков и искусственных продуктов насчитывала 64 номера (в том числе 13 новых, поступивших в 1910 г.), коллекция валунов – 90 (включая 69, поступивших в 1910 г.) [391].

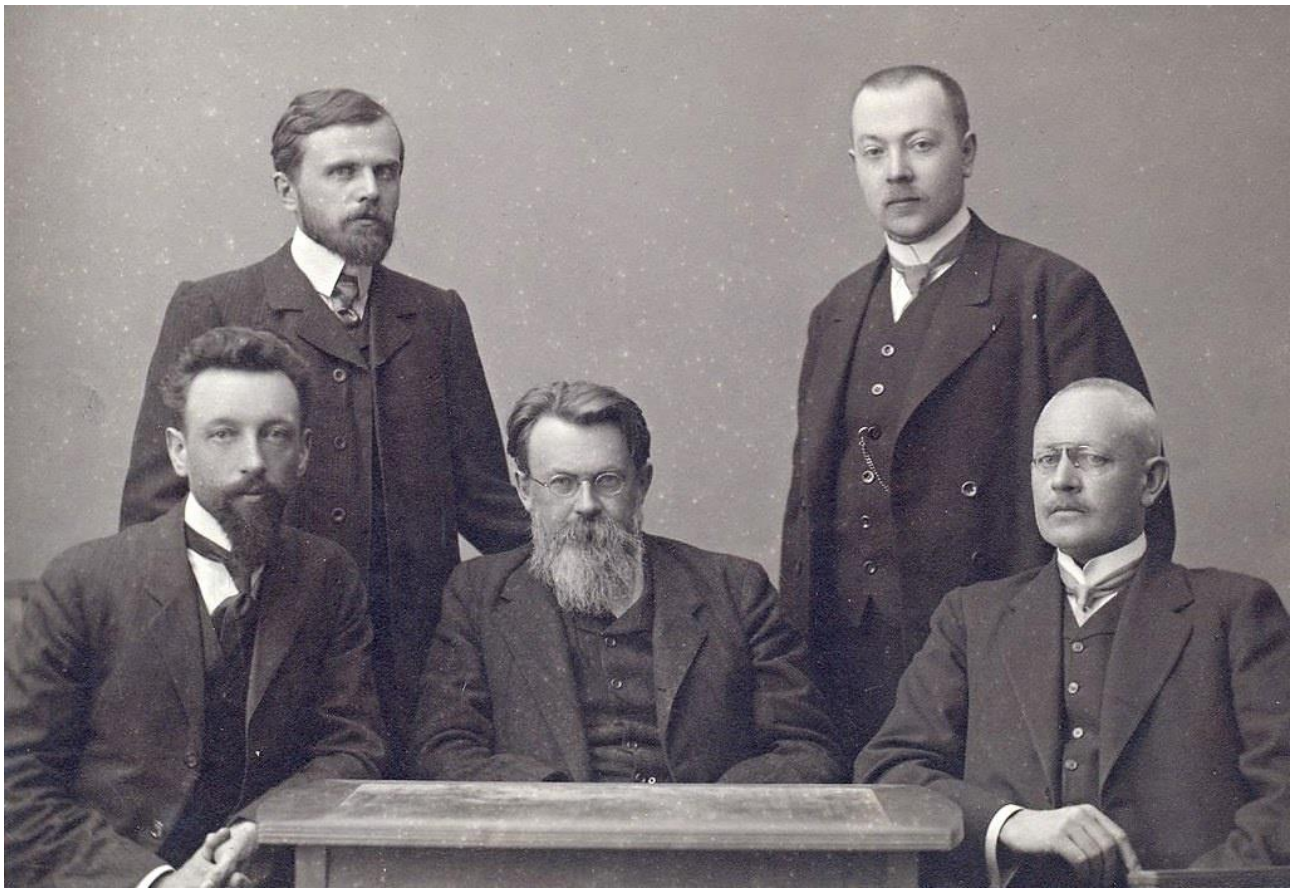
Лицами, занимающимися в Минералогическом кабинете, в 1910 г. были совершены экскурсии, во время которых собирались коллекции минералов и горных пород [391]: В.И. Вернадским в Пензенскую губ., А.Е. Ферсманом во Владимирскую губ., в области Выксинских рудников и Нижегородской губ., по р. Оке и Волге, в Парижском бассейне; студентом А.В. Казаковым – в окрестностях Минеральных вод на Кавказе, студентом В.В. Критским – в Центральном и Южном Урале, В.В. Карандеевым – в северной и средней Швеции. Специальными работами в 1910 г. занимались, кроме профессора, приват-доцентов и

ассистентов, следующие лица: А.А. Кашинский – кристаллографическое исследование топазов с Южного Урала; студент Б.А. Линденер – явление триболюминесценции [75] минералов и спектроскопия минералов (совместно с Вернадским), Б.П. Кащенко – анализ серпентина из копи барона Жерара на Юж. Урале; студент В.В. Критский – кристаллографическое изучение хлорноватокислого калия и определение минералов; студент А.В. Казаков – анализ палыгорскита из Финляндии и с берега р. Оки и определение минералов; студент А.А. Твалчрелидзе – анализ ломонтита с Кавказа и спектроскопия минералов (совместно с Вернадским); М.Н. Соболев – о коллоидальных кислотах вольфрама и молибдена; В.П. Кравец – кристаллографическое изучение пентаэритрита. Студент Шубников (под руководством Ю.В. Вульфа) – изучение скорости роста кристаллов двухромовокислого калия. Н. Розанов – кристаллографическое изучение цикло-пентанамино-карбоновой кислоты. Велись также практические занятия по определению минералов при помощи паяльной трубки – три группы (под руководством ассистента П.К. Алексата), кристаллографическая практика – две группы (под руководством ассистента Г.И. Касперовича) и практические занятия по кристаллографии для студентов медицинского ф-та под руководством приват-доцента Я.В. Самойлова и ассистента Н.И. Сургунова.

Особый интерес представляет ситуация, сложившаяся в 1910 г. вокруг известной коллекции графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) – государственного деятеля, дипломата, коллекционера, мецената, тратившего колоссальные собственные средства на сбор, перевод и публикации редких документов по истории России, на сохранение культурного наследия, включающего не только книги и рукописи, но и предметы быта, монеты, медали, минералы. Его минералогическая коллекция по научной представительности, высокой аттрактивности образцов, наличию большого количества штуфов крупного размера была одной из самых значимых и полных в начале XIX столетия, причем география образцов включала практически все местонахождения минералов того времени. Так, из 200 минеральных видов, известных к

[75] Триболюминесценция (от греч. τρίβω – тереть и люминесценция) – свечение некоторых твердых тел, возникающее при их растирании или измельчении. Механизм ее не установлен; чаще всего триболюминесценцию связывают со свечением микроскопических электрических разрядов, сопровождающих раскалывание вещества.

1820 г., в ней было представлено 186. Открываемые новые минералы сразу же приобретались и занимали свое место в коллекции [10]. Это минералогическое собрание «состояло первоначально из 1659 минералов большого формата по системе Вернера и 6102 минералов меньшего формата по системе Гайю. Собрание графа Румянцева заключало множество превосходных экземпляров представителей минерального царства» [76]. В 1899 г. коллекция была передана «с Высочайшего соизволения» в Минералогический кабинет Московского университета на временное хранение.

Профессор Московского университета В.И. Вернадский со своими учениками: сидят (слева направо) – В. В. Карандеев, В. И. Вернадский, П. К. Алексат; стоят – Г. О. Касперович, А. Е. Ферсман, начало 1911 г.

В 1899 г. В.И. Вернадский писал о минералогическом собрании Н.П. Румянцева: «Составилось оно главным образом в конце XVIII и начале XIX столетий в самый разгар горного дела в Европе и заключает множество драгоценных образцов, которых теперь нельзя достать

[76] Собрания графа Николая Петровича Румянцева. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1913, с. 49.

ни за какие деньги; в нем имеются великолепные образцы из старинных – почти закрытых и полузабытых рудников Урала, Венгрии, Англии, Испании, Германии <...> даже при беглом ее <коллекции> обзоре я мог убедиться, что она заключает многое новое и неизвестное. Таких нетронутых коллекций, тщательно составленных, конца XVIII – начала XIX столетий – других не найдется» [10, с. 87].

В 1910 г. В.И. Вернадский в газете «Русские ведомости» (28 апреля 1910 г.) опубликовал небольшую статью «О Румянцевском минералогическом собрании» [77] – своеобразный ответ на заметку профессора В.Д. Мешаева [78] в той же газете (1910, № 94), в которой тот, как пишет Вернадский, «напоминает обществу о судьбе Румянцевского минералогического собрания, причем указывает, что Румянцевского минералогического собрания больше не существует и что коллекции, его составлявшие, хранятся в университете, на складе, за недостатком места». «В действительности, – продолжает Вернадский, – значительная часть собрания, которое разбирал проф. Мешаев в 1867 году, сохранена в целости и не растеряна [79]. Собрание это было передано по Высочайшему повелению в Московский университет в 1900 году и вначале было помещено на складе, в университетских кладовых, запакованное в ящиках, так как помещение Минералогического кабинета было очень тесное и предполагалось его расширение при происходящей перестройке университетских зданий. К сожалению – не но вине университета, – постройка университетских зданий до сих пор не доведена до конца: помещение управления и канцелярий университета,

---

[77] См. републикацию этой статьи [143].

[78] Мешаев Виктор Дмитриевич (1847–1910) – ботаник, сборщик биологических коллекций, преподаватель, организатор музейной работы, магистр ботаники. Выпускник Московского ун-та. Автор ряда работ по ботанике, изданных МОИП. Преподавал в Московской практической академии коммерческих наук, Московском техническом уч-ще. Приват-доцент Московского ун-та. Организатор и первый директор Музея гигиены и санитарной техники (1896–1915). В 1867 разбирал геологическую коллекцию Н.П. Румянцева.

[79] Надо сказать, что еще раньше Вернадский предпринял серьезные усилия по спасению Румянцевской коллекции. Так, в письме Я.В. Самойлову 2 сентября 1904 г. из Москвы он сообщал: «Здесь я теперь сижу с Румянцев[ской] коллекцией, которая чуть нет погибла. Она начала истлевать в универс[итетских] подвалах и несколько ящиков пришли в ужасное состояние. Мы их теперь спасаем и на это идет масса времени. Получили рядом еще комнату, но пока имеем для этого только постановление Правления и я не могу начинать лекций, т[ак] к[ак] вся аудитория завалена коллекцией» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1996. Л. 21 об.).

кабинеты геологический, минералогический и географическо-антропологический до сих пор находятся в неопределенном положении. Однако в последнее время положение этих учреждений улучшилось и явилась возможность значительно расширить отведенное им помещение. В частности, для Румянцевское собрания была получена одна из зал, прежде занимавшихся библиотекой, к в 1908–1909 году в этой зале выставлена большая часть этого собрания; к сожалению, оно все не поместилось, и часть его, перенумерованная, в полной сохранности и порядке, хранится в той же зале, в ящиках. Мебель для Румянцевского собрания заказана, и в 1910–1911 году, даже в том случае, если не будет построено предположенное особое здание для Минералогического и Геологического кабинетов, Румянцевское собрание будет все выставлено. Оно и теперь могло быть осматриваемо во время бывшего съезда русских натуралистов [80]». Вернадский также напомнил, что «Румянцевское собрание было передано в Московский университет в 1900 г. в довольно полном виде, по сравнению с каталогами 1860–1880 гг. Несомненно, часть минералов пропала, по-видимому, давно; штуфов золота, платины, драгоценных камней, указываемых В.Д. Мешаевым, в нем не было, но вся основа коллекции – драгоценные штуфы иностранных месторождений конца XVIII–начала XIX столетий и русские собрания первой половины XIX века – сохранилась в целости. Это собрание и ныне представляет большой научный интерес и имеет большое значение. По условиям передачи 1900 года, Румянцевское собрание не должно быть смешиваемо с собственной коллекцией университета и, таким образом, сохраняется в отдельности как минералогическая коллекция московского Публичного и Румянцевского музеев». Далее Вернадский объясняет, что «Московский университет несколько раз в течение своей истории стремился сделать публичными свои драгоценные естественноисторические собрания. В начале царствования императора Александра I эти собрания составили особый публичный музей, заглохший в безвременье Николаевской эпохи. Последние следы его исчезли в 1840-х годах. В 1867 г., в эпоху переноса Румянцевских собраний в Москву, вновь возникла мысль путем соединения их с собраниями университета создать публичный музей. Как известно, эта мысль не получила развития. Наконец, теперь уже, в 1890-х годах, при перестройке университета собрания его должны были быть открыты для публики. Но эта перестройка затянулась на

[80] XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей.

много лет. По проекту новой постройки Минералогического кабинета, его собрания и хранящееся в нем собрание Румянцевского музея должны быть открыты для публики. Задержка в постройке зависит не от университета, но от Министерства народного просвещения. Ею обусловливается невозможность университета исполнять одну из своих обязанностей – распространять знание в широких кругах русского народа. Драгоценные собрания, в том числе и Румянцевское, хранятся сокрытыми и недоступными для поучения, но они не пропадают и ждут лучших времен». В 1910 г. В.И. Вернадский сообщил [100 с. 5), что Румянцевская коллекция, поступившая в университет, заключала около 5000 экземпляров, и «она хранилась в ящиках, сперва в кладовых университета (где чуть не погибла), потом в помещении Кабинета, до 1909 г., когда оказалось возможным временно расставить ее в новой переданной кабинету зале». Это был один из залов университетской библиотеки, который специально освободили, чтобы выставить в нем большую часть коллекции для участников XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. В настоящее время она хранится в фондах Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН [10].

Итоги двадцатилетней работы по формированию минералогической коллекции Минералогического кабинета Вернадский подвел в статье, подготовленной к XII съезду русских естествоиспытателей и врачей: «Коллекция приведена в порядок. Имеется каталог инвентарный, по минералам и по месторождениям. Главная коллекция расставлена по системе Дэна. Она является теперь одной из самых больших в России по разнообразию парагенезиса, количеству видов и разновидностей: очень богата минералами России и необработанным научным материалом. В основной коллекции числится: 18620 №№ <номеров> в коллекции месторождений (выделена в 1898 году) – 2655 при 76 месторождениях: в коллекции метеоритов (выделена в 1892 года) – 107 №№: в коллекции кристаллизации (выделена в 1894 году) – 657 №№: в коллекции шлаков и синтеза (выделена в 1909 году) – 51 №№: в коллекции минералов валунных отложений (выделена в 1909 году) – 21 №№: в коллекции Румянцевской (1900–1909) около 5000 №№: сверх сего, имеется еще не классифицированных минералов, частью новых поступлений, но большей частью старых около 200 лотков» [100, с. 5]. Позже Г.П. Барсанов добавит, что результатом этой большой работы было создание прекрасного нового университетского музея в большом зале, занимавшем почти всю правую часть старого здания и находившемся в непосредственном соседстве с Минералогическим кабинетом,

оснащенным современными пособиями и приборами для самостоятельных занятий студентов. Экспозиции музея были организованы так, чтобы ознакомление с ними давало отчетливое представление о научных идеях, положенных В.И. Вернадским в основу преподавания. Они состояли из: а) систематической коллекции минералов, охватывающей около 1200 видов и разновидностей; б) коллекции отечественных минералов и горных пород; в) коллекции полезных ископаемых; г) коллекции кристаллов, показывающей законы и особенности кристаллизации минеральных веществ; д) коллекций, показывающих типичные парагенезисы в главных типах минералообразующих процессов; е) коллекции метеоритов; ж) коллекции минералов зарубежных стран. Если вспомнить, что к 1911 г. собрание достигло 30000 образцов, то станет ясным значение этого, одного из лучших по тому времени, Минералогического музея России для создания передовой минералогической школы в стенах Московского университета [27]. Следует особо подчеркнуть тот факт, что принцип размещения систематической коллекции минералов, заложенный В.И. Вернадским, сохранился до настоящего времени [540].

В сборнике, изданном в 1914 г. в честь 25-летия научной деятельности В.И. Вернадского [441.] приводится список из 95 работ, выполненных в Минералогическом кабинете под руководством Вернадского и опубликованных в 1896–1911 гг. (в том числе, 5 работ за 1910 г.). В список не включены разные химические работы, в которых имеются результаты небольших исследований, произведенных в Минералогическом кабинете под руководством В.И. Вернадского.

Впоследствии В.И. Вернадский, оценивая результаты работы Минералогического кабинета, подчеркнул следующее: «Фактически в среде Минералогического кабинета Московского университета в 1896–1911 гг. и возрождавшегося Минералогического музея Петербургской академии наук в 1906–1917 гг. шла большая творческая работа по трем направлениям, связанным с атомным аспектом мира. Здесь сложилось понимание геохимии как науки об истории химических элементов (атомов) нашей планеты, выявилась связь этих процессов с явлениями жизни (позже биогеохимия) и начался подход к изучению радиоактивных явлений в их проявлениях минералогически-геологических (теперь радиогеология). Геохимические проблемы и проблемы радиоактивности захватывали более глубоко научный персонал Кабинета…» [155, с. 29–30].

Минералогический кружок

История создания и деятельность возникшего при Минералогическом кабинете Минералогического кружка подробно рассмотрены в замечательном и очень информативном очерке В.В. Карандеева, написанном в ноябре 1913 г. и опубликованном в 1914 г. [285]. В 2000 г. отдельные фрагменты это очерка были републикованы в сборнике «В.И. ВЕРНАДСКИЙ: PRO ET CONTRA. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998)» [81]. Учитывая огромную значимость очерка В.В. Карандеева для рассматриваемой темы, он полностью приводится в Приложении 7.

Здесь же отметим основные моменты из жизни Минералогического кружка, когда, как позже отметит А.Е. Ферсман, Вернадский «развил широту жизненного миропонимания. <…> создал вокруг себя прекрасную научную школу, объединив университетскую молодежь. Эта школа превратилась в могучий источник новых идей и новых начинаний» [523, с. 794].

«Мысль о создании Минералогического кружка для более тесного общения на научной почве как нельзя более соответствовала господствовавшему в то время настроению. Мысль эта, высказанная В.И. Вернадским в 1901 году, встретила среди работавших в Минералогическом кабинете горячий отклик, и 22 ноября 1901 года состоялось первое, организационное, собрание Кружка. Сохранился протокол этого первого собрания, из которого мы видим, что организаторами Кружка явились следующие лица: профессор В.И. Вернадский, магистрант Я.В. Самойлов, ассистенты Минералогического кабинета А.О. Шкляревский и С.П. Попов, а также студенты: В.Л. Альбанский, В.В. Аршинов, Л.Л. Иванов, В.В. Карандеев, К.А. Ненадкевич, П.П. Пилипенко и Н.В. Скворцов. Председателем был избран В.И. Вернадский, который и оставался во главе кружка за все время его существования; секретарем – студент Н.В. Скворцов. Было постановлено просить принять участие в работах Кружка следующих лиц: ассистента Минералогического кабинета Высших женских курсов г-жу Е.Д. Ревуцкую [82], г-

[81] СПб.: РХГА, 2000, с. 162–164.

[82] В 1910 Вернадский совместно с ней опубликовал на французском языке небольшую заметку в «Докладах Французской академии наук», посвященную попытке определить различие в химическом составе ортоза (ортоклаза) и микроклина [609].

жу А.Б. Миссуну, ассистента Минералогического кабинета Университета П.К. Алексата, студента Горного института В.Н. Мамонтова, лаборанта при лаборатории технической химии П.П. Орлова, приват-доцента А.В. Павлова и студентов И.А. Багашева, Ф.К. Кобылкина, Т.А. Молчанова и Н.А. Скрицкого. Затем был рассмотрен составленный В.И. Вернадским обширный список тем для рефератов. Интересно отметить, что в числе предложенных тем (общее число их – 41) некоторые касаются вопросов, которые в ближайшие годы привлекли особенное внимание ученого мира, вызвали обширную литературу и в связи с которыми появились самостоятельные работы участников Минералогического кружка. <…> Припоминая теперь, через 12 лет, появившиеся за это время работы отдельных членов Кружка, нельзя не признать, что для многих из них прочитанные и прослушанные рефераты оказали значительное влияние на характер и направление их будущей научной деятельности» [285, с. 26–27[.

Минералогический кружок, просуществовавший (с некоторыми перерывами) до декабря 1910 г., сыграл значимую роль в развитии минералогии, кристаллографии и геохимии в России. За десять лет существования Кружка на его собраниях было сделано 77 докладов, из которых почти половину составили сообщения о результатах оригинальных исследований докладчиков. Большое внимание также уделялось реферированию крупных работ русских и зарубежных ученых, связанных с направлением работ кафедры или касающихся теоретических вопросов из области минералогии и кристаллографии. Так, излагались работы Высоцкого (о Кочкарской системе золотых приисков), Ячевского (об условиях золотоносности Сев. Енисейского округа), Пятницкого (о геологических исследованиях Центрального Кавказа), Фохта (о физико-химических законах в порядке выделения минералов изверженных пород), Вант-Гоффа (о физической химии и геологии), Веймарна (о влиянии концентрации реагирующих растворов на вид и строение осадков), Федорова (о влиянии на кристаллизацию вытесняющих примесей), Ионсена (о росте и растворении кристаллов), Бейеринка (об электропроводности минералов), Зоммерфельда (о вращательной способности двуосных кристаллов), Фриделя (о жидких кристаллах), Пилипенко (о селене в алтайских минералах), Эбергарта и Крукса (о распространении скандия), Вернадского и Ферсмана (о распространении индия) и т. д. Докладчиками были сотрудники кафедр минералогии и геологии Московского университета, Высших женских курсов и Сельскохозяйственного института. На заседаниях кружка

демонстрировались различные минералы и новые приборы [285]. Из перечня докладов, приводимого В.В. Карандеевым, видно, что у В. И. Вернадского и его учеников уже зародился интерес к геохимии.

Минералогический кружок Московского университета, 1907 г.
Сидят: В.М. Цебриков, Е.Д. Ревуцкая, С.П. Попов, В.И. Вернадский, Я.В. Самойлов. Стоят: В.В. Карандеев, Н.И. Сургунов, В.В. Аршинов, Н.Н. Боголюбов, Г.И. Касперович

В 1910 г. состоялись следующие заседания Кружка [285]:
16 февраля 1910 г. [83]:
М.Н. Соболев «О метакислотах молибдена и вольфрама».
А.Е. Ферсман «Искусственное получение рубина».
Ю.В. Вульф «О методах получения хороших кристаллов».
В.В. Аршинов «О полушарии для количественных теодолитнооптических исследований на столике микроскопа».

[83] Об этом заседании есть запись Вернадского в его дневнике: «После обеда заседание <Минералогического> кружка: сообщения Соболева, Ферсмана, Вульфа, Аршинова» – см. Приложение 2.

7 марта 1910 г.:

В.В. Карандеев «Статьи Флавицкого и Горбова по термическому анализу».

В.Г. Орловский «Исследования в области Баян-Аула».

А.Е. Ферсман «Флогопит и альбит из валунов Московской губернии».

21 ноября 1910 г.

Ю.В. Вульф «Работы Friedel и Grandjean о жидких кристаллах».

Е.А. Дейша «Работы Friedel и Grandjean о жидких кристаллах».

5 декабря 1910 г.:

В.И. Вернадский «О распространении индия».

В.В. Карандеев «О книге: Kremann – Leitfaden d[er] Graphischen Chemie».

Я.В. Самойлов «О резорбции в зонарных кристаллах плагиоклаза»

А.В. Шубников «О статье Johnsen`a: "Рост и растворение кристаллов"».

Заседания 5 декабря 1910 г. стало последним в истории Минералогического кружка. В силу известных событий начала 1911 г., когда «над Московским университетом разразилась беспримерная в истории культурных стран политическая гроза, последствием которой был уход из университета 124 профессоров и младших преподавателей. Минералогический кабинет оказался в числе наиболее пострадавших институтов Московского университета. Профессор В.И. Вернадский и три приват-доцента (Вульф, Самойлов и Карандеев) покинули Московский университет; органическая связь кружка с Минералогическим кабинетом была в корне разрушена, а вместе с тем и сам кружок при Минералогическом кабинете вынужден был прекратить свое существование кружка» [285].

Свой очерк Карандеев завершил словами, что «в скором времени появится в свет "Юбилейный сборник имени В.И. Вернадского" [84], содержащий в себе научные статьи его учеников. Если сравнить имена авторов этого сборника и членов бывшего Минералогического кружка, то станет понятной та глубокая связь, которая существует между историей кружка и научно-педагогической деятельностью В.И. Вернадского. По многим культурным центрам России разбрелись былые участники и докладчики Минералогического кружка, посильно работая на научном и педагогическом поприще. Но, вспоминая прежние

[84] См. [441].

годы, проведенные в гостеприимных стенах старого Московского университета, годы первых, неизгладимых впечатлений, живо представят они себе скромные заседания Минералогического кружка, с которым так тесно связаны для многих первые шаги научной работы …» [285][85].

Комиссия для организации чествования памяти М.В. Ломоносова

26 мая 1910 г. в Московском университете постановлением его Совета (по предложению историко-филологического факультета) была создана Комиссия для организации чествования памяти М.В. Ломоносова в связи с приближающимся (8 ноября 1911 г.) его 200-летием со

[85] К этому надо добавить, что Вернадский всегда был открыт для своих учеников, которые не только сообщали ему «минералогические новости» и присылали минералы для коллекции, но и обращались к нему с просьбой о получении различных изданий, советовались с ним, получали от него консультации, оттиски его публикаций, о чем свидетельствуют их письма к нему. Впрочем, к Вернадскому регулярно обращались не только его ученики. Например, Б.З. Коленко в письме к Вернадскому от 9 декабря 1910 г. благодарит его за указание нужной ему литературы и практические советы, за содействие в получении образцов байкальских пород из Геологического кабинета (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 795. Л. 3). С.С. Кузнецов, геолог из Читы, в письме от 20 октября 1910 г. благодарит Вернадского за присылку 3-го выпуска «Опыта описательной минералогии» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 894. Л. 7–10), в письме от 10 декабря 1910 высылает Вернадскому образцы цинковой обманки и благодарит за присланные работы (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 894. Л. 14–16). К.Н. Савич-Заблоцкий из Харьковского ун-та в письме от 15 октября 1910 просит помочь достать «Лекции описательной минералогии» Вернадского, которые очень ему нужны для занятий по химической минералогии (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1427. Л. 1). А.В. Лаврский (из Минералогического кабинета Томского технологического ин-та) 27 сентября 1910 сообщает Вернадскому, что 15 ноября <1910> предположено открыть в Томске высшие женские курсы в составе пока только одного естественного разряда физико-математического ф-та. Просит уделить для минералогического музея Курсов, что сочтете нужным (минералы, книги) (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 917а. Л. 3–4). Сибирские высшие женские курсы были открыты в Томске 26 октября 1910, в день годовщины присоединения Сибири к России. П.П. Пилипенко Вернадскому (3 марта 1910) из Томска: «За труды по печатанию и корректированию моей заметки о селене, а также за указание на сделанные недосмотры большое спасибо» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1272. Л. 68 об.); речь идет о небольшой заметке Пилипенко [400]. Он же, 30 апреля 1910, консультируется по поводу одного минерала (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1272. Л. 70–71 об.), а 15 ноября 1910 благодарит Вернадского за присылку его работ (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1272. Л. 75).

дня рождения. В комиссию вошли 8 членов – по 2 от каждого факультета. В.И. Вернадский был избран ее председателем. Чтобы развести празднование юбилея Ломоносова, которое одновременно готовили Академия наук и Московский университет, университетская Комиссия предложила Совету университета провести праздник 12 января 1912 года, приурочив его к Татьяниному дню. Об этом мы узнаем из письма В.И. Вернадского С.Ф. Ольденбургу от 28 сентября 1910 г.: «Нельзя ли получить данные о деятельности <академической> Ломоносовской Комиссии. Я выбран председателем Ломон<осовской> Ком<иссии> Моск<овского> Университета и мне приходится теперь этим заняться. Мы предлагаем издать материал по истории М<осковского> Унив<ерситета> XVIII в., хотелось бы и иконографию. Не знаю, согласится ли Совет <Московского университета>. Приглашения принять участие в Елиз<аветинской> выставке Унив<ерситета> не имею? [86] Прилагаю здесь заявление в Ломоносовскую Комиссию, если оно нужно Академии. Мы думаем – если согласится Совет – приурочить чествование к 12 января 1912 года. Но м<ожет> б<ыть> Совет не согласится. Если заявление приложенное не нужно для получения сведений – не давай ему хода» [425, с. 72–73].

В феврале 1911 г. профессор Вернадский (вместе с группой других профессоров и преподавателей – всего свыше 130 человек) ушел из Московского университета. На этом его деятельность в университетской Комиссии для организации чествования памяти М.В. Ломоносова прекратилась [87].

---

[86] Вернадский явно имеет в виду выставку «Ломоносов и Елизаветинское время», организуемую тогда Академией наук в ознаменование двухсотлетних юбилеев со дня рождения Императрица Елизаветы Петровны и М.В. Ломоносова. С.Ф. Ольденбург – председатель Комиссии при Императорской Академии наук по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», в комиссию входили 47 членов (Вернадского среди них – нет). Еще был Комитет Выставки, который возглавлял Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович, Президент Императорской Академии наук, в составе Комитета – 4 члена, в том числе С.Ф. Ольденбург. Выставка состоялась в 1912 г. в залах Академии художеств в Петербурге, включала 17 отделов, 7-й отдел был посвящен теме «Ломоносов. Академия наук. Московский университет». См.: Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Путеводители и каталоги. – СПб., 1912. – 966 с.

[87] О дальнейшей деятельности этой Комиссии и состоявшихся мероприятиях см. [413, 545].

Московское общество испытателей природы

Императорское Московское общество испытателей природы (МОИП), учрежденное в 1805 году при Императорском Московском университете, – одно из старейших естественнонаучных обществ России [88]. В.И. Вернадский был избран в действительные члены МОИП 20 декабря 1890 г. по предложению А.П. Павлова и Е.Д. Кислаковского [89] [417].

Эмблема МОИП

В 1910 г. Вернадский – один из хранителей предметов Общества [190, 191]. Должность «хранителя предметов» предполагала курирование естественно-научных коллекций, а ее носитель входил в состав Дирекции Общества. В этом же году на следующее трехлетие хранителями предметов были избраны – проф. В.И. Вернадский, проф. М.И. Голенкин, М.В. Павлова и приват-доцент П.П. Сушкин [195].

Как уже указывалось ранее, Вернадский участвовал в соединенных заседаниях МОИП и XII-го съезда русских естествоиспытателей и врачей, состоявшихся 3 и 5 января 1910 г. Он также присутствовал в заседании МОИП 18 февраля 1910 г. Как следует из протокола, В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман сделали сообщение «Об иксионалите с Урала» [418, с. 5]. На этом же заседании к избранию в действительные члены были предложены Александр Федорович Слудский и Дмитрий

[88] См. [58, 331, 350].

[89] Кислаковский Евгений Диодорович (1857?–1898?) – фармацевт по образованию, химик, минералог; хранитель Минералогического кабинета Московского университета в 1886–1891; действительный член МОИП с 1886, в 1888–1894 – его казначей. В 1895 еще значился в списке членов МОИП.

Николаевич Соколов (один из рекомендовавших – В.И. Вернадский) [418, с. 8].

В протоколе заседания Общества 29 апреля 1910 г. Вернадский не указан, но в этот день к избранию в действительные члены предложены Александр Павлович Герасимов и Дмитрий Владимирович Соколов (один из рекомендовавших – В.И. Вернадский) [418, с. 21]. 16 сентября 1910 г. они были избраны в действительные члены МОИП,

В заседании МОИП, состоявшегося 18 ноября 1910 г., Вернадский сделал сообщение «О соединении тора и урана в земной коре» [там же, с. 51].

Судя по записям в дневнике, Вернадский регулярно пользовался библиотекой Общества. Так, например, 9 и 11 февраля Вернадский записал, что посетил Библиотеку, где «просматривал новую литературу за месяц» [90]. К этому надо добавить, что в 1910 г. Вернадский передал в библиотеку МОИП оттиски своих опубликованных статей [94, 95, 104, 107, 157, 524] и книгу [103].

[90] См. Приложение 2.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Владимир Иванович Вернадский прошел все степени членства в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: 4 марта 1906 г. избран действительным членом-адъюнктом по минералогии (27 сентября назначен заведующим Минералогическим отделением Геологического музея Императорской Академии наук); 5 апреля 1908 г. – экстраординарным академиком по Физико-математическому отделению (минералогия); 3 марта 1912 г. – ординарным академиком. В то время в Академию наук геологи избирались по трем специальностям: по минералогии; по геогнозии и палеонтологии; по геологии.

Здание С.-Петербургской Академии наук. Открытка. Начало XX в.

Напомним, что, согласно § 71 Устава Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, Академия состояла из ординарных академиков и адъюнктов; последние могут быть экстраординарными академиками, «сии три класса Действительных Членов составляют Академическое Собрание, или Конференцию. Академия имеет своего Президента, Вице-Президента, Непременного Секретаря и Комитет Правления. Сверх Действительных Членов, она избирает еще Членов почетных и корреспондентов» [443, с. 2]. «К степени Адъюнктов удостаиваются молодые ученые (наипаче туземные), не успевшие еще

приобрести себе известности, требуемой для Академика. Но ученый, ищущий сей степени, должен быть известен Академии отличными познаниями и каким-либо полезным открытием в обрабатываемой им науке; потому и обязанность Адъюнкта есть одинаковая с обязанностию Академиков. Независимо от сих последних, они занимаются усовершенствованием своей науки и исполняют поручения, от Академии на них возлагаемые» [443. с. 13]. Согласно § 73 Устава, «Адъюнкты имеют право присутствовать в Академических Собраниях и подавать голос, как в ученых суждениях, так и при выборах» [443, с. 13]. «Каждый Адъюнкт, по засвидетельствованию Академии отлично прослуживший шесть лет в сем звании, имеет право просить достоинства и выгод экстраординарного Академика [91]. Он избирается в сие звание Академическим собранием, по большинству голосов» [443, с. 14]. «Должность Экстраординарных Академиков ничем не различествует от должности Адъюнктов. Посему место Адъюнкта, занятое Экстраординарным Академиком, не прежде почитается вакантным, как по производстве его в Академики Ординарные. § 80. Экстраординарные Академики получают прибавку жалованья, означенную в штате, и чин, присвоенный их званию на основании сего Устава» [443, с. 14]. Отметим, что в 1910 г. вице-президент Академии П.В. Никитин сумел отстоять право ее членов преподавать в высших учебных заведениях и добился для таких академиков сохранения сокращенного оклада в 1800 руб. [31].

С первых дней своей работы в Академии Вернадский всегда руководствовался § 56 ее Устава, гласящего: «Главная обязанность академика состоит в том, чтобы употреблять все силы к усовершенствованию своей науки, к обогащению ее новыми открытиями и к умножению, таким образом, человеческих познаний» [443, с. 11].

Заседания Академии наук в 1910 году

В 1910 г. состоялось 10 общих собраний Академии (9 января, 6 февраля, 6 марта, 3 апреля, 1 и 15 мая, 11 сентября, 2 октября, 6 ноября, 4 декабря), а также – 29 декабря – традиционное торжественное

[91] Вернадский был избран экстраординарным академиком, прослужив в звании адъюнкта всего 2 года и 1 месяц.

публичное ее заседание. Вернадский лично участвовал в работе только торжественного заседания Академии 29 декабря 1910 г.

Физико-математическое отделение Академии в 1910 г. провело 16 заседаний (20 января, 3 и 17 февраля, 3, 17 и 31 марта, 28 апреля, 12 и 26 мая, 15 и 29 сентября, 13 и 27 октября, 10 и 24 ноября, 8 декабря), причем экстраординарный академик В.И. Вернадский – в силу разных обстоятельств – лично участвовал далеко не во всех из них, но в том или ином контексте упоминался на многих из этих заседаний.

Так, на заседании Физико-математического Отделения 20 января 1910 г. от имени академика В.И. Вернадского была представлена Отделению его работа, исполненная им совместно с А.Е. Ферсманом, – «О дискразите из Трансильвании» [260]. Положено напечатать эту работу в «Известиях» Академии [157]. В этом небольшом сообщении авторы характеризуют обнаруженный ими в минералогическом собрании Императорской Академии наук образец, условно помещенный среди дискразитов и отмеченный еще в старом рукописном каталоге 1806 г. как очень редкий и интересный штуф из одного старинного рудника в окрестностях Залатны в Трансильвании. Детальные исследование образца, выполненное авторами, показало, что этот минерал действительно оказался дискразитом.

На заседании Физико-математического Отделения 17 февраля 1910 г. от имени академика Вернадского была представлена Отделению статья А.Е. Ферсмана: «Минералогические заметки. 1. Кристаллы диопсида из месторождений лазурита на юг от Байкала» [261]. Положено напечатать эту статью в «Известиях» Академии [517]. В этой заметке Ферсман описывает кристаллы диопсида (из старинного собрания Московского университета) из месторождений лазурита и отмечает, что до сих пор кристаллы диопсида из этого месторождения известны не были.

На заседании Физико-математического Отделения 3 марта 1910 г. от имени академика Вернадского была представлена Отделению его и А.Е. Ферсмана работа под заглавием «Об иксионолите [92] из Ильменских гор» [262]. Положено напечатать эту работу в «Известиях» Академии [158]. В этой статье сообщается, что при предпринятых

[92] Современное название иксиолит – очень редкий ромбический минерал редкометалльно-редкоземельных пегматитов, обнаруженный в месторождении Скогбелс (Финляндия) в 1820 и впоследствии фигурировавший под названиями кимиттотанталита, скогбелита, касситеротанталита, иксионолита.

авторами кристаллографических исследованиях минералов, собранных в свое время в Ильменских горах и поступивших в 1891 г. в коллекцию Минералогического кабинета Московского университета, впервые найден на Урале минерал иксионолит, богатый окисью олова. Довольно подробно изложена история его изучения разными минералогами и кристаллографами. Приведены также результаты кристаллографического исследования иксионолита, найденного в виде двух кристалликов среди колумбитов.

На этом же заседании был зачитан, подписанный академиками А.П. Карпинским, Ф.Н. Чернышевым, В.И. Вернадским и Н.В. Насоновым, доклад Комиссии по вопросу об объявлении ископаемых остатков мамонта и других крупных животных государственной собственностью [263, с. 587–589]. Надо отметить, что еще 29 апреля 1909 г. на заседании Физико-математического Отделения академик Н.В. Насонов сообщил о получении им из с. Дудинки (что на Енисее) известия об открытии трупа мамонта самоедами [93], продавшими его местному торговцу. Н.В. Насонов, полагая, что подобные ископаемые остатки могут сделаться предметом торговых спекуляций, предложил образовать Комиссию для обсуждения вопроса об объявлении таких остатков государственною собственностью. В образованную Отделением Комиссию вошли академики А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, В.В. Заленский, В.И. Вернадский и Н.В. Насонов. Комиссия, обсудив предложение Н.В. Насонова, пришла к заключению о желательности утверждения законодательным порядком следующих постановлений, которые и были изложены в представленном ее докладе:

«1) Находимые в мерзлой почве Сибири (или в других областях России) трупы или части трупов мамонта, носорога и других исчезнувших животных составляют государственную собственность.

2) Лицо, нашедшее упомянутые остатки, обязано сообщить об этом или через местную администрацию или непосредственно одному из нижеперечисленных правительственных учреждений, при которых имеются геологические или зоологические музеи или собрания: Императорской Академии Наук, Императорским Университетам, Геологическому Комитету, Горному Институту Императрицы Екатерины II, а также другим высшим специальным учебным заведениям с

[93] Так в дореволюционной литературе называли коренное население этих районов.

соответствующими естественноисторическими собраниями или самостоятельным правительственным музеям, например, Тифлисскому и др.

3) Лицу, открывшему нахождение трупа и сделавшему о том заявление, выдается вознаграждение, смотря по сохранности и редкости ископаемого, в размере от 300 [94] до 500 рублей. Части ископаемых, имеющие промышленную ценность, как, например, бивни мамонта, оплачиваются по рыночной цене, независимо от упомянутого вознаграждения.

4) Если открытие трупа сделано при исследовании находящихся в России научных обществ, то найденные предметы, при добыче их на средства Общества, поступают в их собственность.

5) Вознаграждение уплачивается из средств учреждения, в которое ископаемое поступает, или из средств ведомства, в котором это учреждение состоит.

6) Если учреждение, которому доставлены сведения об ископаемом трупе, не найдет возможным приобрести его за указанное вознаграждение и не изыщет средств на добычу и доставку ископаемого, то оно обязано уведомить о том другие упомянутые в п. 2 учреждения.

7) Если необходимые расходы потребуют отпуска особых средств, то назначение ископаемых дается тем Министерством, по ходатайству или с разрешения которого испрашиваемая сумма ассигнуется.

8) При отсутствии ассигнования правительственных средств добыча найденных трупов исчезнувших животных может быть предоставлена частным лицам по обсуждении этого вопроса в каждом отдельном случае Императорскою Академией Наук.

К вышеизложенному Комиссия нашла полезным присоединить еще следующие пункты:

9) Систематическая добыча путем раскопов ископаемых остатков крупных позвоночных животных предоставляется на казенных землях Российского государства всем упомянутым в п. 2 правительственным учреждениям, а также находящимся в России естественноисторическим обществам; частным лицам такая добыча дозволяется лишь с особого на то разрешения, по рассмотрению их заявлений в Императорской Академии Наук.

---

[94] Размер этот может быть уменьшен при открытии лишь небольших частей трупа. В случае доставки таких частей администрации или упомянутым в п. 2 учреждениям возмещаются и все расходы по такой доставке.

10) Упомянутые в п. 9 учреждения и общества на частновладельческих землях производят раскопки по соглашению с владельцами земель; если такое соглашение не будет достигнуто, то в случаях особой научной важности указанные учреждения и общества могут входить к Правительству с ходатайством о временном или постоянном отчуждении местонахождения ископаемых остатков на условиях справедливого вознаграждения.

11) Вывоз указанных в пунктах 1 и 9 остатков животных за пределы государства может быть разрешаем лишь по рассмотрение каждого отдельного случая Императорскою Академией Наук.

12) Как для всеобщего сведения, так и для гарантии в правильности назначенного открывателю вознаграждения (п. 3), о приобретении учреждениями упомянутых в пунктах 1 и 9 остатков животных и о сделанных расходах публикуется в изданиях этих учреждений и в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

На заседании Физико-математического Отделения 17 марта 1910 г. от имени академика Вернадского была представлена Отделению статья С.Д. Кузнецова: «К минералогии Забайкалья. I–II» [264]. Положено напечатать ее в «Известиях» Академии» [318. В статье приводятся описания воробьевита, лепидолита, висмута и висмутового блеска и дается характеристика их местонахождений в ряде районов Забайкальской области. Надо заметить, что данная публикация снабжена подстрочной сноской: «Из писем к академику В.И. Вернадскому». В дневнике Вернадского есть запись (11 февраля 1910 г.): «Привел в порядок заметки Кузнецова из писем: К минерал[огии] Забайкалья» [95].

На заседании Физико-математического Отделения 31 марта 1910 г. от имени академика Вернадского была представлена Отделению работа А.Е. Ферсмана «Минералогические заметки. II. Флогонит и альбит из ледниковых валунов Московской губернии» [265]. Положено напечатать эту работу в «Известиях» Академии [518]. Статья, иллюстрированная 16 рисунками, основана на кристаллографических исследованиях флогопита и альбита из 7-ми имеющихся в Минералогическом кабинете Московского университета обломков ледниковых валунов (6 – из Московской губернии и 1 – из окрестностей Городни Тверской губернии). Использованы были также спектроскопические исследования, произведенные в кислородном пламени В.И.

[95] См. Приложение 2.

Вернадским и А.А. Твалчрелидзе, которые показали в образцах присутствие следов цезия и рубидия.

На заседание Физико-математического Отделения 28 апреля 1910 г. академик Вернадский представил Отделению статью Я.В. Самойлова: «Месторождения тяжелого шпата восточной части Костромской губернии» [266]. Положено напечатать эту статью в «Известиях» Академии [438]. В ней [96], иллюстрированной картой и 10 рисунками, достаточно подробно изложены результаты исследований распространения и кристаллографических особенностей тяжелого шпата (барита – минерала бария из класса сульфатов, $BaSO_4$) в восточной части Костромской губернии, полученных в ходе работ по геологическому изучению фосфоритов.

На этом же заседании Вернадский выступил с очередным заявлением о необходимости исследования месторождений радиоактивных минералов России [267], о котором будет рассказано ниже.

В.И. Вернадский также представил Отделению план работ и. о. хранителя Минералогического отделения Геологического музея Императора Петра Великого В.И. Крыжановского на лето 1910 г. [268]. Согласно этому плану, Крыжановский планировал посетить ряд месторождений на Урале, не представленных в Музее ни минералогически, ни петрографически. Среди них: Армашевское месторождение сурьмы (Армашевская жила), Мурзинские копи, месторождения Ревдинского округа и др.

На заседании Физико-математического Отделения 12 мая 1910 г. академик Вернадский сообщил следующее: «Несколько лет тому назад Академия Наук входила в сношение с разными учреждениями для отыскания сведений о падении метеоритов в 1824 году в Стерлитамакском уезде. В результате этих сношений удалось добыть кое-какой архивный материал, и в настоящее время картина этого явления может быть выяснена с достаточной полнотой. Впервые в литературу сведения об этом падении были сообщены в 1824 же году профессором Эверсманом. На этих днях Д.Н. Соколов передал в Минералогическое Отделение Геологического музея Академии от имени Александра и Михаила Эдуардовича Эверсман оригиналы метеоритов, сохранившиеся у отца их, профессора Эверсмана, – в количестве 53 мелких экземпляров, с собственноручными этикетками Эверсмана. Ввиду большого

[96] Работа выполнена в Минералогическом кабинете Московского сельскохозяйственного института.

интереса этого пожертвования честь имею просить Отделение выразить жертвователям благодарность от имени Академии». Кроме того, Вернадский довел до сведения Отделения, что в течение лета 1910 г. он желал бы посетить фосфоритные отложения Пензенской губернии и купоросные земли Тамбовской губернии. В виду этого и принимая во внимание условия, в которых находятся эти губернии, особенно Тамбовская, он просил Академию известить о его поездке местных губернаторов с целью распоряжений об оказании ему, в случае надобности, содействия [269]. Положено исполнить.

Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург во время Первой Туркестанской экспедиции, 1909 г.

На заседание Физико-математического Отделения 26 мая 1910 г. академик Ф.Н. Чернышев от имени академика Вернадского [97] читал обращение последнего по поводу минералогической коллекции П.А. Кочубея (которой сейчас владеет его сын – В.П. Кочубей), ее исключительной ценности и совершенно исключительного научного значения и о необходимости ее приобретения для России [98]. Было положено признать принципиально желательным приобретение коллекции Кочубея и избрать особую Комиссию для рассмотрения вопроса о подробностях этой покупки; в состав Комиссии избраны академики: А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, С.Ф. Ольденбург и В.И. Вернадский, причем Комиссии поручено войти в предварительные переговоры с В.П. Кочубеем и с министром финансов.

[97] В это время Вернадский был в Вернадовке.

[98] См. Приложение 5.

Надо отметить, что еще 17 февраля 1910 г. Вернадский получил письмо от Ф.Н. Чернышева, в котором последний пишет, что на днях у него «был В.П. Кочубей и сообщил, что его коллекция не продана никуда и хранится у него на квартире в Вене. Оценивает он ее в 300 тысяч <рублей> и готов уступить за эту сумму, <…>, если русское правительство склонно будет ее приобрести. Коллекции составлен полный каталог, который и посылаю Вам в печатном виде. В этом каталоге в первом столбце новая нумерация, данная В.П. Кочубеем, а во второй графе старая нумерацию его отца. Таким образом, легко из них дать, что не упомянуто из старой коллекции в каталоге. Это не значит, что образцов нет, но они без этикеток, и потому не включены в каталог. Из каталога видно, что платина, александриты и розовые турмалины – все почти спасены. Кочубей предполагает, что кто-либо, лучше всего Вы, приедет на нашу Пасху в Вену и осмотрит коллекцию. До мая месяца он хочет иметь лишь принципиальный ответ, согласится ли Академия на себя инициативу покупки коллекции. В противоположном случае она будет отправлена в Лондон, и там будет устроен аукцион, на котором, без сомнения, будет выручено больше 300 тысяч» [99].

7 (20) июня 1910 г. В.П. Кочубей, жившей в то время в Вене, обратился уже непосредственно к Вернадскому с письмом, в котором предлагал купить свою коллекцию минералов, назначив цену после предварительного ее осмотра представителями Академии наук:

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Вчера только вернулся из Петербурга и застал Ваше письмо, из которого я наконец понял причину, почему не состоялся обещанный мне академиком Чернышевым Ваш приезд на святой [100] в Вену. Не получая от а[кадемика] Чернышева известия, я предположил, что Вы не приехали ввиду того, что Конференция Академии отказалась от мысли приобретения коллекции. Ввиду этого я решил, не теряя времени, вступить в переговоры с торговцами Лондона и Америки для продажи через их посредство коллекции. Там же Вы пишите, что Вы собираетесь приехать в Вену и могли бы это сделать во второй половине <нрзб> июля, то я с решением вопроса о продаже <нрзб> придержусь. Ввиду же того обстоятельства, что в <июле?> меня в Вене не будет, не

[99] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1795. Л. 18–19 об. Автограф на бланке Геологического комитета.

[100] Кочубей, очевидно, имеет в виду День Святой Троицы (Неделя Святой Пятидесятницы) – 7 (20) июня 1910.

найдете ли Вы возможным приехать немедленно в Вену, где я пробуду до 21 или 22 июня старого стиля. Коллекция пока остается в Вене (размещается во витринах), если же до осени вопрос о покупке ее Академией не будет решен в утвердительном смысле, я буду вынужден ее упаковать и отправить в Лондон. Я вполне разделяю Ваш взгляд о желательности сохранения коллекции в России и для этого согласен уступить ее Академии с уступкой против цены, которую мне предлагают лондонские купцы.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

Василий Кочубей» [101].

Несколько забегая вперед, укажем, что 24 ноября 1910 г. Физико-математическое Отделение Академии обратилось к Вернадскому с просьбой съездить в Вену для определения ценности коллекции. Эта его поездка (совместно с А.Е. Ферсманом) состоялась с 4 по 25 января 1911 г. Так, в письме от 10 (23) января 1911 г. из Вены к жене Вернадский писал: «Кочубея коллекция интересная. Она *стоит* теперь, даже пострадавшая, около 150000 рублей, но теперь надо искать денег» [146, с. 53]. Ей же, 12 (25) января: «<осматривать> коллекцию Кочубея закончу завтра. По нашей приблизительной оценке ей хорошая цена 150000 рублей, я думаю, он будет требовать больше, и, конечно, есть у него уники, цену которым определить нельзя. Есть вещи великолепные, и в общем коллекция очень хороша» [146, с. 54]. Средства на покупку коллекции были отпущены Министерством народного просвещения. Она была приобретена за 165690 руб. Согласно особому закону от 12 июля 1913 г., собрание минералов поступило (в конце 1913 г.) в Минералогическое отделение Геологического и минералогического музея имени Петра Великого. Коллекция включала 3 тыс. образцов преимущественно из русских месторождений, а также из иностранных, давно исчерпанных рудников. Многие экземпляры представляли собой оригиналы описаний русских ученых Н.И. Кокшарова. А.В. Гадолина, М.В. Ерофеева; некоторые группы минералов по своей ценности и подбору являлись лучшими из всех известных. Собрание Кочубея стало самым крупным приобретением за всю 200-летнюю историю Минералогического отделения. А.Ф. Ферсман считал, что с приобретением этой коллекции «Минералогический музей Академии наук с нынешнего года становится в ряды лучших музеев Европы и

[101] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 841. Л. 1–2 об.

Америки… <…> Лучшее, что давала природа России за последнее столетие, сосредоточено в этой коллекции <…> Среди них – много оригиналов исследований наших лучших русских ученых» [21, стлб. 1240]. Труды Геологического музея сообщали: «Совершенно исключительное место не только среди поступлений этого года (т. е. 1913 г. – Е.Я.), но и во всей двухсотлетней истории нашего музея занимает собрание В.П. Кочубея, на приобретение которого отпущено из средств Государственного казначейства согласно закону 12 июля 1913 года 165690 рублей. Это собрание ставит Минералогические коллекции Академии в ряды лучших минералогических музеев Европы и увеличивает их ценность почти вдвое. Благодаря приобретению кочубеевской коллекции Академией наук, остается в России одно из лучших собраний ее природных минеральных богатств…» [299, с. 40 [102]]. В коллекции минералов числилось 2356 образцов, в коллекции псевдоморфоз 232 образца, всего 2588 образцов, которые распределяются на 347 минеральных видов [103].

На заседании Физико-математического Отделения 15 сентября 1910 г., как уже сообщалось ранее, В.И. Вернадский представил Отделению свою статью под заглавием «Заметки о распространении химических элементов в земной коре. III» [270]. Положено напечатать эту работу в «Известиях» Академии [156]. Он также представил Отделению еще одну свою статью «К вопросу о триболюминесценции» [270]. Положено напечатать эту статью в «Известиях» Академии [99]. В этой работе [104] Вернадский приходит к следующим выводам: 1) триболюминесценция, подобно явлениям электрическим, есть явление поверхностное, 2) она наблюдается в тех случаях, когда векторы кристалла могут обладать полярным характером, поэтому она наиболее резка в веществах без центра симметрии, 3) связь ее с полярностью векторов делает вероятным, что мы имеем в ней какое-то явление, аналогичное электрическому разряду между различно наэлектризованными частями кристаллического тела, причем искра может иногда являться следствием роста кристалла (так называемая кристаллолюминесценция). В других случаях напряжение меняется при давлении

[102] Приводится с некоторыми изменениями отчет об осмотре этой коллекции В.И. Вернадским и А.Е. Ферсманом в 1911.

[103] См. также [351].

[104] Работу над ней он завершил в июле 1910, находясь в Вернадовке.

(триболюминесценция) или нагревании (пиролюминесценция [105]). Аналогия с электрической искрой должна быть проведена, однако с большой осторожностью, так как мы имеем в триболюминесценции особые окраски искры, указывающие на явления, отличные от простого электрического разряда, 4) временная триболюминесценция связана с изменением поверхности слоя кристалла.

Вернадским также была представлена статья Б.А. Линденера «О триболюминесценции минералов» [270]. Положено напечатать эту статью в «Известиях» Академии [330]. В статье дается сводка имеющихся наблюдений, приводятся многие новые (на основе изучения минералов из коллекции Московского университета под руководством Вернадского). Линденер приходит к выводу, что в настоящее время имеющийся материал не позволяет утверждать, что для проявления триболюминесценции, как и для пьезо- и пироэлектрических свойств, отсутствие центра симметрии необходимо. Но подобно тому, как пьезо- и пироэлектричество наиболее резко проявляются у гемиморфных кристаллов, так и триболюминесценция свойственная преимущественно последним. По мнению Вернадского, из выводов Линденера заслуживают внимания указания на то, что вещества триболюминесценции никогда не проводят электричество и что % (доля) веществ без центра симметрии здесь больше, чем тот же % (доля) для всех веществ.

Кроме того, Вернадский обратился к Академии наук с просьбой о найме частного помещения для устройства в нем лаборатории и рабочих комнат Минералогического отделения Геологического музея, а также о возбуждении ходатайства о выделении Геологическому музею 5000 рублей для покрытия долгов [329, с. 176].

На этом же заседании – в ответ на упомянутый выше отказ Министерства народного просвещения выделить незначительную сумму на организацию экспедиции по исследованию радиоактивных объектов – Вернадский выступил с заявлением, которое будет рассмотрено ниже.

На заседании Физико-математического Отделения 29 сентября 1910 г. от имени академика Вернадского была представлена Отделению, с одобрением для напечатания, статья П.А. Земятченского «Этюды по кристаллогенезису. II. Влияние постороннего вещества на кристаллическую форму квасцов» [271]. Положено напечатать эту статью в «Записках» Отделения [250]. Надо сказать, что за серию работ

[105] Свечение, которое возникает в веществе под воздействием высокой температуры.

под общим названием «Этюды по кристаллогенезису» Земятченский в 1914 г. был награжден Академией наук премией имени М П. Ахматова. Одним из рекомендовавших был Вернадский, который высоко оценивал этот труд своего старого друга [137].

На заседание Физико-математического Отделения 10 ноября 1910 г. было принято решение об издании программной записки В.И. Вернадского «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи» отдельным изданием [329, с. 179]. Подробно эта записка будет рассмотрена ниже.

Таким образом, из 16-ти заседаний Физико-математического отделения, состоявшихся в 1910 г., Вернадский лично присутствовал на трех (28 апреля, 12 мая, 15 сентября), на девяти (20 января, 17 февраля, 3 марта, 17 марта, 31 марта, 26 мая, 29 сентября, 10 ноября, 24 ноября) – от его имени представлялись те или иные материалы или рассматривались разные вопросы, на заседании 3 февраля – отсутствовал из-за болезни дочери, 13 октября – находился по земским делам в Моршанске, 27 октября – отсутствовал (был в это время в Москве), 8 декабря – также отсутствовал (уже, очевидно, готовился к общему собранию Академии, которое состоялось 29 декабря).

Минералогическое отделение Геологического музея

Минералогический музей Императорской Академии наук – одно из старейших собраний в мире. На протяжении своей дореволюционной истории он не раз менял название, а в советский период на его основе было создано несколько самостоятельных учреждений [28, 29, 30, 186, 277, 394]. Музей ведет свое начало от Минерального кабинета Кунсткамеры [106], где хранились коллекции не только минералов, но и горных пород, а также окаменелые остатки животных и растений. Превращение Минерального кабинета в исследовательское учреждение произошло благодаря деятельности В.М. Севергина, который в 1804 г. стал его заведующим. К 1821 г. Кабинет насчитывал около 20000 образцов. В Уставе 1836 г. Кабинет получил официальное название Минералогического музея. В течение многих лет в силу ряда обстоятельств коллекции оставались заброшенными и не были доступны для

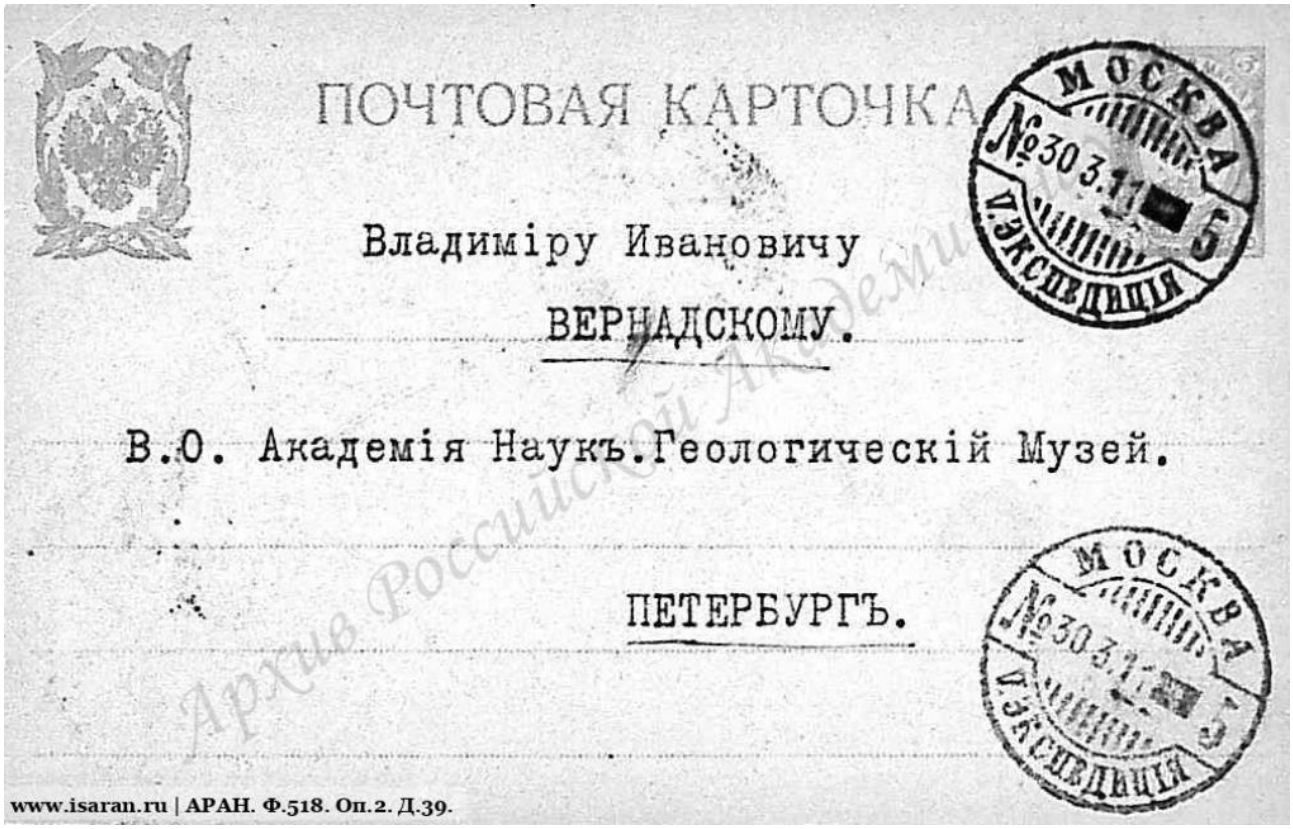
[106] Кунсткамера – первый в России государственный публичный музей, учрежденный Петром I в 1714 в С.-Петербурге.

публики. Их начали приводить в порядок и описывать только в последней трети XIX в. (1874–1900), когда директором музея был один из родоначальников стратиграфической палеонтологии Ф.Б. Шмидт, при котором центр интересов музея переместился с минералогии в область геологии и палеонтологии. В 1899 г. Минералогический музей был переименован в Геологический музей. В 1900 г. его возглавил Ф.Н. Чернышев, поставивший перед собой цель превратить академический музей в национальный геологический и минералогический музей с широкими возможностями для исследовательской работы. В 1903 г., в год 200-летия основания С.-Петербурга, обновленный музей был переименован в Геологический музей имени Петра Великого, в 1912 г. в Геологический и минералогический музей имени императора Петра Великого. В 1904 г. произошла реорганизация Геологического музея имени Петра Великого, когда фактически было создано два музея, но они носили названия отделов: Минералогический отдел (минералы) и объединенный Геологический и палеонтологический отдел (горные породы, стратиграфия, вулканизм и т. д.). Отделы, или отделения, были независимы в научном отношении, но связаны административно. Это объединение двух отделений получило статут «Геологический музей имени Петра Великого Императорской Академии наук». После смерти Чернышева в 1914 г. заведование всем Музеем перешло в руки Н.И. Андрусова, который был его директором в 1914–1918 гг. С 1918 по 1920 г. музейная работа совершенно замерла. Обязанности директора Музея недолго исполнял президент Академии наук А.П. Карпинский, а в 1919 г. Музей возглавил А.Е. Ферсман. В 1925 г., в год празднования Академией наук своего двухсотлетнего юбилея, произошло разделение Геологического и Минералогического музея имени императора Петра Великого на два самостоятельных музея: Геологический музей АН СССР и Минералогический музей АН СССР. В 1930 г. оба музея были преобразованы в институты. Минералогический музей превратился в Минералогический институт (директор А.Е. Ферсман). Институт усилил свои исследовательские функции; музей же стал одним из его отделов института. На базе коллекций Геологического музея возникли три института – Геологический (ГИН, директор В.А. Обручев). Палеозоологический (директор А.А. Борисяк) и Петрографический (ПЕТРИН, директор Ф. Ю. Левинсон-Лессинг). Геологический и Палеозоологический институты поделили между собой коллекции Геологического музея. В 1932 г. Президиум АН СССР признал необходимым создать единый Ломоносовский институт геохимии, минералогии

и кристаллографии (ЛИГЕМ), объединивший Геохимический институт, кристаллографическую лабораторию и Минералогический институт. В составе Ломоносовского института возник ряд отделов-секторов: кристаллографии, геохимии, минералогии, региональной минералогии и Минералогического музея.

В 1910 г. директором Геологического музея и заведующим Геологическим отделением был академик Ф.Н. Чернышев, заведующим Минералогическим отделением Музея – экстраординарный академик В.И. Вернадский.

История Минералогического отделения с 1906 г. тесно связана с именем В.И. Вернадского. Известно, что 27 сентября 1906 г. Ф.Н. Чернышев обратился в Физико-математическое отделение Академии наук с просьбой о передаче руководства Минералогическим отделением Геологического музея В.И. Вернадскому [329, с. 115], избранному 4 марта этого года на Общем собрании Академии наук адъюнктом по минералогии [329, с. 109] [107].

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

МОСКВА №30 3.11 5 V. ЭКСПЕДИЦІЯ

Владиміру Ивановичу

ВЕРНАДСКОМУ.

В.О. Академія Наукъ. Геологическій Музей.

ПЕТЕРБУРГЪ.

МОСКВА №30 3.11 5 V. ЭКСПЕДИЦІЯ

Архив Российской Академии наук
www.isaran.ru | АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.39.

[107] Между прочим, 14 октября 1906 на заседании Общего собрания было сообщено, что министр народного просвещения уведомил президента Академии наук о разрешении Императора выдавать Вернадскому по 1 июня 1907 вознаграждение в 1500 рублей в год сверх получаемого им содержания профессора Московского университета [329, с. 116].

В отчете о деятельности Академии наук за 1906 г. сказано, что «избрание в академики Владимира Ивановича Вернадского дало Музею нового сотрудника, в руки которого и переходит теперь заведование Минералогическим отделением Музея. Не имея еще возможности в этом году оставить Московский университет, В.И. Вернадский тем не менее принимает уже деятельное участие в жизни Музея, и под его руководством работают теперь минералоги-сотрудники Музея. С избранием В.И. Вернадского удалось также получить для Музея постоянного лаборанта, надобность в котором ощущалась уже давно. Лаборантом приглашен кандидат Московского университета К.А. Ненадкевич» [387, с. 48]. В 1909 г. была организована Минералогическая лаборатория, которую возглавил К.А. Ненадкевич [277].

Как подчеркивал В.И. Крыжановский [108], долгое время работавший под руководством Вернадского в Минералогическом музее [316], Вернадский принес в Музей большой опыт коллекционирования минералов, приобретенный им в Московском университете. Под руководством Вернадского просматривались минералогические коллекции. Именно ему Минералогический музей обязан восстановлением многих подлинников и исторических собраний. Он завел инвентарные книги, в которые вписывались названия минералов, их месторождения и исторические данные, а также отмечались специфические особенности выдающихся образцов. Эти инвентарные книги, начатые в 1907 г. для разных коллекций Музея, положены в основу учета всего минералогического материала, ранее существовавшего в виде фрагментов различных коллекций, и для записи всех поступающих коллекций и отдельных минералов. Вернадский ввел самую простую форму учета наличных минералов, присваивая каждому вновь поступающему образцу один текущий инвентарный номер [109]. Одновременно с ведением инвентарных книг он организовал для текущей работы карточные каталоги. В Музее приняты два карточных каталога. Один охватывает все минеральные виды, имеющиеся в Музее, другой – месторождения всех имеющихся минералов. По этим каталогам можно сразу получить

[108] Он регулярно сообщал Вернадскому в Москву о все «музейных» делах, об упорядочивании и каталогизировании минералогических коллекций, о своих летних экспедиционных планах и т. д. и т. п., о чем свидетельствуют его многочисленные письма, отложившиеся в архиве Вернадского (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 876).

[109] «На музейной конференции 1940 г. в Москве такая система была признана наилучшей» [316].

ответ: а) имеется ли данный минеральный вид в составе коллекций Музея, б) из каких месторождений он происходит, в) какие минералы, кроме того, имеются в этом месторождении. Это давало возможность получить понятие о парагенезисе каждого данного минерала на основе материалов Музея. Такая система музейной работы, – подчеркивал В.И. Крыжановский, – исключительно удобна, ее можно считать совершенной в музейной минералогической практике. Между прочим, предложенная Вернадским систематизация музейного материала, которая действует в музее до сих пор: коллекция систематическая, коллекция «Образования и превращения минералов», коллекция кристаллов, коллекция месторождений, коллекция поделочных и драгоценных камней. Введенные В.И. Вернадским формы учета и записи минералов с небольшими изменениями сохраняются до наших дней [445].

В.И. Крыжановский

В 1908–1910 гг. Вернадский положил начало библиографии музейного материала, под его руководством был составлен третий карточный каталог – каталог литературы по каждому минеральному виду. Этот каталог является неотъемлемым логическим дополнением к первым двум, придавая особую глубину и научность всей системе работы [316]. Особое внимание Вернадский обращал на наиболее полный подбор минералов каждого данного месторождения, на полный подбор всех строящих его элементов, на историю каждого крупного месторождениях. Под его руководством начался подбор всех известных в те годы радиоактивных минералов, которые приобретались через зарубежные минералогические конторы, иногда путем обмена с заграничными музеями. С 1910–1911 гг. в связи с началом

систематических работ в Ильменских горах Музей начал подбор минеральных щелочных сиенитов из Норвегии, Гренландии и Сев. Америки. Вернадский также начал приобретать крупные минералогические коллекции, собранные любителями. «Для В.И. Вернадского каждый минерал представлял собой не только определенный минеральный вид со своими морфологическими особенностями, но прежде всего и больше всего продукт природного процесса, повествующий об этом процессе, определенный эпизод из увлекательной истории Земли. И он учил нас, своих сотрудников, глубоко понимать минеральную природу» [316, с. 33]. Особенно большое значение Вернадский придавал ведению полевых дневников при сборах коллекции – с максимально возможной информацией об образцах и местности. Он начал в Музее большую работу по организации двух типов коллекций: коллекции кристаллов, выявляющей совершенство форм минеральных соединений, значительно дополненной образцами с проявлениям роста или растворения кристаллического вещества, с явлениями различных деформаций, скольжений, типов двойников, различных сростков и т. д., т. е. всего материала, который характеризует подвижность и жизненность минералообразующего процесса; другая коллекция – коллекция псевдоморфоз как явлений химических превращений или различных метасоматических замещений. Этой коллекции Вернадский придавал особое значение для изучения процессов минералообразования. Под его непосредственным руководством в Метеоритном отделе Минералогического музея создавалась коллекция метеоритов [316].

13 декабря 1906 г. Ф.Н. Чернышев в своем выступлении на заседании Физико-математического отделения Академии наук обосновал необходимость издания нового научного журнала «Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук» [329, с. 119]. Под таким название журнал издавался в (1907–1914). Затем (в 1915–1925) выходили «Труды Геологического и Минералогического Музея имени императора Петра Великого Российской Академии наук (с 1917 г. слово Император из названия журнала и Музея исчезает).

В 1910 г., как сказано в Годовом отчете, положение Геологического Музея не изменилось к лучшему, и, как и в прошлые годы, недостаток средств и теснота помещения продолжали чувствоваться с прежней и даже большею остротою [194, 388]. В этом году в Минералогическом отделении все работы велись, под общим руководством В.И. Вернадского, В.И. Крыжановским при участии М.Ф.

Владимирова и М.Е. Лезедовой [110]. Основные усилия были направлены на приведение в порядок основной коллекции и на разборку и каталогизацию поступающих и поступивших ранее коллекций, пополнялось систематическое собрание при полной его проверке, причем был выяснен и исправлен ряд вкравшихся погрешностей. Начата составление коллекции месторождений, для чего имеется уже теперь весьма богатый материал. Началось также выделение и составление «коллекций месторождений». В основной коллекции, совместно с Вернадским, систематически просмотрены группы от свинцового блеска до сульфосолей и от сульфосолей – борнита и т. д. – до оксилов. Произведены все поправки, проверен каталог, выделены дубликаты, псевдоморфозы, кристаллы. К началу 1910 г. по каталогу числилось до 19500 номеров минералов, в 1910 г. вписано новых минералов около 800. В химической лаборатории Минералогического отделения всеми работами

[110] Лезедова (по мужу Владимирова, с 1913) Мария Евгеньевна (1887– после 1950?) –химик, радиохимик, минералог, кандидат химических наук (тема «Возраст минералов Ильменских гор по радиоактивным данным», защитила 27 апреля 1944 на заседании Ученого совета Радиевого института АН СССР). Родилась в Мотовилихе Пермской губернии, в семье горного инженера Евгения Карловича фон Лезедова (1854–1918), представителя российской ветви Лезедов – дворянского рода немецкого происхождения, выпускника (в 1880) Петербургского горного ин-та, работал в Пермской губ. Окончила физ.-мат. ф-т Высших женских курсов (1913) в Петербурге. В 1909–1916 работала каталогизатором в Минералогическом отделении Геологического музея, с 1928 научный сотрудник Геохимического ин-та, затем Ин-та геохимии, минералогии и кристаллографии им. М.В. Ломоносова АН СССР, в 1935–1950 – Радиевого ин-та. Участница летних полевых работ Радиевой экспедиции Вернадского в 1912 и в 1914. В 1910 завершила работу по составлению географического штампа для коллекции «нефритов», которая находилась в музее. Любопытно отметить, что эта работа была начата в 1909 г. сестрой Вернадского – Е.И. Короленко, о чем можно узнать из письма Лезедовой Вернадскому от 15 декабря (явно 1910) – см. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 942. Л. 1. В архиве Вернадского отложилось также письмо М. Владимировой от 4 мая 1937 из Ленинграда, в котором она сообщает ему о своей работе – над анализами уранинитов (См. статью [535]). Надо отметить, что в фонде Вернадского сохранилось письмо сотрудника Минералогического музея М. Владимирова (от 15 декабря 1910), в котором он просит разрешения съездить на праздники «домой недели на две» (АРАН. Ф. 513. Оп. 3. Д. 348. Л. 1). Между прочим, аналогичная просьба содержится и в упомянутом письме М.Е. Лезедовой. Есть все основания полагать, что М. Владимиров – будущий муж Лезедовой; в 1910–1912 – каталогизатор Минералогического музея. Каких-либо сведений о нем найти не удалось.

заведовал К.А. Ненадкевич, который, в частности, занимался изучением и сравнительной проверкой предложенных в последние годы методов отделения бериллия, урана и ванадия, а также аналитическим исследованием бериллов из Нерчинска и ванадиевых и урановых минералов Ферганского месторождения. Лаборатория увеличила свое помещение одною комнатой, что, вместе с приобретением платины, переданной Музею Физическим кабинетом Академии, позволит значительно расширить работы Лаборатории.

В 1910 г. Минералогическим отделением в связи с XII Съездом русских естествоиспытателей и врачей в Москве была организована выставки с показом новых для России и Урала минералов – таких, как петалит, хромовый везувиан и перовскит, топаз с Изумрудных копей и др. [193].

В 1910 г. в Музей в виде дара поступили минералогические коллекции от многих исследователей, среди которых К.И. Аргентов, А.А. Бялыницкий-Бируля, М.М. Василевский, А.П. Карпинский, С.Д. Кузнецов, Л.И. Прасолов, Н.Н. Тихонович, А.Е. Ферсман, Г.П. Черник, Я.С. Эдельштейн, а также от организаций – Минералогического кабинета Московского университета, Реформатского училища. Ряд коллекций были доставлены служащими и сотрудниками Музея, собранными, как правило, во время экскурсий – В.И. Вернадским, К.А. Воллосовичем, В.И. Крыжановским. Вернадский, например, передал в Минералогический музей кристаллы иксионолита из Ильменский гор и из Финляндии, а также несколько образцов других минералов.

Музеем были также куплены несколько небольших коллекций минералов, например, у С.Х. Южакова [111], у известного торговца минералами доктора Ф. Кранца из Бонна (урановые минералы и др.), у Бёма (Johannes Böhm) из Вены (различные урановые соединения и др.).

Как уже отмечалось, В.И. Крыжановский регулярно сообщал Вернадскому о всех текущих делах и проблемах Музея. Только два

[111] Южаков Сергей Хрисанфович (1856–после 1927?), крестьянин из старинного уральского села Южакова (Мурзинской волости Алапаевского округа), которое прославилось не только копями и самоцветами, но и династией горных мастеров Южаковых. С ним был близко знаком А.Е. Ферсман (см. его замечательные «Очерки по истории камня», где он не раз вспоминает Южакова и даже приводит фотографии [522]). Не исключено, что Вернадский (во время летней поездки на Урал в 1912) мог лично познакомиться с С.Х. Южаковым. Есть сведения, что в 1920-х С.Х. Южаков за «контрреволюционную деятельность» осужден на 5 лет, но по амнистии наказан условно.

примера. Так, 13 марта 1919 г. Крыжановский пишет Вернадскому: «Дела по музею обстоят так[им] образом – Владимиров каталогизирует колл[екцию] Панцержинского [112] и колл[лекцию] месторождения «Еремеевская копь» [113], которую я выделяю. Лезедова при моем участии и руководстве уже кончает гр[уппу] ромб[ических] углек[ислых] соед[инений] – арагопиты, стронцианиты, витериты, церусситы, малахиты и азуриты. Я много работаю с паяльной трубкой; группы стронциата, витерита и церуссита тщательно проверены; – в них оказались и целестины, бариты, баритокальц[иты], англезиты, галмеи, вульфениты etc. Так как материала в этих группах много, то я привлек на помощь себе к этой работе М.Е. Лезедову. У нас подбирается хорошая колл[екция] псевдоморфоз; я выделяю также колл[екцию] «Шишимская копь». От столяра получил еще 50 лотков и ящики в шкаф; заказал стол для гониометра – большой с двумя ящиками и т. д. за 13 руб[лей]. <…> . Будьте столь добры, Владимир Иванович, написать мне о книгах г-жи Симашко [114]; покупаете ля Вы их или нет; она приходила

[112] Панцержинский Чеслав Валерианович (1854–1908) – горный инженер. Окончил Горный институт в С.-Петербурге (1880). Смотритель Князе-Михайловской сталепушечной оружейной фабрики в Златоустовском горном округе (с 1880), управитель Кусинского казенного завода (1883–1885), управляющий Песочинского завода Товарищества «Заводы Мальцева» (1887–1894), управитель Саткинского казенного чугунно-литейного завода (1894–1895), управляющий Каменского завода (1895–1908).

[113] Еремеевская минеральная копь (Юж. Урал) находится в 21 км к с.-в. от Златоуста. Заложена в 1888 Ч. В. Панцержинским. Названа в честь известного русского минералога, академика П.В. Еремеева (1830–1899), который в 1869 был в научной командировке в Златоустовском горном округе.

[114] Речь идет о дочери Юлиана Ивановича Симашко (1821–1896) – зоолога, энтомолога, общественного деятеля, писателя, педагога, коллекционера метеоритов. Действительный статский советник (с 1870), почетный член Российского минералогического об-ва (1888). Окончил Павловский кадетский корпус (1838). Учитель в Шлиссельбургском уездном уч-ще, затем в Павловском корпусе. Один из учредителей (1871) и затем редактор журнала «Семья и школа» (до 1876). Труды его: «Руководство к зоологии» (1864), «Русская фауна, или описание и изображение животных, водящихся в России» (СПб., 1856–1861), «Наставление к собиранию и сохранению насекомых» (1862), «Царство животных, класс млекопитающих» (СПб., 1857), «Географические атласы» (1869 и 1879). После его смерти его дочь в 1903 продала коллекцию метеоритов (почти 400 экземпляров) за рубеж. Ее купил (за 6200 долларов) американский натуралист и геолог Генри Уорд (1834–1906). Об этом 3 октября 1903 сообщила газета «The New York Times» (PAYS $6,200 FOR METEORITES.; Prof. H.A. Ward of Milwaukee Buys a

спрашивать и пожаловалась, что так долго нет ответа» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 876. Л. 55–56). Советуется о возможности приобретения у частных лиц некоторых минералов, о ремонте шкафов и об оплате работы столяра, сообщает о поступивших в музей письмах («не частных»), о приглашении на заседание Лиги образования и т. д. «Будьте спокойны, у нас все делается, как нужно» [115].

4 декабря 1910 г. Крыжановский сообщает Вернадскому: «Ремонт шкафов вызвал массу всякого непорядка – пришлось все вынуть: придется все это наново привести в порядок. Все время нестерпимо воняет краской так, что даже глаза ест. Мар. Евг. <Лезедова> по прежнему усидчиво работает над каталогом; теперь уже закончилась часть, сделанная Екат[ериной] Ивановной [116], и приходится самой писать все карточки, что идет медленнее, чем поверка готового. М.Ф. <Владимиров> и я каталогизируем разные мелкие коллекции, из ранее поступивших; таких имеется порядочно, и мне хочется к Новому году эти мелкие грехи поправить. Заканчиваю колл[екции] Черника; там так много разных новых названий и неопред[еленных] минералов, что приходится по возможности их определять. Открыл всю колл[екцию] с Нагольного Кряжа, кварцев Шишковского, как я и ранее Вам говорил, нет. <…> Минералы из Москвы получил; их в настоящее время каталогиз[ирует] Владимиров» [117].

«Опыт описательной минералогии»

В марте 1908 г., в «Предисловии» к 1-му выпуску I-го тома своего «Опыта описательной минералогии», Вернадский указал, что эта работа рассчитана на несколько томов и на много лет. После I-го тома, заключающего самородные элементы, он предполагает выпустить II-й том – сернистые тела и затем IV-й [118] – соединения кремнезема, простые и сложные [92]. В начале 1909 г. вышел 2-й выпуск 1-го тома [97].

Famous Russian Collection Which Will Be Sent Flere // The New York Times, 1903 October 03). В 1910 она, видимо, решила продать и отцовскую библиотеку.

[115] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 876. Л. 56 об.

[116] Е.И. Короленко (урожд. Вернадская) – сестра В.И. Вернадского.

[117] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 876. Л. 68–69.

[118] Так в тексте у Вернадского. Опечатка? Надо было, очевидно, указать «III-й том»? Или Вернадский еще не определился с темой III тома?

«Горщики» – любители камня на Урале. Данило Орлов, Сергей Южаков (сидит), его сын и профессор В.И. Крыжановский в «Яме Южакова» на Мокруше. Снято А.Е. Ферсманом в 1912 г. [522]

3-й выпуск I-го тома издавался Вернадским под эгидой Академии наук и был напечатан по ее распоряжению от августа 1910 г. [103] [119].

В пятом выпуске первого тома, в разделе «От автора», В.И. Вернадский отметил, что основной его задачей является пересмотр природных химических соединений Земли с точки зрения химических процессов, в ней идущих [120]. «Это, по моему мнению, есть главная задача минералогии, которая, подобно химии, должна изучать не только продукты химических реакций, но и самые процессы реакций. Этот взгляд на минералогию и переработка в этом смысле всего материала минералогии проводились мной последовательно, с начала 1890-х годов, при чтении лекций по минералогии в Московском университете. При обработке университетского курса и при установке богатого минералогического собрания Московского университета и вырос этот "Опыт"» [120, с. V]. Исходя из этого взгляда на минералогию, он включил в нее газы, «которые были выброшены из минералогии под влиянием увлечения кристаллографией в первой половине XIX столетия и без которых невозможно понимание химических процессов земной коры» [120]. Вернадский также попытался одновременно решить еще две задачи: 1) постараться выяснить значение человека в генезисе минералов, поскольку, по его мнению, этим путем выясняется любопытная и крупная роль человека (его труда) в химических процессах Земли, подчеркнув, что она (роль человека), насколько ему известно, никогда не была сведена в единое целое человеческой мыслью. Другая задача – дать по возможности полную топографическую минералогию Российской империи.

Здесь же В.И. Вернадский вспомнил тех, кто помогал ему в подготовке этой работы. Так, огромный труд по составлению указателей сделан в значительной мере Н.Е. Вернадской и С.С. Ольденбургом. Помощь в корректуре ему оказали Н.Е. Вернадская, Н.В. Вернадская, А.С. Короленко, Е.Д. Ревуцкая. Он также указал, что целый ряд данных получен им при справках в Минералогических музеях Императорской Академии наук, Петербургского, Московского, Новороссийского, Томского, Киевского, Казанского, Харьковского, Варшавского,

[119] В 1912 вышел 4-й [115], в 1914 – 5-й выпуск I-го тома [120], в 1918 – 1-й выпус II-го тома [121], в 1922 г. – 2-й выпуск II-го тома [122].

[120] Как точно подметил академик Э.М. Галимов, «хотя труд В.И. Вернадского называется "Опыт описательной минералогии", его опыт в действительности состоял в том, что он перешел от минералогии описательной к минералогии как к учению о химических процессах» [185, с. 5].

Гельсингфорского университетов, Московского и Новоалександрийского сельскохозяйственных институтов, Екатеринославского горного института, Томского технологического института, Берлинского, Лондонского и Венского национальных музеев, собраний Museum d`histoire naturelle и École des Mines в Париже, Минералогического музея в Мюнхене.

Кроме того, разнообразную помощь при работе над «Опытом» своими указаниями на ошибки и пропуски, дополнениями, новыми данными, указанием литературы, фотографий и т. п. ему оказали следующие лица: П.К. Алексат, проф. Берверт, проф. Боргстрем, В.Н. Вебер, Н.Е. Высоцкий, А.П. Герасимов, Г.И. Касперович, В.И. Крыжановский, Л.А. Крыжановский, Б.Г. Карпов, С.Д. Кузнецов, проф. А.Е. Крымский, акад. А.П. Карпинский, проф. К. Клейн, проф. В.В. Карандеев, проф. А. Лакруа, Б.А. Линденер, К. Марков, К.А. Ненадкевич, В.Г. Орловский, д-р Прайор, проф. Б.К. Полынов, проф. П.П. Пилипенко, проф. С.П. Попов, Е.Д. Ревуцкая, проф. Я.В. Самойлов, Н.И. Сургунов, проф. П.П. Сущинский, проф. И.Ф. Сиома, И.П. Толмачев, Н.Н. Тихонович, проф А.Е. Ферсман, проф. Г.В. Хлопин, акад. Ф.Н. Чернышев, Л.А. Ячевский.

Если ориентироваться на записи в дневнике Вернадского, то корректуру последних гранок книги он, возможно, завершил примерно к середине февраля 1910 г. (и, кстати, практически сразу же стал делать выписки для следующего выпуска «Опыта описательной минералогии»). В частности, в дневнике от 6 февраля есть запись «днем корректура гранки Te–Sb–As» (это в книге §§ 264–272, последний параграф в книге – № 286, точнее, его начало) [121].

В третьем выпуске «Опыта описательной минералогии» Вернадский продолжил предыдущий раздел своей книги, посвященный рассмотрению природного золота и серебра (золото, электрум, кюстелит, серебро, медистое золота). Он описал висмутистые соединения золота и серебра (бисмутаурит, мальдонит, чиленит), «золото – серебро – ртуть» (ртуть, конгсбергит, аркверит, золотая амальгама, аурамальгама), самородные медь, свинец, олово, цинк, висмут, теллур, мышьяк и сурьму (самородный мышьяк, аллемонтит, самородная сурьма), металлоиды (самородная сера, жидкая сера, аморфная сера, газообразная сера).

[121] См. Приложение 2.

В. И. Вернадскій.

ОПЫТ

ОПИСАТЕЛЬНОЙ МИНЕРАЛОГІИ.

Том I.

САМОРОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ.

Выпуск 3.

Биогеохимическая Лаборатория
БИБЛИОТЕКА
Академия Наук СССР.

ЕСТЕСТВОВѢДЪ

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Титульный лист 3-го выпуска I-го тома «Опыта описательной минералогии»

Описание минералов, как правило, состояло из следующих разделов (параграфов): химический состав, физические свойства, распространение и нахождение в земной коре, нахождение и месторождения в России, труд человека, методы определения, есть такие разделы, как «история золота», «история электрума и серебра», «история меди», составленные на основе большого количества литературных источников и представляющие собой замечательный образец научно-исторического описания изучения, добычи, освоения месторождений и практического использования указанных элементов и их соединений. Не менее интересны и обширные разделы, посвященные рассмотрению мест находок, месторождений (включая россыпи) и использования золота, электурма, медистого золота, ртути и амальгам, меди и др. в Российском государстве [122].

Самородок меди больше 20 пудов весом из Киргизской степи. Собрание Румянцевского музея в Московском университете. Фотография Н.Е. Вернадской [103]

Вернадский также касается особенностей поведения и преобразования ряда самородных металлов в условиях окружающей природной среды. Он, например, отмечает, что помимо чисто физического изменения самородной ртути в земной коре постоянно идет резкое ее химическое изменение, которое сводится к поверхностным явлениям или к образованию прочных соединений ртути и полному исчезновению самородной ртути.

[122] «Для русских месторождений я стараюсь указывать всю литературу, где имеются какие-нибудь оригинальные – не заимствованные – данные об описываемом минерале или месторождении» [120, с. VI].

Специальное внимание Вернадский обращает на роль «труда человека» в истории самородных металлов на земной поверхности, отмечая, что их образование «человеком на земной поверхности есть *новый процесс*». Человек бессознательно совершает огромную работу химического характера, причем эта работа непрерывно увеличивается. Любопытно его замечание о том, что человек гораздо больше воспроизводит мышьяк и сурьму, чем сколько он их добывает. «В этом отношении работа его все увеличивается; особенно значительна она для сурьмы. Человек начал добывать ее для сплавов в значительном количестве с XV века, с эпохи книгопечатания, хотя знал издревле».

Третий выпуск I-го тома заканчивается (обрывается [123]) на § 286, в котором Вернадский приступил к описанию серных месторождений, которое завершит уже в следующем – четвертом – выпуске этого тома «Опыта описательной минералогии».

По справедливой оценке Д.П. Григорьева [209], «Опыт описательной минералогии» является для нас трудом непревзойденного эрудита в области минералогии с самым широким пониманием пределов этой науки. К этому надо добавить, что, как отметила М.И. Новгородова, существенная особенность «Опыта описательной минералогии» состоит еще в том, что он содержит максимально полную библиографию работ по минералогии XIX в., отчасти более ранних. «Для специалистов ценность подобной сводки исключительно велика, с течением времени она может остаться единственной в своем рода. В.И. Вернадский всегда уделял большое внимание обзорам литературы по минералогии» [374, с. 9].

Ломоносовская комиссия Академии наук

11 апреля 1909 г. на Общем собрании Академии наук по предложению академика А.А. Шахматова была создана Комиссия по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова [259]. Ее председателем был избран непременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург, в состав вошли академики Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын и В.И. Вернадский (от Отделения физико-математических наук) и академики А.А. Шахматов, В.И. Ламанский и А.И. Соболевский (от Отделения русского языка и словесности). Комиссии было

[123] Этот труд Вернадского имел «продолжающуюся пагинацию».

предоставлено «право пополнять свой состав и другими, посторонними Академии, лицами, участие которых может быть полезно» [259, с. 798]. В частности, со временем в ее состав вошли химик и историк химии Б.Н. Меншуткин и литературовед и историк русской литературы Б.Л. Модзалевский [457].

Свою деятельность Комиссии по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова продолжала и в 1910 г.

Из писем Б.Л. Модзалевского узнаем, что заседания Ломоносовской комиссии состоялись 4 февраля [124] и 29 апреля 1910 г. [125]. Вернадский был в эти дни в Петербурге, так что вполне мог участвовать в этих заседаниях.

В письме В.И. Вернадскому от 1 марта 1910 г. Б.Б. Голицын сообщает, что «Комиссия по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова в заседании своем 19-го февраля с. г. постановила снова просить Вас и Ф.Н. Чернышева не отказать составить список работ Ломоносова по минералогии, а также сохранившихся доныне свое научное значение извлечений из них, и взять на себя редакцию этого отдела Сборника научных статей великого ученого. Ввиду того, что подобные работы по отделам химии и физики и мореплавания, согласно обещаниям Б.Н. Меншуткина и А.И. Вилькицкого, будут закончены к лету настоящего года, было бы очень желательно, чтобы и отдел по минералогии был приготовлен к печати к этому же времени. Одновременно с такою же просьбой я обращаюсь к Ф.Н. Чернышеву» [126]. Очевидно, что именно в это время Академия наук приступила к подготовке к изданию двух сборников, посвященных М.В. Ломоносову [496, 334] [127].

В первом сборнике Вернадский опубликовал статью [109] и подготовил к изданию в этом сборнике известный труд Ломоносова «О слоях земных» [333]. Во второй сборник вошла статья Вернадского «Об открытии крокоита» [110].

О работе по ломоносовской теме Вернадский задумался, судя по всему, в августе 1910 г., когда находился в Вернадовке. Так, в письме от 30 августа 1910 г. из Гаспры И.И. Петрункевич пишет Вернадскому

---

[124] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1090. Л. 11.

[125] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1090. Л. 12.

[126] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 430. Л. 1. Машинопись. Копия.

[127] Оба сборника были напечатаны по распоряжению Императорской Академии наук от ноября 1911.

(в ответ на полученное от него 29 августа письмо): «Очень, очень приветствую Ваше намерение написать о Ломоносове. <…> Время, которое Вы потратите на него, далеко не будет потеряно для Вас, ибо размышлять и работать в обществе такого ума как Ломоносов, только обогащать свою собственную мысль. И так, Владимир Иванович, не бросайте этой мысли: Вы лучше всякого другого можете выполнить эту задачу.» [128].

Уже вернувшись в Москву из Вернадовке, в сентябре он обратился в Книжный склад [129] Академии наук за помощью. Его заведующий, И.А. Кубасов [130], 23 сентября 1910 г. сообщил Вернадскому следующее: «Книжный склад, препровождая при сем 50 экз[емпляров] третьего выпуска Вашего труда “Опыт описательной минералогии” [131], а

---

[128] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1260. Л. 29.

[129] Тогда работа Книжного склада велась в нескольких направлениях: прием из Академической типографии и хранение тиражей ее изданий, их распространение (бесплатная рассылка по спискам академикам, научным учреждениям, дары, продажа). Склад также выполнял роль библиографирующего учреждения Академии наук [323].

[130] Кубасов Иван Андреевич (1875–1937) – литературовед, библиограф, историк русской литературы. Инициатор и одним из создателей изданной Академией наук серии «Академическая библиотека русских писателей» (1909–1917). Окончил курсы при Археологическом ин-те и Императорский Петербургский историко-филологический ин-т (1899). С 1901 – в Императорской С.-Петербургской Академии наук (и. о. старшего библиотекаря, помощник зав. Книжным складом, архивариус); в 1907–1921 – зав. Книжным складом Академии наук; в Пушкинском доме: в 1919–1921 и 1923–1928 – зав. библиотекой, 1928–1930 – ст. ученый хранитель книжных собраний, 1930–1931 – ученый хранитель книжных собраний, 1935–1937 – внештатный ученый специалист.

[131] Вернадский дарил (рассылала) свою книгу ученикам и коллегам (в том числе, зарубежным). Например, в его записях за 1910 сохранились списки тех (несколько десятков человек), кому он планировал отправить этот выпуск «Опыта описательной минералогии». Например, в записной книжке за 1910 есть запись: «Дельтеру о работах русских по химич[еской] минералогии. «Опыт описат[ельной] минер[алогии]». 1–3 <выпуски>. Проф[ессору] Дельтеру» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 271. Л. 4). Дёльтер (Doelter) Корнелио Август (1850– 1930) – австрийский минералог, петрограф, вулканолог и химик немецкого происхождения. Работы по петрографии магматических пород, вулканологии, экспериментальной химии кремнезема, химической минералогии, синтезировал минералы при высоком давлении и температуре. Особенно известен его труд по химической минералогии [579]. Его работы публиковались в российских журналах. См., например, [211].

также и Сборника Отд[еления] рус[ского] языка и словесности – тома XIII и LXI, имеет честь уведомить Вас, что VIII^{го}, LIX^{го} и LX^{го} тома Сборника в Книжном складе более нет» [132].

Главное содержание VIII-го тома, как сказано в предисловии к нему, «составляют два библиографических труда сторонних лиц о Ломоносове и его сочинениях. К обоим приложены составителями краткие предисловия, достаточно объясняющие происхождение и идею этих трудов». Первый труд: «Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова» (составитель А.С. Будилович). Второй труд: «Материалы для библиографии литературы о Ломоносове» (составитель С.И. Пономарев). Кроме того, ко 2-му труду даются «Прибавления академика Я.К. Грота». Том XIII – «Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим написанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1865 г. Известия о тогдашней русской литературе. Пер. с нем. с прим. и прилож. В. Кеневича (с портретом Шлецера)». В томах LIX– LXI опубликованы 1–3 тома «Онежских былин», записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Интерес Вернадского к этой публикации (в связи с Ломоносовым) был, возможно, вызван тем, что в 59 томе Гильфердинг [133] несколько раз упоминает Ломоносова в контексте того, что тоническое стопосложение в русском стиле не есть его изобретение, а есть изобретение самого русского народа, его коренное достояние, о чем, по мнению Гильфердинга, писал и сам Ломоносов, утверждая, что «российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству».

Начало исследований радиоактивности Земли и создание Радиевой комиссии

В свое замечательном докладе на Общем собрании Международного геологического конгресса 26 июля 1937 г. в Москве Вернадский,

---

[132] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 884. Л. 3.

[133] Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – фольклорист, историк, труды по истории прибалтийских и южных славян, собиратель и издатель онежских былин. Член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1856). Окончил историко-филологический ф-т Московского ун-та. Председатель Московского отделения Славянского благотворительного комитета в Петербурге (с 1867) и Этнографического отдела Русского географического об-ва (1870).

рассказывая о новой науке радиогеологии, которая «изучает ход радиоактивных процессов в нашей планете, их отражение и их проявление в геологических явлениях», указал на три величайших открытия 1895–1897 гг., которые «в один миг (в масштабе геологического времени) явились толчком и в корне изменили понимание окружающего» [129, с. 218]. Этот «миг» начался открытием в 1895 г. В. Рентгеном Х-лучей, в 1896 г. этим открытием было вызвано открытие Г. Беккерелем радиоактивности атомов урана и беккерелевских лучей и затем – в 1897 г. – открытие электрона Томсоном. Одно из этих открытий, по мнению Вернадского, «было не только открытием физическим, но и открытием геологическим и астрономическим. Это открытие Г. Беккерелем радиоактивных урановых минералов. Немедленно мир минералов был охвачен в этом направлении работой физиков, минералогов и химиков» [129 с. 219]. Практически сразу же Шмидт и Склодовская-Кюри независимо друг от друга открыли радиоактивность тория, а П. Кюри и М. Склодовская-Кюри – новые элементы – радий и полоний, во многие тысячи раз более радиоактивно мощные, чем уран и торий. «Изучение радиоактивных свойств минералов быстро привело к выяснению основных величайших понятий о строении вещества нашей планеты, о которых не мыслил раньше никто, о которых не слагалась искра прозрения в самой буйной и проникновенной фантазии человечества» [129, с. 219]. Затем, продолжил Вернадский, в 1908 г. Джоли на съезде Британской ассоциации в Дублине выявил основы радиологии в ее отражении в геологических процессах. «Я думаю, что немногие из здесь присутствующих были на съезде в Дублине в 1908 г. и имели счастье слышать этот доклад Джоли и с ним беседовать. Мне Джоли тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил в заседании Академии наук с речью “Задача дня в области радия”, а раньше – с публичными докладами здесь, в Москве, где выдвинул необходимость систематического изучения, с геологической и с минералогической точек зрения, проявления радиоактивности в окружающей нас природе, фактически в биосфере. <…> Джоли первый как геолог конкретно выявил значение нового геологического фактора, открытого Г. Беккерелем» [129, с. 222] [134].

[134] Вернадский на склоне своих лет вспоминал: «Вдумываясь теперь в принципы геохимии и биогеохимии <…> я вижу, что их исторические корни реально исходят для меня из трех моих переживаний», причем первое из них «было в 1908 г. Я был тогда в Дублине, в Ирландии <…>, на заседании Британской

В России радиоактивные явления начали изучать сразу же после их открытия А. Беккерелем в 1896 г. В этом же году на страницах «Журнала русского физико-химического общества» появилась заметка о том, что русские ученые, заинтересовавшись открытием А. Беккереля, немедленно попытались воспроизвести его опыты. 21 мая 1896 г. на 159-м заседании физического отделения РФХО профессор Военно-медицинской академии Н.Г. Егоров и физик (тогда лаборант Физического института) А.Л. Гершун демонстрировали снимки (рентгенограммы), полученные с помощью урановых солей.

В 1903 г. на русском переводе издается ряд работ известных иностранных специалистов, способствующих росту интереса к исследованию радиоактивности [205, 206, 459, 460 [135]]. В 1904 г. публикуется перевод работы М. Склодовской-Кюри «Исследования над радиоактивными веществами» [452], в 1905 г. выходит ее книга «Радий и радиоактивность» [454].

Довольно быстро российские ученые, несмотря на определенные трудности, включились в исследование радиоактивности не только как физического явления, но и в изучение особенностей распределения и поведения радиоактивных элементов в окружающей среде и ее компонентах. Начальные этапы (конец XIX – начало XX вв.) этого изучения достаточно подробно рассмотрены в литературе [16, 36, 62, 248, 276, 317, 422, 494, 512, 533 565]. Среди пионеров изучения распределения и поведения радиоактивных элементов в компонентах окружающей среды – И.А. Антипов, И.А. Богашев, И.И. Боргман, В.А. Бородовский, Е.С. Бурксер, Э.Э. Карстенс, К.А. Ненадкевич, П.П. Орлов, А.В. Пель, А.П. Соколов и др. Многие из них были близко знакомы с Вернадским, переписывались с ним, рассказывали о своих исследования и консультировались у него [7, 324, 3624, 451, 556]).

ассоциации наук <…>. Д. Джоли, профессор физики и минералогии Дублинского университета, прочел доклад о геологическом значении урана – дал первую сводку по радиогеологии. Я <…> сразу оценил значение его работ» [141, с. 371].

[135] В рецензии на эту книгу Ф. Содди И. Каблуков отметил, что это «книга, которую можно рекомендовать прочесть всякому, кто хотел бы ознакомиться с явлениями радиоактивности. <…> С выдающимся талантом популяризатора автор, переходя от явлений менее сложных к более сложным, развертывает перед глазами читателя полную картину явлений радиоактивности и показывает их отношение к явлениям, рассматриваемым в физике, химии, геологии, технике и т. д.» [280, с. 341].

Так, И.А. Антиповым изучение радиоактивности минералов было начато уже в 1900 г. [12] [136]. Одним из первых в России, кто начал определение радиоактивность воздуха и почвы, был профессор медицинской химии Клинического института в Санкт-Петербурге А.В. Пель, обнаруживший в 1903 г. радиоактивность почвы Царского Села.

В 1903 г. профессор Московского университета А.П. Соколов, выступая на заседании Русского бальнеологического общества в Пятигорске, впервые в мировой практике указал на важность ионизации и радиоактивности атмосферного воздуха для бальнеологии и климатотерапии. Он опубликовал несколько работ по вопросам радиоактивности природных объектов, в том числе по ионизации и радиоактивности атмосферного воздуха, а также о радиоактивности некоторых русских минеральных вод, грязей и почв (см., например, его обширную статью, [463]). Он исследовал воды Нарзана, Елизаветинского источника (Пятигорск), источника Ессентуки № 17, московского водопровода, а также грязи Тамбуканского озера (Пятигорск), Куяльницкого и Хайжтбейского лиманов (Одесса), Сакского и Мойнакского озер (Евпатория), Сергиевских и Столыпинских минеральных вод (Самарская губерния). Почти все образцы оказались радиоактивными. В своем докладе, произнесенном в соединенном заседании Общества любителей естествознания с XII Съездом русских естествоиспытателей и врачей, Соколов отметил, что открытие явлений радиоактивности «произвело вскоре самый глубокий переворот в наших представлениях как о строении материи и о природе ее последних элементов, так и о природе сил, действующих между ними. <…> В превращениях радиоактивных тел мы открыли новые источники свободной энергии, столь колоссальные, что сравнительно с ними исчезает энергия самых сильных химических реакций. <…> … переворот, произведенный новым открытием в области физики и химии, не мог остаться без воздействия и на смежные области естествознания, и прежде всего на геофизику с геологией, на астрофизику, а также на биологию и медицину…» [464, с. 1]. В лаборатории Московского университета под руководством А.П. Соколова были предприняты первые попытки определения возраста различных геологических формаций, групп и минералов радиоактивными

[136] 30 октября 1908 в письме к Вернадскому Антипов сообщает о своих анализах минералов из Тюя-Муюна («куда ездил Ненадкевич»), результаты которых собирается ему выслать (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 50. Л. 2 об.); 7 января 1909 он сообщает, что анализы минералов выслал (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 50. Л. 3).

методами. Он также изучал возможную связь внутреннего теплового режима Земли с ее радиоактивностью и выдвинул в 1910 г. идею о продолжающемся разогреве земных недр внутренними источниками тепла. «Нельзя сомневаться, что будущим исследователям явлений радиоактивности в пределах России предстоит богатая жатва, и я, пользуясь настоящим многочисленным Съездом всего русского ученого мира в Москве, обращаюсь к нему с призывом ревностно заняться изучением России в отношении радиоактивности ее горных пород, руд, почв, источников и всей атмосферы» [464, с. 17]. Как следует из письма А.П. Соколова [137] от 2 октября 1910 г. Вернадскому, он занимался исследованием полученных от него уранинита и образца ферганской руды [138]. Позже, в 1912 г., Соколов создал радиологическую лабораторию при Физическом институте Московского университета, о чем сообщал в письме к Вернадскому от 11 февраля 1912 г.: «В настоящее время я организую у себя специальную радиологическую лабораторию, однако за отсутствием помощников дело идет медленно, приходится начинать все сначала. В данный момент я бы желал бы продолжить исследования минерала ферганита на содержание в нем полония, актиния и пр.» [139].

В 1904 г. профессор (в 1905–1910 гг. ректор Санкт-Петербургского университета) И.И. Боргман исследовал радиоактивность русских целебных грязей [45, 46]. Эти работы он вместе со своим учеником А.П. Афанасьевым продолжил в 1905–1909 гг. Кроме того, в его лаборатории были поставлены исследования вод кавказских минеральных источников [345].

Профессор П.П. Орлов [140], заведующий кафедрой химии Томского университета, в конце 1904 г. задумывается о проведении исследований по радиоактивности. Так, в письме от 26 декабря 1904 г. он пишет Вернадскому: «Медиков интересует сейчас особенно радий, и, воспользовавшись этим, хлопочу об отпуске денег на покупку его препаратов и кой-каких приборчиков, чтобы сделать о нем маленький

---

[137] В записной книжке Вернадского за 1910 есть запись: «1–3 выпуски “Опыта опис[ательной] минер[алогии]” А.П. Соколову» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 271. Л. 5).

[138] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1331. Л. 6.

[139] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1531. Л. 10.

[140] Сохранилось его 18 писем Вернадскому за период с 1893 по 1930. Например, в письме от 4 января 1910 г. из Томска благодарит Вернадского за присылку его опубликованных работ (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1211. Л. 15–17 об.).

доклад в Обществе здешнем, надеемся с Павл[ом] Прок[опьевичем] <Пилипенко> отыскать здесь U <урановые> и Th <ториевые> минералы, кстати, не знаете ли, Влад[имир] Ив[анович], где бы найти описание залеганий и происхождения этих руд» [141]. Он приступил к изучению радиоактивных минералов, природных вод и минеральных источников Сибири и Алтая. 21 октября 1906 г. Орлов сообщил Вернадскому, что «начаты анализы минеральной воды; познакомился с некоторыми явлениями радиоактивности и выписываю приборы для изучения в этом направлении вод и минералов здешних» [142], а в 1909 г. организовал в Томском университете радиологическую лабораторию. Минеральные источники Алтая в 1907–1908 гг. изучались также лаборантом Томского технологического института В.С. Титовым и студентом В.П. Марковым, определивших, что радиоактивность воды и газа Белокурихинских термальных источников в 9 раза больше, чем Нарзана.

В 1905 г. доктор И.А. Багашев опубликовал работу «Минеральные источники Забайкалья», в которой описал 165 минеральных источников с подробной картой их расположения и привел результаты 61 анализа их вод [22]. Эта книга, как пишет ее автор в предисловии, составлена на основании разработки литературных материалов за 150 лет (227 наименований), а собственная его работа заключалась в анализах источников системы р. Нерчи, причем анализы были произведены в лаборатории Минералогического кабинета Московского университета. Автор выражает искреннюю благодарность профессору В.И. Вернадскому на все указания и руководствами работами. Несколько позже Багашев опубликует небольшую работу, в которой определил радиоактивность 60 источников Забайкалья [23].

В 1905 г. Э.Е. Лейст исследовал радиоактивность воздуха в Крыму в пещере Бинь-Баш-Хоба, на Чатыр-Даге и на Ай-Петри [170].

В 1907–1908 гг. Э.Э. Карстенс, работавший в химической лаборатории Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск), исследовал Пятигорские, Ессентукские, Железноводские, Кисловодские целебные источники. Он непосредственно в полевых условиях определил радиоактивность 26 минеральных источников и сгруппировал их по активности [287].

---

[141] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1211. Л. 9–9 об.

[142] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1211. Л. 14–14 об.

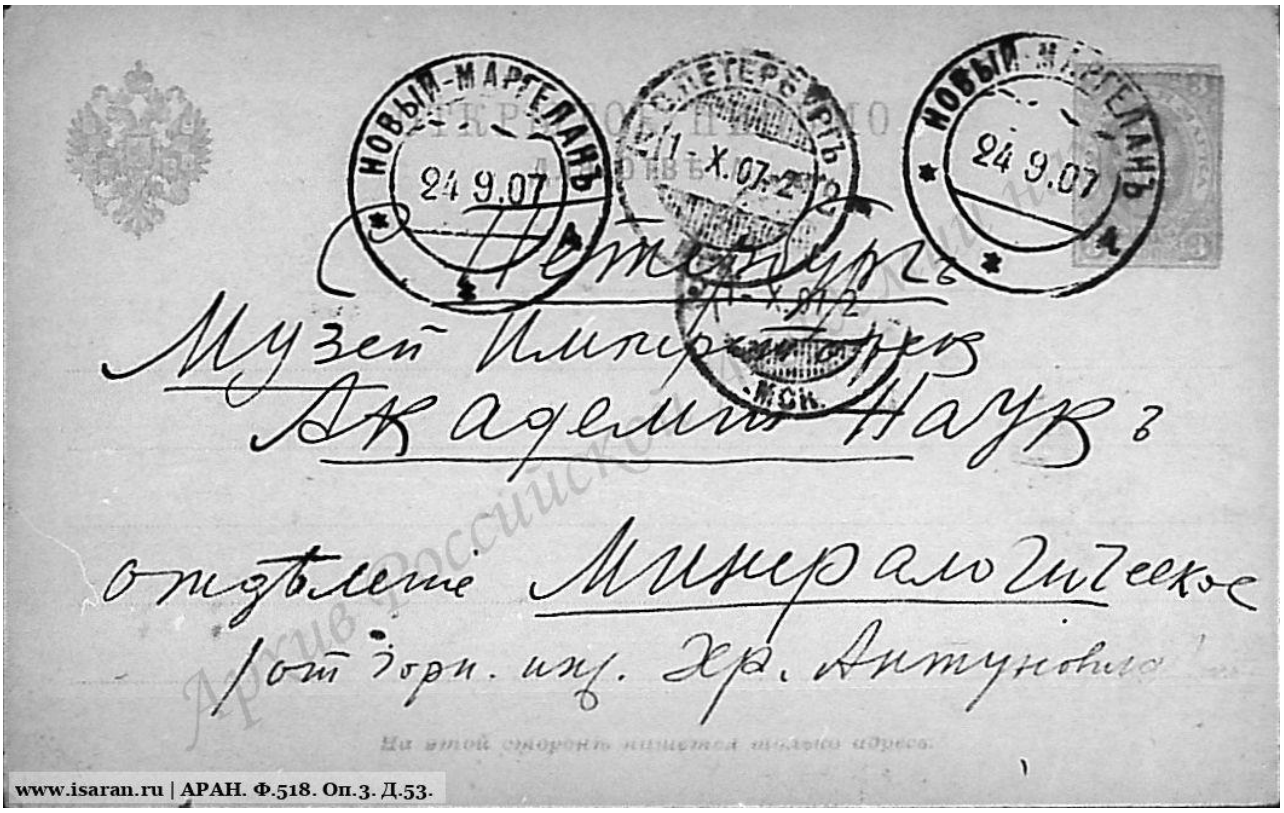
Особую роль в деле изучения радиоактивности минералов и руд в России принадлежит работам, выполненным на Тюя-Муюнское месторождение, расположенном в Ферганской долине [143].

В 1900 г. в Тюя-Муюне (северные предгорья Алайского хребта, в 35 км к юго-западу от г. Ош), где располагалась древняя шахта с медной рудой, местный предприниматель и юрист по образованию В.А. Спечев заявил на свое имя Тюя-Муюнское месторождение (как медное) [555]. Несколько раньше (очевидно, еще в 1899 г.) он собрал здесь образцы руд, которые были завезены его родственниками в Ташкент, а затем при содействии командированного в Туркестан химика из Геологического комитета Б.Г. Карпова переданы в Горный институт профессору И.А. Антипову, который в этих образцах, получивших название «медная руда из предгорий Алтая», определил высокое содержание урана [13]. О полученных результатах Антиповым было сообщено в 1900 г. в Минералогическом обществе. Затем он смог побывать на этом месторождении, осмотреть его, собрать минералы и продолжить свои исследования этих «интересных руд» в лаборатории Геологического комитета. Наибольший интерес у него вызвал минерал в форме чешуек светло-желтого цвета, который, как оказалось, представляет собой водный ортованадиевокислый уран. Оптические и кристаллографические исследования этого минерала были выполнены С.Ф.

---

[143] «… радиевый рудник Тюя-Муюн, единственный в мире по сочетанию природных химических группировок с яркими красками ванадиевых, урановых и медных минералов» [519, стлб. 57]. «В Фергане, в Тюя-Муюне, мы имеем гнездовое месторождение ванадиевых соединений уранила кальция и меди. Месторождение это принадлежит частной компании, которая добыла здесь много тысяч пудов урановой руды – но до сих пор не произвела расследования месторождения, которое позволяло бы определить имеющиеся здесь запасы. Компания эта – Общество ферганских металлов – имеет в Петербурге завод, где разрабатываются ферганские руды на ванадий, медь и уран, и сейчас в ее складах имеются значительные запасы обогащенных радием остатков, которые постепенно сбываются за границу. <…> Руды на радий в Тюя-Муюне представляются совершенно исключительными по своему составу. Главной рудой является землистое тело, минералогически новое, до сих пор окончательно не исследованное, очень богатое V, U, Си, Са, но содержащее целый ряд других химических элементов – As, Bi, Ti, Pb и т. д. Как продукты его изменения, являются разнообразные соединения ванадиевых кислот, частию радиоактивные, как тюямунит, так и нерадиоактивные, как туранит, моттрамит, алаит. Среди минералов, здесь находящихся, мы имеем несколько новых тел, химическое исследование которых представляет собою большие трудности и далеко не закончено [286, с. 1053–1054].

Глинкой. Антипов дал этому минералу название «ферганит». Аналитически уран тогда же определил Б.Г. Карпов [555]. В 1904 г. горному инженеру Х.И. Антуновичу [144] удалось вновь разыскать месторождение и летом (на свои личные средства) начать разведочные работы (с добычей) [145].

[144] В архиве Вернадского отложились два письма Х.И. Антуновича к нему – от 23 сентября 1907 и от 26 января 1911. В первом из них Антунович сообщает Вернадскому, что отправил ему «образцы урановой руды (с рудника месторождения Тюя-Муюн в Ферганск[ой] обл[асти]), представляющие комбинацию окисленных соединений урана+кальция, урана+меди, ванадия+меди и землистые окислы этих металлов» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 53. Л. 2).

[145] А.Е. Ферсман: «В 1904 г. <…> впервые обратил внимание на рудник Антунович, с огромной энергией и желанием правильно поставить открытый им рудник. Но нелегка была его задача, когда на голой скале он поставил одинокую юрту и начал создавать горное дело. Сложны и запутаны были всегда судьбы таких начинаний талантливых русских людей, идейно бросавшихся в новое дело, не подкрепленных ни капиталом, ни поддержкою других. Медленно н долго раскачивалось и научное исследование этого радиевого рудника, пока тяжелые годы войны и революции и басмаческого движения совершенно не остановили все дело; только в Петербурге оставались еще запасы уже вывезенных с рудника урановых руд» [519, стлб. 67–68].

С 1908 г. работы велись им же организованным «Ферганским обществом для добычи редких металлов», имевшим в Петербурге Пробный радиевый завод для переработки руды; работы продолжались с небольшими перерывами до 1914 г. [555]. В 1906 г. Антунович опубликовал (на английском языке) краткое (9 стр. и 2 таблицы) описание Тюя-Муюнского рудника и его окрестностей с указанием главнейших результатов разведочных работ 1904–1906 гг., с приведением планов и разрезов, анализов и подсчетов запасов.

Летом 1908 г. по поручению В.И. Вернадского и при содействии Академии наук это месторождение посетил К.А. Ненадкевич. Собранные им образцы были изучены в лаборатории Геологического музея Академии наук [366]. В 1909 и 1910 г. он (командированный Академией наук и Минералогическим обществом) вновь посетил месторождение. В 1910 г. здесь побывали минералоги (тогда еще студенты) В.А. Зильберминц и В.А. Миронов, а в 1911 г. – В.И. Вернадский, Я.В. Самойлов и К.А. Ненадкевич. Несколько позже Ненадкевич выделил новый минеральный тип, который, по его мнению, является наиболее ярко выраженным во всем комплексе минералов Тюя-Муюнского месторождения, и назвал его тюямунитом [367. Он также предположил, что минерал, описанный ранее И.А. Антиповым как ферганит, является по существу тем же тюямунитом. Любопытно отметить, пишет Ненадкевич, что в новом минерале «из примесей может быть наибольший интерес представляет содержание в минерале Tl. Элемент этот в тюямуните был открыт спектроскопически академиком В.И. Вернадским, и по его желанию был выделен мною из того же минерала в весомом количестве» [367, с. 946]. [146]

[146] 27 декабря 1911 г. на 2-м съезде деятелей практической геологии Вернадский в своей речи «Радиоактивные руды в земной коре» сообщил: «До сих пор известно два типа таких месторождений. Одно наблюдалось в Ферганской области, в предгорьях Алая. Здесь издревле работали медь, что видно по находкам в Туя-Муюне каменных орудий, железных зубил и глиняных ламп. Присутствие U–V в этих рудах, привезенных Б.Г. Карповым, было открыто покойным проф. И.В. Антиповым и условия нахождения в нем урановых руд выяснены работами К.А. Ненадкевича. В этом году по поручению Академии наук я посетил это месторождение и собранный нами материал сейчас находится в обработке. Месторождение это лежит в сильно дислокационных палеозойских известняках и представляет характерный осадок из водных растворов, заполнивших трещины, внутренние полости разъеденного известняка. Мы имеем здесь мало обращавший внимания тип поверхностных пещеристых заполнений карстовых областей, отличающийся и от обычных гнезд и от жильных выделений нормального типа.

Надо отметить, что некоторые российские университеты направляли своих сотрудников, интересующихся явлениями радиоактивности, на стажировки в лаборатории Франции, Англии, Германии. Например, с 1908 по 1910 г. в Кавендишской лаборатории в Кембридже, а затем в лаборатории Э. Резерфорда в Манчестере (Великобритания) работал лаборант Тартуского (Юрьевского) университета В.А. Бородовский. По возвращении в Россию он представил результаты своих экспериментов по поглощению β-излучения различными материалами в виде диссертации, которую успешно защитил в Московском университете в 1911 г. [47]. Впервые курс лекций по радиоактивности В.А. Бородовский прочел в Тартуском (Юрьевском) университете еще в 1907 г., а на 1-м Менделевском съезде в 1907 г. выступил с докладом «Об энергии радия». В Главной палате мер и весов Бородовский в 1913 г. выполнил работу «Радиоактивные минералы Ильменских месторождений» [48]. Он указал, что исследование радиоактивных минералов из русских месторождений является очередной задачей, поскольку в научной литературе таких сведений очень мало. Кроме глубокого научного интереса, связанного с изучением различных свойств радиоактивных минералов, подобные исследования имеют и громадное практическое значение. Им изучено распределение урана и тория в эшините, самарските, монаците, малаконе, пирохлоре. Важным практическим результатом этих исследований явилось использование русских эшинитов для получения мезотория. Им также был произведен в 1912 г. радиологический и химический анализ ферганской руды [48, с. 28]. В той же лаборатории Э. Резерфорда с 1908 по 1911 г. работал уже упоминаемый выше лаборант (позже приват-доцент) Химической лаборатории Петербургского университета Г.Н. Антонов – один из первых химиков, выполнивший радиохимический цикл исследований: он

Растворы шли снизу. Выделение U–V–Cu соединений подверглись позднейшей сильнейшей переработке; кристаллический ферганит – ванадиевокислое соединение уранила является вторичным продуктом; первичным должно считаться пока ближе неопределенное соединение окислов ванадия, меди и урана цвета темно-оливкового или коричневатого, проникающее перекристаллизованный карбонат. Сейчас это месторождение разрабатывается, но содержащийся в нем радий не выделен. Его радиоактивные продукты пока не изучены. Другим типом аналогичесного характера являются отложения карнотита в Колорадо и Юта. Здесь ванадиевокислые урановые соединения служат цементом, неправильно проникающим сильно дислоцированные песчаники и конгломераты» [116, с. 12–13].

занимался химической идентификацией продуктов распада урана и защитил в 1914 г. в Петербургском университете диссертацию «Продукты дезинтеграции урана» [147].

В лаборатории М. Кюри в Париже с 1906 по 1911 г. работал Л.С. Коловрат-Червинский [148], о котором Вернадскому сообщил О.Д. Хвольсон [149] в письме от 24 сентября 1910 г.: «прочел в газетах о том, что учреждена Комиссия по вопросу о разработке радиоактивных руд, найденных в пределах России. Позвольте мне обратить Ваше внимание на молодого русского ученого Льва Станиславовича Коловрат-Червинского, который уже третий (если не четвертый) года работает в Париже в лаборатории Г^{жи} Кюри. После, кажется, одного года такой работы, ему была присуждена стипендия <…> на два года. В виде исключения ему эта стипендия была продлена на третий год. Им

[147] Антонов переписывался с Вернадским, советовался с ним, консультировал о возможности покупки радия за границей, а в письме от 28 апреля 1914 г. пригласил Вернадского на свой «магистерский диспут», который состоялся 4 мая этого года в С.-Петербургском университете (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 52. Л. 5).

[148] Коловрат-Червинский Лев Станиславович (1884–1921) – физик, один из первых российских исследователей радиоактивности. Окончил С.-Петербургский ун-т (1904). Работая у М. Склодовской-Кюри в Париже, составил под ее руководством сводную «Таблицу констант радиоактивных веществ», включавшую все известные радиоактивные элементы, показал (1910), что чистый радий наряду с α-излучением имеет также более слабое β-излучение. Занимался исследованием эманирования – выделения радона радийсодержащими твердыми веществами. Выполненные во Франции работы легли в основу магистерской диссертации Коловрат-Червинского «О выделении эманации у твердых и расплавленных солей, содержащих радий», которую защитил в Петроградском ун-те (1918). В этой работе предложен абсолютно новый метод эманационных измерений – так называемый метод сплавления, который оказался гораздо надежнее метода растворений, применявшегося до сих пор физиками мира, и нашел широкое применение. В его честь назван минерал коловратит.

[149] Хвольсон Орест Данилович (1852–1934) – физик, педагог, заслуженный профессор, член-корреспондент Петербургской академии наук (1895), почетный член Российской академии наук (1920, с 1925 – АН СССР). Герой Труда (1927). Ломоносовская премия (1892, 1908). После окончания С.-Петербургского (1873) и Лейпцигского (1875) ун-тов преподавал в С.-Петербургском ун-те (профессор с 1891) и др. учебных заведениях Петербурга. Основные труды по электричеству, магнетизму, фотометрии, актинометрии. Исследовал перенос излучения в атмосфере. Предложил конструкции актинометра и пиргелиометра. Автор первого в России «Курса физики» (т. 1–4, 1897–1915), который выдержал 7 изданий на русском языке и был переведен на нем., франц. и исп. языки.

опубликован уже целый ряд статей в “Le Radium”, в “Comptes Rendus” и, кажется, других журналах. Они подписаны Kolovrat. Он блестяще окончил физ[ико-]матем[атический] факультет СПб. университета; свободно говорит чуть ли не на всех европейских языках. Дальнейшие подробности о нем я охотно Вам сообщу, если пожелаете. Жду возвращения князя Б.Б. Голицына, чтоб и ему рекомендовать Л.С. Коловрат-Червинского. Примите уверения глубочайшего уважения от искренно Вам преданного О. Хвольсона» [150]. Надо сказать, что сразу после возвращения из-за границы Л. Коловрат-Червинский написал письмо Вернадскому: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Вернувшись из-за границы, я очень хотел бы представиться Вам, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение и поблагодарить за внимание, оказанное мне в Париже посылкою Вашей брошюры [151]; поэтому был бы рад, если бы Вам было угодно указать мне час, когда вернее можно рассчитывать застать Вас дома, если это возможно без особенного для Вас беспокойства. Примите уверение в моем совершенном почтении. Л. Коловрат-Червинский» [152]. В 1915–1916 гг. Коловрат-Червинский, находясь в должности физика при Минералогической лаборатории Академии наук, был привлечен к работе экспедиции на Туя-Муюнское месторождение в Ферганской долине, которая проходила под руководством В.И. Вернадского. Здесь он проводил поиски признаков радиоактивности в воздухе пещер и близлежащих водных источниках. В результате экспедиции были составлены геологическая и петрографическая карта района, но другие месторождения урановой руды обнаружены не были. В 1918 г. возглавил радиевое отделение Государственного радиевого института в Петрограде и вошел в состав специализировавшегося на редких и радиоактивных материалах Первого отдела Комиссии Академии наук по изучению естественных и производительных сил России, работавшего под руководством В.И. Вернадского.

Метеоролог, геофизик и магнитолог, ординарный профессор Московского университета Э.Е. Лейст в письме от 20 ноября 1910 г. сообщает Вернадскому, что прилагает к письму 2 оттиска «по вопросу об атмосферном электричестве и радиоактивности (в Крыму и в Самаркандской области) и затем обзор московских наблюдений за 1902 г., из

[150] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1745. Л. 1–1 об.

[151] Речь явно идет о работе Вернадского «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи» [105].

[152] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 798. Л. 3–3 об.

которых видно, что подобные наблюдения ведутся в России более 8 лет. Они обрабатываются прив[ат-]доце[нтом] Сперанским за все 8 лет и составляют предмет его магистерской диссертации. Им же произведены наблюдения в полном объеме в Ялте за лето 1905 года и мною проведены в течение 2^{x} недель одновременные наблюдения на Чатыр-Даге и на ай-Петри для исследования влияния высоты местности. Эти наблюдения также обработаны Сперанским, как и московские наблюдения до 1910 года. Вот картина деятельности нашего Института [153] по сему вопросу. Кроме того, у меня имеются подобные наблюдения из области Курской аномалии, которые производились мною в 1909 году» [154].

Сохранилось любопытное письмо В.К. Агафонова от 15 (28) октября 1910 г. из Парижа Вернадскому: «Мне пришла в голову, может быть, безумная мысль: не мог ли бы я принять участие в твоих лабораторных исследованиях радиоактивных минералов? Я полагаю, что легко мог бы устроиться у Кюри, поработав предварительно у нее в лаборатории. Но, к сожалению, я не мог бы взять на себя этой работы бесплатно. Вот почему я и зову эту мысль безумной. Больно уж начинает тянуть в лабораторию» [155]. Он же Вернадскому, 10 ноября 1910 г. из Парижа: «Вчера получил твое письмо. <…>. Особенно улыбается мне, хотя бы и через год, – поработать в лаборатории над интересным вопросом» [156].

Согласно [248], радиоактивные исследования в России в период 1903–1917 гг. проводились по нескольким направлениям: 1) общие исследования по химии и физике радиоактивных элементов и продуктов их распада; 2) исследования радиоактивности воздуха, почв, минеральных источников и грязей России, имеющих значение для бальнеологии и для нахождения радиоактивных минералов; 3) открытие и изучение месторождений радиоактивных минералов; 4) исследования, связанные с применением радиоактивных веществ в медицине.

---

[153] Физико-географический институт Императорского Московского университета.

[154] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 943. Л. 4.

[155] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 46. Л. 17.

[156] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 46. Л. 20. В этом письме Агафонов также благодарит Вернадского за хлопоты по устройству у Петрункевича в «Речи» для написания фельетонов с целью хоть какого-то заработка. Агафонов тогда вынужден был уехать из России и находился в сложных материальных условиях. Вернадский, как мог, пытался помочь своему другу.

В 1907 г. (очевидно, в октябре) изучение радиоактивных минералов и их поиски на территории России было поставлено на повестку дня в Академии наук, а 12 ноября 1908 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук Вернадский обратился к Отделению с просьбой «исходатайствовать из государственных сумм 1500 рублей на приобретение препаратов радия. Больше года тому назад, при обсуждении задач Академии, требующих денежных средств, Академия, по представлению академиков А.П. Карпинского, Ф.Н. Чернышева и моему, поставила на первое место изучение радиоактивных минералов России. Тогда была определена сумма в 10000 руб., которая и была принята в соображение при установлении нового проекта бюджета Императорской Академии наук. В связи с этим решением Академии мною, уже около двух лет, систематически подготовляется эта работа. В настоящее время мы имеем в своем распоряжении значительное количество радиоактивных минералов из Ферганской области, привезенных в этом году исполняющим обязанности лаборанта Геологического музея К.А. Ненадкевичем. Можно пока сказать одно, что в собранном материале есть ряд совершенно новых минералов, и что эта область радиоактивных тел представляет новый тип парагенезиса урановых тел, заключающих радий, отличный от Иоахимсталя [157]. Вместе с этими работами в Музее Академии и в Минералогическом кабинете Московского университета идут исследования над некоторыми группами более редких химических элементов, имеющих интерес в связи с теми же явлениями. Здесь, в Академии устанавливаются приборы для исследования материалов в спектроскопическом и радиоактивном отношениях. Для этих работ необходимо иметь некоторое количество по возможности чистого бромистого радия, миллиграмм которого стоит около 400 франков. Я думаю, что для тех работ, какие теперь выясняются, будет достаточно 7–8 миллиграммов. К ним надо сделать некоторые приспособления. Ожидать общего утверждения сметы представляется чрезвычайно неудобным, так как пришлось бы прервать текущую научную работу. Очевидно, это ни в каком случае сделано быть не может. Утверждение новых штатов – вещь очень громоздкая, и нельзя с точностью предвидеть, когда оно закончится, и когда Академия получит положение, более отвечающее достоинству и интересам нашей родины. Поэтому честь имею просить Отделение

[157] Иоахимстальское (Яхимовское) ураново-радиевое месторождение в Карловарском крае Чехии.

исходатайствовать 1500 рублей обычным порядком, не ожидая утверждения нового штата Академии» [258] [158]. Было положено сообщить об этом в Правление Академии для возбуждения соответствующего ходатайства.

Первая радиологическая лаборатория в России была создана в марте 1910 года в Одессе при Химическом отделе Одесского отделения Русского технического общества по инициативе Е.С. Буркcера [247]. Основные задачи лаборатории были обозначены довольно широко: 1) изучение явлений радиоактивности в научном и практическом отношениях; 2) исследование химического, физического и биологического действия радиоактивных веществ; 3) изучение радиоактивности вод, грязей, почв, атмосферы, горных пород и минералов России; 4) конструирование, эталонирование и проверка приборов, применяемых при изучении радиоактивности; 5) изготовление и проверка активности различных радиоактивных препаратов и растворов; 6) ознакомление химиков, физиков, врачей и других специалистов с методами исследования радиоактивности; 7) популяризация основ учения о радиоактивности через публичные лекции, демонстрации опытов, издание периодического органа и книг по радиоактивности. Тем не менее в первые годы ее функционирования основной целью было исследование радиоактивности минеральных вод, почв и грязей России. Одновременно, с целью изучения радиоактивных минералов, лаборатория разослала в 1910 г. по всей России около 500 экземпляров циркулярного письма с просьбой о присылке для бесплатного исследования минералов и руд, в которых предполагается наличие радиоактивных элементов. К письму были приложены таблицы руд урана и тория. Начинание радиологической лаборатории вызвало огромный интерес, и из многих, даже отдаленных районов России в лабораторию начали поступать образцы руд, минералов, горных пород и т. п. В октябре 1910 г., получив необходимые приборы, Лаборатория приступила к измерению радиоактивности различных вод. Для ознакомления широкой публики с радиоактивными веществами и методами их исследования лаборатория приняла участие в выставке 1910 г., состоявшейся в Одессе, на которой экспонировала коллекции радиоактивных веществ, большое число радиографий, а также таблиц.

С 1911 г. стали издаваться «Труды Химической и Радиологической лабораторий» – одно из первых в России печатных систематических

[158] См. также [149].

изданий по изучению радиоактивности. В 1911 г. вышли №№ 1 и 2, в 1912 г. – №№ 3–5, в 1913 г. – № 6 (ред. В.Г. Рейсих и Е.С. Буркcер). В 1926 г. Лаборатория была преобразована в Химико-радиологический институт.

Одесское Отдѣленіе
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО
ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Химическій Отдѣлъ
Радіологическая Лабораторія.
Одесса,
ул. Новосельскаго, 4.

Вернадский оказал большое влияние на тематику и направление работ Лаборатории и на деятельность ее руководителя. Так, описывая одесский период своей жизни, этап создания Радиологической лаборатории, Е.С. Буркcер вспоминал: «... В дальнейшем я избрал геохимическое направление исследований и за консультацией обратился к академику Вернадскому» [564, с. 177]. Большое влияние идей Вернадского на молодого ученого подтверждается и строками из автобиографии Е.С. Буркcера: «На выбор направления работы радиологической лаборатории (первой лаборатории в России, занимавшейся изучением природных объектов) существенное влияние оказал своими советами академик В.И. Вернадский» [564, с. 177]. В 1939 г. (10 февраля) Вернадский запишет в дневнике: «Написал отзыв о геохимических работах Буркcера. В сущности, вся его работа – в тесном контакте со мной – даже не ожидал» [147, с. 35]. В упомянутом отзыве Вернадский писал, что Буркcером «был установлен, мне кажется, первый центр исследований по радиоактивности в нашей стране в геохимическом аспекте. В 1910 г. им была создана радиологическая лаборатория в Одессе, несколькими месяцами раньше, чем создалась организация этих исследований в Ленинграде при Академии наук…» [135, с. 263].

Сохранились многочисленные письма Буркcера Вернадскому. Переписываться они начали либо с конца 1910 или, что вернее, с начала 1911 г.; последнее – сохранившееся – письмо Буркcера датируется 2 июня 1943 г. Отложились также несколько писем Буркcера Вернадскому (без дат, но написанных в старой орфографии). В одном из них Буркcер пишет: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович! Текущим летом на средства, предоставл[енные] принцем А.П. Ольденбургским и Одесск[им] отд[елением] Техн[ического] общ[ества], я организовал

комиссию по исследованию радиоакт[ивности] вод, горн[ых] пород и воздуха на Черномор[ском] побережье Кавказа. В состав ее входил я, мой помощник О.В. Клефнер и К.П. Гринаковский, определение горных пород поручено геологу В.В. Дубянскому из Вашавы. Нами бала обследована радиоактивность источников в районе Гагр, Сухума, Сочи. Кроме того, были произведены дополнительные исследования в Боржоми» [159]. К своему Бурксер прилагает результаты измерений. Он также сообщает, что продолжает лабораторные исследования проб горных пород и что полный отчет напечатает в декабре. Поскольку в письме упоминается XIII съезд русских естествоиспытателей и врачей, состоявшийся 16–24 июня 1913 в Тифлисе (Тбилиси), то указанное письмо, очевидно, было написано осенью этого года.

К началу 1914 г. в России существовало четыре радиологические лаборатории, которые занимались измерениями радиоактивности воздуха, минеральных вод, минералов, горных пород, руд, почв, целебных грязей. Все они поддерживали постоянную связь с Минералогической лабораторией, организованной Вернадским в 1911 г. при Геологическом и минералогическом музее Академии наук. Здесь под его руководством особенно широко проводились исследования радиоактивных минералов русских месторождений.

В 1910 г., как уже было отмечено выше, вопросы исследования радиоактивности природных компонентов, в первую очередь радиоактивных минералов и их месторождений, не раз поднимались Вернадским на заседаниях Физико-математического Отделения Академии наук. Так, 28 апреля 1910 г. он выступил со следующим сообщением [267, с. 725–727]:

«Уже несколько лет тому назад Академией наук было поставлено в первую очередь исследование месторождений радиоактивных минералов России. Условно стоимость этого исследования в проекте новых штатов Академии была определена в 10000 рублей.

Уже тогда было известно одно новое месторождение радиоактивных руд, находящееся в пределах России, в Ферганской области, в Алайском хребте. Для предварительного исследования этого месторождения, не ожидая предположенного систематического исследования, был командирован в 1908 году Академией К.А. Ненадкевич, привезший оттуда драгоценный и в высшей степени научно-интересный материал, находящийся в Геологическом музее Академии. Разработка

[159] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 212. Л. 16.

этого материала подвигается медленно, так как работа его исследования очень трудная. К.А. Ненадкевич опубликовал уже об открытии им в привезенном материале двух новых минералов – алаита и туранита. В настоящее время им заканчивается анализ еще других минералов того же месторождения, из которых три, по крайней мере, окажутся также новыми. В то же время профессор Антипов описал из того же месторождения новый минерал – ферганит.

Уже такое – совершенно необычное – обилие новых, раньше неизвестных тел – соединений V и U – указывает на огромный интерес этого месторождения. В то же самое время рассмотрение всего привезенного материала убеждает меня в совершенной оригинальности этого типа радиоактивных соединений. Его нельзя поставить в параллель ни с одним известным нам типом месторождений. В то же самое время многие из продуктов, здесь находимых, сильно радиоактивны, и в течение нескольких лет добыто из указанного месторождения несколько десятков тысяч пудов радиоактивной руды.

По-видимому, мы имеем здесь дело с совершенно новым типом радиоактивных продуктов. В то же самое время в научной литературе это месторождение совершенно неизвестно [160]. И хотя оно, как видно, известно уже более двух лет Императорской Академии наук, – его дальнейшее изучение не продвигается вперед с желательной быстротой из-за недостатка средств.

Я считаю такое положение вредным для научной работы и полагал бы нежелательным еще дальше ожидать разрешения общего вопроса о предположенном систематическом исследовании радиоактивных руд. Уже теперь перед нами стоит ряд вопросов, требующих нового сбора материала и исследований в поле и лаборатории.

Ввиду этого и считая для себя, для понимания мною изучаемых явлений, безусловно необходимым посещение на месте этих разработок теперь же, пока рудники не очень углубились в нижние слои, честь имею просить Императорскую Академию наук:

1) командировать меня в Ферганскую область и в Бухару для исследования радиоактивных руд на сентябрь с. г.; работа летом в этих местах очень неблагоприятна из-за климатических условий; вместе со

[160] Об истории исследования месторождения, его описание, а также основную библиографию см. [555]. Щербаков указывает, что Ненадкевич посетил это месторождение в 1909 и 1910 (с. 6), но в действительности, как следует из сообщения Вернадского, первый раз Ненадкевич побывал в этих местах в 1908.

мной я просил бы командировать профессора Московского Сельскохозяйственного института Я.В. Самойлова, о чем снестись с начальством Сельскохозяйственного института, и К.А. Ненадкевича; очень может быть, мне придется воспользоваться помощью еще кого-нибудь из моих учеников;

2) на расходы по этой экспедиции, считая и приборы, прошу Академию исходатайствовать 800–1000 рублей, обратившись к Министерству народного просвещения с просьбой выдать эту сумму, находящуюся в распоряжении Министерства народного просвещения [161];

3) снестись с местными властями о необходимом содействии; я желал бы на обратном пути воспользоваться случаем и посетить некоторые месторождения бирюзы и серы Туркестана, Закаспийской области и Бухары, а посему было бы желательно обратиться за содействием не только к начальству Ферганской области, но и к Туркестанскому генерал-губернатору и к начальству Закаспийской области».

Отделением было положено сообщить об этом в Правление Академии наук для соответствующих распоряжений по командированию Вернадского, Самойлова и Ненадкевича и по исходатайствованию средств на экспедицию и поручить непременному секретарю сделать надлежащие сношения по пункту 3.

На заседании Физико-математического Отделения 15 сентября 1910 г. – в ответ на упомянутый выше отказ Министерства народного просвещения выделить незначительную сумму на организацию экспедиции по исследованию радиоактивных объектов – Вернадский заявил: «Я считаю предположенное исследование месторождений радиоактивных минералов Российской Империи делом настоятельной необходимости, с точки зрения связанных с ним как научных интересов, так и большого государственного значения. Мне кажется, что эта задача – по сути вещей – входит в прямые обязанности Императорской Академии наук, и лишение ее средств для исполнения этого дела не может пройти без ответа. <…>. Этот отказ необычайно резко выясняет ненормальность положения высшего ученого сословия Империи, фактически подчиненного – вопреки закону – в исполнение прямых своих обязанностей преходящим и случайным взглядам и уровню понимания государственных и научных задач Министрами народного

[161] Министерство народного просвещения не удовлетворило ходатайства Академии наук об ассигновании такой незначительной суммы – «за неимением свободных средств» [248, с. 190].

просвещения и их товарищами. Отказ г. Товарища министра народного просвещения и его мотивировка заслуживают быть занесенными в летопись научной жизни нашей страны...» [248, с. 190]. На этом же заседании Отделением было принято решение о создании специальной (Радиевой) комиссии [271]. В ее состав вошли В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын и Ф.Н. Чернышев [357] [162].

Для этой комиссии Вернадский подготовил подробную записку о необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи, причем на заседание Физико-математического Отделения 10 ноября 1910 г. было принято решение об издании этой программной записки В.И. Вернадского «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи» отдельным изданием [329, с. 179]. Ее первое издание вышло в свет в конце декабря 1910 г. [105] [163].

Члены Радиевой комиссии ознакомились с этой запиской еще по корректурным листам и в заседании 23 ноября обсудили программу исследований, предложенную Вернадским.

В этой записке Вернадский формулирует широкую научную программу исследования радиоактивных минералов с учетом работ, ведущихся за рубежом. Он, в частности, указывает, что со дня открытия радия прошло всего 14 лет, однако это «открытие за немногие годы совершенно изменило в самых существенных чертах понимание физических явлений, вызвало целый переворот в научном мировоззрении вероятно больший, чем тот, который был пережит человечеством в научном мышлении в XVII веке», причем по мере изучения явлений радиоактивности, «их значение становится для нас все более важным», в том числе и особенно в практическом отношении [105, с. 1]. Вернадский подчеркивает, что даже «несмотря на медленный темп применения к жизни огромных источников радиоактивной энергии, едва ли

---

[162] Надо сказать, что планы Вернадского по исследованию радиоактивных элементов привлекли внимание, если можно так сказать, широкой публики. В частности, Л.Л. Иванов, его ученик, работавший тогда в Екатеринославском высшем горном уч-ще в письме от 30 сентября 1910 г. сообщил Вернадскому: «О Вашем проекте исследования радиоактивных минералов была статья дана в нашем “Приднепр[овском] крае”» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 658. Л. 126). С.П. Попов 30 сентября 1910 г. пишет Вернадскому: «Читал в газете, что Ваша поездка в Фергану не состоялась, что очень жаль» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1304. Л. 2 об.).

[163] В 1911 и в 1914 вышли соответственно второе и третье переработанные издания этой записки [111, 119].

был в истории человечества момент, когда бы больше оправдывались затраты государственных средств в стадии предварительных исследований, чем вновь открытая область науки» [105, с. 2]. Он провидчески заявляет, что «группы лиц, в руках которых сосредоточились бы значительные количества радия, неизбежно должны получить власть и могущество, по величине едва ли сравнимые даже с теми формами общественного значения, какие выпадают на долю владельцев золота, земли или капитала». Именно поэтому «государственная власть не может оставить без внимания и без учета новую находящуюся пока в его распоряжении силу, возможность применения которой в жизни и научно допустимое значение которой в будущем превышают все то, что до сих пор было уделом человечества в борьбе с окружающей его природой» [105, с. 2–3]. Именно поэтому в области изучения явлений радиоактивности государственная помощь научным исследованиям в области радия «представляется следствием правильно осознанной государственной пользы, делом государственного благоразумия» [105, с. 4]. И именно поэтому «делом и прямой обязанностью» Академии наук для развития этих исследований «является направление на этот предмет внимания русской государственной власти и русского общества, причем на первое место должно быть выдвинуто выяснение, имеющихся на территории Российской империи, запасов радиоактивных веществ» [105, с. 5].

Вернадский подчеркивает, что выяснение запасов радиоактивных веществ и возможных источников радия – есть самая насущная и первоочередная задача, решение которой является основой для дальнейшего развития научной работы в области явлений радиоактивности. Он дает краткий анализ немногих (известных к тому времени за рубежом – в Зап. Европе, США, в немецких колониях Африки, в Перу, Австралии, на Цейлоне) месторождений радиоактивных руд, оценивает вероятность нахождения там новых месторождений и приходит к выводу, что «результаты многолетней работы не могут считаться удачными» [105, с. 9]. Отсутствие радиоактивных руд сказывается на огромной цене радиевых препаратов (которая постоянно растет) и на ничтожных их количествах, находящихся в руках исследователей. Именно поэтому поиски радиоактивных руд на огромной территории России являются «в высшей степени желательными», причем крайне важно, чтобы они «были организованы государственной властью, не преследующей цели личных материальных выгод» [105, с. 10]. Вернадский рассуждает об особенностях распространения радия и других

радиоактивных элементов в земной коре и ставит вопрос о необходимости систематического исследования «распространенности радиоактивных минералов на таком обширном и геологически разнообразном участке земной коры, каким является область, занятая Российской империей», что уже само по себе представляет значительный научный интерес [105, с. 13]. При выяснении истории химических элементов (включая радиоактивные) в земной коре, подчеркивает он, необходимо строго придерживаться некоторых общих положений, дабы в этой сложной области не потерять почву точного знания: 1) мы не знаем пока ни одного химического процесса, изучаемого в минералогии, который выходил бы за пределы земной коры, и требовал бы для своего объяснения привлечения химических свойств неизвестной нам внутренности земного шара; 2) нет ни одного минералогического процесса, который выходил бы за пределы геологических периодов и касался бы периодов космических, в которых земной шар имел физико-географические условия, не сравнимые с современными; 3) возраст минералов не может быть определен с точностью, сравнимою даже с определением возраста слоев, в которых они находятся, и что, в частности, минералы массивных пород отнюдь не могут a priori считаться более древними, чем минералы жил или осадочных и метаморфических образований. Таким образом, продолжает Вернадский, область наших знания в минералогии 1) точно ограничена географически *земной корой*, а не отвечает земному шару, 2) ограничена геологически состояниями земной коры, близкими к современным условиям нашей планеты и 3) не может быть разделена на единообразные морфологически хронологические участки [105, с. 14–15]. Он считает, что следует оставить в стороне многочисленные спекуляции, связанные с разного типа эволюционными космогоническими схемами [164], например,

[164] «Всякая космогония, как и всякое философское построение, неизбежно отражает в себе целиком историческую обстановку своего создания. Она основывается на фактах, в это время известных, принимает во внимание только те, которые в это время считаются верными, облекается в формы, которые несут в себе отражение научных интересов момента. Всякая космогония неизбежно основана на экстраполяции – она выходит из рамок, лежащих в основе ее научных посылок. и предполагает, что в прошлом и будущем точно также в создании мира отразилось только то. что царит в сознании научной мысли ее времени. Проходит время, и резко начинают возникать несоответствия космогонического построения с научными данными. Открываются данные, космически не предвиденные, создаются новые научные области исканий, изменяется оценка фактов, ранее

предположения об увеличении количества урана в глубоких частях земного ядра.

Вернадский рассматривает минералогию и особенности распределения в земной коре урана (в сущности, его геохимию), минералы которого «представляют из себя одну из группы минералов, богатую представителями. Нам известно около 55 минералов урана» [105, с. 15]. Он считает, что это цифра минимальная, а не максимальная [165]. Он также подчеркивает, что уран входит в виде примесей в ряд других тел, а также рассеян в них в особом состоянии (не дает соединений). Имеющиеся количественные данные о распределении урана в земной коре (в пределах от 0,0001 до 0,00001% [166]) не позволяют говорить о ничтожных его количествах в земной коре, тем более что изучение радиоактивности горных пород указало на широкое распространение радия и, в связи с этим, урана в самых разнообразных породах. Вернадский считает, что уран более распространен в земной коре, чем обычно считается (количество его может быть на уровне свинца, цинка, йода, может быть, даже больше [167]). Он рассматривает формы нахождения урана в земной коре, дает их характеристику и особенности пространственного распространения, выделяет: 1) первичные нахождения урана (те формы его минералов или содержащих уран минералов), 2) вторичные соединения урана (в коре выветривания, особенно вблизи выходов урановых руд, чрезвычайно характерна резкая подвижность урана, легко дающего из водных растворов разнообразные соединения, которые, в свою очередь, являются легкорастворимыми продуктами, уносимыми текучими водами и способные давать другие соединения, в которые переходит из них уран), 3) тончайшее рассеяние урана и его

известных. Всякая космогония неизбежно является через некоторое время неверной и никогда не может считаться научно правильной. Однако отсюда отнюдь не следует, чтобы такая космогония была ненужной и работа над ней потерянным временем. Во всем научном мировоззрении мы всегда видим широкое проникновение временных, после исчезающих, элементов» [153]. О взглядах Вернадского на роль космогонических представлений в научном мировоззрении см. [568, с. 81–92].

[165] В некоторых современных изданиях сообщается, что сейчас известно более 260 урановых и урансодержащих минералов.

[166] Среднее содержание урана в земной коре сейчас обычно оценивается примерно в пределах 0,0002–0,0004%.

[167] Относительно йода Вернадский прав, но средние содержания свинца и цинка в земной коре примерно на порядок превышают среднее содержание урана.

соединений в коре выветривания (микрокосмические смеси). К сожалению, отмечает Вернадский, история урана в земной коре изучены чрезвычайно неполно, а этот элемент имеет важное значение в истории химических процессов Земли. Он подчеркивает, что процессы образования минералов, до сих пор изученные, все могут быть сведены, сколько мы знаем, к энергии солнца. «Единственным самостоятельным источником этих процессов должны являться радиоактивные минералы и главным образом соединения урана и тора <тория>. Поэтому изучение их распространения, концентрации и изменения в земной коре является задачей огромного научного интереса и насущнейшего значения» [105, с. 30]. Вернадский также касается «земной истории» тория, которая «менее изучена, как вообще менее известна нам история этого химического элемента, инертного и загадочного по своим реакциям» [105, с. 32]. Он считает, что главная масса тория наблюдается в рассеянном состоянии, количество его минералов («все это первичные минералы») невелико. В заключение Вернадский утверждает, что «всякое систематическое исследование ториевых и урановых соединений земной коры, хотя бы оно привело к отрицательным результатам в смысле нахождения в пределах Российской империи богатых месторождений радиоактивных тел – само по себе ценно, обещает дать научно интересные результаты» [105, с. 38]. Относительно истории в земной коре других радиоактивных элементов, как отмечает Вернадский, наши знания совершенно ничтожны, и мы лишь знаем об их необычайной распространенности, тончайшем рассеянии на земной поверхности.

Рассматривая вероятность нахождения в пределах России урановых и ториевых минералов и их месторождений, Вернадский подчеркивает, что здесь «мы вступаем в еще более темную и малоизученную область, чем это было до сих пор» [105, с. 39–40], поскольку явления радиоактивности на территории страны исследованы чрезвычайно слабо, известны немногие данные по радиоактивности источников и их отложений, воздуха, почв, а минералогические исследования лишь предположены. «С точки зрения радиоактивных явлений, Россия является почти совершенно неизученной и имена русских ученых почти отсутствуют в огромной литературе по радиоактивности, созданной научным трудом международной научной армии. Ту же самую случайную и крайне неполную картину представляют наши знания о нахождении в пределах нашей родины первоисточников радиоактивных тел – минералов, заключающих уран и торий», а также отсутствие

сведений о распределении этих элементов в горных породах [105, с. 41–42]. Именно поэтому изучение распределения урана и тория в горных породах и минералах нашей страны – одна из первых задач исследования радиоактивности.

Вернадский систематизировал известные ему указания на нахождение урановых и ториевых минералов или минералов, содержащих уран и торий, в пределах России (в Выборгской и Олонецкой губерниях, на Урале, прежде всего в Ильменских горах, на Кавказе, в Сибири) и обратил особое внимание на месторождение около перевала Тюя-Муюн в Ферганской области.

В заключительной части своей записки Вернадский формулирует план работы, основной задачей которого является изучение радиоактивных веществ в пределах Российской империи и нахождение их достаточных залежей или доказательство их отсутствия. Для этого необходимо организовать полевые и лабораторные (химико-аналитические) исследования. Особое внимание он обращает на необходимость систематического изучения радиоактивности воздуха Российской империи и ее минеральных источников. В этой связи также следует организовать исследование распределения в пределах страны благородных газов, прежде всего, тесно связанного с распадением радиоактивных веществ, – гелия. В общем случае в ближайшее время необходимо выполнить следующее:

1) Определение U и Th в горных породах Российской империи.

2) Одновременное определение радиоактивности этих пород.

3) Определение радиоактивности U–Th минералов, а также минералов, содержащих эти элементы.

4) Исследование спектроскопии этих минералов, а равно и спектроскопии более сильно радиоактивных горных пород России.

5) Исследование и анализ газов, содержащихся в этих породах и минералах.

6) Исследование радиоактивности, спектроскопии и газов шлихов, осадков <отложений> и минералов источников.

7) Организация исследования Ферганских месторождений урановых минералов и одновременно изучение радиоактивности воздуха и вод местностей, ближайших к месторождению Тюя-Муюнских минералов.

8) Точная минералогическая съемка Ильменских гор, особенно около Миасского завода. Геологическое исследование этой местности было произведено давно, но с недостаточной подробностью.

Одновременно необходимы небольшие разведки коренных пород и россыпей для выяснения запасов самарскита и эшинита и добычи материала. Отсутствие хорошей топографической карты заставит, вероятно, произвести съемку в масштабе ½–1 версты в дюйме в области главнейших месторождений радиоактивных минералов. Больше того, все минералы Ильменских гор должны быть научно изучены и должна быть подготовлена монография по петрографии и минералогии этой области.

9) Организация экскурсий <экспедиций> для выяснения существования радиоактивных месторождений Кавказа.

10) Выяснение в отрицательном или положительном смысле указания на Олонецкий торбернит.

11) Исследование Сибирских месторождений.

24 ноября 1910 г. на заседание Физико-математического Отделения академик А.П. Карпинский от имени Радиевой комиссии напомнил Отделению, что вопрос о необходимости исследований радиоактивных минеральных веществ в России уже несколько лет тому назад был поднят в Академии [272, 273]. С тех пор значение подобных исследований и их настоятельность выясняется все более и более. Академия наук, сознавая государственную важность систематического выяснения распространения и изучения месторождений радиоактивных минералов в России, чтобы дать толчок этому делу, уже минувшим летом предполагала, хотя бы в самом скромном размере, положить начало такому исследованию, к сожалению, не осуществившееся. Он также сообщил, что Радиевая комиссия на своем заседании обсудила записку Вернадского «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», о спешном печатании которой было доложено в прошедшем заседании Отделения, и пришла к заключению, что к выполнению предложенного Вернадским плана работ следует приступить уже в 1911 г. Больше того, Комиссия, признав исполнение всех предложений академика В.И. Вернадского необходимым, имеет честь представить Отделению следующий доклад за подписью всех ее членов:

По пунктам 1–6 потребуется оплата труда одного исследователя, сверх существующего персонала Минералогического отделения Геологического Музея, и приобретение ряда приборов и аппаратов для исполнения намеченных работ, на что потребуется в этом году сумма от 2500 до 3000 рублей; в нее не входит исполнение п. 5 (исследование газов), каковое может быть отложено. Сумма эта, по указанию

академика В.И. Вернадского, по всей вероятности может быть получена им в Москве [168], вследствие чего нет надобности возбуждать ходатайства от имени Академии.

По отношению к п. 7 Комиссия полагает возможным организовать исследование Ферганского месторождения весной в течение месяца, причем для командирования трех лиц необходимо ассигнование в 1500 рублей. Вопрос об организации исследования радиоактивности воздуха остался пока открытым за невыясненностью потребной для исследования суммы.

По п. 8 Комиссия полагает временно отложить дорогостоящую топографическую съемку Ильменских гор, на первый раз ограничиваясь нанесением на карту выработок минералов, для чего положено пригласить одного студента с вознаграждением в 300 рублей. На всю работу – производство разведок несколькими шурфами, фотографирование планшетов оригинальной карты и командировку 1 или 2 научных работников – сверх того необходимо иметь 2600 рублей.

По п. 9 – для командировки исследователей на Кавказ – необходимо ассигновать 600 рублей.

Работы по пунктам 10 и 11 отложить, но по п. 11 испросить 500 рублей для организации сбора материала и предварительных осмотров месторождений в Сибири местными исследователями. Представляется желательным снестись по этому поводу с профессором Томского университета П.П. Орловым и приват-доцентом П.П. Пилипенко.

Таким образом, Комиссия, исчисляя потребную на указанные исследования в 1911 году сумму в 5500 рублей, находит необходимым, принимая во внимание изучение явлений радиоактивности воздуха и неизбежные в настоящем случае непредвиденные надобности, ходатайствовать об ассигновании 7000 рублей. Эту сумму желательно

---

[168] Не исключено, что Вернадский хотел обратиться за финансовой помощью в Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова – общественной организации, призванной содействовать научному и техническому прогрессу (1909–1918). Общество было основано в Москве в соответствии с завещанием вологодского купца первой гильдии Христофора Семеновича Леденцова (1842–1907). Устав Общества был утвержден 24 февраля 1909. Цель Общества: содействие научным открытиям и исследованиям в области естествознания, изобретениям и усовершенствованиям в сфере техники, а также испытание на практике и проведение в жизнь научных и технических изобретений и усовершенствований [509]. В архиве Вернадского сохранился черновик записки-обращения в это Общество. См. [152, с. 58–59].

испросить из текущих средств Министерства Народного Просвещения и Министерства Торговли и Промышленности, препроводив в означенные Министерства записку академика В.И. Вернадского [169].

Положено: 1) настоящий доклад Комиссии, избранной в заседании Отделения 15 сентября 1910 г., утвердить; 2) возбудить соответствующие ходатайства перед Министром народного просвещения и Министром торговли и промышленности, с препровождением в названные министерства записки академика В.И. Вернадского о радиоактивных минералах («О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи»).

[169] В 1911 Академия наук получила для исследовательских работ по радиоактивности минералов 6000 рублей, причем из них 2000 рублей были получены от частного лица (инженера А.А. Богушевского) для исследования Кавказа. На полученные средства летом 1911 были начаты работы по исследованию радиоактивных месторождений России (в Забайкалье, Закавказье, Фергане, на Урале). В них приняли участие: В.И. Вернадский, Я.В. Самойлов, К.А. Ненадкевич, Г.И. Касперович, Е.Д. Ревуцкая, В.И. Крыжановский, студенты Московского ун-та В.В. Критский и Н.М. Федоровский [248].

РАЗНЫЕ УЧЕБНЫЕ И НАУЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В 1910 г. продолжалась педагогическая деятельность В.И. Вернадского на Московских высших женских курсах (МВЖК); он был нештатным членом Присутствия (Ученого совета) Геологического комитета, участвовал в работе Комиссии по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды, а также выступал с лекциями в некоторых учебных заведениях г. Москвы.

Московские высшие женские курсы

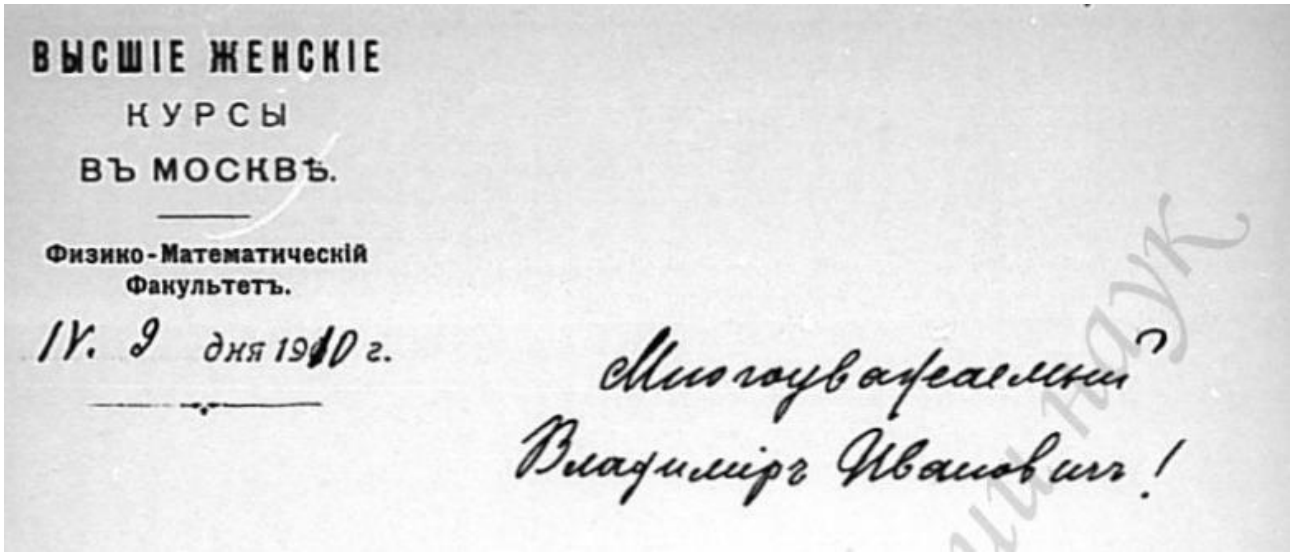
В 1910 г. продолжалась педагогическая деятельность Вернадского на Московских высших женских курсах (МВЖК). Из его дневника мы узнаем, что, например, он 22 января на Курсах прочел две лекции, 29 января – следующая лекция, 5 февраля прочел две лекции о полиморфизме, к которым специально готовился, 12 февраля – еще две лекции на МВЖК и т. д. [170]

В архиве В.И. Вернадского отложилось письмо заведующей канцелярией Физико-математического факультета Высших женских курсов А.А. Лебедевой от 9 апреля 1910 г., в котором она сообщает Вернадскому о количестве записавших на экзамен по минералогии и по кристаллографии (на этот экзамен записалось 67 слушательниц.) и просит о том, чтобы он назначил еще один срок: в половине мае или в конце мая [171].

Напомним, что МВЖК – высшее учебное заведение для женщин в России – были организованы по инициативе профессора всеобщей истории Московского университета Владимира Ивановича Герье (1837–1919). Их также называли «Курсы Герье». «Положение о Московских Высших женских курсах» было утверждено министром народного просвещения 6 мая 1872 г. Торжественное открытие курсов состоялось 1 ноября 1872 г. К преподаванию на курсах Герье привлек ведущих профессоров Московского университета, причем никто не от казался от предложения [42, 172, 354, 355, 409, 471, 558]. 15 мая 1888 г. по решению властей Курсы Герье были закрыты. Их отчасти заменили так

[170] См. Приложение 2. Лекции Вернадский читал чаще всего по субботам.
[171] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 927. Л. 1.

называемые Коллективные уроки Общества воспитательниц и учительниц, существовавшие в 1889–1900 гг. [293].

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ
КУРСЫ
ВЪ МОСКВѢ.
Физико-Математическій
Факультетъ.
IV. 9 дня 1900 г.
Многоуважаемый
Владиміръ Ивановичъ!

Вернадский начал читать лекции на Коллективных уроках Общества учительниц с осени 1897 г. [357]. О Коллективных уроках он писал: «Это было законно дозволенное Общество учительниц, которое для себя организовали “уроки”, а фактически высшее образование… Труд профессоров был, конечно, даровой... При первой возможности эти Коллективные уроки превратились в Высшие женские курсы… Как только они открылись, я получил возможность проводить курсисток-специалисток на практические занятия в Минералогический кабинет через ход, ведущий в библиотеку Московского общества испытателей природы. Я предупреждал всегда ректора, что провожу эту работу специалисток тайным путем. И такой правый ректор, как Тихомиров, никогда этому не препятствовал, хотя время, нами переживаемое, уже было неспокойное…» [138, с. 318].

В 1900 г. (постановлением Государственного совета от 05 апреля 1900 г.) Высшие московские женские курсы были восстановлены [172], срок обучения на которых увеличился до четырех лет. На вновь открытых курсах было два факультета – историко-филологический (10

[172] В сентябре 1918 МВЖК решением СНК РСФСР были преобразованы в смешанное учебное заведение, получившее название 2-й МГУ. В 1919 историко-филологический и физико-математический ф-ты были включены в состав Московского ун-та (1-й МГУ). Во 2-м МГУ в 1921 г. был создан новый ф-т – педагогический, на базе которого позже был основан Московский педагогический государственный ин-т (ныне ун-т).

специализаций) и физико-математический (с подразделением последнего на математическое и естественное отделение – всего 12 специализаций, включая физическую географию с метеорологией, минералогию и кристаллографию, геологию и палеонтологию) [342]. В 1903 г. Курсам были даны права (в частности, право их выпускникам преподавать в старших классах женских гимназий), а осенью 1905 г. – дана автономия. В 1908 г. в дополнение к двум имевшимся факультетам был открыт медицинский факультет (срок обучения – 6 лет), хотя первые лекции медицинского отделения были введены в начале 1906–1907 учебного года (на факультете имелось 38 специализаций – от анатомии до судебной медицины). Открытие медицинского факультета сделало структуру Курсов близкой к структуре классического университета.

В 1910 г. плата за право слушания лекций – 100 рублей в год (50 руб. при поступлении и 50 руб. в январе). Между прочим, на 1 января 1914 г. число окончивших Курсы составляло 2331 (историко-философский факультет – 1235, естественное отделение – 458, математическое отделение – 328, медицинский факультет – 380).

Курсы управлялись Советом профессоров, ведающим как административную, так и учебную части, и выборными должностными лицами (директором, тремя деканами, тремя секретарями факультетов). Во главе Совета стоял председатель его – директор Курсов.

Вернадский с 1900 г. стал преподавать на Курсах кристаллографию и минералогии. В этом же году было организовано Общество для доставления средств Высшим женским курсам (Устав его утвержден товарищем министра внутренних дел 18 марта 1900 г. [505). Цель Общества – «доставлять средства для поддержания учреждаемых в Москве Высших женский курсов. Для достижения этой цели Общество оказывает материальное пособие Высшим женским курсам в г. Москве и состоящим при курсах общежитиям, по мере имеющихся в его распоряжении средства». Средства Общества формировались из ежегодных взносов его членов, из пожертвований и из сборов от устраиваемых в пользу Общества литературных чтений, лекций, концертов, спектаклей. При Обществе также существовала Благотворительная комиссия, которая располагала собственной библиотекой. В апреле 1900 г. в качестве пожизненного члена-учредителя Вернадский вошел в состав Общества для доставления средств Высшим женским курсам [357].

Профессор В.И. Герье бессменно возглавлял Московские высшие женские курсы, но в 1905 г. должность директора МВЖК стала

выборной, и Герье, находившийся в то время за границей, избран не был. Это событие совпало по времени со вступлением в силу «Временных правил 27 августа 1905 года», которые непосредственно касались работы высших учебных заведений. На основании этих правил Совет Московских высших женских курсов 6 октября 1905 г. избрал на должность директора курсов профессора В.И. Вернадского. Однако почти одновременно он был избран на должность помощника ректора Московского университета, где и приступил к исполнению своих обязанностей. В связи с отказом В.И. Вернадского занять должность директора Московских высших женских курсов. Совет курсов 29 октября 1905 года избрал на эту должность профессора С.А. Чаплыгина. Начиная с этого времени, деканы и секретари факультетов избирались советами факультетов.

Как следует из дневника Вернадского, в 1910 г. он участвовал в заседаниях физико-математического факультета (например, запись от

21 января), Совета Курсов (запись от 23 января), а также в работе Советской комиссии МВЖК (запись от 24 февраля) [173].

Будучи одним из первых профессоров Московских высших женских курсов, начавших преподавать на физико-математическом факультете, В.И. Вернадский разработал методически оформленный, всеобъемлющий курс кристаллографии (лекции, практикумы, семинары) [521]. Он также основал Минералогический кабинет, до сих пор существующий в стенах МИТХТ и являющийся неотъемлемой частью учебного процесса [40].

В.И. Вернадский среди слушательниц Высших женских курсов

В 1909 г. минералогическая коллекция Кабинета насчитывала 900 образцов и заключала в себе наиболее важные виды в их парагенетических отношениях, что позволяло иллюстрировать на лекциях по минералогии наиболее важные химические процессы земной коры [279]. В качестве пособий для лекций по кристаллографии имелся набор деревянных и картонных кристаллических моделей и ряд стеклянных таблиц, а также довольно ценный набор проволочных, стеклянных и деревянных (эллипсоиды) моделей для объяснения, главным образом, оптических явлений в кристаллах.

[173] См. Приложение 2.

В.И. Вернадский с группой слушательниц во время чтения лекции по минералогии на Московских высших женских курсах. 1906 г.

В 1910 г. Кабинет находился в прежнем (наемном) помещении (ул. Поварская, д. 8, кв. 18) [174]. Здесь проводились практические занятия по минералогии и кристаллографии. Они были 3-х родов: 1) общий кристаллографический практикум; 2) общие практические занятия по минералогии и 3) специальные работы по кристаллографии и минералогии. Практические занятия по минералогии состояли в определении минералов с помощью паяльной трубки, по внешним признакам и физическим свойствам. Они велись с 2-мя группами, причем каждая группа работала один семестр при 4-х часах в неделю. Специальные занятия по кристаллографии и минералогии состояли в самостоятельном изучении какого-нибудь вопроса, разрешение которого могло представить научный интерес. К концу 1912 г. в основной минералогической коллекции имелось 2127 номеров, из которых в 1910–1912 гг. поступило 227; в учебной коллекции – 105 номеров. Имелась коллекция железных руд и горных пород с горы Благодати (54 номера).

[174] См. Приложение 8 – Минералогический кабинет Высших женских курсов в Москве. Отчет за 1910 – 1912 годы. – М., 1913. – 7 с. (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 11– 3. Типографский оттиск).

Коллекция горных пород состояла из 81 номера со шлифами к 50 породам, коллекция природных кристаллов – из 98 номеров, коллекции были приобретены в 1910–1912 гг. В библиотеке Кабинета имелось 418 названий книг, брошюр и журналов, что составляло всего 520 томов книг и 111 брошюр; за 1910–1912 гг. поступило 106 названий. Благодаря специальной ассигновке (500 рублей), испрошенной В.И. Вернадским, была получена возможность приобрести весьма ценный основной журнал по кристаллографии – Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie («Журнал кристаллографии и минералогии») с начала его выхода, т. е. с I-го тома 1877 г.

Улица Поварская. Слева на фотографии изображен 6-этажный доходный дом Бобринских (№ 10), построенный в 1910 г.; справа – доходный дом (№ 8), построенный в 1893 г., где размещался Минералогический кабинет ВМЖК

Геологический комитет

В 1910 г. Вернадский продолжал состоять нештатным членом Присутствия (Ученого совета) Геологического комитета [175]. Среди

[175] Геологический комитет – первое государственное геологическое учреждение в России – основан в январе 1882 указом Александра III «в видах подробного изучения геологического строения России». См. [392, 532].

других нештатных членов Присутствия Комитета – заслуженный профессор С.-Петербургского университета А.А. Иностранцев, профессор того же университета П.А. Земятченский, профессора Горного института Е.С. Федоров и В.В. Никитин. Директором Геолкома в то время был академик Ф.Н. Чернышев [386].

МВЖК, 1911 г. Слева направо: первый ряд – В.А. Варсанофьева, Е.Д. Ревуцкая, О.М. Шубникова, второй ряд – А.Б. Миссуна, Е.Н. Ежова, О.И. Мирошкина и преподаватель В.В. Карандеев, заменивший Вернадского на Курсах

Геологическим комитетом продолжались работы по составлению Общей геологической карты России, выполнялись специальные исследования, связанные с детальным изучением крупных промышленных районов, включая составление детальной геологической и горнопромышленной карты Донецкого бассейна, исследование золотоносных районов Юж. Урала, Апшеронского полуострова, Кубанского нефтеносного района, района Кавказских минеральных вод, а также освещение геологического строения малоизвестных областей (Русский Сахалин, районы Амурской дороги, горная часть Туркестана). Комитет продолжал принимать участие в одном из главнейших международных предприятий – в составлении геологической карты Европы. Он также выполнял работы по запросам различных организаций и частных лиц.

В отчете за 1910 год особо отмечалось тяжелое положение Комитета, «на которое неоднократно обращалось внимание законодательными учреждениями», но оно «ничуть не изменилось к лучшему», Комитет по-прежнему ютится «в четырех квартирах, разбросанных на Васильевском острове» и ведет «свои ответственные работы при крайней стесненности и рабочего помещения, и библиотечных комнат и при полном почти отсутствии места для поступающих коллекций. Вопрос этот стоит столь остро, что трудно представить, как может дальше функционировать учреждение, если в ближайшие годы не удастся его обеспечить постоянным собственными зданием» [386, с. 153]. Продолжались также работы по 2-му изданию общей 60-ти верстной карты европейской России, геологической карты Азиатской России (масштаб 100 верст в одном дюйме) и ряд других региональных геологических карт. В 1910 г. вышли очередные выпуски «Трудов Геологического комитета», «Известия Геологического комитета», ряд других изданий («Геологические исследования и разведочные по линии Сибирской железной дороги», «Геологические исследования в золотоносных областях Сибири»).

Надо отметить, что среди штатных помощников геолога в то время в Геологическом комитете работали ученик Вернадского Н.Н. Тиханович и окончивший курс Московского университета, ученик А.П. Павлова М.М. Пригоровский, который, безусловно, слушал и лекции Вернадского.

Комиссия по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды, организованная Московским городским общественным управлением

В 1910 г. Вернадский продолжал работу в Комиссии по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды, организованной Московским городским общественным управлением.

В работе этой Комиссии Вернадский принимал участие со дня ее организации в 1907 г. К сожалению, очень мало известно о его деятельности в этой Комиссии, о чем свидетельствует его запись в «Хронологии 1907 г.», сделанная 10 февраля 1941 г.: «В 1907 Моск[овской] гор[одской] управой создана специальная комиссия по выяснению причин увеличения жесткости воды Мытищинского водопровода: А.П. Иванов, А.П. Павлов, В.И. Вернадский. Н.Д. Зелинский, А.В.

Павлов, В.Д. Соколов, С.Н. Никитин, С.А. Озеров, Ф.Ф. Эрисман и др. Ничего сейчас не помню, как в тумане» [176].

Напомним, что строительство Мытищинского самотечного водопровода (из знаменитых Мытищинских Ключей – примерно в 20 км к северо-востоку от столицы), длившееся 26 лет, было закончено 28 октября 1804 г., когда начались его испытания [177]. В дальнейшем он неоднократно перестраивался и перешел на насосную подачу воды. Основные этапы строительства водопровода и последующей его модернизации освещены в публикациях [59, 173, 174, 251, 243, 381, 461, 514]. После полной реконструкции всей системы водозабора, выполненной в 1898–1904 гг., мощность Мытищинского водопровода существенно увеличилась, однако столь интенсивная откачка воды стала причиной быстрого ухудшения качества воды, прежде всего, по причине увеличения (в несколько раз) ее жесткости, значения которой достигли пределов, не допустимых санитарными нормами водопользования [380] [178].

В феврале 1907 г. инженером по водоснабжению г. Москвы К.П. Карельских было сделано соответствующее представление Московской городской управе, которая, для всестороннего освещения того угрожающего положения, в каком оказалось Мытищинское водоснабжение, по определению своему от 2 апреля того же года, решила организовать особую Комиссию по исследованию вопроса о жесткости мытищинской воды, в состав которой вошли: врачи-гигиенисты, инженеры, химики, геологи и другие специалисты, а именно: В.И.

---

[176] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 38. Л. 9 об.

[177] По этому знаменательному поводу в журнале «Вестник Европы» в декабре 1804 была опубликована статья, в которой ее автор сообщал; «Сие общеполезное дело, начатое Великою Екатериной, наконец совершено Благотворительным Александром, и вода, свежая, здоровая, уже поит всех жителей московских, имевших в ней всегдашний недостаток. Сия вода, чистая и прозрачная, эта первая, после воздуха, потребность жизни проведена в столицу из мытищинских колодцев; доставляется в нее каменными трубами из-за семнадцать верст! <…> Через овраги и глубокие долины, которые могли остановить бег ея, струится она по возвышениям, нарочно сделанным, представляющимся путешественнику некоторого рода стенами» [360, с. 213–214]. «Водовод Мытищинский есть действительно сокровище – неоцененное!» [360, с. 222].

[178] Тогда жесткость воды, как правило, измерялась в градусах жесткости (°Ж), а по величине общей жесткости различают воду мягкую (≤2°Ж), средней жесткости (≤10°Ж) и жесткую (>10°Ж). По данным [380], жесткость мытищинской воды с 9° в 1898 г. увеличилась до 21,66° в 1910 г.

Вернадский, А.Г. Дорошевский, Н.Д. Зелинский, Н.П. Зимин, Н.Е. Жуковский, А.П. Иванов, И.А. Иверонов, К.П. Карельских, С.М. Картамышев, Е.К. Кнорре, М.Б. Коцын, Э.Е. Лейст, С.Н. Никитин, С.А. Озеров, В.В. Ольденборгер, А.В. Павлов, А.П. Павлов (вскоре, «по многосложности своих занятий», отказавшийся от участия в работах Комиссии), А.Г. Петровский, В.А. Пушечников, А.И. Раммуль, А.Д. Соколов и В.Д. Соколов, причем последний по приглашению Городской управы взял на себя председательство в Комиссии [465]. В ее работе также участвовали члены Управы Д.Д. Дувакин и А.Н. Петунников. Первое заседание Комиссии состоялось 19 апреля 1907 г. Почти с начала своих работ Комиссия выделила из своего состава три специальных группы: химическую, геологическую и инженерную, на которые была возложена предварительная разработка отдельных вопросов, подлежащих обсуждению в общем составе Комиссии. Работа этих групп является весьма важным дополнением к работам самой Комиссии. В результате обсуждений были сформулированы три основных вопроса, предложенных вниманию Московской городской управы, а именно: 1) Какая степень жесткости допустима для мытищинской воды, принимая во внимание другие хорошие ее качества. 2) Не могут ли быть рекомендованы какие-либо меры для уменьшения жесткости мытищинской воды, которые могли бы быть приняты ныне же. 3) Выяснить, по возможности, причины увеличения жесткости мытищинской воды и рекомендовать меры для предупреждения дальнейшего увеличения ее.

Приступив к своим работам, Комиссия, прежде всего, тщательно учла: 1) Авторитетные отзывы целого ряда лиц, близко стоявших и ныне стоящих к организации Мытищинского водоснабжения. 2) Все данные по устройству и эксплуатации Мытищинский водосборов. 3) Все наличные материалы, относящиеся к изучению геологического строения Мытищинского бассейна. 4) Точные химические анализы мытищинской воды в прошлом и в настоящее время. 5) Все, что касается свойств так называемой «подъюрской» воды в мытищинском бассейне. 6) Все выполненные доя сих пор работы по топографии верховьев р. Яузы и окрестных местностей.

Как отметил Д.В. Соколов [467], столь авторитетная комиссия отнеслась к решению своей ответственной задачи чрезвычайно внимательно. Был учтен опыт сходных случаев в Западной Европе, широко применялись исследовательские, опытные и лабораторные работы, пробурено множество разведочных скважин. Комиссия действовала целых пять лет, но зато смогла дать Москве твердый и обоснованный

ответ в том смысле, что ухудшение мытищинской воды объясняется понижением грунтовых вод в районе водосбора вследствие усиленной откачки и осушением и окислением здешних торфяников. В частности, лежащее в верховьях р. Яузы, к югу от водосборной линии, обширное торфяное болото играет в «гипсовании» нормальной мытищинской воды если не преобладающую, то, во всяком случае, чрезвычайно важную роль [465].

Ростокинский акведук Мытищинского водопровода. Фото 1890-х гг.

Увеличение откачки воды из Мытищинского сборного бассейна (Мытищинского надъюрского водоносного горизонта) повлекло за собой сильное понижение уровня воды в указанном бассейне, результатом чего явилось осушение торфяного болота, залегающего в верховьях Яузы. Благодаря этому воздух получил доступ внутрь торфа и произвел здесь окисление сернистых соединений в сернокислые. Мытищинское болото временами затопляется дождевыми или талыми водами, в которых растворяются образовавшиеся в торфе сернокислые соединения, главным образом гипс. Примесь такой загипсованной воды к мытищинской воде и обусловливает усиление жесткости последней. Помимо резкого увеличения общей минерализации воды

были обнаружены отложения в водоводе, в которых в избытке присутствовали серная кислота, соединения железа, марганца, магния, кальция и др. Натурные эксперименты и лабораторные опыты показали, что при ускоренно-нарастающем процессе принудительного отбора воды понизился ее уровень в питающих торфяных болотах от 2 до 6 м[179], поэтому увеличилась воронка депрессии, торфяники осушились [380]. В торфе имеются значительные запасы серы, которая находится в основном в нерастворимых соединениях, причем в иловатистом торфе присутствуют мелкие включения сернокислой извести (гипс). При осушении торфяных болот (увеличении депрессионной воронки) получается доступ кислорода, и в результате окислительных процессов образуется серная кислота. Последняя при насыщении торфа водой отнимает основания от солей более слабых кислот, образуя сульфаты. Часть серной кислоты остается свободной. Затем при просачивании осадков эти сульфаты растворяются, увлекаются вниз, попадают в водоносный горизонт и увеличивают минерализацию воды.

Работа Комиссии велась с 19 апреля 1907 г. по 23 января 1913 г., всего состоялось 37 заседаний [380]. Несколько заседаний состоялось в 1910 г. Так, 22 февраля1910 г. Вернадский записал в дневнике: «Вечером комиссия в Гор[одской] Думе о Мытищ[инской] воде» [180]. Известно, что заседания состоялись также 3 ноября и 15 декабря 1910 г. [465]. Не исключено, что участие Вернадского в работе этой Комиссии и привело к возникновению у него интереса к проблеме изменения состава природных вод в результате воздействия человеческой деятельности, о чем он и рассуждает в «Истории природных вод» [181], в которой, между прочим, использовал гидрохимические данные одного из членов Комиссии, гидрохимика С.А. Озерова по верхней Волге и ее притокам в Московской губернии.

---

[179] Эксплуатация началась с 1805, когда был устроен каптаж ключей. В 1853 уровень воды в каптажах был понижен на 0,6 м. С 1893 перешли к захвату подземных вод трубчатыми колодцами и уровень воды снизился еще на 5,1 м. В 1903 уровень воды понизился еще на 7,4 м [407].

[180] См. Приложение 2.

[181] «… благодаря деятельности такого организма, каким является культурный человек в последние один-два десятка тысяч лет, происходит резкое изменение и чрезвычайное усиление извека шедших геохимических процессов, имеющих значение в истории воды» [126, с. 72–73].

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 1910 г. В.И. Вернадский – выборный (от академической курии, т. е. от Академии наук и университетов) член Государственного совета Российской империи, продолжал свою земскую деятельность в Тамбовской губернии, а также в Конституционно-демократической партии народной свободы, участвовал – в той или иной мере – в работе различных общественных организаций (Общество единения народностей России, Московское общество народных университетов, Общество распространения технических знаний, Комитет славянской взаимности, Общество славянской культуры и др.).

Государственный совет Российской империи

Государственный совет (Госсовет) Российской империи был создан 1 января 1810 г. и до 1906 г. являлся ее высшим законосовещательным учреждением. Законодательной инициативой в этот период он не обладал – внесение законопроектов в Госсовет определялось волей царя. Законопроекты обсуждались в департаментах Государственного совета, затем выносились на его общее собрание и после утверждения императором получали силу закона [244, 554].

В феврале 1906 г. (с созданием Государственной думы) Госсовет был реформирован в верхнюю законодательную палату и, получив право законодательной инициативы (исключая вопросы изменения Основных законов), стал участвовать в законодательной деятельности на равных правах с Государственной думой [201, 515, 562]. В Госсовет поступали на обсуждение законопроекты, рассмотренные в Государственной думе; если же законопроект первоначально обсуждался в Госсовете, то он поступал на рассмотрение в Государственную думу. Госсовет состоял из равного числа назначаемых императором членов и выборных членов. Министры присутствовали на его заседаниях по должности, но голосовать имели право, только являясь членами Госсовет. Члены Государственного совета (за исключением членов от губернских земских собраний) избирались на 9 лет, каждые три года треть его членов обновлялась: на место выбывавших по жребию избирались новые. Члены Госсовета по Высочайшему назначению увольнялись исключительно по их личной просьбе.

Выборы в Госсовет от академической курии [182] (Академии наук и императорских университетов) были двухстепенные: на первой стадии Императорская Академия наук и каждый императорский российский университет избирали по три кандидата (по три выборщика), затем съезд этих выборщиков, собиравшийся в Петербурге, выбирал из своей среды шесть членов Госсовета. Избрание выборщиков происходило на общих собраниях Академии наук и Советов университетов. Надо заметить, что члены Госсовета от Академии наук имели исключительный правовой статус, поскольку пожизненное звание ординарного академика предоставляло определенные гарантии несменяемости в течение созыва Госсовета и, следовательно, максимальной формальной независимости от исполнительной власти при осуществлении депутатских полномочий [19].

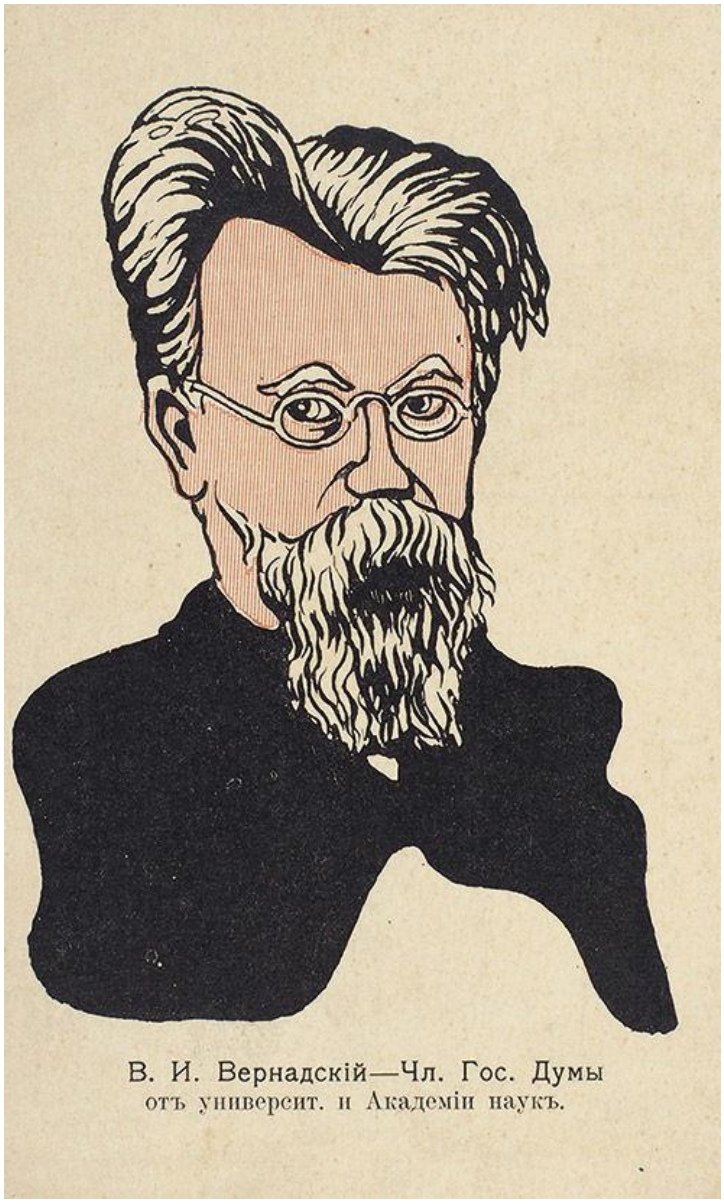
Академическая группа, несмотря на свою малочисленность (примерно 3% от всего состава Госсовета), была одной из наиболее сплоченных и самой активной из всех групп, представленных в Совете в 1906–1917 гг. [19]. В значительной мере это объяснялось тем, что многие депутаты от академической курии были членами конституционно-демократической партии или поддерживали ее политический курс, что способствовало их максимальной сплоченности при голосовании по ключевым законопроектам. Как удачно выразился автор цитируемой выше работы, вклад, который внесла академическая группа в законотворческую работу Госсовета, обратно пропорционален ее численности.

В.И. Вернадский трижды избирался в Госсовет от академической курии (дважды от университетов и один раз от Академии наук): был его членом в 1906 г., в 1907–1911 гг. и в 1915–1917 гг. (избран 25 сентября 1915 г.). Так, он принимал участие в работе 1-й сессии Госсовета с 27 апреля по 10 июля 1906 г., но в связи с роспуском Государственной думы (указом царя от 8 июля 1906 г.) подал официальное заявление об отставке 13 июля 1906. С февраля 1907 г. Вернадский – вновь член Госсовета [202].

---

[182] Отличительная особенность правового статуса члена академической группы Государственного совета – обязательное наличие особого для них ценза, а именно – состояние в должности ординарного академика Императорской Академии наук либо ординарного профессора одного из Императорских российских ун-тов [19].

15 марта 1911 г. Госсовет признал Вернадского выбывшим из его состава, поскольку он в знак солидарности с руководством Московского университета покинул его стены и был министром народного просвещения уволен от должности ординарного профессора указанного учебного заведения. В голосовании по этому вопросу «посредством подачи записок приняло участие 134 лица. За принятие предложения Комиссии <личного состава и внутреннего распорядка> запиской “да” высказались 113 лиц, против предложения Комиссии записками “нет” высказалось 21 лицо» [204, стлб. 1368].

Шарж на почтовой карточке для открытого письма. В. И. Вернадский – член Гос[ударственной] Думы от университ[етов] и Академии наук (курьезная ошибка в подписи – надо: «член Государственного совета»)

Надо сказать, что уже в 1906 г. Вернадский, судя по всему, без особого энтузиазма и даже с беспокойством отнесся к выдвижению своей кандидатуры на выборах в Госсовет. Так, 14 марта 1906 г. он писал сыну Георгию: «Грозит большая опасность попасть в Государственный совет – надеюсь отпарировать <...> тратить время на дело, может быть, бесполезное – не хочу» [357, с. 155]. Позже, уже став членом Госсовета, относился к его деятельности достаточно скептически. В частности, 1 мая 1906 г., Вернадский в журнале «Свобода и культура» опубликовал статью «О Государственном совете», которую начал следующими словами: «Государственный совет, реорганизованный 20 февраля 1906 г. – если его оценивать с точки зрения государственной

целесообразности – несомненно представляет из себя одно из самых неудачных и самых бесцельных созданий бюрократического законодательного творчества последних месяцев» [82, с. 329].

В.И. Вернадский среди избранных членов Государственного совета, 1906 г.

24 мая 1906 г. в «Русских ведомостях» Вернадский отметил, что при создании Государственного совета «преследовались цели государственного характера, цели, связанные с правильной организацией народного представительства. На скорую руку и спешно старый Государственный совет был переделан в учреждение, имевшее наружный облик второй палаты. Но эта переделка делалась в целях политических, а не государственных». Госсовет «лишен права выбирать председателя, товарища председателя и секретаря. Они все назначаются, причем государственный секретарь определяется из посторонних лиц, не являющихся членами Совета», а его состав «таков, что он не может содействовать разрешению главных вопросов государственной жизни России. <…> Общество и народ могут только провести в Совет небольшое количество лиц, защищающих их интересы, но эти лица всегда и неизбежно будут составлять меньшинство Совета, представлять в нем

оппозицию» и «всегда находиться в среде, в значительной своей части им прямо враждебной» [83]. В письме к Я.В. Самойлову 13 августа 1906 он даже написал, что в Государственном совете увидел «людей, нищих духом – а в их руках власть» [571, с. 12].

Тем не менее к своим новым обязанностям Вернадский, по мере своих сил и возможностей, относился достаточно ответственно [183]. На заседаниях Совета и его комиссий он участвовал в обсуждениях и прениях по разным (но, как правило, близким ему) вопросам, например, о расширении средств и личного состава Геологического комитета, о завершении работы над геологической картой Европейской части России, о принятии мер к организации точной топографической съемки страны и создании для этой цели специализированного учреждения; о деятельности русского Дунайского пароходства; финансовом положении российских университетов и оплате труда профессоров; уставе научных учреждений и учебных заведений, создании университета в Крыму и др. Вернадский входил в состав специальной Комиссии по обсуждению законопроекта о смертной казни (1906 г.), Аграрной комиссии (избран в октябре 1909 г.), Экономической комиссии (с февраля 1916 г.), Русского парламентского экономического комитета, входившего в состав межпарламентской постоянной торговой Конференции союзных держав (с марта 1916 г.), различных согласительных комиссий для обсуждения возникших между Государственной думой и Государственным советом разногласий по ряду законопроектов [357, 567].

В 1910 г. завершилась (17 июня) пятая (заседания 14–64) и началась (15 октября) шестая (заседания 1–15) сессии Государственного совета [203, 204].

В официальных документах (согласно «Личному алфавитному указателю к стенографическим отчетам Государственного совета») Вернадский упоминается только один раз в связи с внесением группой членов Совета законопроекта «Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие расходов по участию России в

[183] Выборные члены Госсовета получали во время сессии суточное содержание (по 25 рублей), а также раз в год – путевые издержки (по 5 копеек за версту от места жительства до столицы и обратно). Таким образом, выборный член «второй палаты» в год обходился казне приблизительно в 6,5 тыс. рублей, а вся выборная половина Совета – около 650 тыс. рублей [49]. Известно, что Вернадский, по крайней мере при первом своем избрании в состав Государственного совета, от суточного довольствия отказался.

международной выставке гигиены в Дрездене», отмечается также, что он присутствовал при подсчете записок, поданных при голосовании [415, с. 13]. Так, Вернадский был среди 30-ти членов Совета, подписавших «Пожелание к законопроекту об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие расходов по участию России в международной выставке гигиены в Дрездене»: «В случае согласия Государственного совета на ассигнование 102860 р[ублей] на покрытие расходов по участию России в международной выставке гигиены в Дрездене, нижеподписавшиеся предлагают выразить пожелание, чтобы русский отдел имел на этой выставке особый павильон» [203, стлб. 2373–2374].

Павильон Русского отдела на Международной гигиенической выставке в Дрездене, 1911 г.

12 апреля 1910 г. на заседании Госсовета от лица его 30 членов выступил А.Ф. Кони [184] с предложением, чтобы на предстоящей в

[184] Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – правовед, государственный и общественный деятель, мемуарист, литературный критик, ученый и педагог. Действительный тайный советник (1910). Почетный член (1896) и почетный академик (1900) С.-Петербургской Академии наук. Сенатор (1891) и член Госсовета (1907–1917).

Дрездене гигиенической выставке [185] был устроен особый павильон, в котором были бы выставлены все экспонаты из России [203, стлб. 2362–2366]. Он отметил, что значение этой выставки несомненно. Она должна представить в размерах, которые до сих пор не практиковались, все, что выработано по гигиене и демографии в мире. Законопроект «Об отпуске из государственного казначейства средств на покрытие расходов по участию России в международной выставке гигиены в Дрездене» был принят (голосование производилось вставанием), а на заседании 28 апреля 1910 г. сообщено, что Императорское Величество Высочайше утвердил одобренный Государственным советом этот законопроект [203, стлб. 2381].

Тем не менее из публикуемого ниже дневника Вернадского [186] следует, что, с одной стороны, он принял участие в работе еще нескольких заседаний Государственного совета, с другой – старался следить за событиями, происходящими в нем. Так, 14 февраля 1910 г. он записал в дневнике, что просматривал «бумаги Государственного совета». 18 марта 1910 г., находясь в Петербурге, записал в дневнике: «В Госуд[арственном] Сов[ете] скучнейшая речь Красовского [187] – полная банальностей» [188]. В этот день продолжалось обсуждение доклада особой Комиссии по внесенному из Государственной думы законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения. Этот же вопрос рассматривался и на заседании Государственного совета 19 марта 1910 г. Вернадский записал: «Мануйлов произнес сегодня прекрасную речь [189]. Его поздравляли Дурново и Стишинский! Поляки обиделись на место речи Ман[уйлова]

---

[185] Международная гигиеническая выставка состоялась в Дрездене в 1911 г. (с мая по сентябрь). Русский отдел был размещен в специальном павильоне. Подробнее о выставке см. [52, 529].

[186] См. Приложение 2.

[187] Красовский Михаил Васильевич (1851–1911) – общественный деятель и политик, один из создателей Об-ва славянской взаимности и основателей «Союза 17 октября», член Госсовета по выборам от Черниговского земства; предприниматель.

[188] Очень долгая (больше одного часа) речь М.В. Красовского в Государственном совете 18 марта 1910 была посвящена праву крестьян выходить из общины. См. [203, стлб. 1261–1285].

[189] В своем выступлении Мануйлов высказывался по докладу особой Комиссии по внесенному из Государственной думы законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения. См. [203, стлб. 1364–1155].

о <польских> крестьянах [190]. Шебеко действительно описал в своей речи русского мужика скотиной [191]».

22 марта 1910 г. «опять в Петербурге и пишу во время заседания Г[осударственного] с[овета] – скучнейшей и бесталанной речи Красовского [192]. Удивительное убожество знаний, опыта, ума кругом…» [193].

10 апреля 1910 г. «опять в Петербурге, в Госуд[арственном] сов[ете]. Вызван Гриммом и др. для баллотировки в Финляндск[ую] ком[иссию]. Всякий раз приезд обращает внимание, и сегодня подошел Ершов [194] и спрашивал, для чего вызван. Пишу в перерыве в Г[осударственном] с[овете]. Началось заседание в 2¼ и 3½ перерыв для завтрака: Г[осударственный] с[овет] не очень рьяно работает. Бросаются пить чай и кофе как стадо. В Финл[яндскую] ком[иссию] подали за

---

[190] Мануйлов указал на «процветание польского крестьянства», поскольку «русская государственная власть вырвала польского крестьянина из подчинения польскому помещику и создала относительно благоприятные условия для жизни». В то же время из Польши «каждый год толпы рабочих перекочевывают через русскую границу для поддержания немецкого крупного землевладения». Отсюда следует, что «эта постоянная миграция из Польши на заработок» указывает на то, что «экономическое положение польского народа отнюдь не так уже блестяще, как нам изображают его?» [203, стлб. 1372].

[191] Речь Шебеко на Госсовете 18 марта 1910 была посвящена тому же вопросу. См. [203, стлб. 1305–1324]. Мануйлов о словах Шебеко: «Я признаюсь, что то, что было сказано здесь уважаемым И.А. Шебеко относительно русского крестьянина, мне было обидно слышать: на сквозило ли в этой характеристике признание такой отсталости русского крестьянина, что невольно возникает вопрос, да неужели же этот самый крестьянин переродится, как только он будет сделан личным собственником? Если бы действительно русский крестьянин был бы так безнадежен, как это можно было заключить из слов И.А. Шебеко, то его не спасла бы никакая личная собственность» [203, стлб. 1372].

[192] Речь Красовского в Госсовете 22 марта 1910, как и 18 марта, также касалась права крестьян выходить из общины [203, стлб. 1454–1457].

[193] См. Приложение 2.

[194] Ершов Михаил Дмитриевич (1862 – 1919) – земский, общественный и государственный деятель. Землевладелец Тульской и Калужской губ. Окончил историко-филологический ф-т С.-Петербургского ун-та со степенью кандидата (1884). Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в Министерстве народного просвещения, инспектором народных училищ Владимирской губ., чиновником особых поручений; работал в Тульском и Калужском земствах. Член Госсовета по выборам от Тульского земства (с 1906), Воронежский губернатор (ноябрь 1915 – февраль 1917). В декабре 1918 выехал в Полтаву; умер от сыпного тифа в 1919 в Киеве. Судя по всему, был знаком с Вернадским со студенческих времен.

наши списки голоса часть поляков; затем Стахович введен в список центра. Очень может получить 3 человека из 20!» [195]. В этот день в Государственном совете состоялось избрание членов особой Комиссии для обсуждения законопроекта «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» [196].

№ 132
Членъ Государственнаго Совѣта
Владиміръ Ивановичъ
Вернадскій.
Государственный Секретарь
Подпись предъявителя билета.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 98. Л. 42

Земская деятельность

Впервые Вернадский был избран гласным Моршанского уездного земского собрания (на трехлетие 1892–1895 гг.) 29 июля 1892 г. [171]. В этот же год, 26 октября, Моршанским земским собранием его избрали гласным Тамбовского губернского земского собрания [197] и (на трехлетие 1893–1895 гг.) почетным мировым судьей Моршанского

[195] См. Приложение 2.

[196] См. [203, стлб. 2193–2194, 2210].

[197] Об этом он сообщает жене в письме от 27 октября 1892 г. из Моршанска: «Вчера выбрали в губернские гласные (20 белых и 8 черных)» [136, с. 283].

уезда [198]. С этого времени (с перерывом с 1907 по 1909 гг.) Вернадский (по 1912 г.) достаточно активно включился в эту новую для себя деятельность, регулярно избирался в уездные и губернские гласные, почетным мировым судьей, был членом уездных земских докладной, ревизионной и сметной комиссий, уездной сельскохозяйственной комиссии, секретарем уездных земских собраний, участником различных земских съездов [199]. С этой точки зрения для Вернадского не являлся исключением и 1910 год.

Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» [410], земские учреждения разделялись на уездные и губернские, состояли из уездных и губернских земских собраний, уездных и губернских земских управ. Уездное земское собрание составлялось из земских гласных [200], избираемых уездными избирательными собраниями и волостными сходами, а губернское земское собрание – из гласных, избираемых уездными земскими собраниями из числа гласных этих собраний. Гласные избирались на три года (их численность была установлена для каждого собрания). В состав уездного земского собрания кроме избранных гласных входили также представители ведомства государственных имуществ и удельного (по одному от каждого), назначаемые начальником местного управления земледелия и государственных имуществ и соответствующим министром, если в уезде имелись казенные или удельные земли; депутат от духовного ведомства, если епархиальное начальство признает полезным его назначение; городской голова главного города уезда; председатель и члены уездной

---

[198] Письмо Вернадскому от Моршанской уездной земской управы за № 4558 от 22 декабря 1892 г. (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 195. Л. 1). Безусловно, в том, что Вернадского выбрали уездным гласным и почетным мировым судьей важную роль сыграла его деятельность в 1891–1892 гг., когда он принимал активное участие в организации помощи голодающим крестьянам Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии. См. [304].

[199] Надо заметить, что земская деятельность Вернадского вполне заслуживает специального монографического исследования, тем более что сохранилось немало архивных материалов (в Архиве РАН и Государственном архиве Тамбовской области) и имеется заметное количество опубликованных документов. Не исключено также, что следует ставить вопрос об исследовании не только земской, но и иной (научной, хозяйственно-организационной, просветительской, благотворительной) его деятельности, связанной с Вернадовкой, Моршанским уездом и Тамбовской губернией в целом. Дело за энтузиастами.

[200] Гласный – выборный член (депутат) земского собрания с решающим голосом.

управы, хотя бы они и не состояли гласными. Кроме того, в заседании земского собрания участвовали инспектор сельского хозяйства по приглашению председателя собрания и – при обсуждении собранием плана действий по выдаче ссуд на сельскохозяйственные улучшения – представитель главного управления землеустройства и земледелия по назначению главного управляющего землеустройством и земледелием.

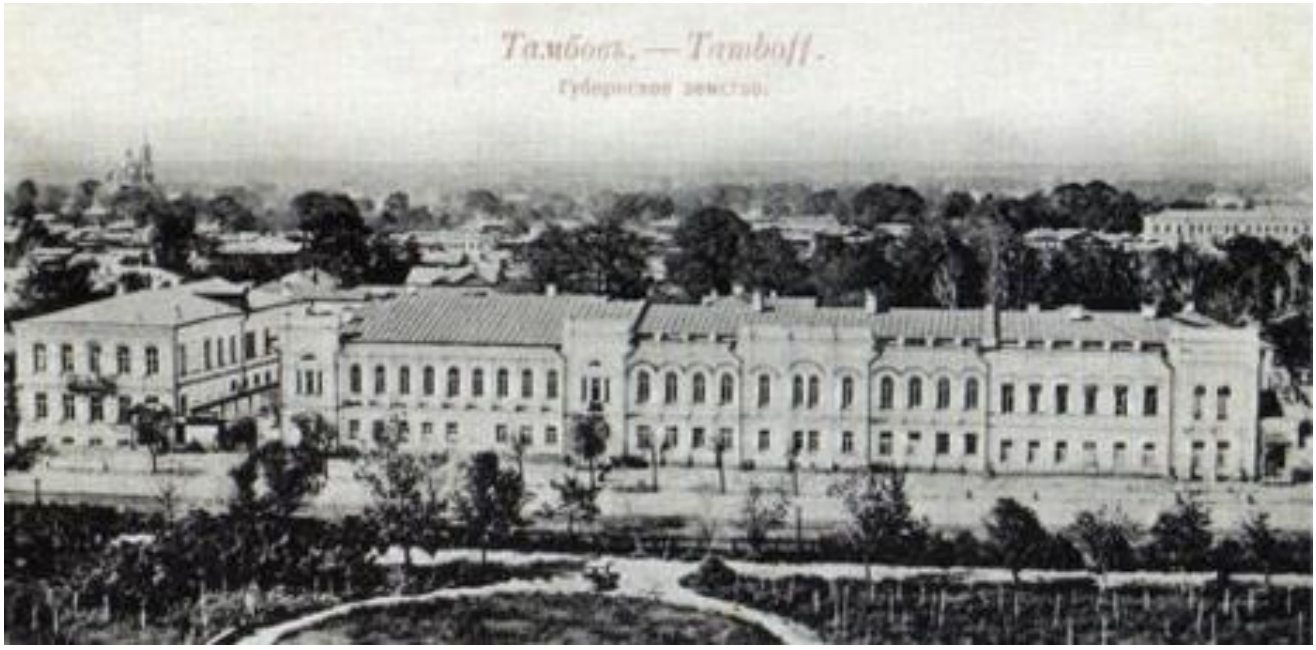
Губернское земское собрание составлялось из гласных, избираемых уездными земскими собраниями, местными городскими думами и, кроме того, из всех уездных представителей дворянства, местных управляющих государственным имуществом и удельным управлением, депутатов от духовного ведомства, а также председателя и членов губернской земской управы, хотя бы они и не состояли губернскими гласными, и некоторые другие губернские чиновники. Губернские и уездные гласные при вступлении в исполнение своих обязанностей приносили присягу. Обязанности гласного исполнялись безвозмездно. Никто из гласных без уважительных причин не мог уклоняться от присутствия на земских собраниях. О причине неявки в собрание гласный обязан известить письменно председателя.

Губернские и уездные земские учреждения ведали дела «о местных пользах и нуждах губерний и уездов». К предметам ведомств земских учреждений принадлежали: 1) заведование местными губернскими и уездными земскими повинностями (денежными и натуральными); 2) заведование капиталами и другими имуществами земства; 3) заведование делами по обеспечению народного продовольствия, попечение об устранении недостатка продовольственных средств и оказание пособий нуждающемуся населению разрешенными законом способами; 4) содержание в исправности состоящих в ведении земства дорог, дорожных сооружений и бечевников [201]; устройство и содержание пристаней вне городских поселений и попечение об улучшении местных путей сообщения; 5) устройство и содержание земской почты; 6) заведование взаимным земским страхованием имуществ; 7) заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями; попечение о призрении бедных, неизлечимых больных и умалишенных, а также сирых и увечных; 8) участие в мероприятиях по охранению народного здравия и предупреждению и пресечению падежей скота, развитие средств врачебной помощи населению и изыскание способов

[201] Сухопутная дорога вдоль берега водного пути.

по обеспечению местности в санитарном отношении; 9) заботы по предупреждению и тушению пожаров и попечение о лучшем устройстве селений; 10) попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведовании содержимыми на счет земства школами и другими учебными заведениями; 11) воспособление зависящими от земства способами местному земледелию, торговле и промышленности; заботы об охранении полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и животными; 12) удовлетворение возложенных в установленном порядке на земство потребностей воинского и гражданского управлений; 13) дела, предоставленные ведению земских учреждений на основании особых законоположений и уставов.

Очередные земские собрания созывались один раз в год: губернские – не позднее декабря, а уездные – не позднее октября.

Тамбов. Губернское земство. Старая фотография

В июле 1910 г. Вернадский участвовал в первом избирательном собрании гласных Моршанского уездного земского собрания и был вновь избран в гласные на 1910–1912 гг. (получил «за» 16 голосов плюс один свой и «против» – 3 голоса) [171].

В списке гласных Моршанского уездного собрания 1910–1912 гг. формально значились [171]: 21 гласный от первого избирательного собрания (оно включало потомственных и личных дворян, проводилось под председательством уездного предводителя дворянства); 3 гласных

от второго избирательного собрания (проводилось под председательством городского головы и включало прочих лиц, имеющих право участвовать в земских выборах, а также представителей благотворительных, учебных учреждений, торговых и промышленных обществ, товариществ и компаний); 10 гласных от крестьянских обществ; представитель от г. Моршанска (городской голова); 2 представителя ведомств (от Управления земледелия и государственных имуществ и от духовного ведомства); 4 представителя земской управы (председатель и 3 члена управы). Всего 41 человек.

Моршанск. Общий вид. Старая фотография

Моршанское уездное земское собрание 36-й очередной сессии, участником которого был Вернадский, состоялось в октябре 1910 г [353]**.** Первое заседание открылось 10 октября в час дня при наличности 28 гласных и продолжалось до 17:00. Председатель Собрания – уездный предводитель дворянства граф К.А. Бенкендорф, секретарем избран Э.П. Струве. «М.А. Хрущев предложил собранию почтить вставанием память скончавшегося на днях председателя 1-ой Государственной думы С.А. Муромцева – одного из лучших представителей

русской интеллигенции». По этому вопросу были разногласия, но в результате открытой баллотировки большинство гласных высказалось за желательность почтить память Муромцева вставанием. Затем состоялось избрание Докладной комиссии – 12 человек. По предложению Председателя Собрание дополнительно избрало в состав Докладной комиссии вновь прибывших в заседание гласных В.И. Вернадского и А.Н. Грузинова.

В письме жене от 11 октября 1910 г. из Моршанска Вернадский сообщал: «… вчера приехал – попал почти к началу собрания, доехал благополучно. Собрание интересное. Вечером в докладной комиссии являюсь докладчиком по народному образованию и сегодня борьба будет, так как комиссия предлагает отказать епархиальному ведомству в расширении значения его школ в сети. Вырабатывается новая организация школьного дела. Перед нашим приездом (я ехал с Грузиновым – он сейчас *либерал*) в собрании был инцидент: один из гласных (Хрущов) предложил почтить вставанием память Муромцева [202]. Один из

[202] Из воспоминаний А.А. Кизеветтера: «В начале октября скоропостижно скончался председатель первой Государственной думы Муромцев. 7 октября состоялись в Москве его похороны. Москва всколыхнулась. М.М. Ковалевский говорил, что с грандиозностью этих похорон могли сравниться разве только похороны Тьера в Париже. Панихиды на дому были так многолюдны, что нечего было и думать впустить в квартиру всех приходящих, и каждая панихида повторялась затем под открытым небом, на обширном дворе дома. Лес венков и громадная толпа окружили дом перед выносом тела. и. когда мы шли в похоронной процессии к университетской церкви, толпа все росла. Дошли до Театральной площади и увидели, что она запружена новой громадной толпой. После отпевания процессия двинулась к Донскому монастырю, где совершалось погребение. Уже сгустились вечерние тени, когда у могилы начались речи. При свете факелов говорились эти речи, перед толпой, наполнившей обширную еще пустую тогда поляну вновь разбитого кладбища. Говорили Мануйлов, как ректор университета. Кокошкин, Родичев, Милюков, я, Щепкин – как товарищи Муромцева по партии, говорили представители учащейся молодежи и адвокатуры. Полицеймейстер ужасно волновался п нервничал, прерывал речи и нарушал торжественную чинность общего настроения. Распоряжался похоронами А.Р. Леднницкий, и много забот выпало в этот день на его долю. 15 октября фракция народной свободы предложила Думе почтить память председателя первой Думы вставанием. Все фракции готовы были принять это предложение. Но правые запротестовали. Председательствовал в этом заседании товарищ председателя кн. Волконский, принадлежавший к правому крылу. Вообще он отправлял свои обязанности вполне беспристрастно, но тут отказался предложить Думе почтить память Муромцева, ссылаясь на возникшее разногласие [290, с. 348–349]. Из дневника А.Н.

гласных (Мансуров!) протестовал, но большинство собрания встало [203]. <…> Любопытно, как несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80–90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро больше 300!» [146, с. 45–46].

Заседание 11 октября 1910 г. (при наличие 33 гласных) началось в 10 утра. На этом заседании Вернадский огласил мнение Докладной комиссии по поводу доклада Управы об организации заведования земско-школьным делом в Моршанском уезде, которое Собранием согласуется. Затем председателем Управы был прочитан доклад о результатах произведенного по поручению Собрания обследования церковно-приходских школ, не внесенных в школьную сеть. Вернадский доложил Собранию мнение Докладной комиссии, предложившей согласовать по этому докладу предложения Управы. Кроме того, председатель Управы сообщил о ходатайстве Епархиального отделения об изменениях в школьной сети и о принятии в эту сеть некоторых церковно-приходских школ. Докладная комиссия, от имени которой выступил Вернадский, высказалась за отклонение данного ходатайства Епархиального отделения. Вернадский, в частности, сообщил, что «земство только что приняло в свою сеть 19 церковно-школьных комплектов. Этим фактом Земское собрание доказывает, что нисколько не желает умалить значение церковной школы в деле развития обучения. Докладная комиссия, отклоняя предложение Епархиального начальства, исходила из тех соображений, что в ходатайстве последнего изложены только предположения, нет конкретных данных; школы не

Савина: «Вторник, 12 октября. Что сказать о похоронах Муромцева, что были в четверг? Было много порядку и много народу. Но народ, в условном смысле, ибо простого народу было мало, не шел за гробом, а больше смотрел на шествие; собравшаяся же во множестве учащаяся молодежь по преимуществу образовывала цепи. Порядку было столько, что в церковь пускали с очень строгим выбором и ее не заполнили. Из неуниверситетских властей не явился никто. Не явился даже никто из думских и земских октябристов. Люди, упрекающие кадетов в партийности, проявили в полном блеске свою способность подняться над партиями. Я не ходил на кладбище. Хотя все обошлось по-хорошему, Курлов специально приехал из СПБ разыскивать похоронные беззакония. И нашел. На похоронах были гимназисты, которым полагалось сидеть на уроке. Составить список и расследовать причины. Редактору “Русского Слова” за какой-то пустяк по поводу похорон велели на три месяца сесть в тюрьму. Подъему на похоронах не было. Тишь и гладь» [435, с. 121].

[203] Политические взгляды Муромцева разделялись далеко не всеми.

функционируют. Между тем школьная сеть требует весьма осторожного с нею обращения и заполнять эту сеть можно только вполне оборудованными школами, удовлетворяющими требованиям земства». Выслушав прения по этому вопросу, Собрание постановило, что эти пять церковно-приходских школ могут быть приняты в земскую школьную сеть при условии, если они будут вполне удовлетворять требованиям, предъявляемым к земским школам, и выстроены в срок, согласно финансовому плану, и что о включении таковых школ в сеть Епархиальное начальство должно входить в Собрание с особым ходатайством. Обсуждался также доклад Управы по вопросу о дополнительном ассигновании Министерством народного просвещения пособия на открытие новых школ и новых комплектов. Вернадский сообщил Собранию, что Докладная комиссия постановила доклад этот согласовать. В свою очередь, Собрание постановило предложение Управы по этому докладу и мнение Докладной комиссии согласовать.

Надо добавить, что в этот же день, 11 октября (с 12:00 по 13:00) состоялось объединенное заседание Моршанского уездного земского собрания и Моршанской городской думы, в работе которого приняло участие 42 гласных, среди которых, судя по всему, был и Вернадский.

На заседании 12 октября 1910 г. в присутствии 33 гласных слушалось мнение Докладной комиссии по докладу Ревизионной комиссии. Его зачитал – по пунктам и с разъяснениями – гласный Вернадский. Относительно мнения Докладной комиссии о переводе лошадей больничных ставок на ставки общего пользования он объяснил, что – при таком переводе лошадей – плата за лошадей действительно не уменьшится, но расходы вообще на разъезды безусловно сократятся, так как те лошади, которые раньше на несколько дней стояли на больничных ставках, теперь будут всегда в разгоне, вследствие чего сократятся расходы по найму лошадей, за разгоном таковых со станций. Собрание постановило согласовать мнение Докладной комиссии по настоящему вопросу. Затем Вернадский сообщил, что ряд предложений Ревизионной комиссии Докладной комиссией не анализировались ввиду того, что по затронутым в пунктах вопросах имеется доклад Управы, который Комиссией еще не рассматривался.

Вернадский также зачитал мнение Докладной комиссии по предложению Ревизионной комиссии относительно утверждения отчета Управы за 1909 г. и заявил, что он не согласен с тем, что Управою был сделан перерасход по школьному строительству. По его мнению, это не был перерасход, а просто Управа, вследствие установления с

введением всеобщего обучения новых оснований постройки школ, принуждена была, исполняя эти условия, произвести расход больший, чем предназначенный на это. Во избежание на будущее время повторения подобных случаев он предложил поручить Управе по каждой отдельной школе, предполагаемой к постройке, представлять Земскому собранию план и смету. От ряда гласных поступили возражения. Вернадский обратил внимание на то, что в настоящее время с отпуском пособия от казны на содержание учительского персонала, все остатки, образующиеся от такого пособия, должны употребляться на строительные нужды. Вследствие этого необходимо установить известный порядок расходования этих остатков.

После состоявшихся прений по этому вопросу Собрание постановило:

1. Мнение Докладной комиссии согласовать и отчет Управы за 1909 год утвердить.

2. Поручить Управе в каждом отдельном случае постройки школ представлять план и смету на каждую школу в отдельности.

3. Поручить Управе представлять сметы на потребные расходы из остатков от получаемого из казны пособия на введение всеобщего обучения.

В этот же день состоялись выборы почетных мировых судей и губернских гласных. Судя по тексту журнала заседания, Вернадский в обоих случаях от баллотировки отказался.

12 октября 1910 г. из Моршанска он писал жене: «… только что вернулся из Вернадовки, пообедаю и иду в комиссию. Я обещал быть и сегодня любопытный доклад – об организации на новых началах агрономической помощи населению. В губернские гласные я не пошел, но должно быть прошел бы очень хорошо – настроение собрания очень хорошее. На мое место выбрали Долгорукого (из Земятчено [204]). Уверяет его двоюродный брат, что Долгорукий прогрессист, близок к мирному обновлению. Его папаша близок к черной сотне или что-то вроде, любопытна эволюция молодых. Вчера в комиссии была очень любопытная попытка организации кустарей-сапожников – были и сапожники. Как всегда в уездном собрании чувствую конкретную пользу своего присутствия» [146, с. 46].

[204] Земетчино – ныне поселок в Пензенской области, административный центр Земетчинского района. В то время – в составе Тамбовской губернии.

На заседание 13 октября 1910 г. в присутствии 29 гласных председатель Управы читал доклад об избрании представителя на Общеземский съезд по народному образованию в Москве. По подсчетам записок оказалось, что С.И. Попов (только что избранный председателем Управы) получил 12, Вернадский 7, граф К.А. Бенкендорф 8 голосов. Собрание постановило баллотировку отложить до завтра, когда предполагается присутствие гласного Вернадского.

Моршанск, Тамбовская улица, старая фотография [205]

Заседание 14 октября 1910 г. открылось в 10:30 утра. По предложению Вернадского Собрание постановило поручить Управе навести справки в Министерстве путей сообщения о том, будет ли проведена железнодорожная ветка от села Пичаево до станции Вернадовка и в случае получения отрицательного ответа поставить в первую очередь оборудование за счет губернского дорожного капитала подъездной

[205] Улица Тамбовская была переименована в Интернациональную постановлением Моршанского городского совета рабочих и красноармейских депутатов 9 мая 1919. В начале XX в. на углу улиц Тамбовской (ныне Интернациональной) и Почтовой (ныне Пушкина) располагалась Моршанская уездная земская управа, где проходили заседания уездного земского собрания. В настоящее время в здании размещаются магазины и коммерческие организации, но на его фасаде установлена мемориальная доска, свидетельствующая, что «с 1892 по 1906 и с 1910 по 1912 годы» в качестве земского гласного участвовал в собраниях В.И. Вернадский.

путь к станции Вернадовка. Был также заслушан доклад Управы «Мнения и предложения Моршанской земской управы по докладу Тамбовской губернской земской управы “О нормальной сети агрономических участков в Тамбовской губернии”». Доклад был заблаговременно разослан гласным, состоялось его обсуждение. По 8 пункту предложений Управы («ассигновать 1560 рублей на сводку материалов, накопившихся за последние 5 лет деятельности Моршанского опытного поля, и для напечатания сводного отчета за последние 5 лет этой деятельности в связи с результатами опытного поля за предшествовавшие годы») возникли прения. Например, Чолокаев заявил, что губернское земство может не согласиться на ассигнование средств на печатание материалов по опытному делу. Вернадский предложил расход в 600 рублей на печатание принять на уездный счет, с мнением которого Собрание согласилось.

Собрание также постановило согласовать следующие предложения Докладной комиссии: 1) ходатайствовать перед Губернским земским собранием об организации сети опытных полей в губернии; 2) включить участковых агрономов в число полноправных членов сельскохозяйственной комиссии при Уездной земской управе, 3) выразить пожелание, чтобы один из участковых агрономов Моршанского уезда, по выбору Уездной сельскохозяйственной комиссии, принимал участие в губернской сельскохозяйственной комиссии.

Относительно предложения Губернской управы, где говорится о том, что Уездная управа созывает периодически совещания всех участковых агрономов, гласный Вернадский предложил высказаться Собранию в том смысле, что Сельскохозяйственная комиссии может всегда выделять из своей среды особые подкомиссии, а поэтому в созыве совещаний надобности не представляется. Предложение Вернадского Собрание согласует. Затем по предложению Вернадского Собрание постановило выразить пожелание, чтобы вновь замещаемые должности участкового агронома замещались лицами с высшим сельскохозяйственным образованием и лишь в случае невозможности найти подходящих лиц с высшим сельскохозяйственным образованием назначать лиц со средним сельскохозяйственным образованием.

На утреннем заседании 15 октября 1910 г., на котором присутствовало 26 гласных, Вернадский отсутствовал, его имя «в журналах» не упоминается. На вечернем заседание 15 октября 1910 г. Вернадский также отсутствовал, но председатель собрания огласил результаты выбора представителя на Общеземский съезд по народному образованию, произведенного записками: С.И. Попов [206] получил 12 записок, граф К.А. Бенкендорф 8 и В.И. Вернадский 7 записок. Попов отказался от баллотировки от своего имени и от имени Вернадского. Собрание просило баллотироваться Бенкендорфа, который согласился.

Вернадский многое сделал для развития народного образования соседнего с Вернадовкой с. Подъем. Еще 17 мая 1893 г. крестьяне этого села от имени 80 домохозяев избрали попечителем местного земского училища «местного землевладельца дворянина Владимира Ивановича Вернадского», свой «приговор» они направили в Моршанский уездный училищный совет для утверждения [207]. В Архиве РАН сохранились материала, отражающие его переписку (с 1893 по 1910 гг.) как с попечителя Поъемского земского училища [208].

---

[206] Попов Сергей Исидорович – сын известного в Моршанске купца первой гильдии, одно время бывшего городским головой и директором банка, Исидора Петровича Попова; врач по образованию, земский деятель, долгое время (до 1906 г.) председатель Моршанской уездной земской управы, затем земский гласный, потомственный почетный гражданин, близкий знакомый В.И. Вернадского (с начала 1890-х), в доме которого он не раз бывал, его имя не раз упоминается в письмах Вернадского к жене («обедал и завтракал» у С.И. Попова). В архиве Вернадского отложились его 12 писем за период 1898–1928.

[207] АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 196. Л. 1.

[208] АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 196. Л. 1–12.

12 ноября 1910 г. управляющий Харьковским учебным округом[209] написал Вернадскому: «Милостивый государь Владимир Иванович! Директор народных училищ Тамбовской губернии донес мне, что в 1910 г. Вы пожертвовали на нужды Подъемского земского училища 133 руб. Вследствие сего долгом считаю выразить Вам искреннюю мою благодарность за таковое Ваше внимание к нуждам названного училища» [482, с. 109].

В.И. Вернадский среди крестьян Вернадовки, около 1910 г.

Конституционно-демократическая партия

В.И. Вернадский – один из организаторов конституционно-демократической партии (партии народной свободы), членом Центрального

[209] В 1908–1915 им был Павел Эмильевич (Емельянович) Соколовский (1860–1934), правовед, профессор, доктор римского права; в 1919 эмигрировал в Латвию.

комитета [210] которой состоял вплоть до 1918 г., входил в состав бюро ЦК, даже однажды временно исполнял обязанности председателя и товарища (заместителя) председателя ЦК партии, входил в состав некоторых комиссий, действовавших при ЦК (по украинскому вопросу, по литовскому вопросу, для организации избирательной кампании в Государственную думу, по национальным вопросам и др., в 1917 г. был членом литературно-издательской комиссии) [567] [211]. Тем не менее он не считал себя политиком. Так, в конце своей жизни Вернадский писал: «Я не был политиком. Первое место в моей жизни занимало и занимает научное искание, научная работа, свободная научная мысль и творческое искание правды личностью. Она шла при этом в своеобразной общественной моральной оболочке, наложившей неизгладимый след на всю мою жизнь – в тесном дружеском кружке “братства”» [144 с. 370]. Действительно, Вернадский не раз подчеркивал, что во многом его участие в кадетской партии, в Госсовете, во Временном правительстве [212] во многом было следствием упомянутой «моральной оболочки» – его друзья и близкие ему люди звали его в партию, звали его во Временное правительство – он не мог отказать им и активно включался в работу, особенно если она способствовала «максимальной свободе мысли», была связана с научно-организационной деятельностью, с реформой высшего образования и т. п. [213]

Следует отметить, что в силу своей преподавательской и научно-организаторской занятости Вернадский не очень часто участвовал в заседаниях ЦК и в других организационных мероприятиях партии, особенно в период с 1905 по 1911 гг. [373]. В частности, 23 мая 1910 г. он пропустил (находился в это время в Вернадовке) совещание

---

[210] Центральный комитет партии (ЦК) состоял из двух отделений: Петербургского и Московского.

[211] Учредительный съезд конституционно-демократической партии проходил с 12 по 18 октября 1905 г. Подробнее о конституционно-демократической партии и деятельности Вернадского в ней см. [25, 176, 373, 550].

[212] См. [571].

[213] В 1942 Вернадский записал в дневнике: «Свобода мысли – основа всего. Стал кадетом, т[ак] к[ак], с одной стороны, – незаметно, жизненно через Братство, «Союз освобождения», земская дружеская среда. Из этих корней выросла моя партийность к[онституционно]-д[емократическая] – незаметно бытовым путем. Но сознательно – это из больших социально-политических течений <была> единственная партия, которая стояла за максимальную свободу мысли» [148, с. 291].

парламентской фракции конституционно-демократической партии с представителями местных групп партии, в котором приняли участие члены парламентской фракции, члены ЦК партии и 38 представителей 21 местной группы (из 19 губерний), всего около 80 человек [481].

Согласно [419], в 1910 г. состоялось 8 заседаний ЦК конституционно-демократической партии (5 апреля, 9 и 16 мая, 5, 8 и 20 октября, 6 ноября и 5 декабря), но Вернадский в них не участвовал (по крайней мере, он не указан в опубликованных протоколах заседаний), но, безусловно, был в курсе рассматриваемых и обсуждаемых там вопросов, о чем свидетельствуют его записи в дневнике и письма того времени.

В частности, 5 апреля обсуждался вопрос о программе весенней конференции (намеченной на 23 мая) партии, в ходе которого было решено выделить финляндский вопрос в особый пункт ее программы, 9 мая речь также шла о подготовке партийной конференции, 16 мая П.Н. Милюков изложил проект доклада предстоящей конференции, включающий пять основных тезисов, которые должны лечь в основу доклада конференции. Сущность первого тезиса такова: из трех возможностей, которые выяснены были в докладе предыдущей конференции, в начале сессии, а именно – сдвиг октябристов и Думы вправо, раскол во фракции октябристов и состояние status-quo, т. е. состояние качающегося маятника – ни одна не получила своего окончательного осуществления, но перевес все же на стороне сдвига вправо большинства Думы. Второй тезис: думское большинство сделало своим лозунгом «деловую работу в Думе» и, ссылаясь на это, своей уклончивой тактикой отклоняло все предложения оппозиции, имевшие целью решить в первую очередь широкие общеполитические вопросы русской жизни, приходилось улучшать по возможности предлагаемые большинством законопроекты внесением в них ряда поправок. Тезис третий: политическое положение обострилось к концу сессии, особенно после замены Хомякова Гучковым; кандидатура Гучкова, носившая вначале вывеску конституционности, в действительности получила смысл возобновления несколько пошатнувшегося Союза октябристов с кабинетом П.А. Столыпина. Ввиду такой двусмысленности кандидатуры Гучкова, фракция к.-д. уклонилась от участия в выборах. Четвертое: новое сближение октябристов с правительством выразилось в усилении готовности Думы проводить националистическую политику Кабинета правительства (Кабинета Столыпина). Пятое: итог сессии выразился в дальнейшем ослаблении морального авторитета Думы и внутри страны, и во мнении общественного мнения Европы, в ослаблении влияния

Столыпина и в усилении в массах революционных настроений и тенденций. Выводом из всего этого для фракции к.-д. является необходимость оставаться на прежних позициях.

5 октября обсуждались вопросы, имеющие отношение к кончине С.А. Муромцева и увековечению его памяти. 8 октября рассматривались текущие вопросы деятельности кадетской партии. 20 октября был заслушан отчет о деятельности Московского отделения ЦК партии кадетов за время с 18 октября 1909 г. по 8 октября 1910 г.

6 ноября решались различные организационные вопросы. По вопросу о созыве очередной осенней конференции с участием провинциальных членов партии было сообщено, что Московское отделение ЦК не признало в настоящее время настоятельным созыв конференции; в настоящем заседании вопрос по существу не обсуждался, но никто не высказался за созыв конференции. Затем до членов ЦК было доведена информация о том, что в Московском отделении ЦК подвергнут обсуждению вопрос о необходимости обратить особенное внимание на практические последствия проведения в жизнь закона 9 ноября 1906 г. [214] и последних землеустроительных законов, так как в народной жизни совершаются крупные перемены и так как программа партии по земельному вопросу, по мнению некоторых членов Московского отделения, при настоящем соотношении сил, делается все менее осуществимой и приемлемой в Государственной думе, то представляется необходимым следить за совершающимся процессом с целью активного вмешательства в него. В связи с этим стоят и доходящие до Московского Отделения заявления партийных провинциальных работников, состоящих на земской службе в роли агрономов и т. п., – о том, как согласовать им свою работу по землеустройству с программными требованиями. Эти заявления дают Московскому отделению повод поставить вопрос о пределах и формах участия членов партии в землеустроительных работах и устроений хуторских хозяйств, – конечно, не как вопрос изменения программы партии, а как чисто тактический вопрос. Предложено этому вопросу посвятить особое время. Рассматривался также вопрос о деятельности Крестьянского банка. В частности, А.И. Шингарев указал на то, что отрицательные стороны деятельности

[214] 9 ноября 1906 издан один из главных законодательных актов аграрной реформы П.А. Столыпина – Именной Высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

Крестьянского банка слишком общеизвестны и лишение его полномочий на самостоятельные земельные операции могло бы быть достаточно мотивировано; но в связи с предстоящей выборной кампанией вопрос осложняется тем соображением, что отказ кадетов использован был бы против них и черною, и красною демагогией: сказали бы, что кадеты противятся естественному процессу перехода земли в руки крестьянской массы. Во всяком случае, считает Шингарев, если бы решено было голосовать против продления полномочий Банку, надо было бы серьезно мотивировать такое решение – и отсутствием правильной отчетности, и ничтожной деятельностью Крестьянского банка, и вмешательством в операции банка «политики». Обращаясь к возможным принципиальным возражениям о задержке стихийного процесса перехода земель в крестьянские руки, мы видим, продолжает Шингарев, что трудность положения заключается в следующем: фонд государственных земель, после принятия закона 9 ноября, исчезает; тает и запас частноземлевладельческих земель. Сами крестьяне разбились на разные группы, с разными интересами, вообще идет крупная перетасовка всех жизненных отношений, в которой, подчеркивает Шингарев, мы еще не разбираемся, а официальные данные – лживы. Все это вторгается и в земельную программу партии. С одними отрицательными решениями выступать невозможно, нужно что-нибудь и положительное, а между тем практические формулы в этом деле ускользают у нас из рук. Вопрос, возбужденный Шингаревым, вызвал оживленный обмен мнений, после которых он заявил, что не все его сомнения рассеяны. В пролетаризации крестьянства можно винить закон 9 ноября 1906 г., но деятельность Крестьянского банка вряд ли может оказывать такое влияние. Надо резко протестовать против насильственного разрушения общины, но против помощи хуторянам мы так протестовать не можем. [215]

На заседании ЦК 5 декабря И.И. Петрункевич предложил ознакомиться с данными, полученными с мест от партийных комитетов и отдельных членов партии относительно господствующих настроений в провинции, о местных общественных организациях и органах печати, а также о возможных шансах партии ввиду приближающихся выборов в IV Государственную думу. П.Д. Долгоруков сообщил, что Московским отделением ЦК разосланы были на места вопросные пункты, на

[215] См. также запись Вернадского в дневнике от 5 июня 1910 г. и примечания к ней. – Приложение 2.

которые теперь получено более 30 ответов из главных мест страны. В ходе дискуссий возникло разногласие в оценке отношения духовенства к вопросу об автономии церковно-приходской школы: одни утверждали, что церковно-приходской школой из политических видов интересуется только высшая духовная иерархия, низшее же духовенство считает ее обузой; другие полагали, что духовенство серьезно обижено стремлением оппозиции освободить народную школу от опеки духовенства, и это одно вырывает пропасть между ним и оппозицией.

Если ориентироваться на дневник Вернадского за 1910 г., то в указанном году состоялось несколько заседаний Московского отделения ЦК партии кадетов, которые не указаны в [419], но в которых Вернадский принимал участие. К этом надо добавить, что Н.Е. Вернадская в 1905–1907 «официально» была техническим секретарем Московского отделения ЦК конституционно-демократической партии и, судя по всему, в последующие годы продолжала поддерживать с ним связи, о чем есть упоминание в дневнике Вернадского [216].

Так, 31 января 1910 г. Вернадский записал в дневнике: «Вечером был ЦК. Опять обсуждался вопрос о Финляндии. Очень трудно вырешить вопрос. Ф.Ф.<Кокошкин> прочел тезисы. Нельзя этот вопрос обойти. Но рознь между финским и русским обществом удивительная – больше чем польским, как верно указал сегодня Котляревский. Сегодня в “Речи” в финляндских письмах правильно указано мнение Финляндии о новом сенаторе, не знающем по-фински и по-шведски и даже по-немецки, ближе знакомом языке в финляндск[ом] обществе. Мне кажется В С[анкт-]П[етер]б[урге] финский вопрос более чувствуется. У Ф.Ф. <Кокошкина> есть государств[енная] осторожность в разрешении. Муромцев допускал возможность еще большего разъединения государств в будущем (нейтрализацию Финляндии). Ледницкий, приехавший даже из С[анкт-]П[етер]б[урга], поднял вопрос о неославизме, который хотят поставить в ЦК в Петербурге. Статья “Речи” инспирирована и просмотрена Ив. Ил. <Петрункевичем> (написана Милюковым). Решено, по моему предл[ожению], отложить».

Из записи Вернадского в дневнике от 4 февраля 1910 г. узнаем, что находясь 2 февраля в С.-Петербурге, он участвовал (днем) в заседании ЦК. «Пленарное заседание. Из Москвы приехали я и Кокошкин. Давно не был и многих видел после многомесячного отсутствия. Заседание

[216] См. Приложение 2.

посвящено финлянд[скому] вопросу – был Петрункевич. Решили не оглашать. Но полное согласие не достигнуто. Милюкову, Родичеву – московские тезисы кажутся слишком неудобными, т[ак] к[ак] есть implicito [217] признания ненормальности отношений между Финл[яндией] и Россией помимо политик стремлений тревоги [218]. Милюков пытался свести к признанию status quo [219] и не дальше – даже не подымать и для будущего обратно крайнее – Гредескул, Колюб[акин], Шингарев. Еще раз попытаемся найти почву. Кокошкин ясно высказал свою мысль – не для истории сейчас необходимость вхождения Финл[яндии] в русский парламент. Сейчас об этом он и не решается говорить. Вечером продолжение рассмотрения финл[яндского] вопроса и затем обсуждение славянского – спор мой с Милюк[овым]. Много у него личного с Макл[аковым]. Но Милюков глубже понимает слав[янский] вопрос, чем другие. Частию с ним я согласен, но он должен взять не только отриц[ательный] тон. Люб[опытно] положение в этом вопросе евреев – Винавера. Для него это совершенно чуждый вопрос, каким он несомненно не является для русских».

Запись от 21 февраля: «Днем Ц. К. Очень интер[есный] доклад Котляр[евского] о Дальнем Востоке. Он, однако, едва ли даст правильный вывод из правильной картины: боится определенно идти против сближения с Яп[онией], а хочет, чтобы указывалось, что это сближ[ение] не агрессивное. Ясно, что надо вести пропаганду идеи сближения с Китаем и САСШ [220]. По моему предл[ожению] поставлен вопрос о поездке летом на Д[альний] В[осток] видных членов фракции – Мил[юков] отговаривается отсутствием денег. Должна фракция выставить эти идеи. М[илюков] указывает на необходимость обратить внимание на <нрзб> на совещаниях промышл[енников]. По словам Котл[яревского], последнее совещание промышленников очень интересно было с точки зрения принятия ими всех принц[ипов] полит[ических] своб[од]».

Здесь надо отметить, что в 1910 г. в Российской империи особенно обострился так называемый «финляндский вопрос» – проблема

---

[217] implicito – косвенным образом (с лат.).

[218] Так у Вернадского.

[219] status quo (статус-кво) – существующее на определенный момент фактическое или правовое положение (с лат.).

[220] САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты, название, нередко употреблявшееся в русском языке для обозначения Соединенных Штатов Америки (США) до середины XX в.

статуса Великого княжества Финляндского [221]. Не вдаваясь в детали [222], отметим, что политика царского правительства была направлена на ликвидацию финляндской автономии и интеграцию в состав империи. В январе 1910 г. в Совет министров (где было образовано Особое совещание во главе со Столыпиным) поступил законопроект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», 14 июня окончательный текст законопроекта был утвержден большинством членов Госсовета, а 17 июня 1910 г. закон подписан царем. Сейм Финляндии превращался в совещательный парламент, его полномочия были существенно ограничены, из его ведения были выведены целый ряд вопросов, в том числе воинская повинность, государственный язык, контроль над программами преподавания, порядок проведения собраний, вопросы печати, таможенные тарифы и др. На Финляндию распространялось бюджетное, военное, административное, частично уголовное, уголовно-процессуальное, морское, таможенное, частично транспортное, интеллектуальной собственности, финансовое право Российской империи. Права подданных в империи уравнивались с правами финских подданных, русский язык вводился как язык государственного делопроизводства, судебные акты Российской империи должны были исполняться в Финляндии, предполагалось вмешательство в местную педагогику («обеспечение государственных интересов»), вводилась система юридических лиц, принятая в империи, применялись российские правила о печати.

В заметке «Поход на Финляндию», опубликованной 26 апреля 1910 г. в нелегальной газете «Социал-Демократ», В.И. Ленин писал, что 17 марта 1910 г. «Столыпин внес в Государственную Думу проект “о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения”. Под этим казенно-бюрократическим заглавием кроется самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии. Речь идет в законопроекте Столыпина о том, чтобы передать на решение Государственной Думы, Государственного Совета и Николая II все те финляндские дела,

[221] Надо сказать, что финляндский вопрос стал частью повседневности для российского общества уже в конце XIX в. Как заметил в письме к жене от 14 мая 1899 известный историк А.Е. Пресняков, в гостях длились «бесконечные расспросы и разговоры, о студентах, о Финляндии, о министрах и т. п.» [414, с. 422].

[222] Подробнее см. работы современных авторов [33, 434, 447, 543], а также публикации, можно сказать, непосредственных участников дискуссий того времени [297, 298, 546].

которые “относятся не к одним только внутренним делам этого края”. Финляндскому Сейму предоставляется только давать “заключения” по этим делам, причем заключения эти не обязательны ни для кого: Финляндский Сейм сводится в его отношении к империи на положение Булыгииской Думы. Что понимается при этом под “законами и постановлениями, которые относятся не к одним только внутренним делам” Финляндии? Не приводя всего перечня, занимающего в проекте Столыпина 17 пунктов, мы отметим, что сюда входят и отношения между Финляндией и др. местами империи по таможенной части, и изъятия из финляндских уголовных законов, и железнодорожное дело, и денежная система в Финляндии, и правила о публичных собраниях, и законы о печати в Финляндии, и проч. На решение черносотенно-октябристской Думы передать все вопросы подобного рода! Полное разрушение финляндской свободы – вот что предпринимает самодержавие, рассчитывая опереться па представителей помещиков и купеческих верхов, объединенных третьеиюньской конституцией» [328, с. 271].

23 мая 1910 г. состоялось совещание парламентской фракции конституционно-демократической партии с представителями местных групп партии [481] [223]. На этом совещании П.Н. Милюков сделал устный тактический доклад. Касаясь современного положения, он указал, с одной стороны, на переворот громадной важности, который Государственная дума собирается совершить принятием правительственного законопроекта об общеимперском законодательстве для Финляндии; с другой стороны, – на усиление дореволюционных, реакционных тенденций во внутренней политике, проявляющихся, между прочим, и в серьезном обсуждении органами правой печати проектов нового избирательного закона для Государственной думы, нового юридического скачка вроде закона 3 июня 1907 г. [224] и т. п. По финляндскому вопросу Московской группой приняты положения, представленные Ф.Ф. Кокошкиным [481, с. 257–258]:

I) Так как Великое Княжество Финляндское, входя в состав Российского Государства, в то же время управляется на основании особой Конституции, установляющей в названном крае особый порядок

[223] В.И. Вернадский в это время был в Вернадовке.

[224] Закон 3 июня 1907 – новое Положение о выборах в Государственную думу Российской империи, которое было издано императором Николаем II (без согласия самой думы и Госсовета) после роспуска II Думы, изменило порядок выборов и повлияло на состав представительного органа (это событие нередко называют «Третьеиюньским переворотом»). См. [1, 183].

законодательства, и так как установленный Основными законами Российской Империи порядок имперского законодательства при участии Государственной думы и Государственного совета – и по точному смыслу означенных Основных законов, и по условиям их издания – не может распространяться на Великое Княжество, – то установление в той или иной форме общегосударственного законодательства, осуществляемого при участии имперских законодательных учреждений (Государственной думы и Государственного совета) и распространяющегося на Финляндию, возможно лишь посредством двух параллельных законов соответствующего содержания, изданных: один – в порядке имперского, другой – в порядке финляндского сеймового законодательства.

II) Не отрицая, что объединение имперского и финляндского законодательств в области известных заранее определенных законодательных вопросов, – в числе коих на первом плане стоят вопросы государственной обороны, – составляет одну из задач будущего развития конституционного строя Российского государства, – но не предрешая форм этого объединения и, вместе с тем, принимая во внимание: 1) что вышеупомянутое объединение, в какой бы форме оно ни осуществилось, чтобы быть прочным и плодотворным, должно быть не насильственным, а основанным на объединенном сознании общих интересов; 2) что такое сознание, а равно взаимное доверие обеих сторон в настоящее время последовательно и неуклонно разрушается правительственной политикой по отношению к Финляндии; 3) что вопрос о реформе существующих правовых отношений между Империей и Великим Княжеством мог бы быть правильно разрешен лишь в связи с общим пересмотром государственного права Империи в духе последовательного проведения в нем конституционных начал, и 4) что на основании данных опыта не представляется никаких оснований утверждать, что какие-либо насущные потребности Империи в пределах Великого Княжества не могли быть удовлетворены при существующем порядке местного законодательства и управления, – Центральный Комитет полагает, что в настоящее время нет налицо тех условий, которые необходимы для правильной постановки и согласного с справедливостью и действительными интересами России разрешения вопроса о пересмотре правовых отношений между Российской Империей и Великим Княжеством Финляндским.

III) Предлагая объединение имперского и финляндского законодательств помимо согласия Финляндского Сейма, правительство требует

от Государственной думы соучастия в неправомерном акте ниспровержения финляндской Конституции.

IV) Ввиду вышеизложенного фракции, по мнению Центрального Комитета, следует высказаться за полное отклонение правительственного законопроекта об установлении общегосударственного законодательного порядка, распространяющегося на Финляндию. В случае же, если этот законопроект будет принципиально одобрен Государственной думой, следует стремиться ввести в него особую оговорку о том, что введение его в действие обуславливается изданием закона того же содержания в порядке финляндского сеймового законодательства.

21 мая 1910 г. на 116-м заседании Государственной думы III созыва в защиту финляндского законопроекта выступил премьер-министр Российской империи П.А. Столыпин. Он, между прочим, задался вопросом – «выгодно ли России невмешательство в финляндские дела? – И, как и по отношению к Польше, доказывал, что ослабление связи между Финляндией и Россией всякий раз вело к возрастанию со стороны финляндского населения враждебности ко всему русскому»[225]. 31 мая 1910 г. законопроект был принят Думой и передан в Госсовет, члены которого не были единодушны в отношении к предложенному законопроекту, отмечая, что он противоречит Сеймовому уставу 1906. Но в конечном итоге Госсовет одобрил вариант, принятый Государственной думой без изменений; 17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» [226].

Секретарь Комитета Парламентской фракции Партии народной свободы А.М. Колюбакин в письме к Вернадскому от 30 сентября 1910 г. сообщает ему, что с открытием сессии Государственной думы начнутся работы комиссии по пересмотру университетского устава. Предполагается до начала работы в Думе устроить ряд заседаний с представителями профессуры для выработки основных поправок к законопроекту. Обращается к Вернадскому с просьбой не отказать принять участие в этих совещаниях, из которых первое назначено на среду 6 октября в 8 час. вечера в помещении к.-д фракции (Потемкинская ул., 7, кв. 6) [227].

---

[225] В Государственной думе // Нива, 1910, № 24, с. 444.

[226] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXX. Отделение I. – СПб., 1913, № 33795, с. 790–793.

[227] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 802. Л. 1–2.

Комитет по устройству чествования Т.Г. Шевченко по случаю 50-летия со дня смерти поэта

В публикуемом ниже дневнике Вернадского за 1910 г. есть несколько записей (в январе – феврале) о том, что он «читал Шевченко», причем 29 января 1910 г. отметил: «Какая сила таланта при элементарности и ясности чувства и малом разнообразии тем».

Т.Г. Шевченко (1814–1861)

После снятия цензурных ограничений в 1905 г. в Российской империи был разрешен целый ряд произведений Тараса Шевченко [484]. В частности, в 1907 и 1908 гг. вышли наиболее полные издания его «Кобзаря», одно из которых, судя по всему, и читал Вернадский [547, 548].

Обсуждения вопроса о необходимости отметить предстоящее в 1911 г. 50-летие со дня смерти Т.Г. Шевченко начались ранней осенью 1910 г., а 3 ноября состоялось частное совещание, на котором было решено попытаться образовать самостоятельный комитет по устройству чествования Шевченко [442].

В архиве Вернадского сохранился следующий документ [228]:

«3-го ноября сего года <1910 г.> состоялось первое заседание Комитета по организации чествования памяти Шевченка по случаю исполняющегося 50-тилетия со дня его смерти.

Ввиду малолюдности первого собрания – Комитет не счел возможным открыть свои действия.

Следующее собрание назначается на 9 сего ноября в квартире присяжного поверенного Сергея Михайловича Хвостова (Арбат, Малый Николо-Песковский переулок, д. 14, кв. 2).

[228] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 42–42 об.

Комитет убедительно просит Вас не отказать посетить собрание 9-го ноября, так как на этом собрании предстоит: 1) открыть действия Комитета и 2) принять решения по важнейшим вопросам, сопряженным с чествованием памяти Шевченка.

Изъявили свое согласи войти в состав Комитета следующие лица:

1) Алчевский И.А. – артист Императорских театров.

2) Корш Ф.Е. – профессор Академии.

3) Крымский А.Е. – профессор.

4) Янчук Н.А. – Хранитель Дашковского музея.

5) Новицкий А.П. – историк искусства.

6) Хвостов С.М. – присяжный поверенный.

7) Вернадский В.И. – профессор.

8) Филянский Н.Г. – архитектор-художник.

9) Яблоновский-Потресов С.В. – сотрудник «Русского слова».

10) Гиляровский В.А. – сотрудник московск[их] пер[иодических] изд[аний]».

13 ноября 1910 г. состоялось первое заседание Комитета, на котором было официально объявлено об открытии его деятельности, определен его состав, избран президиум и выработан в основных чертах план предстоящих торжеств [442]. В состав Комитета, кроме упомянутых выше, также вошли: преподаватель Ю.А. Веселовский, артист московской оперы М.И. Донец, артист Московского художественного театра И.М. Уралов. Кроме того, были избраны исполнительные комиссии: а) ученая – для детальной выработки программы торжественного заседания 26 января 1911 г., для приглашения референтов и вообще организации первой части торжеств (в нее вошли В.И. Вернадский и Н.А. Янчук с правом кооптации новых членов по своему усмотрению) и в) художественная – для устройства спектакля и концерта (в нее вошли – также с правом кооптации новых членов – И.А. Алчевский и М.И. Донец).

29 ноября 1910 г. упомянутый выше С.М. Хвостов в письме Вернадскому сообщил следующее: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Препровождаю Вам при сем копию протокола заседания Комитета по устройству Шевченковских торжеств. Вместе с тем довожу до Вашего сведения: 1) что по ходатайству председателя Комитета О.Е. Корша – Московский Градоначальник на организацию Комитета и на дальнейшую его деятельность дал свое согласие и 2) что Вы избраны в заседании 13-го ноября с. г. в комиссию по устройству торжественного ученого заседания 26-го февраля 1911 г. совместно с Н.А.

Янчуком. Если Вы найдете возможным уделить несколько часов выяснению вопросов, связанных с заседанием 26 февр[аля] и не откажитесь от избрания – то будьте добры повидаться как-ниб[удь] с Янчуком для вырешения наиболее существенных по Вашему мнению вопросов, связанных с заседанием. В зависимости от уведомления от Вас – будет назначено следующее заседание Комитета. Если Вы пожелаете свидеться с Янчуком – то благоволите сообщить мне по телефону день и час – я передам Ваше приглашение Ник[олаю] Андр[еевичу] <Янчуку> и он к Вам явится в назначенное время. Уважающий Вас С. Хвостов» [229].

О мероприятиях, состоявшихся в 1911 г., см. [178, 288, 442]. Добавим также, что к этой памятной дате «Кобзарь» был издан в переводе И.А. Белоусова [230] с приложением его очерка о жизни и творчестве Тараса Шевченко [549].

Общество распространения технических знаний

Устав Общества распространения технических знаний был утвержден министром внутренних дел 4 июня 1869 г. [231] Согласно Уставу, Общество имело целью содействовать усовершенствованию и распространению в России технических знаний вообще; преимущественно же усвоению усовершенствованных технических приемов в тех отраслях отечественной промышленности и ремесел, которые имеют более широкое практическое применение [502, 504]. Для достижения этой цель Общество может: а) учреждать технические школы и учебные мастерские, б) устраивать библиотеки, выставки и музеи по части промышленности и ремесел, в) издавать книги по разным отраслям технических знаний. Общество составляют члены: почетные, действительные и члены-соревнователи.

В 1871 г. (19 апреля) в структуре Общества был образован Учебный отдел, при котором создавались различные постоянные комиссии. Учебный отдел, согласно его Уставу, «имеет целью разработку педагогических и учебных вопросов, с правильным решением которых связано устройство ремесленных и технических школ. Цели Отдела

[229] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1747. Л. 1–1 об.
[230] Белоусов Иван Алексеевич (1863–1930) – поэт, писатель, переводчик.
[231] Общество прекратило свое существование в 1919.

достигаются помощью ученых сообщений, бесед и чтений, публичных лекций, выставок, музеев, издания сочинений и т. п.» [210, с. 85].

В.И. Вернадский – член Учебного отдела Общества с 1893 г. [192]. Среди членов Отдела (всего около 360 человек) – Н.В. Бугаев, Р.Ю. Виппер, Н.Я. Грот, В.М. Истрин, И.А. Каблуков, М.И. Коновалов, Г.А. Кожевников, М.К. Любавский, П.Н. Милюков, П.И. Новгородов, С.А. Муромцев, П.П. Сушкин, А.Н. Северцов, Н.Н. Харузин, Ф.Ф. Эрисман, И.И. Янжул, В.Е. Якушкин и др.

В 1893 г. (8 апреля) при Учебном отделе была создана Комиссия по организации домашнего чтения [232]. В.И. Вернадский – один из ее учредителей [475] и активных участников [389]. Комиссия «поставила себе целью прийти на помощь лицам, желающим посредством домашнего чтения пополнить пробелы своего образования» [210, с. 29]. Уже к 1902 г. в составе Комиссии насчитывалось до 170 лиц, среди которых больше половины (до 100 человек) принадлежали к научным деятелям (профессора, приват-доценты и магистры Московского университета и других высших учебных заведений). Комиссия издавала программы систематического курса по высшему образованию, по вопросам государственного строя, по курсу среднего образования и др. При Комиссии действовало Лекционное бюро, оказывающее посреднического содействие провинциальным организациям в деле устройства публичных лекций, курсов в целях распространения научных знаний [233].

Под эгидой Комиссии издавалась серия книг (по истории, философии, экономике, естествознанию) «превосходной» (по выражению Н.А. Рубакина [428, 429]) «Библиотеки для самообразования» (издание т-ва И. Д. Сытина. На 1910 г. вышло в свет 36 книг, еще 9 – печаталось. Издавалась также брошюрная серия – вышли 6 брошюр, печаталась еще одна брошюра.

Редакторы «Библиотеки для самообразования» обыкновенно состояли членами Комиссии по организации домашнего чтения. Составляя свои «программы» систематического чтения, Комиссия всегда исходила из желания соединить общедоступность чтения с его серьезностью и основательностью. С этой целью в каждой программе указывался тот необходимый минимум познаний, без усвоения которого ознакомление с соответствующим отделом науки нельзя признать

[232] Первым ее председателем (в 1893–1896) был П.Н. Милюков.

[233] Между прочим, в 1900 г. Комиссия по организации домашнего чтения была удостоена серебряной медали на Всемирной выставке в Париже.

сколько-нибудь основательным. Все книги, необходимые для приобретения такого минимума познаний, указывались на русском языке, и почти все они доставлялись читателям Комиссии на льготных условиях [385, с. XI–XV.]. Обоснованно считается, что деятельность этой Комиссии является предтечей заочного образования в России.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
проф. *В. И. Вернадскаго, Н. Д. Виноградова,* проф. *А. Э. Вормса,* проф. *А. А. Кизеветтера,* проф. *А. А. Мануилова, П. Н. Милюкова,* проф. *П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова* и проф. *Н. А. Умова.*
Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

На 1 января 1910 г. Учебный отдел имел в своем составе 839 человек [390]. В течение года состоялось его 6 общих собраний (9 января, 28 марта, 6 мая, 26 сентября, 12 ноября, 6 декабря). Заседания 28 марта и 6 мая были посвящены рассмотрению отчета за 1909 г., 12 ноября – памяти Л.Н. Толстого. Учебный отдел и Комиссия по организации домашнего чтения в то время размещались по адресу: Москва, Большой Кисловский переулок, дом Азанчевского. Вернадский, безусловно, неоднократно бывал в этом здании. Так, в письме ему от 22 октября 1908 г. В.Д. Соколов просит его «пожаловать в воскресенье, 28 сего октября в 2 ч[аса] дня, в помещение Учебного отдела Общества распространения технических знаний (Большая Кисловка, д[ом] Азанчевского, кв[артира] 3–4) на редакционное собрание для обсуждения текущих дел пол изданию «Библиотеки для самообразования» [234].

В дневнике Вернадского есть запись от 28 января 1910 г.: «С <В.Д.> Соколовым для Кауфмана переговоры об издании его книги в библиотеке для самообразования» [235]. В данном случае речь идет о книге А.А. Кауфмана, которая была издана в 1912 г. в серии «Библиотека для самообразования» [289].

Сохранилось письмо (явно 1910 г.) А.А. Кауфмана Вернадскому: «Дорогой Владимир Иванович. Рецензия Фортунатова на мой курс статистики и затем один случайный разговор навел меня на один вопрос,

[234] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1533. Л. 4.
[235] См. Приложение 2.

по поводу которого я и хотел бы Вас интервьюировать. Упомянутая рецензия, именно, вызвала во мне предположение, что, пожалуй, этот курс был бы не уместен в серии “Библиотеки для самообразования”. Вот, я и хотел Вас спросить, как человека, кажется, близко стоящего к этому предприятию, какими путями можно было бы выяснить этот вопрос, по возможности не рискуя потом слишком постыдным провалом? Если бы вопрос имел шансы на удовлетворительное разрешение, то конечно было бы желательно узнать об этом без особого промедления. Дело в том, что в случае переиздания курса, возможность которого – судя по моему разговору с Сытиным – может наступить, при благоприятных условиях, к осени 1911 года, мне придется очень серьезно его переработать, на что потребуется довольно много времени. Если бы вопрос разрешился утвердительно, – комиссия – я предполагаю, пожелает дать в свои указания относительно тех изменений, какие соответствовали бы общему типу изданий “Библиотеки”. В принципе я, конечно, готов подчиниться этим указаниям, поскольку они не будут затрагивать общего характера книги; в частности, я едва ли мог бы пойти на общее сокращение: длинноты у меня несомненно есть, и при переиздании они, во всяком случае, будут подлежать устранению; но вытекающее отсюда сокращение вполне и вероятно с избытком возместится рядом необходимых дополнений. Вот, кажется, и все существенное. Привет Нат[алье] Георг[иевне]. С удовольствием увидел подпись Вашего Гули в оглавлении последней книжки Р[усского] Бог[атства] [236]: мне уже по самым первым его опытам, какие я видел, казалось, что он должен преуспеть на этом пути. Жму руку. Ваш А. Кауфман» [237].

В 1910 г. в серии «Библиотека для самообразования» были изданы несколько книг [История Римской республики по Моммсену, Вып. 1. 2-е изд. / Пер. Н.Н. Шамонина. _ СПб.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. – XXVIII+ 529 с., Лоу С. Государственный строй Англии / Пер. под ред. А.С. Ященко; Вступ. статья П.Г. Виноградова. – М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. – XVI+446 с., Киевская Русь: Сборник статей под ред. В.Н. Сторожева. 2-е изд., испр. Т. 1. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. – XXI+664 с.]. Не исключено, что Вернадский принимал участие в обсуждении необходимости издания этих книг.

---

[236] См. [67].

[237] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 743. Л. 9. Машинопись с небольшими исправлениями и подписью-автографом.

Общество содействия внешкольному образованию в Москве

В дневнике Вернадского есть запись от 28 января 1910 г.: «Сговорился с С.Г. Смирновым о чтении лекций для учащихся по кристаллографии на конец марта месяца». В данном случае речь идет о чтении лекций для учащихся частной женской гимназии Е.Н. Дюлу (жена С.Г. Семенова) [238]. В фонде Вернадского отложились два письма С.Г. Смирнова за 1910 г. к Вернадскому об этих лекциях. В первом из них Смирнов просит Вернадского передать курьеру «точное заглавие и программу (Вами подписанную) Вашей лекции для учащихся от Общества внешкольного образования. Лекция Ваша, как Вам известно, состоится в воскресенье 21 февраля в 1 ч[ас] дня в аудитории Исторического музея» [239].

Во втором письме С.Г. Смирнов просит Вернадского сообщить, выяснилось ли время его лекции для учащихся. «Надо при этом иметь в виду, что с Фоминой недели уже начинаются экзамены. Поэтому необходимо устроить лекцию на 5^{й} и не позже 6^{й} недели поста. Залу мы не снимали, ожидая Ваших указаний. По утрам в воскресенья залы уже заняты до 2 мая. Поэтому придется выбрать или вечер воскресенья 4 апреля, или вечер 25 марта, или вечер 28 марта. Чтобы залу не заняли, надо ее снять заблаговременно. Поэтому, пожалуйста, укажите день, если возможно, теперь же» [240]. Из этих писем следует, что Вернадский участвовал – как лектор – в деятельности Общества содействия внешкольному образованию в Москве. Это Общество было учреждено в 1907 г. (его Устав утвержден 9 августа 1907 г. [508]). Целью Общества являлось содействие распространению теоретических и прикладных знаний, в том числе проведение чтений и бесед, систематических курсов по разным отраслям знания, ремесел и искусства. Известно, что Общество организовало специальную лекторскую комиссию, которая имела целью устраивать в Москве и в провинции научно-популярные лекции, рассчитанные на малоподготовленную аудиторию [236]. Очевидно, что Вернадский входил в состав этой лекторской комиссии. Ее секретарем был А.Л. Летник [241].

---

[238] В 1910 в Москве на Никитском бульваре (дом 13) для гимназии было построено 4-х этажное здание.

[239] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1522. Л. 1.

[240] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1522. Л. 2–3.

[241] Судя по всему, это Александр Львович Летник, который в то время работал преподавателем математики в московских (мужских и женских) гимназиях,

Общество единения народностей России

В 1910 г. формально продолжалась деятельность В.И. Вернадского в Обществе единения народов России, членом которого он был избран 28 октября 1909 г. Устав этого Общества рассмотрен 15 июня 1909 г. в заседании Московского особого городского по делам об обществах Присутствия, а 11 августа 1909 г. оно было официально зарегистрировано [506]. Общество, согласно Уставу, ставило своей задачей изучение истории, быта и нужд всех народностей, населяющих Российскую империю, в целях взаимного из культурного сближения, экономического и правового преуспеяния, а также в целях развития общегосударственного сознания при полном уважении к индивидуальным особенностям каждой национальности.

Для достижения поставленной цели Общество имело право: 1) Устраивать публичные чтения, курсы и собеседования с соблюдением правил, установленных для публичных собраний. 2) Издавать и распространять периодические и иные печатные произведения, отвечающие целям Общества. 3) Поддерживать существующие и открывать новые учреждения, соответствующие целям Общество согласно установленным правилам: а) для изучения истории, литературы, искусства, языков и экономического быта и для производства статистических исследований народностей, населяющих Россию, б) для устройства научных поездок по России, в) библиотеки и справочные бюро по всем предметам, входящим в круг деятельности Общества. 4) Устраивать выставки, базары, спектакли, концерты и т. п. 5) Входить с ходатайствами в правительственные и общественные учреждения по вопросам, связанным с целями Общества. Общество состояло из почетных и действительных членов и сотрудников.

Первое общее собрание вновь учрежденного Общества единения народностей России состоялось 25 октября 1909 г. Как сообщала газета «Московские ведомости» (1909, № 260, 28 октября), председателем собрания был избран Г.В. Вульф, который произнес речь о задачах нового Общества: изучение истории, быта и нужд всех народностей в

в том числе, в гимназии имени И.Л. и А.К. Медведниковых; автор многочисленных рецензий на книги по естествознанию в журнале «Русская мысль» в 1907–1915. В 1911–1915 и (реже) в 1928–1929 переписывался с Вернадским (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 955). Из его писем за 1911–1915 можно понять, что он консультировался по поводу своих рецензий с Вернадским – сотрудником журнала «Русская мысль».

целях взаимного их культурного сближения, экономического и правового преуспеяния, а также в целях развития общегосударственного сознания при полном уважении к индивидуальным особенностям каждой национальности. В члены правления избраны преимущественно кадеты и разные инородцы.

В 1914 г. общество обзавелось собственным печатным органом, журналом «Народы и области», который издавался с мая по декабрь, т. е. вышло всего 8 номеров, существенную часть которых составляли новости с российских окраин.

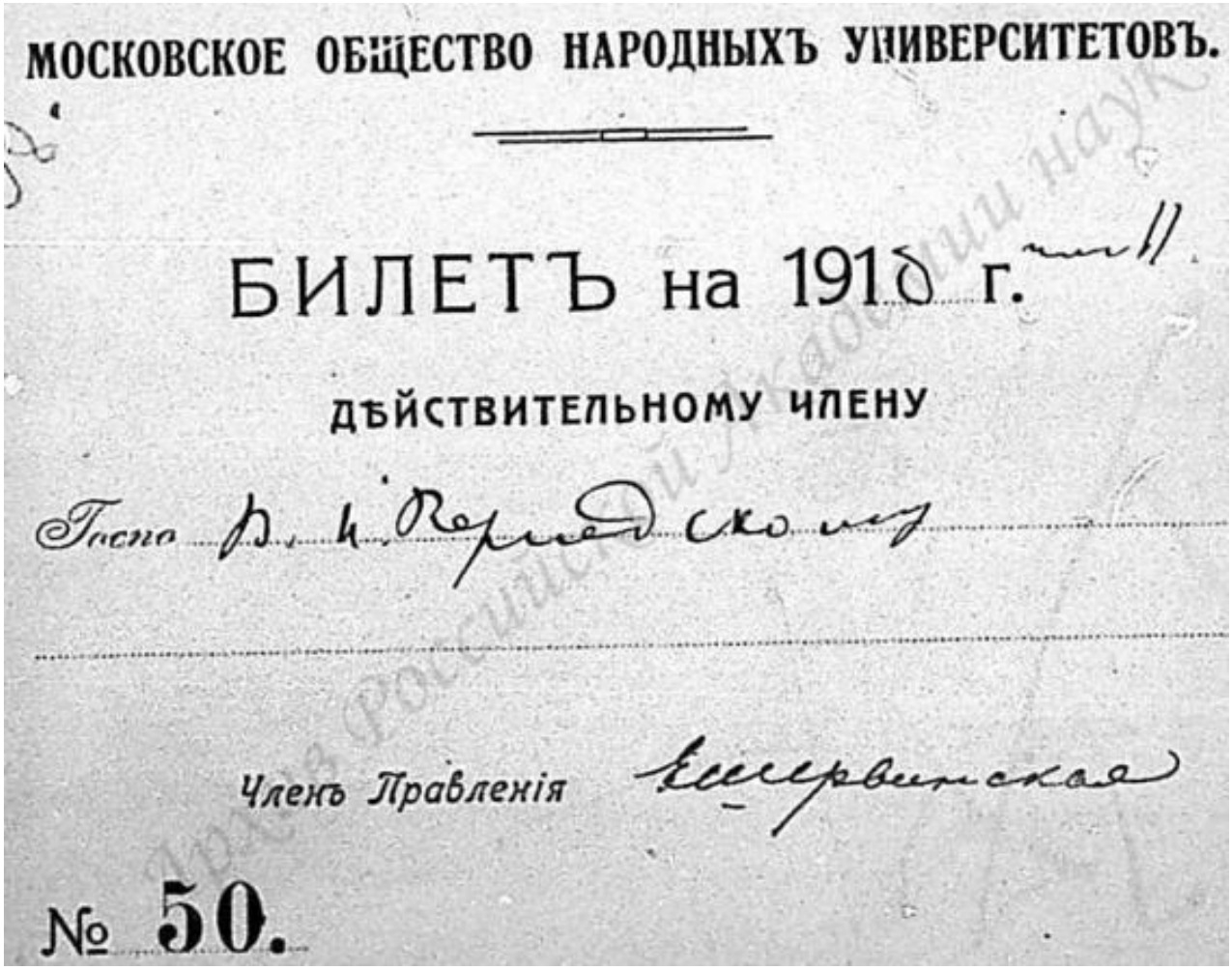
Московское общество народных университетов

В начале XX в. в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других городов России возникли общественные организации, получившие название «Общества народных университетов». К 1908 такие общества имелись в Воронеже, в Екатеринодаре (Кубанское), С.-Петербурге, Саратове, Твери, Тифлисе, Уфе, а также в Москве [396].

Устав Московского общества народных университетов был рассмотрен 27 мая 1906 г. в заседании Московского особого городского по делам об обществах присутствия, а 9 июня 1906 г. Общество было официально зарегистрировано [503].

Согласно Уставу, Московское общество народных университетов преследует исключительно просветительские цели и имеет своей задачей устройство научно-просветительских учреждений в Москве и Московской губернии, а также содействовать таковым же начинаниям в пределах России. Оно учреждает систематические образовательные и профессиональные курсы, постоянные и подвижные, отдельные лекции, образовательные экскурсии и занятия по искусствам, устраивает народные университетские дома, открывает библиотеки, читальни, книжные склады и магазины, устраивает выставки, издает брошюры, книги и др. по научно-просветительским вопросам. Официально Общество приступило к своей работе 22 сентября 1906 г. [480]. В течение года около 4000 человек были постоянными слушателями Общества народных университетов, а всего за год было сделано около 100 тыс. посещений.

Вернадский стал членом Московского общества народных университетов в 1910 г.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО НАРОДНЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

БИЛЕТЪ на 1910 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ

Члекъ Правленія

№ 50.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 98. Л. 53

Славянские общества

Интерес Вернадского к славянам, к их истории, к идеям «славянской взаимности», «славянского единства», «славянской общности», «славянской солидарности» возник, можно сказать, еще в детском возрасте, в чем немалую роль сыграл его отец – Иван Васильевич Вернадский (1821–1884).

Так, в дополнении к записи в дневнике от 1 февраля 1910 г., сделанного Вернадским 25 ноября 1944 г., он вспоминал: «Из членов ЦК к[онституционно-]д[емократической] партии, мне кажется, я и Д[митрий] И[ванович] <Шаховской> придавали большое значение связи славянства. Д[митрий] И[ванович] <Шаховской>, как ученик <И.В.> Ягича, занимавшийся славянством в университете, а у меня старые традиции, полученные от отца. Мой отец случайно попал на подготовку по политической экономии, которая тогда преподавалась на

историко-филологическом факультете. Он готовился быть профессором по славянским языкам, которыми занимался. Но вместо него был назначен, помимо Киевского унив[ерситета], профессор Харьковского унив[ерситета] Срезневский, уже известный славист. Отцу предложили политическую экономию, на что он согласился. Но отец навсегда сохранил интерес к славянству и под влиянием меня, выйдя в отставку в 1876 г., он получил целый ряд славянских журналов, которые были включены в список, которые можно было выписывать через почтовые ведомство. По его желанию я выучился польскому языку и подписался в польскую библиотеку, которая находилась на Невском [проспекте] и была очень хорошо поставлена. Отец выписывал, кроме того, издания галицкие, сербские и, кажется, другие. Это было еще до моего поступления в Унив[ерситет]». Интерес к «славянскому вопросу» сохранился у В.И. Вернадского на всю его жизнь. В архиве отложились его выписки из многочисленных литературных источников, в той или иной мере имеющие отношение к славянам, которые он сделал в 1878–1881 гг. [242]

В 1906 г. Вернадский в статье, опубликованной в газете «Речь» в сентябре 1906 г., в период «внутренней анархии и разгула реакции», указал, что одним из ближайших «для нас является в настоящую минуту вопрос междуславянского общения. Не входя здесь в детальное его рассмотрение, нельзя не отметить, что едва ли может быть сомнение в невозможности какой бы то ни было гегемонии интересов славянских народностей в российском государстве. Панславизм [243] или славянофильство [244] не могут не могут иметь для нас никакого прямого политического значения. Никакая национальная борьба не может быть русской государственной задачей. Интересы славянского народа тождественны с интересами новой России только постольку, поскольку они отвечают принципам свободы и демократии, наряду с другими чуждыми славянам народами, входящими в состав нашего

[242] См., например, «Заметки по взаимным отношениям славян между собой и с другими нациями» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–83). «Борьба славян за существование» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 209. л. Л – 90.). «Сношения народов» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 210. Л. 1– 65). «Заметки и выписки по вопросу образования наций и сношений славян с другими народами» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 210а. Л. 1–127). Материалы по вопросу об образовании и происхождении национальностей (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–129) и др.

[243] О панславизме см. [43.].

[244] О славянофильстве см. [486, 544].

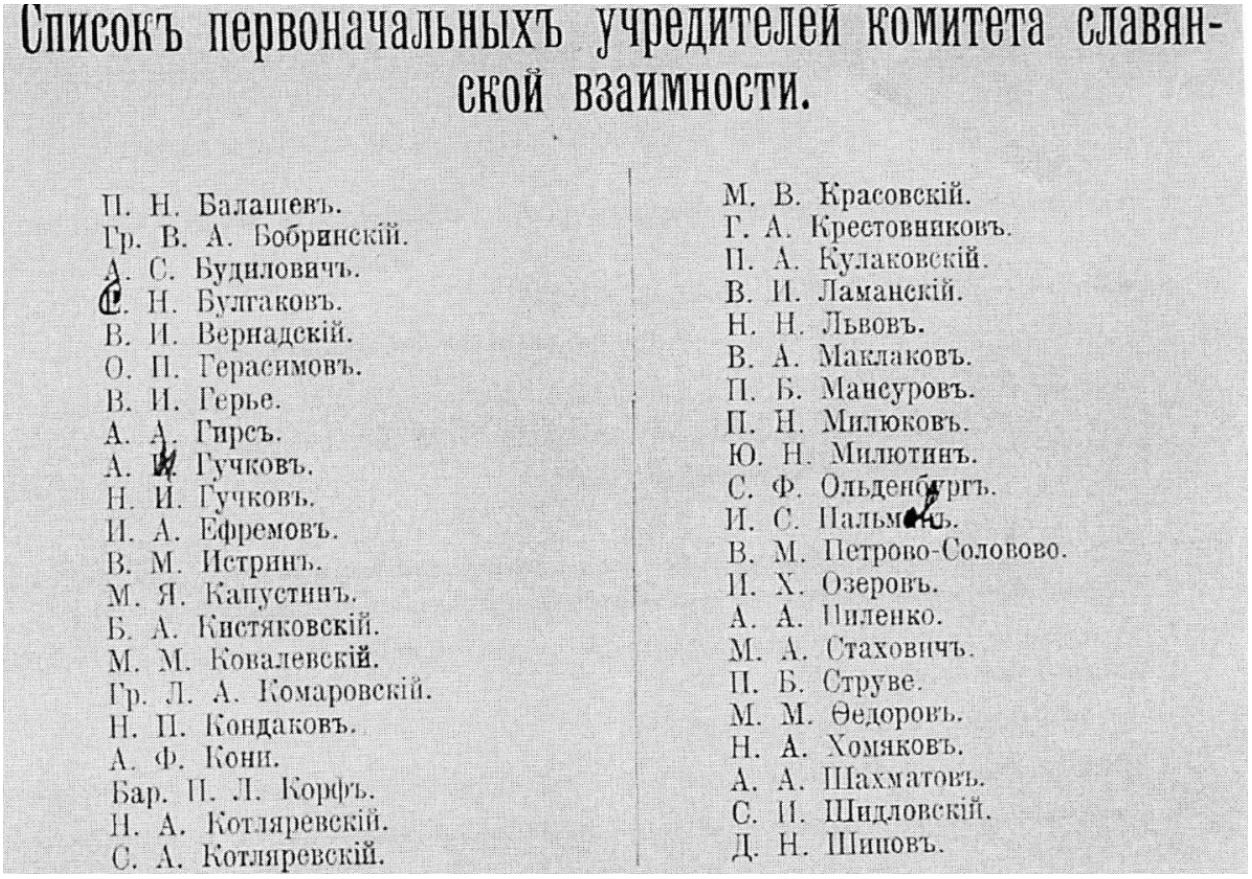
государства. <…> Новая Россия, благодаря своей обширности и этническому составу, имеет круг интересов, выходящих далеко за пределы национального государства, даже если расширить национальность до понятия широкой племенной группы – славянства. Наша внешняя политика должна быть построена на более широком базисе общечеловеческих интересов, и в этом заключается залог чрезвычайного будущего государственного могущества России. Однако этим для нас не исчерпывается содержание славянского вопроса. Культурное значение его для русской мысли огромно. Ибо только этим путем русская нация и литература, а равным образом литература и наука более мелких славянских племен, получают широкий круг распространения, получают достаточный базис для мирового непрерывного влияния… <…> Для нас славянский вопрос есть вопрос культуры, а не внешней политики» [81] [245].

В 1910 г. Вернадский – в той или иной мере – продолжал свою деятельность в ряде славянских обществ, прежде всего, в Комитете славянской взаимности и в Обществе славянской культуры.

В Комитет славянской взаимности, имевшего целью сближение славянских народностей на почве культурных интересов, Вернадский вошел (как его учредитель) в 1908 г. Н.Д. Шипов вспоминал, что идея создания такого общества возникла в марте 1908 г. «во время беседы нескольких лиц, собравшихся в редакции газеты “Слово”». Редактор газеты «Слово» М.М. Федоров высказал мысль – «не следует ли признать своевременным организовать для обсуждения этого <славянского> вопроса совещание из общественных деятелей, принадлежащих к различным политическим партиям, и наметить план дальнейших действий?» [552, с. 523].

2 и 3 апреля 1908 г. в Санкт-Петербурге состоялись совещания большой группы общественных деятелей по вопросу об образовании общества, которое получило название «Комитет славянской взаимности» [378].

[245] В июне 1942 г. В.И. Вернадским была написана статья под названием «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки», в которой – среди прочих – ставит вопрос о необходимости организации совместной работы в научной области разных славянских народов и создания для этого специального научно-культурного центра из представителей всех славянских академий и главных научных славянских обществ [140].

Списокъ первоначальныхъ учредителей комитета славянской взаимности.

П. Н. Балашевъ.
Гр. В. А. Бобринскій.
А. С. Будиловичъ.
С. Н. Булгаковъ.
В. И. Вернадскій.
О. П. Герасимовъ.
В. И. Герье.
А. А. Гирсъ.
А. И. Гучковъ.
Н. И. Гучковъ.
И. А. Ефремовъ.
В. М. Истринъ.
М. Я. Капустинъ.
Б. А. Кистяковскій.
М. М. Ковалевскій.
Гр. Л. А. Комаровскій.
Н. П. Кондаковъ.
А. Ф. Кони.
Бар. П. Л. Корфъ.
Н. А. Котляревскій.
С. А. Котляревскій.
М. В. Красовскій.
Г. А. Крестовниковъ.
П. А. Кулаковскій.
В. И. Ламанскій.
Н. Н. Львовъ.
В. А. Маклаковъ.
П. Б. Мансуровъ.
П. Н. Милюковъ.
Ю. Н. Милютинъ.
С. Ф. Ольденбургъ.
И. С. Пальмовъ.
В. М. Петрово-Соловово.
И. Х. Озеровъ.
А. А. Пиленко.
М. А. Стаховичъ.
П. Б. Струве.
М. М. Ѳедоровъ.
Н. А. Хомяковъ.
А. А. Шахматовъ.
С. И. Шидловскій.
Д. Н. Шиповъ.

Первоначальные учредители Комитета славянской взаимности [378] [246]

В основу деятельности Общества были положены не только цели идейные, но и практические – установление между славянскими народностями всякого рода реальных связей. Основная цель общества «Комитет славянской взаимности»: 1) объединять людей, без различия их политического направления, признающих необходимость взаимного сближения славянских народностей при полном уважении к каждой, и 2) содействовать всеми законными способами распространению этого убеждения, а также лучшему знакомству и более живым сношениям с другими славянами. Учредителями общества являлись: председатель Государственной думы Николай Алексеевич Хомяков, член Государственного совета барон Павел Леопольдович Корф и отставной поручик гвардии, гласный С.-Петербургской городской думы Юрий Николаевич Милютин. Был намечен «Список первоначальных учредителей Комитета славянской взаимности» (всего 42 человека), в который включен и В.И. Вернадский.

[246] Согласно [552, с. 525], на заседании 30 апреля «принять участие в учреждении общества изъявили согласие» все указанные в «первоначальном списке», кроме П.Б. Мансурова и И.С. Пальмова.

Следующее, уже организационное совещание вновь учреждаемого общества славянской взаимности состоялось 30 апреля, также в С.-Петербурге [552]. К сожалению, как пишет Д.Н. Шипов, «в собрании 30-го апреля дальнейшее направление дела получило неожиданно совершенно иной характер». В правление Общества были избраны почти исключительно представители «Союза 17 октября», а «из числа лиц, принадлежавших к партиям левее октябристов, в состав правления был введен только один В.А. Маклаков. От участия в руководстве деятельностью вновь образованного общества оказались устраненными: инициатор дела, М.М. Федоров, и такие компетентные в славянском вопросе люди, как П.Н. Милюков и С.А. Котляревский. Образ действий октябристов придал новому обществу определенно партийный характер, что исключало возможность создать на почве славянского вопроса благоприятную почву для примирения партийной розни, и в то же время обрекло новое общество на бездеятельность, так как во главе его стали люди, не имевшие в своем большинстве глубокого интереса к вопросу и руководившиеся, главным образом, партийными соображениями» [552, с. 526]. В правление Комитета (он насчитывал 183 члена) были избраны: Н.А. Хомяков, Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, М.В. Красовский, Н.П. Кондаков, Ю.Н. Милютин, С.Н. Шидловский, В.М. Петрово-Соловово, граф В.Э. Олизар, К.Я. Грот [450].

В состав Общества славянской культуры Вернадский был избран в 1908 г. Сохранилась записка Ф.Е. Корша [247] В.И. Вернадскому от 25 марта 1908 г., в котором он «имеет честь покорнейше просить» Вернадского «пожаловать» к нему 27 марта в 8 часов вечера «для предварительного совещания по вопросам учредительного собрания Общества Славянской культуры» [248]. Адрес – Москва, 2ой Ушаковский переулок, дом Шабардина. Устав Общества был рассмотрен 24 июня 1908 г. на заседании Московского особого городского по делам об обществах Присутствия, Общество зарегистрировано 30 сентября 1908 г. [507]. В Уставе Общества сказано, что оно ставит своей задачей изучение жизни славян и ознакомление с произведениями славянской и общечеловеческой культуры в целях взаимного единения (культурного и экономического) на этой почве, дорожа индивидуальными особенностями всякой национальности.

---

[247] Инициатором создания Об-ва был Ф.А. Чудовский (?–после 1913), он же его секретарь, Корш был избран председателем Об-ва.

[248] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 38. Л. 62.

2-й Ушаковский переулок, старая фотография

Для достижения этой цели Общество: а) устраивает курсы, лекции, библиотеки и читальни, музеи, книжные магазины и склады, выставки, концерты, драматические представления и распространяет идеи славянского единения путем печати и учреждения премии за лучшие произведения в области славянской науки, искусства и литературы, предпринимает издания в этой области; б) заботится об устройстве славянских съездов (литературных, художественных, научных и экономических); в) организует поездки в славянские земли с целью их изучения; г) устраивает отделения Общества в провинции и секции, действующие по инструкциям, выработанных правлением Общества и утвержденных общим собранием. Общество состоит из неограниченного числа лиц обоего пола, сочувствующих целям Общества, а равно и учреждения с аналогичными целями. Члены Общества разделяются на учредителей, почетных, действительных и соревнователей. Членами-учредителями состоят лица, подписавшие устав; таковые числятся пожизненно действительными членами Общества. Управление делами Общества возлагается на: а) Правление Общества и б) общее собрание членов Общества.

Судя по всему, авторитет Вернадского в Обществе был достаточно высок. Так, сохранилось письмо Ф. Корша (рукой Вернадского проставлен год – 1908), в котором он просит Вернадского «пожаловать на

экстренное заседание комитета в 8½ часов веч[ера] в канцелярию комитета (Сивцев Вражек, д[ом] Боровкова, кв[артира] № 2 Ф.А. Чудовского) для обсуждения вопроса о закрытии школы в Варшаве [249]. Ваше присутствие в заседании крайне желательно» [250].

Переулок Сивцев Вражек в сторону Смоленской площади, вид от Гоголевского бульвара, фото 1913 г.

Из дневника Вернадского, 24 января 1910 г.: «Вечером засед[ание] в <Обществе> *слав[янской] культуры* – в совете, где было много членов правления Общ[ества] един[ения] нар[одностей России]. После доклада *Львова* оштрафовали “Утро России” на 500 р[ублей], а сегодня в канцел[ярию] Об[щества] сл[авянской] культ[уры] приходила полиция для получения списка членов. *Львов* поднял свой вопрос об

[249] Трудно сказать, о какой школе конкретно идет речь. Известно, например, что в июне 1908 было принято решение о роспуске Технического железнодорожного уч-ща Варшавско-Венской железной дороги, что, прочем, привело к ее существенному изменению – Совет управляющих Варшавско-Венской железной дороги открыл 6-классную среднюю школу с дополнительным 7-м классом с польским языком обучения (школа просуществовала до 1914).

[250] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 834. Л. 1.

образ[овании] движения против национ[ального] клуба. Он считает эту организацию страшно опасной. Позже обсуждался вопрос о приеме *Крамаржа* и *Дмовского*. *Люб*[обытна?] здесь организ[ация] Польского Дома – левые польские течения. Они хотят войти в Общ[ество] сл[авянской] культ[уры]».

В 1910 г. значим событием должен был стать славянский съезд в Софии. Надо заметить, что одним из своеобразных аспектов в развитии межславянских связей и одной из их форм в начале XX в. был неославизм [251], который особенно широко появился на политической арене в 1907–1908 гг. [230, 368, 610]. Обоснованно считается, что неославизм, как и славянофильство, не являлся политической группировкой, а представлял собой идейное течение, включавшее отдельных лиц, которые сходно мыслили, но не всегда даже слышали друг о друге. Несомненна идейная близость неославизма к кадетской партии, а также к октябристам; отдельные неослависты были связаны с некоторыми другими политическими партиями. В ряде случаев активные деятели неославизма поддерживали между собой регулярные рабочие контакты. Однако все это были связи и контакты частного, а не организационного характера. Серьезные намерения в этой области имелись, но реализовать их удалось лишь отчасти [230, с. 173]. Его своеобразие по сравнению с предшествующими программами заключалось в том, что вдохновители и сторонники этого движения представили его как наднациональную общеславянскую программу, но уже после Софийского съезда 1910 г. его идейные вдохновители, большинство из которых продолжали вести бурную политическую деятельность еще более десятилетия, провозгласили, что неославизм мертв. Идея проведения съезда в Софии была одобрительно встречена неославистами, которые надеялись, используя патриотический подъем болгарского народа в связи с провозглашением независимости Болгарии, оживить неославизм. Вопросу организации съезда в Софии было посвящено очередное совещание Исполнительного комитета, которое проходило в Петербурге в январе – феврале 1910 г. [368]. Вопрос об участии в Софийском съезде русских сторонников движения решался славянскими обществами. Взгляды тех членов московского Общества славянской культуры, которые были против участия в съезде, выразил его

[251] «Кажется, можно считать изобретателем звучного и привлекательного термина “неославизм” Крамаржа. По крайней мере, он его привез к нам в Петербург» [348, с. 47].

председатель Ф.Е. Корш. Признавая важность и желательность организуемого съезда, он был не согласен с первым пунктом программы, определяющим главной задачей съезда анализ положения югославянских государств, поскольку Общество славянской культуры «не считало себя уполномоченным на обсуждение политических вопросов, квалифицированных как таковые, помимо их связи с вопросами культурными». По мнению Корша постановка вопроса о южных славянах на первое место в программе наводила на мысль, что и дальнейшее содержание программы относилось «преимущественно, если неисключительно, к южным славянам». Председатель Общества славянской культуры высказался за расширение содержания 1-го пункта программы, считая, что съезд должен был рассмотреть все проблемные вопросы современного положения всех без исключения славянских народов без различия. Большая часть членов Общества славянской культуры высказалась за участие в съезде, считая целесообразным «не уклоняться от общеславянской работы», но получив приглашение всего лишь для одного представителя, оно вообще отказалось принимать участие в съезде (хотя первоначально и решило делегировать на Съезд 6 своих членов) [230, 368]. Тем не менее в Софию были приглашены «особо заслуженные» русские славяноведы, писатели и профессора, причем «видных деятелей», сохранивших верность неославизму, набралось не более четырех. Возглавлял делегацию председатель Государственной думы, лидер партии октябристов А.И. Гучков.

Запись Вернадского в дневнике от 1 февраля 1910 г.: «Д[митрий] И[ванович] <Шаховской> тоже не видит правильности в направлении «Речи» о слав[янских] делах. Ехать ли на съезд в Софию?» [252]. Как уже отмечалось выше, 2 февраля 1910 г., находясь в Петербурге, Вернадский принял участие в заседание ЦК кадетской партии: «Вечером продолжение рассмотрения финл[яндского] вопроса и затем обсуждение славянского – спор мой с Милюк[овым]. Много у него личного с Макл[аковым]. Но Милюков глубже понимает слав[янский] вопрос, чем другие. Частию с ним я согласен, но он должен взять не только отриц[ательный] тон. <…> С Милюковым сговорился о выступл[ении] в Слав[янском] комитете. Я согласен, что не надо ехать в Софию, но надо об этом сказать не только отрицательно». Запись Вернадского в дневнике от 17 февраля 1910 г.: «Вечером, еще позже, заседание *Об[щества] слав[янской] культ[уры]*, комитета у *Корша*»; запись от

[252] См. Приложение 2.

19 февраля 1910 г.: читал о славянском движении. Из Хронологии 1910 г. мы узнаем, что 7 марта 1910 г. Вернадский был выбран в правление Общества славянской культуры [253].

Славянский съезд в Софии состоялся 24–28 июня 1910 г. Всех участвовавших в съезде приезжих славян было около 200. Самой многочисленной была российская делегация – 70 человек. Болгарская делегация состояла из 50 человек. На этом фоне особенно заметной была малочисленность сербской делегации. Исключительно как почетные гости присутствовали три поляка: из Кракова, Варшавы и Познани. Программа съезда, которая была обсуждена на заседании Исполнительного комитета в Петербурге 28 января (10 февраля), состояла из шести разделов: современное положение югославянских государств, «культурная взаимность», отчет о деятельности общества болгарских журналистов, «экономическая взаимность», основание союза туристических обществ, организационная работа. Более широко был поставлен вопрос о сотрудничестве славянских народов в области культуры, в частности, об издании всеславянского научного журнала, о сближении университетов и академий, об устройстве славянской художественной выставки, о сотрудничестве театральной и художественной общественности. Особое внимание уделялось обсуждению экономической части программы съезда. Влиятельная группа русских финансистов и промышленников при поддержке государственных деятелей попыталась основать Русско-славянскую восточную торговую палату [320, 369, 455]. Считается, что принятые на Съезде резолюции имели слишком широкий и общий характер и были восприняты даже его участниками лишь как теоретические замыслы. Тем не менее положительной стороной форума следует признать широкое участие в нем деятелей славянской культуры, оживление интереса к славянской проблематике в научных кругах во всех славянских землях [254].

---

[253] См. Приложение 1.

[254] Съезд «принадлежит к числу таких событий и явлений современной жизни в Европе, которые оставляют свой след и могут оказать известное влияние и на развитие политической мысли у нас, в России, и даже на самый ход нашей внешней политики. Его важность и значение можно видеть и в том, что в печати русской и вообще славянской уже появились разнообразные его оценки, даже возникают споры о самом его характере» [320, с. 395]. Надо сказать, что отклики на съезд в русской печати имели двоякую направленность – одни (особенно неослависты) отзывались чрезвычайно сдержанно, другие (как выше цитируемый автор) – в высшей степени оптимистично. См. также [282].

ЛЕТО В ВЕРНАДОВКЕ И ПОЕЗДКА НА ФОСФОРИТЫ В ПЕНЗЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ

В мае 1910 г. Вернадский уехал в Вернадовку. Здесь он занимался научной работой, решал хозяйственные вопросы, связанные с имением, а также совершил поездку «на фосфориты» в Пензенскую губернию. Из «Хронологии 1910 г.»: «Лето мы провели в Вернадовке. Ниночка <Н.В. Вернадская> заболела скарлатиной – серьезно <…>. В Вернадовке <…> с нами был П.М. Аргутинский-Долгоруков, лечивший Ниночку» [255].

Из записи Вернадского в дневнике 20 мая 1910 г. узнаем точную дату их приезда в Вернадовку: «Вчера <т. е. 19 мая> приехал в Вернадовку. Наташа <Н.Е. Вернадская> в Петербурге [256]… <…> Ниночка <Н.В. Вернадская> слаба еще. <…> Здесь сад разросся; кругом многое изменилось; чувствуется движение времени. В деревне идет борьба за землю и слышатся разные речи. Есть недалеко отруба, взятые неместными крестьянами. В Пичаеве, Липовке идет продажа – скупка участков. Кто может сказать, к чему приведет этот процесс – но время выиграно, внимание обращено на другую землю» [257].

Поразительно, но даже в дороге Вернадский успевает читать научные книги. Из записи в дневнике 20 мая 1910 г.: «Дорогой я вчера читал Magnus Goethe als Naturforscher [258], Субботиной Ист[орию] ком[еты] Галлея [259], Нидерле Обзор славянск[их] племен [260], Изв[естия] Акад[емии] н[аук]. Любопытно, что во всех теориях лунной поверхности оставляют без внимания характер явлений, которые должны происходить, если нет H_2O в атмосфере. Минералы земной поверхности – гидраты, алюмосиликаты и силикаты, богатые H_2O, должны разрушаться – H_2O должна уходить в небесное пространство. Во что превратится поверхность из $CaCO_3$, глины, хлорита и т. д в безвоздушном пространстве? Не дает ли она формы лунной поверхности?

---

[255] См. Приложение 1.

[256] Наталья Егоровна приехала в Вернадовку, судя по всему, после 6 июня. Например, в письме Я.В. Самойлову от 15 июня Вернадский передает ему от нее благодарность «за все поручения, которыми она Вас отяготила» – см. АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1999. Л. 2.

[257] См. Приложение 2.

[258] См. [593].

[259] См. [478].

[260] Очевидно, [595].

Удивительно непонимание явлений современниками. Гёте не понял спектральных линий Фраунгофера [261] – он считал их за предрассудок! Не хотел верить их существованию. Странное впечатление от биографии таких людей, как Гёте. Как будто загадка сама жизнь при ее стремлениях и в обстановке, резко отличающейся от чего-то бесконечного, в них вложенного. Люди веры видели в биографиях другое» [262].

Уже в день же приезда в Вернадовку он «кончил рецензию Линда[263] для “Р[усской] м[ысли]”, часть лекций для Казакова [264], корректуру статьи Мамонтова [265]» [266].

Относительно «рецензии Линда для “Русской мысли” [267]». Сохранилось письмо (от 30 апреля 1910 г.) В.Н. Линда Вернадскому, где он пишет: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Я взялся передать Вам из “Русской мысли” прилагаемые книги для рецензии; но сначала сам просматривал их. Одна из них (Дюгем [268]) не по моей

---

[261] Фраунгоферовы линии – основные спектральные линии поглощения в спектре Солнца и других звезд. Открыты в 1802 английским ученым У. Волластоном, подробно исследованы и описаны в 1814 немецким физиком Й. Фраунгофером. В список Фраунгофера вошли более 570 спектральных линий. Наиболее заметным линиям он присвоил буквенные обозначения; некоторые из них до сих пор широко используются в астрономии, например, линии D1 и D2, принадлежащие атомам натрия.

[262] См. Приложение 2.

[263] В то время В.Н. Линд вел «Внутреннее обозрение» в журнале «Русская мысль» и публиковал в нем рецензии на новые книги (в том числе, естественнонаучного направления) – см. Приложение 6.

[264] Речь, очевидно, идет о лекциях Вернадского [101]. А.В. Казаков готовил эти лекции к литографическому изданию.

[265] См. [341].

[266] См. Приложение 2.

[267] Научный, литературный и политический журнал «Русская мысль» выходил в Москве в 1880–1918. До 1885 – в русле идей славянофилов, затем – народничества, после событий 1905–1907 – орган партии кадетов. В 1910 выходил по общим редакторством П.Б. Струве и А.А. Кизеветтера (с 9-го номера – только П.Б. Струве) при ближайшем участии В.И. Вернадского, И.М. Гревса, А.С. Изгоева, А.А. Кауфмана, Б.А. Кистяковского, С.А. Котляревского, С.В. Лурье, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка и Л.Н. Яснопольского. Затем к ним присоединились В.Я. Брюсов (с 9-го номера), А.Н. Бенуа, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Андрей Белый, З.Н. Гиппиус, В.А. Маклаков, Д.С. Мережковский, В.Д. Набоков, Ф. Сологуб, Е.Н. Трубецкой и др. (с 10-го номера).

[268] Очевидно, [232]; оригинальное издание [580].

специальности; насчет другой (Богословский [269]) – не знаю, найдете ли Вы нужным ее рецензировать. Если, на Ваш взгляд, в числе их найдется работа для меня, то оставьте эти книги для передачи мне: я как-нибудь за ними зайду. А что сделалось с моей рецензией о книге Вагнера? [270] Если Вы ее просмотрели и еще не доставили в “[Русскую] м[ысль]”, то отставьте ее тоже для передачи мне, а я снесу ее в “[Русскую] м[ысль]”. Искренно уважающий Вас В. Линд»[271].

Как видим, Вернадский, будучи сотрудником журнала «Русская мысль», осуществлял не только редактирование публикуемых в нем рецензий на книги, но и определял необходимость составления рецензии на то или другое издание, а также выступал редактором-рецензентом присылаемых в журнал статей (главным образом, по естественным наукам). В частности, несколько отвлекаясь от основной темы данного раздела, отметим, что, например, 20 ноября 1910 г. редактор журнала «Русская мысль» П.Б. Струве пишет Вернадскому: «Дорогой Владимир Иванович! Если Вы одобряете статью Бачинского о физике [272] уже готовой, то сдайте ее в редакцию для набора. <…> Вам пришлют статьи Селибера [273]. Они были мною приняты. Это, конечно, Вас не связывает, но 1) я не думаю, чтобы их следовало отвергнуть (автор –

---

[269] В раздел «Книжные новости» одного из номеров «Русской мысли» за 1910 г. упоминаются «Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. – М.: Издание Н.Н. Клочкова, 1910. – 117 с.».

[270] См. Приложение 6.

[271] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 959. Л. 5. Автограф.

[272] См. [34]. Бачинский Алексей Иосифович (1877–1944) – физик, доктор физико-математических наук (1934). После окончания Московского ун-та (1899) работал там же, приват-доцент (с 1907), профессор (с 1918), читал специальные курсы термодинамики, статистической физики и другие разделы физики для студентов старших курсов. Основные труды относятся к термодинамике и молекулярной физике, установил носящий его имя закон вязкости жидкостей (1912). Автор многочисленных методических и научно-популярных статей, статей по истории физики, учебников. С 1930 из-за внезапной потери зрения был вынужден оставить преподавательскую деятельность, однако, продолжал заниматься научными исследованиями. В 1905 под псевдонимом Жагадис опубликовал поэму в прозе «Облака» [242]. Был близко знаком с Вернадским, сохранились его письма к нему (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 105).

[273] Селибер Григорий Львович (1877–1962) – биолог, специалист в области микробиологии и физиологии растений; переводчик научной литературы. Доктор сельскохозяйственных наук (1935). Профессор. Член Всесоюзного Ботанического общества (1947). Зав. Микробиологической лабораторией и ученый секретарь НИИ им. П.Ф. Лесгафта (до 1950?).

компетентный в биологии человек), 2) это было бы для него обидно, а для редакции накладно, ибо отвергая эти рукописи, пришлось бы их оплатить. Я написал Селиберу, чтобы он послал Вам свои печатные работы на французском языке – они появлялись <…> в Revue philisophiques» [274]. Действительно, Г.Л. Селибер из Вильны: «По указанию Петра Бернгардовича Струве посылаю Вам заказной бандеролью свои работы, напечатанные большей частью на французском и немецком языках» [275]. Затем 20 января 1911 г. Селибер – в ответ на письмо Вернадского от 22 декабря 1910 г. – отвечает на замечания, сделанные Вернадским к его двум статьям. В частности, «в статье "Экспериментальный метод в биологии" я привел слова Павлова в переводе», поскольку ни в Париже, ни в Вильне ему не удалось достать сочинений И.П. Павлова на русском языке. Объясняет Вернадскому также ряд других неточностей (попуски слов при переписке статьи и др.) [276]. Не вдаваясь в детали, отметим, что Селибер явно учел все замечания Вернадского и статья «Экспериментальный метод в биологии» была опубликована в «Русской мысли» [448]. В частности, обширные цитаты из Павлова приведены по оригинальному (русскому) изданию труда последнего [393]. В том же письмо Селибер пишет: «Что касается статьи о трансформизме [277], то я не имел намерения дать в ней исчерпывающее изложение вопроса, П[етр] Б[ернгардович] предоставил в мое распоряжение печатный лист, и в статье такого объема трудно коснуться всего, что известно под именем дарвинизма и ламаркизма. Я намеренно поэтому многого не коснулся». Тем не менее он «готов переделать или написать заново, согласно Вашим указаниям» [278]. В журнале «Русская мысль» эта статья Селибера не была опубликована.

---

[274] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1587. Л. 17–17 об. Автограф на бланке журнала «Русская мысль».

[275] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1474. Л. 3.

[276] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1474. Л. 1.

[277] Трансформизм – система представлений естествоиспытателей и философов XVII – XIX вв. об исторической изменяемости (трансформации) организмов, предшествовавшая эволюционному учению. Трансформисты постулировали, но не доказывали эволюционного преобразования организмов. Для объяснения механизма трансформации они обычно допускали возможность целесообразной (приспособительной) реакции на изменения внешних условий и наследование приобретенных таким образом признаков.

[278] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1474. Л. 2.

Надо сказать, что авторитет Вернадского был так высок, что в это время он также входил в редколлегию сборника «Логос. Международный ежегодник по философии культуры», издаваемого московским издательством символистов «Мусагет» (существовало в 1909–1917 гг.), которое специализировалось на издании русских и переводных книг (в основном стихи поэтов-символистов, работы философского и религиозно-мистического направления). На титуле 1-го выпуска этого сборника указано, что ежегодник выходит «при ближайшем участии В. Вернадского, И. Гревса, Ф. Зелинского, Б. Кистяковского, А. Лаппо-Данилевского, Н. Лосского, Э. Радлова, П. Струве, С. Франка; во 2-м выпуске к ним добавлен А.А. Чупров. «Логос» издавался в 1910–1914 гг. В 1910 г. вышли 2 выпуска этого сборника.

21 мая из Вернадовки Вернадский пишет А.Е. Ферсману: «Я просил перед отъездом Генриха Иосифовича <Касперовича> передать мне статьи Knebel`я. Мне нужны его статьи в связи с генезисом сольфатар, они были напечатаны в “Centralblatt für Mineralogie” [279] (или, может быть, N. J. [280]) за последние годы. Работа Кнебеля, прерванная его смертью, вызвала полемику. Как клише? [281] Посылаю Генриху

[279] Журнал «Centralblatt für Mineralogie, Geologie und Paläontologie», издавался в Штутгартет.

[280] Журнал «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologic und Paläontologie», издавался в Штутгарте.

[281] Речь, очевидно, идет о типографском клише (фотографии или рисунка) для готовящейся публикации Вернадского.

Иосифовичу бандеролями поправленные лекции для Казакова. Пусть он обратит внимание на NN <номера, написанные> карандашом на конверте. Казаков зайдет за лекциями. <…> Нашел ли Линденер в “Варшавском дневнике” [282] № 870 указания метеоритах? Что его статья о триболюминесценции? [283]» [401, с. 14].

Находясь в Вернадовке, Вернадский совершил краткосрочную поездку, говоря его словами, «в Пензенскую губернию на фосфориты». Выехал он из Вернадовки, судя по всему, в самые последние дни мая или в первый день июня. К сожалению, сведений об этой поездке совсем немного. В его дневнике сохранилась (своего рода итоговая) запись от 5 июня, сделанная в Арапово [284]: «Благодаря невероятному распределению поездов приходится сидеть в Арапово больше 18 часов! Вся поездка в Пензу – Троицк [285], и окрестности в значительной мере состояла в ожиданиях ввиду невероятного распределения жел[езно]дор[ожных] поездов. Они не считаются ни с какими удобствами местных жителей и даже таких больших центров как Пенза. Всюду чувствуется печальная картина русской действительности» [286].

Судя по всему, Вернадский на поезде из Вернадовки доехал до Пензы. В «Хронологии 1910» есть фраза, что он «первый раз в Пензе летом» [287].

---

[282] «Варшавский дневник» – газета, издававшаяся в Варшаве с 1 октября 1864, сначала как издание Варшавского учебного округа (1864–1879), затем варшавского генерал-губернатора. Указанная Вернадским ссылка ошибочна.

[283] См. [330].

[284] Арапово – название железнодорожной станции, открыта в 1892 около с. Воскресенская Лашма (ныне г. Ковылкино, Республика Мордовия). Возникший при станции поселок, поглотивший и Воскресенскую Лашму, в 1919 г. был переименован в Ковылкино (с 1960 – город Ковылкино). В то время эти районы входили в состав Пензенской губернии.

[285] Троицк – в то время заштатный город Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне село в Ковылкинском районе Республики Мордовия, административный центр Троицкого сельского поселения). Расположен на берегу р. Мокша при впадении в нее Сезелки, в 10 км к северо-западу от нынешнего г. Ковылкино. 6 июня 1925 Троицк был преобразован в село. В 1912 в Троицке было 1209 дворов (6899 чел.); земская школа, медицинские и ветеринарные пункты, хлебозапасный магазин, водяная мельница, 3 просодранки и маслобойки, 4 шерсточесалки, 2 синильных завода, 6 пекарен.

[286] См. Приложение 2.

[287] См. Приложение 1.

Вокзал железнодорожной станции г. Пензы, около 1910 г.

Очень недолгое время Владимир Иванович экскурсировал в окрестностях города Пензы («ямщик Павел»), где «попали на открывающиеся пчеловодческие курсы для крестьян». Действительно, известно, что открытие этих курсов состоялось 3 июня 1910 г., о чем, например, сообщал «Вестник Пензенского земства»: «3 июня <1910> в 12 часов дня на пасеке Г.И. Капралова при разъезде “Арбеково”, Сызр[ано]-Вяз[емской] жел[езной] дор[оги], состоялось открытие практических пчеловодные курсы для местных пчеловодов и лиц, желающих практически ознакомиться с пчеловодством в рамочных ульях» [288].

[288] См. (К открытию курсов пчеловодства, устраиваемых губернским земством на пасеке г. Г.И. Капралова // Вестник Пензенского земства, 1910, № 1, с. 66). Капралов Гавриил Иванович (1864–1947) – ученый-пчеловод, автор 50 научных работ по рациональному пчеловодству. Окончил Пензенскую 2-ю мужскую гимназию, экстерном сдал экзамен на звание учителя. Преподавал пчеловодство в Пензенской учительской семинарии и училище садоводства, базой практики служил его образцовая пасека при железнодорожном разъезде Арбеково (ныне район, где находится Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова). Дядя Ивана Ивановича Спрыгина (1873–1942) – известного ботаника, исследователя природы Пензенского края, Среднего Поволжья, Предуралья, Средней Азии и Казахстана.

Из Пензы Вернадский направился в Арапово, скорее всего, по железной дороге через станцию Рузаевку, затем посетил Троицк и село Рыбкино [289].

Село Рыбкино, старая фотография

Из дневника Вернадского: «В “городе” Троицке, где нет ни одного каменного здания (одно было, сгорело 15 лет назад и руины торчат до сих пор) – настоящем городе-деревне в лучших постоялых дворах что-то невероятное. Но еще больше и уже до маловиданной мною грязи несколько дальше в селе Рыбкине в постоялом дворе живущего здесь владимирца. Рыбкино – мордовское – и русские ямщики с презрением

[289] Село Рыбкино Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне в Ковылкинском районе Мордовии), расположено на р. Мокше, в 38 км от нынешнего г. Ковылкино. В 1914 в селе было 148 дворов (1019 чел.); земская школа, ветряная мельница, харчевня.

говорят о грязи, в которой живет мордва! Что же так, боже мой! Культура проникает медленно. Деревня отрезана от жизни. Едва проникает туда книга, недоступна печать. Она скована и беспомощно перед самым диким произволом власти. И все же чувствуется изменение: она больше и смелее говорит, и сейчас аграрный вопрос совсем встряхивает… Около Рыбкина колоссальные месторожд[ения] фосфоритов…»[290].

В дневнике Вернадского есть фразы, которые наводят на мысль, что в этой поездке он был не один. Например, «ямщик Павел, с которым **мы** ехали...», «экскурсируя под Пензой, **попали** на открывающиеся пчеловодческие курсы для крестьян», «дорогой **нас** принимали за мировых». В письме Я.В. Самойлову от 15 июня Вернадский пишет: «Из статьи Ермолова [291] ясно, что **мы** должны были поехать в Пичаево! [292]». К сожалению, Вернадский не счел нужным упомянуть своего спутника (или спутников) в дневниковых записях.

В отчете об исследованиях фосфоритовых залежей в Пензенской губернии в 1910 г. сообщается [18], что исследования окрестностей с. Рыбкина, где развиты наиболее важные залежи фосфоритов, посещены были одним из авторов цитируемой работы (в данном случае О.К. Ланге) совместно с В.И. Вернадским, Я.В. Самойловым и А.Д. Архангельским, но, как следует из писем Вернадского Самойлову, последний точно не участвовал в этой поездке. Сам Я.В. Самойлов отмечал, что в 1910 г. были начаты исследования фосфоритовых месторождений Пензенской губернии, производство которых поручено А.Д. Архангельскому и помощнику его О.К. Ланге, причем небольшая береговая полоса р. Мокши (Краснослободский уезд), особенно в районе с.

---

[290] См. Приложение 2.

[291] См. [241]. На с. 20 и 46 своей работы Ермолов упоминает Пичаево и его окрестности в связи с кругляками саморода (фосфоритов). Александр Сергеевич Ермолов (1847–1917) – агроном, экономист, государственный деятель; почетный член Петербургской АН (1899), член-корреспондент Парижской АН (1902). Крупный землевладелец. Окончил Александровский лицей (1866; его попечитель с 1906) и С.-Петербгский земледельческий ин-т (1871). Первым в России предпринял попытку с.-х. районирования. С 1881 вице-директор, с 1883 директор Деп-та неокладных сборов Мин-ва финансов, с 1892 товарищ министра финансов, с 1893 управляющий Мин-вом гос. имуществ, в 1894–1905 министр земледелия и гос. имуществ.

[292] В «Хронологии 1910» у Вернадского есть запись, что летом этого же года он занимался и фосфоритами Тамбовской губернии] «ок[оло] <«нрзб»>, ок[оло] Сосновки (там ночевал) и <нрзб>. Дальше не изучал» - см. Приложение 1.

Рыбкино, вызывает к себе несомненный интерес [439)]. Может быть, спутником Вернадского был О.К. Ланге – тогда выпускник Московского университета? [293]

5 июня, как следует из его дневника, Вернадский находился в Арапово в ожидании поезда. Вернулся он в Вернадовку через Рузаевку и Пензу. Ехать через Кустаревку Вернадский не рискнул, о чем сообщил в письме к Самойлову 6 июня уже из Вернадовки: «доехал-таки в конце концов! Хорошо, что не поехал в Кустаревку [294] – грязная, маленькая станция!» [295]. Он также сообщает Самойлову, купил ему «и заплатил 3 р[убля] за фунт зубов. Есть любопытные: ме[жду] пр[очим], зубы ящера, по-видимому, внутри *особых* конкреций, которые я сперва принял за копролиты [296]. Что это такое – не конкреции ли древнего моря в меловом <периоде>? Прислать? <…> От Г.И. <Касперовича> ничего нет! Узнайте, послал ли он клише в Академич[ескую] *типографию* (9 лист). Боюсь, он меня задержит». Не знаете ли, где описаны Кукурт-тауские [297] конкреции α-S <альфа-серы>? Ссылка должна быть моей заметке об α-S [298]. Не нашел в Мат[ериалах] для геол[огии] Кавк[аза], <книга> X, в статье Барбота[-де-Марни] [299]. Нет ли в другой?» [300].

Надо заметить, что слова Вернадского (из приводимого письма Самойлову) «доехал-таки в конце концов! Хорошо, что не поехал в Кустаревку» явно свидетельствуют о том, что в Вернадовку Вернадский вернулся один, а его возможный спутник остался продолжать свои изыскания в Краснослободском уезде. Известно, что в это время продолжались работы экспедиций, организованных по поручению

---

[293] Надо отметить, что Рыбкинское месторождение фосфоритов промышленно никогда не разрабатывалось из-за того, что фосфориты здесь рассеяны по слоям и породам 200-метровой толщи.

[294] Ныне узловая промежуточная железнодорожная станция Московско-Рязанского региона Московской жел. дороги. Расположена в пос. Кустаревка Сасовского района Рязанской обл. Была открыта в 1893 в рамках строительства железнодорожной линии Сасово–Рузаевка рядом с хутором Кустаревского.

[295] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 1.

[296] Имеются в виду окаменевшие экскременты ископаемых животных.

[297] Кукурт-Тау – куполовидное поднятие высотой 900 м, расположено в центре Талгинской котловины Предгорного Дагестана.

[298] См. [76].

[299] См. [26].

[300] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 1.

Пензенского земства Н.А. Димо [301], целью которых было изучение естественноисторических условий Пензенской губернии, причем в 1910 г. также губернским земством были организованы геологические исследования, которые своей задачей имели содействие почвоведам при изучении субстрата, на котором формировался почвенный покров (геологическими работами руководил А.Д. Архангельский, принимали участие в них С.А. Добров, А.В. Красовский. Г.Ф. Мирчинк, А.В. Рошевский и О.К. Ланге, причем последний проводил исследования в пределах Краснослободского уезда Пензенской губернии). Можно предположить, что Вернадский из Вернадовки поездом доехал до Пензы, где к нему и присоединился один из молодых геологов (О.К. Ланге?), чтобы сопровождать его в поездке.

14 июня 1910 г. Вернадский пишет А.Е. Ферсману: «Клише получил и Ваше письмо (отправленное неделей позже) тоже. Прилагаемый снимок с Вагнера, мне кажется, не годится. Нет ли здесь какой-нибудь ошибки? Ведь он ничего не дает, может быть, можно за границей взамен заказать больший или лучший? Я бы очень хотел иметь 2–3 типичных рисунка алмаза фигуры разъедания (может быть, один промежуточный и один конечной стадии). Конечная стадия {110}? Где есть об этом в литературе? Где печатается Ваша статья с Гольдшмидтом? [302] Может быть, с согласия Гольдшмидта Вы могли бы дать 2–3 рисунка? И тогда, может быть, заказали бы за границей клише для Академии? <…> Ваша статья о флогопите – альбите вышла [303]. Кстати, видели статью Гоппара о натровых микроклинах в мячковских известняках? О Ni в известняках надо, чтобы Вы дали маленькую заметку. Особенно это интересно в связи с генезисом NiS в каменноугольных слоях (с сидеритами). Теперь много читаю и подгоняю пропущенное. Сидел сперва над лекциями <по> минералогии [304], а потом над “Опытом” [305]. Сдаю уже алмаз–графит. 3-й выпуск заканчивается на середине серы. Вижу

[301] Димо Николай Александрович (1873–1959) – почвовед, географ. Подробнее о нем см. примечание № 3 к записи в дневнике от 5 июня – см. Приложение 2. Вернадский вполне мог встретиться с Димо в Пензе в начале своей поездки по Пензенской губ. (в записи от 5 июня он упоминает Димо).

[302] См. [581].

[303] См. [518].

[304] В 1910 вышли в свет два выпуска «Минералогии»: второе издание II-й части [101] и третье (переработанное и дополненное) издание I-й части [102].

[305] См. [103].

много недоделанного, нахожу пропуски – но ничего не поделаешь!» [401, с. 15].

В письме Я.В. Самойлову 15 июня Вернадский сообщает, что С.Ф. Ольденбургу будет «писать сегодня о присылке в Академию С. Х. [306] бумаги – не понимаю, отчего ее нет. М[ежду] пр[очим], из его письма видно, что он как будто сомневается, чтобы мы получили *деньги*, т[ак] к[ак] ввиду новых штатов, которые рассчитываю ввести в действие 1го января, денег давать не будут [307]. Надо все-таки иметь в виду возможность такого неблагоприятного исхода. <…> К своей работе над кристаллографией почти не приступил – но зато очень подвинул опыт [308]. Надеюсь, летом отпечатать 3ий выпуск и довести 4ый почти до половины» [309]. В этом же письме Самойлову Вернадский пишет, что у него (в управлении имением) «теперь изменяются планы. В хозяйстве выясняются очень неприятные вещи, и я решил остаться здесь до конца – до выяснения всего дела. Я думаю, что придется произвести полный переворот – отправить А.И. <Попова>. Это очень неприятно, но надо было это сделать давно» [310]. Действительно, в это время Вернадский расстался с Александром Ивановичем Поповым [311] – сперва арендатором (с 1886 г.) и затем многолетним управляющим в его имении. Надо сказать, что много лет спустя Вернадский будет жалеть об этом своем решении. Так, в «Хронологии 1910 г.» он запишет: «Разрыв с Ал. Ив. Поповым под его <П.М. Аргутинского-Долгорукова> влиянием (и Наташи <Н.Е. Вернадской>). Я не был достаточно тверд. Очень меня долго чувство моей несправедливости мучило. И до сих пор я считаю, что я недостаточно вошел в психологию порядочного человека и настоящим образом не защитил» [312].

---

[306] Вернадский имеет в виду Московский сельскохозяйственный институт, где работал Я.В. Самойлов.

[307] Речь идет о финансировании экспедиции по исследованию радиоактивных минералов.

[308] См. [103].

[309] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 2–2 об.

[310] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 2 об.

[311] Его дети – сын Александр (служащий Тамбовской губернской земской управы) и дочь Лидия (1885–?, выпускница Моршанской женской гимназии, с 20 сентября 1905 – учительница Родимовской земской школы Моршанского уезда) – в 1906 активные участники пропагандистского кружка, в который входили также Г.В. Вернадский, И.В. и Н.В. Ильинские и др.

[312] См. Приложение 1.

Вместо Попова управляющим станет некто В. Грибаков, судя по всему, местный крестьянин (несколько его писем – с большим количество орфографических ошибок – адресованные Н.Е. Вернадской, отложились в архиве). О нем Вернадский сообщает в своих письмах жене от 2 и 4 октября 1910 г. [146]. Например, 4 октября 1910 г. из Москвы Вернадский пишет Наталье Егоровне: «От Грибакова новое письмо. Очень там все не ладится. Надо подумать, как быть» [146, с. 45]. Очевидно, что именно в это время у Вернадского и возникла мысль сдать имение в аренду, так сказать, в более надежные руки. Так, в архиве отложилось письмо от 21 декабря 1910 г. от Стефана Алексеевича Шилина из Земетчино, написанное последним в ответ на письмо Вернадского от 12 декабря 1910 г. Шилин пишет, что «действительно желал бы снять в аренду Ваше имение при станции Вернадовка для конторы кн. О.П. Долгорукой». Уплата аренды по полугодиям – вперед. «Дом с садами могут остаться за Вами, если пожелаете. Домик для заведующего и другие постройки для арендатора необходимы, и мы должны их поддерживать в порядке». Просит указать цену за десятину и срок сдачи. «Для личных переговоров могу приехать в Москву в январе 1911 года» [313]. Вернадский письмом ответил согласием, а их встреча состоялась в Москве (примерно 8 – 9 февраля [314]); 21 февраля 1911 г. Шилин направил Вернадскому проект договора [315].

Выбор Вернадского был не случаен.

С 1906 г. Стефан Алексеевич Шилин (выпускник Петровской сельскохозяйственная академии) был управляющим всеми имениями в Тамбовской и Пензенской губерниях княгини О.П. Долгоруковой [316],

---

[313] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1857. Л. 1–2.

[314] Это следует из телеграммы Шилина Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1857. Л. 4).

[315] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1857. Л. 3.

[316] Княгиня Ольга Петровна Долгорукова (урожд. графиня Шувалова, 1848–1927) – фрейлина Двора (1868), статс-дама Двора (1912); награждена орденом св. Екатерины 2-ой степени. Дочь графа Петра Павловича Шувалова (1819–1900), камергера, с.-петербургского губернского предводителя дворянства, сахарозаводчика, и Софии Львовны, урожд. Нарышкиной (1829–1894). Замужем (с 1867) за князем Александром Сергеевичем Долгоруковым (1841–1912), обер-гофмаршалом, членом Госсовета, обер-церемониймейстером на коронации Александра III и верховным церемониймейстером на коронации Николая II и Александры Федоровны. Занимала высокое положение при Дворе. Последняя владелица имения Мисхор (в Крыму), откуда в апреле 1919 была эвакуирована на английском

центром которых было Земетчинское вотчинное имение, славившееся своей организацией на всю губернию (тогда Тамбовскую) [177 [317]]. Здесь находился сравнительно большой свекло-сахарно-рафинадный завод (на то время, пожалуй, один из лучших в стране [318]), основанный еще в 1849 г. и функционирующий доныне. Считалось, что управление Земетчинским имением было построено образцово. Административные штаты служащих были на каждом хуторе экономии, практически все главы которых имели специальное образование. Все сведения группировались в главной конторе, которой и управлял С.А. Шилин. Между прочим, княгиня Долгорукова на свои средства в 1892 г. построила железную дорогу от Земетчино до Вернадовки (протяженностью 27 км), а в 1901 г. – от Земетчино до Кустаревки (101 км).

Судя по всему, в начале марта 1911 г. имение было сдано Вернадским в аренду на довольно долгий срок – до весны 1918 г., о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве записка следующего содержания: «Громовскому Волостному Исполнительному Комитету Моршанского Уезда. Землю нашу мы давно сдали в аренду Земетчинской конторе кн[ягини] Долгоруковой. Срок аренды истекает весной 1918 года, и до этого срока мы по закону (не отмененному) распоряжаться землей не можем. Надеемся, что к этому времени уже состоится постановление Учредительного Собрания о передаче земли трудовому народу путем выкупа ее государством по справедливой оценке. Этого перехода земли к народу мы всегда хотели и будем его приветствовать. Г.<В.> Вернадский» [319]. Датировать ее с высокой долей уверенности можно июнем – июлем 1917 г.

Как уже следует из рассказанного выше, находясь в Вернадовке. Вернадский вел довольно активную переписку со своими друзьями, коллегами, сотрудниками, учениками. Так, в Государственном архиве

крейсере «Мальборо» на Мальту. Позже проживала в Англии и во Франции, умерла в Версале.

[317] Между прочим, автор этой брошюры в советское время был главным агрономом Земетченского сахарного завода и за достигнутые рекордные урожаи сахарной свеклы награжден орденом Трудового Красного Знамени.

[318] В 1896 на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде заводу была присуждена золотая медаль. К 1914 на заводе работало 1125 человек. Последние капитальные вложения в свое предприятие О.П. Долгорукова сделала в 1917.

[319] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 45. Л. 7–7 об. В 1911 В.И. Вернадский передал свое имение и землю, а с ней и свой избирательный ценз в земстве сыну Георгию.

Тамбовской области (ГАТО) отложилось письмо (датируемое 18 июня 1910 г.) Вернадскому от председателя Геологического комитета Ф.Н. Чернышева, в котором речь идет о минералогической коллекции Кочубея. Чернышев также сообщил Вернадскому о геологических исследованиях в районе Ферганы: «… Вы спрашиваете насчет геологии Ферганы. Отчет об Андижанском землетрясении еще не закончен печатанием; но он мало коснется тех областей, которые Вас интересуют со стороны урановых руд…» [171, с. 34]. П.П. Пилипенко в письме от 2 июля 1910 г. из Томска сообщает Вернадскому о результатах своей экспедиции и рассказывает о топазовом месторождении у г. Колывани, а также о Зыряновском и Белоусовском рудниках [171, с. 34]. В личном фонде В.И. Вернадского в ГАТО сохранилось письмо неизвестного автора В.И. Вернадскому от 21 июля 1910 г., в котором содержится просьба к Вернадскому прислать материалы, связанные с обсуждением в Государственном совете закона о налоге на недвижимые имущества [171, с. 39].

Естественно, что Вернадский, как всегда, аккуратно и нередко довольно подробно отвечал на присланные ему письма. Например, в письме Я.В. Самойлову от 4 августа 1910 г. из Вернадовки он пишет: «Давно не писал Вам и не отвечал на Ваши письма. В это время много было дел по имению и в то же время хотелось закончить свою статью – отчет о спектроскопических работах прошлого года – и я запустил всю корреспонденцию. Вчера послал ее в Академию и сегодня принялся за свою корреспонденцию. Поездку в Фергану придется отложить на весну. Шварц отказал в деньгах, в Академии средства будут лишь в 1911 году. С. Ф. <Ольденбург> спрашивал, не надо ли хлопотать у Ульянова, но я сегодня ему написал, что нет. Это и безнадежно. Вместе с тем холеры и чумы очень боится Н[аталья] Е[горовна] <Вернадская> и она меня уговорила отложить <поездку в Фергану>. Свои деньги сейчас мне истратить трудно. Не везет нам с Ферганой – но м[ожет] б[ыть] устроим и лучше поездку. Человек всегда находит выход – для своих иллюзий. Читаю сейчас по Туркестану и вижу, что это минералогически непочатый край! Сейчас уборка <урожая> и невероятная погода – дожди и дожди! В общем мы справляемся не хуже других – но урожай сильно пострадал везде от погоды. Настоящим образом молотить не удалось, овес стоит в поле, и ржи у нас немного осталось. У других и вся рожь в поле… Среди всякой хозяйственной возни, которая в общем интересна, кончил три статьи (о

триболюминисценции [320], титане в почве [321] и IIIй очерк заметок о распространении химич[еских] эл[ементов]) [322] и хочется отделать заметку о формуле биотитов в связи с работами Вейберга [323]. Не знаю, успею ли. IIIій выпуск минералогии кончен [324] и IVый сдан до газов [325]. А газы хотелось бы обработать лучше, чем у меня в рукописи – знаю, успею ли и смогу ли. При обработке спектроск[опического] отчета много является планов на будущее… Из огромной новой литературы 1909–1910 <гг.> – журнальной – которую мне пришлось теперь просмотреть и перечитать – наиболее интересны работы Брена <Брёна> по вулканам и затем прелюбопытная статья <Биллова?> над крученными кварцами. Мне кажется, он сделал крупный шаг в теории двойников. Следует нам обсудить этот вопрос осенью» [326].

В письме Я.В. Самойлову от 13 августа Вернадский сообщает: «Экскурсию в Андижан решил отложить до *весны*. Ведь Вам возможно? Ибо: 1) Минист[ерство] отказало в деньгах, а у Акад[емии] сейчас денег нет, 2) Деньги в Акад[емии] будут почти наверное к весне, 3) Жена очень беспокоится ввиду холеры-чумы, 4) Сейчас у меня нет свободных денег ввиду хозяйства. Сейчас хозяйничаем. Уборка страшно трудна вследствие дождей <…>. Кончил III выпуск и работал довольно хорошо, хотя не успеваю сделать то, что хотел» [327].

И.И. Петрункевич в письме то 15 августа 1910 г. сообщает Вернадскому о планах своей поездки в Крым и высказывает мнение о новом избирательном законе [171, с. 39]. Как уже сообщалось выше, примерно в это время (возможно, в ответ на это письмо Петрункевича) Вернадский сообщил ему о своем намерении «написать о Ломоносове».

Судя по всему, в середине августа в Вернадовку приехали Георгий Вернадский (с женой), что следует из письма М.М. Карповича из Петербурга от 27 августа 1910 г.: «Дорогой Георгий! Вчера получил открытку от Нины Вл[адимировны], в которой она пишет мне, что Вы уже в Вернадовке и что вернетесь Вы оттуда, вероятно, раньше, чем

---

[320] См. [99], в конце которой указано: Вернадовка, июль 1910 г.
[321] См. [107].
[322] См. [156], в конце которой указано: Вернадовка, август 1910 г.
[323] См. Приложение 4.
[324] См. [103].
[325] Вышел в свет только в 1912. См. [115].
[326] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 3–4 об.
[327] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1999. Л. 5.

предполагали первоначально. Последнее для меня очень приятно, т[ак] к[ак] хочется поскорее зажить вместе с Вами – хотя бы в некоторых отношениях “одною с Вами жизнью”. Привет Владимиру Ивановичу, Наталье Егоровне и Ниночке <Вернадским>. Если вы вернетесь в Москву 15-го <сентября?>, то вряд ли Вам сразу придется ехать в Петербург» [359].

В ГАТО сохранилось также письмо Б.А. Линденера В.И. Вернадскому (от 24 августа 1910 г., из Москвы), к которому была приложена корректура статьи Вернадского, в которой Линденер исправил опечатки и сделал некоторые поправки, которые пояснил в тексте письма [328] [171, с. 35].

В «Хронологии 1910 г.» есть запись Вернадского: «Умерла сестра Катя. Осенью Нюта переехала к нам в Москву [329]. Я не помню, отчего я не поехал на похороны Кати. Смерть Кати была в сущности самоубийством (веронал) после смерти от туберкулеза Макс. Макс. Болсунова, резко изменившей все духовное и житейское счастье Кати. Я не подошел здесь к Кате, как должен был подойти, пережил и осознал много позже, как прошлое. <…> Екатерина Ивановна Короленко, урож[денная] Вернадская, умерла, очевидно, 30 авг[уста] 1910 г.» [330]. Здесь явная путаница. Так, в ГАТО отложилось письмо к Вернадскому от сестры Ольги (от 31 июля 1910 г.), в котором она делится с братом переживаниями по поводу кончины сестры Екатерины [171, с. 19]. Судя по всему, сестра Екатерина ушла из жизни не 30 августа, а 30 июля 1910 г.

[328] Возможно, речь идет о статье [99], которую Вернадский завершил в июле 1910 г., находясь в Вернадовке.

[329] Племянница Вернадского – Анна Сергеевна Короленко, которая «переехала к нам и жила с нами – сперва в Москве, потом в Петербурге, как *родная*» – см. Приложение 1.

[330] См. Приложение 1.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПУБЛИЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Торжественные собрания Академии наук, как следует из ее Устава, «имеют быть ежегодно в день празднования Академиею пятидесяти и столетнего ее юбилея, то есть в 29 день декабря. Академия извещает о том в ведомостях и приглашает в Торжественное свое Собрание не только почетных членов и корреспондентов, но и других ученых и любителей науки. Президент, или Непременный секретарь, открывает Собрание приличною речью. Последний излагает в отчете труды Академии за прошедший год, объявляет имена ученых, получивших награды, и предлагает сокращение из диссертаций, ими представленных и одобренных Академиею. Он также читает новые задачи, предложенные Академиею на следующий год, и объявляет имена ученых, вновь принятых в члены Академии, присоединяя к тому биографические сведения о членах в течении года умерших» [443, с. 11].

В 1910 г. на долю Вернадского, как он вспоминал позже, «выпала обязанность произнести ежегодную речь по существовавшему тогда старому обычаю. Я выбрал темой: “Задача дня в области радия”, где я пытался дать понятие об основном значении в геологической истории нашей планеты радиоактивной энергии. Как следствие этого вытекало основное значение химических элементов в геологии нашей планеты и, очевидно, всех планет – значение геохимии» [141, с. 371].

В письме Н.Е. Вернадской от 25 декабря 1910 г. из Москвы Вернадский сообщал, что надеется завтра выехать в Петербург. Судя по тексту письма, он несколько волнуется перед выступлением, поскольку «не успел все пересмотреть. Остановлюсь в Петербурге у Петрункевичей» [146, с. 48]. В письме от 28 декабря, уже из Петербурга, пишет, что приехал вчера и остановился у Петрункевичей. «Читал им свою речь, она им понравилась. 15 января она уже выйдет из печати. По-видимому, в заседание Академии придет много народу. Но я теперь вожусь с дальнейшим шагом и сговорился что поднимаю тот же вопрос на ассоциации Академий [331] и через Петербургскую академию

[331] Вернадский имеет в виду Международный союз академий (Международная ассоциация академий), который был основан в 1899. В 1910 представителями С.-Петербургской Академии наук в нем состояли: от физ.-мат. отделения – О.А. Баклунд и Ф.Н. Чернышев, от историко-филолог. – К.Г. Залеман и А.С. Лаппо-

переношу составление минералогической радиоактивной карты земной коры на международную почву. Переговорю в Париже с Кюри, Де Лоне и Лакруа – в Вене с Зюссом и Бервертом и Дельтером [332] и, если почва окажется хорошей, из Вены же пришлю записку. Здесь ее переведут по-французски. Хочу остановиться в Берлине, так как надо узнать об условиях приобретения там коллекции Янсона. Я полон мыслей и планов. Для меня совершенно выясняется организация систематической спектроскопии минералов комбинацией 4-х спектроскопов, и эту работу организую через Леденцовское общество. Вчера весь день сидел в музее и сегодня тоже. Сколько интересного кругом!» [146, с. 49].

На торжественном публичном заседание Академии наук 29 декабря 1910 г. председательствовал ее президент Великий князь Константин Константинович (1858–1915; поэт К. Р.). Собрание открылось в 2 часа дня. На нем были оглашены отчеты о деятельности Академии в 1910 г. по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям (С.Ф. Ольденбург) и Отделению русского языка и словесности (Н.А. Котляревский), а также заслушана информация о присуждении различных премий и наград [329, с. 181]. Затем свою речь произнес Вернадский [333].

Как в свое время отметил И.И. Мочалов, «перелагать содержание этого произведения мыслителя – вещь невозможная и ненужная: оно читается как поэма, на одном дыхании» [357, с. 182]. Тем не менее

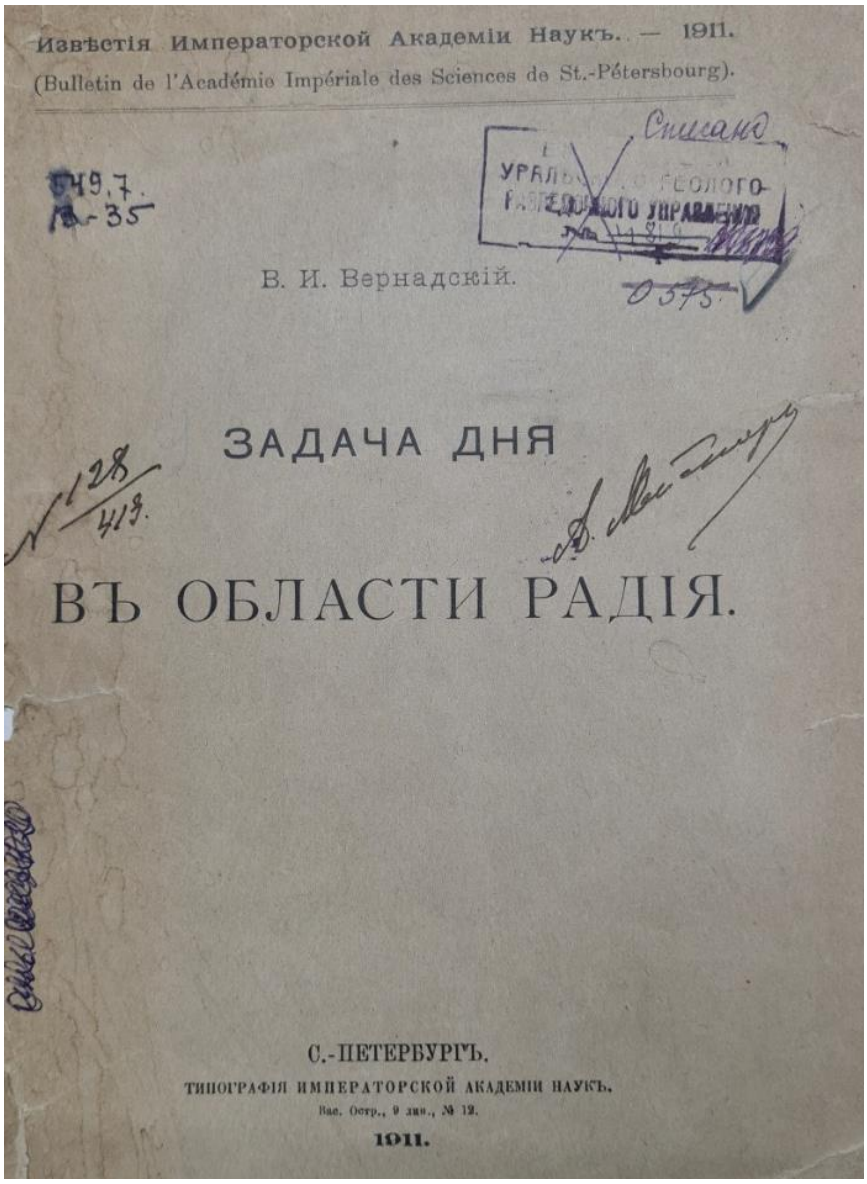
Данилевский. В 1910 в Риме с 25 апреля (8 мая) по 2 (15) мая состоялось Общее собрание Союза академий. См. [142].

[332] Дёльтер (Doelter) Корнелио Август – австрийский минералог, петрограф, вулканолог и химик немецкого происхождения. См. о нем примечание № 131 на с. 123. Добавим к написанному там, что родился он в Пуэрто-Рико (его отец был женат на дочери из семьи богатых владельцев плантаций). Учился в Париже, в Карлсруэ, работал во Фрайбурге и Гейдельберге. В 1872 получил докторскую степень, переехал в Вену, служил в Geologische Reichsanstalt (Имперская геологическая служба), закончил абилитацию в Венском ун-те, адъюнкт-профессор (1876) и ординарный профессор (1883) минералогии и петрографии в Грацском ун-те, в 1906/07 – его ректор. С 1907 профессор Венского ун-та, в 1921 вышел на пенсию. Член Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1899). Вернадский знал его работы и был с ним знаком (например, общался в Вене в январе 1911, о чем, в частности, сообщал Н.Е. Вернадской в письмах [146]).

[333] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1195. Л. 78.

попробуем – с помощью самого Владимира Ивановича Вернадского – изложить ее основные положения.

Открытию радиоактивности в 1896 г., по мнению Вернадского, «суждено оказать огромное влияние на жизнь человечества, начать новую эру его истории. <…> Это открытие произвело огромный переворот в научном мировоззрении, вызвало создание новой науки, отличной от физики и химии, учения о радиоактивности, поставило перед жизнью и техникой практические задачи совершенно нового рода, открыло горизонты возможностей, совершенно неожиданных и, казалось, навсегда для человечества закрытых. Благодаря открытию явлений радиоактивности мы узнали новый негаданный источник энергии», причем «попытки объяснить его вызвали следствия не менее крупного научного значения» [108]. Вернадский отмечает, что, может быть, лишь в начале XVII в., «на заре новой науки и философии», человечество проходило через не меньшие изменения в понимании действительности.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1911.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

В. И. Вернадскій.

ЗАДАЧА ДНЯ

ВЪ ОБЛАСТИ РАДІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1911.

Отдельный оттиск речи В.И. Вернадского «Задачи дня в области радия», 1911 г.

Оказалось, что все выделения энергии при радиоактивных процессах, подобно всемирному тяготению, не могут никакими способами быть изменены в своем течении или в своей силе. Больше того, «старинные мечтания алхимиков получили реальное основание! Некоторые химические элементы, неразлагаемые во время химических процессов, распадаются во время реакций радиоактивных. На частном случае гелия, мы имеем опытное подтверждение возможности такого превращения».

Исследования последних лет довольно быстро привели к тому, что «были созданы новые представления о материи, о химическом элементе, о взаимных соотношениях между материей и электричеством. Быстро поблекли старые, казалось, прочно вошедшие в сознание натуралистов представления – как представления о мировом эфире. Наряду с этим, в научное мировоззрение вошли совершенно новые идеи – представления о конечном бытии химических элементов. <…> Отдельные химические элементы оказались генетически связанными и для них стало возможным строить такие же генеалогические таблицы, какие мы даем в родословных человека или животных или в зоологических древах образования родов и видов. Таблица химических элементов сразу озарилась на наших глазах новым светом: химические элементы оказались частными случаями одного или нескольких радиоактивных процессов».

Вернадский задается вопросом, что же сулит нам новая сила, раскрывающаяся перед человеческим сознание?

«Уже теперь в картине реальной природы выдвинуто значение радиоактивности для объяснения теплоты земного шара, для определения его возраста, для исчисления годами геологических периодов, для образования горных цепей; мы видим ее проявления в учении об атмосферном электричестве, о химических реакциях земной поверхности». Тем не менее, подчеркивает Вернадский, «мы находимся здесь еще в периоде начальной работы. Процессы природы не согласованы с далеко ушедшими вперед новыми обобщениями физико-химического характера. Картина природы только начинает меняться под их влиянием. Область сознательной жизни человечества затронута еще слабее. Лишь издалека мелькают перед нами картины будущего. Всегда при вхождении новых сил человеческая мысль раньше всего обращается к ним для исцеления от страданий и болезней. И в области радия мы ищем новых сил для защиты и для борьбы с поражающими нас

несчастиями. С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового союзника и защитника».

В.И. Вернадский и К.А. Ненадкевич в Средней Азии на поисках радиоактивных минералов, 1911 г.

С другой стороны, отмечает Вернадский, «мы не можем оставлять без внимания и не можем не задумываться над другими сторонами новых явлений. Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических процессов. <…> А теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению. Но все эти изменения пока в будущем. Ожидания далеки от действительности. И невольно перед нами выдвигается основной вопрос в области радия. Почему в эти 14 лет, когда совершился переворот в научном мировоззрении, так слабо отразился он на картине природы и еще медленнее и слабее он проник в область наиболее нам ценную – в область человеческой жизни, человеческого

сознания?» Ответ на эти вопросы, по мнению Вернадского, дает изучение прошлого. «Мы знаем, что научные открытия не являются во всеоружии, в готовом виде. Процесс научного творчества, озаренный сознанием отдельных великих человеческих личностей, есть вместе с тем медленный и вековой процесс общечеловеческого развития. Историк науки открывает всегда невидную современникам, долгую и трудную подготовительную работу; корни всякого открытия лежат далеко в глубине и как волны, бьющиеся с разбега на берег, много раз плещется человеческая мысль около подготовляемого открытия, пока придет девятый вал! Нам, современникам научного переворота, трудно иметь о нем историческое представление. Несомненно, в будущем откроются в летописях науки многие нам неведомые нити, связующие настоящее с прошлым. Но все же теперь история радия уходит далеко за пределы конца XIX века. В глубь столетия можем мы проследить различные идеи и методы, лежащие в основе учения о радиоактивности».

Вернадский кратко касается истории «новой великой научной волны, нового великого открытия», первые ясные проблески которого уже были видны в конце XVIII столетия [334], но лишь в 1896 г. французский физик Антуан Анри Беккерель «вышел из рамок прошлого, вошел в новый мир», а через два года – после открытия супругами Кюри радия – «учение о радиоактивности стало достоянием человечества».

Вернадский указывает на то, что «сила радиоактивных процессов пропорциональна количеству атомов радиоактивных элементов; темп излучения атомной энергии, процесс ее созидания или проявления не может быть нами изменен и усилен. Для того, чтобы иметь достаточные запасы энергии, доставляемые радием и его аналогами, мы должны иметь в своем распоряжении достаточные количества самого радия или других сильно радиоактивных элементов». Получить же их можно «из минеральных тел окружающей нас природы, из твердой оболочки нашей Земли. Знаем ли мы их запасы и условия их нахождения? Где их найти? Можем ли мы ответить на эти вопросы, являющиеся сейчас задачей дня в учении о радии, поскольку поднимается вопрос о применении его к жизни? К сожалению, в то время, как столетняя работа поколений физиков подготовляла понимание радиоактивности – в другой области, в области конкретной природы, в химии

[334] Он упоминает имена без малого 30 ученых XVIII – XIX столетий («великих гениев человечества», в том числе, говоря его словами, «мало оцененных»).

земной коры, минералогии эта подготовительная работа не была сделана. История радиоактивных элементов, урана и тория, известна очень слабо. Законы парагенезиса химических элементов едва намечены. Новая физико-химическая картина мира ставит перед минералогией такие вопросы, на которые нельзя сейчас ответить, без предварительной и, может быть, долгой работы» [335].

Именно «в этом коренном различии исторического развития связанных с учением о радии областей знания лежит разгадка того противоречия, какое наблюдаем мы между совершающимся переворотом в научном мышлении и малом отражении его на конкретных представлениях о природе, на условиях человеческой жизни. В минералогии приходится совершать сейчас, в разгар изучения явлений радиоактивности, ту подготовительную работу, которая должна была быть сделана ранее. Теперь она выдвинута на первое место ходом научного развития». К сожалению, подчеркивает Вернадский, пока мы еще не можем дать ясной и точной истории радиоактивных минералов в земной коре, не можем дать определенных указаний для поисков руд радия. «Мы можем лишь указать путь для решения этого вопроса. Этот путь требует времени, сил и средств; но другого пути нет. Этот путь заключается в полном, точном, интенсивном исследовании свойств радиоактивных минералов, в изучении условий нахождения их в земной коре». Этот путь «требует систематического расследования на радий всей земной коры, составления мировой карты радиоактивных минералов. Как ни труден этот путь – нет никакого сомнения, что человечество пойдет по нему. Ибо с получением радия, источника лучистой энергии, связаны для него интересы огромного научного и практического значения... Работа эта уже началась и не может быть остановлена».

Вернадский обращает внимание на то, что «эта работа имеет не только общечеловеческое значение. Для каждой страны, для каждого народа неизбежно выдвигаются при этом более узкие – но и более для него дорогие – его собственные интересы. И в вопросе о радии ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники лучистой энергии. Ибо владение большими

[335] Здесь «химия земной коры» и «история элементов» – не просто «минералогия», а скорее уже «геохимия». Далее Вернадский говорит о том, что минералогия «переходит к изучению химических процессов земной коры, к их изменению в пространстве и времени».

запасами радия даст владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество какое получают владельцы золота, земли, капитала. Несомненно, в этом мировом стремлении рано ли, поздно ли будут изучены и руды Российской Империи. Они есть на Урале, Фергане, Сибири, может быть на Кавказе. Ни количества их, ни запасов мы не знаем. Для нас совсем не безразлично кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нами, русскими учеными. Во главе работы должны стать наши ученые учреждения государственного и общественного характера. Теперь, когда человечество вступает в новый век лучистой – атомной энергии, мы, а не другие должны знать, должны выяснить, что хранит в себе в этом отношении почва нашей родной страны. Императорская Академия наук второй год добивается средств, нужных для начала этой работы. Надо надеяться, что ее старания увенчаются, наконец, успехом. В глубоком сознании лежащего на нас перед родной страной долга, я решился выступить в нашем публичном торжественном заседании, чтобы обратить внимание на открывшееся перед нами дело большой общечеловеческой и государственной важности – изучение свойств и запасов радиоактивных минералов Российской Империи. Оно не может, оно не должно дальше откладываться!».

Это событие, эту свою речь Вернадский считал одним их тех «переживаний», которые являются историческими корнями принципов геохимии и биогеохимии [141]. [336]

В.Г. Хлопин в статье «Развитие радиоактивных исследований в Союзе за 15 лет» особо подчеркнул, что только благодаря инициативе академика В.И. Вернадского, под эгидой Академии наук, получили довольно широкое развитие изучение радиоактивных минералов и их нахождения на территории России (1909–1917 гг.) [534]. По мнению академика Н.П. Лаверова, именно Вернадский первым высказал соображения о значительной распространенности урана и тория в земной коре, дал обзор находок радиоактивных минералов на территории

[336] Из письма М.М. Карповича Г.В. Вернадскому (из Петербурга, 3 января 1911): «На публичном заседании Академии я был. Все было достаточно торжественно. К. Р. председательствовал. Сергей Федорович <Ольденбург> читал отчет. Нестор Котляревский говорил о Толстом. Владимир Иванович <Вернадский> – о радии. <…> Доклад Владимира Ивановича был интересен, но, к сожалению, слишком конспективен, так что меня, профана, он больше заинтриговал, нежели убедил» 359].

России и поставил задачи изучения количественного распространения в земной коре урана, тория, радия и других радиоактивных элементов, их минеральных форм и месторождений, а также систематического исследования радиоактивности воздуха и природных вод [324]. Как справедливо отметил авторы [325, с. 7], если в 1910 г. физики и химики Франции, Англии, Германии, США, России с увлечением получали все новые и новые экспериментальные данные о свойствах радиоэлементов, определяли скорость их распада, закономерности взаимопревращений и химического поведения, исследовали испускаемые радиоактивные излучения, но лишь Вернадский «в потоке новой, ранее невиданной информации, в море необычных и непривычных данных обнаруживает очертания нового грандиозного природного явления – высвобождение внутриатомной энергии».

В записной книжке Вернадского за 1910 г. есть зачеркнутая запись:

«Радиевые институты

Конец XIX, начало XX века, должно быть отмечено в истории человеческой культуры как начало нового типа учреждений, специально посвященных не учебной, а научной исследовательской работе. К этой работе все более прис…» [337].

Судя по всему, в это время Вернадский приступил к написанию своей статьи, которая была опубликована во второй (февральской) книжке журнала «Русская мысль» за 1911 год [112]. В этой статье он указал: «Исследование явлений радиоактивности – одна из важнейших очередных задач для человечества – вступает сейчас в новое русло, благодаря созданию особых, посвященных ему учреждений. Ими являются радиевые институты» [112, с. 251] [338], а также отметил, что «создалась новая наука – *учение о радиоактивности* [339]. По мере того как

[337] АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 271. Л. 5.

[338] В 1934 Вернадский особо подчеркнет, что «наш Радиевый институт», исторически выросший из созданной для выполнения программы 1913 года Радиевой экспедиции Академии наук, «резко отличается от всех радиевых институтов других стран тем, что изучение радиоактивных свойств планеты стоит в нем на равном месте с химическим и физическим изучением явлений радиоактивности» [128, с. 1].

[339] Из доклада Вернадского на сессии Отделения математических и естественных наук АН СССР 20 декабря 1934: «Сейчас можно и нужно говорить о новой создающейся науке – о радиогеологии – науке и радиоактивных свойствах нашей планеты, о происходящих в ней, ей свойственных, особых радиоактивных

увеличиваются наши знания в этой области, становится ясным, что наука эта отлична от физики и химии и представляет самостоятельную дисциплину в системе человеческих знаний. Она имеет многочисленные области соприкосновения с физикой, химией, минералогией, но является от них независимой. Она требует совершенно специальных приспособлений для работы, особой подготовки, новых специалистов. Ярким проявлением нарождения новой области знания является создание новых, посвященных ее изучению, учреждений – научных институтов» [112, с. 252].

«Двадцать четыре года назад, в 1910 г., в речи, произнесенной на Общем собрании Академии наук – “Задача дня в области радия”, – я пытался обратить внимание на изучение явлений радиоактивности, проявляющихся на нашей планете, в ее минералах и в горных породах, пытался направить внимание на изучение явлений не радиоактивности самой по себе, а радиоактивности Земли. В связи с этим я дал тогда программу систематического изучения радиоактивных явлений в нашей стране. Только через три года после того, после нескольких отказов, Академия смогла получить законодательным путем относительно большие, достаточные средства для прочной, казалось, и широкой постановки изучения с этой точки зрения территории России [340]. Но реально удалось провести только один раз экспедиционную работу в 1914 г. Началась мировая война, и ход истории сломал все начинания. Но основная точка зрения была верная. Она не замерла и сейчас в новом виде возрождается» [128, с. 1].

11 февраля 1922 г. в предисловии ко 2-му тому своего сборника «Очерки и речи» Вернадский предупредил человечество о возможной опасности овладения энергией радиоактивного распада: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравняться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который

явлениях. Эта новая отрасль знания находится в быстром становлении и должна быть сейчас освоена и продумана и теоретически, и практически. Ибо она не только имеет для нас глубочайшее значение, так как связывает с новой физикой и с новой химией – в конкретной земной обстановке – науки о жизни и о нас самих, но и потому, что она дает в руки человека новые пути и новые формы овладения природой, новую силу» [128, с. 1–18, с. 2–3].

[340] Закон об ассигновании 169500 рублей в распоряжение Императорской Академии наук на производство исследования радиоактивных месторождений Российской империи в 1914–1916 был опубликован 29 июня 1914.

даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?

Дорос ли он до уменья использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?» [123, с. 3–4].

Увы, но убедительных ответов на эти вопросы нет до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В.И. Вернадский
Из «Хронологии 1910»
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 1–5.

Москва, д[ом] Унив[ерситета], <улица> Моховая.

Речь на XII съезде [русских] ест[ествоиспытателей] и врач[ей] «О парагенезисе хим[ических] эл[ементов»] [1].

<Статья> Об изомерии [в группе] алюмо- и [ферри]силикатов. Изв[естия] Ак[адемии] н[аук] [2].

<Статья> [«]Титан в почвах[»], <журнал> «Почвов[едение»] [3].

Оп[ыт] опис[ательной] мин[ералогии]. <Выпуск> III [4].

О необход[имости] иссл[едования] радиоакт[ивных] мин[ералов]. Спб. 1910 [5].

Началось в Геол[огическом] муз[ее] Ак[адемии] н[аук] *составление колл[екции] метеоритов.*

<…>

15 сент[ября] в Физико-мат[ематическом] отделении АН образована комиссия под председательством А.П. Карпинского о рассм[отрении] моей записки «О необх[одимости] иссл[едования] рад[иоактивных] мин[ералов]».

25 нояб[ря]. Засед[ание] Отд[еления АН]. *Комиссия все мои предложения приняла*. Постановлено просить через М[инистерство] н[ародного] пр[освещения] и Мин[истерство] торг[овли] 7000 руб[лей] на иссл[едование] радиоакт[ивных минералов] по моему плану.

7 III <7 марта> в Общ[естве] слав[янской] культ[уры] выбран в Правление. <нрзб> квартире <Ф.Е.> Корша – предс[едатель]. <…>

9 XI <9 ноября> умер *Л.Н. Толстой*.

Первое издание лекций через А.В. Казакова (?) – литогр[афированное] начало силикатов [6].

Умерла сестра Катя [7]. *Осенью Нюта* [8] переехала к нам в *Москву*. Я не помню, отчего я не поехал на похороны Кати. Смерть Кати была в сущности самоубийством (веронал) после смерти от туберкулеза <ее гражданского мужа> *Макс. Макс. Болсунова*, резко изменившей все духовное и житейское счастье Кати. Я не подошел здесь к Кате, как должен был подойти, пережил и осознал много позже, как прошлое. <…>

Лето мы провели в *Вернадовке*. *Ниночка* <Н.В. Вернадская> [9] заболела *скарлатиной* – серьезно: <врача не узнавала?>. В Вернадовке с женой (?), с нами был *П.М. Аргутинский*-Долгоруков [10], лечивший Ниночку.

Разрыв с *Ал. Ив. Поповым* [11] под его <П.М. Аргутинского-Долгорукова> влиянием (и Наташи <Н.Е. Вернадской> [12]). Я не был достаточно тверд. Очень меня долго чувство моей несправедливости мучило. И до сих пор я считаю, что я недостаточно вошел в психологию порядочного человека и настоящим образом не защитил.

Вновь избран *Моршанским* и губернским *Тамбовским* гласным.

Весной *Георгий* <Г.В. Вернадский> [13] окончил *историко-филологический факультет Московск[ого] университета* и стал готовиться к *магистерскому экзамену* по *русской истории*. Он не был оставлен у Любавского, учитывая нашу принадлежность к разным группам университетской политики. Я не возражал его решению. (Письма Георгия 4.X.1940. 3.XII(?).1940.) [14].

Вышел 3-й выпуск «*Опыта описат[ельной] минералогии*» [15].

4 окт[ября] навещала маму в Полтаве. От 10 до 18 окт[ября] пишу Влад[имиру] из Москвы сперва в Моршанск, а затем не видно из писем куда [16].

Вследствие того, что *Ниночка заболела скарлатиной*, я пропустил, как это видно из протоколов, три заседания Физико-мат[ематического] отделения Акад[емии] наук в Ленинграде <С.-Петербурге> 3 II, 17 III и 31 III. На заседании 28 IV я уже был.

Командировка А[кадемией] н[аук] в Фергану для осмотра *Туя-Мунского рудника* меня, Ненадкевича и Самойлова (пост[ановление] Отд[еления] 28.IV.1910) в связи с материалом, привезенным в 1908 г. К.А. Ненадкевичем. <…>

Моя поездка в *Пензенскую* губ[ернию] на фосфориты.

В первый раз в Пензе летом. В Тамбовской губ[ернии] ок[оло] <«нрзб»>, ок[оло] *Сосновки* (там ночевал) и <нрзб>. Дальше не изучал.

Нюта Короленко <Анна Короленко> переехала к матери <Е.И. Короленко> в Леонтьевский пер[еулок] (*неразборчиво в паспорте*). Не знаю, застала ли ее живой и в обычном сознании? Сперва 13 янв[аря], потом 27 апр[еля] (?) 1910 [г.]. Отсюда она переехала к нам и жила с нами – сперва в Москве, потом в Петербурге, как *родная*. Позднее и с нами и самостоятельно <нрзб> с <нрзб>). Прописана (пасп[орт]) д. № 9б (Унив[ерситет]) по Моховой ул[ице] (пасп[орт]) 25 сентября 1910 г. (пасп[орт]).

1 VI 1910 в паспорте прописано *неразборчиво* ее пребывание (лечение) в *Финляндии* – в <нрзб> <нрзб> (пасп[орт]).

Екатерина Ивановна *Короленко*, урож[денная] Вернадская, умерла, очевидно, 30 авг[уста] 1910 г. [17].

По словам Наташи, это самоубийство было чрезвычайно странным [18]. Красивая, умная, веселая девушка – гимназистка последнего класса, любимая всеми. Вечером у нее были подруги из гимназии и весело проводили время. Проводив подруг, Ш[ура] сказала им, что завтра вы все придете ко мне. После их ухода, она легла в постель, очень заботливо устроилась, чтобы все было красиво, и выстрелила в висок, покончив с собой. Для всей семьи это был удар грома из безоблачного неба. Для Мити <Д.И. Шаховского> это было одно из глубочайших потрясений. [Боровое. 5. X.1941.] Шура умерла 15 авг[уста] 1912 [г.] в Ярославле.

9 X 1910. Письмо *Нюты* <А.С. Короленко> ко мне из *Царского Села*, Китайская дер[евня] [19], д[ом] гр[афини] *Перовской*, просит снестись с ней по телефону в Царском <селе>, дом Перовской. Ожидала меня 14 X.

Умер Константин Андреевич Шишковский (письмо В.И. Крыжановского из Миасса от 7.III.1942 г.) [20].

Внесен в *Думу* в 1910 <г.> Министром народного просвещения *А. Шварцем* новый университетский устав. «Это был самый черный из всех уставов, вырабатывавшихся *в 1905–1909* гг., ибо он имел своей задачей провести status quo ante <прежний статус-кво> под видом исполнения Выс[очайшего] указа о выработке, взамен устава 1884 г., нового на принципе автономии. Автономии в этом проекте А.Н. Шварца 1910 г. не было и помину. Новый министр Л.А. Кассо взял этот проект в 1910 же году назад, но не стал заботиться о замене его новым» (*В. Вернадский* 1911 год в ист[ории] русск[ой умственной] культуры. Л. 1912, от[тиск] II) [21].

Студен[ческие] волнения в Московском университете, начавшись по частным случайным поводам, – успокоились перед Рождественскими каникулами.

«Но если этот шаг (взятие назад Кассо проекта Шварца – <см. выше>) был для Университета безразличен». Но изъятие штатов Университета «составляет крупный удар развитию университетов, ибо штаты, по проекту А.Н. Шварца, значительно улучшали положение университетов. Несомненно, при широкой наличности в акад[емической] среде значит[ельного] числа пред[анных] науке работников, они

могли и должны были содействовать росту научной мысли и научной работы в России» (*В. Вернадский*. l. c. [22] 1912, II).

25 сент[ября] 1910 [г.] Нюта <Анна Короленко> прописана в Москве по *Моховой* в Университете № 11 (пасп[орт]).

27 апр[еля] 1910 [г.] Нюта <была> прописана *при матери* (адрес неразборчив) (пасп[орт]).

<…>

Умер *В.А. Караулов* (1854–1910) [23], член Гос[ударственной] Думы <от> к.-д. партии в III Гос[ударственной] Думе от Енисейской губ[ернии]. Я его знал немного – но это был искренний и самостоятельно мыслящий человек. В искренности и самостоятельной установке его у меня не было сомнения. Отзывы Петрункевича, Колюбякина, Родичева были для меня достаточны. Отзыв В.И. Ленина-Ульянова о нем глубоко не справедлив – узкая оценка полит[ического] противника. Л[енин] с ним встречался урывками. См. *Ленин* Карьера русского террориста. «Соц[иал-]Демократ», 1911, № 19/20 (*В. Ленин*. Сочинения. XV. 1935. 76–77). У меня от правды немногочисленных случайных встреч и рассказов лиц, его знавших, получилось совершенно другое впечатление о нем, не то, которое дает его политический противник В.И. Ульянов-Ленин (в. с.). Он даже инспирирует, что он давал «откровенные показания». О нем *Рубанович* «L'Humanité», 10.I.1911.

Замечательна оценка *В.И. Ульяновым-Лениным* периода 1904–1910 [гг.], дается им 23.XII.1910, в «Звезде» № 2, 5 янв[аря] 1911 [г.]: «Каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее *шестилетие*. Перед нами сразу выделяются два *трехлетия*, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 года, другое – летом 1910 г[ода]. Первое трехлетие характеризуется… быстрыми изменениями основных черт госуд[арственного] строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой… было столь открытое, внушительное, массовидное выступление всех классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), *какое не часто наблюдается в истории*. Наоборот, второе трехлетие характеризуется … такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких… изменений в госуд[арственном] строе. Никаких… открытых… выступлений *классов*…., на которых развертывались эти выступления в предыд[ущий] период. Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция обоих периодов

<России> оставалась в течение и того и другого – прежней, *капиталистической эволюцией*». – В. Ленин-Ульянов. Сочинения. XV. Изд. 2. Под ред. Н. Бухарина, В. Молотова и М. Савельева. 1935, стр. 71–72.

В 1910 году умер *Лев Никол[аевич] Толстой* (1828–1910). Я его видел несколько раз. Я был у него один раз (об этом я забыл и вспомнил только в Боровом, когда Наташа прочла ею записанный мой разговор с Толстым о бессмерт[ности] души). В 1880-х годах я участвовал – правда, очень условно и косвенно – в литогр[афическом] издании его «Исповеди» (очень правильной) и его [«Краткого изложения] Евангелия [и предисловие к нему]» (отрицательно <относились?> к этому его произвед[ению]). Он заходил ко мне один раз и была <запись?>. Я здесь в Боровом много читал его: еще раз (несколько раз в жизни – но целиком чуть ли не четвертый раз. Здесь впервые Анну Каренину <дочитал?>. Мне хочется в этот год записать случайные результаты <чтения?> и размышления с ним связанные. Ряд близких людей мне знал его гораздо больше). «Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после *1861* и до *1905* года… Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины». В.И. Ленин. Звезда, 22 января 1911. Сочинения. XV. 1935. Стр. 100.

1869. Война и мир [24].

1874. Анна Каренина [25].

1901. Отлучен от церкви [26].

<…>

В стенах Моск[овского] унив[ерситета] <проходил> XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей. Вице-пред[седатель] XII съезда – *А.П. Павлов*. Он же пред[седатель] геолог[ической] подсекции. В этом съезде я принимал деятельное участие. См. *В. Варсанофьева* А.П. Павлов. М. 1942, стр. 254 [27]. Моя речь о парагенезисе хим[ических] элем[ентов] – первое <нрзб> геохим[ическое] построение – которое развил окончательно в *1942* году – как *огромное проявление*, везде легко проникающих космических излучений. (1.XI.1942. Боровое).

XII Съезд [русских] естеств[оиспытателей] и врачей в Москве с 28 дек[абря] 1909 по 6 янв[аря] 1910 [г.]. Пред[седатель] Д.Н. Анучин, тов[арищ] пред[седателя] А.П. Павлов, он же завед[овал] подсекцией

геологии. Секцией геологии и минералогии заведовал В.И. Вернадский. А.П. [Павлов] руководил всей секцией и сам выступал <с> докладами (*В. Варсанофьева*. А.П. Павлов. М. 1942. 320). На этой сессии опять обсуждался вопрос об учреждении Русской Ассоциации естествоиспытателей и врачей и обсуждался ее устав.

И. Попов Минувшее и пережитое. М.-Л., 1933, стр. 152 [28]. Похороны И.С. Тургенева (1883 г.) были грандиозными, таких я не видел ни до, ни после Тургенева. Я не участвовал в похоронах С.Н. Трубецкого и Баумана. Только похороны С.А. Муромцева [29] в 1910 г. превзошли не только похороны Тургенева, как говорил мне М.М. Ковалевский, но и похороны замечательных людей в Западной Европе.

В.В. Карандеев «Минер[алогический] кружок при Минер[алогическом] кабинете Московского университета [1901–1910] // Ежегодник по геол[огии] и мин[ералогии] России. Ред. Н. Криштафович. [Том] 16, <выпуск 1>, 1914, стр[аница] 27. «На *1909–1910* учебный год приводится 6 заседаний с 19 докладами» [30].

«Осенью 1910 года состоялось 2 заседания <Минералогического кружка> с 6 докладами.

На этом деятельность Кружка резко обрывается.

Едва ли кто из участников засед[ания] 5 декабря 1910 [г.] мог предполагать, что это *последнее заседание*; едва ли приходило кому, что многие члены Кружка вынуждены будут в ближайшем будущем расстаться с Московск[им] университетом и что двери Минер[алогического] каб[инета] закроются как раз для тех, кому судьба и интересы Минералогического кабинета были особенно близки и дороги» (1914, стр. 27).

На *стр[анице] 28*: перечень докладов, сделанных в зас[еданиях] М[инералогического] кр[ужка] в 1901–1910 [гг.]:

Д.Н. Артемьев.

А.Д. Архангельский († акад[емик)].

В.В. Аршинов.

В.И. Вернадский.

А.Е. Ферсман.

В. Вульф (†), умер.

А. Дейша – сын певицы, через М.В. Павлову? [31].

Л.Л. Иванов.

В.В. Карандеев (†).

Г.И. Касперович (†).

Ф.К. Кобылкин (†).

Б.А. Линденер.
В.Н. Мамонтов, за гр[аницей]? [32].
Г.А. Петунников, за гр[аницей]? [33].
С.П. Попов.
Е.Д. Ревуцкая (†).
Я.В. Самойлов (†).
И.Ф. Сиома.
М.Н. Соболев.
Н.И. Сургунов (†).
К.А. Чердынцев.
А.А. Чернов.
А.В. Шубников.
В.Г. Орловский (†).

Примечания

1. См. [104].

2. Эта статья Вернадского была доложена на заседании Физико-математического отделения Академии наук 11 ноября 1909 и опубликована в «Известиях Академии наук», 1909, т. 3, № 18, с. 1183–1202.

3. См. [107].

4. См. [103].

5. См. [105].

6. См. [101].

7. Короленко (в девичестве Вернадская) Екатерина Ивановна (1864–1910) – сестра В.И. Вернадского, личная жизнь которой сложилась несчастливо; брак ее с С.А. Короленко распался уже через пять лет – в 1888 (его расторжение оформлено только в 1898); после нескольких попыток она покончила жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу снотворного. Короленко Сергей Александрович (?–1908) – помещик села 1-я Александровка Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Академию генерального штаба, в молодости служил в кавалерии, штабс-ротмистр. Почетный мировой судья Новомосковского уезда Екатеринославской губернии (1884–1889). С 1889 служил в Департаменте земледелия и сельской промышленности Мин-ва гос. имуществ. Автор публикаций по статистико-экономическим (особенно сельскохозяйственным) и общественно-политическим вопросам (его работы в своих публикациях упоминает В.Л. Ленин, называвший С.А. Короленко «реакционным чиновником»). В 1900-х сотрудничал с черносотенной газетой «Новое время». Имел пристрастие к карточной игре, покончил жизнь самоубийством.

8. Короленко Анна Сергеевна (1884–1917) – арфистка, преподавательница Петербургского музыкального института, племянница В.И. Вернадского, дочь

его сестры Е.И. Короленко. С 1910 после смерти матери жила в семье Вернадских

9. Вернадская (в замужествеТолль) Нина Владимировна (1898–1986) – дочь В.И. Вернадского, жена Н.П. Толль; врач-психиатр, окончила медицинский факультет Карлова университета в Праге (1926), в 1939 вместе с семьей выехала в США, в 1940–1953 работала в клинике близ Бостона, а затем в Мидлатвуне, штат Коннектикут. Толль Николай Петрович (1894–1985) – археолог, византолог, медиевист, искусствовед, директор Института им. Н.П. Кондакова в Праге (1932–1938), с 1939 – в США, занимал кафедру иранистики в Йельском университете.

10. Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1850–1911) – князь, известный детский врач, писатель, друг и семейный врач Вернадских. Доктор медицины (1878), автор работ по биологии возбудителя малярии, искусственному вскармливанию детей. Родился в Тифлисе; окончил медицинский ф-т Гейдельбергского ун-та. На гос. службе при Гл. военно-медицинском управлении (1879–1884). Врач при Детской больнице Принца Ольденбургского в Петербурге (1886), позднее – профессор Казанского ун-та по кафедре детских болезней.

11. Попов Александр Иванович – сперва арендатор (с 1886) и затем многолетний управляющий имением Вернадского в Вернадовке.

12. Вернадская (урожд. Старицкая) Наталья Егоровна (1860–1943) – жена (с 1886) и ближайший помощник В.И. Вернадского во всей его научной, просветительской и общественной деятельности, переводчица. Дочь видного государственного деятеля, юриста Егора Павловича Старицкого (1825–1899), окончила гимназию в Тифлисе, училась на Высших женских курсах в Петербурге. Участница просветительской и благотворительной деятельности в 1890-х, технический секретарь Московского комитета конституционно-демократической партии (1905–1907), член Об-ва славянской культуры. Умерла в эвакуации, в пос. Боровое (тогда: Акмолинская обл., Казахская ССР, сейчас: пос. Бурабай, Акмолинская обл., Республика Казахстан), где и похоронена.

13. Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – сын В.И. Вернадского, русский и американский историк. Окончил историко-филологический ф-т Московского ун-та (1910). Через год переехал в Петербург, где стал (с 1913) приват-доцентом на кафедре русской истории Петербургского ун-та. Здесь защитил магистерскую диссертацию на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II». В период Гражданской войны (1917–1920) преподавал в Перми, Киеве, Симферополе; был начальником отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля. Эмигрировал из России (1920), жил и работал в Константинополе, Афинах и затем в Праге, где преподавал в Русском юридическом ф-те Карлова ун-та. С 1927 в США – научный сотрудник Йельского ун-та в Нью-Хейвене, в 1946 получил звание профессора русской истории того же ун-та; в 1956 ушел на пенсию. Автор многочисленных трудов по русской истории. Один из основоположников американской школы русистики.

14. В этом письме Г.В. Вернадский сообщает отцу основные «хронологические даты» своей «научной жизни». «Окончил Московский университет в 1910

г. Осенью 1913 г. прочел пробную лекцию в С[анкт-]П[етер]б[ургском] унив[ерситете] на звание приват-доцента. Был там приват-доцентом с 1914 по 1917 г. Защитил (оппоненты – Платонов, Рождественский, Шляпкин) диссертацию на степень магистра перед самой Октябрьской революцией (кажется, 22 окт[ября] 1917). И[сполняющий] д[олжность] ордин[арного] профессора в Пермском унив[ерситете], 1917–1918, профессор Таврич[еского] унив[ерситета] 1918–1920. С 1927 г. научный работник по истории с званием профессора (research associate in history, <нрзб>), Yale University» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 322. Л. 49.). Письма от 3 декабря нет, но в письме от 14 декабря 1940 г. Г.В. Вернадский сообщает отцу тему своей пробной лекции осенью 1913 г. – «О движении русских племен на восток» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 322. Л. 52).

15. См. [103].

16. Машинописная запись Н.Е. Вернадской.

17. См. выше, с. 231.

18. Имеет в виду самоубийство дочери Д.И. Шаховского, только что блестяще окончившей гимназию, Шуры (Александры) Шаховской. Причина осталась неизвестной.

19. Китайская деревня в Александровском парке Царского Села – предпринятая при Екатерине Великой попытка строительства деревни в китайском стиле, дабы следовать распространившейся в европейском искусстве XVIII века моде на шинуазри («китайщину»).

20. В письме В.И. Крыжановского от 7 марта 1942 (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 878. Л. 10 об., ошибочно указано, что Шишковский умер в 1910 (он умер в 1907). Шишковский Константин Андреевич (1834–1907) – врач, археолог-любитель, минералог, краевед. Бывший шляхтич Кальварийского уезда Августовской губ. Участник национально-освободительного движения поляков. Школьником участвовал в восстании 1848, за участие в польском восстании 1863–1864 лишен прав дворянства и сослан в Томскую губ. С 1864 находился в Томске, имел медицинскую практику. По окончании срока ссылки переехал в Кочкарь (ныне г. Пласт), где владел золотыми приисками. С 1882 – в Миасском заводе, под негласным надзором полиции. Занимался археологией, исследованиями Ильменских гор, собирал коллекции минералов и горных пород для музеев и за границу. В 1883 на юго-восточном берегу оз. Кысыкуль открыл стоянку первобытного человека эпохи позднего неолита, провел раскопки и собрал большую археологическую коллекцию, представленную на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке (1887), за что был награжден Большой серебряной медалью. С 1889 служил в фирме «Товарищество химических заводов Ушкова и компания». Член РГО (1880) и Уральского об-ва любителей естествознания (1879), действительный член Петербургского минералогического об-ва, участник Международного геологического конгресса (1897). Часть его личной минералогической коллекции отправлена в Московский ун-т, затем поступила в Минералогический музей АН в Петербурге.

21. См. [117].

22. «l. c.» – «loco citato», т. е. (с лат.) «в цитированном месте»; выражение, использующееся в примечаниях и сносках, для повторения названия и номера страницы уже процитированной работы (и автора), т. е. имеется в виду статья Вернадского [117].

23. Караулов Василий Андреевич (1854–1910) – народоволец, революционер. Окончил Витебскую гимназию, поступил в Киевский ун-т, где примкнул к партии «Народная воля». Участвовал в пропаганде взглядов данной партии среди рабочих и крестьян; 4 марта 1884 арестован и осужден («Процесс двенадцати») по 294-й статье уложения о наказаниях, предусматривавшей смертную казнь, доказать его участие в террористических выступлениях не удалось, был приговорен к четырем годам каторги, заключен в Шлиссельбургскую крепость. В 1889 сослан в Иркутскую губ., фельдшер в селе Усть-Уда, затем переехал в Красноярск, где преподавал, состоял под надзором полиции. Частный поверенный при Красноярском окружном суде (1908). Участник революции 1905, возглавлял в Красноярске партию «Народной свободы» (с октября 1905 переименована в «Свободную народную партию»). 2 февраля 1906 ему даровано полное помилование, а 26 октября 1907 был избран в 3-ю Гос. думу, где представлял взгляды правых кадетов.

24. Первая часть романа, озаглавленная «Тысяча восемьсот пятый год», соответствующая 1-й и 2-й частям позднейшего, первого тома, была впервые напечатана в журнале «Русский вестник» в 1865 г. (№ 1, 2) и в 1866 г. (№ 2–4). При издании «Войны и мира» отдельной книгой этот текст подвергся переработке. В декабре 1867 г. первые три тома вышли отдельными книгами (на титульных листах указан 1868), в декабре 1869 г. опубликован последний, шестой. Отредактированный вариант этого текста был издан в 1868–1869 гг. также в шести томах.

25. В конце 1874 г. писатель отдал первые семь частей этого романа в журнал «Русский вестник» (опубликованы в 1875, т. CXV, № 1–4; 1876, т. CXXI, № 1–2, т. CXXII, № 3–4, т. CXXVI, № 12; 1877, т. CXXVII, № 1–4), продолжая работать над дальнейшим текстом. Работа была завершена к 22 апреля (4 мая) 1877. Восьмая часть в «Русском вестнике» опубликована не была: неприязненное изображение русских добровольцев, отправляющихся воевать с Турцией за свободу Сербии, вызвало недовольство редактора-издателя М.Н. Каткова; Толстой забрал рукопись восьмой части и издал ее в 1877 отдельной книгой. Первое отдельное издание всего романа в трёх томах вышло в 1878.

26. В газете «Церковные ведомости» от 24 февраля (9 марта) 1901 напечатано «Определение Святейшего Синода <…> о <…> Льве Толстом». Подписавшие его священнослужители свидетельствовали об «отпадении» Л.Н. Толстого от Церкви, поскольку «в своих сочинениях и письмах» он проповедовал «ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской» (Определение Святейшего Синода, от 20–22 февраля 1901 года № 557, с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, 1901, № 8, с. 46–47). Л.Н. Толстой сначала отреагировал на произошедшее лишь записью в дневнике от 19 марта (1 апреля) 1901: «За это время было странное отлучение от церкви и вызванные им

выражения сочувств[ия] <…>» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 54. – М.: Художественная литература, 1935, с. 90). Хотя синодальное определение формально не представляло собой анафему, в русском обществе его восприняли именно так. Это обстоятельство заставило Толстого в марте того же года обратиться в редакции газет с письмом, где он благодарил «всех <…> выразивших» ему «свое сочувствие по поводу постановления св. Синода» (Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 73. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954, с. 50).

27. См. [57].

28. См. [412]. Точная фраза: «Похороны были грандиозны. Таких похорон я не видел ни до, ни после Тургенева. Я не участвовал в похоронах С.Н. Трубецкого и Баумана. Только похороны С.А. Муромцева в 1910 г. превзошли не только похороны Тургенева, как говорил мне М.М. Ковалевский, по и похороны замечательных людей в Западной Европе».

29. «Этим летом 1910 г. умер С.А. Муромцев; необозримая толпа народа вышла проводить его тело до могилы. Эта сцена врезалась в память. Только поздно к вечеру толпа дошла до Новодевичьего монастыря и, несмотря на запреты, просочилась за ограду. При свете факелов я говорил над открытой могилой, стараясь запечатлеть величавый образ вождя, спокойно противопоставлявшего волю народа произволу верховной власти. В декабре и январе академический сезон впервые, после долгого перерыва, открылся студенческими беспорядками — первым симптомом поднимающейся кривой общественного настроения» [349, с. 429]. В нелегальной газете «Социал-демократ» 16 ноября 1910 г. была опубликована заметка за подписью Н. Ленин <В.И. Ульянов-Ленин> «О демонстрации по поводу смерти Муромцева», в которой говорилось: «Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, “прогрессистов” и польских октябристов (польского коло), включительно» [328, с. 383]. Польское «коло» (пол. Koło Polskie – «польский кружок») – объединение польских депутатов в Государственной Думе, в большинстве состоявших из представителей буржуазной партии Польши – «народовой демократии». Кроме «народовых демократов», в состав «коло» входили единичные представители польских «прогрессистов» и «реалистов». Польское «коло» находилось в сдержанной оппозиции по отношению к царскому правительству, старательно избегая резких политических выступлений против него; в частности, оно уклонилось в свое время от подписания «Выборгского воззвания». Как во II, так и в III Думе «коло» часто выступало солидарно с октябристами и кадетами, не вступая, однако, с ними в блок. Некоторый разнобой в думскую работу «коло» привносился раздорами в «народовой демократии», которые привели к организации так называемой «Фронды», представлявшей мелкую буржуазию. В польских народных массах «коло» популярностью не пользовалось. Главенствовавшая в нем партия «народовой демократии» обычно действовала методами

разжигания национальной вражды, угрозами еврейских погромов, коррупцией и т. п., выдвигая в качестве основных своих задач приобретение автономии для Польши, борьбу с еврейским элементом, поддержку католической церкви. Лидером польского «коло» во II и III Думах был Р. Дмовский, видными членами: Стецкий, В.В. Жуковский, Я.С. Гарусевич, В. Студницкий и Т. Гружевский (последние два – «Фрондисты»). Своего печатного органа «коло» не имело. «Народовые демократы» издавали «Gaseta Polska» («Польская Газета»), а «Фронда» – «Goniec» («Курьер») и «Rzecz Pospolita» («Речь Посполитая»). См. [391].

30. См. Приложение 7.

31. Дейша Адриан Васильевич (1886–1952) – инженер, специалист по гидравлике. Автор научных работ, посвященных проблемам чистой механики, гидрометрии и гидрологии. Окончил Московское техническое училище (1911), затем стажировался в Политехническом ин-те в Карлсруэ (Германия). Профессор Ново-Александрийского сельскохозяйственного и лесного ин-та, в 1919–1920 – профессор Таврического ун-та по кафедре сельскохозяйственной гидротехники. После переезда в Москву работал в Московской горной академии (профессор по кафедре гидравлики), также преподавал в Ин-те народного хозяйства им. К. Маркса, в Ин-те путей сообщения, электротехническом техникуме. В 1924 его от Ин-та путей сообщения направили в командировку в Париж, куда он отправился со всем семейством. В Советскую Россию не вернулся. Во Франции в 1924–1932 работал инженером, занимался изобретательской деятельностью, участвовал в гидравлических изысканиях в Альпах. Профессор Русского высшего технического ин-та в Париже (с 1933 читал курс гидравлики). Профессор Русского физико-математического ф-та при Сорбонне (в 1934–1939 вел семинар по гидравлике, читал специальные курсы лекций – графическая гидравлика, геометрия лопатки, гидравлика подземных вод). Член правления Союза русских дипломированных инженеров (с 1933). В 1941 во время оккупации Парижа был заключен в лагерь, в том же году освобожден.

Его жена – Дейша (урожд. Репман) Елена Альбертовна (1885–1977) – писательница (псевдоним Георгий Песков). Их сын – Жорж (Георгий Андрианович) Дейша (1917–2011) – известный французский минералог, специалист по первичным флюидным включениям в минералах и горных породах.

Его отец: Василий Иустинович (Устинович) Дейша (1856?–после 1916?), черниговский дворянин, коллежский советник, инженер-технолог, инспектор Московского фабричного округа, член Русского технического о-ва. Одно время (в 1914–1916?) – уполномоченный Всероссийского союза городов.

Его мать: Мария Адриановна Дейша (ур. Сионицкая, 1859–1932), известная в свое время певица, педагог, засл. арт. Императорских театров (1903). В 1881 окончила С.-Петербургскую консерваторию, совершенствовалась в Вене и Париже. В 1883–1891 солистка Мариинского театре в 1891–1908 солистка Большого театра в Москве. В 1921–1932 профессор Московской консерватории. Один из основателей и преподаватель Народной консерватории (1907–1913). Автор книги «Пение в ощущениях» (1926).

Упоминание Вернадским М.В. Павловой не случайно. Дело в том, что девичья фамилия М.В. Павловой – «Гортынская». Хорошо известно, что Гортынские и Дейша находились в родственных связях. Судя по всему, по ходатайству М.В. Павловой А.В. Дейша и стал участником Минералогического кружка Вернадского.

Павлова (урожд. Гортынская, в первом замужестве – Иллич-Шишацкая) Мария Васильевна (1854–1938) – палеонтолог, палеозоолог; доктор зоологии (1916), профессор (1918); член-корреспондент (1925) и почетный член (1930) АН СССР; академик ВУАН (АН УССР) (1921); жена (с 1886) А.П. Павлова. Основные труды по истории копытных и хоботных, гл. образом лошадей и слонов. Описала многочисленные остатки ископаемых млекопитающих, собранные на территории СССР; автор серии «Этюды по палеонтологической истории копытных» и двухтомного курса «Палеозоология» (1928–1929). Окончила Киевский ин-т благородных девиц (1870). Высшее образование в естественных науках получила в Париже (в Сорбонне и Музее естественной истории). Сотрудник геологического музея Московского ун-та (1886–1935), преподавала на Лубянских женских курсах. Профессор ун-та им. Шанявского (с 1911). Зав. кафедрой палеонтологии в Московском ун-те (1919–1930). Действительный член Ин-та геологии при физ.-мат. ф-те (1922–1930). Зав. Палеонтологическим музеем (1919–1930). Почетный член МОИП (1911) и Минералогического об-ва (1916), член Московского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, РГО, Уральского об-ва любителей естествознания, Новороссийского об-ва испытателей природы. Золотая медаль им. Годри Французского геологического об-ва (1926, совместно с А.П. Павловым). Заслуженный деятель науки РСФСР (1928).

Павлов Алексей Петрович (1854–1929) – геолог, палеонтолог, основатель московской научной геологической школы; труды в области стратиграфии, палеонтологии, четвертичной геологии, тектоники, геоморфологии, инженерной геологии и истории геологических знаний; профессор, академик (с 1916) Петербургской АН (1916), РАН (1917) и АН СССР (1925); окончил естественное отделение физ.-мат. ф-та Московского ун-та (1879), преподавал химию и естествознание в Тверском реальном уч-ще (1878–1881), хранитель Геологического и Минералогического кабинетов Московского ун-та (1881), приват-доцент кафедры геогнозии и палеонтологии (1884), экстраординарный (с 1886), ординарный (с 1896) и заслуженный (1909) профессор того же ун-та, преподавал также на Лубянских женских курсах, в Петровской сельскохозяйственной академии, Московском археологическом ин-те, ун-те им. А.Л. Шанявского, в Горной академии; один из организаторов Геологического музея Московского ун-та (1914–1917), директор Московского геологического ин-та (1924); председатель Комиссии по изучению четвертичного периода Академии наук; член (с 1883), секретарь (1888) и вице-президент (с 1916) Московского об-ва испытателей природы, член ряда русских и иностранных научных об-в, в том числе Лондонского геологического об-ва и Французского геологического об-ва, которое удостоило его Золотой медали им. Годри (1926); заслуженный деятель науки РСФСР (1928).

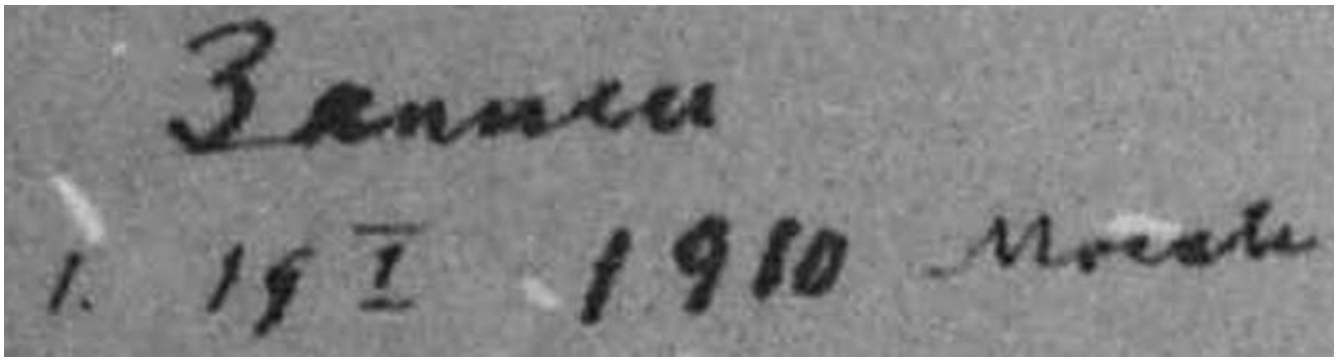
С супругами Павловыми Вернадский познакомился в 1888 г. во время своей заграничной командировки, когда они участвовали IV-й сессии Международного геологического конгресса и 58-й сессии Британской ассоциации содействия развитию науки. Именно А.П. Павлов 1 апреля 1890 в письме Вернадскому сообщил, что в Московском университете «открылась вакансия кафедры минералогии. М[ожет] б[ыть], Вы пожелаете принять меры к тому, чтобы явиться на нее соискателем. <…> Я думаю, что Вам не пришлось бы раскаиваться в таком решении и уверен, что университет приобретет в Вас хорошего преподавателя, а профессорà хорошего товарища. От души желаю, чтобы Вы решились действовать, имея в виду достижение этой цели, и чтобы имелся решительный успех. Если понадобятся какие-нибудь справки, я все Вам сделаю»» [575, с. 221–222]. Как известно, Вернадский последовал этому совету.

32. Мамонтов Владимир Николаевич (1869, по другим данным 1873–1946) – горный инженер, автор книг по истории горного дела на Алтае (1908) и разработке угля Кемеровского рудника (1910). Родился в Москве в семье книгопродавца и издателя Н.И. Мамонтова. Племянник крупнейшего в России промышленника и мецената Саввы Мамонтова. Окончил Петербургский горный ин-т (1901). В 1990-х сотрудничал с Минералогическим кружком (Московский ун-т), ученик В.И. Вернадского, с которым переписывался до 1913. Управляющий лабораторией при Гл. горном управлении Алтайского округа (1903) и Кемеровским угольным рудником (1908), многое сделал для его изучения и развития. В 1911 исследовал месторождения железных руд в бассейне р. Вишеры Чердынского уезда в р-не Перми в связи с геологическими изысканиями по трассе проектировавшейся Ухта-Печора-Камской железной дороги, доказал наличие в Чувальской жиле рудного золота. В зоне строительства железной дороги Соликамск-Ухта на р. Унье составил описание гротов и проходов Дивьей пещеры на глубине до 300 м. Внес вклад в формирование Метеоритной коллекции Академии наук, пополнив ее найденными им метеоритами с берегов Телецкого озера. Участвовал в организации акционерного общества «Копикуза» (1912), которому в аренду был сдан Кемеровский рудник, служил там горным инженером (до 1915). Во время Гражданской войны эмигрировал (из Крыма, где пересекался с В.И. Вернадским) за границу вместе с однокурсником и близким другом бароном Врангелем. Жил в Сербии, выезжал в различные европейские страны в качестве консультанта по разработкам угольных месторождений. В 1944 в Праге сотрудничал с руководителем антисоветской группы, возглавляемой походным атаманом генералом-лейтенантом Г.В. Татаркиным, ставившей своей целью восстановление в России монархии. В 1945 репатриирован в СССР. Находясь в лагерном отделении № 5 в г. Прокопьевске, по показаниям агентов, «выражал явные настроения против Советской власти, восхвалял фашизм и являлся активным сторонником восстановления в России монархического строя». На протяжении января 1946 был подвергнут допросам, 3 февраля поступил в терапевтическое отделение городской больницы г. Прокопьевска с первоначальным диагнозом «острая сердечная недостаточность с явно выраженным отеком всего тела, одышкой и кашлем». Умер 7 февраля 1946, похоронен, вероятно, на городском кладбище г. Прокопьевска.

33. Петунников Григорий Алексеевич (1876–1956) – горный инженер. Окончил 1-й мужскую гимназию в Москве (1895), естественное отделение физико-математического ф-та Московского ун-та (1895–1900). Ученик В.И. Вернадского. С 1900 учился в Королевском политехническом институте в Аахене (Германия). Доктор геологии. В эмиграции в Константинополе (1920), затем жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Гражданин Югославии. Похоронен на Новом кладбище в Белграде. Сын Алексея Николаевича Петунникова (1842–1919) – ботаника-систематика и флориста, популяризатора науки, публициста, общественного деятеля, члена Комиссии по выяснению причин увеличения жесткости воды Мытищинского водопровода (с 1907).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В.И. Вернадский
<Дневник 1910 г.>
Записи 1910 г. (с дополнениями 1944 года)
АРАН. ф. 518. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–50.

19.I.[1]910
<*Москва*>

Утром лаборатория [1]. Счета и всякие дела. Днем советская ком[иссия] [2]. Студенческое юридич[еское] общество взаимопомощи [3] – очень тяжелое дело уголовного характера: обман денежный между студентами. Выяснилось неясное юридич[еское] положение имуществ студенч[еских] обществ. Образована комиссия юрид[ическая] и вопрос передан <профессорскому> дисциплинарному суду [4]. – Другое общество (историч[еского] материализма). О нем запрос попечителя [5]: на одном собрании <присутствовал> переодетый студентом член с[оциал]-д[емократического] комитета [6]. Общество с.-д. <социал-демократов>. Но ясно, что если не это, то они <социал-демократы> имеют в запасе ряд других. *Мануйлов* поднял вопрос о закрытии.

Единодушно против – нельзя из опасения создания прецедента. Но для всех ясно, что закрытие не имело бы никакого значения – однако настроение ввиду Устава [7] неясное и нет охоты создавать почву беспорядков. И *Ман[уйлов]* предлагал из-за формы. Внесено предложение *Камаровского*, *мое*, <Е.Н.> *Трубецкого* и др. о выступлении Совета ввиду Устава. Любопытно, что в этом вопросе, по-видимому, будут единодушны с нами даже и *Любавский*, *Лопатин* и др.

Была Н.В. Злотникова и позже А.Б. Миссуна. Последней грозит *год креп[ости]* [8]. Она бодро переносит; полна планов – диатремы [9] в Крыму? Разговор о <Московском> Общ[естве] исп[ытателей] прир[оды] – вчерашнее заседание Совета – буря в стакане воды. Бедная Злотникова больна – год не была. Ум не выдержал сомнений – или сердце?

Кругом чувствуешь, как апатия-отчаяние все глубже идет: слухи о самоубийствах [10]. Мечется народ.

Читал <Т.Г> *Шевченко* [11], *Бузескула*: Афин[ская] демокр[атия] [12], Горн[ый] журнал [13], журналы.

Ман[уйлов] говорит, что в прошлом году вычеркнуты награды либер[альным] профессорам попечителем или министром. В этом году – нет. *Виппер* и *Петрушевский* – кавалеры. Впрочем, *Виппер* держит себя чрезвычайно осторожно.

Работал все время свободное над «Опытом [описательной минералогии]» [14] – корректура и самор[одная] медь.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 3 ноября 1944 г.

Злотникова и Миссуна были наиболее выдающиеся из курсисток, резко различные. Обе у нас бывали дома, также, как и Ел[изавета] Дм[итриевна] Ревуцкая. Наиболее одаренная была, по-видимому, Злотникова, от которой я ждал очень многого, но позже узнал тяжелые переживания, которые выпали на ее долю. Молодежь подозревала ее брата как тайного агента полиции и это все время мучило ее. Я потерял потом ее из виду.

По делу Миссуны я был вызван к сенатору – был донос, что она вела пропаганду во время своих исследований ледниковых отложений Тверской губ[ернии]. По совету кого-то, не помню, я явился в мундире <члена> Гос[ударственного] сов[ета]. И сенатор очень язвительно и правильно отметил это. Я был уверен, что подозрения были неправильны, но, мож[ет] быть, и мой шаг был faux pas [15] и у него

<сенатора> явилось подозрение, что я ее спасаю. Ей дали год тюремного заключения.

Миссуна мне открыла другое течение, мне неизвестное. Ее родной язык был польский, но она хорошо знала русский язык. Я интересовался тогда, как и теперь, национальными течениями. Брат ее принимал участие в белорусском национальном движении и через нее я получил ряд изданий на белорусском языке подпольной литературы. Большая часть была напечатана латинским алфавитом [16]. Много позже, когда я познакомился с Туган-Барановским, я узнал о целой литературе на белорусском языке арабским алфавитом [17]. Ближайшие предки Туган-Барановского были татарские мусульмане, быстро обелорусившиеся.

Виппер и Кольцов были с[оциал]-д[емократами], тогда как подавляющая часть профессуры принадлежала к кадетам, октябристам, мирным обновленцам. Это ярко проявлялось в тактике, ими проводимой. Я заметил для Кольцова, что он выступал в конце заседания Совета Высш[их] женск[их] курс[ов] и Унив[ерситета] в самую последнюю минуту и вносил неожиданные предложения, иногда резко противоречившие общему настроению. Тогда я выступал, подготовившись, и часто достигал своего. Кольцов очень скоро заметил мою тактику. Я очень высоко ставлю его как ученого и до самого конца его жизни сохранил с ним хорошие отношения. Оба – Виппер и Кольцов считали себя не связанными в академической политике и, например, когда мы были готовы выйти, они оставались. Так это было особенно резко для Университета. Они оставались в Совете и в комиссиях. Виппер больше, чем Кольцов. Он, мне кажется, остался профессором, когда мы ушли. Кольцов был только приват-доцентом и, мне кажется, ушел вместе с нами всеми [18].

Примечания

1. Очевидно, Вернадский имеет в виду химическую лабораторию при Минералогическом кабинете Московского ун-та.

2. Комиссия, избираемая Советом Московского ун-та. Еще в 1901 Совет Московского ун-та создал комиссию для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни. В 1903 «комиссия по упорядочению университетской жизни» был преобразована в «комиссию по делам студенческий учреждений» [275, с. 380.]. После осеннего кризиса 1906, спровоцированного общестуденческими организациями и повлекшего новое закрытие университета, была создана советская комиссия – антикризисный орган, перед

которым была поставлена цель скорейшего открытия университета. Например, профессор Московского ун-та А.Н. Савин в своем дневнике пишет, что 16 сентября 1908 состоялись «выборы советской комиссии <…>. В очень важную советскую комиссию попали прежние, по 3 от факультета: Ключевский, Виппер, Любавский. – Хвостов, Трубецкой, Каблуков – Рот, Спижарный, Фохт – Млодзиевский, Вернадский, Зелинский»» [435, с. 40]. В состав комиссии также входили ректор и проректор Московского ун-та.

3. Вернадский имеет в виду Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского ун-та, созданное в 1903, председатель – профессор А.А. Мануйлов, товарищ председателя – приват-доцент М.Я. Герценштейн. Бюджет Общества в значительной степени формировался за счет доходов от продажи книжной и писчебумажной продукции. Общество, в частности, занималось публикацией конспектов лекций университетских преподавателей. Например, им была издана работа Ф.Ф. Кокошкина [295, 296]. Если к концу 1903 Общество обладало 1168 руб., выдав срочных ссуд на 1500 руб.; то его оборот в 1909 составил 64593 руб. [254]. Преуспевание Общества подорвали систематические растраты, о чем и сообщает Вернадский. Профессор А.Н. Савин 3 ноября 1910 записал в своем дневнике: «Кассир общества взаимопомощи студентов – юристов, Флоровский, проворовался с некоторыми другими молодцами, обернулся союзником и конечно немедленно перешел в наступление, сочинил Пуришкевичу донос, по которому все растраты в обществе от того, что Мануйлов покрывает растратчиков кадетов» [435, с. 123]. В начале 1912 корреспондент журнала «Молодая жизнь» (1912, № 1, с. 24) сообщал: «Оказывается, и русское студенчество не лишено чисто русского бытового явления – интендантства прямо-таки уголовного характера» [254, с. 46]. Надо также отметить, что Общество, в котором большую роль играли большевики, к концу 1910 перешло на нелегальные формы работы.

4. 24 августа 1902 были утверждены «Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения», согласно которым в университетах их советы избирают ежегодно из числа профессоров пятерых судей и, на случай болезни или отсутствия кого-либо из них, пятерых кандидатов [179; 180]. Ведению суда подлежали передаваемые ему ректором дела касательно студентов: 1) о нарушении ими в зданиях или учреждения учебного заведения установленного правилами порядка, 2) о столкновениях между учащимися с одной стороны и преподавателями или должностными лицами учебного заведения, хотя бы столкновения эти произошли вне зданий и учреждений учебного заведения, 3) о таких проступках студентов, которые, хотя бы и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер. Профессорский суд, получив от ректора весь подлежащий судебному рассмотрению материал, решал вопрос о привлечении студентов к судебной ответственности. Указом 27 августа 1905 профессорскому дисциплинарному суду было вверено «разбирательство по студенческим делам», а 24 января 1908 Министерством народного просвещения утверждена «Инструкция профессорскому дисциплинарному суду при университетах». Взыскания, налагаемые судом: замечание, выговор,

порицание, лишение стипендий и права на освобождение от платы, временный перевод в разряд вольнослушателей, временное увольнение из университета, исключение из университета без права поступления и в другие высшие учебные заведения. Подробнее см. [64, 197; 456; 477, 479, 513].

5. Попечителем Московского учебного округа тогда был Жданов Александр Маркелович (1858–1914) – астроном, геодезист, физик. Доктор астрономии и геодезии (1888). Окончил Петербургский ун-т, оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1881–1884 участвовал в наблюдениях Пулковской обсерватории. В 1884 командирован заграницу на два года с ученой целью, занимался в основном в Стокгольме. Приват-доцент (1886–1890), экстраординарный (1890–1896) и ординарный (1896–1907) профессор кафедры астрономии и геодезии, декан (1901–1903) физ.-мат. ф-та и ректор (1903–1905) Петербургского ун-та, в 1905 оставил пост ректора (был забаллотирован Советом ун-та). Один из организаторов астрономической обсерватории при Высших женских курсах, где с 1887 по 1907 читал лекции по математической географии (астрономия и геодезия). В 1902–1903 член Ученого комитета Министерства народного просвещения с оставлением в должности ординарного профессора ун-та. Попечитель Московского учебного округа (1907–1910), с 1911 управлял отделом промышленных учщ МНП.

6. Вернадский, очевидно, имеет в виду представителя Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, в работе которой принимали участие некоторые студенты. В марте – апреле 1910 были арестованы и высланы из Москвы около 20 студентов Московского ун-та [275, с. 537].

7. Имеется в виду проект нового университетского устава А.Н. Шварца (министра народного просвещения), к подготовке которого приступили в октябре 1908, когда прекратилась студенческая забастовка в С.-Петербургском ун-те. Новый устав должен был заменить «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», утв. императором Николаем II 27 августа 1905, которые устанавливали ограниченную автономию ун-тов: вводили право выбора ректора и его помощника, деканов и секретарей ф-тов (с последующим утверждением их кандидатур министром народного просвещения и императором); расширяли полномочия университетских советов по поддержанию «правильного хода учебной жизни в университете» и пресечению нарушений академических порядков; вверяли ректору правление инспекцией; санкционировали работу профессорского дисциплинарного суда (на основании правил 27 августа 1902 г. и др. [379]. Проект Шварца, хоть и был более демократичен, чем Устав 1884 г., но в сравнении с предложенными ранее проектами сильно ограничивал университетскую автономию [375]. Как образно выразился В.В. Розанов в статье «Страница из истории министерства просвещения», опубликованной 6 октября 1910 в «Русском Слове», «Шварц поднял вопрос о том, могут ли в границах своих дел университеты что-нибудь делать “сами”, или все у них должен и вправе делать “он один”» [424, с. 359]. Законопроект был одобрен Советом министров и 10 мая 1910 внесен на обсуждение в Госдуму, 12 мая проект был заслушан на общем собрании. Для его рассмотрения,

по предложению 31 депутата, образована особая комиссия. Однако 22 ноября 1910 новый министр народного просвещения Л.А. Кассо истребовал законопроект в министерство. В дальнейшем были приняты два временных закона, сохранявших свою силу в течение трех лет: «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях Императорских российских университетов, об увеличении числа их и об усилении кредитов на учебную часть сих университетов» (от 3 июня 1914) и «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменении некоторых постановлений устава Императорских российских университетов» (от 3 июля 1916). Этими законами были значительно изменены действовавшие университетские штаты. 5 ноября 1916 тогдашний министр народного просвещения Н.П. Игнатьев представил в IV Госдуму новый проект «Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов». 2 декабря проект был оглашен в общем собрании Думы и передан в комиссию для обсуждения законопроекта о новом уставе университетов и на заключение бюджетной комиссии. До февраля 1917 проект остался нерассмотренным. См. [510], а также [492].

8. См. об этом ниже – дополнение Вернадского к этой записи в дневнике от 3 ноября 1944.

9. Диатремы – то же, что трубка взрыва, т. е. трубообразный канал в земной коре, заполненный вулканическим материалом. Образуется при прорыве богатой летучими компонентами магмы в близкие к поверхности пласты или при контакте магмы с горизонтами подземных вод (за счет выделения большого объема газов и их взрывного высвобождения из недр). Формируются в платформенных (преимущественно) и складчатых областях. Наиболее известны диатремы кимберлитов, с которыми связаны месторождения алмазов.

10. С начала 1900-х в России отмечался направленный рост самоубийств и покушений на самоубийство, особенно увеличивалось количество детских и подростковых самоубийств вообще и самоубийств учащихся в частности. См. [338–340, 252].

11. См. например, [547, 548].

12. См. [55].

13. «Горный журнал» – старейшее периодическое издание России в области горного дела. Основан в 1825 императором Александром I как издание Горного ученого комитета. Первый номер журнала вышел в июле 1825 под названием «Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся». Разделы журнала: минералогия, химия, горное дело, заводское дело, соляное дело, монетное дело и др. В журнале публиковались статьи крупных ученых и ведущих специалистов отрасли, освещавшие проблемы развития горнодобывающей и перерабатывающей отраслей промышленности, горнорудных предприятий в России.

Вернадский, возможно, читал один из последних за 1909 номеров «Горного журнала» (№ 11 или № 12) или № 1 за 1910.

14. См. [103], §§ 225–243 этого выпуска посвящены самородной меди.

15. «faux pas» (фр.) – неверный шаг.

16. Белорусский латинский алфавит (также известный как латинка) – вариант латинского алфавита для белорусского языка.

17. Белорусский арабский алфавит (белорусская арабица) возник в XVI в. в результате контактов белорусских земель с татарами. Мусульманские татары, проживавшие на территории Великого Княжества Литовского, использовали арабскую письменность для записи своего языка. Постепенно арабская графика начала применяться и для записи белорусского языка, что было обусловлено стремлением к культурной интеграции и сохранению религиозных традиций.

18. В феврале 1911 Вернадский, вместе с группой других профессоров и преподавателей – всего свыше 130 человек, ушли из Московского ун-та. В современной литературе обычно сообщается, что таким образом был выражен протест «против реакционной политики министра просвещения Л.А. Кассо, направленной на ограничение автономии университетов». Среди ушедших из Университета был и приват-доцент Н.К. Кольцов, а Р.Ю. Виппер остался в университете (справедливости ради нужно сказать, что в это время сын Р.Ю. Виппера – будущий известный историк искусств Б.Ю. Виппер – завершал обучение на историко-филологическом ф-те Московского ун-та, после окончания которого в 1911 оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию).

20.I.[1]910

<Москва>

Утром продолжил корректуру статьи меди-свинца «Описательн[ая] минер[алогия]» [1] и читал в связи с ней. Исправил 16 страниц лекций минералогии [2]. Факультет обычный, серый. Экзамен *М.Н. Попова*: по-видимому, мало работает экспериментально – химик, философ и историк науки, без достаточного научного аппарата. Ученик *Марковникова*. Быстро уже уходят последние из его учеников. Время идет.

Разговор с *Умовым* о *А.В. Павлове*. Сказал ему, что неприятное впечатление производят заседания Совета <Московского> о[бщества] и[спытателей] пр[ироды]: идет травля *Павлова* [3]. Мне кажется, он понял, что дело должно перейти в общее собрание и может быть скандал. Указывал ему на желательность избегнуть. По существу, все это какие-то мелкие, непонятные дрязги *Дейнеги*, *Лейста* и т. д. – мир невысокий и живущий мелочами.

Завтра заседание фак[ультета] В[ысших] ж[енских] к[урсов]. *Крапивин* будет баллотироваться! Вот поразительное решение: или подготовлены голоса? <Н.К.> Кольцов играет здесь ту же роль, какую против него играют наши зоологи. Он здесь всякими правдами и неправдами выгоняет *Челинцева*. А между тем *Крапивин* – бездарность и малопроизводительная научно. Жалко его – делает по непониманию.

Внес в фак[ультет] заявление об экзаменах спец[иальных] по минералогии. Прошло в мое отсутствие и многое как-то изменено неправильно.

Читал Globus [4], Костинского и Граффа о комете Галлея [5], Шультца о Пифагоре в Archiv f[ür] Gesch[ichte] d[er] Philos[ophie] [6], Шестакова об Оксиринхск[ом] историке в «Ж[урнале] м[инистерства] н[ародного] пр[освещения]» [7]. Бузескул [8]. Шевченко [9].

Очень хорошо идут теперь опыты с кислор[одным] пламенем – спектральн[ый анализ]. С *Твалчрелидзе* устанавливал спектр лепидолита с Шайтанки [10]. Интересны линии, которые не могу параллелизовать.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 3 ноября 1944 г.

Я предложил факультету, чтобы вместо экзамена провести для химика исследование какого-нибудь хорошо изученного или научно хорошо известного химического соединения. Он <химик> должен был измерить кристаллы, вычислить константы и быть независимым от кристаллографа при описании изучаемого им химического соединения. К моему большому удивлению, в каждом веществе открывались новые плоскости, новые формы и т. п. В результате появилось несколько десятков работ, напечатанных в приложениях к протоколам <Московского> Общ[ества] исп[ытателей] природы.

Химики встретили это очень хорошо. В числе их захотел пройти эту практику <[11]>, профессор медицинской химии на медицинском факультете.

А.В. Павлов, которого я застал приват-доцентом при геологическом институте [12], читал петрографию, приват-доцентский курс. Первые годы не были отделены друг от друга Минералогический и Геологический кабинеты [13]. В первый же год мы с А.П. Павловым разделились и стали независимы друг от друга. Так как оказалось, что Минералогический кабинет в течение десятка лет, если не больше, в Татьянин день [14] превращался в гостиную, где принимали важных гостей и начальство, то коллекции музея не могли быть правильно

выставлены. Я начал приводить их в порядок, после хаоса, в котором я их застал.

Не спросив никого, я прекратил ход, расставив витрины, из актового зала в мой кабинет. Конечно, это было всем известно. Прибежал помощник ректора, порядочный человек, но никчемный ученый, Зверев [15] и потребовал изменения. Но это было невозможно. Со следующего года все вошло в нормальный порядок.

Твалчрелидзе – теперь грузинский академик в Тифлисе [16] и проф[ессор] Тифлисского унив[ерситета]. Дружеские мои отношения с ним продолжаются до сих пор. Он читает свой курс по-русски. Точный и хороший работник. Изредка переписываемся.

Весной 1944 г., после пребывания больше года в Тифлисе, вернулись в Москву Фокины [17], которые были встречены в Тифлисе Твалчрелидзе самым теплым образом, и он очень много им помог там устроиться. Его жена, которую я видел только в молодости, обрусевшая немка, кажется, баронесса Келлер [18].

К сожалению, он только мало печатает.

Отец Твалчрелидзе [19] из местных крестьян, по-видимому, около Батума, садовод. Не знаю, жив ли он теперь. Едва ли.

Примечания

1. См. [103]; §§ 225–243 этого выпуска посвящены самородной меди. §§ 244–248 – самородному свинцу.

2. В 1910 были изданы лекции по минералогии [101, 102]. Позже Вернадский писал: «”История минералов в земной коре” не была напечатана в полном виде – но главные части книги были изданы несколько раз с 1898 года. В 1910–1912 вышло последнее (третье) переработанное издание стараниями моего слушателя А.М. Казакова. Оно не было закончено из-за событий в Московском университете в 1911 году, прервавших правильный ход его жизни» [124, с. 2].

3. Имеется в виду геолог Александр Владимирович Павлов, с 1909 по 1911– секретарь Московского общества испытателей природы (МОИП).

4. Журнал «Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde» («Глобус. Иллюстрированный журнал страноведения и этнографии»); издавался в 1862–1910 в Брауншвейге (Северная Германия), вышло 98 томов. Основан в 1862 Карлом Андре. В 1903–1910 (тома 83–98) редактор журнал – H. Singer.

5. См. соответственно [305 и 207]. В марте 1910 вышло второе издание книги Граффа [208]. Комета Галлея (официальное название 1P/Halley) – яркая короткопериодическая комета, возвращающаяся к Солнцу с периодичностью каждые 75–76 лет. Является первой кометой, для которой определили эллиптическую орбиту и установили периодичность возвращений. Названа в честь английского

астронома Эдмунда Галлея, который предсказал ее очередное появление вблизи Земли в 1758. Это единственная короткопериодическая комета, хорошо видимая невооруженным глазом. Начиная с древнейших наблюдений, зафиксированных в исторических источниках Китая и Вавилона, было отмечено по меньшей мере 30 появлений кометы. Первое достоверно идентифицируемое наблюдение кометы Галлея относится к 240 году до н. э. В ряде художественных произведений появление кометы Галлея ассоциируется с Вифлеемской звездой. В XX в. комета появлялась 2 раза: в 1910 (19 мая Земля прошла через хвост кометы Галлея, после 20 мая 1910 она стала быстро удаляться, сохраняя при этом постоянную яркость; фотографически комета регистрировалась еще целый год до 16 июня 1911) и в 1986; следующее появление ожидается 28 июля 2061, затем – 27 марта 2134. В 1910 с помощью спектрального анализа было твердо установлено, что в составе кометных атмосфер наблюдались молекулярные полосы циана, угарного газа и других соединений. Поэтому быстро распространились слухи об отравлении земной атмосферы опасными для здоровья людей ядовитыми кометными газами. Газеты запестрели тревожными сообщениями о большой опасности, которая грозит человечеству 19 мая 1910. Религиозные фанатики и журналисты из всех сил разжигали панику, доводя некоторых впечатлительных людей до настоящего безумия. См. [37, 212].

6. См. [602]. Вольфганг Шульц – австрийский философ.

7. *Шестаков С.П.* Оксиринхский историк // Журнал Министерства народного просвещения, 1909, ноябрь, с. 51–88; декабрь, с. 285–313. «Оксиринхский историк» – древнегреческий анонимный автор 1-й половины IV в. до н. э., написавший так называемую «Оксиринхскую греческую историю» («Hellenica Oxyrhynchia»), фрагменты которой были найдены при раскопках в Оксиринхе (Египет) в 1905–1906 и в 1934. Найденные тексты хронологически охватывают период греческой истории от 410 до 394 до н. э. См.: *Зельин К.К.* Из области греческой историографии IV века до н. э. // Вестник древней истории, 1960, № 1, с. 84–108.

8. См. [55].

9. См. например, [547, 548].

10. Лепидолит – породообразующий минерал класса силикатов группы слюд. Относится к силикатам слоистой структуры. Типичен для литиевых гранитных пегматитов, встречается также в гранитах и грейзенах. Крупные скопления известны в России (Забайкалье), Казахстане, Чехии (Моравия, Рудные горы), Швеции, США, Намибии и др. Лепидолит – источник лития, рубидия, цезия. Вернадский: «Лепидолит (светлая литиевая слюда) <…> Вместе с Li в состав лепидолита всегда входит значительное количество фтора. <…> Чрезвычайно характерно нахождение в некоторых лепидолитах рубидия и цезия…» [155, с. 323–324]. Шайтанка – река на Среднем Урале (левый приток реки Чусовой), здесь же – деревня Шайтанка.

11. Оставлено место. Имеет в виду Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933) – биохимик, член-корреспондент (1927) и академик (1929) АН СССР. Автор первого в стране руководства по медицинскому химическому анализу.

Окончил медицинский ф-т Московского ун-та (1890), оставлен для приготовления к профессорскому званию; сверхштатный лаборант кафедры медицинской химии (1891–1892), приват-доцент медицинского ф-та (1896–1898). В 1896 защитил докторскую диссертацию; стажировка за границей (1898–1899). Экстраординарный профессор Харьковского ун-та (1899–1900), экстраординарный (1900) и ординарный (1904) профессор, зав. кафедрой медицинской химии (1907–1918), зав. лабораторией (1913–1919), декан медицинского ф-та (1918), проректор (1906–1908), ректор (1919) Московского ун-та, в течение многих лет (1907–1928) читал курс органической химии на медицинском ф-те, руководил занятиями по аналитической химии. Одновременно профессор кафедры биохимии на Высших женских курсах (1908–1918) и кафедры органической химии в Московском коммерческом ин-те (1910–1933, впоследствии Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова), в 1933 в Ленинграде руководил сектором биохимии Всесоюзного ин-та экспериментальной медицины, зав. Лабораторией физиологии и биохимии животных АН СССР и исполнял обязанности руководителя сектора биохимии Всесоюзного ин-та экспериментальной медицины. Почетный член Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (1917), председатель его химического отделения (1910–1933), член Русского физико-химического об-ва, почетный член МОИП (1920), член Об-ва содействия успехам опытных наук и их применений им. Х.С. Леденцова, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1928), Химического об-ва Франции (1928). Премия имени Л.Н. Шишкова за ряд работ по химии (1916). Называл себя учеником В.И. Вернадского.

12. Речь идет о Геологическом кабинете Московского ун-та.

13. В 1868 Геологический кабинет был отделен от Минералогического. Однако до прихода Вернадского в Московский ун-т А.П. Павлов был одновременно руководителем Геологического и Минералогического кабинетов.

14. Именной указ и «Проект об учреждении Московского университета и двух гимназий» был подписан императрицей Елизаветой Петровной 12 января (25 – по новому стилю) 1755 – в день памяти по церковному календарю раннехристианской мученицы Татианы Римской, которая стала считаться покровительницей Московского ун-та. Существует также легенда, что Елизавета, таким образом, сделала подарок И.И. Шувалову, связав день основания Московского ун-та с именинами его матери Татьяны Родионовны (урожд. Ратиславская, дочь нижегородского помещика Родиона Макарьевича Ратиславского). Как известно, Шувалов вместе с М.В. Ломоносовым составили проект учреждения Московского ун-та.

15. Зверев Николай Андреевич (1850–1917) – правовед, специалист в области истории права. Магистр права (1884). Окончил юридический ф-т Московского ун-та (1873). Экстраординарный (1884) и ординарный (1887–1898) профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права, секретарь (1889–1893) юридического ф-та, помощник ректора (1893–1898), ректор (1898) Московского ун-та, товарищ министра народного просвещения (1898–1901). В 1902–

1905 возглавлял Гл. управление по делам печати. С 1908 – профессор Петербургского уч-ща правоведения. Член Гос. совета (1909–1917).

16. С 1936 – Тбилиси.

17. Анатолий Михайлович Фокин и его жена (племянница Н.Е. Вернадской) Мария Марковна (урожд. Любощинская). Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979) – историк, затем геолог. Выпускник историко-филологического ф-та Московского ун-та (1915), оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре русской истории. С 1917 – сотрудник Главархива, в 1919–1920 – зав. Хранилищем частных архивов. В 1924–1926 – под арестом в Бутырской тюрьме. После освобождения по ходатайству адвокатов стал работать в геологических учреждениях (Московское отделение Геолкома, затем – Институт по удобрениям). В апреле 1930 вновь арестован, до 1933 – в ссылке в Архангельской области, работал буровым мастером. С 1934 до ухода на пенсию в начале 1950-х гг. работал в области инженерной геологии в различных ведомствах, с 1942 жил в Тбилиси, преподавал в Тбилисском политехническом институте, был ученым секретарем Грузинского отделения ВИМС. Мария Марковна Любощинская (1894–1988), училась в ун-те им. А.Л. Шанявского в Москве, знала несколько языков, играла на фортепьяно. В 1920-х служила в различных конторах, в 1930-х – библиотекарь Московской консерватории, затем занималась только семьей.

18. Вернадский ошибается (аберрация памяти?). В письме к нему от 20 марта 1944 А.А. Тварчрелидзе сообщает, что племянник его жены «Алеша Кельнер» погиб на войне (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1617. Л. 37 об.). На портале «Память народа» (https://pamyat-naroda.ru) есть сведения о лейтенанте, командире взвода (491-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 51-я армия) Алексее Георгиевиче Кельнера (родился в Москве в 1910), который погиб в бою 24 декабря 1942; похоронен в д. Васильевка Волгоградской области (здесь в годы Великой Отечественной войны проходил один из оборонительных рубежей Сталинграда). На сайте, посвященном участникам Первой мировой войны (https://gwar.mil.ru), указан старший врач Кельнер Георгий Александрович (151-я ополченская дружина), который был эвакуирован в Москву 28.02.1915 (в связи с ранением). В справочнике [427] есть Кельнер Георгий Александрович, родился в 1881, лекарь, окончил курс медицинских наук в 1906. В справочнике [181] указан врач Передельцевской больницы (с. Передельцы Десенской волости Подольского уезда Московской губернии) Г.А. Кельнер. В [470] упоминается Кельнер Георгий Александрович, родился в 1881, зав. лечебницей, г. Подольск, Московская губ. Есть все основания считать, что жена Твалчрелидзе – сестра Г.А. Кельнера, а его сын – Алеша Кельнер – ее племянник. В современной литературе обычно (довольно туманно) сообщается, что супруга А.А. Твалчрелидзе была шведско-датского происхождения (см., например, [227, с. 150]). Может быть, это связано с тем, что ее отцом, судя по всему, был Александр Александрович Кельнер (1834–1891) – русский военачальник, генерал-лейтенант, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, сын которого (т. е. брат жены Твалчрелидзе) – Константин Александрович Кельнер (1879–1969) – полковник русской армии, герой Первой мировой войны, участник Белого движения на Юге России,

начальник Дроздовской дивизии, генерал-майор. В 1920 эвакуировался из Крыма, находился в Галлиполи, затем в Болгарии, откуда был выслан в 1922. Проживал в Югославии. Осенью 1925 числился там же в составе 1-й Галлиполийской роты. В 1945 – в Австрии. После окончания Второй мировой войны – в Венесуэле, где и умер. В советское время было не принято упоминать таких родственников.

19. Антон Иванович Твалчрелидзе (1854–1930) родился в семье священника Иоанна (Ивана) Павловича Твалчрелидзе, долгое время был инспектором народных училищ Ставропольской губ., одно время профессионально увлекался пчеловодством, ратовал за развитие сельскохозяйственных школ в Российской империи; предлагал организовать в женских гимназиях, епархиальных женских училищах и учительских семинариях особые курсы по сельскому хозяйству для преподавателей, внедрить в народных училищах теоретическое и практическое обучение пчеловодству и шелководству, обеспечить каждое училище участком земли не менее одной десятины для занятий садоводством, огородничеством и т. д. В 1907 вышел в отставку и переехал с семьей в Кисловодск. Спустя восемь лет купил особняк во Владикавказе, а также занялся благоустройством собственной усадьбы Цихис-Дзири под Батуми.

21.I.[1]910

<Москва>

Кончил корректуру исправленную гранки о меди–свинце [1]. Целый день исправлял и подготовлял к печати часть «серы» для «Оп[ыта] оп[исательной] минер[алогии]» [2]. Кончил. Днем у *Мензбира* деловой разговор в связи с денежными делами <Минералогического> Кабинета. Перевели последнюю 21000 <рублей?>. Вечером <заседание> факультет<а> Высш[их] жен[ских] курсов. Пришел *Челинцев*. *Кольцов*, как всегда, по-кошачьи и неискренно выступил с защитой *Крапивина*. Несчастный *Крапивин* явился и заявил, что свою кандидатуру ставит quand même [3]. Зачем? И так ясно: Кольцов (младший препод[аватель] в Унив[ерситете]) здесь на курсах (старший препод[аватель]) гонит Челинцева (младшего <преподавателя> на курсе) гораздо хуже, чем то, что он описывает об унив[ерситетских] правах. А все-таки забаллотировали *Крап[ивина]* неприятно. Вот, уже можно сказать, удружили ему друзья.

Читал сегодня мало. <A. de> Lapparent: Le fer météor[ique] [4], Ж[урнал] м]инистерства] н[ародного] п[росвещения], Globus.

Среди профессоров суждение в Думе об <университетском> уставе, по-видимому, очень приятное произвело впечатление [5].

Штернберг рассказывал скан[дальную] историю *Иванова* – в связи с вычислением кометы Галлея [6]. Вот уж тоже усердие не по разуму!

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 4 ноября 1944 г.

Штернберг, к моему (и, кажется, также и для других) удивлению, оказался в 1917 г. партийным коммунистом-подпольником. Он умер вскоре после победы коммунистов. После его смерти обсерватория была названа его именем, которое она носит и до сих пор.

Я часто встречал его у Церасского <Цераского>, на журфиксах [7] которого я одно время бывал, и мне в голову не приходило, что он интересуется политикой и является убежденным коммунистом.

Примечания

1. См. [103]; §§ 225–243 этого выпуска посвящены самородной меди, §§ 244 – 248 – самородному свинцу.

2. См. [103]; §§ 273–277 посвящены сере.

3. «quand même» (фр.) – вопреки всему.

4. Французский геолог и минералог Альбер Огюст Лаппаран (1839–1908), найти его работу с таким названием не удалось. Может быть, Вернадский читал о метеоритном железе в книге: *A.* de *Lapparent* Cours de minéralogie. Quatrième édition. – Paris, 1908. – 756 p.

5. Об уставе см. выше примечание 7 к записи от 19 января.

6. Профессор А.А. Иванов, по настоянию Совета Русского астрономического общества, с 1905 взялся руководить работой по предвычислению прохождения кометы Галлея через перигелий. Особенно интенсивно вычисления «начались лишь с 1906 года, когда благодаря щедрым пожертвованиям государя императора и велик[ого] князя Михаила Александровича явилась возможность иметь платных вычислителей» [252]. Иванов привлек к участию в вычислениях своих слушательниц с Высших женских курсов и других специалистов, некоторые из них были членами Русского астрономического общества (всего – около 30 человек). В упомянутой выше книге А.А. Иванов пишет, что «согласно с нашими вычислениями прохождение кометы Галлея через перигелий произойдет 17 июня 1910 года». Надо заметить, что все участники предвычислений были довольны проделанной работой. Но когда в 1909 появилась комета, выяснилось, что сделанные предвычисления оказались не настолько хороши, как заявлялось. В Русском астрономическом обществе по этому поводу даже разразился некоторый скандал, а А.А. Иванов был вынужден опубликовать в «Известиях Русского астрономического общества» статью с объяснениями, где писал, что «11 сентября по новому стилю открыта профессором Вольфом в Гейдельберге комета Галлея. Об этом открытии члены Русского астрономического общества были

извещены циркуляром от 31 августа по старому стилю. Уклонение этого первого наблюдения от эфемериды, напечатанной в моей брошюре “Комета Галлея и ее предстоящее появление”, составляет около одного градуса. Такое расхождение не могло, конечно, служить препятствием к отысканию кометы. Но чем же его объяснить?» – спрашивал А. А. Иванов и пускался в объяснения [253]. Надо сказать, что появление кометы довольно точно предсказали английские астрономы Ф.К. Коуэлл и Э.К.Д. Кроммелин. Комета прошла перигелий 20 апреля 1910 (на 2,68 дня позже предсказания Коуэлла и Кроммелина) и в начале мая представляла собой яркое зрелище на предрассветном небе. В это время сквозь хвост кометы прошла Венера. 18 мая комета оказалась точно между Солнцем и Землей, 19 мая – Земля пересекла хвост кометы (в США в связи с этим событием прошла бойкая распродажа таблеток «Комета», которые предлагались в качестве противоядия: распространились слухи, что в хвосте кометы содержатся ядовитые вещества). В конце мая – начале июня 1910 комета имела 1-ю звездную величину, а ее хвост имел длину около 30°. После 20 мая она стала быстро удаляться, но фотографически регистрировалась до 16 июня 1911. 22 октября 1909 газета «Русское Слово» сообщала: «Появление кометы Галлея и толки о предстоящем будто бы ее столкновении с землей собрали на вчерашний доклад проф. А.А. Иванова до 2½ тысяч слушателей. Проф. Иванов отметил, что комета Галлея принадлежит к числу древнейших, и первое ее появление, с большей или меньшей вероятностью, может быть отнесено к 11-му году до Рождества Христова. С тех пор ее видели 25 раз. Ныне – 26-е появление. В прошлые визиты этой кометы земле она представляла эффектное зрелище, видимое простым глазом. Конечно, большинство и теперь интересуется, главным образом, вопросом, будет ли комета видима всеми смертными или только избранными – астрономами. На этот вопрос лектор затруднился ответить: «астрономия – наука в пеленках». Сейчас комету отмечают лишь фотографические пластинки. Она находится между орбитами Марса и Юпитера. В конце 1909 и начале 1910 гг. ее надеются увидеть в телескоп. И наибольшей яркости комета достигнет в марте будущего года, но как раз в этот момент она исчезнет в лучах солнца. Относительно толков об ожидаемом столкновении кометы с землей, а вместе с тем и о конце света, проф. А.А. Иванов постарался успокоить слушателей. Комета Галлея не подходит к земле ближе, чем на несколько миллионов километров». О появлении в 1910 кометы Галлея и связанных с нее слухах см. также [255, 301, 352].

7. Журфикс (фр. jour fixe – фиксированный день, точное время) – в дореволюционной России определенный день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приема гостей.

22.I.[1]910

<Москва>

Весь день в работе. Утром с *Алекс[андром] Евг[еньевичем]* <Ферсманом> занимался с новыми минералами и просматривал

старые. Потом в библиотеке подбирал книги для корректуры след[ующей] гранки (о вимуте etc.) [1]. Днем на <Высших> жен[ских] курсах <прочел> 2 лекции. После обеда с *Е[лизаветой] Д[митриевной]* <Ревуцкой> и *А[лександром] А[нтоновичем]* <Тварчрелидзе> занимался с спектроскопом – Cs <цезий> в воробьевите [2] из Сибири. Вечером Советская комиссия.

Приняты предложения *Мануйлова*. С ним сговорились утром, когда встретил его, гуляя в Александр[овском] саду. Удалось провести печатание всех мнений Совета <Московского университета> и работ его комиссий с 1899 (1901) <года> и поручений отчета Президиуму 1905–1910 <гг.>. В Комиссии встретились возражения *Лопатина* и *Хвостова*. *Хв[остов]* пытался всячески помешать решению и в конце концов высказал свою трусость наивно, предлагая протестовать, так протестовать: заявить, что, не разделяя взгляды Мин[истерства] нар[одного] пр[освещения], и т. д. По-видимому, как говорят злые языки, его трепет обусловлен гимназией его жены [3]. Он совсем теперь дрожит министра. Любопытно, пройдет ли он сам в Совет: на частном совещании он не был.

Ничего не успеваю читать. Просмотрел работу Ридберга об электронах (1906) – одна из многочисленных безнадежных фантазий. Revue des idées [4].

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 4 ноября 1944 г.

А.А. – Александр Антонович Тварчрелидзе.

Е.Д. – Елизавета Дмитр[иевна] Ревуцкая.

Ал. Евг. – Ферсман.

Примечания

1. См. [103]; §§ 257–269 этого выпуска посвящены висмуту.

2. 28 мая 1908 Вернадский на заседании Физико-математического отделения Академии наук сделал сообщение о берилле с высоким содержанием цезия, который предложил назвать воробьевитом в память В.И. Воробьева, на материалах которого и было основано указанное выступление [90], а затем в Трудах Геологического музея опубликовал большую статью на эту тему [91].

3. Московская частная женская гимназия Н.П. Хвостовой, которая была открыта в 1906 в высоким Кривоарбатском переулке и функционировала до 1918. Гимназия давала достаточно полноценное общее образование. Здесь изучали латынь, разнообразные естественные науки, анатомию, мировую литературу и новые языки, закон Божий, историю Русской Церкви и др. См. [536].

4. Вернадский, очевидно, имеет в виду [600]. «Revue des idées» (фр.) – обзор идей. «Характеризуя научную деятельность Ридберга, следует подчеркнуть, что реальная степень влияния его работ на развитие квантовой физики, истинный теоретический статус установленных им спектральных закономерностей, как и подлинный масштаб его фигуры как ученого, еще не оценены в полной мере» [239, с. 143]. Ридберг (Rydberg) Йоханнес Роберт (1854–1919) – шведский физик; доктор философии (1879). Основные работы по изучению периодической системы элементов Д.И. Менделеева и атомных спектров. Наиболее известен открытием (в 1888) формулы, названной его именем, которая описывает длины волн спектральных линий излучения атомов водорода. Окончил школу (1873) и ун-т в Лунде (1879), доцент (с 1880 кафедры математики, с 1882 – и физики), с 1909 профессор там же. В 1913 сильно заболел, в 1915 ему предоставили отпуск. Иностранный член Лондонского королевского об-ва (1919).

23.I.[1]910

<Москва>

Тяжелый день и как-то мало сделал. Утром на репетиции симфонического концерта Моттля <Мотля> [1]. Очень интересна «Буря» Чайковского [2]. Уже раньше слышал. Масса знакомых. Сидел с Нат[альей Егоровной Вернадской] рядом с Ел[изаветой] Д[митриевной] Ревуцкой, Наташей Шаховской [3], Кабановым [4]. После чуть не годового невидения встретился с Праск[овьей] Влад[имировной] Трубецкой. Она стала лучше. Жизнь дала ей силы пережить тяжелое. Полна своими детьми [5]. Старший пожелал идти по следам отца, но не смог выдержать философии и перешел на историю литературы.

Лекции не начались. Был Остромысленский – талантливый человек [6]. Но я никак не могу забыть рассказа о нем М.А. Новосильцевой. Это ее protége (воспитанник?) и он не раз сочинял целый ряд историй. А теперь все-таки чувствуется талантливость. С ним разговор о триболюминесценции [7]. Он, оказывается, подошел к временной триболюминесценции аналогично тому, как и я с Линденером: поверхностное явление?

Потом Лейст: о гос[ударственном] экз[амене] по минералогии: по ошибке массу навалили лишнего.

Позже экзамен с 6 до 9 с лишком: утомительно и тяжело! Вечером Совет <Высших> жен[ских] курсов. Выбрали Челинцева. Опять разговор с Кольцовым. Он говорит, что я виноват, что Крапивин баллотировался! Что друзья Кр[апивина] говорили, что он говорил со мной и я за него!! Когда и где это было.

Мало успеваю читать. Просматривал Isis [8], N[eues] Jahrbuch [9] и т. д. в связи с корректурой гранки о Bi, Zn [10]. Читал <А.П.> Соколова в Записках Гидрогр[афического] департ[амента] статью о русских мореплавателях XVIII в. [11]. Как все это забыто и неутилизировано в сознании русского общества. Потеря Америк[анской] России <–> огромной урон народного гения [12].

Нагаев [13] выдающийся русский ученый XVIII столетия?

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 6/XI 1944 г.

Феликс Моттль – немецкий композитор и дирижер (1856–1911). Приезжал дирижировать и в Россию (1910) – Нов[ый] энц[иклопедический] слов[арь], т. 27, стр. 363 [14].

Крапивин Сергей Гаврилович производил впечатление странного человека. Кажется, приват-доцент Московского унив[ерситета]. Работал в области органической химии в иностранных журналах (Поггендорф, 5, 677 и 6, 1937, стр. 1396 [15]).

Книжка Крапивина по аналитической химии (качественный анализ) выдержала несколько изданий (последнее издание – 1931 г.) [16]. В 1930 г. была жива Софья Серг[еевна] Крапивина, лаборант химии Государственного института сил[икатов]. (Научные работники Москвы, Лен[инград]. 1930 г., стр. 144) [17]. Может быть, его дочь.

О Крапивине см. стр. 3 [18].

О кн[ягине] П.В. Трубецкой. Праск[овья] Влад[имировна] Трубецкая, по словам ее покойного мужа, – мистик-сведенборгианец [19].

Николай Сергеевич Трубецкой – филолог, сперва изучал языки Кавказа с проф[ессором] Миллером, после Ягича занял кафедру его в Венском унив[ерситете]. Он является творцом идеи Евразии, которой одно время в его смысле увлекался и мой Георгий [20].

Но в своей последней сводке он избавился от элементов мистицизма и принял понятие Евразии в географическом смысле (Ancient Russia, W., 1944) [21]. Совершенно ясно, что Европа и Азия, отчасти и Африка, представляют один континент. Мне кажется, он правильно пошел под влиянием Мих[аила] Ив[ановича] Ростовцева [22], чему я очень рад.

Ссылка на историю литературы – явно описка [23].

И.И. Остромысленский – (р. 1880 г.) – химик.

О Нагаеве в настоящее время я мог бы сказать еще сильнее, чем я сказал в 1910 г.

Примечания

1. См.: «Программа. Московское филармоническое общество. Большой зал Российского Благородного собрания. 23 января. 5-е симфоническое собрание под управлением Феликса Мотля. В программе: Мендельсон, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Сен-Санс. – Москва, 1910».

2. «Буря» – симфоническая фантазия П.И. Чайковского по одноименной драме У. Шекспира. Первое исполнение ее состоялось в Москве 7/19 декабря 1873, повторное – 7/19 апреля 1874 в С.-Петербурге. Успех обоих исполнений был триумфальным.

3. Шаховская-Шик Наталия Дмитриевна (1890–1942) – литератор, автор ряда научно-популярных и научно-биографических книг, нескольких исторических статей, дочь близкого друга В.И. Вернадского – князя Д.И. Шаховского; в 1918 вышла замуж за М.В. Шика. Окончила Ярославскую женскую гимназию; в 1907–1912 училась на Московских высших женских курсах по специальности история; в 1912–1917 работала в изд-ве К.Ф. Некрасова. После Февральской революции – член Хамовнической районной думы, затем в Дмитровском Союзе кооперативов; во время разгрома кооперативного движения в 1921 арестована и 2,5 месяца провела в Бутырской тюрьме. Преподавала историю в Сергиевском педагогическом техникуме, занималась переводами и (в Троице-Сергиевой Лавре) перепиской архивных документов, работала экскурсоводом. С 1928 проживала на станции Томилино Казанской железной дороги, с 1931 – в г. Малоярославец (без права проживания в Москве), где перенесла немецкую оккупацию. Умерла от туберкулеза в Московской областной туберкулезной больнице. В.И. Вернадский, хорошо знавший дочь своего близкого друга (Наталия Дмитриевна звала его «дядя Владимир» и была с ним на «ты»), постоянно оказывал моральную и материальную поддержку ее семье. Шик Михаил Владимирович (1887–1937) – священнослужитель, богослов, литератор, переводчик. Окончил 5-ю Московскую гимназию (1905) – одну из лучших в то время в Москве, вместе с ним учился Георгий Вернадский. Выпускник Московского ун-та (1912) по двум отделениям – всеобщей истории и философии, до 1913 на стажировке во Фрайбергском ун-те в Германии. Служил в армии вольноопределяющим, затем работал в коммерческой конторе своего дяди – в Петербурге и в Варшаве. В июле 1914 мобилизован, какое-то время находился на фронте, затем в нестроевых частях, в 1917 – снова на фронте. В 1918 принял православие, в том же году женился на Н.Д. Шаховской. В 1919–1925 жил в г. Сергиев Посад, сотрудник Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой лавры, преподавал в местном педагогическом техникуме, выполнял переводы. В 1925 рукоположен в сан дьякона, в том же году арестован по фальсифицированному «делу митрополита Петра», до конца 1927 находился в ссылке в Каракалпакии (г. Турткуль), где в 1927 рукоположен в священники. Освобожден 14 декабря 1927. В конце января 1928 возвратился в Сергиев Посад, служил в Петропавловском соборе. В 1928 служил в московских храмах. В 1930, когда становится обязательным поминовение митрополита Сергия как местоблюстителя патриарха (при живом

местоблюстителе митрополите Петре), отец Михаил уходит за штат и примыкает к оппозиционному официальной Русской православной церкви течению («непоминающие»). Вместе с семьей переезжает в Малоярославец, служит литургию в домашней церкви. На жизнь зарабатывал переводами технической литературы по договорам с разными издательствами. Арестован 25 февраля 1937 по обвинению в создании контрреволюционной антисоветской организации (дело «Нелегальной организации Истинной православной церкви»). Расстрелян 27 сентября 1937 на Бутовском полигоне. Посмертно реабилитирован в 1956. В 1936 М.В. Шик – один из переводчиков естественноисторических сочинений Гёте, редактировавшихся В.И. Вернадским (опубликованы не были).

4. Очевидно, Кабанов Николай Александрович (1864–1942) – врач, педагог, эсперантист, общественный деятель. Автор около 150 научных трудов по медицине, включая книгу о роли наследственности в развитии внутренних болезней. В 1894 организовал на общественных началах и возглавил издание научно-популярных брошюр для широких слоев населения о правах граждан, народовластии, государственном устройстве, земельном законодательстве, национальном вопросе, самоопределении народов и пр. Был одним из пионеров языка эсперанто в России. Перевел и издал ряд книг на этом языке, а также два русско-эсперантских словаря. Окончил физ.-мат. (1886) и мед. (1893) ф-ты Московского ун-та. Приват-доцент в Госпитальной терапевтической клинике Московского ун-та (до 1911, когда вместе с рядом других профессоров и преподавателей ушел в отставку). Лектор московских Высших Педагогических курсов им. Тихомирова (1911–1918), профессор терапевтической клиники и декан ф-та Екатеринославского ун-та и ректор Высшего Екатеринославского педагогического ин-та (1918–1922). С 1922 по 1930 руководил факультетской терапевтической клиникой 2-го МГУ.

5. Дети С.Н. и П.В. Трубецких: Мария, Владимир и Николай Трубецкие. В.И. Вернадского и С.Н. Трубецкого связывали очень теплые, по-настоящему дружеские отношения. Об этом свидетельствуют воспоминания Вернадского [154], а также их переписка, почти полностью опубликованная [332]. В 1908, 16 марта, Вернадский произнес в студенческом Обществе «Памяти С.Н. Трубецкого» в Московском ун-те речь, которая под названием «Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого» была опубликована в журнале «Русская мысль» [93], затем в сборнике речей, произнесенных на заседании упомянутого Общества [98], и в 1922 перепечатана в книге Вернадского «Очерки и речи» [123]. О С.Н. Трубецком см. [189, 240, 335, 495].

6. Остромысленский Иван Иванович (1880–1939) – химик-органик, иммунохимик. Работы посвящены в основном органической химии и новым методам получения разных веществ. Окончил Московское высшее техническое уч-ще (1902), учился в Цюрихском ун-те и в Высшей технической школе в Карлсруэ в Германии (1906). В 1907–1912 работал в Московском ун-те (сверхштатный лаборант, ассистент, доцент) и в Московском техническом уч-ще (ассистент), провел серию исследований по разработке методов получения искусственного каучука в лаборатории Об-ва производства и торговли резиновыми изделиями

«Богатырь» (1912–1917). В 1913 открыл в Москве собственную лабораторию, в которой вел иммунохимические экспериментальные исследования. В 1918–1920 – зав. лабораторией Научного химико-фармацевтического ин-та. В 1921 выехал в Латвию, преподавал в ун-те в Риге, через полгода перебрался в США, вел химико-технологические разработки производства каучука, химико-фармацевтические исследования на службе американских фирм.

7. См. [99, 383].

8. Энциклопедический журнал, который издавался в 1817–1848 (Йена, затем Рудольфштадт) под редакцией Лоренца Окена; вышел 41 том. До 1832 журнал назывался «Isis, oder, Encyclopsche Zeitung» («Исида, или, Энциклопедическая газета»), затем – «Isis. Encyclopädische Zeitschrift, vorzüglich für Naturgeschichte, vergleichende Anatomie und Physiologie» («Исида. Энциклопедический журнал, посвященный естественной истории, сравнительной анатомии и физиологии»). Это первый междисциплинарный журнал в немецкоязычном мире. Несмотря на то, что журнал номинально издавался с 1817 по 1848, его первый выпуск вышел 1 августа 1816, а издание последнего тома – было отложено до февраля 1850. Первоначальный тираж журнала в 1500 экземпляров быстро сократился в первые годы существования и за последние годы составил около 200 экземпляров. Не путать с журналом «Isis» – ежеквартальным научным журналом, который был основан Джорджем Сартоном (в 1913–1952 – главный редактор), его первый номер вышел в марте 1913. Журнал освещает историю науки, медицины, технологий, а также их влияние на культуру. Изначально статьи публиковались на любом из четырех европейских языков (английском, французском, немецком и итальянском), но с 1920-х используется только английский. См. переписку В.И. Вернадского с Дж. Сартоном [399].

9. Может быть, «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie» («Новый ежегодник по минералогии, геологии и палеонтологии») или «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geognosie, Geologie und Petrefakten-Kunde» (Новый ежегодник по минералогии, геогнозии, геологии и петрефактологии), издававшиеся в Штутгарте.

10. См. [103]; § 253 этого выпуска посвящен самородному цинку, §§ 257–269 – самородному висмуту.

11. См. [462].

12. Продажа Аляски – уступка территорий Русской Америки (Аляски и Алеутских островов) Российской империей Соединенным Штатам Америки по договору, заключенному 18 (30) марта 1867 между правительствами двух стран. Фактическая передача территории со всем имуществом состоялась 6 (18) октября 1867. В качестве компенсации за передачу российских владений США Российская империя получила 7,2 млн. долларов золотом. Как в российской, так и в западной историографии нет консенсуса о причинах, подтолкнувших правительство Российской империи к решению о продаже североамериканских колоний. Наиболее дискуссионным остается вопрос о том, была ли продажа Аляски продиктована объективной необходимостью или же произошла по стечению обстоятельств и под давлением на Александра II со стороны частных лиц,

заинтересованных в сделке. См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. – М.: Наука, 1990. – 368 с., История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт. Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / отв. редактор: Н.Н. Болховитинов. – М.: Международные отношения, 1999. – 558 с. Вернадский к «продаже Аляски» относился резко отрицательно.

13. Нагаев Алексей Иванович (1704–1781) – гидрограф, картограф, адмирал (1769). По окончании (1721) Морской академии в Петербурге остался там же преподавать. В 1730–1734 произвел опись части Каспийского моря, в 1739 – Финского залива Балтийского моря В 1745 по материалам Камчатских экспедиций составил первые карты Берингова моря (в т. ч. американского берега) и нижнего течения р. Амур, в 1752 – первый атлас и лоцию Балтийского моря. По его инициативе в 1752 в Кронштадте создали первый в России пост регулярных наблюдений за погодой и морем. Составитель карт Ладожского озера, рек Ока и Москва, устья Колымы и Медвежьих о-вов. Посмертно издан труд «Лоция, или Морской путеводитель» (ч. 1–3,1789–1790). Его именем названа бухта на севере Охотского моря. Орден Св. Александра Невского (1775).

14. Моттль (Mottl), Феликс // Новый энциклопедический словарь, том 27. – Петроград, [1916], стлб. 363.

15. См. соответственно: J.C. Poggendorff`s biographisch-literarisches Handwörterbuch für mathematic, Astronimie, Physik, Chemie und verwandte Wissenschaftsgebiete. Band V: 1904 bis 1922. – Leipzig/Berlin: VERLAG CHEMIE, 1926, S. 677 и J.C. Poggendorff`s biographisch-literarisches Handwörterbuch für mathematic, Astronimie, Physik, Chemie und verwandte Wissenschaftsgebiete. Band VI: 1923 bis 1931. – Berlin: Verlag Chemie, 1936, S. 1396. Имеется в виду основанный И.Х. Поггендорфом известный биографически-литературный справочник, содержащий биографические сведения и библиографию работ многих ученых мира. Первый том вышел в 1863: J.C. Poggendorff. Biographisch-Literarisches Handworterbuch zur Geschichte der Exacten Wissenschaften. B. I. A–L. – Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1863. – 1584 стлб. Печатная версия этого справочника состоит из восьми томов, каждый из которых содержит несколько частичных томов, которые были завершены в конце 2003. В ней содержится около 29 000 биографий ученых (математика, астрономия, физика, химия, медицина, биология, минералогия, геология и др.).

16. См. [308.].

17. См. [365, с. 558]. См. также автореферат канд. диссертации [309].

18. См. выше запись в дневнике от 21 января 1910.

19. Сведенбогианец – последователь Эммануила Сведенборга (1688–1772), шведского ученого и теософа-мистика, создавшего собственную теософскую систему, в которой сочетались элементы натурфилософии и оккультизма.

20. Георгий Владимирович Вернадский. «Идея Евразии» – В.И. Вернадский имеет в виду так называемое евразийство – первоначально идейно-мировоззренческое, затем общественно-политическое движение в среде русской эмиграции в 1920–1930-х, в основании которого лежала концепция Евразии как самостоятельного «географического и исторического мира», расположенного между Европой

и Азией и отличающегося от обеих в геополитическом и культурном плане. См. [61, 278, 234.].

21. См. [608]. Книга была дополнена и переиздана в 1930, 1944, 1951, 1954, 1961,1969. Переведена на немецкий в 1947, испанский в 1947, иврит в 1945 и японский в 1954 языки.

22. Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – русский и американский историк античности, археолог, папиролог. Академик РАН (1917), член-корреспондент Берлинской АН (1914), член Академии надписей и изящной словесности (1917). Окончил историко-филологический ф-т Петербургского ун-та (1892). В 1898–1918 преподавал здесь же (профессор с 1908) и на Высших женских курсах. В 1905–1916 – в конституционно-демократической партии, член ее ЦК. В 1918 направлен от Академии наук в заграничную командировку, из которой не вернулся. Работал в Англии, в Оксфордском ун-те. С 1920 в США. В 1920–1925 профессор ун-та в г. Мадисон (шт. Висконсин), в 1925–1944 – Йельского ун-та, директор его Центра археологических исследований (1939–1944). В 1928–1937 возглавлял раскопки Дура-Европос. В 1935–1936 президент Американской исторической ассоциации. Сотрудничал с Русским археологическим об-вом.

23. Имеется в виду указание Вернадского на то, что старший сын С.Н. Трубецкого (Н.С. Трубецкой) «перешел на историю литературы», тем не менее в своих лекциях, которые он читал в 1920–1930-х в Венском ун-те, касался и истории русской литературы.

24.I.[1]910

<Москва>

Утром с 9 ч[асов] до 1¼ дня экзамен. В 3 ч[аса] у *Мануйлова* совещание профессоров – небольшая группа. Решено издать сборник статей в связи с унив[ерситетской] реформой, в котором поместить статьи общего содержания (о научном знач[ении] Унив[ерситета], полож[ении] профессоров, печати Устава 1884 <г.> и его отражении в унив[ерситетской] ж[изни]) и критику <университетского> устава *Шварца* [1]. Выбрана редакц[ионная] ком[иссия] <в составе> *Ман[уйлова]*, *Виноградова*, *кн[язя] Е. Трубецкого*, *гр[афа] Камаровского*, *меня* и *Муромцева*. *Пав[ел] Ив[анович]* <Муромцев> думает, что *Ман[уйлов]* что-то сильно себя выставляет посл[еднее] время – он даже как будто подозревает, что нарочно – без всякого основания.

Не мог быть вчера и сегодня на заседании у *Коновалова* – о внешней политике на Д[альнем] Востоке [2]. Кажется, очень остались довольны – особенно сегодня.

Вечером засед[ание] в <Обществе> *слав[янской] культуры* [3] – в совете, где было много членов правления Общ[ества] един[ения]

нар[одностей России] [4]. После доклада *Львова* оштрафовали «Утро России» [5] на 500 р[ублей], а сегодня в канцел[ярию] Об[щества] сл[авянской] культ[уры] приходила полиция для получения списка членов. *Львов* поднял свой вопрос об образ[овании] движения против национ[ального] клуба. Он считает эту организацию страшно опасной. Позже обсуждался вопрос о приеме *Крамаржа* и *Дмовского*. *Люб*[обытна?] здесь организ[ация] Польского Дома [6] – левые польские течения. Они хотят войти в Общ[ество] сл[авянской] культ[уры].

Распространили слух об убийстве *Милюкова*. *Ледницкий* снесся с *Набоковым* и слух опровергнут. Но все сочли возможным, т[ак] к[ак] помилование Юск[евича]-Краск[овского] должно считаться разрешением таких убийств [7].

Ничего не успеваю читать. Прочел статью <L.> Gallois в Ann[ales] de géogr[aphie] 1909 об истории геогр[афической] карты Франции [8] и о *Бехайме* [9], статью *Таннера* в Bulletin [de la Commission] Géol[ogique de] Finl[ande] о четвертичных отложениях финской Лапландии [10].

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 9 ноября 1944 г.

Коновалов – очевидно, Ал[ександ]р Ив[анович] Коновалов <из> прогрессивной партии. В декабре 1912 г. по поводу декларации правительства выступил с речью о правовом порядке с точки зрения промышленности (Нов[ый] энц[иклопедический] слов[арь], т. 22, стр. 481) [11].

Примечания

1. Об уставе Шварца см. выше – примечание № 7 к записи от 19 января.

2. А.И. Коновалов и П.П. Рябушинский впервые в истории России воплотили идею создания своеобразного клуба московских предпринимателей и ученых, которые собирались в особняке последнего на Пречистенском бульваре и обсуждали проблемы создания благоприятных условий для экономического развития страны.

3. Общество славянской культуры – см. выше, с. 205–214. .

4. Общество единения народностей России – см. выше, с. .205–214.

5. «Утро России» – ежедневная газета, орган российских торгово-промышленных кругов, с 1912 – партии прогрессистов. Издавалась в Москве в сентябре – октябре 1907, ноябре 1909 – апреле 1918. Фактический издатель – П.П. Рябушинский (до осени 1917). Тираж: 30 тыс. экз. (1907), 40 тыс. экз. (1914). Выражала претензии буржуазии на политическую власть, добивалась ответственного перед Государственной думой правительства с участием представителей либеральной оппозиции. После Февральской революции 1917 призывала покончить

с «диктатурой советов», лейтмотив публикаций – преждевременность «введения» социализма в России. В апреле 1918 ввиду явной антибольшевистской направленности была закрыта, до конца июля выходила под названием «Заря России», затем окончательно запрещена.

6. В 1906 в Москве была основана общественная организация «Дом Польский» (Dom Polski), которая разместилась в здании в Милютинском переулке, построенном для московских поляков по проекту академика архитектуры польского происхождения И. Залесского в 1905. Интерьер здания был перестроен в 1907 архитектором-поляком Э. Юдицким. Средства на постройку здания завещал известный московский меценат польского происхождения генерал Альфонс Шанявский. В здании также находились польские организации: «Лютня», Общество польских женщин, Благотворительное общество помощи бедным римско-католического вероисповедания, редакции газет, библиотека, литературно-художественный кружок, гимнастическое об-во «Сокол», студенческая организация «Братская помощь», которая до этого существовала в Москве нелегально. Помимо библиотеки в здании располагались читальный, лекционный и концертный залы, в которых организовывались различные мероприятия: лекции, патриотичные и танцевальные вечера, спектакли. Польские общества такого типа были и в других крупных городах Российской империи. Польские дома покровительствовали польским лицеям и издательствам на польском языке. При таких организациях обычно был католический приход с костелом. См. [599].

7. Н.М. Юскевич-Красковский (? – не ранее 1917) – один из главных организаторов боевых дружин Союза Русского народа (СРН), руководитель боевиков СРН в Петербурге. После убийства депутата I Госдумы М.Я. Герценштейна (18 июля 1906) долгое время скрывался от следствия; в 1909 осужден за подстрекательство к убийству. После того, как Николай II в декабре 1909 помиловал его своим Высочайшим указом, вернулся к активной политической деятельности.

8. Статью (из двух частей) Gallois (Галлуа Люсьен Луи Жозеф, 1857–1941, французский географ) см.: [586, 587].

9. См. [588].

10. См. [604].

11. См. [302].

25.I.[1]910

<Москва>

Утром лекция минералогии (Введение в алюмосиликаты). С Линденером о триболюминесц[нции]. Кащенко дана бура. Флатау [1] – ангидрид фталевой кислоты. Вечером занимался с Твалчрелидзе и Ревуцкой – спектр гибнерита [2], лепидолита, турмалина. Все-таки метод не очень чувствит[ельный]. Вечером у Новосильцевых. Дружеская светская causerie [3]. У Юрия Алекс[андровича] <Новосильцева> очень угнетенное настроение: он как-то чувствует, что все рушится и выхода

нет. Но у него то же было и до освобожденч[еской] организации [4] и во время нее. Действительно, тяжело переживать 70–910 годы. Я думаю, что научная работа дает мне устои, которых лишены настоящие обществ[енные] деятели.

Гуля [5] поглощен своей газетой [6] и всей работой жизни спокойно и *твердо*.

Читал <нрзб> Kemiens historie [7]. Корректура для Bi <висмута> – статьи <Вильгельма фон> Хайдингера и др. [8]. Утром для глин и алюмосил[икатов] обдумывал известное.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 9 ноября 1944 г.

Кащенко потом перешел на медицинский факультет и был врачом-психиатором [9]. О Флатау ничего не помню.

Новосильцевых видел последний раз в 1926 г. Юр[ий] Ал[ександрович] умер в Царицине в начале революции [10]. Семья переехала в Париж, где я их и видел, Мар[ию] Ал[ександровну] и Демидова, затя Юр[ия] Ал[ександровича], котор[ый] заведовал хозяйственной частью в журн[але] Милюкова «Последние новости» [11].

«Гуля поглощен своей газетой» – это было, по-видимому, «Крестьянское дело».

В. Хайдингер (1795–1871) [12].

Примечания

1. Флатау или Флятау – точно личность установить не удалось, но, например, есть сведения, что в 1910 в члены Отделения химии Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском ун-те был избран доктор философии Ю.Л. Флатау [391]. На сайте «Летопись Московского университета» указан Флятау Юлиан Людвигович, в 1919–1920 профессор кафедры химии физ.-мат. ф-та Московского ун-та. В 1911 Ю.Л. Флятау опубликовал небольшую книгу [526]. Известен также Флятау Эдуард Людвигович (1868–?) – польский невролог, доктор медицины (1898, Московский ун-т); не исключено, что это брат Ю.Л. Флятау.

2. Гюбнерит – жильный минерал; встречается в кварцевых термальных жилах, известен в россыпях. Один из синонимов – вольфрамит марганцовистый ($Mn[WO_4]$).

3. «Causerie» (фр.) – легкая непринужденная беседа.

4. Имеет в виду «Союз освобождения» – нелегальная либеральная организация в России, членом которой был и В.И. Вернадский. Образован в 1903–1904. Объединял деятелей левого крыла земского движения, состоявших в Союзе земцев-конституционалистов, более радикальных либералов и социалистов.

Ключевую роль в создании Союза сыграли члены редакции и ведущие сотрудники нелегального журнала «Освобождение» – российского политического журнала либерального направления. Выходил в июне 1902 – октябре 1905 один раз в две недели в Штутгарте, с 1904 в Париже. Всего выпущено 79 номеров. С 1903 тираж составлял 7–7,5 тыс. экз. В России распространялся нелегально. Редактор-издатель – П.Б. Струве.

5. Вернадский Георгий Владимирович.

6. Имеется в виду журнал «Крестьянское дело» – беспартийный журнал для крестьян и сельской интеллигенции, который выходил в газетном формате в Москве в 1909–1912. Издатель и редактор – В.П. Дроздов. С 1913 издавался под названием «Колос» (общедоступный иллюстрированный двухнедельный журнал), в 1914–1915 – «Новый колос».

7. Автора «Истории химии» установить не удалось.

8. На статью Хайдингера <Гайдингера> и других авторов есть ссылки в [103.]; §§ 257–269 этого выпуска посвящены висмуту.

9. Здесь явная абберация памяти. Речь идет не о П.П. Кащенко – известном психиатре, а о его сыне – Б.П. Кащенко, университетском ученике Вернадского. Так, в [391] на с. 201 есть упоминание о Б.П. Кащенко, который занимался анализом серпентина. В Архиве РАН, в фонде Вернадского (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 747) отложились «письма Кащенко Н. к Вернадскому В.И. (Москва, Н. Тагил, Лукъяновка)». В действительности в этом деле ошибочно объединены письма двух Кащенко – Б.П. Кащенко (как следует из подписи к первым 3-и письмам за 1907–1908) и Н. Кащенко (как следует из подписи к двум другим письмам за 1918 и 1926). «Н. Кащенко» – это Николай Феофанович Кащенко, известный зоолог, академик Украинской Академии наук (с 1919).

10. Есть сведения, что Ю.А. Новосильцев умер в Сочи.

11. Речь идет об общественно-политической и литературной газете «Последние новости», которая издавалась в Париже с 1920 по 1940 и являлась одной из наиболее популярных газет первой русской эмиграции. В 1920-е годы – фактический орган Парижской группы конституционно-демократической партии. Выходила ежедневно в Париже (27.4.1920–11.6.1940). Всего вышло 7015 номеров. Тираж свыше 30 тыс. экз. (начало 1930-х). С 1921 ее главным редактором был П.Н. Милюков. См. [5, 560].

12. Гайдингер (Haidinger) Вильгельм фон (1795–1871) – австрийский минералог и геолог, автор капитальных руководств по минералогии, кристаллографического атласа и минералогических таблиц, под его руководством издана цветная геогностическая карта Австрийской империи (1866). Почетный член Королевского об-ва Эдинбурга (1815); член-корреспондент Королевской АН в Берлине (1842); член-корреспондент (1847) и действительный член (1859) Баварской АН, член Геологического об-ва Лондона (1851), иностранный член Лондонского королевского об-ва (1856), член-корреспондент Парижской (1855) и Петербургской (1856) АН, действительный (1846) и почетный (1867) член Петербургского минералогического об-ва.

26.I.[1]910

<Москва>

Кончил корректуру 45[-й] гранки: Zn – Bi <цинк – висмут> [1]. Для висмута пришлось кое-что перечитать: статью Мюллера о Шнееберге [2], еще Брейтгаупта paragenesis [3].

Был Остромысленский и студент <А.> Бергман. Любопытные кристаллы ассим[етричные] Pt <платины>. Опять вопрос о триболюминесцеции. Но здесь, кроме отсутствия центров симметрии, есть еще что-то. Влияние поверхности? Остромысленский дал свою статью о триболюмин[есценции] [4].

Был на <Высших женских> курсах. С Е[лизаветой] Д[митриевной] <Ревуцкой> просмотрел библиот[еку], купленную у Тарасова для курсов. Странная судьба – лучшие книги из библиотеки М.П. Ребиндера [5]. Муж моей двоюр[одной] сестры Виктории Ив[ановны] [5]. Помню его сквозь сон в детстве – но затем разговоры с матерью [7], Лидией Карл[овной] [8], Викторией Ив[ановной]. В[иктория] И[вановна], красивая, Леша (умерший молодым) и Саша [9] – его сыновья – более молодые друзья моей юности. Ребиндер, когда-то переводивший Креднера [10], под влиянием движения [18]70-х годов бросил науку, опростился и в конце концов уехал с племянницей Модзалевского в Америку [11]. Где и кончил где-то в южных штатах свою жизнь… И теперь собираются осколки его мыслящей личности, его научные труды. Есть хорошие вещи, сохранившее свое значение до сих пор…

Вечером окончательное заседание бюро съезда [12]: М.В. и А.П. Павловы, А.В. Павлов, В.В. Карандеев, Ник[олай] Ник[олаевич] Богол[юбов].

Ниночка [13] больна и Наташа [14] нездорова – подавилась костью.

Кончил просматривать <нрзб> Kemiens hist[orie]. Несколько №№ Liter[arisches] Zentralblatt [15].

Начал читать рукопись Аша [16] о структуре алюмосиликатов. Любопытно, как в 1900 г. оказывала влияние моя диссертация 1891 <г.> [17]. Но вопрос сильно вырос в 10 лет!

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 15 XI 1944 г.

М.П. Ребиндер был другом кн[язя] <П.А.> Кропоткина и, мне кажется, принимал участие в его работах в Финляндии [18]. Нужно достать тот том <Известий Императорского Русского> Географического общества, где помещена целиком его <Кропоткина> не совсем

законченная работа, имеющая значение до сих пор, о ледниковых явлениях в Финляндии [19].

В письмах моего отца есть письмо <М.П.> Ребиндера из Америки, в котором он поручал отцу помочь его детям [20]. Его внук, выдающийся физико-химик, член-корр[еспондент] Академии <наук СССР> Петр Алекс[андрович] Ребиндер [21].

Это – настоящий потомок Ребиндера. Брат его отца – Алеша Ребиндер – сын Виктории Ивановны Ребиндер и Ореста Веймара, врача; это никогда не скрывалось. Веймар принимал участие в войне с Турцией и находился в каком-то госпитале, где был в хороших отношениях с какой-то Вел[икой] Кня[гиней], которая стояла во главе этого госпиталя [22].

Мне рассказывал П.А. Ребиндер, что, когда его отец мог восстановить его титул, он этого не сделал, а Алеша подал заявление и получил титул.

Мать П.А. Ребиндера была урожденная Пастухова [23], дочь придворного генерала, большого приятеля моей матери

Орест Веймар был кучером при побеге П.А. Кропоткина, побег был совершен на его лошадях.

П.А. Кропоткин в своих «Записках революционера» пишет (стр. 242): «Это был доктор Орест Эдуардович Веймар, поразивший впоследствии всех своим смелым хладнокровием на перевязочных пунктах во время Турецкой войны и скончавшийся от чахотки в каторге на Каре, куда его сослали в 1880 г. как народовольца» [24].

Остромысленский – см. стр. 5 [25]. Сведения о нем есть у Поггендорфа в т. V [26]. Дальше сведений о нем нет. В «Нов[ом] энц[иклопедическом] слов[аре]» – см. т. 29, ст. 859 [27].

Лидия Карловна *Вульферт*, урожденная Малецкая, – большой друг моей матери, моя крестная мать. Ее муж считал себя аристократом. Лид[ия] Карл[овна] была очень милый и добрый человек. Я думал, что она католичка, но не знаю, так ли это было.

Об Остромысленском, из моих разговоров с М.А. Новосильцевой, которая его вывела в люди, осталось какое-то неприятное впечатление. Но в чем дело – теперь не помню.

Отчего он так быстро исчез – тоже не знаю [28].

Леша и Саша Ребиндеры были несколько моложе меня и я смотрел на них сверху вниз, как на мальчиков. Но все-таки они приходили ко мне, и мы разговаривали, мне не было с ними скучно. Ввиду близости

Викт[ории] Ив[ановны] к нашей семье, они сняты вместе с ней на наших семейных фотографиях.

Примечания

1. См. [103]; § 253–256 этого выпуска посвящены самородному цинку, §§ 257–269 – самородному висмуту.

2. См. [594]. Именно на эту работу Вернадский ссылается в [103, с. 465]

3. Парагенезис минералов – совокупность встречающихся вместе минералов, образовавшихся одновременно в одних и тех же физико-химических условиях; термин «парагенезис минералов» предложен немецким минералогом И. Брейтгауптом в 1849 в своей работе «Die Paragenesis der Mineralien. – Freiberg, 1849. – 276 S.

4. См. [383].

5. Ребиндер Михаил Павлович (1849–1918?) – окончил С.-Петербургскую школу юриспруденции, кандидат права, работал на юридическом ф-те Петербургского ун-та. Подробнее о нем см. ниже примечание № 10.

6. Ребиндер (урожд. Константинович) Виктория Ивановна (1846–1899) – двоюродная сестра В.И. Вернадского по линии матери. Окончила курсы медицинских сестер, работала в Петербурге с врачом О.Э. Веймаром, гражданской женой которого стала; участвовала в подпольной деятельности народников-революционеров (после отъезда в США – в сущности, исчезновения – М.П. Ребиндера она подала прошение о разводе, но должно было пройти 5 лет для его свершения).

7. Вернадская (урожд. Константинович) Анна Петровна (1836–1898).

8. Вульферт (урожденная Малецкая) Лидия Карловна (?–1913) – крестная мать В.И. Вернадского. С конца 1860-х занималась общественной деятельностью, работая в земских страховых обществах. С 1901 проживала в Киеве.

9. Ребиндер Алексей Михайлович (1871?–1892?) – окончил гимназию в С.-Петербурге; был болен костным туберкулезом. Ребиндер Александр Михайлович (1868–1906) – военный морской врач. Окончил Военно-медицинскую академию (1892), получил диплом лекаря и служил корабельным врачом на флоте – в 1894 на эскадренном броненосце «Император Александр III», в 1896–1899 – на Александр крейсере «Адмирал Корнилов», в 1900–1901 – на канонерской лодке «Отважный», во время крушения корабля простудился и тяжело заболел туберкулезом, от которого и умер в Ялте. Отец П.А. Ребиндера (о нем – см. ниже примечание № 20).

10. См. [311.]. Переводчики: М.П. Ребиндер, А.А. Штукенберг и М.С. Тарасов, которые выразили «глубокую благодарность академику Ф.Б. Шмидту и П.А. Кропоткину, взявшим на себя труд составить дополнения по геологии Восточной Сибири» [311, с. I]. Упомянутая выше «библиотека Тарасова, купленная для Высших женских курсов», очевидно, принадлежала «переводчику» М.С. Тарасову. В ней, судя по всему, были и книги, принадлежащие М.П. Ребиндеру.

11. М.П. Ребиндер, увлеченный идеями народников, пытался создать вместе с крестьянами в своем имении в Новгородской губ. сельскохозяйственную артель и товарищество по осушению болот. Результатом его социальных экспериментов стало полное разорение, после чего он бросил семью, начатое дело и уехал в Америку, где следы его затерялись. Есть сведения, что он умер около 1920. История М.П. Ребиндера послужила сюжетом очерков Глеба Успенского «Лядины» и «Чудак-барин». См. [559]. Племянница Модзалевского – Сергеева Анна Михайловна (1855–1913), ее отец – Михаил Лаврентьевич Сергеев (1808–1867), мать – Елизавета Николаевна Модзалевская (1829–1856) – сестра Модзалевского Льва Николаевича (1837–1896) – педагога, детского писателя и поэта, автора труда «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен», соавтора классической хрестоматии К.Д. Ушинского «Родное слово». Окончил 3-ю С.-Петербургскую гимназию (1855), затем историко-филологический факультет С.-Петербургского университета (1959); работал несколько лет в столичных школах; затем переехал в Тифлис, где работал (1866–1868) наставником-наблюдателем у сыновей Великого князя Михаила Николаевича. Вернувшись в Петербург, способствовал улучшению дела воспитания глухонемых. Один из деятельных сотрудников «Журнала Министерства народного просвещения». Его жена (с 1866) Александра Ивановна Константинович (1848–1920). Отец историка литературы и пушкиниста Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928) и генеалога Вадима Львовича Модзалевского (1882–1920), дед советского историка литературы, пушкиниста, архивиста Льва Борисовича Модзалевского (1902–1948), с которыми хорошо был знаком и переписывался В.И. Вернадский.

12. Вернадский явно имеет в виду заседание Бюро секции геологии и минералогии XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей, который завершился 6 января 1910.

13. Вернадская Нина Владимировна.

14. Вернадская Наталья Егоровна.

15. Очевидно, «Literarisches Zentralblatt für Deutschland» – немецкий библиографический журнал, издававшийся в Лейпциге в 1850–1944.

16. Речь идет о рукописи В. Аш и Д. Аш, которая позже была включена ими в книгу [578]. См. их письмо Вернадскому от 14 марта 1910 и примечания к нему – Приложение 9.

17. См. [69]

18. М.П. Ребиндер в 1871 был участником экспедиции П.А. Кропоткина в Финляндию, которую последний совершил по заданию Русского географического об-ва. Сохранилась даже их совместная фотография того времени (см. [364, с. 15].

19. См. [312]. Главы из неопубликованного 2-го выпуска «Исследований о ледниковом периоде» см. [313].

20. Вот это письмо (АРАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 158. Л. 1–2.):

«23/11 августа 1878 <г.>. Нью Йорк

Милостивый Государь Иван Васильевич.

Пользуюсь удобным случаем, чтобы разрешить наконец вопрос об обеспечении моих ребятишек, в котором, как я слышал, Вы принимаете участие. Вопрос этот, поверьте, тяготит очень и меня и потому я хочу раз и навсегда покончить его, пользуясь проездом моего доброго знакомого, весьегонского предводителя дворянства Петра Алексеевича Дементьева, человека, которому я вполне доверяю и который знаком со всеми обстоятельствами дела. Ждал же я удобного случая потому, чтобы гарантировать себя сколько-нибудь от каких бы ни было инсинуаций.

Я решил устроить это дело так:

1) Александр Васильевич Яковлев обеспечивает детям уплату денег, находящихся в его распоряжении, документом.

2) Уплата должна быть произведена разом по достижении старшим сыном Александром 21ого года.

3) Проценты с капитала выдаются Александром Васильевичем <Яковлевым> дважды в год в сроки им назначенные.

4) Проценты вручаются Виктории Ивановне <Ребиндер>, которая распоряжается ими по своему усмотрению.

Со следующей почтой я посылаю об этом письмо Александру Васильевичу Яковлеву, Вас же прошу видеться с ним и передать ему эту записку.

Михаил Ребиндер

Настоящее письмо действительно написано в моем присутствии Михаилом Ребиндером, что удостоверяю моей подписью. П. Дементьев».

Дементьев Петр Алексеевич (Питер Деменс (англ. Peter Demens), 1850–1919) –дворянин, председатель земской управы и предводитель дворянства Весьегонского уезда Тверской губ. (1873–1878), публицист. Учился в С.-Петербурге в Третьей (1860–1864) и Седьмой гимназиях. Не окончив учебы, в 17 лет поступил на военную службу в Лейб-гвардии Гатчинский полк, с 1868 – унтерофицер. В 1870 вышел в отставку в чине прапорщика и занялся хозяйством. В 1873 избран председателем земской управы и предводителем дворянства Весьегонского уезда, в 1875 – почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей. В 1878 вышел в отставку, в начале 1881-го, разорившись, продал свои имения и выехал в Петербург. В 1870-е годы в поисках способов лучшего хозяйствования неоднократно посещал Америку. В 1881 после убийства Александра II и обвинения в связях с народовольцами уехал в США. Обосновался во Флориде, занимался лесозаготовками, затем и железнодорожными подрядами, решился на прокладку железнодорожной линии в 150 миль от реки Сент-Джонс до Мексиканского залива; 8 июня 1888 первый поезд достиг берега полуострова Пинеллас в бухте Тампа в Мексиканском заливе. Здесь Дементьевым были построены железнодорожная станция, гостиница и пирс, новый город – Сент-Питерсберг – был назван в честь столицы его родины С.-Петербурга. В 1889 переехал в Эшвилл (штат Северная Каролина), затем в Лос-Анджелес. В 1893 принял американское гражданство под фамилией Деменс. Оставил богатое литературное наследие. В 1897 на свои средства стал издавать журнал «Современник». В трех номерах этого журнала, вышедших в Лондоне, публикует свои обращения «К

русским недовольным», «К русскому царю», «К русским либералам». Перевел на английский язык многие произведения своего любимого поэта Михаила Лермонтова, являлся постоянным автором журнала «Вестник Европы», где опубликовал под псевдонимом «Тверской» роман «Не к полю ягоды» (1881), многочисленные очерки об Америке. В 1895 издал в России свой труд «Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов», в 1904 – книгу «Очерки истории Соединенных штатов Америки». Ему принадлежит один из первых переводов на русский язык произведений американского поэта Г. Лонгфелло (1807–1882). В 1896 и 1906 посещал Россию. В 1906 встречался с П.А. Столыпиным. Вел переписку с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым по поводу переселения духоборов. Последние годы жизни прожил в своем доме на ранчо Альта-Лома недалеко от Лос-Анджелеса. В начале Первой мировой войны участвовал в работе русской правительственной закупочной комиссии в Вашингтоне. В 1979 в Сент-Питерсберге был установлен гранитный постамент в память основателя города. См. [408, 485].

Яковлев Александр Васильевич (1835–1888) – юрист, общественный деятель, экономист-публицист, действительный статский советник. Окончил Императорское училище правоведения (1856). Секретарь канцелярии общего собрания трех первых департаментов Сената (до 1862). Один из инициаторов создания двух (первых в Петербурге) бесплатных воскресных школ для городского населения – Саперной и Таврической. В 1862 вышел в отставку, приобрел книжный магазин (с публичной при нем библиотекой), занялся книгоиздательством. Один из основателей «Санкт-Петербургского отделения комитета о сельских ссудосберегательных товариществах». В 1865 избран гласным С.-Петербургской городской общей думы, в 1866 – участковым мировым судьей в С.-Петербурге, занимал эту должность два трехлетия в Коломенской части, в 6-м мировом участке. С 1872 председатель Тульского земельного банка, Правление которого в 1873 было переведено в столицу, а банк получил наименование С.-Петербургско-Тульский поземельный банк. Занимал должность до 1877–1879, когда получил место управляющего делами комитета съезда земельных банков. В 1880–1881 чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Действительный член Вольного экономического об-ва, С.-Петербургского собрания сельских хозяев и др.

21. Ребиндер Петр Александрович (1898–1972) – физико-химик, академик АН СССР (1946; член-корреспондент 1933), Герой Социалистического Труда (1968). Окончил физ.-мат. ф-т МГУ (1924). С 1935 зав. отделом дисперсных систем Коллоидо-электрохимического ин-та (с 1945 Ин-т физической химии) АН СССР, с 1942 одновременно зав. кафедрой коллоидной химии МГУ. Председатель Научного совета АН СССР по проблемам физико-химической механики и коллоидной химии (с 1958) и Национального комитета СССР при Международном комитете по поверхностно-активным веществам (с 1967). Гл. редактор «Коллоидного журнала» (с 1968). Основные труды посвящены проблемам образования, устойчивости и разрушения дисперсных систем, поверхностным явлениям и структурообразованию в этих системах; развитию представлений о

молекулярном механизме действия поверхностно-активных веществ, о природе моющего действия, флотации, избирательного смачивания; разработке физико-химических основ применения поверхностно-активных веществ в различных технологических процессах. Открыл (1928) адсорбционное понижение прочности твердых тел (эффект Ребиндера). Выполнил основополагающие работы в области физико-химической механики. Государственная премия СССР (1942).

22. Во время русско-турецкой войны (1877–1878) Веймар заведовал военно-полевым госпиталем цесаревны Марии Федоровны (с 1866 жена цесаревича, будущего императора Александра III).

23. Вернадский ошибается. Мать П.А. Ребиндера – Анна Петровна Ребиндер, урожденная Халютина (1875–?), дочь потомственного дворянина, коллежского секретаря, внучка (правнучка?) известного скульптора И.П. Мартоса (1754–1835). Получила образование, работала учительницей, хорошо знала иностранные языки.

24. Веймар Орест Эдуардович (1843–1885) в 1880 был приговорен к смертной казни, с учетом его прежних заслуг наказание смягчили до 15 лет каторги, а затем – царским решением – до 10 лет. В 1881 отправлен на Карийскую каторгу (группа каторжных тюрем на р. Кара – притоке р. Шилка, входили в систему Нерчинской каторги), лечил заключенных. Вопреки настоянию императрицы Марии Федоровны отказался просить о помиловании. 12 марта 1885 отпущен в «вольную команду», 31 октября скончался от скоротечной чахотки.

25. Вернадский имеет в виду запись в дневнике от 23 января.

26. J.C. Poggendorff`s biographisch-literarisches Handwörterbuch für mathematic, Astronimie, Physik, Chemie und verwandte Wissenschaftsgebiete. Band V: 1904 bis 1922. – Leipzig/Berlin: VERLAG CHEMIE, 1926, S. 929.

27. См. [384].

28. См. примечание № 6 к записи от 23 января.

27.I.[1]910

<Москва>

Утром счета с Вис[арион] Вис[арионовичем] <Карандеевым>. Завтракал Яков Влад[имирович] <Самойлов>. С ним разговоры о литературе в связи с статьей Гули [1], о Ва <барий>, фосфоритах и т. д. После завтрака с <А.Е.> Ферсм[аном] занимался измерением кристалла иксионолита [2]. После обеда с Твалчр[елидзе] измерение спектра лепидолита из Лип<овки> [3], палыгорскита. Вечером был Алекс[андр] Влад[имирович] Павлов. Об Академии, <Московском> Обществе исп[ытателей] <природы>. Он хотел было как-нибудь добиться перевода петрографии и минералогии, что, очевидно, немыслимо. В Геол[огическом] каб[инете] происходят тяжелые отношения между <А.П.> Павловым и учениками, благодаря Архангельскому.

Помещен первый рассказ Гули в большом журнале – Наташа в «Русск[ом] бог[атстве]» [4]. Из Гулиных проб это не особенно мне раньше нравилось. Перечел в печати: чувствуется талант. Гулька страшно рад – но в то же время говорит, что боится – будет отвлекать от научной работы. Но он говорит, что ему не столько дает *чтение*, сколько *писание*. И он теперь много тратит времени на «Крест[ьянское] дело» [5]. В писании у него являются мысли и он живет. Он был поражен и гонораром (150 р[ублей]) – он ждал 25–30 р[ублей]. Поражены и его друзья.

Нинулька <Н.В. Вернадская> принесла и свой рассказ!

Прочел весь материал по колл[екции] Крыжановского [6]. Передал Ферсману, который поедет 31-го для ее осмотра. Читал Zeitschrift f[ür] prakt[ische] Geol[ogie] [7], Трюстедта о Питкяранте [8].

Запущена вся переписка!!

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 17 ноября 1944 г.

Коллекция отца и старшего брата Вл[адимира] Ильича Крыжановского, собиравшаяся много лет, была в это время куплена для Минералогического музея Академии.

Вас. Вас. – может быть, Водовозов, но не уверен [9].

Работа об инсионолите напечатана в «Известиях Академии наук», 1910 (совместно с Ферсманом) [10].

У Георгия <Вернадского> – история победила и, насколько вижу, он правильно выбрал жизненный путь [11].

Андр[ей] Дм[итриевич] Архангельский (1880–1940) – будущий академик, мне кажется, он уже в это время работал, как помощник Я.В. Самойлова, по фосфоритам. Самойлова не утвердили, как еврея, хотя крещеного и с высокими патронами (его брат [12] был крещен помощником Победоносцева [13]), в должности хранителя музея. Я дошел до Боголепова – министра народн[ого] просв[ещения] [14]. Он мне сказал, что по закону, конечно, он имеет все права, но я должен учитывать направление политики высшей власти, т. е. министра, и как служащий, ее поддерживать. В моем разговоре с деканом Бугаевым, он мне сказал, что он не согласен с Боголеповым и думает, что раз сам крещен, то благодать на него подействовала, и он должен считаться полноправным христианином.

Я переговорил с ректором Тихомировым, настоящим ученым и крупным, и предупредил его, что Я.В. Самойлов будет приходить ко мне заниматься прямо в <Минералогический> Кабинет, как член

<Московского> О[бщест]ва испытателей природы, не проходя через университет.

Еще раньше я тоже устроил для курсисток, работавших у меня – для Е.Д. Ревуцкой и других – с ведома ректора. Положение Самойлова было несколько хуже. Дело в том, что когда он в Одессе кончал гимназию, то на его аттестат об окончании гимназии антисемит делопроизводитель, и кто-то другой, написал на обороте напечатанного в единственном числе аттестата, что Самойлов имел прежде фамилию Шмуль и только после крещения получил фамилию Самойлов. Этим самым он фактически был поставлен в особое положение на всю жизнь. Революцией все это было уничтожено. При сложившихся условиях Самойлов мог готовиться к магистерским экзаменам, работая у меня в Лаборатории. Он сразу получил прекрасный заработок, т[ак] к[ак в это время всюду в Евр[опейской] России шла усиленная работа по железным рудам, которая велась и частными компаниями и земством. Также разведывались каолины, фосфориты и глины. Благодаря помощи А.Д. Архангельского, первоклассного геолога, Самойлов смог поставить работу очень хорошо и жить независимо. С другой стороны, помощь Архангельского помогла ему поставить правильно свои исследования фосфоритов. Вскоре, защитив прекрасную диссертацию [341], он получил профессуру по минералогии в сельскохоз[яйственной] Акад[емии] в Петровско-Разумовском.

В один прекрасный день Самойлов пришел ко мне и спросил моего согласия на то, чтобы Архангельский выполнял свою работу для магистерской диссертации у него.

В это время я требовал с согласия факультета для магистерских экзаменов проделать кристаллографическое и оптическое исследование каких-нибудь хорошо изученных или новых кристаллов. Это я требовал для геологов и химиков и само собой разумеется для минералогов. В результате во всех случаях без исключения находилось что-нибудь новое и интересное. Результаты эти печатались в протоколах О[бщест]ва испытателей природы. Профессор Мед[ицинского] фак[ультета] Гулевич по своему желанию провел такую работу, кажется, будучи деканом факульт[ета], и тоже напечатал ее.

Возвращаясь к Архангельскому, я спросил Самойлова, чем это вызвано. Он ответил, что товарищи бойкотируют Архангельского и не подают ему руки, и он старается избегать бывать у <А.П.> Павлова. Я

[341] * Минералогия Нагольного кряжа. – Прим. В.И. Вернадского [15].

согласился на предложение Самойлова. Архангельский, никогда не выезжавший за пределы нашей страны, был несомненно первоклассным геологом и на уровне современных знаний. Но – аморальный. Несомненно, Архангельский много помог Самойлову в правильной постановке его исследования фосфоритов.

Примечания

1. Неясно, о какой статье Г.В. Вернадского идет речь. Может быть, имеется в виду его рассказ [67].

2. См. [158].

3. Липовское пегматитовое поле расположено на Среднем Урале.

4. Рассказ Г.В. Вернадского – см. [67].

5. См. примечание № 6 к записи от 25 января.

6. Имеется в виду коллекция горного инженера И.Н. Крыжановского. В 1912 она была приобретена для минералогического собрания Академии наук. Коллекция включала более 4500 образцов минералов, преимущественно с Урала и из Сибири, и имела исключительное научное значение для изучения минералогии России. См. [344].

7. Журнал «Zeitschrift für praktische Geologie» («Журнал практической геологии») издавался в Берлине, издательство «Verlag von Julius Springer». 1910 – восемнадцатый год выпуска.

8. См. [606].

9. Вернадский путает – его же рукой написано «Вис. Вис.», т. е. Виссарион Виссарионович <Карандеев>.

10. См. [158].

11. В 1910 Г.В. Вернадский окончил историко-филологический ф-т Московского ун-та с дипломом 1-й степени.

12. Самойлов Александр Филиппович (до 1892 при рождении Абрам Фишелевич Шмуль, в 1892 принял православие) (1867–1930) – физиолог. Один из создателей электрокардиографии. Стоял у истоков учения о медиаторах. Развивал физико-химическое направление в физиологии; автор ряда методов исследования физиологии сердца и нервно-мышечного аппарата. Окончил Дерптский ун-т. В 1893–1896 работал в лаборатории И.П. Павлова, в 1896–1903 – у И.М. Сеченова. Профессор Казанского (с 1903) и Московского (с 1924) ун-тов. Премия им. В.И. Ленина (1930).

13. В.К. Саблер, через которого проходило большинство дел ведомства православного вероисповедания.

14. Это было в 1898. Сохранился черновик «Записки о представлении Я.В. Самойлова на должность сверхштатного ассистента при кафедре минералогии Московского университета», которую готовил Вернадский на имя Боголепова. См.: [570, с. 165–167].

15. См. [437].

28.I.[1]910

<Москва>

С утра начал приводить в порядок запущенную переписку. Часть писем написал – но еще не окончил. Написал сестре Кате [1], Лакруа, Шурыгину, Рамзаю, Кауфману, Баклунду, Чернику.

Сговорился с С.Г. Смирновым о чтении лекций для учащихся по кристаллографии на конец марта месяца [2]. С <В.Д.> Соколовым для Кауфмана переговоры об издании его книги в библиотеке для самообразования [3].

К завтраку пришел <Н.Н.> Стрижов. Он сидит теперь на нефти [4]. Уже не так высоко встает, как раньше. Но у него остался живой интерес и к науке, и к общественной жизни. По его мнению, для майкопской нефти нет впечатлений солидного. Работа Чарноцкого о майкоп[ской] нефти и работы Калицкого плоховаты. Голубятников лучше [5].

После 2 лекции. После обеда с Е[лизаветой] Д[митриевной] <Ревуцкой> занимался с спектроскопом: Cu, C, Au.

Читал <нрзб>, Revue philos. [6], Trüstedt <Трюстедт> – Pitkaranta <Питкяранта> [7].

От Замбонини получил письмо – извещает о минерале вернадските, им установленного, $4CuO{\cdot}3SO_3{\cdot}5H_2O$ [8]. Не есть ли это соль $S(HO)_6$? По мнению Замбонини, это что-то более сложное и мало ясное?

Нинуся <Н.В. Вернадская> полна жизни и радости.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 20 ноября 1944 г.

Шурыгин [342] – мне кажется, химик, державший у меня магистерский экзамен, но не уверен. Рамзай – племянник Норденшильда <Норденшельда>, мы с ним вместе учились у Грота и там сошлись [10].

Геолог с самостоятельной мыслью. Родной язык его – шведский. Детей посылал в деревню, чтобы научиться финскому языку. Русский язык был ему чуждый, но все-таки он экскурсировал в северных областях и мог следить за литературой, писал с ошибками, мог объясняться во время экскурсий. Неожиданно для себя узнал, что Рамзай умер (1865–1928). См. Поггендорф, VI, IV тт. [11].

С.Г. Смирнов – педагог, стоял во главе той гимназии, где учился Георгий <Вернадский> (кажется, не ошибаюсь) [12]). Не был ли он

[342] Шурыгин – не Чарыгин ли? – Сноска Вернадского [9].

позднее товарищем министра? Он был правее кадет. Георгий очень высоко его ставил и, кажется, это был очень хороший педагог.

Со Стрижовым я сохранил отношения до последнего времени перед революцией и после. Когда ко мне обратился князь С.Н. Трубецкой [13], который мне принес серебряные пластинки (по-видимому, изделия), которые ему дали, как найденные в золотых россыпях, и золото, я посоветовал ему обратиться к Стрижову, как к человеку, в честности которого я был совершенно убежден. Они сделали с С. Н. поездку, осмотрели и оказалось, что действительно С. Н. попал в ненадежные руки. В среде Трубецких – часть их была по матери в первом браке – богатые. Губернск[ий] предводитель моск[овского] дворянства Петр Николаевич Трубецкой имел виноградники в Бессарабии и ему принадлежало Узкое под Москвой.

Два брата – С[ергей] Н]иколаевич] и Евг[ений] Ник[олаевич], оба философы, очень дружные, оба схожие, были от другого брака.

С[ергей] Н[иколаевич] хотел улучшить свое состояние добычей золота, но неудачно. Евг[ений] Ник[олаевич] женился на богатой из дворянской семьи Тамбовской губ[ернии] (сейчас фамилии не помню) [14]. Оба брата были очень дружны, а С. Н. меня очаровал. Это был один из самых близких мне людей из тех, с которыми я встречался. Я думаю, что Стрижов спас его от мошенничества.

Стрижов достиг своего и стал на ноги. Революция застала его врасплох, но и научный интерес у него остался и я и дальше поддерживал с ним научную связь.

Надо спросить А.П.<Виноградова>, не участвует ли Стрижов в карте по биосфере [15], так же как <Н.Н.> Тихонович. Они друг с другом сошлись.

О смерти С.Н. Трубецкого я узнал во время земского собрания в Моршанске, немедленно с вокзала отправился на похороны. Невольно расплакался. Эта смерть, мне кажется, смела человека, который мог бы направить в другую сторону ход событий.

Это было в 1905 г.

Примечания

1. Вернадская Екатерина Ивановна.

2. Речь идет о чтении лекций для учащихся частной женской гимназии Е.Н. Дюлу (жена С.Г. Семенова). См. выше, с. 202–203.

3. См. [289].

4. Н.Н. Стрижов в 1898–1920 – управляющий нефтяными промыслами «Челекено-Дагестанского нефтяного общества». См. [233].

5. Говоря о «майкопской нефти», Вернадский, судя по всему, имеет в виду месторождения, связанные с так называемой майкопской нефтеносной свитой, к которой приурочены многие нефтяные месторождения Северного Кавказа и Азербайджана. См., например, следующие работы упомянутых Вернадским авторов, которые он мог читать [199, 200, 283, 284, 537. О Майкопских нефтяных промыслах см. [166–168, 411, 563].

6. Возможно, журнал «Revue de philosophie», издавался с 1900 в Париже. Его основатель и редактор – Пейоб (Peillaube) Эмиль (1864–1934) – профессор, преподаватель психологии Католического ин-та в Париже (с 1896) и декан философского ф-та (1912–1934). Вернадский мог читать № 16 (январь-июнь) за 1910.

7. См. [606].

8. Замбонини (Zambonini) Ферруччо (1880–1932) – итальянский минера-лог, вулканолог, химик. Бакалавр (1890) и доктор (1903) естественных наук. Основные работы по геологии и минералогии Везувия; сформулировал закон кристаллографии (правило Замбонини), который гласит, что на образование смешанных кристаллов больше влияет радиус ионов, чем их химические свойства; изучал изоморфизм комплексных соединений и редкоземельных элементов. Учился в Римском ун-те. Ассистент кафедры теоретической химии в Туринском ун-те (1904–1905), ассистент в Минералогическом музее Неаполитанского ун-та (1906–1909). Профессор кафедры минералогии в ун-тах Сассари (1909–1910), Палермо (1911–1913) и Турина (1913–1922). Профессор общей химии Неаполитанского ун-та (с 1923), его ректор (1923–1925, 1930–1932). Член Национальная академии деи Линчеи, Accademia dei XL (Академии сорокá), Туринской АН, Обва естествоиспытателей в Неаполе. Президент Итальянского геологического обва (1928–1929). Письмо Замбонини Вернадскому от 31 января (нового стиля) 1910 (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. д. 115. Л. 6–7).

9. Правильно Шурыгин.

10. См. об этом в [575].

11. J.C. Poggendorff`s Biographisch-literarisches Handwörterbuch. Band IV: II. Abtheilung (M–Z). – Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1904, S. 1211; J.C. Poggendorff`s Biographisch-literarisches Handwörterbuch. Band VI: 1923 bis 1931. III Teil. L – R. – Berlin: Verlag Chemie, 1938.

12. Г.В. Вернадский окончил в 1905 с золотой медалью 5-ю Московскую гимназию, директором которой в 1897–1905 был Андрей Викентьевич Адольф (1857–1905). С.Г. Смирнов – в 1881 окончил эту гимназию, затем (с 1897) много лет работал здесь же учителем русского языка и словесности.

13. Об этой истории см. [570, с. 172–173].

14. Е.Н. Трубецкой был женат на Вере Александровне Щербатовой (1867 – 1942) – дочери бывшего первого выборного московского городского головы, участника Крымской войны, почетного гражданина Москвы (с 1866) князя Александра Алексеевича Щербатова (1829 – 1902). Имений в Тамбовской губ. А.А.

Щербатов не имел, но известно, что в Моршанском уезде в с. Алексеевское жили представители фамилии Щербатовы.

15. В Биогеохимической лаборатории АН СССР по инициативе Вернадского планировалась работа по определению «точного химического состава области жизни – биосферы – на глубину двух километров от земной поверхности для Московской обл. Мы хотели, таким образом, дать ее первую точную *геохимическую карту*. Тема эта была поддержана Академией наук СССР и должна была дать в руки наших геологов новое мощное орудие геологической разведки полезных ископаемых» [131, с. 251]. В письме к В.А. Обручеву (27 октября 1942) Вернадский писал: «С 1940 года я начал работать над созданием геохимической карты на фоне геологической карты. При Биогеохимической лаборатории была образована комиссия для создания в виде первого опыта геохимической карты Московской обл. до глубины 2 км. Война прервала эту работу. Химический состав на этой карте должен выражаться в виде изолиний, которые дают колебания химического состава (элементарного). Я думал об этой карте уже с 1911 года…» (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 53. Л. 300). 19 апреля 1941 состоялось специальное заседание по вопросу изучения среднего химического состава осадочной толщи Подмосковной котловины. В списке приглашенных на заседание лиц (всего 27 человек, не считая Вернадского) Стрижов отсутствует (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 50. Л. 103).

29.I.[1]910

<Москва>

Утром занимался с Ферсманом, просмотрели новые поступления. Заходил М.А. Членов, который баллотируется завтра в преподаватели женских курсов. Просит о голосе! Эти нравы очень странны, но они, по-видимому, въелись в медицинский факультет. Его конкурент – protégé Никифорова. И Членов говорит, что Головин – лучший офтальмолог в России – а между тем пришлось его забаллотировать! И правильно. Никогда не думал, что можно сознательно баллотировать в профессора вопреки научному значению кандидата.

Лекция на женских курсах. После обеда занимался с Твалчрелидзе – слюды (Rb <рубидий> в Волынской), In <индий> и V<ванадий> (?) в горной коже [1]. М[ожет] б[ыть], только в жильной (<Каднинская?>).

Читал Шевченко. Какая сила таланта при элементарности и ясности чувства и малом разнообразии тем. Читал Zeitschr[ift] f[ür] prakt[ische] Geol[ogie], Revue <de> philos[ophie], Trüstedt – Pitkaranta.

В Revue <de> philos[ophie] любопытна статья Киамелли [2]. Прагматизм [3] занимает интересы. Кругом читают книгу Джемса [4]. Волна

дошла до нас. Котляревский считает эту книгу поразительной – Н.Н. Львов, Наташа [5], Петрушевская и т. д. А переводил Миша Шик!

Д[олжно] б[ыть] интересна философия ценности Мюнстербергера [6]. Несомненно, философия не может быть абстрактной высшей научной дисциплиной – она не только дает объяснение окружающему – но всегда должна отвечать на вопросы чел[овеческого] поведения, жизни, души.

Наташа [7] рассказывает, что Гуля <Г.В. Вернадский> в «Наташе» взял много из Сони, Марка [8]. И забыл и не чувствует. Марк <не спал всю ночь?> – переживая прошлое – странное увлечение Сони в эпоху Гулиной <Г.В. Вернадского> свадьбы.

Надо ознакомиться с Мюнстербергером. Завтракала Н.В. Злотникова – зачитывается больше Джемсом с его религиозн[остью].

Кожевников сообщает, что <Л.С.> Берг не назначен в Казани – а какой-то никому неведомый Розенблат! Шварц студент Нового Времени!!

Дополнение В.И. Вернадского, 21 ноября 1944 г.

М.А. Членов – очевидно, окулист. Первое впечатление – резко отрицательное: впечатление некультурного человека. Очевидно, его выставили, как противовес Головина, который был резко правым по убеждениям и этого не скрывал. Но я знаю поступки Головина, который явно был морально высок как врач. Не помню, как я баллотировал, но, судя по тексту, я как будто должен быть подавать за Членова. А между тем, впечатление от него у меня было очень отрицательное. Глазные врачи могут ставить наиболее точный диагноз по сравнению с другими врачами.

Работа с Твалчрелидзе – это серия моих работ по спектроскопии, причем оказалось, что мои глаза идут дальше, чем глаза моих молодых помощников (в ультракрасном свете).

Книга Джемса «Многообразие религиозного опыта». Нюта [9] зачитывалась этой книгой, перечитывала ее много раз, и несомненно она имела на нее большое влияние. Я пробовал ее читать, но не докончил. Мне кажется, теперь она почти забыта. Джемс – 1842–1910. Переводил М.В. Шик и В.Г. <Малахиева->Мирович, близкий человек Миши и Наташи [10], и сохранившаяся близость с их детьми жива сейчас. Насколько помню свои разговоры с Дм[итрием] Ив[ановичем] <Шаховским>, отношение к этой книге у обоих нас было неясное и такого впечатления она не производила.

Я хочу прочесть теперь эту книгу и выяснить положение Джемса в современной истории философии. Американская философия вообще, так же как и индийская, вновь меня начинает интересовать. Когда кончу, внесу в записи. Меня интересует Перс <Пирс> (Peirce) [11].

Н.В. Злотникова выделялась своим широким интересом среди курсисток, занимающихся минералогией, но она переживала большую трагедию, т[ак] к[ак] брат ее, если не ошибаюсь, подозревался, не знаю, правильно ли, но кажется да, в политическом шпионаже, по-видимому, идейном. Это разбило всю ее жизнь. Она рано умерла неожиданно для всех.

Относительно Берга, не понимаю, почему он не был утвержден в Казани, т[ак] к[ак] Берг даже не похож на семита, а Розенблат – ясный еврей.

Гораздо позже Л.С. Берг из-за «номогенеза» не был избран в академики под влиянием интриги – доноса Келлера и Баха [12], появившейся в газетах в день выборов. Мне кажется, обобщение Дана «энцефалоз» [13] показывает, что эмпирически направленность эволюционного процесса не может возбуждать сомнений. Это, по крайней мере, одно поколение до Берга.

Примечания

1. Горная кожа – палыгорскит (назван по Палыгорскому месторождению на Урале), минерал класса природных силикатов (цепочечно-слоистой структуры), который из-за своего внешнего вида получил такие названия как горная кожа, горная шерсть, горное дерево, горная пробка, горная бумага.

2. В журнале «Revue de philosophie» (1910, T. XVI, Janvier a Juin, p. 653–656) есть статья (точнее своеобразный анонс новой книги) под название «*A. Gemelli* L`Enigma della Vita ei nuovi orizzonti della biologia // (Libreria editrice fiorentina)» (*А. Джемелли* Загадка жизни и новые горизонты биологии // Флорентийский книжный магазин). Подписанна она H. Trouche, который начинает ее так: «Г-н Джемелли в своей книге исследует различные теории, которые ученые придумали для решения загадочных проблем жизни. Это захватывающая книга». Речь идет о книге [589] («Загадка жизни и новые горизонты биологии, введение в изучение биологических наук»).

3. Прагматизм – течение американской философии, рассматривающее человеческое мышление, научное и философское познание как формы деятельности, направленные на достижение практического результата. Основные идеи прагматизма были высказаны Ч.С. Пирсом (см. примечание 11), который в статье «Как сделать наши идеи ясными» (1878) предложил прагматический принцип: значение любого понятия или теории определяется его практической

эффективностью. В начале XX прагматизм получил широкую известность и признание в философском сообществе.

4. В 1910 на русском языке были изданы две книги У. Джемса (Джеймса) – «Прагматизм» [222] в переводе П.С. Юшкевича и «Многообразие религиозного опыта» [224] в переводе В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шика. Вернадский имеет в виду вторую книгу Джеймса. В 1910 вышло второе издание в переводе П. Юшкевича [223]. См. также репринтное издание [225], в аннотации к которой сказано, что в книге на основе интереснейшего исторического, психологического и литературного материала представлено постижение религии не как института или социального феномена, а как непосредственно познаваемого личного переживания. Прикладывая к объяснению религиозных феноменов свою идею о подсознательном и свое толкование прагматического опыта как волевой активности, автор делает вывод о том, что религиозное чувство или воля к вере являются основополагающими для человеческого бытия. Книга написана хорошим литературным языком, что делает ее полезной не только для психологов и философов, но и для широкого круга заинтересованных читателей. В 1896–1904 на русском языке были изданы несколько работ Джемса (Основы психологии, 1896, Беседы с учителями о психологии, 1902, Зависимость веры от воли, 1904). О Джемсе см. работы его современников [337, 529].

5. Очевидно, Н.Е. Вернадская.

6. Немецко-американский психолог и философ Г. Мюнстерберг, считая философию научным самонаблюдением творческой деятельности человека, создал философскую систему (теорию) волюнтаристического идеализма, в центре которой поставил представление об априорных ценностях, связанных не с причинами, а с целями.

7. Н.Е. Вернадская?

8. Сестра и брат Софья и Марк Любощинские. Любощинская (в замужестве Бакунина) Софья Марковна (1889–1979) – дочь М.М. и А.Е. Любощинских, сестра М.М. Любощинского, жена М.А. Бакунина, хозяйка имения «Горная Щель» в Крыму, в Ялте, в эмиграции в Бельгии, гимназическая подруга Н.В. Вернадской. Любощинский Марк Маркович (1891–?) – выпускник физ.-мат. ф-та Московского ун-та, во время Октябрьской революции юнкер Константиновского артиллерийского уч-ща в Петрограде, после революции эмигрировал в Чехословакию. Сын М.М. и А.Е. Любощинских. Любощинский Марк Маркович (1865–1953) – юрист, земский деятель. Муж сестры Н.Е. Вернадской – Анны. Окончил уч-ще правоведения в Петербурге (1887). Занимался хозяйственной и земской деятельностью в своем имении Никольское (Тамбовская губ.). С 1892 – уездный гласный Козловского земства, затем председатель Общества сельских хозяев. Как «социально чуждый» в 1924–1926 – под арестом и в ссылке (Тобольск, Пермь). При содействии В.И. Вернадского с осени 1926 и, вероятно, до осени 1928, работал завхозом Опытной сапропелевой станции АН СССР в Залучье (25 км от г. Вышний Волочек в Тверской губ.). В 1932 уехал в Чехословакию, стал эмигрантом. С 1938 жил у своего сына в Болгарии. После окончания 2-й Мировой войны неоднократно направлял просьбы о возвращении на Родину, которые

не были удовлетворены. Умер в Софии, впоследствии его прах был перенесен родственниками на Введенское кладбище в Москве. Любощинская (урожденная Старицкая) Анна Егоровна (1865–1930) – сестра Н.Е. Вернадской, жена М.М. Любощинского.

9. Короленко Анна Сергеевна, племянница В.И. Вернадского, дочь его сестры Е.И. Короленко.

10. М.В. Шик и Н.Д. Шаховская-Шик. Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (1869–1954) – литератор, переводчик, театральный критик. В молодости дружила с русским философом-экзистенциалистом и литератором Л.И. Шестовым (1866–1938). В начале XX в. печаталась в литературных журналах Москвы, Петербурга, Киева. Крестная мать М.В. Шика. В 1901 вместе с ним (с которым ее связывала «близость», которую их друзья называли браком) опубликовала перевод книги В. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». В 1910-х зав. отделом критики в журнале «Русская мысль», принадлежала к среде философов и литераторов Серебряного века. В 1920-х тесно общалась с семьей Н.Д. Шаховской и М.В. Шика.

11. Пирс (Peirce) Чарльз Сандерс (1839–1914) – американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма, один из основателей семиотики; магистр химии (1863). Член Американской академии искусств и наук (с 1867), Национальной АН США (с 1877) и Лондонского математического об-ва (1880). Автор работ (по математике, физике, химии, филологии, философии истории и религии, истории философии, логике и др.), которые по большей части остались незаконченными и неопубликованными при его жизни (в 1930–1950-х в США предпринято 8-томное критическое издание его работ). Окончил Гарвардский колледж (1859), работал в Береговой охране США, затем учился в Лоуренсовской научной школе при Гарвардском ун-те. С 1861 вновь в Береговой охране США (до 1891). Сделал ряд научных открытий в области математики, физики, геодезии и спектроскопии, первым использовал длину световой волны в качестве меры измерения. С 1869 в течение нескольких лет работал также в Гарвардской обсерватории, в трудах которой были изданы его «Фотометрические исследования» (1878). Читал несколько курсов лекций в Гарварде (по истории науки Нового времени и логике, 1870–1871), преподавал логику в Ун-те Джонса Хопкинса (1879–1884), Лоуэлловском ин-те. Выйдя в отставку (в 1891), поселился на ферме близ Милфорда (шт. Пенсильвания), умер в нищете.

12. В газете «Правда» от 11.1.1939 была опубликована статья «Лжеученым нет места в Академии наук», подписанная академиками А.Н. Бахом, Б.А. Келлером, проф. Х.С. Коштоянцем и еще шестью сотрудниками АН СССР. Она содержала грубые нападки на Л.С. Берга и Н.К. Кольцова, а факт ее появления практически исключал избрание обоих ученых в члены Академии. Вот фрагменты из этой публикации: 1) «Л.С. Берг за долгие годы после выхода в свет своей книги («Номогенез» – Е.Я.) не выступил с критикой ее вредных антидарвинистических концепций. Может ли он укрепить дарвинистические позиции биологического фронта Академии наук». 2) «Научная работа, проводимая биологами-дарвинистами в Советском Союзе, не оставляет камня на камне от реакционного бреда

проф. Кольцова. Однако, вопреки всему этому, проф. Кольцов на активе Сельскохозяйственной академии в 1937 г. подтвердил, что он не отказывается от всего написанного им ранее. Не отказался он и до сих пор. Мы спрашиваем: в какой мере Берг и Кольцов смогут обеспечить разработку тех принципиальных вопросов, которые поставлены перед советской биологической наукой практикой социалистического строительства и нашей идеологической борьбы? Оставаясь на своих старых позициях, этой задачи они выполнить не смогут».

13. Много позже, в своей книге [133] Вернадский писал, что в 1850-х американский минералог, биолог и геолог Д. Дана указал на так называемый энцефалоз (цефализацию), на определенную направленность эволюционного процесса в ходе геологического времени, на непрерывный с кембрия, с остановками, но без возврата назад, рост центральной нервной системы, мозгового аппарата в одном и том же направлении. Впервые в эволюционном процессе произошло резкое изменение характера живого вещества, не связанное с изменением скелетных форм, но по-новому проявляющее эволюционный процесс. Это эмпирическое обобщение Вернадский назвал принципом дана.

30.I.[1]910

<Москва>

Утром лекция о глинах. С 10 ч[асов] утра до 1½ ч[аса дня] с Ферсманом рисовал по новому способу иксионолит. В 2 ч[аса] советская комиссия. Приняли редакцию Мануйлова, где спокойно выражены все желания и мнения Совета об унив[ерситестской] реформе. В 2½ Совет <университета>, очень многочисленный. Резолюция Комиссии принята единогласно без прений! Правые (Никифоров, Губарев и др.) молчали. Проведение в исполнение поручено <советской> Комиссии.

Выбран Маклаков. Очень тяжело, что личная академическая непорядочность Головина не дозволяет его выбрать, хотя, как ученый, он выше Маклакова. Впечатление, что окулисты есть. Я думаю, что для многих профессоров выбор М[аклаков]а вместо Г[оловина] был тяжел.

Церасский <Цераский> указывает, что это метеорит из Остроленки [1] – новый? Пропущенный?

Совет затянулся до 6 ч[асов]. Вечером еще 2 часа работал с Е[лизаветой] Д[митреевной] <Ревуцкой> – каламины [2] из Нерчинска и Кадаинска неудачно: на Zn <цинк> и т. д.

Приехал Митя <Д.И. Шаховской>. С ним разговор о научном движении в стране, работах Ассоциации [3] и Академии <наук>. И Митя указывает, что в провинции идет различная демократизация высшего образования, нарождается новое поколение, оживление. Интересуется

XVIII веком. Согласен с Гулей <Г.В. Вернадским>, что история дворянства есть один из интереснейших вопросов русской истории.

Мануйлов говорит, что в С[анкт]П[]етер]б[ургском] <университете> решили выбрать ректора – думают, Жуковского. Говорят профессора, что заставили москвичи.

Ничего почти не успел читать. Читал Trüstedt Pitkaranta.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 24/XI, 1944 г.

Я и сейчас считаю, что запоздавшее на несколько поколений освобождение крестьян в 1861 г., как теперь мы видим, привело к величайшей революции, перед которой Великая французская революция поблекла по своим последствиям. Едва ли кто-нибудь мог думать из нас, что через 30 лет мы окажемся самой мощной военной силой и будем идти бок о бок с Англией и США.

Питкяранта теперь имеет значение, о котором мы тогда не думали. Это – благодаря олову.

Примечания

1. Остроленка (пол. Ostrołęka) – уездный город Ломжинской губернии Царства Польского и Российской империи в 1867–1917 (губернский город – Ломжа), на реке Нарев, при впадении в нее реки Омулев, примерно (на северо-восток) 120 км от Варшавы и в 60 км от Пултуска. Известен метеорит Pultusk H5 Ostrolenka, который упал 30 января 1868. По данным [39], Василий Константинович Божовский (через профессора В.К. Цераского) подарил Минералогическому кабинету в 1910 метеорит Остроленка из Ломжинской губ. (падение 1870) весом 511,5 г.

2. Каламин – минерал из группы водных силикатов цинка. Синонимы: галмей, гемиморфит, калмис. В 1757 открыто Кадаинское (по селу Кадая или речки Кадая) серебро-свинцовое месторождение. Кадаинский серебросвинцовый рудник принадлежал ведомству Нерчинского Завода и находился на правой стороне реки Средняя Борзя и левой стороне речки Кадаи.

3. Очевидно, речь идет о «Русской ассоциации для содействия развитию и распространению знаний», вопрос о создании которой рассматривался на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей, активным сторонником создания которой был Вернадский.

31.I.[1]910

<Москва>

Днем был у Церасского <Цераского>. Он мне <показал?> 4 куска из метеорита из Остроленки 1870. Похож на Пултуск – такого

метеорита в каталогах нет [1]. Церасский <Цераский> вел обычный разговор: большой интерес к научным оттенкам при мистическом настроении и глубоком уважении к жизни. Он кальвинист [2], в его комнате стоит алтарь, занимается спиритизмом [3] научными безделушками. В тоже время есть чувство научной работы. Интересуется стереоскопом [4], красивой безделушкой, и боится углубиться в широкие обобщения.

Сидел над корректурой 46<-й> гранки [5]. Te <теллур> – Sb <сурьма> – As <мышьяк>. Читал для этого Ласпейреса <Laspeyres> о Sb <сурьме> [6], Gesell о Залатне [7] и т. д.

Вечером был ЦК [8]. Опять обсуждался вопрос о Финляндии. Очень трудно вырешить вопрос. Ф.Ф.<Кокошкин> прочел тезисы. Нельзя этот вопрос обойти. Но рознь между финским и русским обществом удивительная – больше чем польским, как верно указал сегодня Котляревский. Сегодня в «Речи» [9] в финляндских письмах правильно указано мнение Финляндии о новом сенаторе, не знающем по-фински и по-шведски и даже по-немецки, ближе знакомом языке в финляндск[ом] обществе. Мне кажется В С[анкт-]П[етер]б[урге] финский вопрос более чувствуется. У Ф.Ф. <Кокошкина> есть государств[енная] осторожность в разрешении. Муромцев допускал возможность еще большего разъединения государств в будущем (нейтрализацию Финляндии). Ледницкий, приехавший даже из С[анкт-]П[етер]б[урга], поднял вопрос о неославизме, который хотят поставить в ЦК в Петербурге. Статья «Речи» инспирирована и просмотрена Ив. Ил. <Петрункевичем> (написана Милюковым). Решено, по моему предл[ожению], отложить.

От Крамаржа телеграмма, что он и другие не могут приехать (звонил Чудовский) – так ли?

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 24/XI 1944 г.

Чудновский <Чудовский> – славянская организация, собирались у Корша. Я принимал там деятельное участие вместе с Крымским.

Примечания

1. См. примечание № 1 к записи от 30 января. Может быть, в 1870 были найдены возле Остроленка «фрагменты» метеоритного дождя Пултуск, выпавшего 30 января 1868.

2. Кальвинист – последователь кальвинизма – одного из течений протестантизма, названного по имени его основателя Жана Кальвина.

3. Спиритизм (от лат. spiritus – дух, душа) – оккультно-мистическое учение о мире духов и способах его взаимодействия с физическим миром, а также практика общения людей с духами с помощью медиума в процессе спиритического сеанса, когда медиум, находясь в состоянии транса, входит в контакт с духом и озвучивает ответы на заданные ему вопросы.

4. Стереоскоп – оптический бинокулярный прибор для просмотра объемного изображения объекта с помощью стереопары, т. е. два плоских изображения одного и того же объекта, полученных с разных точек.

5. См. [103]; §§ 264–266 этого выпуска посвящены самородному теллуру; §§ 267–272 – самородному мышьяку, аллемонтиту и самородной сурьме. Аллемонтит – редкий минерал переменного состава, представляющий собой отчасти самородную сурьму и мышьяк в смеси с их соединением.

6. Может быть, [592].

7. Gesell – очевидно, имеется в виду словацко-венгерский геолог Александр Гезелль (Sándor Gesell, 1839–1919). См., например, [590, 591].

8. Заседание Московского отделения Центрального комитета кадетской партии.

9. «Речь» (оригинальное название: «Рѣчь») – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в 1906–1918, позиционировала себя как «внепартийную» независимую газету, при этом фактически являлась органом Конституционно-демократической партии. В 1906–1909 Вернадский опубликовал в ней несколько статей [80, 81, 84, 86–88, 96].

1.II.[1]910

<*Москва*>

2 <две> лекции. Поездка в С[анкт-]П[етер]б[ург]. Кончил корректуру и переписку. <Банк?>. Прочел Centr. f. Min.] [1], Zeitschr. f. Krist.] [2]. Статья <Кульди?> о KJ – частию ошибка. Начал <читать> Чуковского «От Чехова до наших дней» [3].

Д[митрий] И[ванович] <Шаховской> тоже не видит правильности в направлении «Речи» о слав[янских] делах. Ехать ли на съезд в Софию [4]?

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 25/XI. 1944 г.

Пребывание П.Н. Милюкова в Софии имело огромное значение (1897 <г.>) [5]. Из членов ЦК к[онституционно-]д[емократической] партии, мне кажется, я и Д[митрий] И[ванович] <Шаховской> придавали большое значение связи славянства. Д[митрий] И[ванович] <Шаховской>, как ученик Ягича, занимавшийся славянством в

университете, а у меня старые традиции, полученные от отца. Мой отец <И.В. Вернадский> случайно попал на подготовку по политической экономии, которая тогда преподавалась на историко-филологическом факультете. Он готовился быть профессором по славянским языкам, которыми занимался. Но вместо него был назначен, помимо Киевского унив[ерситета], профессор Харьковского унив[ерситета] Срезневский, уже известный славист.

Отцу предложили политическую экономию, на что он согласился. Но отец навсегда сохранил интерес к славянству и под влиянием меня, выйдя в отставку в 1876 г., он получил целый ряд славянских журналов, которые были включены в список, которые можно было выписывать через почтовые ведомство. По его желанию я выучился польскому языку и подписался в польскую библиотеку, которая находилась на Невском [проспекте] и была очень хорошо поставлена.

Отец выписывал, кроме того, издания галицкие, сербские и, кажется, другие. Это было еще до моего поступления в Унив[ерситет]. Как раз в год моего окончания гимназии с ним случился удар в 1881 г. Началась медленная агония потери сознания, длившаяся четыре года, до 1885 г. Я стал на свои ноги, потерял опору и нашел ее в нашем братстве [6].

Примечания

1. Очевидно, «Centralblatt für Mineralogie, Geologie und Paläontologie» (Центральный журнал по минералогии, геологии и палеонтологии), который издавался в 1900–1924 в Штутгарте.

2. Очевидно, «Zeitschrift für Kristallographie und Mineralogie», основанный в 1877 П. фон Гротом, который с 1876 по 1913 сам просматривал и отбирал нужные рефераты. О сотрудничестве Вернадского с этим журналом см. [575].

3. См. [542].

4. Славянский съезд в Софии состоялся 7–10 июля (нового стиля) 1910. В списке участников значились представители от Украины и Белоруссии, клерикальные словенцы и хорватские праваши, хорваты из Королевства, сторонники сербско-хорватской коалиции, представители польских политических партий. Самой многочисленной была российская делегация – 70 человек. Болгарская делегация с учетом почетных гостей – представителей различных обществ, учреждений, писателей, высших чиновников – состояла из 50 человек. На этом фоне особенно заметной была малочисленность сербской делегации. Исключительно как почетные гости присутствовали три поляка: из Кракова. Варшавы и Познани. Программа съезда, которая была обсуждена на заседании Исполнительного комитета в Петербурге 28 января (10 февраля). Она состояла из шести разделов:

современное положение югославянских государств, «культурная взаимность», отчет о деятельности общества болгарских журналистов, «экономическая взаимность», основание союза туристических обществ, организационная работа. Более широко был поставлен вопрос о сотрудничестве славянских народов в области культуры, в частности, об издании всеславянского научного журнала, о сближении университетов и академий, об устройстве славянской художественной выставки, о сотрудничестве театральной и художественной общественности. Особое внимание было уделено обсуждению экономической части программы съезда. Влиятельная группа русских финансистов и промышленников при поддержке государственных деятелей попыталась основать Русско-славянскую восточную торговую палату. Считается, что принятые на Съезде резолюции имели слишком широкий и общий характер и были восприняты даже его участниками лишь как теоретические замыслы. Тем не менее, положительной стороной форума следует признать широкое участие в нем деятелей славянской культуры, оживление интереса к славянской проблематике в научных кругах во всех славянских землях. См. [282, 369, 455].

5. Весной 1897 П.Н. Милюков занял кафедру всеобщей истории в Софии (Болгария) и в течение года читал лекции по обзору философско-исторических систем, по римской истории и по раннему периоду истории России и Чехии.

6. Братство – дружеское объединение выпускников Петербургского университета (прежде всего, близких друзей Вернадского), имевших общие жизненные интересы и убеждения. Подробнее см. [574, с. 122–136].

4.II.[1]910 [1]

<Поезд Санкт-Петербург – Москва?>

2, 3, 4 <февраля> пробыл в С[анкт-]П[етер]б[урге]. Всякая поездка связана с массой впечатлений, отходишь от текущей работы, больше видишься с людьми, интенсивнее работаешь в другой области.

2-го <февраля> утром работал в Музее [2]. Еще осматривал кое-какие части коллекции <И.Н.> Крыжановского. Начал просмотр киновари в коллекции Ак[адемии] н[аук]. Ферсман был в Г[орном] и[нституте], виделся с <Е.С.> Федоровым, который был крайне любезен с ним и объяснял отказ мне пользоваться коллекцией тем, что они печатают новый каталог. Все это сшито белыми нитками и его грубое <сумасшедшее?> письмо 4 года назад не имеет никакого отношения к этому объяснению [3]. Но я хочу пойти по этому пути, чтобы закончить эту мелкую <потугу?> – просил Ферсмана справиться о флюорите из Нерчинска. Днем был ЦК [4]. Пленарное заседание. Из Москвы приехали я и Кокошкин. Давно не был и многих видел после многомесячного отсутствия. Заседание посвящено финлянд[скому] вопросу [5] –

был Петрункевич. Решили не оглашать. Но полное согласие не достигнуто. Милюкову, Родичеву – московские тезисы кажутся слишком неудобными, т[ак] к[ак] есть implicito [6] признания ненормальности отношений между Финл[яндией] и Россией помимо политик стремлений тревоги. Милюков пытался свести к признанию status quo [7] и не дальше – даже не подымать и для будущего обратно крайнее – Гредескул, Колюб[акин], Шингарев. Еще раз попытаемся найти почву. Кокошкин ясно высказал свою мысль – не для истории сейчас необходимость вхождения Финл[яндии] в русский парламент. Сейчас об этом он и не решается говорить. Вечером продолжение рассмотрения финл[яндского] вопроса и затем обсуждение славянского – спор мой с Милюк[овым]. Много у него личного с Макл[аковым]. Но Милюков глубже понимает слав[янский] вопрос, чем другие. Частию с ним я согласен, но он должен взять не только отриц[ательный] тон. Люб[опытно] положение в этом вопросе евреев – Винавера. Для него это совершенно чуждый вопрос, каким он несомненно не является для русских. И тут <больше?> чувствуется какая-то неподобающая логике органическая струя. <Чувствуется> в этом что-то бессознательное? Есть родовое чувство?

Колюбак[ин] рассказывал очень интересные разговоры с военными, своими бывшими товарищами по Преобр[аженскому] полку. Многие из них теперь <служат> командирами полков и т. п. Они рассказывают о глухом недовольстве среди офицеров армии, и оно растет – резко отлично от гвардии. Депутаты рассказывают, что Дума расползается; как говорит <В.А.> Караулов, «<нрзб>». Не бывает quorum <кворума>, погас интерес – отсутствие веры и чувство безысходности. Особенно действуют <унижение?> Думы и деятельность Г[осударственного] С[овета]. Кадеты тоже расползаются.

На второй день, 3.II.[1]910 [г.], утром у Чернышева разговор о прод[аже] коллекции [8]. Крыжан[овский] хотел слишком много – 25 тыс[яч рублей]. Хорошая цена 20 <тысяч рублей>. Решили пригласить опекунов. Нищенские расчеты в связи с долгами Музея и работой на этот год. Удивительно тяжелое материальное положение. Днем разговор с Л. Крыжан[овским]: кулак! Днем заседание Академии. Опять травля Рыкачева. Я год назад, не желая, остановил решение Ак[адемии]! Теперь опять вернулись к старому: невозможно при настроении Отделения и глупости Рыкачева!

Был у Гревс[ов]. Вечером очень хороший разговор с Машей <Гревс> [9]. Рассказывала об ужасе у Фаусеков [10]. О <Сереже?> [11].

Ее <т. е. Маши Гревс> чувство к Над[ежде?] Фед[оровне?] [12] осталось, и смерть не изменила пережитое! С Иваном <Гревсом> об Уставе [13]. Все-таки есть течение не выбирать ректора. Умыть руки.

Сестры по-прежнему тяжелы [14]. Спасли Катю от попытки самоубийства – но в конце концов это хуже: она мучилась несколько лет. Жизнь ставит неразрешительные дилеммы, и страдание <есть> неизбежное явление, с которым надо мирится?

Здесь, как и в Москве, <книга> Джемса [«]Многообразие религ[иозного опыта»] тоже имеет влияние. Все читают или говорят. Лекции Франка производят сильное влияние [15].

Научились ненавидеть Синод и прав[ославную] церк[овь]. Русский клирикализм из безразличия вводит русское общество в ненависть.

Обедал у Гримма Д.<Д.>. Он должен быть ректором. Как личность он решительно производит сильное впечатление. В «Речи» статьи И. Гессена. Для Гримма разговоры о моск[овских] делах унив[ерситетских] несомненно были хороши. Он правильно указывал на неудобство оставления его без знакомства с решениями ЦК по вопросам <нрзб> как <нрзб> и т. п. Рассказывал о <невозможных?> пропусках в Уставе <нрзб> института, допущенных <Ковалевским?> и <Васильевым?> [16].

Вечер с сестрами. Был у Зернова – внес ему остатки (365 р[ублей]) <нрзб> <нрзб> гр<уппы?>. Очень доволен моск[овским?] постан<овлением?>.

Последний день в Музее. Трения между Бакл[ундом], Крыж[ановским] и К^0. Ненадкевич приехал и начал работу – умерла мать! Баклунд высказывал <нрзб> впечатление <о?> моск[овской] молодежи – Ферсм[ан], Каранд[еев] и т. д.

Был Н.Н. Тихонович – Ив[ан] Ил[ьич] <Петрункевич> очень доволен его статьями: Гессен <задерживает?>!

Ив[ан] Ил[ьич] и Ан[астасия] Серг[еевна] <Петрункевичи> – у них провел <нрзб>. Разговор о Вехах [17], Думе, слав[янском] вопр[осе], Гете, прагматизме. И[ван] И[льич] рассказывал старую известную историю о Е. де Роберти. Перед Первой Думой в «Р[усских] В[едомостях]» [18] <нрзб> появилась телеграмма о <нрзб> И[вана] И[льича] в <Твери> против помощи забаст[овке] рабочим. Случайно И[ван] И[льич] узнал об этом: в «Р[усских] В[едомостях]» Максимов проговорился, что это Де Роберти, статьи которого <не читаются?>. После явился к И[вану] И[льичу] Соболевский и пытался доказать, что

Макс[имов] ошибается и т. д. Послал опров[ержение] твер[ской] корреспондент. <Теперь?> в [«]Россию[»] [19] написал И[ван] И[льич] – письмо, <указывая?>, что он не посылал этого известия. С де Роберти И[ван] И[льич] не объяснялся, но тот зачастил и <необычно любезен?>... И[ван] И[льич] и Ан[астасия] Серг[еевна] <Петрункевичи> считают де Роберти способным на все.

С Милюковым сговорился о выступл[ении] в Слав[янском] комитете [20]. Я согласен, что не надо ехать в Софию, но надо об этом сказать не только отрицательно. Мил[юков] думает, впрочем, что не надо мешать в Болгарии <нрзб> <торжеству?> Слав[янского] <нрзб> в только что <конституционном?> <царстве>.

Но всюду контры: в К.Д. <партии> не ладно. Маклаков, Струве, Гредеск[ул] и др. не ладят с лидерами К.Д. <партии>. Макл[аков] – Милюков *два* восход[ящих] лидера в будущем для разных течений?

Был у <нрзб>. Говорил с <нрзб>, <нрзб> пытался застать <нрзб?> для экспертизы. Не очень это легко.

Баклунд хочет заним[аться] метеоритами. Ему надо дать весь материал.

Нюточка <Анна Сергеевна Короленко> мила и нежна. Но и ее жизнь грустна и как-то <нрзб> в <убежище?> смолянок! Нет ярких красот молодого веселья.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 25.XI.1944 г.

(Люб.) – С трудом разобрали с Аней [21] текст. По-видимому, *любопытно*.

Кажется, вопрос о Финляндии осложнялся тем, что евреи не имели права достояния жить в Финляндии [22]. Приезжали на время. У них тут было много обходов.

Сложных отношений с Е.С. Федоровым я коснулся в своих записях 1944 г., стр. 33–34 [23].

«Много у него личного с Мик. (?)». Мож[ет] б[ыть], Маклаков?[24].

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 4.XII.1944 г.

Когда я в 1906 г. попал в состав Академии, уже произошел перелом, но еще были остатки немецкой партии. За немного лет перед этим ушел Вильд (Генр[их] Ив[анович] Вильд, 1833–1902). В 1895 г. Вильд был аррогантным [25] немцем, по рассказам. Я помню, как Фаминцын рассказывал мне, как, когда он заговорил по-русски в промежутке между заседаниями или во время Годичного ужина, в день основания

Академии, который строго исполнялся и был очень интересный, то один из видных академиков, кажется, Якоби, сказал: «Ах, зачем Вы говорите на этом птичьем языке»; Фаминцын устроил скандал. Он был один из первых русских академиков, который пользовался общим уважением, и играл известную роль в быстрой русификации, которая к моему времени уже закончилась.

М.А. Рыкачев, как ученый, ничего особенного не представлял. Он был, по-видимому, человек очень недалекий. Уже в это время чувствовалось резкое повышение сознания быстрых успехов русской науки. Достаточно вспомнить Д.И. Менделеева.

Впечатление, которое он оказал на меня в Унив[ерситете], осталось для меня памятным на всю жизнь. Уже после его смерти я встречался с его сыном, который работал в палате мер и весов, и с его вдовой[26], кажется в «Доме ученых» в Ленинграде, где она жила в последние годы.

В.А. Фаусек умер в 1910 г., внезапно. Он был директором Высш[их] женских курсов и читал курс зоологии. Незадолго до его смерти у него умер сын.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 5/XII.1944 г.

Зернов Дмитрий Степанович (род. 1860 г.) играл большую роль в Академ[ическом] Союзе [27]. Принадлежал к семье, игравшей большую роль в Университете, начиная с XVIII и до XX столетия.

Я совсем забыл об участии Ник[олая] Ник[олаевича] Тихоновича в кадетской газете. Это – живой и всем интересующийся человек, с которым у меня связаны самые старые воспоминания. Связи с четырьмя поколениями. Его дед Поликарп Тихонович был директором гимназии (кажется, первой) в Харькове, где я учился. Он был высокого роста, как и его внук Ник[олай] Ник[олаевич]. Мы, маленькие первоклассники, всегда его боялись. Он кричал и пугал нас. Но в общем он был <лишен?> злобы. Он был сторонником классического образования, издал словарь греческо-русский [28], который мы, первоклассники, заранее купили себе.

Но я в 1876 г. перешел в Петербург, и словарь мне не пригодился.

Ник[олай] Ник[олаевич] слушал мои лекции по минералогии. Я знал его дочку, которая вышла замуж за профессора Дюпарка в Женеве[29].

Из нее вышел хороший петрограф. Она погибла во время крестьянских бунтов, совершенно невинная. Дюпарк приехал потом, чтобы

взять ее дочь, внучку Ник[олая] Ник[олаевича], и увез ее в Женеву. Сейчас не помню ее последующей судьбы. Ник[олай] Ник[олаевич] – интересный геолог. Он был одно время арестован и сослан на север, но в конце концов выбился. Он работал на Каспии, с одной стороны, и на Ухте, геологическую карту которой он составил. Связи мои с ним не прерывались. Я помню, что он первый обратил мое внимание на казахов. Это – очень талантливый народ, с которым мне пришлось встретиться в Боровом.

С Ник[олаем] Ник[олаевичем] связана и моя Лаборатория [30] до сих пор.

В 1939 г., до войны, мы поставили в соединенном заседании Химич[еского] и Геол[огического] отд[елений] Акад[емии] наук проблему о связи между геолог[ической] картой и химич[еским] составом биосферы. Мы хотели составить такую карту для Моск[овской] обл[асти]. Эта карта должна связывать химический состав с составом пород до гранитной оболочки. Когда мы вернулись в Москву в 1943 г., то оказалось, что необходимые нам керны не сохранились. Пришлось пересмотреть этот вопрос.

Занятый другими проблемами, я фактически отошел от этой работы, передал ее всецело А.П. Виноградову. Он стал во главе и собрал значительное число работников, участвовавших в первой работе, в том числе и Н.Н. <Тихоновича>. По инициативе нового совещания (в котором я не участвовал и знал post factum), оказалось более выгодным взять больший масштаб и вместо Моск[овской] обл[асти] остановиться на Европейской платформе нашей страны, до Урала с одной стороны и до Кавказа с другой.

Под председательством А.П. <Виноградова> собралась группа геологов в увеличенном составе. Глубина биосферы для Донецкого бассейна доходит до 5 км. Под Петербургом и на Украине гранит выходит на земную поверхность. Я надеюсь, что эта работа будет доведена до конца. Я надеюсь, что как введение будет служить для этой цели составленная мною <книга>: «Химический состав биосферы и ее окружение» [31]. Она написана мной только вчерне в трех частях. Я надеюсь, что мне удастся ее докончить.

Примечания

1. Очень неразборчивый текст, на что указывает в своих позднейших примечаниях и Вернадский. Видимо, он записывал в поезде.

2. Минералогическое отделение Геологического музея имени императора Петра Великого Императорской Академии наук.

3. Письма Е.С. Федорова В.И. Вернадскому опубликованы в [403].

Судя по всему, Вернадский имеет в виду письмо Федорова под № 11 (публикаторы датируют его 1904–1905). Приведем его полностью по первой публикации [423]:

«Милостивый государь Владимир Иванович,

Вы изволили сообщить, что Вы подготовляете к печати многотомный труд “Опыт описательной минералогии”, в коем имеете в виду сообщить список и *обзор всех месторождений всех минералов, наблюдавшихся в пределах Российской империи*. По этому поводу Вы обращаетесь ко мне за содействием в пополнении этого списка по материалу Музея Горного института.

К сожалению, я не могу идти навстречу Вашему желанию, помимо других причин, из чисто принципиальных соображений сущности науки, так как исхожу из предположения, что Вы издаете Ваш труд не из коммерческих или тому подобных видов, а из видов науки. Иначе Вы едва ли обратились бы ко мне с такой просьбой.

Нет точки в Российской империи (так же как и во всем мире), в которой не наблюдались бы десятки минералов. Поэтому для исполнения Вашей задачи не хватило бы сколько угодно томов.

Но причем тут наука, на которую я смотрю как на *мысль в движении*? Пока она нова, мы имеем дело с наукой; как только она повторяется, то мы имеем уже не науку, а в лучшем случае ее приложение.

С этой точки зрения, только та работа по описанию минералов может быть причислена к научным, которая этим описанием развивает некоторую новую мысль. При этом она должна быть опубликована, чтобы каждый, занимающийся наукой, мог познакомиться с этой мыслью и проверить правильность хода мышления на основании сделанного описания. Не опубликованная работа все равно, что не существует.

Лицо, собирающее фактический материал с научной целью, прежде всего должно проверить правильность этого материала и сообщить, в чем состояла операция этой проверки. Иначе оно является простым переписчиком и сознательно вводит в заблуждение людей, интересующихся этим материалом.

Это сугубо применимо к описательной минералогии в России, где большинство лиц, занимающих даже кафедры, не владеют в достаточной мере методами для определения большинства минералов, кроме, конечно, небольшого их цикла [343].

В этом с особенной наглядностью пришлось мне убедиться теперь, когда я предпринял систематическую разработку минералогических коллекций Горного

[343] Что касается специально Московского университета, то всякий раз, как мне попадали в руки определения Кабинета этого университета, они оказывались неверными. Так, в последние 2–3 года “бесцветный гранат” по моему исследованию оказался альбитом, “каолинит” – весьма сложной смесью, “метеорит” – магнитным железняком и т. д. Недаром меня, доктора Университета, опасались приглашать на диспуты. (Примечание Е.С. Федорова).

института, несмотря на то что она находилась в заведывании лиц, считавшихся (конечно, официально) высшими авторитетами по этой части в нашем отечестве.

Итак, с моей точки зрения, в научно-составленную “Описательную минералогию” могут попасть только минералы и их месторождения, которые описаны в научной литературе для разъяснения важной научной мысли и, таким образом, сыграли важную роль в науке. Что же касается перечисления естественных материалов, находящихся в известной местности, то им вполне у места в статистических местных сборниках, да и то при условии их практического значения для эксплуатации.

Таким образом, мне представляется, судя по данным Вашего письма, что Ваше предприятие внесет громадную новую путаницу и без того чересчур обременившую русскую минералогию и потому есть предприятие вредное для науки.

В надежде, что Вы в интересах нашей науки постараетесь чем-нибудь парализовать этот вред, остаюсь с совершенным почтением

Е. Федоров».

Как указывают публикаторы письма, в нем Федоров высказывает свое резко отрицательное мнение относительно подготовлявшегося к печати капитального труда Вернадского «Опыт описательной минералогии» (первый выпуск этого труда вышел в свет в 1908 [92]). Мало того, он отказывает ему в содействии ознакомиться с материалами Музея Горного ин-та. Резкий тон письма и высказанные в нем положения можно отчасти объяснить тем, что Е.С. Федоров был введен в заблуждение самим названием труда – «Опыт описательной минералогии». В течение всей своей научной деятельности он вел борьбу со старым направлением, ограничивавшимся формально-описательной характеристикой минералов без всяких попыток обобщать и выявлять сущность найденных фактических данных. Однако Вернадский, как уже было отмечено выше, вкладывал совершенно иное содержание в свою «Описательную минералогию». Основной задачей этого классического труда он считал пересмотр минералов как продуктов химических процессов, происходящих в земле, а также создание топографической минералогии России. Вернадский болезненно пережил отказ Е.С. Федорова. Это видно из предисловия к «Опыту описательной минералогии»: «Мне трудно благодарить всех лиц, помогавших мне при издании. Я всюду встречал содействие и помощь, и только один раз (к сожалению в России) встретил отказ в пользовании собраниями одного из публичных музеев, но и ими надеюсь воспользоваться для дальнейшей работы» [120, с. III]. Надо сказать, что это письмо Федорова не повлияло на отношение Вернадского к творчеству русского кристаллографа, работы которого, как отметил в 1927 Вернадский, «живы до сих пор и сказываются в нашей текущей научной работе» [138, с. 126]. К сказанному следует добавить, что Федоров был избран адъюнктом в 1901 и с разрешения Академии оставался профессором Московского сельскохозяйственного ин-та и лишь изредка навещал Академию, но это не помешало ему делать настойчивые попытки «вынудить Академию оказать помощь делу русского просвещения устройством Минералогического института», а когда они окончились неудачей, потому что в Академии в то время не было институтов, он в 1905 демонстративно вышел из Академии

наук. О своей отставке он сообщил в письме к президенту, которое ввиду его «совершенно неакадемического характера» даже не было прочитано на заседании. 28 июня 1905 Федоров был уволен из Академии наук. Осенью 1918 ему предложили вновь баллотироваться в Академию, 1 февраля 1919 он, за несколько месяцев до смерти, был избран в Академию [31]. В 1901 по представлению В.И. Вернадского Московский ун-т присудил Е.С. Федорову степень почетного доктора минералогии и геогнозии honoris causa [426].

4. В [419] протокол этого заседания ЦК отсутствует.

5. О финляндском вопросе см. выше на с. 191–193.

6. implicito – косвенным образом (с лат.).

7. status quo (статус-кво) – в данном случае существующее на определенный момент фактическое или правовое положение (лат.).

8. См. выше примечание 6 к записи от 27 января.

9. Гревс (урожденная Зарудная) Мария Сергеевна (1860–1941) – учительница, библиотекарь; дочь «отца Судебной реформы», тайного советника, сенатора С.И. Зарудного (1821–1887), сестра А.С. Зарудного (1863–1934), министра Временного правительства, одним из первых перешедшего на сторону советской власти, жена (с 1885) историка И.М. Гревса (близкого друга В.И. Вернадского); двоюродная сестра Н.Е. Вернадской. Училась на Высших женских (Бестужевских) курсах (1879–1883). Учительница 1-го Василеостровского уч-ща Русского технического об-ва. Участвовала в Комитетах грамотности и народной литературы, входила в группу основателей «Приютинского братства». После 1917 работала учительницей и библиотекарем.

10. Имеется в виду семья профессора зоологии В.А. Фаусека (1861–1910), старший сын которого Всеволод 15 января 1910 застрелился в квартире Фаусеков из-за невозможности соединиться с любимой девушкой (одновременно девушка покончила с собой в Харькове). См. [493].

11. Может быть, С.С. Ольденбург?

12. Очевидно, Надежда Федоровна Ольденбург (1931–1909) – мать братьев С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов, выпускница Смольного ин-та.

13. См. примечание № 7 к записи от 19 января.

14. Сестры В.И. Вернадского – Екатерины Ивановны Короленко и Ольга Ивановна Алексеева.

15. Например, 2 февраля 1910 на заседании Религиозно-философского общества С.Л. Франк (1877–1950) выступал с докладом «Философия религии Джеймса», в котором, несмотря на ряд серьезных критических замечаний, в целом высоко оценил книгу «Многообразие религиозного опыта» и особенно «метод радикального эмпиризма» Джеймса. По его мнению, книга Джеймса «делает эпоху», и в эту новую эпоху «свободомыслием должно считаться не отрицание религии, а отрицание её огульного отрицания». Франк приходит к выводу, что «мистический опыт несёт свою достоверность в самом себе и вообще не нуждается ни в каких доказательствах». Здесь он уже четко проявляет свое движение от неокантианства с его апологией «чистой философии» и критикой всякой мистики к абсолютному реализму, для которого мистический опыт представляется

не менее (если не более) реальным и истинным, чем опыт чувственного или рационального постижения. См. [8, 527].

16. Здесь и ниже – чрезвычайно неразборчиво написанные предложения.

17. «Вѣхи. Сборник статей о русской интеллигенции» – сборник статей русских философов начала о русской интеллигенции и ее роли в истории России. Издан в марте 1909 в Москве в издательстве В.М. Саблина. Получив широкий общественный резонанс, к апрелю 1910 выдержал четыре переиздания общим тиражом 16000 экземпляров. В 1990 был переиздан тиражом 50000 экземпляров. См. [164].

18. Газета «Русские ведомости» – российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по март 1918. Выпускалась до 1868 три раза в неделю, а затем – ежедневно. Основанная литератором Н.Ф. Павловым, газета в скором времени сделалась органом либеральной московской профессуры и земских деятелей.

19. Газета «Россия» – ежедневная газета, официоз, субсидировавшийся правительством; выходила (с приложениями) в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914. Бóльшая часть тиража газеты, не пользовавшейся спросом, рассылалась бесплатно. Тираж непрерывно падал: с 32 тыс. экземпляров в 1907 до 9,5 тыс. в 1911.

20. О славянском съезде см. примечание № 4 к записи от 1 февраля.

21. Шаховская Анна Дмитриевна (1889–1959) – геолог, географ, краевед, организатор музейного дела; автор нескольких работ по геологии и научно-популярных книг по природоведению. Исследователь научного творчества и составитель избранных сочинений Вернадского; один из организаторов и первый хранитель (1953–1957) Мемориального кабинета-музея В.И. Вернадского при Институте геохимии и аналитической химии АН СССР (ныне РАН). Дочь друга Вернадского со студенческих лет Д.И. Шаховского. Выпускница Московских высших женских курсов (1912). Преподавала в школе. В 1918–1920 работала в Дмитровском союзе кооперативов (в декабре 1920 Союз был разогнан, его руководящие работники арестованы), заведовала созданным при ее активном участии Дмитровским краеведческим музеем, вела краеведческую работу в других музеях. Секретарь П.А. Кропоткина в период его жизни в Дмитрове (1918–1921). В 1921 арестована в числе других бывших работников Дмитровского союза кооперативов, освобождена через 5 месяцев. Работала научным сотрудником в Историко-Художественном музее Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В мае 1928 вновь арестована. Осуждена в июне 1928 по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево» и отправлена в ссылку в г. Ростов (1928–1931). Сотрудник Московского геологического треста (1932–1934), Всесоюзной постоянной строительной выставки в Москве (1934–1938). Вновь была арестована на 2 месяца в июне 1933. Личный секретарь Вернадского (с 1938), сотрудник Биогеохимической лаборатории АН СССР (1938–1943), Лаборатории геохимических проблем им. академика В.И. Вернадского АН СССР (1943–1947), Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР (1947–1957); с января 1957 на пенсии.

22. Паспортный закон 1862, выработанный по проекту хозяйственного департамента финляндского сената, подтвердил запрещение евреям въезда в Финляндию, но при этом было разрешено временное пребывание по усмотрению местного губернатора. Возможно, что в отдельных случаях временное пребывание превращалось в постоянное.

23. Вернадский имеет в виду свой дневник 1944 года, в котором в записях от 28, 29 и 30 ноября и 3 декабря касается своих отношений с Е.С. Федоровым и дает оценку его научного творчества, а 28 ноября даже записал, что «вчера читал заново мои <записи> 1910 года». См. [150, с. 180–184].

24. Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – политический деятель, юрист, мемуарист. В начале 1900-х участвовал в земском движении, секретарь кружка либеральных земцев «Беседа» (1904). Один из основателей (1905), член ЦК и Московского отделения ЦК (с 1906) конституционно-демократической партии, лидер ее правого крыла. Депутат Госдумы 2–4-го созывов (1907–1917). С начала 1-й мировой войны активно участвовал в деятельности Земского союза. В 1915 вошел в состав «Прогрессивного блока». В ходе Февральской революции 1917 комиссар Временного комитета Госдумы в Мин-ве юстиции; председатель Юридического совещания при Временном правительстве (март 1917). Член Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Участвовал в Гос. совещании (Москва, август 1917), на котором выступил с призывом к национальному примирению. Член Предпарламента (1917). Незадолго до Октябрьской революции 1917 назначен Временным правительством российским послом во Францию, но верительные грамоты не успел вручить, хотя сохранял дипломатический статус вплоть до признания СССР Францией в 1924. В Гражданскую войну 1917–1922 занимался финансовым и дипломатическим обеспечением Белого движения. В 1924–1957 (с перерывом в 1940–1944) возглавлял Офис по делам русских беженцев во Франции, находившийся под двойной юрисдикцией – Лиги наций и МИД Франции, который оказывал юридическую и материальную помощь российским эмигрантам. Одновременно председатель Эмигрантского комитета (1924–1957, с перерывом в 1942–1944). Во 2-ю мировую войну занял антинацистскую позицию, в 1942 арестован гестапо, через несколько месяцев освобожден.

25. Аррогантный (франц. arrogant) – надменный, напыщенный.

26. Иван Дмитриевич Менделеев и Анна Ивановна Менделеева. Менделеев Иван Дмитриевич (1883–1936) – физик, метролог, философ; профессор (1935). Старший сын Д.И. Менделеева от второго брака. Специалист в области измерений массы и температуры, изобретатель и конструктор. Основатель и первый руководитель лаборатории низких температур во ВНИИ метрологии. Изучал свойства тяжелой воды (1932–1934), исследовал глубинные слои воды в озере Байкал (1934). Разрабатывал этическую гносеологию, противостоявшую неокантианской теории познания. Подготовил посмертное издание труда Д.И. Менделеева «Дополнение к познанию России» (1912), снабдив его своим предисловием. Написал воспоминания об отце, опубликованные в различных изданиях. После смерти отца (1907) некоторое время жил во Франции, позднее поселился в

подмосковном имении семьи в дер. Боблово, где в 1917 организовал школу для крестьянских детей и преподавал в ней. В 1924–1936 работал в Гл. палате мер и весов (ВИМС, ВНИИМ). Преподавал в Ленинградском ин-те инженеров железнодорожного транспорта, Ленинградском ин-те инженеров гражданского воздушного флота, Промышленной академии, Электросварочном ин-те, консультант ряда заводов. Менделеева (урожд. Попова) Анна Ивановна (1860–1942) – пейзажный и портретный живописец, автор мемуаров; вторая супруга Д.И. Менделеева (с 1882), мать И.Д. Менделеева. Училась в Москве в женской гимназию княжны Е.С. Горчаковой, в воскресных классах при Строгановском уч-ще. С осени 1875 в Петербурге, учится в консерватории по классу фортепиано, но вскоре переходит в школу рисования на Васильевском о-ве, в 1876–1880 училась в Императорской Академии художеств, затем продолжила занятия живописью в Италии. Оставила воспоминания «Менделеев в жизни», которые вышли в издательстве Сабашниковых (1928) и вошли в книгу «Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников» (Изд. 2-е., 1973).

27. Академический союз (Всероссийский союз деятелей науки и просвещения) – профессионально-политическая организация профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Создан по инициативе Союза освобождения на основе решения совещания с.-петербургской профессуры от 20 декабря 1904 (2.1.1905). Учредительным манифестом и политической платформой его являлась подготовленная к 150-летию Московского ун-та «Записка о нуждах просвещения» (опубликована 12(25).1.1905 – «Наши дни», 1905, № 22), в которой содержались требования реформы высшей школы на принципах академической автономии (выборность всех должностей в университете), введение политических свобод, созыв народного представительства (подписана 16 академиками, 125 профессорами, 201 младшим преподавателем; среди них – В.И. Вернадский. 25–28 марта 1905 в С.-Петербурге состоялся 1-й учредительный съезд Союза деятелей науки и просвещения. На нем присутствовало 175 делегатов, которые единогласно одобрили проект «временного» устава Академического союза. Цель последнего ограничивалась разрешением проблем академической деятельности и «улучшением условий академического быта». В 1906 фактически прекратил работу, хотя формально не был распущен. В 1915 деятельность временно активизировалась в связи с обсуждением проекта реформ системы образования, предложенных министром народного просвещения П.Н. Игнатьевым. В июне 1917 собран 4-й съезд, обсуждавший положение высшей школы после Февральской революции 1917. В 1918 – упразднен.

28. См. [489].

29. Женой (гражданской) Дюпарка была сестра Н.Н. Тихоновича – Маргарита.

30. Биогеохимическая лаборатория АН СССР в 1928–1943, с 1943 – Лаборатория геохимических проблем имени академика В.И. Вернадского АН СССР.

31. См. [133].

5.II.[1]910

<Москва>

Приехал из С[анкт-]П[етер]б[урга]. Две лекции на [Высших] ж[енских] к[урсах] о полиморфизме – пришлось готовиться.

Аналогия? – временно существующие, переходящие друг в друга химическ[ие] элементы (радиоактивные), и полиморфные состояния при данной температуре и давлении. Или больше, чем аналогия?

Вечером с *Тварч[релидзе]* – спектр слюд. В одной из них Sr <стронций>?

Устал и не пошли с *Наташей* <Н.Е. Вернадской> к Нов[городцевым]. Говорил с *П[авлом] И[вановичем]* <Новгородцевым> в телефон: он становится очень «важен». Теперь П.И. считает, что главный Ивановичем центр всего Унив[ерситетского] устава – студенч[еские] собрания в Ун[иверситете]. М[ожет] б[ыть], он прав, хотя едва ли. Запретилков студенч[еских] собраний в Унив[ерситете] у нас нет – но не в наше время с этим бороться.

Читал <нрзб>: <нрзб>. *Чуковского* [1]. *Айхенвальда* о *Брюсове* [2], Centr[alblatt] f[ür] Miner[alogie, Geologie und Paläontologie].

Когда пытаешься набрасывать дневник впечатлений и виденного – чувствуешь бесконечное. Ибо не бумагой отражаются незаметные частички пережитого. Всюду чувство бесконечности.

За обедом был *Гуля* <Г.В. Вернадский>. <Нрзб>.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 6/XII 1944 г.

Чувство бесконечности и безначальности мышления мною и сейчас чрезвычайно ярко чувствуется.

Примечания

1. См. [542].
2. См. [2].

6.II.[1]910

<Москва>

Утром лекция в Ун[иверситете]. Позже с *Ферсманом* разбирал колл[екцию] – новые поступления в осн[овную] колл[екцию]. С *Вульфом* по поводу кристаллизации KJ – у него явно неполные наблюдения. Днем корректура гранки Te – Sb – As [1]. Чтение для этого (Цефаровича [2], Фуллона [3]).

После обеда с Е[лизаветой] Д]митриевной] <Ревуцкой смотрели> цинковые обманки. <Образец> из Садона [4] дает превосходный спектр индия!

Обедала *Нина Клейбер* [5]. Так это все давно – целое поколение. И молодой прелестный образ высокодаровитого юноши – ее отца исчез. Не раз он мне вспоминается: впервые с ним я начал работу со спектроскопом. Недавно для метеоритов перечитывал его работу о падающих звездах. Но все сильнее движется колесо нашего времени и все меньше остается его следов. Как-то очень ярко я понял это с моим отцом, когда на моих глазах быстро исчезли его сверстники!

Читал 2-ю часть *Таннера* о ледник[овых] отложениях Лапландии [6], выпуски Gmelin-Kraut`ской химии (о фосфоре) [7], просматривал «Рус[скую] мысль» [8], еврейские [9] и польские [10] еженедельники, Centralbl[att] f[ür] Miner[alogie, Geologie und Paläontologie].

У *Ман[уйлова]* заседание о Сборнике Унив<ерситета?> [11]. Решили к осени. *Муромцева* разбор устава, *Виногр[адова]* о 84 г. и его посл[едствия] и т. д. [12]. *Я о научном значении русского университета*. Это последнее *мало сознается* и самими профессорами. К возможности это написать относятся скептически. Боятся самовосхвалений…

Был запрос попечителя по поводу постановлений Совета – правда ли, что напечатано в «Р[усских] В[едомостях]». Как мог *Ман[уйлов]* допустить такие обсуждения? Ответ через Ком<миссию> – по словам *гр[афа] Камар[овского]*, очень хороший. В «России» статья передовая против нас.

Здесь, говорят, <А.В.> *Никитский* [13] – какой-то несчастный. Вышел в отставку – из-за инородч[еских] школ.

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 6/XII 1944 г.

С *Клейбером Иосифом Андреевичем* (1863–1892) я познакомился, будучи студентом, так как первые два-три года я посещал лекции математического отделения и работал в лаборатории.

Сталкивался, благодаря этому, со студентами-математиками, интересующимися наукой. В числе их был Иосиф Андреевич.

В это время собиралось, кажется, по его инициативе издание студенческого математического журнала: восстановление сборников шестидесятых годов, традиция которых была у нас жива.

Клейбер принадлежал к богатой семье, которая считала себя польской. И. А. считал себя русским. Мать же его была резко польской ориентации. Не помню, вышел ли журнал этот в свет. Но я недавно нашел

хорошо отпечатанный на хорошей бумаге экземпляр. Может быть, это была последняя корректура.

Геометрией я всегда интересовался и интересуюсь до сих пор. Я думаю, что одна из загадок в нашем мышлении: что такое число и что такое пространство?

Я ближе столкнулся с Клейбером, когда работал в астрономической обсерватории. Клейбер интересовался математикой менее абстрактно, чем я, менее философически. Он был больше одарен как математик, чем я. Он интересовался главным образом астрономическими вопросами конкретной природы, уже студентом он работал над падающими звездами. Как-то, когда я был на четвертом курсе, он убедил меня, что в минералах должен находиться гелий. Это для меня было совершенно неожиданно. Мы решили попробовать это при помощи спектроскопа. Я этому учился как студент, кажется, у Петрушевского. Но мы, к сожалению, оказались недостаточно тонкими работниками.

Мысль же была верная. Через год или два после нашей неудачной попытки гелий был найден в этом же минерале (кажется, Жансеном в Париже) [14]. Но наша работа прекратилась, т[ак] к[ак] мы не справились с ней как экспериментаторы. Может быть, она и дошла бы до конца, но Иос[иф] Андр[еевич] переживал в это время катастрофу в своей жизни и ему было не до гелия. Он сказал мне, что он поссорился со своей матерью, т[ак] к[ак] она считала себя полькой, а он считал себя русским. Он просил меня быть посредником между ним и его семьей. Его брат, очень мягкий человек, совершенно другого характера, чем он с ним я должен был войти в сношения, т[ак] к[ак] мать лишила Иосифа всяких средств существования. Брат через меня передавал ему деньги и сведения. Я думаю, что к этому присоединилось еще то, что он хотел жениться на русской. Это была Винберг, семья богатого виноградаря в Крыму. С этой семьей наше братство было тесно связано. Все члены братства были захвачены этой историей.

В конце концов Клейбер женился на прелестной девушке, помимо желания матери. Отец Клейбера, как будто, немец.

Примечания

1. См. [103]; §§ 264–266 этого выпуска посвящены самородному теллуру, §§ 267–272 – самородному мышьяку, аллемониту и самородной сурьме.

2. Вернадский, судя по всему, читал известный минералогический словарь Цефаровича [611–613].

3. А.А. Фуллон известен как автор книги [531]. Кроме того, им помещено несколько статей в «Горном журнале» за 1826, 1831 и 1844.

4. Садонское свинцово-цинковое месторождение в Северной Осетии. Расположено под южным отрогом горы Сагдуцан, между поселками Садон и Мизур Алагирского района. Промышленная эксплуатация его началась в 1852. Открыто и разрабатывается с 1843 (кустарным способом), промышленное освоение начато в 1852. Первые слитки (попутно добываемого) серебра из месторождения пошли на изготовление сосудов для Исаакиевского собора. С введением в эксплуатацию Садонского месторождения Россия стала получать свинец, который до этого импортировался из Великобритании. В 1922 построен Садонский свинцово-цинковый комбинат (до 1925 единственное в России предприятие, добывающее свинцово-цинковые руды). Рудные тела мощностью 1–5 м выявлены на глубине до 250 м. Руды бедные и средние. Основные рудные минералы: галенит, сфалерит, пирит, пирротин. Основные компоненты руд – свинец, цинк. Разработка велась подземным способом. К 2004 на Садонских рудниках добыто более 500 тыс. т свинца и 830 тыс. т цинка.

5. Дочь И.А. Клейбера. О Клейбере, его семье и дружбе с Вернадским см. [570, с. 61–72], воспоминания Вернадского о Клейбере [138, с. 146–147, 570, с. 153–157].

6. См. [605].

7. Имеется в виду выпуски известного справочника Гмелина-Краута по неорганической химии «Gmelin-Kraut's Handbuch der anorganischen chemie».

8. Вернадский, судя по всему, просматривал 2-й номер журнала «Русская мысль» за 1910, где, в частности, была опубликована упомянутая выше статья С.Л. Франка.

9. Например, «Новый Восход», «Еврейский мир», «Еврейская Неделя».

10. Например, «Ziemia», «Tygodnik Ilustrowany – Przyjaciel Ludu».

11. См. запись 24 февраля, где речь идет о решении «издать сборник статей в связи с унив[ерситетской] реформой, в котором поместить статьи общего содержания (о научном знач[ении] Унив[ерситета], полож[ении] профессоров, печати Устава 1884 <г.> и его отражении в унив[ерситетской] ж[изни]) и критику <университетского> устава *Шварца*».

12. Общий Устав университетов 1884 года – правовой акт Российской империи, определявший устройство и порядки в университетах империи, принят 15 (27) августа 1884. См. [511].

13. С ноября 1908 А.В. Никитский находился на должности попечителя Оренбургского учебного округа, в феврале 1910 ушел (по состоянию здоровья) в отставку.

14. Пьер Жюль Сезар Жансен (18 августа 1868), находясь в индийском городе Гунтур, изучал хромосферу Солнца. Во время солнечного затмения, при исследовании излучаемого Солнцем света методом спектроскопии (при этом излучаемый свет расщеплялся стеклянной призмой на линии различной окраски), обнаружил новую, ярко-желтую, ранее неизвестную линию, которую нельзя было приписать ни одному из уже существующих элементов. Ярко-желтая линия

принадлежала гелию, элементу, с которым наука того времени ещё не сталкивалась. Однако Жансен не сразу осознал, что открыл новый элемент. Спустя два месяца (20 октября 1868) английский астроном Джозеф Норман Локьер, работавший независимо от своего французского коллеги, провел аналогичные исследования. Он также обнаружил ярко-желтую линию, чья длина волны была близко расположена к Фраунгоферовым линиям натрия D1 и D2. Именно Локьер доказал, что эта линия не принадлежит ни одному известному на тот момент веществу и дал ей обозначение D3. В 1870 он совместно с английским химиком Эдуардом Франклендом назвал элемент «гелий» (от др.-греч. ἥλιος — «солнце»). В 1881 итальянский физик Л. Пальмьери впервые обнаружил на Земле гелий по спектральной линии D3, когда исследовал материал, подвергшийся сублимации во время недавнего извержения вулкана Везувий. В 1895 шотландский химик У. Рамзай обнаружил элемент гелий в минерале клевеите. Исследуя спектр поглощения газа, выделившегося в результате разложения клевеита (минерала, содержащего торий и уран), он обнаружил ту самую D3-линию. Это открытие позволило ему сделать предположение, что гелий может выделяться из минералов с богатым содержанием тория и урана. Чуть позже Рамзаю удалось выделить гелий. См.: [20, 187, 198, 566].

7.II.[1]910

<Москва>

Утром корректура 6[-го] листа минералогии [1]. Днем диспут Котляревского [2]. Потом обед его. *Впервые*, *хотя старый профессор*, пошел на эти традиционные обеды, стоящие 200 и более рублей! [3] И на них все-таки скучно, п[отому] ч[то] все хвалят дающего обед, а он их. И здесь – среди собрания выдающихся людей – как-то затерта живая мысль этими неизбежными фимиамами…

Вернувшись, застал *Мисс[уну]*, *М.И. Петрункевича*, *Крымск[ого]*. А[гафангел] Е[фимович] <Крымский> по-прежнему – он устал и огорчен ссорой с <Ф.Е.> *Коршом*. Удивительные и непонятные нравы в Лазар[евском] инст[итуте] [4]: какой-то мирок сплетен и поразительной провинции. Но и странности истории – провести в заместители кафедры ученика Крымского – <К.А.> Фрейтага, который представил в Гос[ударственную] ком[иссию] в С[анкт]-П[етер]б[урге] сочинение, как свое, неопубликованную работу Крымского! Но в тоже время в этих идеях и Кр[ымский] заходит за пределы дозволенного.

Говорил в телефон с *А.Вл. Павл[овым]*. Он не сошелся с *Лейстом*, не дел[ает] уступок. По моему совету указал *Умову* на дилемму: 1) выход его, Павлова, что неудобно, или 2) выход из секретарей

<Московского общества испытателей природы> обоих. Но все это такие мелочи.

Дело Мисс[уны] назначено на начало марта, а она совсем больна…

Читал II-ую часть геологии Haug`a [5]. Плотникова: Кинематику фотохим[ических] реакций [6].

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 14 декабря 1944 г.

Читал теперь биографию Н.А. Умова, написанную П.П. Лазаревым [7], и вижу, что он высоко ценил Лейста. И с другой стороны, знакомясь с работами Лейста и учитывая, что он открыл при помощи геомагнитных работ Криворожский район и Курскую магнитную аномалию и добился разработки железной руды в чрезвычайно трудных политических и социальных условиях, надо признать за ним большие научные заслуги. Интересна его магистерская диссертация о приливах и отливах атмосферы [8].

Просматривая список его работ, я вижу, что он обращал внимание на такие явления, которые до него оставались без внимания.

К сожалению, я должен сказать, что к моему дорогому другу А.Е. Крымскому [9]., что в нем было много странностей

Неужели правда, что он попал в руки наших современных жандармов ГПУ? Еще совсем недавно, на наших глазах погиб целый ряд лиц. – Д.И. Шаховской, С.А. Котляревский, Головин, Авинов и его жена, Е.В. Юрьева. Это – то мементо <помни>, которое стоит перед моими глазами, когда думаешь о прочности нашего режима**.**

Примечания

1. В данном случае, возможно, речь идет о корректуре изданных в 1910 г. лекций Вернадского по минералогии – или [102], или [101].

2. 7 февраля 1910 в Московском ун-те С.А. Котляревский защитил докторскую диссертацию по государственному праву [306.].

3. Вернадский явно имеет в виду общую стоимость такого обеда.

4. Лазаревский ин-т восточных языков – мужское учебное заведение в Москве в 1815–1919. В 1919 преобразован в Армянский ин-т, затем в Переднеазиатский ин-т и Центральный ин-т живых восточных языков (1920), в 1921 вошел в состав Московского ин-та востоковедения, упраздненного в 1954.

5. Гюстав Эмиль Ог. См. [585].

6. См. [406].

7. См. [326].

8. См. [327].

9.Так в тексте у Вернадского.

9.II.[1]910

<Москва>

Вчера не записывал. Вчера утром лекция в Унив[ерситете]. Потом проверка таблицы *Е[лизаветы] Д]митриевны]* <Ревуцкой>. После обеда со спектроскопом с *А[лександром] А[нтоновичем]* <Твалчрелидзе>: хлориты, слюда. В библиотеке <Московского> О[бщества] и[спытателей] п[рироды] просматривал новую литературу за месяц.

Наташа <Н.Е. Вернадская> была в Комитете [1] и рассказывала рассказ *Мандельшт[ама]*, одного из защитников Петрова. М[ежду] пр[очим], он уверял, что *Герасимов* его уговаривал перекласть предпол[агаемое] убийство *Столыпина* на *Курлова*, причем дать революцион[ерам] довести дело до конца. Он уверял, что никто не пострадал от его провокации. Выдавал, что было известно. Хотел жить. Спрашивал, не даром ли загубил свое имя и свою жизнь! Убил *Карпова*, когда его стали подозревать: хотел *Столыпина – Курлова* [2]. Осталась в Париже молодая беременная жена. И вся жизнь снизана из противоречий!

Сегодня утром и днем занимался с *Ферсманом*. Сводили нашу работу об *иксионолите*. После обеда с *Е[лизаветой] Д[митриевной]* <Ревуцкой> спектроскоп – марганц[евые] руды, цинк[овая] обм[анка], целестин.

Обедал *М.И. Петр[ункевич]*. Переносит в дивную глушь – замирающий Торжок, бедный умственными, культурными силами…

Странное впечатление <произвел> *Членов*, который был вчера. Будет защищать свою кандидатуру. *С.А.* [3] говорит, что, по словам *Рейна*, оба кандидата неважные.

Кончил *Haug* [4]. Читал de Metallurgie за 1907 [г.] [5]: о Cu <меди>, алюмосульфосолях и т. д. Корректура [6].

Дополнение В.И. Вернадского, Москва, 19.XII.1944 г.

Рейн – декан медицинского факультета Моск[овского] унив[ерситета].

Примечания

1. Очевидно, Московский комитет конституционно-демократической партии (в 1905–1907 гг. Н.Е. Вернадская была его техническим секретарем).

2. 8 декабря 1909 в С.-Петербурге произошло убийство полковника Отдельного корпуса жандармов, начальника Санкт-Петербургского охранного отделения С.Г. Карпова, осуществил террористический акт член ЦК партии эсеров А.А. Петров, который был задержан, 9 января 1910 С.-Петербургским военно-

окружным судом приговорен к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение. В ночь на 12 января приговор был приведен в исполнение. См. [35, 392, 395 (Допрос Герасимова 26 апреля 1917 г., с. 1–26)].

2. С.А. – С.А. Муромцев?

4. Haug – см. примечание № 5 к записи в от 7 февраля.

5. Может быть**,** «Revue de Métallurgie. Extraits. Tome IV bis. Année 1907». Этот журнал в 1904 основал Анри Ле Шателье.

6. Очевидно [103].

10.II.[1]910

<Москва>

Утром и днем приводил в порядок корреспонденцию. Написал письмо и карточки *Иосса*, *Ан[астасии] Серг[еевне]* <Петрункевич>, *Чирвинск[ому]*, кн[ижный] склад Акад[емии], *Фридлендеру*, *Коленко*, поправлял лекции, сидел над корректурой. После обеда с *А[лександром] А[нтоновичем]* <Твалчрелидзе> спектр[альный анализ] слюд и хлор[ита]. В хлор[ите] и слюдах есть следы каких-то земель?

Читал *Чуковск[ого]* [1], «Записки современника» *Короленко* в «Р[усском] б[огатстве]» [2], *Rosenbusch* <Г. Розенбуш> – Festschrift [3].

Днем был *Самойлов* – об организации иссл[едования] фосфоритов и его работах. В Университете *Остромысленский*. Талантливый – но не могу отделаться от указаний *Новосильцовой*.

Очень трудно с *Сережей* [4]. Но чувствую, что что-то внедряется в духовную жизнь *Ниночки* [5] – и чужое что-то и нехорошее. Конечно, жизнь сложна и предугадать всех последствий нельзя – но и нельзя относится вполне пассивно.

Здесь французы [6]. Но общество мало затронуто. Живого интереса нет, хотя на все рауты, вечера и т. д. билеты заполнены – но как-то все скользит по поверхности.

Примечания

1. См. [542].

2. См.: *В.Г. Короленко* «История моего современника» публиковался в журнале «Русское богатство» в 1906 – №№ 1, 2 и 5, в 1907 – № 1, в 1908 – №№ 2, 3, 8, 10, в 1910 – №№ 1, 2. В 1906 журнал «Русское богатство» был закрыт правительством и выходил под именем «Современных записок» и «Современности»; с мая 1906 прежнее название было возвращено.

3. См. [582].

4. С.С. Ольденьбург?

5. Н.В. Вернадская.

6. В феврале 1910 в Москве находилась французская парламентская делегация.

11.II.[1]910

<*Москва*>

Утром письма: *Ненадкевичу*, *Фохту*, *Антонову*, *Кузнецову*, *Черненкову*, *кн[язю] Голицыну*. Привел в порядок заметки Кузнецова из писем: К минерал[огии] Забайкалья [1]. 2 <две> лекции в Унив[ерситете]. После обеда в <Московском> Общ[естве] исп[ытателей] пр[ироды] – новая литература. Вечером советская комиссия в В[ысших] ж[енских] к[урсах.] Важных дел не было. По возвращении *Аня* и *Марк* <Любощинские>]. Рассказывали о поездке в С[анкт-]П[етер]б[ург], родственные и семейные мелочи. Была *гр[афиня] Бобринская* – носится со своими планами широкого попечения о детях [2], о сотнях тысяч рублей на эти дела. Заходил *Гуля* <Г.В. Вернадский> – рассказывал о студен[ческих] встречах французов в Униве[рситете] [3].

По-видимому, решение Моск[овского] Совета производит впечатл[ение]. *Шварц*, говоря *Чаплыгину* по поводу своего решения о предоставлении прав на ученые степени и учебную службу для женщин, <кончивших> госуд[арственные] экзамены, сказал: «Я это не скрываю. Только Совет М[осковского] у[ниверситета] меня обвиняет в каких-то сокрытиях. В правой печати нет теперь по этому поводу возни».

Примечания

1. См. [318], подстрочная сноска в статье: «Из писем к академику В.И. Вернадскому».

2. В 1910 графиня Варвара Николаевна Бобринская основала «Общество попечения о детях».

3. Речь, очевидно, идет о посещении французской парламентской делегацией Московского ун-та.

12.II.[1]910

<*Москва*>

Утром работал с *Ферсманом*. Исправление 6[-го] листа лекций [1]. Две лекции на <Высших женских> курсах. Вечером с *А[лександром]*

А[нтоновичем] <Твалчрелидзе> – продукты «vulcani fluoriferi» [2]. Богаты Li <литием>. Странная «слюда», нет ли Ca <кальция>. Новая для меня линия 419.8. Проверить. Вечером концерт Гофмана [3].

Читал Zeitschr[ift] f[ür] pr[aktische] Geol[ogie], Ежегод[ник по] геол[огии и минералогии России], Аптекман – Земля и воля [4].

Сегодня обедала молодежь [5]. Встреча французов, по-видимому, проникла в общ[ество] глубже, чем думал.

Твалчр[елидзе] указывал, что в студенч[естве] произошли сильные перемены: исчезла вера в близость (возможность) соц[иального] переворота.

Приехал<а?> <*Нат. Пав.?*> из Твери. <Молодежь?> в Твери – <веселится?> и это главное занятие в этом году.

Читал дневник *Нинули* <Н.В. Вернадской> и ее некоторые творчества. Есть талант? *Ниночка*, Наташа <Н.В. и Н.Е. Вернадские> больны инфлюэнцией [6]. Она всюду. И на курсе – Е[лизавета] Д[митриевна] <Ревуцкая>, О. М. <Лебедева-Шубникова>. Мне также нездоровиться.

Примечания

1. См. примечание № 1 к записи от 7 февраля.

2. Очевидно, «фторсодержащие продукты вулканической деятельности». См., например, [601].

3. Гофман (Hofmann) Иосиф (1876–1957) – польский пианист, композитор и педагог. Концертировал в России в 1895–1913; с 1899 жил в США. Один из лучших интерпретаторов сочинений композиторов-романтиков. Прославился как исполнитель произведений Шопена. Профессор и директор Музыкального ин-та Кертис в Филадельфии (1924–1938).

4. См. [15)]. Эти воспоминания, за исключением первых трех глав, впервые были напечатаны в журнале «Современная жизнь» (октябрь, ноябрь и декабрь 1906 и январь 1907) – ежемесячном меньшевистском журнале, который издавался в Москве с апреля 1906 по март 1907.

5. Г.В. Вернадский с друзьями или Н.В. Вернадская с подругами.

6. Инфлюэнция (от лат. influere – проникать, распространяться), устаревшее название гриппа, впервые появившееся во время его глобальной эпидемии 1780–1782.

13.II.[1]910

<Москва>

Утром лекция в Унив[ерситете]. Корректура «Оп[ыта] оп[исательной] мин[ералогии]» [1]. Ходил в библиотеки <Московского>

Об[щества] исп[ытателей] пр[ироды] и Унив[ерситета]. Днем занимался с Е[лизаветой] Д[митриевной] <Ревуцкой>– спектр марганца. Странная линия в целестине.

Читал Aguilar`a: Bibliogr[afia] Mexicana [2]. Статья *Urbain* и *Clair* в Revista d[e la Real] Acad[emia de Ciencias Exactas, Físicas y Naturales] de Madrid 1909 о германии в цинк[овой] обм[анке] [3]. Мемуар *Hartley* в Philos[ophical] Trans[actions of the Royal Society]. 1895 [4]. Ряд статей и книг (*Крашенинникова*, *Стеллера* и т. д.) <, необходимых> для корректуры [5].

Письмо *Замбонини* о *вернадските* [6]. Сговорился с *Умовым* читать в четверг в <Московском> О[бществе] и[спытателей] пр[ироды] – об иксионолите [7].

Речь *Кутлера* о *Коковцове* [8] вызвала недоумение в кругах К. Д. <конституционно-демократической партии>. Завтракала *Л.А.* <Новгородцева> – рассказывала, что *П.И.* <Новгородцев> и *Ман[уйлов]* были в С[анкт-]П[етер]б[урге] на обеде у *Гримма* с петерб[ургскими] профессорами: будут выбирать, хотя нет кого [9].

Наташа <Н.Е. Вернадская> была в клубе женск[ом]: и там вопрос о рацион[альности?] <нрзб> детской гимнастики – ритма. *Твалч[релидзе]* говорит, это есть средство для гимнаст[ического] института [10], нового предприятия.

Примечания

1. См. [103].

2. См. [598]. Rafael Aguilar y Santillán – Рафаэль Агилар-и-Сатильян (1863–1940) – мексиканский ученый, профессор в военной школе и в педагогическом училище, партнер-основатель и бессменный секретарь Научного об-ва «Antonio Alzate» («Антонио Альзате»), Мехико.

3. См. [607]. Urbain Georges – Урбен Жорж (1872–1938) – французский химик, профессор (с 1908), директор (с 1928) Ин-та химии Парижского ун-та, член Парижской Академии наук (с 1921), иностранный член-корреспондент АН СССР (с 1925). Президент Французского химического об-ва (1926–1928). Крупный специалист по химии редкоземельных элементов, первооткрыватель одного из них – лютеция (1907). Angel del Campo – Анхель дель Кампо-и-Сердан (1881–1944) – испанский химик, пионер в области спектрального анализа в Испании, сотрудничавший с Урбеном. Учился в Мадридском ун-те; бакалавр (1901) и (1906) доктор физ.-хим. наук. С 1901 – преподаватель общей физики, с 1902 – общей химии, с 1907 – временный ассистент профессора. В 1908–1911 стажировался в Париже, в лаборатории неорганической химии в Сорбонне. По возвращении назначен постоянным ассистентом химического отдела, позже опять отправлен для изучения

спектрохимии в Париже и Льеже. В 1915 получил кафедру общего химического анализа. Член Международной комиссии по химической номенклатуре, Национальной комиссии по атомным весам, представитель Испанского об-ва физики и химии (SEFQ) в Федерации химических об-в. Член Королевской академии точных, физических и естественных наук (1927). Clair Scal – Клер Скаль – сотрудник Урбена в исследованиях редкоземельных элементов.

4. См. [583, 584]. Walter Noel Hartley – Уолтер Ноэл Хартли (1847 – 1913) – сэр (1911), английский химик, один из пионеров спектроскопии, первым установил взаимосвязь между длиной волны спектральных линий элементов и их положением в периодической таблице (1883); изучал взаимосвязь между структурой и спектрами широкого спектра органических соединений, выдвинул (1881) гипотезу о существовании озона в атмосфере. Изучал естественные науки в Эдинбургском и Марбургском ун-тах. С 1871 по 1879 читал лекции по химии в Лондонском Королевском колледже, затем (до 1911) профессор в Королевском колледже естественных наук в Дублине. Член Королевского об-ва Эдинбурга (1877) и Лондоновского королевского об-ва (1884). Почетный доктор Королевского ун-та Ирландии (1901).

5. В работе Вернадского [103] в разделе «Б. Металлоиды. Природная сера – селен – мышьяк» есть ссылка на [310]. Работы Г.В. Стеллера публиковались в изданиях Петербургской академии наук (например, Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae), в 1753 в Галле была издана его книга: Georg Wilhelm Stellers ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren: mit Erläuterungen und nöthigen Kupfern versehen. – Halle: Kümmel, 1753. – 218 S.

6. Речь идет об ответном письме Вернадского Замбонини. См. также причание №т 8 к записи от 28 января.

7. 18 февраля 1910 на заседании Московского об-ва испытателей природы «В.И. Вернадский и А.Е. Ферсман сделали сообщение “Об иксионалите с Урала”» (Бюллетень МОИП, 1911, т. XXIV, с. 5). См. [524].

8. Очевидно, имеются в виду выступления Коковцова и Кутлера в Госдуме 20 марта 1907 во время обсуждения государственной росписи доходов и расходов (бюджета государства) на 1907. Коковцов (министр финансов) в сопроводительной речи подчеркнул, что на составление бюджета оказали сильное влияние последствия войны, революции и неурожая, в связи с чем расходную часть пришлось урезать до минимума, и признал, что «многие расходы государства даже искусственно задержаны и бесспорно требуют дальнейшего расширения». Причину этого он видел в том, что этому бюджету еще предстоит нести значительные расходы по ликвидации последствий войны, а также займовых операций, совершенных в кризисный период. В ответ на речь министра выступил Кутлер, который попытался указать на недостатки бюджета и финансовой политики вообще, хотя, справедливости ради, его замечания в большинстве своем относились к частным проблемам, когда же он касался общих вопросов, его суждения приобретали полемический и непоследовательный характер. В частности, он, говоря о налоговом перенапряжении и гипертрофии косвенных налогов, одновременно признал, что коренной пересмотр существующей податной системы

невозможен, а указав на то, что Россия платит по своим долгам сумму, превышающую аналогичные платежи других стран, согласился с Министерством финансов, что наш государственный кредит не исчерпан и не подорван. Речь Коковцова см. (Государственная дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. 1907 год. Заседание тринадцатое. Вторник, 20 марта 1907 г. – СПб.: Государственная типография, 1907, т. 1, стб. 793-809), речь Кутлера (там же, стлб. 809–832). См. также [246, 294].

9. «Нет кого» – так в тексте; очевидно – «некого выбирать».

10. В 1910 при Обществе телесного воспитания «Богатырь» в С.-Петербурге был открыт Гимнастический ин-т с двухгодичным сроком обучения для подготовки преподавателей физического воспитания. См. о гимнастике: Красота и гимнастика // Нива, 1910, № 24, с. 438–439; Детская гимнастика // Нива, 1910, № 36, с. 630–631.

14.II.[1910]. Воскресенье

<*Москва*>

Корректура минералогии [1]. Для нее просматривал литературу. Делал выписки для опис[ательной] минер[алогии] и из прочитанного. Днем был у *Крымского*, гулял с ним – он у нас обедал. У Нинуле <Н.В. Вернадской> гости – ее молодая компания – *Соня Кожевникова*, *Варя Бекарюкова*, *Маруся Булгакова*. Там у них хохот и веселье. <Смотрел?> бумаги Госуд[арственного] совета. Письма *Чернышеву*, *Крыжановскому*, *Криштафовичу*. Просмотрел работу о диопсиде Ферсмана [2].

Читал Gmelin-Krauf химию (Tl <таллий>) [3], <Alessandro> *Paoli* Scuola d. *Galileo* n. filosofia [4]. Огромное громоздкое и малопродуманное произведение: выписки из прочитанного. Есть немногое любопытное. *Дорошенко* – белорус. Читал *Шевченко*: удивительно, что теперь пропускают в цензуре. Отчасти понятна психология, надеются только на физическую силу. А между тем, идея, непреклонно развиваясь, ведет свою пропаганду и делает историческое дело. Не даром пословица: Кого бы хотел погубить… Зап[иски Императорского Санкт-Петербургского] Минер[алогического] общества. <Часть> VII <, 1872>. Статью <Е.Ф.> Будде об истории русск[ого] лит[ературного яз[ыка] (Сл[авянская] Энц[иклопедия]) [5].

Крымский рассказывал об огромном успехе *Вербицкой* и ее рассказов [6]. Их смысл: лови момент счастья! Дебаты в женск[ом] клубе [7] и распространяются в тысячах экземпляров.

У *Ади* [8] опять несчастье: опасно больна жена [9].

Читая *Дорошенку*, вспомнились давние разговоры с *Драгомановым* еще в молодости в Париже [10]. Он считал возрождение белорусов возможным. Неужели теперь идет поворот и здесь?

Примечания

1. См. примечание № 1 к записи от 7 февраля.
2. См. [517].
3. См. примечание № 7 к записи 6 февраля.
4. См. [596]. Alessandro Paoli – Алессандро Паоли (1839–1917) – профессор истории философии в Пизанском ун-те (Тоскана, Италия). Учился в католической школе (Liceo Cicognini) в Прато, затем Высшей нормальной школе (Scuola normale superiore) в Пизе. Автор статей и книг по истории философии и о философах, учебных пособий по логике.
5. См. [54].
6. См., например, [65, 66.]
7. О женских клубах см. [561]. В Москве, например, действовало несколько клубов для интеллигентных женщин с целями «способствовать общению членов на почве совместного изучения вопроса о равноправии женщин».
8. Адя – Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, общественный деятель. Работы посвящены преимущественно истории XIX в. Окончил юридический ф-т Петербургского ун-та. Служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском. В 1892–1893 участвовал (совместно с В.И. Вернадским) в помощи голодающим крестьянам Тамбовской губ. Заведовал крестьянскими и переселенческими делами при иркутском генерал-губернаторе (1887–1900). Гласный Иркутской городской думы (1898–1901). В 1901 выслан в Саратов за участие в протесте 42 литераторов против избиения молодежи в Петербурге на площади перед Казанским собором (находился до сентября 1905). В 1905 жил в Париже, работал в редакции журнала «Освобождение». После возвращения в Россию участвовал в Союзе освобождения и в земских съездах (1905), в создании партии кадетов, член ее ЦК. После рождения дочери на несколько лет вышел из партии, но в 1915 вернулся в нее (до 1917); секретарь ЦК партии (1905–1908; 1915–1917). В 1907 издавал газету «Думский Листок». В 1909–1923 профессор Петербургского политехнического ин-та, читал курс истории России XIX в. Член Восточно-Сибирского отделения РГО, организатор Об-ва попечения о распространении народного образования в Иркутской губ., существенно расширил деятельность Об-ва пособия учащимся Вост. Сибири и Комиссии для устройства народных чтений; редактировал иркутскую газету «Восточное обозрение». Близкий друг В.И. Вернадского со студенческих времен.
9. Корнилова (урожд. Федорова) Екатерина Антиповна (1878?–1942) – вторая жена А. А. Корнилова (с 1908), младшая сестра Н.А. Корниловой (Федоровой), училась на высших женских курсах в Петербурге, после замужества – домохозяйка. Умерла в блокаду Ленинграда. Корнилова (урожд. Федорова) Наталья Антиповна (1866–1906) – первая жена А. А. Корнилова (с 1894), уроженка

Иркутска, училась на Московских высших женских курсах на стипендию от городской думы, некоторое время работала учительницей в своем городе, прекрасно музицировала, свободно переводила с французского, в начале 1890-х работала в отряде по борьбе с голодом в Самарской губ.

10. Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) – общественный и политический деятель, историк, философ, литературовед, публицист, фольклорист, один из основателей украинского социалистического движения. Окончил историко-филологический ф-т Киевского ун-та (1863), доцент (1865–1875), затем в эмиграции (из-за обвинения в украинофильстве и сепаратизме), жил в основном в Женеве, основал Вольную украинскую типографию, издавал первый украинский политический журнал «Громада» (1878–1882), выразитель либерально-конституционных тенденций, органом которых была газета «Вольное слово». Профессор кафедры общей истории Софийского ун-та (1889). В Болгарии провел последние годы своей жизни. Вернадский был с ним знаком, встречался в Париже (1889) – см. [575, с. 204, 206, 207]. В июне 1943 Вернадский вспоминал: «… в 1888 г. в Париже я близко сошелся с М.П. Драгомановым. Так как я знал его литературу, то мы очень быстро сблизились. До его неожиданной ранней смерти я следил за его заграничной литературой, получал его издания …» [141, с. 370].

15.II.[1]910

<Москва>

Утром две лекции в Унив[ерситете]. Днем корректура. Закончил с *Ферсм[аном]* статью его и мою о дискразите и авгите [1]. Готовился о Nb <ниобий> – Ta <тантал> в природе. После обеда с *Твалчр[елидзе]* – *Bi* <висмут> в сердовалите (!?).

Млодзиевский объяснял геом[етрические] модели – *Муромц[еву]*, мне, *Ферсм[ану]*, *Карандеева]*. Масса интересного. Любопытно впечатление правильности геометрической, сущей для нашей мысли, а не для окружающего мира.

Читал *Будде* по истории языка [2], Шевченку, Rivista di mineralogia [3], Contrib. to econ. geol., 1905 [4].

Писал *Голицыну*, *Л. Иванову*.

Завтракал *Б.Н. Черненков*, сын *Н.Н.*<Черненкова>. Студент, выбитый из колеи. Очень милый. Ищет работы. Мне в первое время *Г. Д.* <Государственной думы?> удалось через Столыпина его выцарапать. Три года был в ссылке – за границей. И это время работал у *Кочаровского* <Качаровского> (составлял ему таблицы). *И не научился иностр[анным] языкам!* Вернулся женатый, с больной женой и ребенком, продолжает жить <нрзб>.

Примечания

1. См. [157].
2. См. [54].
3. «Rivista di mineralogia e cristallografia italiana» («Итальянский журнал минералогии и кристаллографии»), издавался в Падове с 1887 по 1918, вышло 50 томов.
4. «Contributions to Economic Geology, 1905» – отчет Геологической службы США (USGS), изданный в 1906.

16.II.[1]910

<*Москва*>

Утром занимался с А[лександром] Е[вгеньевичем] <Ферсманом>: кончил для доклада работу о иксионолите. Разбирали старые мемуары; чертеж кристалла. После обеда заседание <Минералогического> кружка: сообщения *Соболева*, *Ферсмана*, *Вульфа*, *Аршинова*.

Нинуля <Н.В. Вернадская> заболела: до вчера такая веселая, по утру был доктор Бобков, по-видимому, ангина.

Говорил в телефон с П.И. [Новгородцевым] Он недавно из С[анкт-]П[етер]б[урга]. Говорят, <университетский> устав встречает много препятствий: *Коковцов, Тимашев* и разные старые с ним несогласны.

История с *Федоровым* [1] имеет характер вызванный?

Читал работы о Ta–Nb <тантал – ниобий>. *Шевченко*. Работы старого минералога кн[язя] Д.<А.> Голицына.

Корректура послана и исправлена [2].

Примечания

1. В 1910 Е.С. Федоров, несмотря на единогласное избрание на должность директора Петербургского горного ин-та, не был утвержден министром торговли и промышленности.
2. См. примечание № 1 к записи от 7 февраля.

17.II.[1]910

<*Москва*>

Целый день заседания! Утром занимался для Ta – Nb <тантал – ниобий> и метеорит Пултуск [1] для бумаги в факультет по поводу пожертвов[ания] в Унив[ерситет]. Днем факультет: мелкие придирки

Мин[истерства народного просвещения], раздражающие и бессмысленные. Вечером студенч[еское общ[ество] кн[язя] Трубецкого [2]: выборы. Очень славная молодежь – но как-то у них не налаживается общение. Вечером, еще позже, заседание *Об[щества] слав[янской] культ[уры]*, комитета у *Корша*. Чудов[ский] хотел отказываться – частию давление польс[ких] групп (?), частию инцидент при приеме франц[узов]. Адрес не был прочитан. Корш заболел – а найти заместителя быстро не удалось – выяснилось случайно. Визит франц[узов] Скалону [3] Ч[удовский] ставит как бы в связь. Речи мои, Новгор[одцева], Брандта, Котляр[евского], кн[язя] Гр. Труб[ецкого], Корша, Давыд[ова] в одном направл[ении]. Чудовский остался. Говорит о свидании с поляками. <С.Ф.>Шарапов распр[остранил] свое решение финляндского вопроса (в духе Финл[яндии]) [4]. Котл<яревский?> приехал из С[анкт-]П[етер]б[урга] и привез тревожные новости для Д[альнего] Востока [5].

Примечания

1. См. примечание № 1 к записи от 30 января примечание № 1 к записи от 31 января.

2. Студенческое историко-филологическое об-во при Московском ун-те было организовано благодаря С.Н. Трубецкому (он же – его председатель). Устав Общества утвержден 12 марта 1902. Основной своей целью ставило: 1) научное саморазвитие студенчества в сфере историко-филологических и соприкасающихся с ними наук и 2) единение студентов между собою и единение их с профессорами на почве научных интересов Публичное торжественное открытие Общества состоялось 6 октября 1902 в переполненной Большой физической аудитории Московского ун-та. Общество включало секции: философскую, всеобщей и русской истории, историко-литературную, общественных наук и (с начала 1904) истории религии. После смерти Трубецкого Общество стало называться «Студенческое научное общество памяти кн. С.Н. Трубецкого». С небольшим перерывом в своей деятельности оно дожило до начала двадцатых чисел ноября 1911. См. [11].

3. Очевидно, Скалон Георгий Антонович (1847–1914) – генерал-адъютант (1903), генерал от кавалерии (1906), с 15 августа 1905 Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа.

4. См. [546].

5. Возможно «новости» о том, что в феврале 1910 Китай воспретил вывоз хлебных продуктов в Приамурье, причем российской дипломатии с большим трудом удалось добиться от Китая отмены этого распоряжения.

18.II.[1]910

<Москва>

Утром готовился к докладу о Ta <тантале> – Nb <ниобии> – Sn <олове> (иксионолит). 2 часа лекций днем. Вечером заседание <Московского> О[бщества] и[спытателей] пр[ироды] и доклад об иксионолите. Пытался представить вопрос широко.

Читал *Шевченко*, Zeitsch[rift] f[ür] prakt[ische] Geol[ogie], Econ[omic] Geol[ogy].

Ниночке <Н.В. Вернадской> лучше.

Сегодня письмо от *Черн[ышева]* [1]. *Кочубей* предлагает купить минералогическую коллекцию за 300000 рублей! Как раз когда начались разговоры о коллекции *Крыжановских*.

Чернышев пишет, что ему пришлось взяться за директорство Г[орного] и[нститута], т[ак] к[ак] это было единственное средство спасти Институт! [2] Как против варваров приходится защищаться! Говорят, *Пуришкевич* написал *Федорову* ругат[ельное] письмо… [3].

Примечания

1. О письме Чернышева и о коллекции Кочубея см. выше, с. 101–104.

2. Ситуация в Горном ин-те в 1910 характеризовалась некоторыми проблемами, связанными с беспорядками. С 15 февраля до 27 мая 1910 его директором был Ф.Н. Чернышев, которому удалось стабилизировать положение. Он выступил с ходатайством о расширении преподавательских штатов и о совершенствовании хозяйственного положения ин-та. 17 мая 1910 Совет избрал директором профессора И.П. Долбню. 31 мая Чернышев в последний раз вел заседание Совета ин-та как директор, а 12 июня освобожден от этой должности.

3. Ругательных писем Пуришкевича было несколько. О ситуации в Горном ин-те того времени, о письмах Пуришкевича и его «травле» Федорова см. [363]. Как известно, Е.С. Федоров стал в 1905 первым выборным директором Горного ин-та. В 1908 он был обвинен В.М. Пуришкевичем, определившимся в это время в Горный ин-т «вольнослушателем», в том, что на казенные средства, отпускаемые для уплаты стипендий, и частные пожертвования студенты ин-та оказывают помощь политическим заключенным. В ответ Пуришкевич был привлечен студентами к судебной ответственности за клевету. Дело слушалось в С.-Петербургском окружном суде 27–29 ноября 1909. Пуришкевич был оправдан. 1 мая 1910 он, а вместе с ним еще 96 депутатов Государственной думы внесли запрос Председателю Совета министров П.А. Столыпину «по поводу положения дел в высшей школе», где руководство Горного ин-та обвинялось в попустительстве антиправительственной деятельности студентов. См. [50, 51, 196, 256, 421].

19.II.[1910]

<Москва>

Утром музейн[ая] работа с Ферсманом. Очень интер[есная] посылка <алмазов?> от Гамбургск[ого] общ[ества] Винтера. Есть удивительные экземпляры, выбранные из тысяч кристаллов. Не особенно здоровится – устал. Был на <Высших женских> курсах – застал В.В. <Карандеева?> и Е.Д. <Ревуцкую>. Был у Шерера-Набгольца для клише [1].

Ниночке <Н.В. Вернадской> лучше.

После обеда с А[лександром] А[нтоновичем Твалчрелидзе] – силикаты. Смотр[ели].

Письмо <К.В.> Харичкову.

Читал Econ[omic] Geol[ogy], R[evue] S[cientifique], R. gén. des Sci. [2], Contrib[utions] to econ[omic] geol[ogy], 1905, Гёте – баллады и Дюнтцера [3]. «Рус[ское[бог[атство]» (Рубинов о Негрит[янском] унив[ерситете] [4], о слав[янском] движ[ении] [5]), Zeitschr[if] f[ür] pr[aktische] Geol[ogie].

Примечания

1. Полиграфическая и фотографическая фирма «Шерер, Набгольц и К°» работала в Москве в 1870–1918, выпускала почтовые открытки, фотографии, видовые фотоальбомы, выполняла фототипии для книг и журналов.

2. Очевидно, «Revue générale des sciences pures et appliquées», издавался в Париже в 1890–1947.

3. Вернадский, вероятно, читал одно из немецких изданий баллад Гёте. Дюнтцер (Düntzer) Генрих (1813–1901) – немецкий филолог и историк литературы; читал лекции по классической филологии в Боннском ун-те. Особенно известен своими работами по классическому периоду немецкой литературы, автор популярно написанной и хорошо иллюстрированной биографии Гёте. См., например, *Düntzer*. Goethes Leben. – Leipzig, 1880. – XII+638 S.

4. См. [430, 431].

5. Очевидно, [60].

21.II.[1]910

<Москва>

Утром приехал Милюков читать вечером лекцию. Много рассказывал про С[анкт-]П[етер]б[ург]. Впечатления такие, что Стол[ыпин]

совершенно потерял всякое влияние при дворе и что наступает время, когда правые окончательно учтут плоды реакции.

Правые минист[ры] не будут хуже, хотя может быть очень тяжелый год. Настроение в Думе прежнее. Удачные речи по бюджету Караулова, Маклакова, Родичева и др[угих] несколько подняли настроение. В стране настроение явно меняется – это чувствуется кругом.

В финляндском вопросе за Финл[яндию] выступила Мария Феод[оровна] и ее влиянию приписывают стремление смягчить [1]. Дело задержалось в Совете Мин[истров] и м[ожет] б[ыть] не выйдет из него сейчас – как ждали.

В Петербурге были смущены приемом Фердинанда [2]. Говорят, после начала падений фондов Кок[овцов] имел разговор с царем. На этом (расск[азывал] Муромцев) и Стол[ыпин] потерял последний кредит (он указывал, что Россия не готова к войне). Мил[юков] думает, что Фердинанд обойдет в С[анкт-]П[етер]б[урге]. Возможна война Болгарии – Турции. Вероятно, будет локализирована.

Съезд писателей [3] мог быть очень черным – т[ак] к[ак] много развелось органов черносотенной прессы.

На лекцию Мил[юкова] билеты расхватаны. Будет повторение.

Завтракал Чудовск[ий]. Разговор с ним и Милюк[овым] о съезде в Софии и слав[янстве]. Возможны свидания с представителями польск[ого] общ[ества]. Желательна формулировка абсентизма [4] в Софии. Но болгар и не приглашали. Люцканов в Москве не заехал ни к Коршу, ни к Чудовск[ому].

Днем Ц. К. [5] Очень интер[есный] доклад Котляр[евского] о Дальнем Востоке. Он, однако, едва ли даст правильный вывод из правильной картины: боится определенно идти против сближения с Яп[онией], а хочет, чтобы указывалось, что это сближ[ение] не агрессивное. Ясно, что надо вести пропаганду идеи сближения с Китаем и САСШ [6]. По моему предл[ожению] поставлен вопрос о поездке летом на Д[альний] В[осток] видных членов фракции – Мил[юков] отговаривается отсутствием денег. Должна фракция выставить эти идеи. М[илюков] указывает на необходимость обратить внимание на <нрзб> на совещаниях промышл[енников].

По словам Котл[яревского], последнее совещание промышленников очень интересно было с точки зрения принятия ими всех принц[ипов] полит[ических] своб[од].

Мало мог читать. Корректура. Gmelin-Kraut`s Chemie (Cu <медь>) [7]. Nature [8]. Geolog. Centr. [9], N[eues] Jahrb[uch] f[ür] Min[neral] [10].

Ниночка <Н.В. Вернадская> все лежит и больна.

Примечания

1. Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмар) (1847–1928) – российская императрица, супруга (с 1866) императора Александра III, мать императора Николая II.

2. В феврале 1910 в Петербург прибыла болгарская делегация во главе с царем Фердинандом и премьер-министром А. Малиновым.

3. В С.-Петербурге в 1908 (22–25 июня) состоялся Первый Всероссийский съезд представителей русской печати, в 1910 (22–29 апреля) – Второй Всероссийский съезд писателей.

4. Абсентизм (франц. absentéisme – отсутствие, неявка, от лат. absens, род. падеж absentis – отсутствующий) – уклонение избирателей от участия в выборах и референдумах.

5. Заседание Московского отделения Центрального комитета конституционно-демократической партии. В [419] сведения об этом заседании отсутствуют.

6. САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты, название, нередко употреблявшееся в русском языке для обозначения Соединенных Штатов Америки (США) до середины XX в.

7. См. примечание № 7 к записи от 6 февраля.

8. «Nature» – британский журнал, в котором публикуются исследования в основном естественно-научной тематики. Один из самых старых и авторитетных общенаучных журналов мира. Первый номер журнала был издан 4 ноября 1869 английским физиком Джозефом Норманом Локьером, который оставался редактором журнала до 1919. Вернадский позже отметит: «когда в 1881 г. я поступил в университет – я выписал Nature, который с тех пор непрерывно читаю…» [575, с. 106].

9. Очевидно, «Centralblatt für Mineralogie, Geologie und Paläontologie» (Центральный журнал по минералогии, геологии и палеонтологии), который издавался в 1900–1924 в Штутгарте.

10. Может быть, «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie» («Новый ежегодник по минералогии, геологии и палеонтологии») или «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geognosie, Geologie und Petrefakten-Kunde» (Новый ежегодник по минералогии, геогнозии, геологии и петрефактологии), издававшиеся в Штутгарте.

22.II.[1910]

<Москва>

Утром корректура. Ряд выписок из ранее прочитанного. Был Б.Н. Черненков. Работал с А.А. <Твалчрелидзе> – новые группы

алюмосил[икатов]. Вечером комиссия в Гор[одской] Думе о Мытищ[инской] воде [1].

Наташа <Н.Е. Вернадская> на концерте у <М.К.> Морозовой [2]. Гуля <Георгий Вернадский> и Наташа Шах[овская] рассказывали о лекции Мил[юкова]. Первая половина неприятна по тону – вторая, по словам Гули, интересная.

Любопытно влияние «Черной сотни» [3] на положение династии: впервые приходится слышать в обществе об участии царя в убийствах. Говорят, что убийство Герц[енштейна] было сделано если не с согласия, то с ведома царя [4]. И теперь рассказывают, что уход Дубровина из председателей С[оюза] р[усского] н[арода] [5] был вынужденным, по личному письму царя, взвывавшего к патриотизму Дубр[овина]. Царь настаивал на согласование правит[ельства] с Союзом русск[ого] народа.

Никогда, кажется, так низко не опускалась <правящая> династия к подонкам населения – даже в вакханалии XVIII века.

Примечания

1. Об этой Комиссии см. выше на с. 160–164.

2. Очевидно, на концерте, который состоялся в литературно-музыкальном салоне М.К. Морозовой. Морозова (урожд. Мамонтова) Маргарита Кирилловна (1873–1958) – известная меценатка, одна из крупнейших представительниц религиозно-философского и культурного просвещения России начала XX в. Учредительница московского Религиозно-философского об-ва, хозяйка московского литературно-музыкального салона, владелица издательства «Путь». Директор Русского музыкального об-ва, жена московского фабриканта, мецената и коллекционера русской и европейской живописи, литератора, художественного критика М.А. Морозова (1871–1903).

3. «Черная сотня» (черносотенцы) – собирательное название представителей крайне правых организаций в России в 1905–1917. Выступали с позиций русского национализма под лозунгами самодержавия и православия. См. [473, 474, 538].

4. 8 июля 1906 в Териоках (ныне Зеленогорск под Петербургом) был убит двумя револьверными выстрелами М.Я. Герценштейн. См. [243, 420, 525]. Герценштейн Михаил (Меер) Яковлевич (1859–1906) – ученый-экономист, политический деятель. Автор статей по аграрным и финансовым вопросам. Окончил юридический ф-т Новороссийского ун-та в Одессе (1881). Служащий Московского земельного банка (1886–1901). С 1903 преподавал в Московском ун-те, с 1904 – в Московском сельскохозяйственном ин-те. С 1905 гласный Московской городской думы и Московского губернского земского собрания. Один из основателей Конституционно-демократической партии, участвовал в разработке ее

аграрной программы. Член 1-й Гос. думы (1906), один из главных ораторов фракции кадетов по аграрному вопросу, требовал передачи малоземельным и безземельным крестьянам удельных, кабинетских и монастырских земельных владений, а также отчужденной государством за выкуп части частновладельческой земли. Выступал за организацию в деревне системы мелкого кредита.

5. Союз русского народа – монархическая политическая организация крайне правого толка в Российской империи (1905–1917). Фундаментальными положениями его программы были: сохранение унитарного государственного устройства, упрочение господствующего положения православия, сохранение самодержавия (при этом власть императора рассматривалась как неограниченная). Учредительное собрание состоялось 8(21) ноября 1905 в С.-Петербурге, устав утвержден 7(20) августа 1906. Инициатор создания и председатель Главного совета – А.И. Дубровин (его пребывание в должности объявлено пожизненным). Союз называл русский народ (включая украинцев и белорусов) «державным» и «первенствующим», но признавал гражданское равенство всех народов Российской империи, кроме евреев, которых считал главным источником революционного движения. Призывал к созданию самостоятельного еврейского государства в Палестине, переселению в него евреев при государственной поддержке и признанию евреев в России иностранцами, но без каких-либо прав. Члены СРН совершили несколько политических убийств (в частности, кадетов М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса) и покушений на убийство политических противников (бывший председатель Совета министров С. Ю. Витте и др.). После революции 1905–1907 СРН пережил несколько расколов. После Февральской революции 1917 г. оба союза запрещены Временным правительством, многие их члены арестованы. См. [229, 469].

23.II.[1]910

<Москва>

Сегодня занимался с Ферсм[аном]. Кончили иксионолит. Мерили колумбит. Вечером с А.А. <Твалчрелидзе> и Е.Д. <Ревуцкой> – спектроскопия.

Читал Тр[уды] Геол[огического] муз[ея], Горн[ый] журн[ал], Шевченко, Бузескула [1].

Умер кн[язь] Н.С. Волконский [2]. Встречались нечасто – но много раз[говаривали]. Всегда вспоминается сутуловатая умная фигура с странным, ищущим выражением лица. В первый раз встретились лет 18 назад, после голода, около 1892 г. [3]. Через Любенковых [4] он вошел в частные земские совещания, бывшие у Петрункевичей, когда они жили в Москве. Я помню одно такое совещание, где принимали участие Якушкин, Постников <Посников> и др. Вопрос шел об общине в связи с проектом мелкой земской единицы, разработанного

Волконским в связи с продовольственным делом. Во время голода Волк[онский] в Рязан[ской] губ[ернии] был губернским председ[ателем] управы и вел все дело продовольствия. Отголоски его системы, помню, встретились мне и в обсуждениях этого вопроса в Тамбов[ской] губ[ернии]. 18 лет – и вопрос остался все в таком же положении. Как это давно – эти начатки земской организации, исходя из голода!

В земстве – Тамбовской губернии – Волконский не играл роли – он был гласным Козловским, и Марк [5] с ним постоянно встречался, шел вместе. Как у многих богатых земцев иногда вопросы обложения заставляли его быть настороже дольше, чем, может быть, следовало. Но для меня искренность таких людей, как Волконский, в этом отношении была несомненна – но также несомненно у них большое недоверие к людям. И оно особенно заставляло их вотировать против широких дел. Вспоминается не одна фигура очень образованных земцев-бар, кряжистых в налогах на себя, но вполне искренних в своем земском чувстве.

С Волконским неизменно встречались на наших разнообразных земских совещаниях. Всегда скептик, очень боящийся связать себя в какую-нибудь организацию – он бывал и принимал участие всегда, когда мог сохранить себе свободу действий.

Я помню, как мне открылась другая сторона его деятельности. Струве, живший в Твери, перед отъездом за границу, увлекся Волконским как ученым – его статьями в местных архивных рязанских изданиях – он считал эти статьи за самые крупные произведения в истории крепостного хозяйства…

«Странный» человек, чурающийся бюрократической деятельности и боящийся организованной борьбы за свободу, В[олконский] дожил до революции. К ней он относился критически – не испугался, но сразу не поверил в ее прочность. Я помню в 1905 году на съезде у М.К. Морозовой [6], В[олконский] горячо возражал нам, более левой части собрания (в связи с сношениями с Витте?) и тогда в один из критических моментов – он хлопнул себя по голове кулаками и закричал: или моя глупая башка ничего не понимает или вы требуете несуразного. Смотрите, чтобы не очутиться перед разбитым корытом. Или что-то вроде этого. Перед этим съездом я долго не видел В[олконского] – он как-то исчез с горизонта и сильно поддался физически.

Был со странностями, из семьи очень нервной. Приходилось встречаться с семьей через Люб[енковых], с его детьми, естественниками Моск[овского] унив[ерситета]. Кажется, и дети несколько странные.

В 1-ой Думе и 3-ей Думе он всегда оставался сам собой. Сошла со сцены оригинальная личность, не давшая далеко того, что могла и должна была бы дать.

Примечания

1. См. [55].

2. Волконский Николай Сергеевич (1848–1910) – князь, земский и политический деятель, публицист. Окончил историко-филологический ф-т Московского ун-та (1870). Гласный Раненбургского уездного и Рязанского губернского (в 1874–1879 и 1886–1910) земств, в 1891–1892 член губернской земской управы (руководил борьбой Рязанского земства с голодом), в 1897–1900 ее председатель. В 1904–1905 участвовал в земских съездах, примыкал к умеренному «меньшинству» (выступал за расширение прав земства и введение волостного земства), на ноябрьском съезде 1904 поддержал требование введения всероссийского представительного законодательного учреждения. В 1905 один из основателей «Союза 17 октября», примыкал к его левому крылу, с 1906 член Московского ЦК, с 1907 – Петербургского совета партии. Депутат 1-й (1906) и 3-й (1907–1910) Госдум, поддерживал столыпинскую аграрную реформу, нередко полемизировал с членами своей фракции и голосовал солидарно с кадетами. Член Госсовета по выборам (от рязанского земства, 1907) и Рязанской ученой архивной комиссии (1899–1905).

3. Экономический и эпидемический кризис, охвативший осенью 1891–летом 1892 основную часть Черноземья и Среднего Поволжья (17 губерний с населением 36 млн человек). В.И. Вернадский был одним из основных организаторов помощи голодающим крестьянам Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии. См. [304].

4. Вернадский, очевидно, имеет в виду Л.В. Любенкова и его сыновей – Л.Л. и В.Л. Любенковых. Любенков Лев Владимирович (1840–1909) — судебный деятель. Землевладелец Богородицкого уезда Тульской губ. и московский домовладелец. Мировой судья 4-го (сельцо Борисовка) (1868) и 5-го (сельцо Панарино) (1872) участков Богородицкого уезда, гласный Богородицкого уездного (1868–1888) и Тульского губернского (1868–1888) земских собраний. Мировой судья Пречистенского участка Москвы (1875–1899). Гласный Московского губернского земского собрания. Отец Л.Л. и В.Л. Любенковых. Любенков Лев Львович (1862–?) – юрист, благотворитель, один из лидеров земско-либерального движения в Тульской губ. Мировой судья Рогожского участка Москвы (с 1896). Любенков Владимир Львович (1863–1911) – врач, участник земского движения в Тульской губ. Окончил естественный (1885) и медицинский (1888) ф-ты Московского ун-та. Ординатор Тульской губернской больницы (1890), зав.

бактериологическим кабинетом при губернской больнице. Командирован земством в Париж в Ин-т Пастера (1891). Вернувшись в Россию, отправился на борьбу с голодом и тифом (1892). Богородицкий предводитель дворянства (1903). Во время русско-японской войны отправился на Дальний Восток с Тульским земским отрядом (1904). Член Тульской губернской земской управы (1905), зав. соматической, глазной, психиатрической больницами, фельдшерской школой, богадельней. Один из учредителей (1910) Тульского об-ва любителей естествознания (действовало до 1926).

5. Марк Маркович Любощинский (старший).

6. В доме М.К. Морозовой на Смоленском бульваре в мае 1905 состоялся Всероссийский съезд земских деятелей.

24.II.[1]910

<*Москва*>

Начал для корректуры по истории Zn и <Bi?> [1]. Читал Лагуса биографию Лаксмана [2], Amer. Journ. of Sci. [3], <текст поврежден>, Mines a. min. of Brit. Emp. [4].

Завтракал Самойлов – его работа по фосфоритам в связи с современным образованием [5]. Из маленькой работы Артемьева [6], подтвердившей старые неясные указания ученых XVIII века, выяснился целый район в Костромской губ[ернии]! И Я[ков] Влад[имирович] переходит к новым методам Гольдшм[идта] [7].

Днем заседание Советской ком[иссии] В[ысших] ж[енских] к[урсов].

В «Возрождении» – с[оциал-]д[емократическом] органе – статья по поводу унив[ерситетов]: совершенно старые ноты до 1906 <г.> [8]. Злобные, мелкие и ничему не научившиеся. Неужели новый, неизбежный подъем совершится на старых основах? Опять «товарищи» с их невежеством, грубостью и нетерпимостью?

Примечания

1. См. [103], § 256 посвящен цинку, §§ 257–263 – самородному висмуту.

2. См.: *В. Лагус* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – СПб., 1890. – 488 с.

3. «American Journal of Science» (буквально «Американский журнал науки») – старейший научный журнал Соединенных Штатов Америки, непрерывно издается с момента его создания в 1818.

4. См. [603]. Автор – Stokes, Ralph Shelton Griffin – Ральф Шелтон Гриффин Стоукс (1882–1979) – крупный деятель в области горного дела в Юж. Африке;

бригадный генерал. После Южноафриканской войны (3-ей англо-бурской войны), на которой служил солдатом, работал (с 1902) помощником пробирщика на шахте «Краун Риф». Затем редактор «Rand Daily Mail» по горным работам, участвовал в двухлетнем кругосветном путешествии, результаты которого и изложил в указанной книге («Шахты и полезные ископаемые Британской империи»). С 1907 – работал под землей на главном золотом руднике (Robinson) месторождения Rand (группа компаний Comer House). В 1910 назначен гл. геодезистом Crown Mines, а затем управляющим подземными работами. С 1912 – в США, инженер никелевой компании. Начало Первой мировой войны встретил на Аляске. В конце года – уже в окопах во Фландрии в качестве сапера, демобилизовался в 1919, успев послужить гл. инженером в штабе оккупационных войск (в звании полковника) в Архангельске. Затем управляющий шахтами в De Beers и в течение 8 лет проработал в Кимберли, с 1928 инженер-консультант в Corner House. С 1937 президент Южно-Африканского химического, металлургического и горнодобывающего об-ва, избран его пожизненным почетным членом в 1959 и проработал в нем 70 лет. Был также членом Британского ин-та горного дела и металлургии (с 1919), а в 1954–1955 президент Канадского ин-та. С началом Второй мировой войны служил капитаном в саперных войсках во Франции, затем – на Ближнем Востоке в качестве бригадира в Главном штабе вплоть до вторжения в Италию, когда был отозван в Военное министерство. В 1944 «Сентрал Майнинг» назначила его главой своего нефтяного холдинга «Тринидад Лизехолдс», был также техническим директором «Сентрал Майнинг».

5. См. [438].

6. См. [17].

7. Речь идет о методе немецкого кристаллографа и минералога Виктора Мордухая Гольдшмидта. В конце XIX в. был описан двукружный гониометр одновременно и независимо друг от друга Е.С. Федоровым, В. Гольдшмидтом и О. Чапским. В основу измерений на двукружных гониометрах был положен принцип определения полярных координат каждой грани – широты и долготы, аналогично географическим координатам; такое измерение дает возможность измерить все грани кристалла, не изменяя его установки. Двукружный гониометр получил широкое применение у кристаллографов и минералогов. В России (и затем в СССР) работы велись как по методу Федорова, так и по методу Гольдшмидта. Их главное отличие методов не столько в самом измерении кристаллов, как в обработке результатов этих измерений и в вычислении кристаллов. Школа Е.С. Федорова ведет все вычисления с помощью стереографической проекции, Гольдшмидт пользуется исключительно гномонической проекцией. Простота, ясность гномонической проекции, чрезвычайно простое определение индексов граней и зон кристалла, вытягивающихся в виде прямых линий, простота черчения кристаллов и наглядность при вычислениях – все это является большим преимуществом и заслугой метода, разработанного Гольдшмидтом. Гониометр Гольдшмидта позволяет измерять не только кристаллы с целью определения их граней, но и дает возможность изучать и следы роста или растворения кристаллов. Подробнее см. [44].

8. «Возрождении» – двухнедельный журнал меньшевиков-ликвидаторов (призывали отказаться от нелегальной деятельности и перенести центр тяжести партийной работы в профсоюзы, в разного рода легальные организации и в Госдуму). Издавался в Москве с декабря 1908 по июль 1910. В 1908 вышел 1 номер, в 1909 – 12, в 1910 – 11 номеров.

25.II.[1]910

<Москва>

Работал над корректурой. В связи с ней – история открытия метал[лов] Zn <цинка> и Bi <висмута> [1]. Очень мало разработана, Zn <цинк> на Востоке совсем не выяснен?

Читал Stokes: Mines a[nd] min[erals] of Brit[ish] Emp[ire] [2], Землевед[ение] [3], Извест[ия] Акад[емии наук], Крохин – История корел [4].

Вечером с Е.Д. <Ревуцкой> – первый раз намеки на Ga <галлий> (в пирротинах) [5]?

Концерт Бетховена – старый чешский квартет [6]. Переполн[енное] Дворянское собрание – масса знакомых. По словам д[окто]ра Бобкова – это мерка музыкальности в Москве. Многие с партитурой. Исполнение удивительное, а Бетховен всегда и неизменно производит сильное впечатление. Отчего не на всех? Вспоминается Гёте – который его *не* понимал *всегда*!

Утром на выносе Волк[онского]. Встретил там Струве. Пришлось идти этим же путем, как ходил к Герценшт[ейну], и с тех пор на этом переулке не был. Как много возбуждается бессознательных и неуловимых впечатлений. Жизнь прожита и начинается время воспоминаний? Струве убеждал написать о Волк[онском] в «Р[усскую] м[ысль]» – но совсем не тянет теперь отдаваться публично воспомин[аниям]. В «Р[усских] в[едомостях]» красивая заметка о нем Муромцева [7].

Обедала Наташа Ольденб[ург] [8] и Нат<алья?> Павл<овна?>. Из Твери на праздники. Двух девочек евреек не пустили – две их товарки гимназистки-христианки не поехали. Это такая пропаганда презрения к власти, воспитываемая в молодом покол[ении]. Но в антисем[итах] – Джунковский и Адрианов, очевидно, бояре Двора и Черная сотня, и готовы сделать все.

Примечания

1. См. примечание № 1 к записи 24 февраля.
2. См. примечание № 4 к записи 24 февраля.

3. «Землеведение» – периодическое издание Географического отделения Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Выходило с 1894 по 1917 под редакцией профессора Д.Н. Анучина в Москве, по 4 выпуска в год.

4. См. [314].

5. Пирротин – полиморфный минерал класса сульфидов, сульфид железа. Другие названия: магнитный колчедан, пиротит, магнитопирит.

6. В Российском национальном музее музыки хранится программа «Императорское русское музыкальное общество. Московское отделение. 25 февраля. 5-е квартетное собрание при участии Старого Чешского квартета. В программе: Бетховен. – Москва, 1910 г.».

7. См. [358].

8. Может быть, Ольденбург Наталья Федоровна (1894–1942) – библиотекарь, педагог, специалист по внешкольному образованию, дочь Ф.Ф. Ольденбурга.

26.II.[1910]

<*Москва*>

Утром занимался с Ферсм[аном] – новые поступления в коллекцию.

Был у Новгор[одцева] – Струве, Котляревский, Кокошкин. С Фед[ором] Фед[оровичем] <Кокошкиным> о позитивизме [1]. Ф.Ф. считает его необходимым в науках общ[ественных]. Для меня это опасный по своему сдерживающему влиянию пережиток прошлого в области научной. Он ставит преграды там, где их не нужно, подавляет искание мысли непознаваемым или упрощением – как бы разрешением – окружающего.

Струве по поводу Выб[оргского] воззв[ания] [2] и «Вех» [3]. Выб[оргское] воззв[ание] приводит Стр[уве] в велич[айшее] огорчение – он не считает даже возможным сейчас высказать мысль до конца (в мемуарах это будет видно). А между тем, он не сразу разобрался в Выб[оргском] воззв[ании] в день Выб[оргского] воззв[ания]. Лишь в Выборге он начал горячо спорить – а в пред[ыдущем] зас[едании] ЦК в С[анкт-]П[етер]б[урге у Ив[ана] Ил[ьича] <Петрункевича> – не возражал. Кокошкин горячо защищает Выб[орское] воззв[ание]. Котляр[евский] считает его ошибкой. Но ошибка в тот момент колебаний и преувеличений *народной* силы неизбежная. На ней построено было *все* – и аграрная реформа и уступки правительства. Смешно думать, что при исчезновении этой игры мог кто-нибудь другой – иной

политикой, чем Выб[оргское] воззвание – вырвать власть у ее имевших. Свеаборгское воззвание [4] могло иметь значение иное, чем было.

Корректура. Записи по минер[алогии] России. Читал Nouveaux Mem. Soc. Nat. (статья Павлова) [5], Gmelin-Krauf`s Химия (Si) [6], N. Jahrb. f. Min. [7], R[evue de] Phil[osophie] (люб[опытная] статья <д'Ольмейди?> о гол[ландской] филос[офии]) [8], Крохин – ист[ория] корел [9], Титоров – Болг[ары] в Бессар[абии] [10], баллады Гёте.

Обедал Семенов – разговор в связи с его устройствами, о течениях в воздухоплавании, текущей политике [11].

Сильное впечатл[ение] последн[них] думских прений. Котл[яревский] рассказывает, что Гучков совсем потерял почву: его ненависть к кад[етам] мешает теперь ему взять тех левых октябристов и искать общих точек опоры с оппоз[ицией].

Примечания

1. Позитивизм (франц. positivisme, от лат. positivus – положительный) – философское направление XIX–XX вв., подчеркивающее надежность и ценность опирающегося на опыт научного познания по сравнению с метафизикой и иными формами духовной деятельности. Оказал значительное влияние на русскую философию, научную мысль и особенно на социологию.

2. Выборгское воззвание («Народу от народных представителей») – принятое в литературе название обращения группы бывших депутатов 1-й Госдумы (кадетов, трудовиков и социал-демократов), подписанное в Выборге 9 июля 1906 в ответ на роспуск Думы. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) – не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д. Против подписавших было возбуждено уголовное преследование, 167 из них приговорены в 1907 к трем месяцам тюрьмы, что означало лишение их избирательных прав при последующих выборах в Думу и на общественные должности. См. [165, 182].

3. «Вехи» – см. примечание № 17 к записи от 4 февраля.

4. Судя по всему, Вернадский имеет в виду Свеаборгское восстание – вооруженное выступление матросов и солдат гарнизона русской морской крепости Свеаборг близ столицы Великого княжества Финляндского Гельсингфорса, произошедшее 18 (31) июля – 20 июля (2 августа) 1906. См. [466].

5. См. [597].

6. См. примечание № 7 к записи от 6 февраля.

7. См. примечание № 7 к записи от 23 января.

8. В журнале «Revue Philosophique de la France et de l'Etranger» есть статья: *E. D'Oliveira* La philosophie néerlandaise // Revue Philosophique de la France et de l'Etranger, 1909, t. 68 (juillet a décembre 1909), p. 375–391.

9. См. [314].

10. См. [488]. См. по этой теме [346].

11. Семенов Юлий Федорович (1873–1947) – физик, политический деятель, популяризатор науки, журналист, мемуарист. Учился на физ.-мат. ф-те Московского ун-та, продолжил образование в Сорбонне, доктор физики (1904). После возвращения в Россию работал учителем в гимназии в Тифлисе (Тбилиси), писал статьи в газеты «Кавказ» и «Тифлисский листок», с 1910 возглавлял и редактировал газету «Кавказское слово», сотрудничал в научно-популярных журналах «Воздухоплавание, наука и спорт», «Автомобиль и воздухоплавание» (см., например. [449]). В 1914 ушел добровольцем на войну, служил радистом в воздушной эскадрилье, участвовал в боях под Трапезундом. В 1917 избран от русского населения в Закавказский сейм. В 1917–1918 председатель областного комитета конституционно-демократической партии в Тифлисе, в 1919 товарищ председателя Тифлисского русского национального совета, выдвигался от Закавказья по списку кадетской партии в депутаты Учредительного собрания. В апреле 1919 командирован правительством А.И. Деникина в Париж, остался в эмиграции. В 1920 член комиссии Парижского комитета партии кадетов, созданного для сношений с другими политическими группами, один из создателей Русской академической группы. Секретарь Парижского комитета партии кадетов, в 1921 вышел из его состава. С 1924 генеральный секретарь Русского национального комитета, в 1926 – президент Российского конгресса за рубежом. С 1937 вице-председатель парижского Национального объединения русских писателей и журналистов. С 1927 по 1940 редактор газеты «Возрождение», в которой после 2-й Мировой войны опубликовал свои мемуары. Его женой была дочь друзей В.И. Вернадского Александры Васильевны Гольштейн (1850–1937) и Владимира Августовича Гольштейна (1849–1917) – Наталья Владимировна Гольштейн (1880–1953). В записной книжке Вернадского за 1907 г. есть запись «Ю.Ф. Семенов. Тифлис, Измайловская 7» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 271. Л. 24).

27.II.[1910]

<Москва>

День визитов! Завтракали у Любощ[инских] – блины, дети играли на скрипке и фортепьяно. Делали с Нат[ашей] <Н.Е. Вернадская> визит М.К. Морозовой и кн[ягине] П.В. Трубецкой – не застали. Были у Гули <Г.В. Вернадского>. Вечером у Котляревских [1] – causerie [2] Новгородцевы [3], Кизеветтеры [4], Д.Н. Егоров.

Немного корректуры. Читал Revue <de> philos[ophie] [5], Centr. f. Miner. [6], Jahrbuch f. Radioakt. [7], <Yearbook of learn[ed] soc[iety] of America?>, <нрзб> – успехи физики, Изв[ести]я Ак[адемии] н[аук].

Делал выписки.

Кончил работу Аша – о силикатах [8] – нельзя печатать, не приведя к соврем[енному] положению. Прочел также рукопись Самойлова о баритах [9].

Обедала молодежь – Гуля с женой [10], Сережа <Ольденбург?>, Карпович [11], приятель Гули.

В философск[ом] движении – очередь за прагматизмом. Опять о «Вехах».

Примечания

1. Котляревские Сергей Александрович и Екатерина Николаевна.
2. «Causerie» (фр.) – легкая непринужденная беседа.
3. Новгородцевы Павел Иванович и Лидия Антоновна.
4. Кизеветтеры Александр Александрович и Екатерина Яковлевна.
5. См. примечание № 8 к записи от 26 февраля.
6. См. примечание № 1 к записи от 1 февраля.
7. Очевидно, журнал «Jahrbuch für Radioaktivität und Elektronik», издавался в Лейпциге.
8. См. Приложение 9.
9. См. [438].
10. Вернадские Георгий Владимирович и Нина Владимировна. Вернадская (урожденная Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971) – жена (с 1908) Г.В. Вернадского, его двоюродная сестра. Окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве, занималась музыкой и пением, выступала на любительской сцене, автор небольших автобиографических рассказов и рецензий.
11. Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, один из основателей русистики в США, деятель русской эмиграции. В 1905 примкнул к партии эсеров, в 1905–1906 дважды подвергался кратковременным арестам, затем отошел от революционной деятельности. В 1907–1908 слушал лекции в Сорбонне. Окончил историко-филологический ф-т Московского ун-та (1914). В 1-ю мировую войну мобилизован (1916), причислен к штату военного министра, секретарь Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С июля 1917 личный секретарь российского посла в США, участник Русского политического совещания, образованного для возможного представительства России на Парижской мирной конференции (1919–1920). После закрытия российского посольства в Вашингтоне жил в Нью- Йорке (1922–1926), в 1943 получил американское гражданство. С 1927 преподавал в Гарвардском ун-те (в 1949–1956 зав. кафедрой славянских языков и литературы), читал курсы по европейской и русской истории. Соредактор (1941–1946), редактор (1947–1948) и постоянный сотрудник журнала «The Russian Review». Редактор «Нового журнала» (1945–1959), где регулярно публиковал статьи просветительного и историко-философского характера о русской истории и культуре, международной

политике, советско-американских отношениях. Участвовал в организации Русского студенческого фонда (1923). Ближайший помощник Б.А. Бахметева в работе Гуманитарного фонда (его директор-распорядитель в 1951–1959). Член Совета научных об-в (1943–1947), занимавшегося реализацией проекта перевода русских книг на английский язык. Председатель Фонда помощи российским писателям и ученым в изгнании (2-я пол. 1940-х – нач. 1950-х). Член Комитета по развитию славянских культурных исследований (1949–1959) и Американского комитета за культурную свободу (1950–1953).

2.III.[1]910

<*Москва*>

Болезнь Ниночки не позволит выехать <в С.-Петербург>. У Нины острый нефрит, у Наташи <нрзб> [1].

Утром у Феррейна [2]. Потом писал Чернышеву, послал ему <текст поврежден> в Академию о приглашении экспертов для коллекции Крыжановского [3]; Баклунду в связи с корректурой статьи Мамонтова [4]; отправил нашу статью с Ферсманом об иксионалите [5].

Мануйлов уехал в С[анкт-]П[етер]б[ург] на свидание с Столып[иным] об унив[ерситетских] делах. Устроено частным образом (через сестру Ст[олыпина] [6]). Совещание – как быть. Большое недоверие и к Стол[ыпину]. Министерство <народного просвещения> придирается невероятным образом в хозяйств[енных] мелочах: попечитель [7] посылает в С[анкт-]П[етер]б[ург] на утверждение наем Университетом артельщика в кассиры!

Вечером немного занимался с Е.Д. <Ревуцкой> – старым приборам отд[еляли?] <группы?>.

Читал Jahr[buch] f[ür] Radioak[tivität und Elektronik], Nature.

Из-за скарлатины Нинули <Н.В. Вернадской> настоящей или предполагаемой приходится оберегаться – почти как в карантине.

Примечания

1. Н.В. и Н.Е. Вернадские.

2. Судя по всему, речь у Вернадского идет об одной из аптек, принадлежавших В.К. Феррейну (Аптекарский магазин Т^{ва} В.К. Феррейн, Магазин аптекарских товаров Т^{ва} В.К. Феррейна).

3. См. примечание № 6 к записи от 27 января.

4. См. [341].

5. См. [158].

6. Офросимова (урожд. Столыпина) Мария Аркадьевна (1861–1923) – потомственная дворянка. Сестра председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина. Занималась благотворительной и попечительской деятельностью, член совета Орловского благотворительного об-ва, состоявшего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, почетная попечительница Дмитровской женской гимназии и член ее попечительского совета, директриса дамского отделения Орловского губернского попечительного о тюрьмах комитета, член Орловской ученой архивной комиссии. После революции жила в Батуми. Ее муж – Владимир Александрович Офросимов (1848? –1931?) – потомственный дворянин Орловской губ., действительный статский советник, член Орловской ученой архивной комиссии. Окончил Александровский лицей. Служил в Кавалергардском, затем в Гусарском полку и армейском корпусе, в 1882 зачислен в запас армейской кавалерии в чине штаб-ротмистра, затем земский деятель Дмитровского уезда Орловской губ., в с. Чувардине Дмитровского уезда Орловской губ. имел конный завод. В 1930 репрессирован, выслан в Архангельск, где умер от туберкулеза.

7. Попечитель Московского учебного округа в 1910 Жданов Александр Маркелович.

18.III.1910

<Санкт-Петербург>

Читал <Ehrinfeld? – gesch. d atom. in Ch.?> – бесталанная серая книга.

В Академии видел Л.С. Берга. Он рассказывал свой разговор с Шварцем. Не получая ответа в течение 4 месяцев, он пошел к Шв[арцу], как это не было неприятно. Ш[варц] сказал ему, что «т[ак] к[ак] его назначение вызвало полемику в прессе», то он его не назначит профессором. Всюду Шварц лжет: Анучину по поводу тех же самых нападок Меньшикова в «Н[овом] вр[емени]» он сказал, что полемич[еская] статья и т. д. и могут оказать никакого влияния на его решение. Радлову и Бергу он говорил, что уже назначил кого-то на место Берга – а между тем никто еще не назначен [1].

<Н.С.> Таганцев указывает, что Милюков в своей речи в Думе не совсем правильно цитировал его комиссию – она была учреждена при Финл[яндском] сенате – должна была дать ответ в Финляндском сенате[2].

В Госуд[арственном] Сов[ете] скучнейшая речь Красовского – полная банальностей [3]. Говорят, для 1-ой статьи может все решить 2–3 голоса: б[ольшая] ч[асть] правых против, но пожалуй Столыпин

сделает небольшую уступку (выбросит те общества, где хоть раз был <нрзб>).

Примечания

1. Может быть, речь идет о несостоявшемся назначении Л.С. Берга профессором в Казанский ун-т.

2. В 1890 Н.С. Таганцев был назначен председателем комиссии по составлению предварительных предположений о пересмотре проекта финляндского уголовного законодательства – см. [321]. Речь П.Н. Милюкова о Финляндии 17 марта 1910 в Думе была посвящена обсуждению правительственного законопроекта, внесенного в тот же месяц П.А. Столыпиным (проект ограничивал права финляндского сейма рамками «булыгинской конституции»). Милюков выступил с идеей «параллельного законодательства». Суть идеи: законы в отношении Финляндии, но имеющие также общеимперское значение, должны приниматься не только российским «парламентом», но и финляндским сеймом, без санкции которого законопроект не мог стать законом. См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть III. Заседания 65 – 94 (с 8 марта по 9 апреля 1910 г.). – СПб.: Государственная типография, 1910, стлб. 935–948.

3. Речь М.В. Красовского в Государственном совете 15 марта 1910 была посвящена правам крестьян выходить из общины. См. [203, стлб. 1130–1136ъ.

19.III.[1910]

<Санкт-Петербург>

Милюкова речь о Финляндии очень нравится многим. Но в общем и история с Финляндией вызывает мало впечатлений. Как будто, даже скандалы на дворянском съезде и пьяный разгул происходящих там речей вызывают в обществе большие впечатления [1].

Вчера <Ф.Н.> Черныш[ев] рассказывал о том, что он подавал было в отставку. В Горн[ом] инст[итуте] была назначена сходка по вопросу об организ[ации] [2]. К Ч[ернышеву] обратились по телефону с запросом Лагорио [3] и Тимаш[ев] [4], что не может ли она перейти в сходку по вопросу о Пуриш[кевиче] и Думе. Чернышев ответил, что у него основания <нет?> об этом думать. За час в Инст[итут] явился пристав по предписанию градоначальника с тем же запросом. Чернышев предлагал или дать ему переговорить со студен[тами] и убедиться, что ничего нет, и в таком случае полиция на <сходку?> не явится: <от полиции?> явится тогда Ч[ернышев], или запретить сходку. Он говорит, что уверен в своем <авторитете?> и может отложить сходку на неделю. В

конце концов он сговорился с прист[авом], вызвал студентов <текст поврежден> ему заявить, что они ничего не знают о таком намерении, что приход пристава может вызвать со стороны кого-нибудь попытку сделать это, но они так или иначе снимут этот вопрос с очереди. Черн[ышев] взял на себя ответств[енность] и по телефону напомнил приставу о сговоре. Однако только что сходка кончалась (и не вышла за пределы дозволенного), как перед Инст[итутом] стало дефилировать конное и пешее воинство. Институт был окружен полицией! Тогда Ч[ернышев] послал отставку. После перегов[оров] с Тим[ашевым], который заявлял ему, что он должен помочь и студентам и им и т. д. и что он просит Ч[ернышева] сноситься с ним непосредственно по личному телефону и т. д. Ч[ернышев] взял назад. Он, однако, указывал ему, что происходит провокация; что исключение студ[ентов] Электротехнич[еского] института за порицание Думы наряду с тем, что дозвол[яется] дворянскому съезду и чернос[отенной] прессе, совсем создает невозм[ожное] положение и т. д.

В Академ[ию] <избран> Вальден [5]. Новые штаты прошли уже в Междув[едомственной] ком[иссии] и идут в Совет Мин[истров].

По моему делу Добров[ольский] говорил Голицыну, что в заседании Сената статья закона не возбужд[ает] сомнения, что Акад[емия] н[аук] права. Они постановили обратиться к Шварцу с запросом [6].

Мануйлов произнес сегодня прекрасную речь [7]. Его поздравляли Дурново и Стишинский! Поляки обиделись на место речи Ман[уйлова] о крестьянах. Шебеко действительно описал в своей речи русского мужика скотиной [8].

Разговор с Крыжан[овским].

В музее идет работа и я думаю, что дело пойдет на лад.

Сегодня говорил с Лагорио об Алексееве [9]. Он помнит фамилию (как все <нрзб>!). Надо написать записку.

Примечания

1. Вернадский, судя по всему, имеет в виду VI съезд уполномоченных дворянских обществ 33 губерний, проходивший с 14 по 20 марта 1910 в С.-Петербурге. См. [377, 497].

2. В Особом журнале совета министров 16 марта 1910 – по представлению Министерства торговли и промышленности от 10 марта 1910 за № 1049, о мерах принятых к устранению беспорядков в Горном ин-те – определено, что «ввиду обнаружившихся в Горном институте Императрицы Екатерины II беспорядков, положением Совета Министров, 9 Февраля 1910 года состоявшимся, Министру

Торговли и Промышленности предоставлено было предложить совету названного учебного заведения в кратчайший срок восстановить в институте правильное течение дел. Вследствие сего <…> совет института донес, что признанные Министерством Торговли и Промышленности незакономерными правила об особом отделении совета по студенческим делам и устав студенческой фондовой комиссии отменены, а само отделение и комиссия закрыты. Вместе с тем приведена в порядок и отчетность по расходованию денежных средств института е представлением необходимых оправдательных документов в Государственный Контроль. Наконец, по удостоверению совета, вопрос о размере отчислений из специальных средств на пособия студентам разрешен был учебным начальством 9 Февраля текущего года в удовлетворяющем студентов смысле вне всякой зависимости от изложенных в непозволительной форме резолюций студенческих сходок 30 Января и 6 Февраля того же года. Наряду с приведенными мероприятиями, озабочиваясь предоставлением студентам на будущее время законного способа удовлетворения их материальных нужд, совет института признал возможным утвердить выработанный студентами проект устава «общества взаимопомощи студентов Горного института ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II», составленный на основаниях действующего устава общества взаимопомощи студентов С.-Петербургского Технологического института». См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1910 год. – М.: РОССПЭН, 2001, с. 144–146.

3. Лагорио Александр Евгеньевич (1852–1944) – петрограф, кристаллограф и минералог. Магистр (1878) и доктор (1880) минералогии и геогнозии; член-корреспондент С.-Петербургской АН (с 1896). Окончил кишиневскую гимназию (1870), физ.-мат. ф-т Дерптского ун-та (1875). Оставлен при кафедре минералогии в качестве ассистента кабинета минералогии (1876–1880). За работу «Микроскопический анализ пород Прибалтики» удостоен золотой медали Дерптского ун-та. Ординарный профессор по кафедре минералогии Варшавского ун-та (1880–1898); несколько раз избирался деканом физ.-мат. ф-та. Создал здесь минералогическую лабораторию и музей. Директор-основатель Варшавского политехнического ин-та (1897–1904). Затем переехал в Петербург. Управляющий Учебным отделом, член Совета по учебным делам и председатель Ученого комитета Мин-ва торговли и промышленности (до 11 апреля 1917). После 1917 в эмиграции в Финляндии, с октября 1920 – в Германии, в Берлине.

4. Тимашев Сергей Иванович (1858–1920) – государственный деятель, действительный тайный советник. (1917). Крупный петербургский домовладелец. Окончил Александровский лицей (1878), учился в Берлинском, Венском и Гейдельбергском ун-тах (1882–1884). С 1878 на гос. службе, с 1884 в Мин-ве финансов; управляющий (1903–1909) Гос. банком Российской империи. Министр торговли и промышленности (1909–1915). Член Госсовета по назначению (1911–1917, входил в группу центра, статс-секретарь Его Императорского величества (1915). Председатель Артиллерийской комиссии Особого совещания по обороне (с 1915). В 1915–1917 был близок к «Прогрессивному блоку», один из кандидатов либеральной оппозиции на пост гос. контролера. В сентябре 1919 взят ЧК в

заложники, скончался от сыпного тифа. Автор воспоминаний, посвященных экономической и денежно-кредитной политике 1903–1906 и 1909–1915.

5. Вальден ((латыш. Pauls Valdens, нем. Paul von Walden) Павел Иванович (1863–1957) – русский, латвийский и немецкий химик, историк науки. Труды по электрохимии растворов, оптической изомерии (открыл так называемое вальденовское обращение), истории химии, профессор Рижского Политехнического ин-та (1894–1918), ординарный академик С.-Петербургской АН (с 1910), иностранный почетный член АН СССР (1927).

6. Речь идет о финансировании работа по изучению радиоактивных минералов в России.

7. В своем выступлении на Госсовете 15 марта 1910 Мануйлов высказывался по докладу особой Комиссии по внесенному из Госдумы законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения. См. [203, стлб. 1149–1155].

8. Речь Шебеко на Госсовете 18 марта 1910 была посвящена тому же вопросу. См. [203, стлб. 1305–1324].

9. Алексеев Дмитрий Викторович (1875–1934) – физикохимик, занимался изучением прочности различных металлов под влиянием водорода. Приват-доцент Московского (1910–1916) и Петербургского (1916–1917) ун-тов. Ординарный профессор кафедры физической химии и электрохимии Пермского ун-та, зав. кафедрой (1917–1919). Профессор химии в Томском и Омском ун-тах (1919–1921). Профессор, зав. кафедрой неорганической и физической химии Пермского ун-та (1921–1927), профессор Ташкентского ун-та (1927–1930), с 1928 – зав. кафедрой неорганической и физической химии; профессор, зав. кафедрой физической химии в Военно-артиллерийской академии в Ленинграде (1930–1934), одновременно сотрудник Гос. ин-та высоких давлений. Трагически погиб во время проведения испытаний в лаборатории.

22.III.[1910]

<*Санкт-Петербург*>

Опять в Петербурге и пишу во время заседания Г[осударственного] с[овета] – скучнейшей и бесталанной речи Красовского [1]. Удивительное убожество знаний, опыта, ума кругом…

Ниночке [2] лучше. Прошла тяжелая пора первых волнений, но еще ди сих пор опасный период не кончился. Был Аргутин[ский]-Д[олгоруков] – приехал с женой – целая семейная драма – Наташа явилась суперарбитром. Ей удалось их примерить. Но Арг[утинский-Долгоруков] – любопытный тип: ему за 60 лет и у него целый ряд историй сердца. Я помню лет 12 назад, когда он женился – мне казалось старик женился на молодой! Теперь она постарела – а он вновь перед новым увлечением. Странный человек при широком образовании, больших

знаниях и необычайно элементарной логике. Он начинает восхищаться всем, что общепонятно в своем значении. Теперь Илиадой [3]! А между тем, его образование и начитанность исключительны. Он весь проникнут немецкой литературой и наукой: здесь он отчасти чужд.

Витте в Г[осударственном] с[овете] выдвигает значение Гурко. Говорят, В[итте] действует для восстановления своего значения через импер[атрицу] М[арию] Ф[едоровну].

Сергей <Федорович Ольденбург> вернулся из поездки по Китаю [4]. Он говорит, что картина вандализма немецких ученых в области древней буддистской культуры ужасающа. Не имея возможности взять все и не обладая для этого нужной техникой – немцы эксп[едиции] Грюнведеля уничтожили по крайней мере столько же, сколько вывезли. Гр[юнведель] не понял значения некоторых надписей и уничтожил драгоценные памятники [5].

Примечания

1. Речь Красовского в Госсовете 22 марта 1910. См. [203, стлб. 1454–1457).
2. Н.В. Вернадская.
3. Имеется в виду «Илиада» – древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру. Наиболее вероятное время создания – рубеж IX–VIII в. до н. э.
4. С.Ф. Ольденбург был избран Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии начальником Русской Туркестанской экспедиции, которая работала в Восточном Туркестане (или, как его называет Ольденбург, в Китайском Туркестане). См. [56, 231, 433]. Запись от 3 июня 1910 г. в дневнике великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук: «Утром в Мраморном <дворце> принял непремен[ного] секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга, вернувшегося после годового пребывания в Китайском Туркестане. Говорили о его путешествии и, о предполагаемой в декабре 1911 года, выставке в память Ломоносова и века Елизаветы» [226, с. 299].
5. Немецкий тибетолог и археолог А. Грюнведель был руководителем немецких экспедиций в Турфан (Синьцзян) в 1902–1903 и в 1905–1907.

10.IV.[1]910

<Санкт-Петербург>

Опять в Петербурге, в Госуд[арственном] сов[ете]. Вызван Гриммом и др. для баллотировки в Финляндск[ую] ком[иссию] [1]. Всякий раз приезд обращает внимание, и сегодня подошел Ершов и спрашивал, для чего вызван.

Долго не писал. Ниночка <Н.В. Вернадская> больна была и жизнь наша очень отрезана. Сейчас ей лучше.

Пишу в перерыве в Г[осударственном] с[овете]. Началось заседание в 2¼ и 3½ перерыв для завтрака: Г[осударственный] с[овет] не очень рьяно работает. Бросаются пить чай и кофе как стадо.

В Финл[яндскую] ком[иссию] подали за наши списки голоса часть поляков; затем Стахович введен в список центра. Очень может получить 3 человека из 20!

В Акад[емии] Сергей <Федорович Ольденбург> рассказывал инцидент с Соболевским. Он напечатал в галицких известиях указания, что не было решения Акад[емии] н[аук] о малорусск[ом] языке, что решила лишь комиссия и что ложь и клевета, что это принято Академией. Был поднят вопрос Шахм[атовым], Коршем, С. Ольденб[ургом] и т. д. В конце концов Соб[олевский] извинился перед Акад[емией] за свои выражения. Решено отпечатать записку в 300 экз[емпляров] целиком – т[ак] к[ак] она издана С[анкт-]П[етер]б[ургской] Академией неполно.

Ф.Ф. Кокошк[ин] рассказывал о Финл[яндских] делах – о предполагаемом тайном дружеском представлении Дании, Англии, Франции – о роли имп[ератрицы] Марии Феод[оровны]. Здесь ничего как будто об этом не знают.

В Музее рассм[атривал] определения Ненадк[евича] и Крыжан[овского]. Любопытны ясные указания Н[енадкевича] на продукты из <нрзб> тетрадимита и селеновок[ислый] свинец (из тилькеродита). Не обращались внимания на эти маловажные корки.

С Ненадк[евичем] о поездке в Андижан [2]. С Серг[еем] <Ольденбургом> и Модзал[евским] о Ломоносове [3].

Примечания

1. 10 апреля 1910 в Государственном совете Российской империи состоялось избрание членов особой Комиссии для обсуждения законопроекта «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». См. [203, 1910, стлб. 2193–2194, 2210].

2. Очевидно, речь идет о поездке Ненадкевича в 1910 на месторождение (уран-ванадиевых руд) Тюя-Муюн. В 1911 на Тюя-Муюне побывали В.И. Вернадский, Я.В. Самойлов и К.А. Ненадкевич.

3. Очевидно, Вернадский обсуждал с ними предстоящий 200-летний юбилей М.В. Ломоносова. См. об этом выше на с. 121–124.

12.IV.[1]910

<Москва>

Ниночке <Н.В. Вернадской> лучше. Утром делал анализ белка. Потом с Каранд[еевым] и Ферсманом занимался коллекцией. <Высшие> женск[ие] курсы. Вечером с Твалчрелидзе [–] спектроскоп (кимберлит). Был инженер – подписал план новой постройки Минералогического кабинета. Вечером Гуля <Г.В. Вернадский> – его планы перед концом экзаменов.

Читал Крымского – Семитский язык. [Часть] II [1]. Корректура [2].

Вчера вернулся из С[анкт-]П[етер]б[урга]. Любопытны некоторые мелочи. Лопацинский, говоря о Финл[яндии], говорит: все-таки не могу забыть, что в 1863 г. нас приходили усмирять финляндские стрелки-любители… Ив[ан] Ил[ьич] <Петрункевич>, которому я говорил об этом, правильно заметил – если теперь им велят расстреливать или разогнать Думу – исполнят, раз обеспечит *их* конст[итуцию]. Но может быть теперь научены опытом.

Умер Перелешин [3]. Из маленькой группы первых членов Г[осударственного] с[овета] уже двух нет – Чавчавадзе и Перел[ешина]. Перел[ешин] – нервный, подвижный – вспоминается мне не раз из земских съездов. Это был *хороший* человек; образование его не давало ему большого кругозора – он брал во многом чувствами. Бывший моряк. Говорят, его жена деятельница по нар[одному] образ[ованию] большая [4]. Его травили и били материально после ухода его из Г[осударственного] с[овета] и Г[осударственной] Д[умы].

В газетах прочел о смерти Кастратовича [5]. Старый студент-черногорец. Искренное влечение к науке и полное невежество. Он перелезал <с курса на курс?>, ничего не зная. Высшая школа как-то не могла дать ему широкого образования. Скользил по поверхности – а между тем, в нем горел интерес к науке. Из Черногории привез ценные ботанические коллекции – привозил и минералы.

Возвращался назад с Шечковым [6], депутатом-черносотенцем. Интер[есный] тип – образованного, любящего науку, правого. Один из немногих интересующихся наукой в Путивлевск[ом] у[езде]. От него доставлены образцы Путивлев[ской] миоцен[овой] флоры. И всюду в его речи чувствуется живой человек, любящий науку. Разговор с ним о Кизеветтере и Ключевском (которых не выносит), эпохе самозванца.

Среди правых встречаются такие своеобразные идеалисты (Игнатьев – поклонник Каткова и тамбовский натуралист; Мансуров, поклонник Фед[ора] Самарина, сам Ф. Самарин). Это в маленьком виде

представители того вечного и истинного, что скрыто в правых течениях и это в человеческую мысль внесено Гоббсом, де Местром, Бональдом, католическими или протестантск[ими] религиозными мыслителями. И у нас – у Леонтьева, Достоевского и др. много глубокого и вечного.

Шечков рассказывал о Курском музее [7], куда помещики, боясь полного разгрома, в 1905 г. свезли и пожертвовали и архивы и свои собрания, фамильные ценные вещи [8]. Много содействовал губернатор Гордеев [9], пожертвовав деньги (16000 <рублей>). Ш[ечков] туда передал свою археологическую коллекцию.

Примечания

1. См. [436].

2. Очевидно, речь идет о корректуре работы [103].

3. Перелёшин Александр Васильевич (1856–1910) – земский, государственный и политический деятель, капитан 2 ранга. Землевладелец Костромской губ. (2180 десятин). Окончил Костромскую губернскую гимназию (1872) и Морской кадетский корпус (1878). Служил во флоте; бывал в заграничных плаваньях. В 1889 вышел в отставку, поселился в Костромской губ. Земский начальник. С 1891 костромской губернский и буйский уездный земский гласный. С 1898 председатель Буйской уездной земской управы. Член, с 1905 председатель Костромской губернской земской управы. С 1902 буйский уездный предводитель дворянства. С 1902 почетный мировой судья Буйского уезда Костромской губ. С 1905 почетный попечитель Костромской губернской гимназии. Участник земских съездов 1904–1905. Состоял в «Союзе освобождения». Член Костромского губернского комитета конституционно-демократической партии. С 27.3.1906 член Госсовета по избранию от Костромского земства (входил в левую группу); 12.7.1906 сложил с себя это звание в знак протеста против роспуска 1-й Госдумы. С 1907 член Костромского об-ва образования. Сотрудничал в костромских периодических изданиях. 7.2.1907 избран во 2-ю Госдуму от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания. Входил в конституционно-демократическую фракцию. Член комиссий: финансовой, по местному управлению и самоуправлению, по народному образованию. После роспуска 2-й Думы вернулся на родину. Муж А.Г. Мягковой.

4. Мягкова (в замужестве Перелёшина) Анна Геннадьевна (1869–1959) – общественная деятельница, народница. В 1898 открыла в с. Селище Костромского уезда небольшую больницу для местных крестьян, работала в качестве фельдшерицы и сестры милосердия (больница просуществовала до 1904). Действительный член Костромского научного об-ва по изучению местного края (1912–1930). Жена А.В. Перелёшина, племянница Николая Константиновича Михайловского (1842–1904) – публициста, социолога, литературоведа, критика, переводчика, теоретика народничества.

5. Согласно [64], в протоколе заседания профессорского дисциплинарного суда Московского ун-та от 29 января 1908 г. указано: «Г-н Председатель доложил Суду бумагу г-на Ректора с предложением рассмотреть безотлагательно дело студента Медицинского факультета 3-го курса Ивана Кастратовича и письмо профессора С.И. Стопницкого на имя директора Анатомического института, профессора Д.Н. Зернова об оскорблении, сделанном ему, Стопницкому, студентом Кастратовичем. По выслушании показаний Кастратовича и Стопницкого, Суд предложил Кастратовичу извиниться перед С.И. Стопницким, что Кастратович и исполнил в присутствии Суда, выразив извинение в следующих словах: “Я не имел намерения оскорбить Вас и, если Вы считаете себя оскорбленным, то я извиняюсь”. Ввиду примирения Кастратовича с С.И. Стопницким, Суд постановил: дело прекратить». В ЦГА Москвы (Ф. 229. Архив Московской Духовной Академии. ОП. 4. № 1650. Кастратович Иван) отложились материалы, свидетельствующие о том, что 26 августа 1898 г. студент 1-го курса Киевской духовной академии сербский уроженец Иван Кастратович был «перемещен» в Московскую духовную академию. Отмечено также, что Кастратович окончил Белградскую учительскую школу, был принят в число студентов 1-го курса Киевской духовной академии 19 декабря 1897 г. и в течение 1897/8 учебного года вел себя отлично (5); на семестровых сочинениях по психологии получил балл 3, по библейской истории 3-, по патристике 3-, по проповеди 2; по устным ответам (в среднем выводе из годовых и экзаменных баллов): по Священному Писанию Ветхого Завета 3-, по библейской истории 3, по патристике 3-, по психологии 2, по истории философии 2, по еврейскому языку 3-, по древней обшей гражданской истории 3-, по русской гражданской истории 3. Перевода во II курс Кастратович не был удостоен, так как не держал экзаменов по греческому и французскому языкам, каковые экзамены Советом Академии отсрочены были ему до начала текущего 1898/9 учебного года. В Московской духовной академии учился в течение 1897/98 и 1898/99 учебных годов, а 27 сентября 1899 г., согласно его прошению, уволен из студентов 3-го курса Академии. Стопницкий Севериан Осипович (1865–после 1923?) – профессор кафедры анатомии медицинского ф-та Московского ун-та, в 1900 – помощник прозектора. Александр Леонидович Мясников (1899–1965) – терапевт, один из основоположников кардиологии в СССР, академик Академии медицинских наук СССР (1948), в 1922 г. окончивший медицинский ф-т 1-го МГУ, вспоминал, что профессор Стопницкий, полный рыжеватый поляк, строго, а подчас издевательски спрашивал его на зачетах и гнал за малейшую ошибку [361].

6. Шечков Георгий Алексеевич (1856–1920) – правовед, публицист, земский деятель, крупный землевладелец Курской губ. Окончил лицей цесаревича Николая (1876) и юридический ф-т Московского ун-та (1881), специализировался на вопросах русского канонического права. Затем поселился в имении и занялся хозяйством. Принимал участие в деятельности местного земства. Избирался почетным мировым судьей и земским гласным Путивльского уезда Курской губ. Предводитель дворянства. Член Госдумы 3-го и 4-го созывов от Курской губ. Член Союза Русского народа и «Союза Михаила Архангела». Член правления

Всероссийского Филаретовского об-ва народного образования (1914). Активный участник монархических съездов и совещаний. В годы 1-й мировой войны уполномоченный Курской организации помощи армии, часто бывал на фронте. После февраля 1917 в Москве, перенес сердечный приступ, перебрался в родовое имение Волынцево, а оттуда (после разгрома усадьбы) – в Киев, где после падения власти гетмана П.П. Скоропадского арестован петлюровцами и два месяца находился в Лукьяновской тюрьме. После второго взятия Киева большевиками (январь 1919) – на нелегальном положении и скрывался под чужим именем. В августе 1919 бежал в Одессу, где вскоре и скончался от сердечного приступа.

7. Курский историко-археологический и кустарный музей, учрежден 23 апреля 1903 года при Курской губернской архивной ученой комиссии. Инициатором создания музея стал губернатор Николай Николаевич Гордеев, который предложил организовать музей в память о посещении Курска императором Николаем II в 1902. См. [319, 483].

8. Вернадский имеет в виду события Первой русской революции. См. [235].

9. Гордеев Николай Николаевич (1850–1906) – административно-государственный деятель, шталмейстер Высочайшего Двора (1903), тайный советник (1906). Учился в Нежинском лицее, затем Киевском и Петербургском ун-тах (1871–1873). В службе и классном чине в Департаменте общих дел Мин-ва гос. имуществ (1873–1875). С 1875 по 1884 почетный мировой судья Одоевского уезда, Одоевский предводитель дворянства (1880–1888), председатель Одоевского мирового съезда (1881–1882), непременный член Одоевского уездного по крестьянским делам присутствия (с 1884). С 1889 состоял в структуре МВД, назначался бессарабским и рязанским вице-губернатором. В 1893 по домашним обстоятельствам оставил службу. В 1896 вновь избран почетным мировым судьей Одоевского уезда. Член ученого совета Строгановского уч-ща в Москве (1901). Плоцкий гражданский губернатор (1901), Курский гражданский губернатор (1902–1905), В Курской губ. уделял большое внимание развитию сельского хозяйства, садоводству, строительству, организатор (1903) и первый председатель (с 1906 – почетный председатель) Курской губернской ученой архивной комиссии, создал при ней музей. Действительный член Императорского палестинского об-ва (1904).

22. IV.[1]910

<Москва>

Сегодня умерла Нат[алья] Вас[ильевна] Злотникова. Молодая девушка 26 лет, полная глубокого философского интереса мысли и исканий, полная *чувства* жизни. И эта жизнь под влиянием философских построений приобретала для нее особый интерес = значение. Третьего дня я был у нее в клинике – на подушке лежало ее лицо, типичное лицо хохлушки, изможденное страданием, неправильные черты лица были озарены мыслью, блестели глубокие глаза. Она чувствовала близость

смерти. И этот переход не казался ей страшен – страшно было лишь страдание. Она ждала – боялась и надеялась операции. После операции у нее была Праск[овья] Влад[имировна] Трубецкая. В начале все шло очень хорошо и у нее было «райское» лицо, по словам Трубецкой. Она думала, что она выздоравливает: она мне говорила, что она предчувствует, что или она поправиться быстро и сразу – или сразу все кончится… Операция была сделана Алексинским хорошо – были и раньше во время ее болезни лучшие врачи Москвы – Усов, Предтеченский – но болезнь не узнали…

Я помню, много лет назад, когда началось мое с ней знакомство. Она подошла к мне на курсах с вопросами философск[ого] характера, касающимися химии. Ее интересовали вопросы теории познания, она пыталась глубже и с своеобразным интересом, необычным среди наших натуралистов, подойти к этим вопросам. Это было вскоре после моих очерков «Научн[ого] мировоззрения» [1] и она думала видеть во мне философа. Не раз брала книги, были разговоры. Ум своеобразный, сильный, не дисциплинированный. Чувствовалось женская душа, ищущая любви и ласки и идущая по пути совершенно иных впечатлений и переживаний. Читала она – но работа – вне рамок – неизбежная по ее интересам ей не удавалась. Заставить себя научиться языкам (кроме немецкого) она не могла. Как-то она подала мне работу – в ней чувствовалась детская форма изложения недетских мыслей. Чувствовалась скрытая нежность, не могущая выйти, ее природы… Одно время она давала уроки Ниночке <Н.В. Вернадской> – через нас попав к Мороз[овой] и Трубецк[ой]. Там сошлась, вошла в новые круги. При хорошем добром отношении большой близости не образовывалось. В эпохи революций ее мало интересовали вопросы политики, хотя одно время была в к.-д. <партии>. Кончив курсы, поступила в вольную пору в Унив[ерситет] – вновь занялась в семинарии Челпанова, которого знала еще с Киева. Здесь она работала над Махом – но трудно ее удовлетворяла и философия. Мне кажется, она должна была бы уйти в религиозную мысль. И к ней она приближалась. Почти год мы ее потеряли почти из вида – а затем уже в больнице. Она ближе сошлась и поняла Наташу. А затем трепетанье умирающей птички и молодая смерть. Смерть не раскрывшейся молодой, жаждавшей жизни личности.

Утром анализ <мочи?> и под микроскопом с Петр[ом] Мих[айловичем] <Аргутинским-Долгоруковым>. Завтракал Каранд[еев]. Твалчр[елидзе] – едущий в Геттинген. Днем был у Трубецкой – в этой

странной атмосфере светскости, старинной красивой культуры и глубокой человечности на почве мистики. М[ожет] б[ыть], необходимы эти мелкие мелочи жизни для правильного понимания жизни? Без них исчезает все живое из содержания, ее смысл?

Вечером лабор[атория]. Попытка поправить испорченный опыт с аннеродитом [2], корректура лекций [3]. Уехал Аргут[инский-Долгоруков]. Вечером были Новгородцевы…

Получил работы Либиша [4]. Впервые в Берлине минерал[огические] традиции и чувство обязанности берут свое?

Примечания

1. *В.И. Вернадский* О научном мировоззрении // Вопросы философии и психологии, 1902, кн. 65, с. 1409–1465.

2. Аннеродит – минерал, ориентированное прорастание самарскита колумбитом.

3. См. примечание № 2 к записи от 20 января.

4. Либиш (Liebisch) Теодор (1852–1922) – немецкий минералог, кристаллограф, педагог, доктор философии (1874, Бреславль), профессор в Геттингенском ун-те. Работы посвящены главным образом вопросам теоретической кристаллографии, кристаллооптики, а также описаниям многих новых приборов. Известностью пользуются «Geometrische Krystallographie» (1881); «Physikalische Krystallographie» (1891); «Grundriss der physikalischen Krystallographie» (1896). С 1885 один из издателей журнала «Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geologie und Palaeontologie».

25. IV.[1]910

<Москва>

Утром анализ <мочи?> Ниночки <Н.В. Вернадской>. Исправл[енный?] HF «аннеродит» [1].

Днем ЦК к.-д. <партии> [2]. Вместо пленарного едва собралось Московское. Обсуждение подготовки к выборам. Настроение – блок с прогрессистами. В Москве П.Н. <Милюков> и С.А. <Муромцев> выдвигают Коновалова вместо 2-го кандидата К.-Д. <партии кадетов> в город[ской] 1-ой курии. Решено этого вопроса не подымать. Нет веры кругом в победу в IV Думу – но, м[ожет] б[ыть], там будет центр тяжести в прогрессистах.

О давлении админ[истрации] на выборы можно судить по слуху, что в Темник[ове] отдают под суд Новос[ильцева], Демид[ова] и Енгалыч[ева] [3]. Этим сразу меняется характер Тамб[овского] собрания,

даже в случае победы прогресс[истами] кадетской <партии> в уездах. Очевидно, после выборов суда может и не быть.

Говорят, крим[иналы?] закрыты по распоряжению из С[анкт-]П[етер]б[урга].

<Н.Н.> Щепкин рассказывал, что октябристы говорят, что царь заявил Гучкову о необход[имости] рассмотреть финляндск[ий] законопроект [4], хотя бы с продлением сессии, в данной сессии и что нет надобн[ости] в ревизии Морс[кого] вед[омства], т[ак] к[ак] там нет ни какого подозр[ения] [5]. Был разговор о 98 статье – содержание беседы окт[ябристы] не говорят.

Вечером с Е.Д. <Ревуцкой> доканчивал кое-какие спектр[альные] раб[оты]. Е.Д. опять в тяжелом настроении.

Разговор с Г[енрихом] Иосиф[овичем] <Касперовичем> – удивительно он путанный и человек без дисципл[ины]. О поездке его на Урал.

Вечером у Ман[уйлова] разговор по поводу столкновений Мензб[ира]. Опять бумага из Мин[истерства] по поводу последней сходки, спрашивается о мерах, игнорируют ответ Ман[уйлов]. Между прочим, спрашивают, каких можно ждать беспорядков в связи с новым унив[ерситетским] уст[авом].

Читал Arldt <Арльдт>Историю контин[ентов] [6], новое издание Лермонтова (Ак[адемическая] биб[лиотека]) [7], Zeitschr. f. Kr. [8], Еврейск[ую] нед[елю] [9], <нрзб> Astrophysic. [10].

Немного готовился к Вейбергу [11]. Но плохо.

Примечания

1. HF – фтористый водород?; аннеродит – см. примечание № 2 к записи от 22 апреля.

2. Заседание Московского отделения ЦК кадетской партии.

3. В результате враждебного отношения к Столыпинской аграрной реформе и деятельности Темниковской уездной землеустроительной комиссии предводитель дворянства Темниковского уезда Ю.А. Новосильцев, председатель Темниковской земской управы И.П. Демидов, ее член князь Н.Н. Енгалычев и некоторые другие уездные земские деятели в 1910 г. были отданы под суд. «Им инкриминировалось оказание препятствий служебной деятельности непременного члена <Темниковской уездной землеустроительной> комиссии Ольшамовского, назначенного после того, как губернатор не утвердил представленного кандидата Королькова. Судебная палата приговорила Ю.А. Новосильцева, И.П. Демидова и князя Н.Н. Енгалычева к заключению в тюрьме» [163., с. 42]. См. также [397, 491].

4. Имеется в виду проект одобренного Госсоветом и Госдумой и затем – 17 (30) июня 1910 – Высочайше утвержденного закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения.

5. 22 и 23 марта 1910 на заседании Госдумы рассматривалась смета Морского ведомства на 1910. Был заслушан доклад бюджетной комиссии по смете Морского министерства на 1910 и ряд других выступлений, в которых содержалась критика. Поскольку было высказано «пожелание о том, чтобы Морской Министр испросил Высочайшее повеление о назначении сенаторской ревизии хозяйственного управления Морского министерства», то было решено проводить обсуждение «по отдельным номерам проекта государственной росписи на 1910 год по морскому ведомству». См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть III. Заседания 65–94 (с 8 марта по 9 апреля 1910 г.). – СПб.: Государственная типография, 1910, стлб. 1456–1510, 1522–1574, 1628–1629.

6. См. [577]. Арльдт (Arldt) Теодор Карл Германн (1878–1960) – немецкий зоограф, геолог, палеонтолог, палеогеограф, антрополог, историк, филолог, доктор философии (1901). Учился в гимназии во Фрайберге и (в 1887–1901) Лейпцигском ун-те. С 1902 преподаватель естественных наук и математики, затем ст. учитель и директор муниципальной высшей школы в Радеберге, где проработал 43 года.

7. См.: *М.Ю. Лермонтов* Полное собрание сочинений. В 5 тт. Том 1. – СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1910. Том 1: XVI+414 с.; Том 2 – VIII+528 с.; Том 3 – IV+370 с.; тома 4 и 5 вышли соответственно в 1911 и 1913. Это самое полное, точное и научно выверенное дореволюционное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова, вышедшее в преддверии 100-летия со дня рождения поэта. При его составлении были использованы рукописные и печатные материалы, хранившиеся у представителей русской аристократии, в публичных библиотеках, архивах, музеях и научных центрах, таких, как Пушкинский Дом и Лермонтовский музей. Издание вышло в серии «Академическая библиотека русских писателей», которая выходила с 1909 по 1915.

8. См. приложение № 2 к записи от1 февраля.

9. «Еврейская неделя» – еженедельная русско-еврейская газета, выходящая в Петербурге с 16 апреля 1910.

10. Может быть, «The Astrophysical Journal» – научный журнал по астрофизике и астрономии, основанный в 1895 американскими астрономами Джорджем Эллери Хейлом и Джеймсом Эдвардом Килером. В 2015 журнал перестал выходить в печатном виде и стал издаваться только в электронном виде.

11. См. Приложение 4.

26.IV.[1]910

<Москва>

Утром анализ мочи. Ниночке <Н.В. Вернадской> лучше.

Днем была кн[ягиня] Трубецкая. Разговор о Н. Вас. Злотниковой. Расходы по лечению и погребению мы поделили (по 160 р[ублей]). Трубецкая предложила взять большую часть, считая что у нее больше денег. Пропала сила, оригинальная и подававшая большие надежды. Гл[авным] обр[азом], возможностями. Красивы были ее стремления и не только в деле смерти, но и в жизни. Ей тесно было в рамках бедной жизни. Мужской ум, но женское желание красивой обстановки.

Молодежь семинария предлагала мне написать о ней. Но так я далек и случаен был от ее умственной жизни

Вечером занятия с Е.Д. <Ревуцкой> – неудачно.

Был <Я.В.> Самойлов – разговор о поездке в Андижан – отложено на осень.

Приезжал Паша [1], были Любощ[инские] – о Полтаве и т. д. Вечером у Муромцева – обсуждали устав [2].

Жданов [3], как говорит Ман[уйлов], обнаглел – присылает дерзкие бумаги и теперь запрос о мерах по поводу высказанных одним студентом «на одном унив[ерситетском] собрании» о предполагаемом студенч[еском] съезде. Затем о беспорядках, ожидаемых по поводу введения унив[ерситетского] устава.

Большой спор о попеч[ителе] [4] у Муромцева. А.А. <Мануйлов> из тактич[еских] соображений считает необходимым указать на возможность контроля со стороны попеч[ителя]. Мне кажется ошибкой: надо поставить вопрос о реформе центр[альной] власти М[инистерства] н[ародного] просв[ещения]. Связи с Унив[ерситетом] – реформой.

Читал *Arldt* [Die] Gesch[ihte] d[er] Kontin[ente] [5]. *Magnus* Goethe als Naturf[orscher] [6]. Zeitschr. f. Anorg. Chemie [7].

Примечания

1. Старицкий Павел Егорович (1862–1942) – инженер-технолог, брат Н.Е. Вернадской, близкий друг семьи Вернадских. В 1890-х работал инженером, затем директором металлургических заводов в Центральных областях России, с 1902 – на Невском судостроительном заводе в Петербурге. После 1917 работал по специальности в Москве, жил в доме Любощинских на Зубовском бульваре. В середине 20-х – начале 30-х годов часто бывал в командировках в США.

2. Уже не раз упомянутый выше проект университетского устава 1910 был внесен в мае того же года на рассмотрение Госдумы.

3. Александр Маркелович Жданов – в то время был попечителем Московского учебного округа.

4. «Спор о попечителе», т. е. о А.М. Жданове.

5. См. [577].

6. См. [593]. Основу книги составили десять лекций «Гёте как натуралист», которые R. Magnus прочитал в летнем семестре 1906 в Гейдельбергском ун-те. Rudolf Magnus – Рудольф Магнус (1873–1927) – немецко-голландский врач, фармаколог и физиолог; профессор физиологии Утрехтского ун-та (Голландия, 1908–1927). Окончил Гейдельбергский ун-т (1898), Исследовал обмен воды и хлоридов в организме, диуретическое действие солей и причины возникновения отеков, функции почек и двигательную активность кишечника. Наиболее весомый вклад в науку внесли работы по изучению регуляции скелетной мускулатуры. Открыл и всесторонне изучил двигательные рефлексы, осуществляющие поддержание позы и равновесие тела; создал новое представление о функционировании центрального звена безусловно-рефлекторных дуг, регулирующих нормальное положение тела в пространстве, поддержание равновесия и выпрямление. Установил роль вестибулярных рецепторов и проприорецепторов шеи в позных рефлексах.

7. Журнал «Zeitschrift für Anorganische und Allgemeine Chemie» («Журнал неорганической и общей химии»). Основан в 1892 в Мюнхене (Мюнхенский ун-т Людвига-Максимилиана) Герхардом Крюссом под названием (до 1907) «Zeitschrift für Anorganische Chemie».

Вернадовка. 20.V.[1910]

Вчера приехал в Вернадовку. Наташа <Н.Е. Вернадская> в Петербурге вследствие смерти Шуры Гревс [1]. Еще недавно я видел ее веселой и улыбающейся при страшной болезни, свалившей ее жизнерадостную природу. Смерть кругом – смерть молодых, полных жизни – и полных страданий. Вечное стремление человечества искать человеческого и человеческой цели в окружающем, несмотря на постоянные удары, подрывающие всякую веру в смысл и цели. Бедная Маша [2] – природа полна страсти, любви, стремлений к счастью. И в жизни она видела только мгновениями и так к этому стремилась и так этого горячо хотела. Еще недавно она говорила, что видит *смысл* своей жизни так как она нужна детям. А теперь?..

Ниночка <Н.В. Вернадская> слаба еще. Для нее еще не стали трагические вопросы смысла – правды окружающего…

Здесь сад разросся; кругом многое изменилось; чувствуется движение времени. В деревне идет борьба за землю и слышатся разные речи. Есть недалеко отруба, взятые неместными крестьянами. В Пичаеве, Липовке идет продажа – скупка участков. Кто может сказать, к

чему приведет этот процесс – но время выиграно, внимание обращено на *другую* землю.

Дорогой я вчера читал *Magnus* Goethe als Naturforscher [3], *Субботиной* Ист[орию] ком[еты] Галлея [4], *Нидерле* Обзор славянск[их] племен [5], Изв[естия] Акад[емии] н[аук].

Любопытно, что во всех теориях лунной поверхности оставляют без внимания характер явлений, которые должны происходить, если нет H_2O в атмосфере. Минералы земной поверхности – гидраты, алюмосиликаты и силикаты, богатые H_2O, должны разрушаться – H_2O должна уходить в небесное пространство. Во что превратится поверхность из $CaCO_3$, глины, хлорита и т. д в безвоздушном пространстве? Не дает ли она формы лунной поверхности?

Удивительно непонимание явлений современниками. Гёте не понял спектральных линий Фраунгофера [6] – он считал их за предрассудок! Не хотел *верить* их существованию.

Странное впечатление от биографии таких людей, как Гёте. Как будто загадка сама жизнь при ее стремлениях и в обстановке, резко отличающейся от чего-то бесконечного, в них вложенного. Люди веры видели в биографиях другое.

Кончил рецензию Линда для «Р[усской] м[ысли]» [7], часть лекций для Казакова [9], корректуру статьи Мамонтова [10].

Примечания

1. 17 мая 1910 умерла младшая дочь И.М. и М.С. Гревсов, шестнадцатилетняя Шурочка (Гревс Александра Ивановна).

2. Гревс Мария Сергеевна.

3. См. [593].

4. См. [478].

5. Очевидно, [595].

6. Фраунгоферовы линии – основные спектральные линии поглощения в спектре Солнца и других звезд. Открыты в 1802 У. Волластоном, подробно исследованы и описаны в 1814 Й. Фраунгофером. В список Фраунгофера вошли более 570 спектральных линий. Наиболее заметным линиям он присвоил буквенные обозначения; некоторые из них до сих пор широко используются в астрономии, например, линии D1 и D2, принадлежащие атомам натрия.

7. См. Приложение 6.

8. Очевидно, [101].

9. См. [341].

4.<VI?>.[1]910 [1]

надо было думать.

Прочел Тимирязева – Основные черты развития биологии XIX в. [2]. Скучно. Удивительно мертвенны рамки схем. Любопытное вставление своей работы в историч[еские] рамки! Производит даже неприятное впечатление. Читал Трюстеда Питкяранту [3].

С разных сторон слышится, что производят хорошее впечатление выступления М[осковского] Совета. Ф.Ф. <Кокошкин> говорит, что без объяснений «Рус[ских] вед[омостей]» было непонятно для публики.

Д.И. Шах[овской] рассказывал об <нрзб>, наблюдаемых в яросл[авском] и особенно в рыбинском общ[естве]. Ждут все, и всякое известие об <нрзб> теперь принимается с радостью и… недоверием!

Примечания

1. Дата (месяц) написана очень неразборчиво, но в архивной папке этот лист следует сразу же за предыдущим листом. Судя по всему, утрачено начало этой записи.

2. См. [487].

3. См. [606].

5.VI.1910. Арапово [1]

Благодаря невероятному распределению поездов приходится сидеть в Арапово больше 18 часов! Вся поездка в Пензу – Троицк [2] и окрестности в значительной мере состояла в ожиданиях ввиду невероятного распределения жел[езно]дор[ожных] поездов. Они не считаются ни с какими удобствами местных жителей и даже такие большие центры как Пенза. Всюду чувствуется печальная картина русской действительности.

Из этой поездки, где я впервые попал в область мордвы, ясно выносится одно впечатление, которое необычно ярко стоит передо мной все это время: в крестьянстве идет глухое движение – докатился до него аграрный закон и совершается колоссальная революция. То, что совершается сравнимо с переломом уничтожения крепостного права. В Моршанском у[езде] всюду слышишь о спорах и разговорах в деревнях – в Красавке как раз в этом году должен быть передел и идут споры – делится или нет. В Каменке, Пичаеве скупается земля и т. д. По

разговорам здесь в Пензенской <губернии> еще более чувствуешь это настроение. Ямщик Павел, с которым мы ехали, говорит о том, что уйти из большака боязно: у него два сына: при переделе оба что-нибудь получат, а выделится, и сиди на своих наделишках. Дорогой нас принимали за мировых, которых ждут в окрестных деревнях, и там, по рассказам, идут споры. Укрепляют в собственность много. Много помещичьей земли переходит более мелким собственникам. Цена земли взлетит и вместе с тем ее массами скупают за бесценок оборотистые мужики у своих односельцев. Монополька много помогает этому процессу. Быстро создается класс безземельных. Куда им деваться: вымирать? Эмигрировать в Америку и заокеанские страны? Сибирь, где нет достаточной готовой земли? Фабричная промышленность падает, и теперь в деревне начинается грозный процесс.

Экономическая революция чувствуется. Земля была учтена нами правильно, как основной тип всего русского движения, но мы не учли возможность такого ее смелого, но легкомысленно опасного разрешения.

По словам Димо [3], в Саратовской губернии банк является разрушителем культуры, <нрзб> диким [4]. Исчезают усадьбы скупленных имений, вырубаются сады, лески, распахиваются овраги, высоко подымается аренда… Он хищнически берет что может (терпя убыток) и потом продает землю крестьянам. По его словам, впечатление одичания такого хозяйствованья, напр[имер], в Сердобском у[езде], который он хорошо знает – огромное. И в Саратовской <губернии> все полно землей. Марк [5] был прав – через два года докатился закон [6] до деревни…

Удивительна бессознательная работа истории. Минист[ерство] всячески теперь хочет лихорадочной деятельностью заполнить прореху своих старых ошибок: усиленно работает для выработки мероприятий для усиления плодородия и интенсивности хозяйства. И оно вынуждено развивать и давать почву *третьему элементу* [7], усиливать его значение. Исслед[ование] фосфоритов (под руков[одством] Самойлова), почв Сибири, Туркестана, агроном[ические] мероприятия всякого рода даст начало работе многих людей, с точки зрения правит[ельства] неблагонадежных, и класс своб[одных] профессий с специальными естественноистор[ическими] и сельскохоз[яйственными] знаниями растет. И здесь одно из самых отсталых земств – Пензенское, вероятно вполне сонное в течение 50 лет земской реформы, отсталое даже по всяким вполне беспартийным организациям земской жизни

(напр[имер], почта и дороги), теперь <по> указанию и направлениям правит[ельственных] интересов идет по необычному пути. И сейчас ведет геолог[ические] иссл[едования] (во главе Архангельский с очень сильной группой молодежи), почвенные (Димо с сотр[удниками]), статист[ические]! Наехало в Пензенскую губ[ернию] чуть не 150 человек, и администрация, делая всякие препятствия подбору лиц, не может затормозить создающегося практическ[ого] улучшения после революции 3-го элем[ента]. Вместе с тем создается широкое сельскохоз[яйственное] опытное поле [8]. Экскурсируя под Пензой, попали на открывающиеся пчеловодческие курсы для крестьян. А в земстве правые, и все эти меры проходят скрепя сердце, всякую минуту могут кончится крахом – но выхода нет.

Как жить мелким землевладельцам? Как повысить производительность и культуру земли? Чувствуется, и правильно, что это единственное государственное оправдание реформы, предпринятой с точки зрения полицейск[ого] спокойствия. Но как это сделать, никто не знает. Мечутся как угорелые, хватаются за все. В самом деле, на чем базировать без широкого развития сельскохоз[яйственной] *промышленности*. Скот? Мелкие двигатели и мелкие сельскохоз[яйственные] обраб[отки] производства? Но ведь для этого нет форм. Дорогие культуры? Но они не могут охватить всю Россию – они есть и теперь и мало дают, напр[имер], хотя бы *поля* лука в селах около Пензы!

А между тем стихийно крестьянство берет и скупает землю, как может, и все также настойчиво ищет дальше земли и земли. И интеллигентные силы идут по новым возможным путям творческой, общественной деятельности, усиливая ряды врагов современного правительства…

Поражает грязь. В «городе» Троицке, где нет ни одного каменного здания (одно было, сгорело 15 лет назад и руины торчат до сих пор) – настоящем городе-деревне в лучших постоялых дворах что-то невероятное. Но еще больше и уже до маловиданной мною грязи несколько дальше в селе Рыбкине в постоялом дворе живущего здесь владимирца. Рыбкино – мордовское – и русские ямщики с презрением говорят о грязи, в которой живет мордва! Что же так, боже мой!

Культура проникает медленно. Деревня отрезана от жизни. Едва проникает туда книга, недоступна печать. Она скована и беспомощно перед самым диким произволом власти. И все же чувствуется изменение: она больше и смелее говорит, и сейчас аграрный вопрос совсем встряхивает…

Около Рыбкина колоссальные месторожд[ения] фосфоритов [9]. По словам Самойлова и Архангельского, это, после Куломзинского [10], самое большое, что они видели и сравнивали с Куломзинским, хотя из карты, уже изданной, этого не видно. Еще раз видишь на деле ошибочную постановку Геол[огического] ком[итета]. Он забыл о карте, и делается она сейчас плохо.

Дорогой прочел <нрзб> History of close <нрзб> 600 в. с. до 1300 <нрзб> за 1900 лет [11]. И как всегда грустное настроение от этой бесцельной муравьиной работы – в ней отпечатывается вся человеч[еская] жизнь в ее мизерности.

Надо взять %[-ный] состав элементов почвенного покрова з[емной] к[оры]. Ведь он даст почти что химический состав живого вещества, т[ак] к[ак] живое вещество все время живет и находится в почвах и почва на ¾ или на больше живая!

5.VI.910 № 2.

Примечания

1. Арапово – название железнодорожной станции, которая была открыта в 1892 около села Воскресенская Лашма (ныне город Ковылкино, Республика Мордовия).

2. Троицк – тогда заштатный город Краснослободского уезда Пензенской губернии, сейчас село Троицк в Ковылкинском районе Республики Мордовия, центр Троицкого сельского поселения.

3. Димо Николай Александрович (1873–1959) – почвовед, географ. Доктор геол.-мин. наук (1939). Академик ВАСХНИЛ (1948). Основные труды по географии почв, засолению, биологии, физике и мелиорации почв в центральных р-онах Европейской территории СССР, в Ср. Азии, Закавказье и Молдавии. Окончил Кишиневское реальное уч-ще (1894). Учился в Новоалександрийском ин-те сельского хозяйства и лесоводства. Участвовал в комплексных естественноисторических исследованиях под руководством В.В. Докучаева. В 1898, незадолго до окончания инта, арестован за участие в революционных кружках и студенческих сходках и выслан под надзор полиции в Саратов. В 1902 ему разрешили сдать выпускные экзамены, получил диплом агронома 1-го разряда. До 1911 проводил почвенные исследования в Саратовской, Черниговской и Пензенской губ., затем в Ср. Азии изучал культурно-поливные почвы и типы их засоления. Профессор кафедры почвоведения в Московском межевом ин-те (1917–1920); читал курсы почвоведения и бонитировки почв, одновременно принимал участие в организации Туркестанского ун-та, возглавил его московское правление. С 1920 в Ташкенте, до декабря 1930 профессор и декан агрономического ф-та Среднеазиатского ун-та, также руководил созданным им Ин-том почвоведения и геоботаники. В декабре 1930 арестован органами ОГПУ по «делу Туркестанской

ирригации». Под следствием находился до июля 1931, Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу, замененному 10 годами принудительных работ. Освобожден в феврале 1932; до 1945 работал зав. сектором освоения территорий и борьбы с засолением почв в Закавказском НИИ водного хозяйства (Тбилиси). С 1945 в Молдавии – зав. кафедрами почвоведения в Кишиневском ун-те и в Сельскохозяйственном ин-те; в 1957–1959 директор Ин-та почвоведения Молдавского филиала АН СССР. Член ЦИК Узбекской ССР (1925–1930); депутат и член Президиума Верховного Совета Молдавской ССР 2–4-го созывов. Золотая медаль имени В.В. Докучаева. Заслуженный деятель науки и техники Молдавской ССР (1946).

4. Речь явно идет о деятельности Крестьянского поземельного банка, который являлся государственным кредитным учреждением. Он был открыт в 1882 с целью обеспечить для крестьян возможность пользоваться кредитом для покупки земель по добровольному с частными владельцами соглашению. Земельный фонд Банка формировался: 1) посредством приобретения, главным образом, дворянских имений; 2) из удельных земель и 3) из недоимочных земель, попавших обратно во владение Банка [32]. При покупке земли через банк крестьяне, не имея на руках достаточно наличных средств, получали в пользование участок, который сразу же можно было пустить в хозяйственный оборот. С другой стороны, такой переход обходился довольно дорого – цены на землю у банка были высокими. Кроме того, в течение долгих лет крестьянину приходилось платить банку обременительные проценты. Деятельность Банка постоянно интенсифицировалась, особенно с 1906, когда его деятельность была поставлена исключительно на проведение политика Столыпина [32]. В 1906–1910 особенно много помещичьей земли покупалось им в Самарской, Симбирской и Пензенской губерниях. Особенно большое количество дворянских имений поступило в банк в 1906–1908. Причиной такого «взрыва» стала первая русская революция 1905–1907. По словам пензенского губернатора И.Ф. Кошко, в это время «жизнь в деревне стала невозможной, а потому все наперерыв друг перед другом бросились продавать землю Банку» [307, с. 225]. Крестьянскому банку предоставлялось значительное расширение его ссудных операций, позволившее расширить его деятельность в новом направлении. В частности, Крестьянский банк получал право покупать земли за собственный счет для последующей перепродажи крестьянам. Имения, купленные банком и оставшиеся за ним, эксплуатировались, главным образом, путем сдачи в денежную аренду местным крестьянам. Деятельность Банка в то время вызывала резкую критику у многих современников, заявлявших, что Крестьянскому банку необходимо соразмерять скупку частновладельческой земли с размерами частного землевладения в каждом данном уезде для того, чтобы не уничтожать сельскохозяйственные культурные центры. С 1908 сокращается предложение земли со стороны крупных помещиков и с подавлением революционного движения вновь начинает даже проявляться враждебное отношение к Крестьянскому банку: банк будто содействует разграблению дворянских имений [32]. Профессор П.П. Мигулин заявлял, что Крестьянский «банк во многом сыграл роль учреждения, уничтожающего культурные

хозяйства и способствующего размножению примитивного крестьянского хозяйничанья, так что деятельность его во многом была отрицательного, а не положительного свойства. И этому необходимо положить конец» [347, с. 105]. Как замечено в [228, с. 11], «ликвидировать имение вещь серьезная. Помимо большой опытности при разбивке земли на хутора, нужны часто агрономические познания». В то же время профессиональный состав землеустроительных комиссий был очень низок. Например, из 236 лиц, определенных на должности непременных членов землеустроительных комиссий за 1907 год, только 28 человек имели высшие образование, причем из них только 18 человек – специальное образование (агрономы, лесоводы, межевые инженеры). В Саратовской губернии «создан новый институт – “ликвидаторов”. Из них разве небольшой процент порядочные люди. Часть – местные земские начальники, которые, в ожидании “наградных”, забросили свои участки и получают двойное жалование: по должности и за ликвидаторство (100–150 руб. в месяц). Все остальные среди ликвидаторов – сброд из разных выгнанных управляющих имениями, чиновников и проч.»[228, с. 11]. Временные отделения Крестьянского банка даже получили среди местных деятелей характерное название «карательных экспедиций». См. также [24, 249, 499, 530]. 18 декабря 1910 г. в «Рабочей Газете» в статье «Что делается в деревне?» В.И. Ленин писал: «Когда 30000 помещиков (с Николаем Романовым во главе) имеют 70 миллионов десятин земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. <…> План либералов “помирить” крестьян с помещиками на “выкупе по справедливой оценке” был пустой, жалкой, предательской уверткой. Как хочет переделать старые деревенские порядки Столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев» [329, с. 395–396].

5. Марк Маркович Любощинский (старший).

6. Судя по всему, Вернадский имеет в виду именной Высочайший указ от 9 ноября 1906 (данный Сенату) «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» – ключевой документ столыпинской аграрной реформы, согласно которому каждый крестьянин получал возможность свободно выйти из общины вместе со своим земельным наделом, который укреплялся в его личную собственность. Этот Указ послужил основой для Закона от 14 июня 1910 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», который закрепил принципы Столыпинской аграрной реформы. Проект был одобрен Государственным советом 10 июня 1910 года без прений, а 14 июня утвержден Николаем II. См. [6]. Один из современников Вернадского писал, что Закон от 9 ноября 1906 г. «не остался мертвою буквою. Сомнение, если и возникает, то не относительно самого факта проведения в жизнь этого закона, а лишь того предела, до которого дойдет в своем применении закон 9-го ноября. Весь вопрос

теперь в сущности сводится к тому, чтобы учесть размеры вторжения нового закона в общинную жизнь крестьянства» [228., с. 54]. Об указах, имеющих отношение к покупке и продаже Крестьянским банком земель и изданных в 1905–1906, – см. их обзор в [416].

7. «Третий элемент» в земствах – условное название разночинной интеллигенции, которая служила в земских учреждениях по найму. К этому слою относились врачи, учителя, статистики, агрономы, ветеринары, страховые агенты и другие специалисты. В 1900 при открытии самарского губернского земского собрания вице-губернатор Кондоиди впервые употребил термин «третий элемент» в отношении радикальной интеллигенции России. Он называл так вольнонаемных служащих земских и городских управлений — врачей, техников, агрономов, педагогов и т. п. См. [53, 498]. Кондоиди Владимир Григорьевич (1855–1929) – тайный советник (1910), окончил Императорский Александровский лицей (1875), самарский вице-губернатор (1896–1905), член Совета при министре внутренних дел (1906–1915), почетный мировой судья Борисоглебского уезда (1909). О земстве см. капитальный труд Б.Б. Веселовского [160–163].

8. В 1909 Пензенским губернским земством было основано первое в губернии сельскохозяйственное (полеводческое) опытное учреждение – опытное поле в Тоузаковской волости Моршанского уезда, около с. Анучино (недалеко от одноименного разъезда Московско-Казанской железной дороги; в 1910 г. село Анучино имело 107 дворов, церковь, церковноприходскую школу, ветряную мельницу, овчинное заведение, кузницу, 2 лавки, в 2-х верстах – винокуренный завод). Опытное поле (на типичном для губернии глинистом мелкопесчаном черноземе) начало «правильно» работать с 1910. Под опытным полем и постройками станции занято 71,2 га (66 десятин) земли. Основные задачи опытного поля: 1) испытание и сравнение между собою тех приемов полеводства (разных способов обработки почвы, удобрений и пр.), видов и сортов сельскохозяйственных растений, наиболее пригодных в данной местности, 2) выбор из всех испытываемых приемов, удобрений, сортов растений и пр. таких, которые обеспечивали бы при данных почвенных и климатических условиях наиболее высокие урожаи и были бы применимы в местных хозяйственных условиях, 3) объяснение получаемых результатов путем изучения климата и непосредственного его влияния на рост различных растений путем изучения тех условий, которые создаются различными испытываемыми приемами (например, изучение влияния времени вспашки пара на сорность его, влияние обработки непосредственно на скопление влаги в почве и др.) и того, как эти условия действуют непосредственно на растения. Подробнее см. [159]. Особенно активно здесь разрабатывались следующие вопросы: обработка почвы под озимую рожь, влияние навозного и минеральных фосфорнокислых удобрений на урожай ржи по разным парам, способы посева ржи – разбросный, рядовой, ленточный и широкорядный; производились опыты по изучению сроков обработки почвы под яровые, а также изучались приемы возделывания картофеля, кормовой свеклы, проса по клеверищу и посевов клевера в многопольном севообороте. В 1921 на базе Опытного поля создана Анучинская сельскохозяйственная опытная станция. С 1 января 1940 опытная

станция реорганизуется в Пензенскую областную сельскохозяйственную опытную станцию, в феврале 1956 – в Пензенскую государственную опытную станцию. В апреле 1991 на базе Пензенской областной государственной сельскохозяйственной опытной станции был организован Пензенский научно-исследовательский институт сельского хозяйства. В декабре 2018 Пензенский НИИСХ вошел в состав ФГБНУ «Федеральный научный центр лубяных культур» в качестве филиала. В 2020 Пензенский институт сельского хозяйства реорганизован в обособленное подразделение ФГБНУ ФНЦ ЛК в Пензе.

9. См. [188]. Рыбкинское месторождение фосфоритов расположено в левобережье реки Мокши (Ковылкинский район Республики Мордовия). Как уже отмечалось выше, фосфориты здесь не имеют промышленного значения, так как слой полезного вещества невелик и расположен на большой глубине.

10. Куломзинское месторождение фосфоритов – в конце 1880-х XIX А.Н. Куломзин в окрестностях своей усадьбы (Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии) организовал добычу фосфоритов, которые залегали на небольшой глубине, содержали 23–28% фосфора и были высокого качества. Из добытого фосфорита получали фосфоритную муку. См. [322].

11. Точное название работы установить не удалось.

29.IX.[1]910

<Москва>

Первый раз работал с Ra <радий> – опыты с довольно грубым электрометром вместе с <Я.В.> Самойл[овым]. Урановые руды из Ферганы. Яркое влияние самарскита на электрометр [1].

Опыты с селитрой из Кавказа. Сургунов о ней рассказывал.

Были <Б.К.> Млодз[иевский] и <А.П.> Павл[ов] – возня со стипендиями. Студент Налимов, тверянин, грубо обиделся на малую данную ему стипендию (Демидова) [2] – а между тем, на 48 стипендий <подано> больше 160 прошений! Огромная нужда и тяжелая борьба – а требование работы приходится повышать.

Разговоря о Кассо. Шварц прислал Котл[яревскому] письмо, что он не мог его утвердить и просил об этом своего заместителя. До конца его деятельности ложь и страх власть имущих.

Ниночка <Н.В. Вернадская> у доктора. Ансеров нашел в общем все благополучно.

Днем были Гуля <Г.В. Вернадский> с Сережей Ольд[енбургом], Овчинник[ов] [3], О.А. Зернова.

Начал читать Печерина (Гершензона) [4]; читал в связи с описат[ельной] минерал[огией] [5].

Примечания

1. Электрометр – прибор для измерений разности электрических потенциалов (напряжения), малых электрических зарядов и сил тока.

2. Стипендия Демидова (для студентов всех факультетов, но преимущественно для студентов физико-математического факультета, занимающих естественными науками) учреждена в 1813. См. о ней и о других степендиях Московского ун-та в [444].

3. Очевидно, Овчинников Борис Михайлович (1885–1938) – юрист, присяжный поверенный, политический защитник. Окончил гимназию в Астрахани (1903) и юридический ф-т Московского ун-та (1908). С 1906 член студенческой фракции конституционно-демократической партии. Помощник присяжного поверенного (с 1908), присяжный поверенный (с 1912). Особенно известен своей успешной защитой Михаила Васильевича Фрунзе (1885–1925), будущего командарма Красной Армии, обвинявшегося в покушении на убийство полицейского. В 1909 несколько месяцев провел под арестом (за распространение нелегальной литературы). В мае 1917 избран в Центральный комитет конституционно-демократической партии, с июня 1917 – гласный Московской городской думы от той же партии; член Предпарламента (Временный совет Российской республики, октябрь 1917). Осенью 1919 участвовал в деятельности Всероссийского национального центра – антибольшевистской организации, которая действовала в основном на занятом Добровольческой армией Юге России. В 1920-х работал нотариусом, затем вступил в Крымскую коллегию защитников, откуда в 1929 по постановлению Президиума Крымского Центрального исполнительного комитета был исключен за недисциплинированность, уклонение от общественной работы и рвачество, но по решению Областной контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции Крыма реабилитирован. В конце 1929 с семьей переехал в Москву. Вероятно, с 1931 член Московской коллегии защитников. Одно время работал по совместительству в Народном комиссариате внутренней торговли, в 1933–1938 юрисконсульт в Государственном академическом Малом театре. В 1938 арестован, обвинен в принадлежности к антисоветской террористической организации в Московской коллегии защитников и расстрелян. Из его письма Вернадскому от 22 февраля 1912 следует, что он в то время был адвокатом А.Б. Миссуны (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1186. Л. 1).

4. См.: *М.О. Гершензон* Жизнь В.С. Печерина. – М., 1910. – 227 с. Из письма В. И. Вернадского Н.Е. Вернадской 2 октября 1910 г. (из Москва): «зачитался гершензоновым Печериным. Действительно по-человечески страшно интересно» [146, с. 44]. В записной книжке за 1910 Вернадский пометил: «Александре Васильевне <Гольштейн?> книжку Гершензона о Печерине» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 271. Л. 3).

5. Очевидно, в связи с подготовкой очередного выпуска «Опыта описательной минералогии».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В.И. Вернадский
О применении принципа Ле Шателье-Джиббса
к явлениям кристаллизации
<Проект сообщения>
на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей,
секция минералогии, 5 января 1910 г.
(машинописная копия, Мемориальный кабинет-музей
академика В.И. Вернадского при ГЕОХИ РАН, № 997а /I–3)

Я хочу остановить ваше внимание на нескольких следствиях применения к явлениям кристаллизации принципа Ле Шателье-Джиббса, который, как мне кажется, позволяет охватить теоретическими объяснениями и делать предвидения в области, теории не поддававшейся.

После работ Джиббса (1864) и Кюри (1884) некоторые принципы термодинамики были приложены к объяснению явлений кристаллизации – таково приложение правила фаз, объясняющее явления полиморфизма, учение о свободной энергии, прилагаемое к объяснению формы кристаллических полиэдров, и т. д. Но все же, и до сих пор в области явлений кристаллизации остаются разнообразные явления, которые до сих пор не связаны между собой никакими законностями. Я хочу обратить внимание на некоторые простые соотношения, которые получаются при применении к явлениям кристаллизации одного из принципов термодинамики, известного под разными названиями – принципа Ле Шателье, Ле Шателье-Джиббса, Ле Шателье-Брауга и т. д., ибо, как постоянно мы наблюдаем в истории этой глубокой физической дисциплины, мы находим, что одно и то же явление в равной форме почти одновременно открывалось разными исследователями. Мне кажется, однако, что впервые этот принцип был в частном случае открыт и приложен Джиббсом, затем, тоже в частных случаях, прилагался и самостоятельно излагался Вант Гоффом, Липпманом, Дюгемом и, наконец, в наиболее ясной и полной форме был высказан в 1884–1888 гг. Ле Шателье.

Я не буду входить в оценку значения этого принципа. Он, по-видимому, принадлежит к категории тех законностей, которые относятся ко второму положению термодинамики, и по мнению некоторых физиков, например Хвольсона, могут быть охвачены в одном общем, нами до сих пор недостигнутом, его определении. Действительно ли

это так – вопрос все-таки спорный, и по существу для нас ненужный. Гораздо лучше пользоваться этим принципом как эмпирическим обобщением, проверенным огромным количеством фактов. Так вывел его Ле Шателье и таково его значение для физика.

Принцип Ле Шателье определяет характер изменения какой-нибудь системы, находящейся в равновесии, при нарушении этого равновесия изменением какого-нибудь из ее факторов. Он гласит так: если мы изменим в каком-нибудь направлении один из факторов системы равновесия, в системе развиваются процессы, стремящиеся компенсировать это изменение. Если в частном случае мы обратим внимание на систему равновесия, находящуюся под влиянием t <температуры> и p <давления>, например, систему, состоящую из разных фаз воды, мы *увеличим* один из факторов, напр[имер] t <температуру>, в системе будут развиваться процессы, стремящиеся уменьшить t <температуру>, т. е. поглощающие тепло, напр[имер], вода будет испаряться. Если мы *уменьшим* этот фактор – t <температуру> – в системе будут развиваться процессы, вызывающие увеличение t <температуры>, т. е. связанные с выделением тепла, например, вода будет осаждаться, и т. д. Многочисленные и разнообразные применения этого правила были даны в свое время Ле Шателье и другими физиками и химиками, и мы не знаем ни одного исключения из этого простого положения. Уже Ле Шателье применил его к выяснению некоторых явлений кристаллографии – напр[имер], к изученным им и Малларом случаям полиморфизма.

Одновременно с Ле Шателье Кюри применил учение о равновесии к явлениям кристаллизации и, в частности, к образованию формы кристаллических многогранников. После него не раз и в различной степени применялись к этим вопросам те или иные частные положения термодинамики, и не будет ошибочным в настоящее время утверждение, что признание процессов выделения кристаллического многогранника, как частного случая физических равновесий, является в науке господствующим. Законы равновесия физических систем объясняют нам не только замерзание, испарение твердого тела, плавление, полиморфные превращения – *но и форму выделяющихся при этом многогранников*. К ним могут быть сведены и *формы кристаллизации* – появление простых полиэдров, параллельных сростков, двойников и т. д.

Применение учения о равновесии или законов термодинамики к явлениям кристаллизации, однако, не ограничивается этими частными

случаями. Само собою понятно, что допущение этого объяснения к некоторым частям процесса возможно лишь при признании его полного подчинения всем следствиям из учения о равновесии. Следовательно: 1) все частности явления кристаллизации должны предвидеться термодинамикой и 2) все обобщения термодинамики, относящиеся к процессам равновесия, должны иметь место и в процессах кристаллизации. Первый вывод был уже сделан Кюри, который применил его к объяснению влияния примесей в растворе на форму кристаллов; после Кюри мы видим многочисленные приложения тех же мыслей.

Совершенно аналогично к процессам кристаллизации мы должны применить и второй вывод. И действительно, легко убедиться, что приложение, например, принципа Ле Шателье освещает некоторые стороны процессов кристаллизации, оставленные до сих пор в стороне.

Для этого придадим принципу Ле Шателье форму выражения, обратную той, которой пользовались раньше. Уже Ле Шателье указал, что этот принцип имеет взаимный характер, т. е. может быть всегда направлен в ту и в другую сторону.

Придадим принципу Ле Шателье следующее выражение: если в какой-нибудь системе, стремящейся к равновесию и подчиняющейся законам равновесий, происходят процессы, связанные с определенным изменением какого-нибудь фактора системы, то обратное изменению этого фактора должно вызвать в системе наблюдаемый процесс. Так, в частном примере воды если при испарении наблюдается поглощение тепла, т. е. уменьшение t <температуры>, то увеличение температуры должно вызвать испарение. Если при осаждении воды выделяется тепло, т. е. увеличивается фактор t <температура>, то уменьшение температуры должно вызвать сгущение воды.

На основании так выраженного принципа Ле Шателье очевидно, что в процессе кристаллизации необходимо обращать самое тщательное внимание на *выделение энергии, при ней происходящее*, причем важно не только количество этой энергии, но и ее качество. Ибо всякое выделение энергии указывает нам, что обратное ее приложение к процессу кристаллизации может менять этот процесс. Оно не является случайным признаком, не имеющим значения в процессе кристаллизации: наоборот, оно является отражением определенных изменений, идущих или шедших в данном процессе.

На выделение энергии при процессах кристаллизации обратили внимание очень давно. Однако, любопытно, что главная масса

наблюдений сосредоточена у старинных ученых; в новых работах, может быть, только явления свечения обратили на себя внимание.

Мы имеем следующие выделения энергии при кристаллизации:

1) Механические – кристаллы производят движение при росте, напр[имер], кристаллы протокатехиновой кислоты или многочисленные разнообразные деформации при кристаллизации в окружающей среде. Это явления т[ак] наз[ываемой] кристаллообразующей силы.

2) Тепловые – выделения тепла.

3) Световые (или электрические?) – выделения света или электричества.

Только первые два имеют особое значение, так как более изучены etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

В.И. Вернадский

Отзыв (возражения) на работу С.А. Вейберга [1]
«Материалы к познанию химического состава
породообразующих слюд» [344], 1910 г.
(АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–14) [2]

Мне приходится начинать свои возражения выражением сожаления, что Вы, Сигизмунд Александрович, выставили для соискания <научной> степени работу, которая далеко на является лучшей из Вами сделанных.

При ее оценке – привыкши относиться с большим интересом и уважением к Вашим работам – я не мог забыть об этих других работах, и только принимая их во внимание, я счел возможным выступить Вашим оппонентом на сегодняшнем диспуте.

Я признаю, что Вы затратили много времени и сделали работу трудную, дали ряд новых чисел, получить которые было нелегко. В этом отношении Ваша работа имеет известное значение: она увеличила наши знания о составе породообраз[ующих] слюд. Но эти Ваши новые данные составляют небольшую часть Вашей работы. Главную часть ее составляет попытка осветить эти полученные данные, сравнение Вашего материала с материалами других исследователей. В этом

[344] См. в списке литературы работу [63].

сравнении и оценке Вы допустили целый ряд таких предположений и допущений, против которых я вынужден самым горячим образом протестовать.

Я не буду или по крайней мере постараюсь не касаться частностей, а буду касаться общих положений.

Во-первых, положений методологического характера.

1. Одним из очень крупных недостатков Вашей работы я считаю полное отсутствие указаний на то, *ка́к* Вы делали анализ. Я этих указаний не нахожу нигде. А между тем, это необходимо знать, т[ак] к[ак] некоторые Ваши анализы резко отличаются от анализов других лиц. В то же время, сравнение Ваших чисел между собою вызывает вопросы, ответы на которые невольно ищешь в указаниях методов анализа. В частности:

а) Совершенно не указан метод определения H_2O. А между тем, на стр[анице] 14 (FeO, Fe_3O_3 и H_2O) воды страшно много.

Стр[аница] 52 <–> о вторичной гидратации: но это вода, легко выделяемая при низких t <температурах>.

б) Неясно, пробовали ли на F <фтор>. В граните из Косисты [3] по анализу Павлицы находится (стр[аница] 9) 0,21% F (может быть отнесен только к слюде), (стр[аница] 28) <–> в средних Татрах 0,20% F.

Стр[аница] 49 <–> в гранитах F, а в слюдах нет!

Ср[авните] стр[аницу] 49 (Гораздовский).

в) Делалась ли проверка на чистоту Al и Si. Большое количество Ti. Стр[аница] 25 – в двух *мусковитах* огромное количество TiO_2.

Стр[аница] 45 <–> Ba в слюдах.

в[1]) BaO. На стр[аниц]е 22. Для ортоклаза 1,02% BaO. В граните (стр[аница] 9) следы или 0,11 BaO. Очень сомнительно, где-нибудь ошибка.

г) [345] Странно отсутствие в анализах Li. А между тем, на стр[анице] 28 в граните 0,03% Li_2O (как делали анализ?), стр[аница] 36 <–> в граните – 0,01% Li_2O (стр[аница] 45 <–> биотит содержит Li, а мусковит – нет). Стр[аница] 45. В мусковитах нет FeO?

д) Нигде не указаны количества. Делались ли в одной или разных порциях (напр[имер], стр[аница] 14).

2. Вторым, тоже методологическим, возражением является отсутствие ясного теоретического представления о формулах рассматриваемых слюд.

---

[345] Слева на полях: только к слюдам м[оже]т б[ыть] отнесен Li.

Я понял бы, если бы Вы стояли на определенной точке зрения, что нельзя или вернее невыгодно строить какие-нибудь гипотезы о строении алюмо- и ферросиликатов. В таком случае Вы дали бы эмпирические формулы. Но Вы поступили иначе. Вы дали какие-то подразделения – ничем их не обосновав – не получили этим путем никаких результатов и на этом остановились. А между тем, из Ваших чисел и чисел Вами собранных можно сделать известные выводы.

Стр[аница] III («только одно теор[етическое] доп[ущение]»)

($R_2O + H_2O$) : R_2O_3

Отчего 2RO : RO_2

Неясно, не соединяли ли Вы R_2O с *частию* H_2O.

Стр[аница] 47. Соединение TiO_2+SiO_2 вместе есть теоретический вывод.

Для мусковита $MgO+CaO+K_2O+Na_2O = K_2O$ – совершенно произвольно и теоретически недопустимо.

<…>

Хлорит – продукт метаморфизации, но не выветривания. Образование «хлорита» сейчас на поверхности.

Амфибол – количество Na_2O в обычных амфиболах (у В. – 33) 1,5%.

количество K_2O ..” “ “ (…”..”.. – 4,3 – при FeO и Fe_2O_3 и MnO).

Биотит и мусковит – где чаще Li.

Биотит – часть ли Ba (стр[аница] 40).

Описание неясное многих петрографически важных минералов.

Стр[аница] 10 <и> сл[едующая]. Хлорит из биотитов.

Очень странный процесс.

Хлорит ли? Когда образуется хлорит из биотита?

Стр[аница] 33 <и> сл[едующая]. 4,31%, *амфибол*.

Стр[аница] 45. *Fe_2O_3* в мусковитах?

Биотиты, богатые FeO.

TiO_2 в мусковитах.

<…>

Т[аким] о[бразом], богатые TiO_2 мусковиты занимают совершенно определенное место среди мусковитов? 7 из 120.

(I) Из 120 анализов мусковита у Гинтце [4] соотв[етственное] количество указано в 7–8 – почти все *серициты*.

Вы считаете мусковит вторичным (см. стр[аницы] 16, 50), происшедшими из биотита – но при разрушении биотита TiO_2 выделяется в форме рутила или анатаза. Чрезвычайно сомнительно, чтобы она <TiO_2, окись титана> перешла в каолиновое ядро.

3. К числу тех же методологических недоразумений является и Ваша вычислит[ельная] работа. К сожалению, Вы не даете приближений, каким отвечают коэффициенты окислов, Вами даваемые. Благодаря этому чрезвычайно трудно пользоваться Вашими числами и т. д. Приходится работу, Вами проделанную, сделать вновь.

4. Наконец, четвертое возражение, также методологического характера, касается всех Ваших геологических выводов. Они поражают своей фантастичностью [346] и не знаешь, что такое Вы в них нам представляете.

Стр[аница] 10 <–> хребет между двумя горами!

Я не знаю ни одного случая, где бы хлорит (стр[аница] 11) отлагался теперь: хлорит есть продукт метаморфизации, но не выветривания

Стр[аница] 49 <–> экзотичность nappe de recouvr[ement] [5]. Необыкновенно легкомыслена.

50 [347] <–> вторичное образование всего гранита действием растворов.

50 <–> фантаст[ическа]я карт[ина] влияния давления.

Петрограф[ическая] номенклатура довольно произвольна. По-видимому, Розенбушевская [6], но рядом на стр[анице] 31 – «амфиболит». Сейчас же указываете, что имеете дело с амфибол[итовым] диоритом. Но *какой* амфибол! (стр[аница] 33) – странно количество H_2O и Na_2O.

Стр[аница] 41 – амфиболит.

Благодаря таким неправильным методологическим приемам, мне представляется, значит[ельная] часть Ваших выводов отпадает и в результате Вашей большой работы Вы получили мало данных. В значительной степени это обусловлено той *небрежной* формой, в какой Вы представили Вашу работу. Я не буду повторять того вывода, который я сделал в начале <своего отзыва>, что лишь ввиду всей совокупности Ваших работ я счел возможным выступать на диспуте [7]. Но не могу не остановиться на нескольких примерах небрежности, которые не

---

[346] Совершенно также Вы относитесь и к выводам минералогич[еского] характера, напр[имер], по отношению к хлориту (стр[аница] 10).

[347] Слева: пегматит.

входят в общее решение 4^x основных положений, выше указанных, но которые ведут к тому же – заставляют с великой осторожностью относится к Вашим выводам.

Стр[аница] 14. Эпидот.

Я должен сказать, что вижу очень мало общего между формулой 2 и 2а или 1 и 1а.

43. Жидкость Гольдшмидта [8].

<…>.

Примечания

1. 5 мая 1909 из Варшавы Вейсберг обратился к Вернадскому: «Наконец я довел до конца печатание моей последней работы и экземпляр ее одновременно с настоящим письмом я посылаю Вам, многоуважаемый Владимир Иванович. Если эта работа заслужит Ваш одобрительный отзыв, я просил бы тогда Вас считать ее моей магистерской диссертацией и позволить мне защищать ее перед Вами. Пользуюсь случаем выразить Вам мое глубокое уважение и полную преданность. С. Вейберг» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. д. 47. Л. 4). Сигизмунд Александрович Вейберг (Зигмунт Щепан Вейберг; польск.: Zygmunt Szczepan Weyberg, 1872–1945) – российский и польский минералог, кристаллограф и химик. Магистр (1910, Московский университет) и доктор (1912, С.-Петербургский университет) минералогии и доктор геогнозии (1912), профессор (1912). Направления научных исследований: общая и экспериментальная минералогия, ростовая кристаллография; изучение алюмосиликатов, пегматизации гранитов, изоморфизма; открыл и описал примитивный (тетраэдрический) вид тетрагональной сингонии на примере синтезированного им алюмосиликата кальция. В основе экспериментальных работ по минералогии алюмосиликатов лежала идея Вернадского о каолиновом ядре. Автор около 160 научных работ, среди них 9 книг и учебников. Окончил Варшавский университет (1897), работал там же хранителем минералогического музея и заведующим кафедрой фармацевтической химии (1912–1920). Основатель и заведующий кафедрой кристаллографии (1920–1936), по совместительству декан философского факультета (1920–1921) Львовского университета, в 1936–1945 – заведующий кафедрой минералогии и петрографии Варшавского университета. В Архиве РАН сохранились письма 1903–1934 годов Вейберга Вернадскому, которые автор неизменно подписывает «С. Вейберг».

2. Публикуемый материал представляет собой, судя по всему, черновик-набросок возможного выступления Вернадского на защите Вейбергом магистерской диссертации. В тексте опущено несколько листов с проверочными расчетами Вернадского различных вариантов написания Вейбергом химических формул и т. п. В дневнике Вернадского есть запись от 25 апреля 1910: «Немного готовился к Вейсбергу. Но плохо» (см. приложение 2).

3. Koszysta, или Kosista (польск.) – горный хребет в польской части Высоких Татр.

4. Гинтце (Hintze) Карл (1851–1916) – немецкий минералог и кристаллограф, профессор и директор минералогического института в Университете Бреслау, с 1910 – также сал профессор Технического университета Бреслау. Автор известного «Справочника по минералогии» («Handbuch der Mineralogie»), который, очевидно, и упоминает Вернадский.

5. Впервые (в 1893) термин «nappe de recouvrement» был употреблен для обозначения обширных аллохтонных покровов («покровы перекрытия») в Западных Альпах.

6. Розенбуш (Rozenbusch) Карл Генрих Фердинанд (1836–1914) – немецкий петрограф и геолог; доктор философии (1869). Учился в Гёттингенском и Гейдельбергском унтверситетах. С 1873 – профессор минералогии и геологии Страсбургского университепта в 1878–1908 Гейдельбергского университета; одновременно основатель и директор Геологического комитета в Бадене (с 1888). Основные труды связаны с изучением микроструктурных особенностей горных пород. Разработал физико-оптический метод определения минералов в шлифах, усовершенствовал поляризационный микроскоп. Описал микроскопический метод исследования горных пород (1873). Рассматривал кристаллизацию магмы как главную причину разнообразия изверженных горных пород. Выделил разные типы метаморфизма горных пород, предложив термин «динамометаморфизм» (1886). Его именем (в 1887) назван редкий минерал из группы фторосиликатов – розенбушит.

7. В 1910 Вейберг защитил в Московском ун-те магистерскую диссертацию по минералогии и геогнозии на тему «Материалы к познанию химического состава породообразующих слюд» [391, с. 138–139]. К этому надо добавить, что в письме от 16 марта 1911 Вейберг просит Вернадского опубликовать текст его докторской диссертации «Некоторые каолинаты и их производные» в трудах Геологического музея, если, конечно, она может быть по мнению Вернадского, соответствовать докторской диссертацией (АРАН, ф. 518, оп. 3а, д. 47, л. 22 об). Эта работа Вейберга 23 марта 1911 была представлена Вернадским на заседании Физико-математического Отделения АН и рекомендована к напечатанию в «Трудах Геологического музея», что и было сделано (Вейберг С.А. Некоторые каолиниты и их производные // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской академии наук, 1911, т. 5, с. 57–216). В 1912 в С.-Петербургском университете Вейсберг защитил диссертацию «Некоторые каолинаты и их производные» на степень доктора минералогии и геогнозии (Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1912 год. – СПб., 1913, с. 251).

8. Гольдшмидт (Goldschmidt) Виктор Мордехай (1853–1933) – немецкий кристаллограф и минералог. Ему принадлежит целый ряд нововведений и усовершенствований в области кристаллографических исследований. По словам А.Е. Ферсмана, труды Гольдшмидта стали «основным вкладом в понимание кристалла». Окончил школу в Майнце (1870), поступил сначала в Горную академию

Берлина, после двух семестров стал студентом Горной академии Фрайберга, окончил ее в 1874, получил звание инженера-металлурга, оставлен на должности ассистента директора (вел занятия по курсу пробирного искусства). Стажировался по химии и палеонтологии в Мюнхенском ун-те (1878). В 1879 работал под руководством Розенбуша в Гейдельбергском ун-те, в 1882–1888 в Венском ун-те основное внимание стал уделять кристаллографическим исследованиям. В 1888 в Гейдельбергском ун-те защитил докторскую диссертацию «Über Projektion und graphische Krystallberechnung» (1888). С 1898 профессор кристаллографии и минералогии в этом ун-те, где на свои средства основал лабораторию, в которой работали не только студенты, но и многие иностранные исследователи, в том числе из России (А.Е. Ферсман, В.В. Аршинов, и др.). Ввиду недоброжелательного отношения к нему «культурных» официальных кругов и университетского окружения (еврей по национальности, женатый на католичке из Праги) основал в 1895 частный Ин-т минералогии в его собственном доме. На базе университетской лаборатории и «домашнего» Ин-та минералогии супруги Гольдшмидт в 1916 создали Ин-т кристаллографии его имени. Член АН Турина (1905 г.), Американской академии искусств и наук (1914 г.), Королевской академии наук и искусств Барселоны (1928 г.), член-корреспондент Петербургской АН (1912). Почетный член Минералогического об-ва Великобритании и Ирландии (1912) и Австрийского минералогического об-ва (1933), член Геологического об-ва Лондона (1931), почетный доктор Королевского ун-та в Кингстоне (1904). В 1933 г. – после прихода нацистов к власти в Германии – переехал в австрийский Зальцбург. После аншлюса Австрии в марте 1938 все имущество его семьи и почти вся коллекция минералов попали в руки гестапо.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

В.И. Вернадский

Обращение к Академии наук
по поводу минералогической коллекции П.А. Кочубея
Выписка из Протокола заседания Физико-математического Отделения Академии наук от 26 мая 1910 г. [http://higeo.ginras.ru/hosted-files/pub-fil-605.pdf?ysclid=mnq8397xtb993090856] // Протокол засед. Отд. физ.-мат. наук ИАН. 26 мая 1910 г. Ст. 335: Приложение к письму С.С. Ольденбурга А.П. Карпинскому. № 2477. 30 сент. 1910 г. 2 с. (место хранения – группа истории геологии ГИН РАН).

В.П. Кочубей сделал известными академику Ф.Н. Чернышеву свое намерение продать минералогическую коллекцию своего отца и свое желание, если бы это оказалось возможным, сохранить ее в России.

Ввиду того, что коллекция П.А. Кочубея является собранием исключительной ценности и совершенно исключительного научного значения, я решаюсь обратиться в Академию наук с заявлением о необходимости сохранения в России этой коллекции.

Коллекция эта составлялась П.А. Кочубеем, умершим в 1892 году, в течение 40 лет. Она заключает многочисленные оригиналы работ академиков Кокшарова, Гадолина, Еремеева, Норденшильда, Арцруни, Ерофеева. Целый ряд русских минералов представлен в ней униками и экземплярами исключительной цены и сохранности. Во время крестьянских беспорядков 1905 года коллекция эта, хранившаяся в имении П.А. Кочубея в Черниговской губернии, сильно пострадала от неистовств толпы, разграбившей усадьбу. Она была приведена в порядок долгой и упорной работой ассистента Минералогического кабинета Киевского университета г. <Л.А.> Крыжановского под руководством профессора того же Унивеситета П.Я. Армашевского. В результате этой работы бóльшая часть коллекции была спасена. К сожалению, в то время она не осталась в России, а была перевезена владельцем в Вену, где хранится до сих пор. Начавшиеся тогда переговоры с владельцем о ее сохранении для русских национальных музеев были им прерваны и возобновляются только теперь. Но нельзя не отметить, что и профессор Армашевский и г. Крыжановский, спасая коллекцию, были твердо уверены, – и имели на это основания, – что коллекция эта останется в России.

Несомненно, коллекция эта представляет огромный научный интерес, и сохранение ее в России есть дело национальной важности. Такие коллекции появляются для продажи раз в столетие. В то же самое время коллекция Кочубея имеет для минералогии России первостепенное значение. Имея в виду, что одной из задач собраний Академии наук является сделаться национальными музеями нашей страны, которые давали бы полное представление о ее природе и ее богатствах, собрание Кочубея должно было бы быть приобретено для минералогического собрания Академии, и Академия обязана перед потомством и страной употребить все усилия, чтобы это собрание не ушло за границу и не разошлось по европейским или американским музеям. В нем находятся образцы, которых теперь нельзя приобрести ни за какие деньги, и которые отсутствуют в русских музеях. Я полагаю, что сохранение этого собрания в России есть дело национальной важности, и ввиду того, что академия, конечно, не может на свои скудные

средства приобрести это, стоящее многие тысячи рублей, собрание, честь имею просить Отделение:

1) выразить принципиальное согласие на приобретение этого собрания, войдя в законодательные учреждения с соответствующим ходатайством об отпуске необходимых для этого сумм;

2) войти в сношение в В.П. Кочубеем о перевозке этого собрания из Вены в Петербург с тем, чтобы оно могло быть оценено компетентными лицами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

В. Линд [1]

<Рецензия на книгу:>

В.А. Вагнер [2]. Биологическая теория и вопросы жизни. – СПб., 1910 г. VIII и 172 стр. Ц. 85 к.

// Русская мысль, 1910, кн. 7, с. 223–225 [348].

Книжка эта составляет один из томов издаваемой Образованием «Популярной естественно-научной библиотеки» и вместе с тем первый том серии книжек по вопросам биологии, которую обещает дать автор. В нем говорится о вопросах несомненно интересующих в настоящее время литературу и образованное общество. Но общая мысль, которая бы объединяла их, выражена неясно.

С самого начала, во введении, автор ставит своей задачей разрешение «спора о том, кто призван давать ответы на вопросы индивидуальной и общественной жизни, кто компетентен в организации этой жизни, в установлении правил поведения и указания путей, которые могут привести человечество к лучшему будущему, – одни ли так называемые гуманитарные знания, или рядом с ними и вместе с ними знания естественно-исторические вообще и прежде всего биология». Уже в этом определении за одну скобку ставятся два вопроса совершенно различные: один о границах биологии, как теоретической науки, другой о компетенции ее в выработке практических правил для улучшения личной и общественной жизни.

[348] Эту рецензию редактировал В.И. Вернадский.

В первой главе излагается исторический ход развития эволюционной теории в биологии, начиная от Р. Бэкона до новейших продолжателей <Ч.> Дарвина. Но уже со второй главы, носящей название: «Биологические принципы в социологии», главным вопросом для автора является не тот, который был поставлен Дарвином и дарвинистами, именно, насколько борьба за существование есть первенствующий фактор в эволюции организмов, а другой, – насколько эта борьба за существование распространяется на человечество, действуя в нем как фактор прогресса. Переходя далее в главе «Наука как критерий качества жизни» к разбору воззрений <Льва> Толстого, автор незаметно опять сходит на другую плоскость рассуждения. Известно, что Толстой восстает вообще против науки в современном смысле этого слова, а не против одного дарвинизма, потому что, по его взгляду, наука нисколько не помогает людям устроить свою жизнь, не научает их как надо жить. Хотя автор много говорит и мнениях Толстого, но все его рассуждения не могут не быть бесплодными в силу отсутствия всякой общей исходной точки между Толстым и тем, кто хочет вести с ним спор, оставаясь на научной почве. Как на доказательство в своей полемике с Толстым автор ссылается на будто бы уже замечающееся в большинстве великих европейских наций вырождение, с которым бороться возможно не старыми уже не действующими способами «мудрости», о которых говорит Толстой, но лишь новыми средствами науки. Нельзя, однако, сказать, чтобы и самое существование такого вырождения было убедительно доказано. От Толстого автор переходит к <Эрнесту> Ренану и <Фридриху> Ницше с их предположениями о совершенствовании человечества путем выработке в его среде новой формы сверхчеловека. По этому поводу автор высказывает справедливую мысль, что совершенство в смысле выработки наилучшего, и в особенности нравственно наилучшего типа вовсе не совпадает с совершенством в смысле наибольшей способности к самосохранению. В значительной мере справедливыми кажутся нам и его возражения <И.И.> Мечникову на высказываемый им взгляд о необходимости гармонического развития человека. Несомненно, что разбор различных мнений выдающихся мыслителей относительно прогресса в человеческом обществе в связи с общими законами развития живых организмов представляет по существу своей темы высокий интерес и в этом смысле, конечно, интересна и книжка В.А. Вагнера, тем более что многие частности в ней изложены очень живо и понятно. Но все же производимое ею общее впечатление таково, как будто отдельные главы

книги представляют самостоятельные монографии, очень слабо связанные лишь общей близостью их к вопросам, с одной стороны, о дарвинизме, как научной теории, а с другой – о нахождении практического пути для наилучшего построения человеческой жизни.

Примечания

1. Линд Василий Николаевич (1843–1916) – земский деятель, публицист, переводчик, организатор издательства «Книжное дело» в Москве. Окончил Тверскую гимназию (1860), поступил на физ.-мат. ф-т Московского ун-та. В 1861 принимал участие в студенческих волнениях, был арестован. В 1863 ушел из Московского ун-та, поступил в Петербургский ун-т, но курса не окончил. С 1868 служил в Тверском земстве, секретарь Новоторжского уездного съезда мировых судей, член Новоторжской уездной земской управы, позже ее председатель, гласный Тверского губернского земского собрания, участник земских съездов (1904–1905), председатель Об-ва взаимного кредита. В рамках земской деятельности многое сделал для развития народного образования, при его непосредственном участии создавались Новоторжская учительская и Ржевская техническая школы. Оказывал помощь политическим ссыльным, способствовал в устройстве учителями народников, занимался устройством учителей, переходивших или вынужденных перейти из Новоторжского уезда в другую губернию. С 1890-х участвовал в общероссийском либеральном движении, член кружка «Беседа» и «Союза Освобождения». В 1905 вступил в кадетскую партию. Вел «Внутреннее обозрение» в журнале «Русская мысль», сотрудничал с «Русскими ведомостями». Общался и переписывался с В.И. Вернадским.

2. Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) – биолог, доктор зоологии (1901). Окончил юридический (1874) и физико-математически (1882) факультеты Московского университета. Один из организаторов Психоневрологического института в Петрограде и Музея эволюции нервной системы и психики при Институте мозга в Ленинграде. В 1890-е преподавал в средних и высших учебных заведениях, среди которых Екатерининский и Александровский институты, частная женская классическая гимназия З.Д. Перепелкиной, с конца 1890-х читал лекции в Московском университете; с 1906 – директор Императорского коммерческого училища. С 1907 – декан естественно-исторического отделения педагогического факультета Петербургского психоневрологического института, вице-президент этого Института (до 1918). Приват-доцент (1906–1918) и профессор (1918–1931) кафедры зоологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Основатель журнала «Естествознание в школе» (1912), один из основателей и первый редактор журнала «Природа». Был хорошо знаком с В.И. Вернадским, общался и переписывался с ним в 1901–1929 (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 223.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

В.В. Карандеев [349]

Минералогический кружок при Минералогическом кабинете Московского университета. 1901–1910

(Ежегодник по геологии и минералогии России, издаваемый под редакцией Н. Криштафовича, 1914, т. XVI, вып. 1, с. 26–30)

1

В жизни Минералогического кабинета первые годы нынешнего столетия совпадают с периодом наивысшего расцвета его научной и учебной деятельности. Минералогическая лаборатория, где велись специальные работы по кристаллографии и минералогии, была переполнена и временами не могла вместить стремившихся в то время работать под руководством проф. В.И. Вернадского.

Студенческие волнения, широкой волной прокатившиеся в ту пору по всем русским университетам, сравнительно мало отражались на научных занятиях Минералогического кабинета, несмотря на то что многие студенты, работавшие в Минералогической лаборатории, принимали активное участие в студенческом движении. Наоборот, казалось даже, что элемент общественности среди занимавшихся в лаборатории оживлял и одухотворял специальную научную работу, внося в нее глубокую веру и одушевление, которыми была проникнута учащаяся молодежь того времени.

Характерной чертой в жизни Минералогической лаборатории были дружные отношения в среде специалистов, а также постоянное общение и тесная связь между ними, с одной стороны, и руководителями их научной работы – с другой. При повышенном настроении того времени, а также при значительной разнице во взглядах и темпераментах дело не обходилось без горячих споров на научные и

[349] Карандеев Виссарион Виссарионович (1878–1916) – минералог и кристаллограф. Окончил 5-ю Московскую гимназию (1897) и естественное отделение физ.-мат. ф-та по кафедре минералогии Московского ун-та (1903). Ученик В.И. Вернадского. Оставлен при ун-те; ассистент, приват-доцент (1910–1911) кафедры минералогии; организовал лабораторию термического анализа, читал лекции по минералогии и кристаллооптике. Ушел из Ун-та в 1911. Профессор минералогии и кристаллографии Московских высших женских курсов (с 1910). В 1915 уехал на фронт как представитель Всероссийского земского союза. Умер в Каменце-Подольском от сыпного тифа. – *Е. Я.*

общественные темы; но эти споры всегда носили строго принципиальный характер, никогда не опускавшийся до степени личных ссор и пререканий. В значительной мере этому способствовали личные качества главного руководителя Минералогического кабинета, профессора В.И. Вернадского, который пользовался большим авторитетом не только среди работавших в Минералогическом кабинете, но и среди разнообразных студенческих групп, а также прямой и вместе с тем оригинальный характер заведующего лабораторией, ныне уже покойного П.К. Алексата, к которому все работавшие под его ближайшим руководством в лаборатории относились с искренней любовью и уважением. Но главной основой близких и дружеских отношений, которые установились в то время в Минералогическом кабинете, бесспорно, следует признать тот чистый дух научного исследования, который приносил с собой В.И. Вернадский и который одушевлял всех работавших в Минералогическом кабинете.

2

Мысль о создании Минералогического кружка для более тесного общения на научной почве как нельзя более соответствовала господствовавшему в то время настроению. Мысль эта, высказанная В.И. Вернадским в 1901 году, встретила среди работавших в Минералогическом кабинете горячий отклик, и 22 ноября 1901 года состоялось первое, организационное, собрание Кружка. Сохранился протокол этого первого собрания, из которого мы видим, что организаторами Кружка явились следующие лица: профессор В.И. Вернадский, магистрант Я.В. Самойлов, ассистенты Минералогического кабинета А.О. Шкляревский и С.П. Попов, а также студенты: В.Л. Альбанский, В.В. Аршинов, Л.Л. Иванов, В.В. Карандеев, К.А. Ненадкевич, П.П. Пилипенко и Н.В. Скворцов [350]. Председателем был избран В.И.

[350] Из упомянутых лиц Самойлов состоит ныне профессором Сельскохозяйственного института в Москве, Шкляревский скончался в 1902-ом году, Попов состоит профессором в Ново-Александрийском Сельскохозяйственном институте, Альбанский – преподавателем в средних учебных заведениях в Москве, Аршинов – заведующим созданного им Петрографического института Lithogaea в Москве, Иванов – профессором в Екатеринославском горном институте, Карандеев – преподавателем на высших женских курсах в Москве, Ненадкевич – старшим лаборантом Химической лаборатории при Геологическом музее Академии наук, Пилипенко – профессором в Томском политехническом институте, Скворцов был сослан по политическому делу и принужден был отказаться от научной деятельности.

Вернадский, который и оставался во главе кружка за все время его существования; секретарем – студент Н.В. Скворцов. Было постановлено просить принять участие в работах Кружка следующих лиц: ассистента Минералогического кабинета Высших женских курсов г-жу Е.Д. Ревуцкую, г-жу А.Б. Миссуну, ассистента Минералогического кабинета Университета П.К. Алексата, студента Горного института В.Н. Мамонтова, лаборанта при лаборатории технической химии П.П. Орлова, приват-доцента А.В. Павлова и студентов И.А. Багашева, Ф.К. Кобылкина, Т.А. Молчанова и Н.А. Скрицкого [351]. Затем был рассмотрен составленный В.И. Вернадским обширный список тем для рефератов. Интересно отметить, что в числе предложенных тем (общее число их – 41) некоторые касаются вопросов, которые в ближайшие годы привлекли особенное внимание ученого мира, вызвали обширную литературу и в связи с которыми появились самостоятельные работы участников Минералогического кружка. Достаточно указать, например, на следующие темы: Работы J.H.L. Vogt`a над выделением минералов из расплавленной магмы; работы Vant`Hoff`a об отложении Страссфуртских солей в связи с учением о химическом равновесии; происхождение алмазов по новым работам; о кристаллических жидкостях; о вращении плоскости поляризации; о распространении некоторых элементов в земной коре, и т. д. Припоминая теперь, через 12 лет, появившиеся за это время работы отдельных членов Кружка, нельзя не признать, что для многих из них прочитанные и прослушанные рефераты оказали значительное влияние на характер и направление их будущей научной деятельности.

3

Протоколов первых научных заседаний в 1901 году, к сожалению, не сохранилось. Известно лишь, что в этом году были сделаны

[351] Ревуцкая ныне состоит младшим хранителем Минералогического музея Академии наук, Миссуна – ассистентом при Геологическом кабинете Высших женских курсов в Москве, Алексат скончался 26 октября нынешнего года, Мамонтов состоит горным инженером в Барнаульском горном округе, Орлов – профессором химии в Томском технологическом институте, Павлов – профессором Технического училища в Москве, Багашев по окончании физ.-мат. и медицинск. фак., а также ординатуры при Клинике занимается ныне изучением курортов России; Кобылкин и Молчанов состоят преподавателями средних учебных заведений, о Скрицком сведений нет.

доклады В.В. Аршиновым, В.И. Вернадским, В.В. Карандеевым и С.П. Поповым.

1902-ой год оказался для Кружка неблагоприятным. В связи со студенческими волнениями, которые в этом году достигли наибольшей остроты, некоторые из участников Кружка были арестованы и высланы из Москвы, и, хотя научная работа в Минералогическом кабинете шла своим чередом, однако собрания Кружка возобновились лишь с осени 1903 года. 1903–04 учебный год следует отметить в истории Минералогического кружка тем, что с начала этого года в состав Кружка вступили новые лица, которые стали принимать в его работах деятельно участие; это были студенты: Д.Н. Артемьев, Г.И. Касперович, Н.И. Сургунов и А.Е. Ферсман. Всего за 1903–04 учебный год состоялось 7 заседаний, на которых было прочитано 16 докладов [352].

Осенью 1904 года Кружок собирался лишь два раза, а с 1905 года в деятельности Кружка наступает, по-видимому, значительный перерыв. Во всяком случае до весны 1907 года никаких сведений о заседаниях не сохранилось [353].

Весной 1907 года состоялось лишь одно заседание. За 1907–08 учебный год сведения имеются о трех заседаниях с 7-ью докладами. Есть основания думать, что за этот период заседаний было больше, но сведения о них потеряны. Следует отметить, что с этого года начинается деятельное участие в работах Кружка профессора Ю.В. Вульфа, в этом году (1907) поселившегося в Москве.

В 1908–09 учебном году состоялось 5 заседаний, во время которых было заслушано 15 сообщений. На следующий 1909–10 учебный год приходится 6 заседаний с 19-тб докладами; наконец, осенью 1910 года состоялось 2 заседания кружка с 6-ью докладами.

На этом история деятельности Кружка резко обрывается.

Едва ли кто из участников заседания 5-го декабря 1910 года мог предположить, что это – последнее заседание; едва ли приходило кому

---

[352] В настоящее время Артемьев состоит преподавателем на Высших женских курсах Лохвицкой в Петербурге и ассистентом в Горном институте, Г.И. Касперович скончался в 1912 году, будучи младшим хранителем при Минералогическом кабинете Академии наук, Сургунов – состоит ассистентом при Минералогических кабинетах Московского университета и Сельскохозяйственного института, Ферсман – преподавателем Бестужевских Высших женских курсов в Петербурге и страшим хранителем Минералогического музея Академии наук.

[353] В этом году обязанности секретаря исполнял Г.И. Касперович, в следующем – А.Е. Ферсман.

в голову, что многие члены кружка вынуждены будут в ближайшем будущем расстаться с Московским университетом и что двери Минералогического кабинета закроются как раз для тех, кому судьбы и интересы Минералогического кабинета были особенно близки и дороги.

Весной 1911 года над Московским университетом разразилась беспримерная в истории культурных стран политическая гроза, последствием которой был уход из университета 124-х профессоров и младших преподавателей. Минералогический кабинет оказался в числе наиболее пострадавших институтов Московского университета. Профессор В.И. Вернадский и три приват-доцента (Вульф, Самойлов и Карандеев) покинули Московский университет; органическая связь Кружка с Минералогическим кабинетом была в корне разрушена, а вместе с тем и самый Кружок при Минералогическом кабинете вынужден был прекратить свое существование.

4

Сопоставляя вышеприведенные данные о деятельности Научного кружка, мы видим, что за все время его существования, а именно за 6 лет, если исключить указанные выше перерывы [354], состоялось 30 заседаний, на которых было заслушано 70 докладов. Огромная часть этих докладов касалась вопросов, находившихся в той или иной связи с самостоятельными работами докладчиков, а некоторые доклады представляли собою не что иное, как краткие рефераты впоследствии напечатанных оригинальных работ участников Кружка.

Поэтому приводимый ниже, по возможности полный перечень сделанных докладов представляет не только интерес в смысле характеристики научной деятельности Кружка, но имеет еще значение для отдельных его участников в качестве биографического материала, указывая на те вопросы, которые интересовали докладчика в данный период его научной деятельности.

Перечень докладов, сделанных в заседаниях Минералогического кружка за все время существования (1901–1910) [355]

---

[354] 1901–1910 гг., с перерывами в 1902-ом, первой половине 1903 года, а также в 1905–1906 годах.

[355] Для большинства докладов оказалось возможным установить дату соответствующего заседания; рядом с фамилиями докладчиков указан период, во время которого данное лицо принимало более или менее постоянное участие в заседаниях Кружка.

Д.Н. Артемьев. 1903– 1904.

1) Физическая химия и геология (V. Hoff. 8 лекций и т. д.). 10–X–1903.

2) Работа Е.С. Федорова о влиянии на кристаллизацию вытесняющих примесей. 20–XI–1903.

А.Д. Архангельский.

1) Об условиях залегания Костромских и других фосфоритов. 8–III–1909.

В.В. Аршинов. 1901–1910.

1) Работа W. Voigt`a об определении относительной теплопроводности по методу изотерм. 1901.

2) Реферат о книге: E. Weinschenk – Grundzüge der Gesteinskunde. 31–X–1903.

3) Работы R. Mauzelius`a об определении закиси железа в горных породах. 1908.

4) Простой способ количественного определения калия в силикатах. 16–XI–1908.

5) О полушарии для количественных теодолитнооптических исследований на столике микроскопа. 16–II–1910.

В.И. Вернадский. 1901–1910.

1) (Содержание доклада не восстановлено). 1901.

2) О работах Viola над явлением роста кристаллов и работах Бючли над сетчатым строением кристаллов. 10–X–1903.

3) О жидких фазах. 20–XI–1903.

4) Памяти А.О. Шклдяревского. 1903.

5) Полиморфизм с точки зрения учения о фазах. 1–III–1904.

6) О распространении скандия по работам Эбергарда и Крукса. 1908.

7) О пустых промежутках в изоморфных смесях. 1908.

8) Работы Пилипенко: О селене в Алтайских минералах и о бертрандите с Алтая. 27–IX–1909.

9) и **А.Е. Ферсман**. О молдавитах. 27–IX–1909.

10) Об изомерии в силикатах. 25–X–1909.

11) О распространении индия. 5–XII–1910.

Ю.В. Вульф. 1908–1910.

1) К теории двойников (по поводу взгляда Валлерана). 16–XI–1908.

2) По поводу работы Фриделя о законе Бравэ. 1908.

3) Коллекция моделей из 16-ти кубов для демонстрирования определения симметрии по фигурам вытравливания. 22–II–1909.

4) Об опытах Spezia над кристаллизацией SiO_2. 8–III–1909.

5) Теоретические основания для установки двухромовокалиевой соли. 27–IX–1909.

6) По поводу работы Viola о законе зон в гексагональной системе. 8–XI–1909.

7) О методах получения хороших кристаллов. 16–II–1910.

8) Работы Friedel и Grandjean о жидких кристаллах. 21–XI–1910.

Е.А. Дейша.

1) Работы Friedel и Grandjean о жидких кристаллах. 21–XI–1910.

Л.Л. Иванов. 1901–1904.

1) О работе Ячевского «Условия золотоносности Северного Енисейского округа». 10–X–1903.

В.В. Карандеев. 1901–1910.

1) О кристаллической форме и оптических свойствах двойной соли виннокислого антимонил-свинца и азотнокислого калия. 1901.

2) Об электропроводности минералов по статье Bejerink`a. 31–X–1903.

3) Илецкое месторождение каменной соли. 21–III–1904.

4) О вращательной способности двуосных кристаллов. 7–V–1907.

5) Заметка Sommerfeld`a о вращательной способности двуосных кристаллов. 30–XI–1908.

6) О кристаллической форме и оптических свойствах муравьинокислого свинца. 25–X–1909.

7) Статьи Флавицкого и Горбова по термическому анализу. 7–III–1910.

8) О книге: Kremann – Leitfaden d[er] Graphischen Chemie. 5–XII–1910.

Г.И. Касперович. 1903–1910.

1) Геологические исследования в центральном Кавказе профессора Пятницкого. 10–X–1903.

2) Работа J.H.L. Vogt`a о физико-химич[еских] законах в порядке выделения минералов изверженных пород. 1908.

Ф.К. Кобылкин. 1903–1904.

1) Работа Высоцкого «Качкарская система золотых приисков». 20–XI– 903.

2) О кристаллической форме и физических свойствах 1-фенил – 2-ортотолил – 31-борнил – имидоксантида. 1–III–1904.

Б.А. Линденер. 1908–1910.

1) О явлениях триболюминесценции и кристаллолюминесценции дойной соли $KnaSO^4$.

В.Н. Мамонтов.

1) О метеорите с Алтая. 27–IX–1909. (Доложено В.И. Вернадским).

В.Г. Орловский.

1) Исследования в области Баян-Аула. 7–III–1910.

Г.А. Петунников.

1) О золотых приисках Трансильвании. 23–XII–1904.

С.П. Попов. 1901–1907.

1) Содержание доклада не выяснено). 1901.

Е.Д. Ревуцкая. 1901–1910.

1) О кальците и псевдогейлюссите. 8–XI–1909.

Я.В. Самойлов. 1901–1910.

1) О находке самородной ртути в известняке Артиллерийской бухты в Севастополе. 23–XII–1904.

2) Об изоструктурных солях в ряде барита. 1908.

3) Работа Barker`a о срастании кристаллических тел. 1908.

4) О влиянии концентрации реагирующих растворов на вид и строение осадков (Фон-Веймарн). 16–XI–1908.

5) О Костромских фосфоритах. 8–III–1909.

6) О воде в каолинах. 12–X–1909.

7) О резорбции в зонарных кристаллах плагиоклаза. 5–XII–1910.

И.Ф. Сиома.

1) Геологический и минералогический очерк Келецкой губернии. 10–IV–1904.

М.Н. Соболев. 1909–1910.

1) О полисолях молибдена и вольфрама. 22–II–1909.

2) О метакислотах молибдена и вольфрама. 16–II–1910.

Н.И. Сургунов. 1903–1910.

1) О целестине из Саратовской губернии. 27–XI–1904.

2) О моноклинический разности Na – квасцов. 12–X–1909.

А.Е. Ферсман. 1903–1910.

1) О статье Адриани: Системы оптических антиподов. 31–X–1903.

2) О происхождении оолитовой структуры по Link`у. 1–III–1904.

3) О результатах минералогических экскурсий в Симферопольском уезде. 27–XI–1904.

4) О группе палыгорскита. 7–V–1907.

5) О вычислении погрешности при определении удельных весов. 7–V–1907.

6) О кристаллизации алмаза. Осень 1908.

7) О соотношении двух цеолитов: леонгардита и ломонтита. 30–XI–1908.

8) Демонстрация нового прибора Гольдшмидта для черчения гномической проекции. 30–XI–1908.

9) Алмаз и лед. Осень 1908.

10) О параллельных рядах – палыгорскита, неолита и сапонита. 22–II–1909.

11) и **Вернадский**. О молдавитах. 27–IX–1909.

12) Демонстрация вытравленных кварцев. 12–X–1909.

13) О явлениях скольжения кварца в гранитпорфира о-ва Эльбы. 1909.

14) Демонстрация фенакита из Бразилии. 25–X–1909.

15) О велльсите. 8–XI–1909.

16) Искусственное получение рубина. 16–II–1910.

17. Флогопит и альбит из валунов Московской губернии. 7–III–1910.

К.А. Чердынцев. 1904.

1) Микрохимическое определение минералов по работам Lemberg`a. 21–III–1904.

А.А. Чернов. <Весна 1909>.

1) Мой путь в Монголо-Сычуанской экспедиции П.К. Козлова.

А.В. Шубников. 1910.

1) О статье Johnsen`a: «Рост и растворение кристаллов». 5–XII–1910.

Из этого списка мы можем видеть, что в числе 77 докладов, содержание которых нам известно, почти половину (именно 36) составляют сообщения о результатах оригинальных работ докладчиков; кроме того, 19 докладов находятся в непосредственной связи с работами докладчиков. Остальные доклады (приблизительно 20) касаются вопросов, имеющих лишь косвенное отношение к работам докладчиков или же, наконец, совсем с ними не связанных.

5

С самого основания и до дня вынужденного прекращения деятельности Минералогического кружка, заседания его происходили в стенах Минералогического кабинета Московского университета. лишь

два заседания имели место в других помещениях: одно в квартире В.И. Вернадского 10 апреля 1904 г. и второе – в Геологической аудитории Московского университета весною 1909 года, когда заслушан был доклад А.А. Чернова, привлекший значительно большее число лиц сравнительно с обычным составом посетителей Минералогического кружка. Контингент последних в силу специального характера докладов, читавшихся в Кружке, обычно составляли профессора и младшие преподаватели всех минералогических (отчасти геологических) кабинетов Москвы, а также учащиеся высших учебных заведений, интересовавшиеся вопросами минералогии и кристаллографии. В первые годы число постоянных посетителей равнялось 8–10 лицам; постепенно увеличиваясь, оно за последние годы возросло до 15–20-ти.

6

Как указано был выше, заседание 5-го декабря 1910 года оказалось последним в истории Минералогического кружка. После разгрома Московского университета вообще и Минералогического кабинета в частности, а также после переезда В.И. Вернадского в Петербург в связи с этими событиями, существование Кружка в его прежнем виде стало невозможным. С другой стороны, потребность в научном общении заставила участников его поднять вопрос и форме, в которой можно было бы возродить его деятельность [356].

К этому времени многие из участников бывшего Кружка уже состояли действительными членами Московского общества испытателей природы, и ими совместно с представителями других специальностей был поднят вопрос об организации наряду с общими очередными заседаниями Общества испытателей природы внеочередных заседаний, посвященных специальным вопросам какой-либо науки. На это Общество испытателей природы изъявило свое согласие.

29 октября 1911 года под председательством профессора А.П. Павлова [357] состоялось первое внеочередное собрание Общества

---

[356] Еще гораздо ранее возникала мысль о том, чтобы придать существованию Кружка официальный характер в качестве Общества с утвержденными в законном порядке уставом. Проект устава был выработан автором этого очерка и доложен на одном из собраний Кружка. Но при ограниченном круге лиц, участвовавших в Кружке, необходимости в официальной регистрации не было, и устав на утверждение не подавался.

[357] На следующих заседаниях председательствовал профессор Я.В. Самойлов.

испытателей природы, посвященное вопросам минералогии и кристаллографии, на которых вновь сошлись для научной беседы прежние участники Минералогического кружка. Не было среди них лишь основателя и постоянного председателя бывшего Кружка – В.И. Вернадского.

Этим моментом заканчивается история Минералогического кружка. Сведения о внеочередных заседаниях Общества испытателей природы печатаются в годичных отчетах этого Общества, и сообщение этих сведений не входит в задачу настоящего очерка.

7

В скором времени появится в свет «Юбилейный сборник имени В. И. Вернадского», содержащий в себе научные статьи его учеников [358]. Если сравнить имена авторов этого сборника и членов бывшего Минералогического кружка, то станет понятной та глубокая связь, которая существует между историей Кружка и научно-педагогической деятельностью В.И. Вернадского.

По многим культурным центрам России разбрелись былые участники и докладчики Минералогического кружка, посильно работая на научном и педагогическом поприще. Но, вспоминая прежние годы, проведенные в гостеприимных стенах старого Московского университета, годы первых, неизгладимых научных впечатлений, живо представят они себе скромные заседания Минералогического кружка, с которым так тесно связаны для многих первые шаги научной работы...

В день празднования 25-летнего юбилея научно-педагогической деятельности В.И. Вернадского пусть этот краткий очерк послужит выражением сердечного привета и благодарности юбиляру со стороны участников бывшего Минералогического кружка.

Ноябрь 1913 года.

Минералогический кабинет

Высших женских курсов в Москве

---

[358] В сборнике печатаются статьи следующих лиц: Д.Н. Артемьева, В.В. Аршинова, И.А. Багашева, К.О. Висконта, Л.Л. Иванова, А.В. Казакова, В.В. Карандеева, Г.И. Касперовича (†), А.Р. Кирилловой, О.М. Лебедевой <Шубниковой>, А.Б. Миссуны, П.П. Пилипенко, С.П. Попова, Е.М. Ряхиной, Як. В. Самойлова, Н.И. Сургунова, А.А. Твалчрелидзе, А.Е. Ферсмана и А.О. Шкляревского (†). Две работы – Е.Д. Ревуцкой и Б.А. Линденера – которые предполагалось поместить в сборник, оказались, к сожалению, не законченными ко времени его печатания.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Минералогический кабинет Высших женских курсов в Москве.
Отчет за 1910–1912 годы. – М., 1913. – 7 с.
(АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 11– 3. Типографский оттиск)

Настоящий отчет охватывает период с 1-го января 1910 года по 1-е января 1913 года и служит продолжением отчета, изданного в декабре 1909 года к XII-му Съезду русских естествоиспытателей и врачей.

_____

За отчетный период в личном составе преподавателей Минералогического кабинета произошли значительные перемены. Преподаватель кристаллографии и заведующий Минералогическим кабинетом В.И. Вернадский, по выходе из состава профессоров Московского университета в связи с событиями 1911 года, принужден был перенести свою научную деятельность в Академию наук в Петербурге, что повлекло за собой прекращение его преподавательской деятельности на Курсах. В то же время и по тем же причинам преподаватель минералогии приват-доцент Московского университета В.В. Карандеев должен был перенести свою научную работу из Университета на Курсы. С осени 1911 года к нему перешло как чтение курса кристаллографии, так и общее заведование Минералогическим кабинетом.

Ассистентка Минералогического кабинета Е.Д. Ревуцкая с 1912 года получила место младшего хранителя Минералогического музея Академии наук, что дало ей возможность продолжить научную работу, начатую совместно с В.И. Вернадским. На освободившееся место была избрана О.М. Лебедева, окончившая курсы в 1909 году по специальности кристаллографии и минералогии.

За отчетное время Минералогический кабинет находился в прежнем временном (наемном) помещении (Поварская, д[ом] 8, кв[артира] 18). Частичное изменение в расположении комнат было вызвано необходимостью отвести место для работ заведующего Кабинетом. Для этой цели была приспособлена комната, служившая раньше помещением для склада минералов. На проведение газа, устройство вытяжного шкапа, приобретение химического стола и др[угой] мебели была ассигнована специальный сумма в 300 рублей.

Практические занятия

Общий характер и цели практических занятий, намеченные в предыдущем отчете, оставались прежними.

Практические занятия были 3-х родов: 1) общий кристаллографический практикум; 2) общие практические занятия по минералогии и 3) специальные работы по кристаллографии и минералогии.

Кристаллографический практикум велся в общих чертах по программе, указанной в отчете 1909 года. Изменения сводятся лишь к тому, что работы по кристаллизации были сокращены ввиду неудобства вести эти занятия с большим количеством слушательниц при отсутствии специальной комнаты; взамен их значительно расширены работы по кристаллооптике. Затем с приобретением осенью 1912 года 3-х прикладных теодолитных гониометров была получена, наконец, возможность ввести в общий практикум теодолитный метод измерения кристаллов, метод, более соответствующий современным научным требованиям и удобный в педагогическом отношении. Общий практикум обычно продолжался в течение 3-х семестров по 2 часа в неделю, из которых первое полугодие посвящалось элементарному знакомству с основными законами геометрической кристаллографии. Помимо этих часов слушательницы могли от 9 до 5 часов работать с моделями и приборами, специально предназначенными для практикума.

Практические занятия по минералогии состояли в определении минералов главным образом с помощью паяльной трубки, а также по внешним признакам и физическим свойствам. Они велись с 2-мя группами, причем каждая группа работала один семестр при 4-х часах в неделю.

Специальные занятия по кристаллографии и минералогии состояли в самостоятельном экспериментальном изучении какого-нибудь вопроса, разрешение которого могло представить научный интерес.

За текущий период проводились следующие специальные работы по кристаллографии: изучение кристаллической формы и оптических свойств хлорновато-кислого стронция (Е.М. Ряхина); яблочнокислого магния (О.И. Морошкина); гликоля (О.М. Лебедева).

Коллекции минералов, кристаллов, моделей и пр.

В настоящее время в основной минералогической коллекции имеется 2127 номеров, из которых за отчетный период поступило 227; в учебной коллекции – 105 номеров. Кроме того, имеется коллекция железных руд и горных пород с г. Благодати, состоящая из 54 номеров.

Коллекция горных пород состоит из 81 номера со шлифами к 50 породам. Коллекция природных кристаллов – из 98 номеров. Обе последние коллекции приобретены за отчетный период.

Пожертвования минералами и горными породами поступили от следующих учреждений и лиц: Имп[ераторской] Академии наук – дублеты некоторых минералов; В.В. Аршинова, В.А. Варсанофьевой; Естеств[енно-]научн[ого] кружка В[ысших] ж[енских] к[урсов] через М.И. Прозина – минералы Туркестана, Г.О. Касперовича – минералы из Осетии и Дигории, Е.Д. Ревуцкой и В.В. Карандеева – минералы Швеции, собранные во время экскурсий XI Международного геологического конгресса; А.А. Твалчрелидзе – цеолиты из Батумской области.

Физические приборы и препараты

Физических приборов и коллекций препаратов в настоящее время имеется 93 номера (на сумму 4278 р[ублей]), из которых за отчетный период поступило 63 на сумму 2012 р[ублей]. Из более крупных приобретений следует упомянуть следующие: проекционный стол и проекционный аппарат Цейса со всеми принадлежностями для проекций в поляризованном свете, а также и проекций диапозитивов (около 800 р[ублей]); отражательный теодолитный гониометр сист[емы] Чапского Mod[ernized] II Fuess (350 р[ублей]); аппарат для измерения вращения плоскости поляризации в двуосных кристаллах (200 р[ублей]); электрическая печь Heraeus`a для прокаливания тиглей; малый монохроматор Fuess`a, электрический нагревательный столик Leitz`a, Федоровский столик и пр. [359]

Библиотека

В библиотеке Кабинета в настоящее время имеется 418 названий книг, брошюр и журналов, что составляет всего 520 томов книг и 111 брошюр; за отчетный период поступило 106 названий. В настоящее время Кабинетом выписываются 5 специальных журналов: Zeitschrift für]Kryst[allographie] u[nd] Min[eralogie], Neues Jahrbuch f[ür] Min[eralogie], Centralblatt f[ür] Min[eralogie, Geologie und Paläontologie], Tschermak`s Min[eralogische] u[nd] Petr[ographische] Mittheilungen и Bulletin de la So[ciété] Française de Minéraloge.

Благодаря специальной ассигновке (500 р[ублей]), испрошенной В.И. Вернадским, была получена возможность приобрести весьма ценный основной журнал по кристаллографии – Zeitschrift f[ür] Kryst[allographie] u[nd] Min[eralogie] с начала его выхода, с I тома 1877 года.

[359] Проекционный стол и часть приборов (всего на сумму около 300 р[ублей]) приобретены на частные пожертвования.

Стоимость библиотеки в настоящее время равняется 2200 руб.

Пожертвования книгами и брошюрами поступили от следующих лиц: В.В. Аршинова, В.И. Вернадского, В.В. Карандеева, Н.И. Сургунова, Я.В. Самойлова, Ю.В. Вульфа, А.Е. Ферсмана, П.Н. Чирвинского, Ф.А. Николаевского, А.В. Шубникова и Е.А. Дейша.

Бюджет Минералогического кабинета

На оборудование Кабинета, а также на текущие нужды представлялись следующие сметы, которые и были утверждены факультетом и попечительным советом:

1910–1911 учебн[ый] год …….. 1350 руб[лей].
1911–1912 “ “ …….. 1250 “.
2 полуг[одие] 1912 “ …….. 650 “.

Кроме того, по особым представлениям на оборудование Минералогического кабинета (оборудование комнаты заведующего, приобретение Zeitschrift f[ür] Kryst[allographie] u[nd] Min[eralogie] и др.) было израсходовано из общих сумм курсов 828 рублей. Общий расход на Минералогический кабинет за отчетные три года выражается, таким образом, в сумме 4073 руб[ля][360].

Общая стоимость инвентаря Минералогического кабинета, включая сюда кроме поименованных предметов также лабораторные принадлежности и мебель, равна приблизительно 10021 руб[ль].

О.М. Лебедева, В.В. Карандеев

Январь 1913 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9 [1]

В. Аш и Д. Аш [2] – В.И. Вернадскому, 14 марта 1910 г., Берлин
(АРАН. Ф. 518. Оп. 3а.д. 6. Л. 2–2 об. Машинопись на русском языке с подписями-автографами)

Господину В. Вернадскому,
профессору при Императорском Московском университете
МОСКВА

[360] К этой сумме следует прибавить расход 1-го полуг[одия] 1910 г. – 590 руб[лей]. – Рукописная сноска.

Многоуважаемый Господин *Профессор*!

Прежде всего мы высказываем Вам нашу благодарность за то, что Вы были столь любезны и внимательно прочли нашу работу [3] и что обращаете наше внимание на кое-что, что по Вашему мнению следовало бы изменить.

Вы пишите, что возьмете на себя хлопоты по опубликованию нашей работы в отчетах С.-Петербургской Академии наук, если мы добавим экспериментальные исследования в области алюмосиликатов и комплексных соединений *молибдена* и *вольфрама* за 1900–1910 годы.

На это мы должны возразить, что, когда мы около 1½ года тому назад показали эту работу нашему уважаемому учителю, Профессору *Ландольту* [4], он предложил нам поместить ее в отчетах Берлинской Академии и был готов, как член Академии, принять на себя соответствующие заботы. Но наша работа оказалась слишком пространной и поэтому на основании статутов Академии не могла быть принятой.

Проф[ессор] *Ландольт* предложил нам сократить ее настолько, чтобы ее объем не препятствовал опубликованию ее в отчетах академии.

Однако мы не решились на это, ибо тогда оригинальность работы значительно изменилась бы и нельзя было бы сделать надписи: «Удостоена Премии Философским факультетом в Геттингене». Кроме того, мы того мнения, что историческую ценность имеет напечатание именно оригинальной работы.

Со всем сказанным согласился в свое время Проф[ессор] *Ландольт*. И Проф[ессор] *van`t Hoff* [5], посмотрев нашу работу, предложил нам сократить ее. Мы же могли ему ответить только то же самое, что и Проф[ессору] *Ландольту*.

На том же основании мы не можем решиться сделать, согласно Вашему предложению, некоторые изменения: заменить некоторые старые анализы новыми и прибавить экспериментальный материал за 1900–1910 годы, обработанный в освещении новой теории. Некоторое время мы сами думали это сделать, так как мы за этот промежуток времени собрали очень много весьма интересного материала, но Проф[ессор] *Нерст* [6], один из членов жюри в *Геттингене*, нам это отсоветовал, ибо тогда мы не могли бы упомянуть, что работа удостоена премии в Геттингене.

Несмотря на то, что при изменении работы в Вашем смысле она получит более высокую ценность, мы того мнения, что изменять ее не следует, потому что мы даем не обзор экспериментальный работ

алюмосиликатов и проч., а исключительно гипотезу об определенном виде соединения атомов в алюмосиликатах и родственных им веществах, приведенного же только для доказательства этой гипотезы материала по нашему мнению вполне достаточно.

Если *Либиг* [7] пишет *Вёлеру* [8], что он, находится в поисках за новой мыслью, которая, будучи даже ошибочной, дала бы ему новый толчок к дальнейшим химическим исследованиям, а то химия становится для него скучной, то с этой точки зрения наша работа имеет неоспоримую ценность: она даст, без сомнения, толчок для дальнейших научных исследований в области силикатов. Кроме того, лежащая в основе работы мысль, кажется, не ошибочная.

Если подумать, какое значение имеет структурная химия для углерода, то нам станет ясным значение структурной химической теории и в области алюмосиликатов, теории хоть доя известной степени верной. В Вашем сочинении [9], которое Вы имели любезность нам прислать, Вы ведь сами говорите, что неименение структурной химии алюмосиликатов было главным тормозом в научных исследованиях этих соединений.

Если Вы, многоуважаемый Господин Профессор, разделяете наше опасение изменить форму нашей работы, то Вы, конечно, охотно окажете нам помощь в опубликовании этой работы в отчетах Академии.

И вот, многоуважаемый Господин Профессор, мы еще раз обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой, если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность, вступиться за опубликование нашей работы в ее абсолютно неизменной форме. Мы просим об этом в интересах науки и будем Вам всегда за это обязаны. Ведь работе можно предпослать заметку, по какой причине не вошли в нее экспериментальные исследования за 1900–1910 годы. Вскоре же можно будет опубликовать в виде добавлений и собранный нами за этот промежуток времени материал, который весьма интересен.

Мы очень Вам благодарны за присланные нам Ваши сочинения, которые мы прочли с большим интересом.

В ожидании Вашего ответа остаемся

съ глубокимъ почтеніемъ
преданные Вамъ
В. Ашинг Д. Мих

[10]

Примечания

1. В 1933 в примечании к своей статье [361] Вернадский укажет, что работая над группой силлиманита в 1889–1890 в Париже в Collége de France и придя к заключению, что эта группа имела характер кислотных ангидридов и что глины имели функцию свободных кислот, он углубился в изучение первоисточников, показывающих историческое развитие наших знаний о силикатах, использую литературу, даже очень старую. «Я нашел следы предшественников моих идей, забытых в то время. Я дал сводку этих поисков в первой главе моей диссертации “О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах”. Этот исторический очерк, который вводил работу моей мысли в рамки предшествующего процесса научного творчества, в то время забытого, был почти целиком переведен на немецкий язык в книге братьев Аш (W. u[nd] D. Asch, Die Silikate in technischen u[nd] chemischen Beziehung, B[erlin], 1911 [362]), и мои результаты сделались таким образом доступными ученым, не знающим русского языка» [363] [Вернадский, 1959, с. 237]. Позже, в 1937 г., Вернадский отметит, что этот перевод «целиком (с литературой)» был осуществлен без его ведома, но с указанием в конце главы, что «она представляет перевод из моей книги» [155, с. 26.].

2. Братья (доктора наук) Владислав Аш (Wladislaw Asch, 1867–?) и Дагоберт Аш (Dagobert Asch), инженеры-химики из Берлина. В архиве Вернадского отложились несколько их писем к нему, часть из них написана на русском языке (остальные – на немецком). В письме от 9 октября 1909 г. братья пишут, что они «русские» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а.д. 6. Л. 8). Они также сообщают Вернадскому, что являются учениками «Фридгейма» и «Розенгейма» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а.д. 6. Л. 7). Фридгейм, или Фридхайм (Friedheim) Карл (1858–1909) – немецкий химик, почетный член Ассоциации физиков (Франкфурт-на-Майне, Германия) (1907). С 1877 по 1881 учился в Gewerbeakdemie Berlin (Берлинская торговая академия), с 1882 в Берлинской горной академии (Bergakademie zu Berlin). Затем ассистент в химической лаборатории и приват-доцент (с 1888) Берлинского ун-та. В 1891 основал в Берлине (вместе с Розенхаймом) Научно-химическую лабораторию (в ней, возможно, и работали братья Аш). С 1897 – профессор химии в Бернском ун-те. Розенгейм, или Розенхайм (Rosenheim) Артур (1865–1942) – немецкий химик, основные работы посвящены гетерополиметаллатам, коллоидам и химии комплексных ионов. Родился в Нью-Йорке в семье банкира. С 1873

---

[361] . *Vernadsky W.* Quelques considérations sur l`etude chimique des alumocilicates // Zeitschrift für Kristallographie, 1933, Bd. 84, H. 5/6, p. 337–372. Русский перевод: *Вернадский В.И.* Некоторые соображения о химическом изучении алюмосиликатов // Избранные сочинения. Т. IV. Кн. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 228–253.

[362] См. [578].

[363] *Вернадский В.И.* Некоторые соображения о химическом изучении алюмосиликатов // Избранные сочинения. Т. IV. Кн. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 237.

жил в Берлине, в 1884 окончил гимназию Вильгельма, учился Гейдельбергском ун-те, затем в ун-тах Мюнхена и Берлина. Доктор химии (1888). Ассистент в Химическом институте в Берлине. Сооснователь (вместе с Фридхаймом) частой химической лаборатории в Берлине. Доцент (с 1906) и профессор (с 1921) кафедры физической химии в Берлинском ун-те. Вице-президент Немецкого химического об-ва (1921). В 1933 уволен из ун-та и Химического об-ва из-за своего еврейского происхождения.

3. Речь идет о рукописи В. Аш и Д. Аш, позже включенной в книгу [578].

4. Ландольт (Landolt) Ханс Генрих (1831–1910) – немецкий физико-химик, член Берлинской Академии наук (1881). В 1857–1905 профессор физической химии в Бонне, Ахене и Берлине. Исследовал соотношения между составом, строением и оптическими свойствами органических соединений. Составил (вместе с немецким физиком Р. Бёрнштейном) известные «Физико-химические таблицы» («Physikalisch-chemischen Tabellen»), изданные в 1883; переиздавались под названием «Zahlenwerte und Funktionen aus Physik, Chemie, Astronomic, Geophysik, Technik».

5. Вант-Гофф (van 't Hoff) Якоб Хендрик (1852–1911) – нидерландский химик, один из основателей стереохимии и химической кинетики, первый лауреат Нобелевской премии по химии (1901) с формулировкой «в знак признания огромной важности открытия законов химической динамики и осмотического давления в растворах». С 1896 профессор Берлинского университета; действительный член Прусской академии наук (1896).

6. Нернст (Nernst) Вальтер Герман (1864–1841) – немецкий физик и химик. Лауреат Нобелевской премии по химии (1920) «в признание его работ по термодинамике». В 1890 недолгое время преподавал в ун-те Гейдельберга, затем перешёл в ун-т Гёттингена, доцент (с 1891) и (с 1895) профессор. В 1905–1914 и в 1924–1932 – профессор физической химии в Берлинском ун-те, его ректор (1920–1921), президент Физико-технического государственного ин-та (1922–1924).

7. Либих (Liebig) Юстус фон (1803–1873) – немецкий химик, внёсший значительный вклад в развитие органической химии, один из основателей агрохимии и создателей системы химического образования. Член (с 1854) и президент (1859–1873) Баварской АН, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1830). Учился в Боннском (1820) и Эрлангенском (1821) ун-тах, стажировался (1822–1824) в Сорбонне. Экстраординарный (с 1824) и ординарный (1826–1852) профессор Гисенского и Мюнхенского (с 1852) ун-тов.

8. Вёлер (Wohler) Фридрих (1800–1882) – немецкий химик. Основные научные работы посвящены органической химии. Член многих академий и научных об-в, в т. ч. иностранный член-корреспондент Петербургской АН (с 1853). Окончил мед. ф-т Гейдельбергского ун-та (1823). Изучал химию в Гейдельбергском и Стокгольмском ун-тах. Работал в Высшей технической школе в Берлине (1825–1831, с 1828 профессор), профессор Высшей технической школы в Касселе (1831–1835), профессор Геттингенского ун-та (с 1836). Президент Немецкого химического об-ва (1877).

9. См. [69].

10. В письме от 6 декабря 1911 г. В. Аш сообщает, что братья издали свой труд «Силикаты» и посылают его Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 3а.д. 6. Л. 15). См. первое издание на немецком языке [578]. В нем имеются ссылки на книгу Вернадского [69] и его статью (*Vernadsky W.* Zur Theorie der Silikate // Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie, 1901, Bd. 34, H. 1, S. 37–66). В 1913 (в Лондоне) и в 1914 (в Нью-Йорке) эта работа была издана на английском языке (The silicates in chemistry and commerce, including the exposition of a hexite and pentite theory and of a stereochemical theory of general application. – XX+456 p.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Императорские университеты в Российской империи в 1910 году [364]

Императорские университеты [365] являются учеными и учебными учреждениями. В каждом университете, находящемся в полном составе, полагается по уставу 4 факультета: а) историко-филологический, б) физико-математический, в) юридический, г) медицинский [366].

Каждый университет, состоя под главным ведением министра народного просвещения [367], вверяется начальству попечителя местного учебного округа. Непосредственное управление университетом принадлежит ректору при участии в надлежащих случаях: а) совета, б) правления, в) проректора, г) факультетских собраний и деканов факультетов, д) инспектора студентов с его помощниками.

---

[364] Составлено по [375, 379, 391, 477].

[365] «Университеты состоят под особым покровительством Его Императорского Величества и именуются Императорскими». В 1910 в России имелось 11 таких ун-тов: Варшавский, Александровский (Гельсингфорс), Казанский, Московский, Новороссийский (Одесса), Петербургский, Киевский (Св. Владимира), Томский, Харьковский, Юрьевский (бывший Дерптский) и Николаевский (Саратов).

[366] В С.-Петербургском ун-те четвертым ф-том (вместо медицинского) являлся восточный. Томский ун-т имел медицинский и юридический ф-ты, Гельсингфорский: богословский, юридический, медицинский и философский, Харьковский: философский, юридический и медицинский, Юрьевский: богословский, физико-математический, юридический, медицинский, историко-филологический, Саратовский: только медицинский ф-т.

[367] В 1910 министрами народного просвещения были А.Н. Шварц (до 29 сентября) и Л.А. Кассо (с 29 сентября).

Попечитель учебного округа [368] наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства. Постановления совета, правления и факультетов отсылаются на утверждение попечителю. Все сношения министра народного просвещения с университетом и представления университетских органов в Министерство народного просвещения происходят через попечителя учебного округа.

Ректор университета [369] избирается на 3 года советом профессоров из числа ординарных профессоров и утверждается в должности Высочайшим приказом. По уставу 1884 г. ректору вверяется непосредственное заведование всеми частями управления университетом в указанных уставом пределах.

Должность **проректора** [370] утверждена Высочайше утвержденным 14 сентября 1906 г. положением Совета Министров. На проректора возложено ближайшее наблюдение за исполнением в университетских зданиях как студентами, так и посторонними слушателями установленных правил. Проектор избирается советом профессоров из профессорского состава и утверждается в должности министром народного просвещения.

Совет профессоров (Совет университета) – состоит из всех профессоров университета. Председательствует в совете ректор. Указом от 27 августа 1905 г. совету предоставлено право избирать ректора и проректора; на совет также возложены обязанность и ответственность заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете.

Советская комиссия образуется в помощь ректору как для обсуждения и разрешения совместно с ним некоторых вопросов, находящихся в ведении совета и касающихся хода учебной и академической жизни вообще университета, так и для подготовительной разработки их до обсуждения в совете, а также для принятия мер в разных случаях академической жизни, если бы таковые меря комиссия вместе с ректором признала неотложными. В состав советской комиссии входят:

---

[368] В 1910 попечителем Московского учебного округа состоял А.М. Жданов.

[369] В 1910 ректор Московского ун-та – А.А. Мануйлов, его помощник – М.А. Мензбир.

[370] В 1910 проректор Московского ун-та – П.А. Минаков.

ректор, проректор, 4 декана и 8 профессоров (по два от факультета) по избранию совета.

Каждый факультет состоит из декана и всех профессоров, преподающих положенные на сем факультете предметы. Сверх того, к факультету причисляются соответствующие приват-доценты, лекторы и лица, состоящий при учебно-вспомогательных установлениях университета. Министру народного просвещения предоставляется определять в университеты сверхштатных профессоров из лиц, приобретших особую известность своими учеными трудами.

В студенты университета принимаются молодые люди, получившие от гимназий ведомства Министерства народного просвещения аттестат (свидетельство) зрелости. Прием студентов происходит один раз в год, перед 20 августа, каждый из них обязан записаться на один из существующих в университете факультетов. Сверх студентов допускаются к слушанию лекций и к другим университетским занятиям посторонние лица, имеющие определенное общественное положение или занятие. Правила о приеме их устанавливаются министром народного просвещения. С каждого студента и постороннего слушателя взимается за слушание лекций и за участие в практических занятиях: а) в пользу университета – по пяти рублей за каждое полугодие и б) особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студенты или слушатель желает пользоваться, в размере применительно к норме одного рубля за недельный час в полугодие.

Преподавание. Для студентов православного исповедания всех факультетов полагается в каждом университете особая кафедра богословия. Профессор богословия состоит членом университетского совета, но ни к какому факультету не причисляется.

На *историко-филологическом факультете* полагаются следующие кафедры: 1) философия, 2) классическая филология, 3) сравнительное языковедение и санскритский язык, 4) русский язык и русская литература, 5) славянская филология, 6) география и этнография, 7) история всеобщая, 8) история русская, 9) история западно-европейских литератур, 10) история церкви, 11) теория и история искусств.

На *физико-математическом факультете* полагаются следующие кафедры: 1) чистая математика, 2) механика теоретическая и практическая, 3) астрономия и геодезия, 4) физика и физическая география, 5) химия, 6) минералогия и геология, 7) ботаника, 8) зоология, сравнительная анатомия и физиология, 9) технология и техническая химия, 10) агрономия.

На *юридическом факультете* полагаются следующие кафедры: 1) римское право, 2) гражданское право и гражданское судопроизводство, 3) торговое право и торговое судопроизводство, 4) уголовное право и уголовное судопроизводство, 5) история русского права, 6) государственное право, 7) международное право, 8) полицейское право, 9) финансовое право, 10) церковное право, 11) политическая экономия и статистика, 12) энциклопедия права и история философии права.

На *медицинском факультете* полагаются следующие кафедры: 1) анатомия, 2) физиология, 3) гистология и эмбриология, 4) медицинская химия, 5) фармакогнозия и фармация, 6) фармакология с рецептурой, токсикологией и учением о минеральных водах, 7) общая патология, 8) патологическая анатомия, 9) врачебная диагностика с пропедевтической клиникой, 10) частная патология и терапия, 11) систематическое и клиническое учение о нервных и душевных болезнях, 12) систематическое и клиническое учение о накожных и сифилитических болезнях, 13) терапевтическая факультетская клиника, 14) терапевтическая госпитальная клиника, 15) оперативная хирургия с топографической анатомией и с упражнениями в операциях на трупах, 16) хирургическая патология с десмургией и с учением о вывихах и переломах, 17) хирургическая факультетская клиника, 18) хирургическая госпитальная клиника, 19) офтальмология с клиникой, 20) акушерство, женские и детские болезни с клиниками, 21) судебная медицина, 22) гигиена и при ней: эпидемиология и медицинская полиция, медицинская статистика, учение об эпизоотических болезнях и ветеринарная полиция, 23) история и энциклопедия медицины.

На *факультете восточных языков* Сю-Петербургского университета полагаются следующие кафедры: 1) санскритская словесность, 2) арабская словесность, 3) персидская словесность, 4) турецко-татарская словесность, 5) китайская и маньчжурская словесность, 6) история востока, 7) монгольская и калмыцкая словесность, 8) еврейская, сирийская и халдейская словесность, 9) армянская и грузинская словесность.

Учебные полугодия продолжаются: первое – с 20 августа по 20 декабря, второе – с 15 января по 30 мая.

Университетские испытания производятся: а) в особо назначаемых для того при университетских комиссия и б) на факультетах.

К испытаниям в комиссиях допускаются лишь те из студентов, которым, по определению их факультетов, зачтено установленное для окончания курса число полугодий: *десять* – по медицинскому факультету, *восемь* – по каждому из прочих факультетов, и которые

представят в комиссию выданное им в том выпускное свидетельство. На факультетах производятся испытания: а) на ученые степени, б) состязательные на стипендии и вспоможения, в) поверочные и г) обязательные только для медицинских факультетов испытания полукурсовые.

Деканы и секретари факультетов. Деканами называются избираемые советами факультетов и утверждаемые министром народного просвещения профессора, которым принадлежит ближайшее наблюдение за преподаванием учебных предметов на факультете. К декану (или секретарю) факультета студенты обращаются по вопросам записи на лекции, зачета семестров, экзаменов и т. п. Деканы [371] и секретари факультетов избираются факультетскими профессорскими собраниями из числа профессоров данного факультета.

Правление университета состоит из ректора и деканов всех факультетов, кроме того, с совещательным голосом в состав правления входит проректор. В состав правления Московского университета входит, сверх означенных лиц, также советник по хозяйственной части.

Профессорский дисциплинарный суд [372] учрежден 27 августа 1902 г., указом 27 августа 1905 г. ему вверено разбирательство по студенческим делам. 24 января 1908 г. министром народного просвещения утверждена соответствующая инструкция. Суд состоит из председателя и 4-х членов, которые избираются Советом профессоров. Взыскания, налагаемые судом: замечание, выговор, порицание, лишение стипендий и права на освобождение от платы, временный перевод в разряд вольнослушателей, временное увольнение из университета, исключение из университета.

Факультетские собрания (советы), собрания (советы) факультетов состоят из всех профессоров каждого данного факультета под

---

[371] В 1910 в Московском ун-те декан историко-филологического ф-та – М.К. Любавский, декан физико-математического – К.А. Андреев, юридического – Л.А. Камаровский, медицинского – Д.Н. Зёрнов.

[372] В состав Профессорского дисциплинарного суда при Московском ун-те в 1909/10 академическом учебном годы входили: судьи – А.Н. Филиппов, М.М. Покровский, В.К. Цесарский, Д.Ф. Егоров, И.А. Каблуков, кандидаты – В.С. Гулевич, В.Д. Шервинский, В.К. Поржезинский, С.В. Познышев, В.К. Мальмберг; в 1910/11 году: судьи – М.М. Покровский, И.А. Каблуков, А.И. Елистратов, С.В. Познышев, В.Д. Шервинский, кандидаты – В.К. Поржезинский, В.К. Мальмберг, А.А. Эйхенвальд, С.И. Чирвинский, М.И. Голенкин [64].

председательством декана. Факультетские советы избирают деканов и секретарей факультетом [373].

Секретарь Совета профессоров [374] ведет делопроизводство Совета. На него же по уставу возлагается производство по делам ректора и общее руководство канцелярией совета профессоров. Подпись секретаря совета должны быть на выпускных свидетельствах.

Секретарь правления – на него возложено делопроизводство правления университета и руководство канцелярией правления.

Канцелярия по студенческим делам – в ней сосредоточиваются дела студентов за все время пребывания их в университете.

Секретарь канцелярии по студенческим делам несет общее заведование этой канцелярией. Без его подписи ни одно удостоверение, выданное канцелярией по студенческим делам, не действительно.

Канцелярия проректора – здесь сосредоточены все дела о студенческим паспортах (вид на жительство), отпусках, о студенческих организациях и собраниях, все сведения о плате, о назначении студентам стипендий, пособий, освобождении от платы и т. п.

Секретарь канцелярии проректора ведает всеми делами этой канцелярии. Все выходящие из канцелярии проректора бумаги должны быть им подписаны.

Смотритель здания заведует помещениями университета, распределяет лекции и практические занятия по аудиториям и т. п.

Казначей заведует университетским казначейством. Все денежные суммы университета проходят через руки казначея.

Экзекутор – ему принадлежит непосредственное заведование хозчастью и инвентарем университета; в его ведении находятся низшие служащие университета – дворники, сторожа и служители.

Бухгалтер ведет бухгалтерские книги правления университета.

Врач – руководит университетской амбулаторией, где происходят бесплатные примы студентов.

Университетский архитектор заведует ремонтными и строительными работами университета.

Учебно-вспомогательные учреждения университета (основная библиотека, вспомогательные библиотеки, лаборатории, медицинские учреждения, различные общества и комиссии и т. д.).

---

[373] В 1910 секретарем совета физико-математического факультета Московского университета был Э.Е. Лейст.

[374] В 1910 секретарем совета Московского ун-а был С. Преображенский.

Например, в Московском университете к ним относились:

Библиотека Императорского Московского университета.

Библиотечная комиссия.

Библиотека семинария при историко-филологическом факультете.

Студенческая библиотека математического отделения физико-математического факультета.

Студенческая библиотека естественного отделения физико-математического факультета.

Библиотека семинария юридического факультета.

Музей уголовного права.

Студенческая медицинская библиотека имени проф. Н.В. Воронцовского.

Астрономическая обсерватория.

Кабинет прикладной механики.

Физический институт.

Зоологический музей.

Зоологическая лаборатория проф. Н.Ю. Зографа.

Физико-географический институт.

Антропологический и географический музеи.

Геологический кабинет.

Минералогический кабинет.

Кабинет морфологии и систематики растений.

Ботанический сад.

Кабинет анатомии и физиологии растений.

Лаборатория органической и аналитической химии.

Лаборатория неорганической и физической химии.

Медицинская химическая лаборатория.

Техническая лаборатория.

Агрономический институт.

Кабинет нормальной анатомии.

Физиологический институт.

Гистологический кабинет.

Фармацевтический институт.

Институт сравнительной анатомии.

Институт общей патологии.

Институт патологической анатомии.

Институт судебной медицины.

Институт топографической анатомии и оперативной хирургии.

Гигиенический институт.

Институт фармакологии.
Бактериологический институт имени Г.Н. Габричевского.
Факультетская терапевтическая клиника.
Факультетская хирургическая клиника.
Госпитальная терапевтическая клиника.
Госпитальная хирургическая клиника.
Поликлиника и кабинет при кафедре хирургической патологии.
Пропедевтическая клиника.
Глазная клиника.
Акушерская клиника.
Гинекологическая клиника.
Клиника нервных болезней.
Неврологический музей.
Психиатрическая клиника.
Клиника детских болезней.
Клиника кожных и венерических заболеваний.
Клиника болезней уха, носа и горла имени Ю.И. Базановой.
Общая клиническая амбулатория имени В.А. Алексеевой.
Гинекологический институт для врачей имени А.И. Шелапутиной.
Императорская Екатерининская больница.
Клиническое университетское благотворительное общество.
Ученые общества при Университете.
Императорское общество истории и древностей российских.
Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
Императорское Московское общество испытателей природы.
Русское библиографическое общество.
Московское математическое общество.
Физико-медицинское общество.
Московское психологическое общество.
Общество невропатологов и психиатров.
Московское терапевтическое общество.
Акушерско-гинекологическое общество.
Хирургическое общество.
Общество детских врачей в Москве.
Московское венерологическое и дерматологическое общество.

Для справки. Годовое жалование ординарного профессора Московского университета составляло 2400 рублей, к этому надо добавить

300 рублей так называемых столовых и 300 рублей квартирных, итого – 3000 рублей в год. Для сравнения: в 1913 г. в Московской губернии годовой заработок рабочего составлял в среднем около 250 рублей [315], средний по России годовой заработок фабрично-заводских рабочих – 242 рубля [472].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. – М.: Наука, 1966. – 181 с.

2. *Айхенвальд Ю.И.* Валерий Брюсов (Опыт литературной характеристики. – М.: Изд. «Заря», 1910. – 32 с.

3. *Акимченков В.В., Непомнящий А.А.* «На плечи Вернадского легла огромная задача». Воспоминания профессора С.П. Попова о работе Минералогического кабинета Московского университета в 1894–1908 гг. // Исторический архив, 2026, № 3, с. 140–151.

4. *Акимченков В.В., Непомнящий А.А.* Профессор Сергей Платонович Попов. – Саратов: Амирит, 2025. – 328 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 35).

5. *Александров С.А.* Газета «Последние новости». Париж (1920–1940 гг.) // Россия и современный мир. М., 1994, вып. 2, с. 180–186.

6. *Александровский Ю.В.* Закон 14 июня 1910 года об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. Законодательные мотивы, разъяснения Правительства, практика Правительствующего Сената, циркуляры министерств внутренних дел, финансов, юстиции и Главного управления землеустройства и земледелия. – СПб.: Товарищество по изданию новых законов, 1911. – XVI+608 с.

7. *Альтгаузен М.И.* Роль В.И. Вернадского в организации систематических поисков радиоактивных руд в нашей стране // Советская геология, 1963, № 3, с. 57–60.

8. *Аляев Г.Е.* Петербургский период жизни и творчества Семена Франка // Соловьевские исследования, 2015, выпуск 2 (46), с. 65–84.

9. *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

10. *Андреева И.П., Бессуднова З.А.* История минералогической коллекции государственного канцлера Николая Петровича Румянцева (1754–1826) // Наука и просвещение: к 250-летию Геологического музея РАН. – М.: Наука, 2009, с. 87–104.

11. *Анисимов А.И.* Князь С.Н. Трубецкой и московской студенчество // Вопросы философии и психологии, 1906, кн. 1, с. 146–196.

12. *Антипов И.А.* О новом месторождении урановой слюдки в России // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. Протоколы заседаний, 1900, ч. XXXVIII, вып. II, с. 38–41.

13. *Антипов И.А.* О некоторых минералах из русских месторождений. 1. Минералы из месторождения Тюя-Маюн в Ферганской области // Горный журнал 1908, 84, т. IV, кн. 12, с. 255–263.

14. *Анучин Д.Н.* Русская наука и съезды естествоиспытателей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 2. – М., 1910, с. 1–18.

15. *Аптекман О.В.* Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям). – <Ростов-на-Дону: Тип. «Донская речь», 1907?>. – 239 с. (Русская историческая библиотека; № 19).

16. *Арбузов С.И., Рихванов Л.П.* Геохимии радиоактивных элементов: учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. – 300 с.

17. *Артемьев Д.* Барит из Костромской губ. // Бюллетень МОИП, 1904, т. XVIII, № 4, с. 364–366.

18. *Архангельский А.Д., Ланге О.К.* Отчет об исследованиях фосфоритовых залежей в Пензенской губернии в 1910 году // Отчет по геологическому исследованию фосфоритовых залежей. Том III. – М: Типо-литография В. Рихтер, 1911, с. 187–254.

19. *Арчегов С.Б.* Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юридических наук. – СПб., 2016. – 25 с.

20. *Ассовская А.С.* Гелий на Земле и во Вселенной. – Л.: Недра, 1984. – 136 с.

21. *А. Ф.* Приобретение Академией наук коллекции В.П. Кочубея // Природа, 1913, № 10, стлб. 1240.

22. *Багашев И.* Минеральные источники Забайкалья. – М.: Издание М.Д. Бутина, 1905. – 159 с.

23. *Багашев И.А.* Радиоактивность источников Забайкалья // Сборник в честь двадцатипятилетия научной деятельности Владимира Ивановича Вернадского. – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^0, 1914, с. 29–41.

24. *Баев В.Г., Фролов С.А.* Деятельность Крестьянского и Дворянского банков в условиях вызовов начала XX в. (на материале Тамбовской губернии) // Уральский исторический вестник, 2018, № 2 (59), с. 30–38.

25. *Балтовский Л.В.* Политическая доктрина партии конституционных демократов. – СПб.: СПбГАСУ, 2009. – 245 с.

26. *Барбот-де-Марни Н.Н.* Исследование серных месторождений и условия их эксплуатации // Материалы для геологии Кавказа. Сер. 2. Кн. 10. 1896, с. 3–96.

27. *Барсанов Г.П.* Значение минералогической школы В.И. Вернадского в Московском университете (1890–1911 гг.) для развития современной минералогии // Труды Минералогического музея АН СССР, 1959, вып. 10, с. 31–44.

28. *Барсанов Г.П.* Развитие Минералогического музея Академии наук за 250 лет (1716–1966 гг.) // Труды Минералогического музея АН СССР, 1968, вып. 18, с. 3–23,

29. *Барсанов Г.П., Корнетова В.А.* История развития Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986 гг.) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 25. – М.: Наука, 1989, с. 9–52.

30. *Басаргина Е.Ю.* Минералогический – Геологический – Геологический и Минералогический музей имени Петра Великого. 2003. Электронные публикации сотрудников СПФ АРАН // URL: http://ranar.spb.ru/rus/books6/id/594.

31. *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории). – М.: Индрик 2008. – 656 с.

32. *Батуринский Д.А.* Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. – М.: Новая Деревня, 1925. – 144 с.

33. *Бахтурина А.Ю.* Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, 2017, № 8 (29), с. 31–48.

34. *Бачинский А.* Старое и новое и физике. Речь, читанная в годичном заседании Общества испытателей природы 3 октября 1910 года // Русская мысль, 1911, кн. 1, с. 115–128.

35. Б.В. Савинков и боевая организация ПСР в 1909–1911 / Публикация К.Н. Морозова // Минувшее. Исторический альманах. 18. – М.-СПб.: Atheneum; Феникс, 1995, с. 243–314.

36. *Бекман И.Н.* Радий. Учебное пособие. – М., 2010 // https://profbeckman.narod.ru/Radium.files/Radium.pdf.

37. *Беляев Н.А., Чурюмов К.И.* Комета Галлея и ее наблюдение. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

38. *Бердяев Н.А.* Обскурантизм // Путь, 1928, № 13, с. 19–36.

39. *Бессуднова З.А.* Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. – М.: Наука, 2006. – 246 с.

40. *Богатиков Б.Ф., Васичева Л.Г., Разливинская С.В.* Академик Вернадский у истоков преподавания на Московских высших женских курсах // Вестник МИТХТ, 2013, т. 8, № 3, с. 20–28.

41. *Богданов А.П.* Нужна ли Русская ассоциация естествоиспытателей и научных врачей для вспомоществования развитию научных работ по естествознанию в России и для расширения научной деятельности съездов русских естествоиспытателей и врачей: Доклад, составленный по поручению Распорядительного комитета VIII Петербургского съезда естествоиспытателей и врачей. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова. 1891. – 2+34+1 с.

42. *Богуславский М.В.* Владимир Иванович Герье – создатель высшего женского образования в России // Вестник образования России, 2019, № 19, с. 57–66.

43. *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с.

44. *Бонштедт Э.М.* Руководство по измерению и вычислению кристаллов по методу Гольдшмидта. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. – 195 с.

45. *Боргман И.И.* Исследование некоторых русских целебных грязей в отношении радиоактивности // Журнал Русского физико-химического общества. Часть физическая. Отдел первый, 1904, т. 36, вып. 5, с. 183–204.

46. *Боргман И.И.* Радиоактивность некоторых русских целебных грязей: Статья вторая // Журнал Русского Физико-химического общества. Часть физическая. Отдел первый, 1905, т. 37, вып. 3, с. 63–76.

47. *Бородовский В.А.* Поглощение бета-лучей радия. – Юрьев, 1910. – 204+VI с.

48. *Бородовский В.А.* Радиоактивные минералы Ильменских месторождений // Временник Главной палаты мер и весов. Вторая серия. 1-й выпуск (часть II-я). – Пг.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1915, с. 17–28.

49. *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). – Киров, 1999. – 368 с.

50. *Брачев В.С.* Студенты Горного института против В. М. Пуришкевича: «Дело о клевете», 27–29 ноября 1909 г. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2009, № 1, с. 25–42.

51. *Брачев В.С.* Студенты Горного института против В. М. Пуришкевича: «Дело о клевете», 27–29 ноября 1909 г. (окончание) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2009, № 1, с. 44–57.

52. *Брушлинская Л.А.* К 50-летию Международной гигиенической выставки в Дрездене // Гигиена и санитария, 1961, № 7, с. 53–57.

53. *Брюхатов Л.Д.* Значение «третьего элемента» в жизни земства // Юбилейный земский сборник. 1864–1914. – СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1914, с. 186–205.

54. *Будде Е.Ф.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век) // Энциклопедия славянской филологии, выпуск 12. – СПб., 1908, с. 2–132.

55. *Бузескул В.П.* История афинской демократии. – СПБ.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – VIII+468 с.

56. *Бухарин М.Д.* Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки, 2024, № 1, с. 69–82.

57. *Варсанофьева В.А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. – М.: МОИП, 1941. – 348 с.

58. *Варсанофьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. – М.: Изд-во Московского университета, 1955. – 104 с.

59. *Васильевская О.В.* История водоснабжения города Москвы в гигиеническом освещении: Автореф. дис. … доктора мед. наук. – М., 1952. – 29 с.

60. *Василевский Л. (Плохоцкий)* Объединительные стремления у южных славян Австро-Венгрии и социализм. (Письмо из Австрии) // Русское богатство, 1910, № 1, с. 106–117.

61. *Вахитов Р.Р.* Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 239 с.

62. *Вдовенко В.М.* Современная радиохимия. – М.: Атомиздат, 1969. – 544 с.

63. *Вейберг С.А*. Материалы к познанию химического состава породообразующих слюд. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1909. – VI+107 с.

64. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 2: Устав уголовного судопроизводства. – М.: Юстицинформ, 2014. – 338 с.

65. *Вербицкая А.А.* Сны жизни Рассказы. 4-е изд., испр., 12-я тысяча. – М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1904. – 231 с.

66. *Вербицкая А.А.* Сны жизни Рассказы. 5-е изд., испр., 22-я тысяча. – М.: тип. «Печатное дело», 1910. – 208 с.

67. *Вернадский Г.* Наташа // Русское богатство, 1910, № 1, с. 50–67.

68. *Вернадский В.И.* Краткий курс минералогии, читанный студентам-медикам в 1891–1892 гг. – М.: издание Московского университета. 1891. – 158 с.

69. *Вернадский В.И.* О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах. – М.: МОИП, 1891. – 100 с.

70. *Вернадский В.И.* Лекции кристаллографии. – М.: издание студентов физико-математического факультета, 1894. – 255 с.

71. *Вернадский В.И.* Краткий курс минералогии, читанный в 1895 академическом году студентам-медикам 1-го курса. – М.: изд. Московского университета, 1895. – 135 с.+10 л. рис.

72. *Вернадский В.И.* Лекции кристаллографии для студентов-медиков. – М.: Изд. Московского университета, 1896. – 134 с.

73. *Вернадский В.И.* Лекции по минералогии, читанные студентам-медикам в 1897–1898 акад. г. – М.: Изд. студентов, 1898. – 144 с.

74. *Вернадский В.И.* Лекции описательной минералогии. – М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1899. – 288 с.

75. *Вернадский В.И.* Лекции по минералогии, читанные студентам медикам в 1900 г. – М.: типо-лит. В. Рихтер, 1900. – 133 с.

76. *Вернадский В.И.* О кристаллах α-серы и о русских их месторождениях // Бюллетень МОИП, 1902, т. 16, № 4, с. 479–501.

77. *Вернадский В.И*. Минералогия и кристаллография: Лекции для студентов мед. фак. Моск. ун-та. – М.: Изд. Московского университета, 1903. – 86 с.

78. *Вернадский В.И.* Минералогия и кристаллография. Лекции для студентов медицинского факультета М. У. Исправленное издание 1903–1904 академ. года. – М.: Типо-литография В. Рихтер, 1903. – 140 с.

79. *Вернадский В.И.* Основы кристаллографии. Часть первая. Введение. Учение о симметрии. Явления, выражаемые законом многогранников. Выпуск первый. – М.: Университетская типография, 1903. – VIII+344 с.

80. *Вернадский В.И.* Вотум недоверия // Речь, 1906, 2 июля.

81. *Вернадский В.И.* Из заграничных впечатлений // Речь, 1906, 21 сентября, № 170.

82. *Вернадский В.И.* О Государственном Совете // Свобода и культура, 1906, № 5, с. 329–339.

83. *Вернадский В.И.* Письма о Государственном Совета // Русские ведомости, 1906, 24 мая, № 135.

84. Вернадский В.И. Смертная казнь //Речь, 1906, 27 июня.

85. *Вернадский В.И.* Минералогия. Отдел I. Кристаллография. Отдел II. Описательная минералогия. – М.: Литография Рихтер, 1907. – 134 с.

86. *Вернадский В.И.* Новая угроза высшей школе // Речь, 1907, 13 марта.

87. *Вернадский В.И.* Академическая жизнь // Речь, 1908, 1 января.

88. *Вернадский В.И.* К вопросу об университете Шанявского // Речь, 1908, 5 марта.

89. *Вернадский В.И.* Минералогия: Лекции, читанные студентам-естественникам Московского ун-та в 1907–1908 г. Часть 1. – М., 1908. – 472 с.

90. *Вернадский В.И.* О воробьевите и химическом составе бериллов // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1908, т. 2, № 12, с. 975–976.

91. *Вернадский В.И.* О воробьевите и химическом составе бериллов // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук, 1908, т. II, вып. 5, с. 81–102.

92. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы. Вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. – VIII+176 с.

93. *Вернадский В.И.* Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого // Русская мысль, 1908, № 4, с. 76–82.

94. *Вернадский В.И.* Заметки о распространении химических элементов в земной коре. I–II // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1909, т. 4, № 12, с. 821–832.

95. *Вернадский В.И.* Об изомерии в группе алюмо- и феррисиликатов // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1909, т. 3, № 18, с. 1183–1202.

96. *Вернадский В.И.* Перед съездом // Речь, 1909, 28 декабря, № 355.

97. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы. Вып. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1909. – С. 177–336 (продолжающаяся пагинация).

98. *Вернадский В.И.* Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого // Сборник речей, посвященных памяти кн. С.Н. Трубецкого. – М.: Студенческой научное общество памяти кн. С.Н. Трубецкого, 1909, с. 5–13.

99. *Вернадский В.И.* К вопросу о триболюминесценции // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, т. 4, № 13, с. 1037–1041.

100. *Вернадский В.И.* Минералогический кабинет Императорского Московского университета. – М.: Тип. Лисснера. 1910. – 9 с.

101. *Вернадский В.И.* Минералогия. Второе издание. Часть II. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1910. – VII+163 с.

102. *Вернадский В.И.* Минералогия. Третье издание (перераб. и доп.). Выпуск I. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1910. – III–VIII+344+IX–X с.

103. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. I. Самородные элементы. Вып. 3. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. – С. 337–496 (продолжающаяся пагинация).

104. *Вернадский В.И.* Парагенезис химических элементов в земной коре // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 7. – М., 1910, с. 73–91.

105. *Вернадский В.И.* О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1910. – 54 с.

106. *Вернадский В.И.* О применении закона Ле Шателье-Джиббса к явлениям кристаллизации: Тез. докл. // Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Отд. 2. Дневник № 10. – М., 1910, с. 484.

107. *Вернадский В.И.* Титан в почвах: К вопросу об анализе почв // Почвоведение, 1910, № 3, с. 255–259.

108. *Вернадский В.И.* Задача дня в области радия. (Речь, читанная в публичном заседании Общего собрания 29 декабря 1910 г.) // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1911, т. 5, № 1, с. 61–72.

109. *Вернадский В.И.* Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии // Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. Извлечения и объяснительные статьи Б.Н. Меншуткина, Н.А. Иоссы, Ю.М. Шокальского, В.И. Вернадского. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911, с. 141–149.

110. *Вернадский В.И.* Об открытии крокоита // Ломоносовский сборник, 1711–1911. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911, с. 345–354.

111. *Вернадский В.И.* О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. 2-е изд., перераб. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. – 58 с.

112. *Вернадский В.И.* Радиевые институты // Русская мысль, 1911, кн. 2, с. 251–256.

113. *Вернадский В.И.* Из истории идей // Русская мысль, 1912, № 10, с. 123–138.

114. *Вернадский В.И.* Минералогия. Третье издание (перераб. и доп.). Выпуск II. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. – С. III–V+345–526.

115. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы. Вып. 4. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. – С. 497–656 (продолжающаяся пагинация).

116. *Вернадский В.И.* Радиоактивные руды в земной коре. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1912. – 17 с.

117. *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. – СПб.,: Издание редакции газеты «Речь», 1912, с. 323–341.

118. *Вернадский В.И.* Материалы для спектроскопии земной коры. I. Общие замечания о задачах спектроскопии земной коры // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1914, т. 8. № 14, с. 989–1022.

119. *Вернадский В.И.* О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. 3-е изд., перераб. – Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1914. – 84 с. (Труды Радиевой экспедиции Императорской Академии наук, вып. 1).

120. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 1. Самородные элементы. Вып. 5. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. – С. 657–839+XIII (продолжающаяся пагинация).

121. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 2. Сернистые и селенистые соединения. Вып. 1. – Пг.: Типография Российской Академии наук, 1918. – 144 с.

122. *Вернадский В.И.* Опыт описательной минералогии. Т. 2. Сернистые и селенистые соединения. Вып. 2. – Пг.: Типография Российской Академии наук, 1922. – С. 145–264 (продолжающаяся пагинация).

123. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Т. II. – Пг.: Научное химико-теоретическое издательство, 1922. – 124 с.

124. *Вернадский В.И.* История минералов Земной коры. Том 1. Выпуск 1. – Пг.: Научное химико-техническое изд-во, 1923. – 208 с.

125. *Вернадский В.И.* Очерки геохимии. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. – 367 с.

126. *Вернадский В.И.* История минералов земной коры. Том второй. История природных вод. Часть первая. Выпуск I. – Л.: ГОСХИМТЕХИЗДАТ, Ленинградское отделение, 1933. – 202 с.

127. *Вернадский В.И.* Очерки геохимии. – М.-Л.-Грозный-Новосибирск: Горгеонефтеиздат, 1934. – 380 с.

128. *Вернадский В.И.* О некоторых очередных проблемах радиогеологии // Известия АН СССР. VII серия. ОМЕН, 1935, № 1, с. 1–18.

129. *Вернадский В.И.* О значении радиогеологии для современной геологии // Труды 17-й сессии Международного геологического конгресса. СССР, 1937. Том 1. – М.: ГОНТИ, 1939, с. 215–239.

130. *Вернадский В.И.* Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – 250 с.

131. *Вернадский В.И.* О геологических оболочках Земли как планеты // Известия Академии наук СССР. Серия географ. и геофиз., 1942, № 6, с. 251–262.

132. *Вернадский В.И.* Из истории минералогии в Московском университете (Памяти профессора Я. В. Самойлова) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 176–187.

133. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965. – 374 с.

134. *Вернадский В.И.* Лекции по физической кристаллографии // *В.И. Вернадский* Кристаллография. Избранные работы. – М.: Наука, 1988, с. 66–181.

135. *Вернадский В.И.* Отзыв о работе проф. Е.С. Буркcера по геохимии // *К.М. Сытник, Е.М. Апанович, С.М. Стойко* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. – К.: Наукова думка, 1988, с. 263–264.

136. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). – М.: Наука, 1991. – 320 с.

137. *Вернадский В.И.* Отзыв о сочинении П.А. Земятчинского «Этюды по кристаллогенезису» // *В.И. Вернадский* Статьи об ученых и их творчестве. – М.: Наука, 1997, с. 173–176.

138. *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. – М.: Наука, 1997. – 364 с.

139. *Вернадский В.И.* Дневники: 1926–1934. – М.: Наука, 2001. – 456 с.

140. *Вернадский В.И.* Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки / публ. И.И. Мочалова // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации: Межгос. конф., Крым, 23–25 мая 2001 г.: Доклады. – М.: Ноосфера, 2001, с. 157–163.

141. *Вернадский В.И.* Из воспоминаний // *В.И. Вернадский* Труды по истории науки. – М.: Наука, 2002, с. 366–387.

142. *Вернадский В.И.* Международная ассоциация академий // *В.И. Вернадский* О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. – СПб: Изд-во РХГИ, 2002, с. 17–22.

143. *Вернадский В.И.* О Румянцевском минералогическом собрании // *В.И. Вернадский* Труды по минералогии. – М.: Наука, 2002, с. 587–588.

144. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки. – М.: Наука, 2002. – 501 с.

145. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской, 1901–1908. – М.: Наука, 2003. – 295 с.

146. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской (1909–1940). – М.: Наука, 2007. – 299 с.

147. *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941: в 2 кн. Кн. 2: 1939–1941. – М: Наука, 2008. – 295 с.

148. *Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 – август 1943. – М.: РОССПЭН, 2010. – 542 с.

149. *Вернадский В.И.* Записка в физико-математическое отделение ИАН о необходимости организации летом 1910 года экспедиции в район Ферганы для изучения радиоактивных минералов (апрель 1910 г.) // *В.И. Вернадский* Собрание сочинений : в 24 т. Т. 1./ Под. ред. акад. Э.М. Галимова. – М.: Наука, 2013, с. 644–645.

150. *Вернадский В.И.* Собрание сочинений: в 24 т. Т. 24. Дневники В.И. Вернадского 1944 г. / Под ред. акад. Э.М. Галимова. – М.: Наука, 2013. – 365 с.

151. *Вернадский В.И.* 1-ая лекция <по минералогии> на медиц[инском] факультете Москов[ского университета], янв[арь] 1891 [г.] // *Е.П. Янин* Очерки жизни и деятельности и деятельности академика В.И. Вернадского. – М.: ГЕОХИ РАН, 2018, с. 154–160.

152. *Вернадский В.И.* Заметки, замечания, записки, фрагменты / Публикация и примечания Е.П. Янина // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. Вып. 23. – М.: ГЕОХИ РАН, 2019, с. 51–77.

153. *Вернадский В.И.* Из новых течений в космогонии <1910–1911?> // *Е.П. Янин* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. История геологических наук и научного знания. – М.: НП «АРСО», 2021, с. 237–240.

154. *Вернадский В.И.* <Воспоминания о князе Сергее Николаевиче Трубецком>, 29 марта 1942, Боровое // *Е.П. Янин* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Об ученых и их деятельности. – М.: НП «АРСО», 2022, с. 172–177.

155. *Вернадский В.И., Курбатов С.М.* Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги. Из лекций в Московском университете В.И. Вернадского, изданных в 1910–1912 гг. 4-е издание, переработанное и приведенное к новому уровню

знаний проф. С.М. Курбатовым и акад. В.И. Вернадским. – М.-Л.: ОНТИ. Глав. ред. геол.-развед. и геодезич. лит-ры, 1937. – 378 с.

156. *Вернадский В.И., Ревуцкая Е.Д., Твалчрелидзе А.А.* Заметки о распространении химических элементов в земной коре: 3. Наблюдения 1909–1910 гг. // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, т. 4, № 14, с. 1129–1148.

157. *Вернадский В.И., Ферсман А.Е.* Дискразит из Залатны Трансильвании // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, т. 4, № 6, с. 487–489.

158. *Вернадский В.И., Ферсман А.Е.* Об иксионолите из Ильменских гор // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 7, с. 511–516.

159. *Верховский В.Н.* Опытное поле Пензенского губернского земства. – Пенза, 1915. – 19 с.

160. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. — XVI+724 с.

161. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 2. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. — 703 с.

162. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 3. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. – XIV+708 с.

163. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 4. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. – VIII+696+104+XXIX+XXVI с.

164. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание 1909 г. – М.: Новости, 1990. – 211 с.

165. *Винавер М.М.* История Выборгского воззвания. (Воспоминания). – Пг., 1917. – 48 с.

166. *Винда В.И.* Майкопский нефтяной район по исследованиям Нефтяного комитета и личным наблюдениям. Критический очерк. – Екатеринодар: Тип. Т-ва «Печатник», 1910. – 30 с.

167. *Винда В.* Нефтеносные и водоносные горизонты Майкопского нефтяного района. Горнотехнический очерк. – Екатеринодар: Тип. Т-ва «Печатник», 1911. – 53 с.

168. *Винда В.И.* Обзор положения разведочных буровых работ в Майкопском нефтяном районе по май 1911 г. – Екатеринодар: Тип. Т-ва «Печатник», 1911. – 33 с.

169. *Виноградов А.П.* Краткие биографические данные и характеристика научной, педагогической и общественной деятельности В.И. Вернадского // *В.И. Вернадский* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965, с. 356–363.

170. *Виткевич В.* Памяти Э.Е. Лейста // Метеорологический вестник, 1918, т. XXVIII, № 1–12, с. 8–15.

171. Владимир Иванович Вернадский в Тамбовском крае 1848–1918 гг.: Обзор фондов и документов Государственного архива Тамбовской области. – Тамбов: Государственный архив Тамбовской обл., 2013. – 107 с.

172. Владимир Иванович Герье и Московские Высшие Женские курсы: мемуары и документы. – М.: МПГУ, 1997. – 158 с.

173. Водоснабжение Москвы в 1779–1902 гг. Мытищинский и другие вспомогательные водопроводы. – М., 1902. – IV+116+1 карта.

174. Водоснабжение г. Москвы (1779–1925 гг.). – М.: Издание Московского коммунального хозяйства, 1925. – 39 с.

175. *Войтеховский Ю.Л.* Из опыта преподавания. XVI. Минеральные ассоциации: смежность, парагенезис, парастерезис. К 260-летию со дня рождения В.М. Севергина // Вестник геонаук, 2025, № 1, с. 47–55.

176. *Волков В.* Кадет Вернадский // Нева, 1992, № 11–12, с. 307–320.

177. *Воронков А.И.* Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини Ольги Петровны Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911г. – Моршанск: Типо-литография В.И. Холуянова, 1911. – 28 с.

178. В память о 50-летии со дня смерти Тараса Шевченко. – М., 1911. – 226 с.

179. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения // Правительственный вестник, 1902, № 189, 28 августа (10 сентября), с. 3.

180. Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения, 1902, часть CCCXXXXIII, октябрь, с. 80–83.

181. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1923 г. – М.: Государственное изд-во, 1922. – 731 с.

182. Выборгский процесс. – СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1908. – IV+262 с.

183. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). – М.: ЦИК РФ, 2008. – 860 с.

184. *Галимов Э.М.* Об академике В.И. Вернадским (к 150-летию со дня рождения). – М.: Наука, 2013. – 230 с.

185. *Галимов Э.М.* Предисловие ко второму тому // *В.И. Вернадский* Собрание сочинений: в 24 т. Т. 2. Опыт описательной минералогии (1908–1914) / под. ред. акад. Э.М. Галимова. – М.: Наука, 2013, с. 5–6.

186. Геологический музей. Основан в 1716 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – 36 с.

187. *Герлинг Э.К.* Нахождение в метеоритах инертных газов и их изотопный состав // ДАН СССР, 1956, т. 107, № 4, 559–561.

188. *Гиммельфарб Б.М.* Рыбкинское месторождение фосфоритов (Автономная Мордовская область). – М.-Л.: ОГИЗ – Государственное науч.-техн. изд-во, 1931. – 160 с.

189. *Глинский Б.* Князь Сергей Николаевич Трубецкой. (Некролог) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал, 1905, ноябрь, с. 598–614.

190. Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1908–1909 год // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Nouvelle série, 1910, Tome XXIII, с. 56–74.

191. Годичный отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1909–1910 год // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Nouvelle série, 1910, Tome XXIV, с. 1–24.

192. Годичный отчет о деятельности Учебного отдела Общества распространения технических знаний, состоящего под августейшим покровительством Его Императорского высочества Великого князя Алексея Александровича, за 1893 год. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1894. – 126 с.

193. *Годовиков А.А.* Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР (материалы к экспозиции по истории развития Музея) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 25. – М.: Наука, 1989, с. 53–71.

194. Годовой отчет Геологического музея имени Петра Великого Императорской академии наук за 1910 год (Доложено в заседании Физико-математического отделения 19 января 1911 г.) // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской академии наук. Том V. Вып. 1. – СПб., 1911, с. 1–36.

195. Годовой отчет Императорского Московского общества испытателей природы за 1909–1910 год. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1910. – 35 с.

196. *Гоз А.Л.* В.М. Пуришкевич и правительственная политика в университетском вопросе в 1908–1910 гг. // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. – СПб.: Нестор, 1997, с. 65–70.

197. *Головко Л.В., Ильютченко* Н.В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2004, № 6, с. 94–110.

198. *Голубева И.А., Нигаард Р.Р., Казаченко Н.И.* Удивительный гелий: история открытия в лицах // Нефтепереработка и нефтехимия, 2014, № 12, с. 18–32.

199. *Голубятников Д.В.* Главнейшие результаты геологических работ, произведенных на Апшеронском полуострове в 1903 г. // Известия Геологического комитета, 1904, т. 23, с. 289–330.

200. *Голубятников Д.В.* Сураханская газоносная и нефтеносная площадь // Известия Геологического комитета, 1908, т. 27, с. 181–222.

201. Государственный совет Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2008. – 343 с.

202. Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Заседания 1–16 (20 февраля – 5 июня). Заседание 1. 20 февраля 1907 г. – СПб., 1907, с. 8.

203. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909–10 годы. Сессия пятая. Заседания 1–64 (10 октября 1909 г. – 17 июня 1910 г.). – СПб.: Государственная типография, 1910. – XXXVIII с.+4096 стлб.

204. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909–11 годы. Сессия шестая. Заседания 1–49 (15 октября 1910 г. – 28 мая 1911 г.). – СПб.: Государственная типография, 1911. – XXIX с.+2460 стлб.

205. *Гофман К.* Радий и его лучи: Пер. с нем., с доб. Ф.Н. Индриксона, под ред. проф. И.И. Боргмана. – СПб.: Типография. М.М. Стасюлевича, 1903. – VI+59 с.,

206. *Гофман К.* Радий и его лучи: Пер. с нем., с добавлениями, изменениями и введением Ф.Н. Индриксона, под ред. проф. И.И. Боргмана. 2-е русское издание. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. – IV+84 с.

207. *Графф К.Р.* Комета Галлея: Пер. с нем. – Одесса: Mathesis, 1910. – 67 с.

208. *Графф К.Р.* Комета Галлея: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. – Одесса: Mathesis, 1910. – 71 с.

209. *Григорьев Д.П.* В.И. Вернадский – реформатор русской минералогии // Известия АН СССР. Серия Геологическая, 1944, № 1, с. 25–30.

210. *Грузинский А.Е.* Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. – М.: Типография И.А. Баландина, 1902. – 221 с.

211. *Дёльтер К.* Искусственные драгоценные камни // Вестник опытной физики и элементарной математики, 1909, № 498, с. 135–141, № 500–501, с. 191–200.

212. *Дингль Г.* Эдмунд Галлей. Его и наша эпоха // Историко-астрономические исследования. Вып. IV. – М.: Наука, 1958, с 341–365.

213. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 1. – М., 1910. – 144 с.

214. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 2. – М., 1910. – 58 с.

215. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 3. – М., 1910. – 36 с.

216. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 4. – М., 1910. – 89 с.

217. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 5. – М., 1910. – 94 с.

218. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 6. – М., 1910. – 76 с.

219. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 7. – М., 1910. – 104 с.

220. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 8. – М., 1910. – 56 с.

221. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 10. – М., 1910. – С. 423–742.

222. *Джемс В.* Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии: Пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. – СПб.: Изд-во, «Шиповник», 1910. – 242 с.

223. *Джемс В.* Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии: пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. 2-е изд. – СПб.: Изд. «Шиповник», 1910. – 237 с.

224. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта: Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шика. Под ред. С.В. Лурье. – М.: Издание журнала «Русская Мысль», 1910. – XVI+518 с.

225. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта: Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шика. Под ред. и с предисл. С.В. Лурье. Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2012. – 418 с. (Репринтное издание 1910 г.).

226. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. – М.: ООО «Буки Веди», 2015. – 560 с.

227. *Догонадзе И.* Семейные Династии Грузии. – М.: Бизнес-Пресс, 2004. – 400 с.

228. *Дроздов В.П.* Около земли. Очерки по землеустройству. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1909. – 71 с.

229. *Дубровин А.И.* За Родину. Против крамолы. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 480 с.

230. *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М.: Наука, 1993. – 207 с.

231. *Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. 1909–1910 гг. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 301 с.

232. *Дюгем П.* Физическая теория, ее цель и строение: Пер. с фр. Г.А. Котляра. С предисловием Э. Маха к немецкому изданию. — СПб.: Книгоизд-ство «Образование», 1910. – 341 с.

233. *Евдошенко Ю.В.* Между политикой и горным делом. Становление геолога И.Н. Стрижова. Неизвестные страницы биографии // Ветераны: из истории

развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 34. – М.: Нефтяное хозяйство, 2021, с. 29–67.

234. Евразийство (опыт систематического изложения). – [Париж ; Берлин]: Евразийское книгоиздательство, 1926. – 78 с.

235. *Евдокимова А.Г.* Общие черты и местная специфика проявлений революции 1905 г. в российской провинции на типичном примере Курской губернии // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета, 2015, № 4, с. 25–31.

236. Ежегодник внешкольного образования. Вып. 2. – СПб.: Издание Товарищества «Знание», 1910. – VIII+430 с.

237. *Елисеев Э.Н.* Работы В.И. Вернадского по кристаллографии и формирование его философского мировоззрения // Методологические проблемы кристаллографии. – М.: Наука, 1985, с. 70–72.

238. *Елисеев Э.Н., Шафрановский И.И.* Влияние идей В.И. Вернадского на развитие кристаллографии (история и современность) // Научное и социальное значение деятельности В.И. Вернадского. – Л.: Наука, 1989, с. 175–184.

239. *Ельяшевич М.А., Кемеровская Н.Г., Томильчик Л.М.* Ридберг и развитие атомной спектроскопии (К столетию работы И.Р. Ридберга о закономерностях в атомных спектрах) // Успехи физических наук, 1990, том 160, вып. 12, с. 141–165.

240. *Ермишин О.Т.* Князь С.Н. Трубецкой. Жизнь и философия: Биография. – М.: Изд. дом «СИНТАКСИС», 2011. – 176 с.

241. *Ермолов А.С.* Новые исследования фосфоритов. – СПб.: тип. и лит. С.Н. Степанова, 1870. – 89 с. (Из Химической лаборатории Земледельческого института в С.-Петербурге. Вып. 3).

242. *Жагадис (Бачинский А.И.)* Облака: Поэма. – М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1905. – 95 с.

243. Жизнь и гибель Михаила Герценштейна / Публицистика, письма, воспоминания современников / Составитель В.В. Ведерников. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 470 с.

244. *Зайончковский П.А.* Государственный совет // Советская историческая энциклопедия: В 16 т., т. 4: Г–Д. – М.: Советская энциклопедия, 1963, стлб. 646–647.

245. *Зайцева А.В.* Из истории издания учебной литературы в России // Высшее образование в России, 2014, № 8–9, с. 136–139.

246. *Зайцев М.В.* Министерство финансов Российской империи и Государственная дума I–II созывов: взаимодействие в законодательной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения, 2018, т. 18, вып. 2, с. 147–155.

247. *Зайцева Л.Л.* Первая радиологическая лаборатория в России // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 19. История физико-математических наук. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957, с. 197–214.

248. *Зайцева Л.Л., Фигуровский Н.А.* Исследование явлений радиоактивности в дореволюционной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 223 с.

249. *Зак А.Н.* Крестьянский поземельный банк. 1883–1910. – М., 1911. – XII+607 с.

250. *Земятченский П.А*. Этюды по кристаллогенезису. II. Влияние постороннего вещества на кристаллизацию квасцов // Записки Императорской Академии наук по физико-математическому отделению, 1911, т. XXX, № 3. – 19 с.

251. *Зимин Н.П.* Система водоснабжения Москвы. Доклад шестому Русскому водопроводному съезду. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1905. – 55 с. + 5 рис.

252. *Иванов А.А.* Комета Галлея и ее предстоящее появление. – СПб.: Тип. Г. Шахт и К^{О} 1909. – 52 с.

253. *Иванов А.А.* О Комете Галлея // Известия Русского астрономического общества, 1909, вып. XV, № 4 (сентябрь), с. 120–122.

254. *Иванов А.Е.* Студенческая «самопомощь» в высшей школе Российской империи. Конец XIX – начало XX века // Отечественная история, 2002, № 4, с. 35–50.

255. *Игнатьев И.И.* О кометах. Общедоступный астрономический очерк по поводу последнего появления кометы Галлея в 1910 году. – СПб.: Книгоиздательство «Всходы», 1913. – V+157 с.

256. Идейные кассиры. Из истории Горного института императрицы Екатерины II. Дело по обвинению В.М. Пуришкевича в клевете. – СПб., 1910. – 149 с.

257. Известия Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. Выпуск I. - М Типография т-ва И. Д. Сытина. 1917. – 16 с.

258. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1909, том 3, вып. 1, с. 4–5.

259. Извлечения из протоколов заседаний Академии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1909, том 3, вып. 12, с. 797–816.

260. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 20 января 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 4, с. 263.

261. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 17 февраля 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 6, с. 435.

262. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 3 марта 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 8, с. 586.

263. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 3 марта 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 8, с. 587–589.

264. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 17 марта 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 8, с. 594.

265. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 31 марта 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910. т. IV, № 9, с. 664.

266. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 28 апреля 1910 г. // Известия Императорской Академии наук. VI серия, т. IV, № 10, с. 724.

267. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 28 апреля 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, т. IV, № 10, с. 725–727.

268. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 28 апреля 1910 г. // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, т. IV, № 10, с. 727–728.

269. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 12 мая 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 11, с. 804–805.

270. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 15 сентября 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 15, с. 1188.

271. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 29 сентября 1910 г. // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 17, с. 1384.

272. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 24 ноября 1910 г. // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1911, т. V, № 1, с. 16–18.

273. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Физико-математическое отделение. Заседание 24 ноября 1910 г. // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1911, т. V, № 1, с. 17.

274. Из переписки В.В. Докучаева и В.И. Вернадского // Научное наследство. Том второй. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951, с. 761–855.

275. История Московского университета в 2-х т. Том I. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1955. – 563 с.

276. *Ильина Т.Д.* Ядерная физика в науках о Земле: Исторический очерк. – М.: Наука, 1988. – 259 с.

277. Императорская Академия наук. 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Часть первая. – Пг., 1917. – III+631 с.

278. Исход к Востоку: Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Статьи Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого и Георгия Флоровского. – София: Типография «Балкан», 1921. – VII+126 с.

279. Кабинет минералогии и кристаллографии Высших женских курсов в Москве. Исторический очерк и современное состояние. Составлено под редакцией В.В. Карандеева. – М., 1909. – 8 с.

280. *Каблуков Ив.* Проф. Содди и его разгадка // Русская мысль, 1910, № 10, с. 341–342.

281. *Каблуков Н.А.* В Московском юридическом обществе // Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911, с. 116–140.

282. *Казанский П.Е.* Славянский съезд в Софии. – Одесса, 1910. – 56 с.

283. *Калицкий К.П.* Грозненский нефтеносный район. – СПб., 1906. – 40 с.

284. *Калицкий К.П.* Чатминский нефтеносный район // Известия Геологического комитета, 1907, т. 26, с. 127–179.

285. *Карандеев В.В.* Минералогический кружок при Минералогическом кабинете Московского университета. 1901–1910 // Ежегодник по геологии и минералогии России, 1914, т. 16, вып. 1, с. 26–30.

286. *Карпинский А., Голицын Б., Рыкачев М., Чернышев Ф., Вернадский В., Вальден П.* Доклад Комиссии по исследованию месторождений радиоактивных минералов» // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1913, т. 7, № 18, с. 1050–1058.

287. *Карстенс Э.Э.* Опыт исследования радиоактивности кавказских минеральных вод. Читано в заседании Русского бальнеологического о-ва в Пятигорске 2 апр. 1908 г. – <Пятигорск, 1908>. – 54 с.

288. Каталог Шевченковской выставки в Москве по поводу пятидесятилетия со дня его смерти. – М., 1911. – 27 с.

289. *Кауфман А.А.* Теория и методы статистики: Руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду. 2-е изд., соверш. перераб. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. – XXVIII+632 с. (Библиотека для самообразования / Изд. под ред. В.И. Вернадского, Н.Д. Виноградова, А.Э. Вормса и др.).

290. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. – М.: Искусство, 1996. – 396 с.

291. *Кисляков А.С.* Национально-политическая программа польского коло в Государственной думе I и II созывов (1906–1907 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2011, № 4, с. 89–101.

292. *Клеопов И.Л.* Геологический комитет. 1882–1929 гг.: История геологии в России. – М.: Наука, 1964. – 175 с.

293. *Ковыльникова Т.С.* Коллективные уроки общества воспитательниц и учительниц в практике отечественного высшего женского образования (1889–1900) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология», 2024, № 1 (66), с. 244–245.

294. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Том I. – Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. – 505 с.

295. *Кокошкин Ф.Ф.* Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. Конспект лекций, составленный слушателем Н. Невзоровым, под редакцией лектора. Выпуск I. Издание О-ва взаимопомощи студентов-юристов Московского университета. – М., 1908. – 88 с.

296. *Кокошкин Ф.Ф.* Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. Конспект лекций, составленный слушателем Н. Невзоровым, под редакцией лектора. Выпуск II. Издание О-ва взаимопомощи студентов-юристов Московского университета. – М., 1908. – 155 с.

297. *Кокошкин Ф.Ф.* Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел» // Финляндия, 1909, № 5, с. 21–29.

298. *Кокошкин Ф.Ф.* Итоги спора // Финляндия, 1910, № 10, с. 377–382.

299. Коллекции В.П. Кочубея (Колл. № 1100) // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук, 1914, т. VIII, вып. 1, с. 40–61.

300. *Колониченко Е.В.* Изоморфные ряды В.И. Вернадского: современное состояние и перспективы развития // Наука и просвещение. Посвящается 150-летию со дня рождения академика В.И. Вернадского. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2012, с. 149–165.

301. Комета Галлея // Нива, 1910, № 18, с. 341–345.

302. Коновалов Александр Иванович // Новый энциклопедический словарь. Двадцать второй том. – Пг.: Издание Акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», [1915[, стлб. 481.

303. *Копцик В.А.* Комментарии // *В.И. Вернадский* Кристаллография. Избранные работы. – М.: Наука, 1988, с. 169–181.

304. *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян. Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии в 1891–92 г. – М., 1893. – 231 с.

305. *Костинский С.К.* К возвращению кометы Галлея. – Николаев: Электрическая типо-литография бр. Л. и И. Белолипетских, 1910. – 25 с.

306. *Котляревский С.А.* Правовое государство и внешняя политика. – М., 1909. – 428 с.

307. *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905 – 1914). Новгород – Самара – Пенза. – Пг.: типография «Содружество», 1916. – 259 с.

308. *Крапивин С.Г.* Количественный анализ. 3-е изд. – М.-Л.: ОГИЗ – Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. – 204 с.

309. *Крапивина С.С.* Применение ионообменного метода для определения кальция, стронция и бария в минеральных водах, минеральном сырье и силикатах: Автореф. дис. … канд. техн. наук / Всесоюз. н.-и. ин-т стекла. – М., 1953. – 6 с.

310. *Крашенинников С.* Описание земли Камчатки. Т. 1. – СПб.: при Императорской академии наук, 1755. – 438 с.

311. *Креднер Г.* Руководство к геологии: Пер. с нем. (с дополнениями). Вып. первый (с двумя таблицами рисунков). – СПб.: Тип. П.П. Меркурьев, 1873 – I+176 с.

312. *Кропоткин П.А.* Исследование о ледниковом периоде. Выпуск первый // Записки Русского географического общества по общей географии, 1876, т. VII, вып. 1, с. XXXIX+717 с.

313. *Кропоткин П.А.* Главы из неопубликованного 2-го выпуска Исследований о ледниковом периоде» (1874–1876) // Научное наследство. Том 25. Петре Алексеевич Кропоткин. Естественно-научные работы. – М.: Наука, 1998, с. 100–160.

314. *Крохин В.П.* История карел. – СПб.: тип. «Надежда», 1908. – 67 с.

315. *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л.: Наука, 1980. – 142 с.

316. *Крыжановский В.И.* Академик В.И. Вернадский как организатор Минералогического музея АН СССР (Воспоминания о совместной работе в период 1907–1942 гг.) // Известия АН СССР. Серия геологическая, 1941, № 1, с. 31–34.

317. *Кузнецов В.М., Никитин В.С., Хвостова М.С.* Радиоэкология и радиационная безопасность: История, подходы, современное состояние: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2011. – 1208 с.

318. *Кузнецов С.Д.* К минералогии Забайкалья. I–II // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, том 4, выпуск 9, с. 711–718.

319. *Кузнецова Л.А.* История создания Курского историко-археологического и кустарного музея, учрежденного в память посещения Николаем II Курска в 1902 г. // Вестник архивиста, 2013, № 4, с. 25–39.

320. *Кулаковский П.А.* Славянский съезд в Софии // Славянские известия, 1910, № 5–6, с. 395–467.

321. *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал, 2017, № 1, с. 126–141.

322. Куломзинская фосфоритная мука, представляющая собой тетракальциевый фосфат $Ca_3(PO_4)_2$ CaO, т. е. обожженные докрасна и тонкоразмолотые фосфориты без обработки кислотами. 11-е изд. – СПб: Корниловская контора гг. Куломзиных, 1910. – 21 с.

323. *Кульматова Т.В., Гусева С.Ю.* Книжный склад Императорской Академии наук и выставка произведений русской печати в Софии 1910 г. // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 10. – СПб.: БАН, 2024, с. 15–20.

324. *Лаверов Н.П.* Геологические проблемы в атомном проекте // Атомная энергия, 1999, т. 87, вып. 6, декабрь, с. 418–425.

325. *Лаверов Н.П., Шуколюков Ю.А., Яншина Ф.Т.* Предисловие // В.И. Вернадский Труды по радиогеологии. – М.: Наука, 1997, с. 5–9.

326. *Лазарев П.П.* Николай Алексеевич Умов, президент Московского общества испытателей природы (1846–1915). – М., 1940. – 40 с.

327. *Лейст Э.Е.* О влиянии планет на наблюдаемые явления земного магнетизма. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1897. – 123 с.

328. *Ленин В.И.* Сочинения. Издание третье. Том XIV. 1909–1910. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. – 609 с.

329. Летопись Российской Академии наук. В 4-х т. Т. IV. 1901–1934. – СПб.: Наука, 2007. – 1051 с.

330. *Линденер Б.А.* О триболюминесценции минералов // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, т. IV, № 13, с. 999–1022.

331. *Липшиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (исторический очерк). – М., 1940. – 135 с.

332. «Ложные равновесия»: из переписки С.Н. Трубецкого и В.И. Вернадского 1901–1905 г. / Предисловие, публикация и комментарии М.Ю. Сорокиной // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge), 2015, № 3, с. 229–258.

333. *Ломоносов М.В.* О слоях земных. (Прибавление второе к «Первым основаниям металлургии» // Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. Извлечения и объяснительные статьи Б.Н. Меншуткина, Н.А. Иоссы, Ю.М. Шокальского, В.И. Вернадского. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911, с. 150–240.

334. Ломоносовский сборник, 1711–1911. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911. – 354 с.

335. *Лопатин Л.М.* Князь С.Н. Трубецкой и его общее философское миросозерцание // Вопросы философии и психологии, 1906, кн. 1, с. 29–129.

336. *Лоскутова М.В.* Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской империи (1860–1910-е гг.) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012, с. 76–93.

337. *Лурье С.* Памяти Вильяма Джемса // Логос. Международный ежегодник по философии культуры, 1910, кн. 2, с. 295–296.

338. *Лярский А.Б.* Студент-самоубийца: историко-культурный феномен в России начала XX в. // Записки Горного института, 2005, т. 163, с. 80–82.

339. *Лярский А.Б.* Эпидемия самоубийств среди школьников в Российской империи начала XX века // https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2017/02/tezisy-doklada-a-b-liarskogo-seminar-rossia-28-06-2018.pdf?ysclid=mktwbnb2fp36283616.

340. *Лярский А.Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX-XX вв. – СПб.: МИЭП, 2010. – 383 с.

341. *Мамонтов В.Н.* Алтайский метеорит 1904 года // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Том III. 1909. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910, с. 107–128.

342. *Марголин Д.* (составитель) Справочник по высшему образованию: Руководство для поступающих во все высш. учеб. заведения России. 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Сотрудник, 1911. – XVI+507 с.

343. *Маслов В.И.* 200 лет Екатерининскому Мытищинскому водопроводу. – Мытищи: УПЦ «Талант», 2004. – 144 с.

344. *Матвиенко Е.Н.* Коллекция горного инженера И.Н. Крыжановского // Новые данные о минералах. Вып. 43. – М.: ООО «Альтум», 2008, с. 79–85.

345. *Мезерницкий П.Г.* К вопросу о радиоактивности минеральных вод, разлитых в бутылки – СПб.: Т-во худож. печати, 1910. – 8 с.

346. *Мещерюк И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828–1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). – Кишинев: Изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1965. – 208 с.

347. *Мигулин П.П.* Возрождение России: Экономические этюды и новые проекты. – Харьков: типография «Печатник», 1910. – 500 с.

348. *Милюков П.Н.* Воспоминания. Том 2. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. – 399 с.

349. *Милюков П.Н.* Из тайников моей памяти. – М.: ЭКСМО, 2015. – 957 с.

350. *Мирзоян Э.Н.* Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России (1805–2005 гг.). – М.: Графикон-принт, 2005. – 159 с.

351. *Моисеева М.Л.* П.А. Кочубей и его коллекция минералов в собрании Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана // Новые данные о минералах, 2003, вып. 38, с. 89–98.

352. *Морозов Н.* Что может принести нам встреча с кометой? По поводу приближения кометы Галлея. Публичная лекция в Московском Политехническом музее 19 марта 1910 г. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910. – 64 с.

353. Моршанское уездное земское собрание XLVI очередной сессии 1910 г. Журналы собрания, журналы комиссий, доклады управы и другие материалы. – Моршанск: Типо-Литография В.И. Холуянова, 1911. – 618 с. (раздельная пагинация).

354. *Москвин В.В.* Московские высшие женские курсы в начале XX в. – М.: Прометей, 1999. – 204 с.

355. Московский педагогический институт имени В.И. Ленина: 1872–1972 – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. – 317 с.

356. Московский университет. Летопись – 1910 // https://letopis.msu.ru/letopis/1910?ysclid=m34urlg9ns103710748.

357. *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. – М.: Наука, 1982. – 488 с.

358. *Муромцев С.А.* Князь Николай Сергеевич Волконский. Историческая справка // Русские ведомости, 1910, 25 февраля, № 45.

359. «Мы живем в совсем особенной атмосфере…»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. Предисловие, публикация и комментарии М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Новый журнал, 2014, № 274, с. 92–156 / https://russiangrave.ru/assets/files/MMK-GVV_NJ.pdf.

360. Мытищинский водовод // Вестника Европы, 1904, декабрь, № 23, с. 213–229.

361. *Мясников А.Л.* Пульс России: переломные моменты истории страны глазами кремлевского врача. – М.: ЭКСМО, 2014. – 492 с.

362. *Наумов Г.Б., Рихванов Л.П.* Роль В.И. Вернадского в становлении и развитии учений о радиоактивности и радиогеологии. К 150-летию со дня рождения великого естествоиспытателя // Радиоактивность и радиоактивные элементы в среде обитания человека: материалы IV Международной конференции (Томск, 4–8 июня 2013 г.); Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2013, с. 22–34

363. Научное наследство. Том 20. Л.В. Федорова Наши будни, радости и горести: Воспоминания. – М.: Наука, 1992. – 370 с.

364. Научное наследство. Том 25. Петр Алексеевич Кропоткин. Естественнонаучные работы. – М.: Наука, 1998. – 270 с.

365. Научные работники Москвы. С приложением перечня научных учреждений Москвы. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – XX+610 с.

366. *Ненадкевич К.А.* Туранит и алаит – два новых ванадиевых минерала //Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1909, т. 3, № 3, с. 185–186.

367. *Ненадкевич К.А.* Тюямунит – новый минеральный вид // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1912, т. 6, № 15, с. 945–946.

368. *Ненашева З.С.* Софийский съезд неославистов 1910 года (подготовка, ход, результаты) // Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 29–40.

369. *Ненашева З.С.* Софийский славянский съезд 1910 года // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М., 1998, с. 200–225.

370. *Непомнящий А.А.* Профессор С.П. Попов: неизвестные страницы биографии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки, 2024, т. 10, № 3, с. 62–103.

371. *Непомнящий А.А.* «Работаю, сколько могу»: к биографии профессора С.П. Попова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки, 2024, т. 10, № 4, с. 93–123.

372. *Непомнящий А.А.* Профессор С.П. Попов и академик В.И. Вернадский: программа по изучению производительных сил Черноморского региона // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IX Международной научной конференции. В 2-х томах. Т. 2. – М.: ИВ РАН, 2025, с. 66–71.

373. *Никитенко С.М.* Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революционной эпохи 1905–1917 гг.: Автореф. дис. … канд. исторических наук. – М., 2009. – 24 с.

374. *Новгородова М.И.* В.И. Вернадский – минералог // *В.И. Вернадский* Труды по минералогии. – М.: Наука, 2002, с. 6–12.

375. Новый проект университетского устава // Вестник Европы, раздел «Внутреннее обозрение», 1910, март, с. 334–351.

376. Общий устав Императорских Российских университетов (Именной Высочайший указ, 23 августа 1884 года) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том девятый. Царствование императора Александра III.1884 год. – СПб: Типография Высочайше утверждённого Товарищества «Общественная польза», 1893, стлб. 985–1046.

377. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 тт. / Т. 2. 1909–1912 гг. Книга 1. 1909–1910 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 679 с.

378. Объявление о создании «Комитета славянской взаимности» / М.М. Ковалевский, Н.П. Кондаков, Ю.Н. Милютин, П.Н. Милюков др. – [Б. м.], [1908, апрель]. – 2 л. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 40. Картон 8. Ед. хран. 9.

379. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – СПб., 1908, т. 25, отд. 1, № 26692, с. 658–659.

380. *Озеров С.А.* Мытищинская вода и причины увеличения ее жесткости Часть химическая. – М.: Издание Московской городской управы, 1915. – II+212 с.

381. Описание сооружений нового Московского водопровода. Строительный период 1890–1893 г. / Составил ученый инженер-механик Н.П. Зимин. – М.: Издание Московской городской думы, 1905. – IV+343 с.

382. Организационный съезд Объединения (Ассоциации) Русских Естествоиспытателей и Врачей. М: Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1917. – 3 с.

383. *Остромысленский И.И.* К вопросу о природе триболюминесценции // Журнал Русского физико-химического общества. Часть химическая. Отдел первый. – 1910, с. 591–606.

384. Остромысленский Иван Иванович // Новый энциклопедический словарь, том 29. – Пг.: Издание Акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», [1916], с. 859.

385. От Редакции «Библиотеки для самообразования // Киевская Русь. Сборник статей, под ред. В.Н. Сторожева. Том первый. Второе, исправленное издание. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910, с. XI–XV.

386. Отчет о деятельности Геологического комитета за 1910 год // Известия Геологического комитета, 1911, т. 30, № 3, с. 153–325.

387. Отчет о деятельности Императорской академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год / составленный акад. С.Ф. Ольденбургом и читанный в публ. заседании 29 дек. 1906 г. – СПб. : тип. Имп. АН, 1906. – 244+4 с.

388. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910 год, составленный непременным секретарем С.Ф. Ольденбурга и читанный в публичном заседании 29 декабря 1910 года. – СПб., 1910. – 303 с.

389. Отчет о деятельности Учебного отдела Общества распространения технических знаний, состоящего под августейшим покровительством Его Императорского высочества Великого князя Алексея Александровича, за 1899 год. – М.: Типография И.А. Баландина, 1900. – 40 с.

390. Отчет о деятельности Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1910 и 1911 годы. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 155 с.

391. Отчет о состоянии и действия Императорского Московского университета за 1910 год. – М., 1911. – IV+525 с.

392. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 600 с.

393. *Павлов И.П.* Лекции о работе главных пищеварительных желез. – СПб., 1897. – II+223 с.

394. *Павлова Т.М.* В.И. Вернадский в Минералогическом музее Российской академии наук // Новые данные о минералах, 2012, вып. 47, с 112–115.

395. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Т. III. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 507 с.

396. *Пархоменко Т.А.* Московское общество народных университетов // Педагогика, 1995, № 5, с. 96–99.

397. *Пенькова О.П.* Тамбовское дворянство и столыпинское землеустройство // Самарский земский сборник, 2004, № 1, с. 52–59.

398. *Перельман А.И.* Атомы-спутники. – М.: Наука, 1990. – 176 с.

399. Переписка В.И. Вернадского с Дж. Сартоном // *В.И. Вернадский*. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981, с. 298–300.

400. *Пилипенко П.П.* Селен в алтайских минералах // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1909, т. 3, вып. 16, с. 1113–1115.

401. Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

402. Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. – М., 1925. – 383 с.

403. Письма Е.С. Федорова В.И. Вернадскому // Научное наследство. Том 16. Евграф Степанович Федоров. Переписка. Неизданные и малоизвестные работы. – Л.: Наука, 1991, с. 156–161.

404. Письма Я.В. Самойлова В.И. Вернадскому, 1897–1921 гг. К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского / сост. В.П. Оноприенко. С.П. Рудая. – Киев: Информ.-аналит. агентство. 2013. – 378 с.

405. *Платонова З.А.* Реакция общественности на XII съезд русских естествоиспытателей и врачей (по материалам периодических изданий конца 1909 – начала 1910 гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. – Саратов: Амирит, 2019, с. 125–128.

406. *Плотников И.С.* Кинетика фотохимических реакций. – М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1908. – 97 с.

407. *Плотников Н.А.* Об изменении состава подземных вод при эксплуатации их для водоснабжения // Гигиена и санитария, 1946, № 4, с. 4–12.

408. *Поведская И.Н.* Весьегонский американец: очерк жизни и деятельности Петра Алексеевича Дементьева (1850–1919). – Тверь: СФК-офис, 2008. – 205 с.

409. Положение о Высших женских курсах в Москве и речи, произнесенные при открытии Курсов 1 ноября 1872 года профессорами Московского университета св. А.М. Иванцовым-Платоновым, С.М. Соловьевым и В.И. Герье. – М.: В Университетской типографии, 1872. – 32 с.

410. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. По официальному изданию 1892 г., с дополнениями по 20 августа 1893 г., сенатскими и министерскими разъяснениями, со включением узаконений, на которые сделаны ссылки в тексте статей Положения о земских учреждениях, и с приложением: Временных правил для земских учреждений по делам о земских повинностях (изд. 1890 г.), Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами (Выс. утв. 8 июня 1893 г.) и указателей: хронологического и предметного (по алфавиту). Составил кандидат права Н.И. Арефа. – СПб.,1894. – 18+364 с.

411. *Пономарев К.П., Штейнер С.И.* Очерки истории нефтяной промышленности Кубани. – М.: Гостоптехиздат, 1958. – 97 с.

412. *Попов И.И.* Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. – М.-Л.: ACADEMIA, 1933. – 215 с.

413. Празднование двухсотлетней годовщины рождения М.В. Ломоносова Императорским Московским университетом. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1912. – III+178 с.

414. *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2004. – 967 с.

415. Приложения к стенографическим отчетам Государственного совета. Сессия V. 1909–1910 гг. Приложение I. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 220 с.

416. *Проскурякова Н.А*. Крестьянский поземельный банк и столыпинская реформа (1906–1916 годы) // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2007, № 5, с. 91–98.

417. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Nouvelle série, 1890, Tome IV, № 4, с. 28.

418. Протоколы заседаний Императорского Московского общества испытателей природы за 1910 г. // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Nouvelle série, 1910, Tome XXIV, с. 1–58.

419. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. – М.: Прогресс –Академия, 1994. – 528 с.

420. *Пруссаков А.И.* Кто убил Герценштейна? – СПб., 1909. – 134 с.

421. *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. – СПб., 1914. – XII+282 с.

422. Радиевый институт. Хроника событий. История коллекций. Альбом-каталог. – М.: Центр коммуникаций, 2023. – 352 с.

423. *Раскин Н.М., Шафрановский И.И.* Е.С. Федоров и В.И. Вернадский (По материалам архива Академии наук СССР) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 8. – М.: УГЛЕТЕХИЗДАТ, 1959. С. 165–176, с. 171–172.

424. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.). – М.: Республика, 2005. – 494 с.

425. *Росов В.А.* В.И. Вернадский и русские востоковеды. Мысли – Источники – Письма. – СПб., 1993. – 144 с.

426. Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах. Т. 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724–1934. – М.: Наука, 2024. – 789 с.

427. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1916 год. – Пг.: Типография Министерства внутренних дел, 1916. – 1223 с.

428. *Рубакин Н.А.* Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. – СПб., 1906. – XVIII+332+X с.

429. *Рубакин Н.А.* Среди книг: опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературных общественных идей:

Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Книгоиздательство «НАУКА», 1911. – XXIV+424 с.

430. *Рубинов И.* В негритянском университете // Русское богатство, 1910, № 1, с. 68–95.

431. *Рубинов И.* В негритянском университете (окончание) // Русское богатство, 1910, № 2, с. 19–48.

432. *Руга В.Э., Кокорев А.О.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта начала XX века. – М.: АСТ, 2010. – 497 с.

433. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910, снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величество покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1914. – VIII+88 с.

434. *Рыбин Д.В.* Финляндский вопрос в Российской империи в 1907–1917 годах (политико-правовая позиция легалистов) // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология, 2025. Т. 35, вып. 1, с. 114–125.

435. *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917. – М. ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 524 с.

436. Семитские языки и народы Теодора Нельдеке в обработке А. Крымского (с участием академика П.К. Коковцова). Ч. 2. – М., 1910. – VIII+165–300 с.

437. *Самойлов Як.* Минералогия жильных месторождений Нагольного кряжа (Донецкий бассейн). – СПб., 1906. – 244 с.

438. *Самойлов Я.В.* Месторождения тяжелого шпата восточной части Костромской губернии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910, том 4, № 12, с. 857–880.

439. *Самойлов Я.В.* Результаты работ по геологическому исследованию залежей фосфоритов в 1910 году // Отчет по геологическому исследованию фосфоритовых залежей. Том III. – М: Типо-литография В. Рихтер, 1911, с. 1–29.

440. *Сафронов Н.И.* Основы геохимических методов поисков рудных месторождений (методическое пособие). Часть I. Некоторые основные закономерности общей геохимии. – Л.: ВИТР, 1962. – 145 с.

441. Сборник в честь двадцатипятилетия научной деятельности Владимира Ивановича Вернадского. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарев и К^0, 1914. – VI+291 с.

442. Сборник, посвященный памяти Тараса Григорьевича Шевченко. – М.: Комітет по упорядкуванню шевченківських свят у Москві, 1912. – 217 с.

443. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. – VIII+109 с.

444. Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при Московском университете. – <Москва>, 1910. – XII+237 с.

445. *Свешникова О.Л., Гриценко Ю.Д., Паутов Л.А., Спиридонов Э.М.* Минералогический музей имени Александра Евгеньевича Ферсмана: 300 лет исканий и достижений // Новые данные о минералах, 2016. Вып. 51, с. 116–127.

446. *Севергин В.М.* Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел. Кн. 1. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1798. – VI+ 498 с.

447. *Седова Я.А.* Рассмотрение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения в Государственной думе и Государственном совете в 1910 году // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей международной научной конференции. Ч. I. – СПб.: ООО «ЭлекСис», 2015, с. 146–155.

448. *Селибер Г.* Экспериментальный метод в биологии // Русская мысль, 1911, кн. 11, с. 70–83.

449. *Семенов Ю.* Место воздухоплавания в жизни // Автомобиль и воздухоплавание, 1911, № 1, с. 9–14.

450. *Серапионова Е.П.* Славянский вопрос в России на рубеже XIX–XX вв. (1898–1908 гг.) // С.В. Никольский и современная славистика: В честь 90-летия со дня рождения ученого. – М.: ИСл РАН, 2013, с. 160–201.

451. *Сергиенко В.И., Авраменко В.А., Тананаев И.Г.* В.И. Вернадский как основоположник отечественной радиохимии (к 70-летию ядерной отрасли России) // Вестник ДВО РАН, 2015, № 5, с. 156–161.

452. *Синова И.В.* Современный взгляд на детские суициды в Российской империи второй половины XIX начала XX веков // Суицидология, 2014, т. 5, № 1 (14), с. 63–70.

453. *Склодовская-Кюри М.* Исследования над радиоактивными веществами: Пер. с фр. П.М. Факторовича. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1904. – 112 с.

454. *Склодовская-Кюри М.* Радий и радиоактивность: Пер. с фр. А.И. Бачинского. – М.: Книгоиздательство «Творческая мысль», 1905. – 106 с.

455. Славянские съезды XIX–XX вв. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 143 с.

456. *Смирнова Е.А.* Дисциплинарная система высшей школы столицы начала XX в.: организация и деятельность профессорского суда // Historia provinciae – журнал региональной истории, 2021, т. 5, № 1, с. 106–145.

457. *Соболев В.С.* Празднование 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова в Санкт-Петербургской академии наук // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Вып. 1. – СПб.: МАЭ РАН, 2011, с. 95–110.

458. *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. – Л.: Наука, 1983. – 262 с.

459. *Содди Ф.* Радиоактивные явления: Пер. с англ. – СПб.: Типографии М. Меркушева, 1903. – 156 с.

460. *Содди Ф.* Радий и его разгадка: Пер. с англ. – Одесса: Mathesis, 1910. – XIV+185 с.

461. Современное хозяйство города Москвы. – М.: Издание Московского городского управления, 1913. – 654+II с.

462. *Соколов Ал.* Северная экспедиция 1733–43 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, 1851, IX часть, с. 190–469.

463. Соколов А.П. Радиоактивность некоторых русских минеральных вод, грязей и почв // Журнал Русского физико-химического общества. Том XXXVI. Часть физическая. Отдел первый, 1905, с. 101–153.

464. *Соколов А.П.* Радиоактивность земли. (Речь, произнесенная в соединенном заседании Общества любителей естествознания с XII Съездом естествоиспытателей и врачей 30 декабря 1909 г. в Политехническом музее). – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. – 17 с.

465. *Соколов В.Д.* Краткий обзор работ организованной Московским городским управлением Комиссии по исследованию вопроса о причинах усиления жесткости мытищинской воды: (Доложен и принят в заседаниях Комиссии 3 нояб. и 15 дек. 1910 г.). – М.: Городская типография, 1911. – 16 с.

466. *Соколов В.Н*. Свеаборг: военное восстание в 1906 г. – М.: Старый большевик, 1933. – 127 с.

467. *Соколов Д.В.* Владимир Дмитриевич Соколов (жизнь и деятельность), 1855–1917. – М.: МОИП, 1940. – 36 с.

468. *Сонин А.С.* Георгий Викторович Вульф. 1863–1925. – М.: Наука, 2001. – 272 с.

469. Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1929. – 444 с.

470. Список медицинский врачей СССР (на 1 января 1924 года). – М.: Издание Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, 1925. – 827 с.

471. Справочная книжка Московских высших женских курсов. Издание слушательниц Курсов. – М., 1914. – 93 с.

472. Спутник рабочего на 1914 год. СПб.: Прибой, <1914>. – 190 с.

473. *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). – М.: Изд-во ВЗПИ : АО «Росвузнаука», 1992. – 329 с.

474. *Стогов Д.И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 672 с.

475. *Столяров Ю.Н.* Вернадский и Рубакин: общность библиокультурных интересов и менталитета // Научные и технические библиотеки, 2023, № 3, с. 136–165.

476. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 348 с.

477. Студенческий справочник на 1910–11 академический год. – СПб., 1910. – 220 с.

478. *Субботина Н.М.* История кометы Галлея. – СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1910. – 160 с.

479. *Суязов В.В.* Правосудие, справедливость и профессорский дисциплинарный суд в Российской империи // Образование и право, 2019, № 6, с. 222–234.

480. *Сыромятников Б.И*. О деятельности Московского общества Народных Университетов // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. С.-Петербург, 3–7 января 1908 г. – СПб., 1908, с. 493–500.

481. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 2. 1908–1914 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 655 с.

482. Тамбовские страницы жизни В.И. Вернадского: Документы и материалы. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 132 с.

483. *Танков А.* Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник, 1910, т. 120, апрель, с. 285–300.

484. *Тарасов К.А.* Вместе и врозь. Метаморфозы образа Тараса Шевченко в годы Первой мировой и Гражданской войн // Антропологический форум, 2024, № 60, с. 130–158.

485. *Тверской П.А. <П.А. Дементьев>* Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1895. – 2+464+VII с.

486. *Тесля А.А.* Восемь лекций о славянофильстве: интеллектуальная история. – М.: Свято-Филаретовский институт, 2024. – 212 с.

487. *Тимирязев К.А.* Основные черты истории развития биологии в XIX столетии. – М.: Издание Т-ва братьев А. и И. Гранат и К^0, 1908. – 119 с.

488. *Титоров Й.* Българитѣ въ Бессарабия. – София: Печатница на Г.А. Ножаров, 1903. – 335 с.

489. *Тиханович П.В.* Греко-латино-русский словарь к сочинению Ксенофонта Κύρον Αναβασίς». – Харьков: тип. Гинзбурга и Кудрина, 1874. – II+494+VIII с.

490. *Тихонович Н.Н.* Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 95–119.

491. *Токарев Н.В.* Губернская власть и столыпинская трансформация тамбовской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017 год: Формы землевладения и системы землепользования, сельское управление и самоуправление в аграрной истории России X–XXI вв. – М.-Брянск: Новый проект, 2018, с. 121–129.

492. *Томсинов В.А.* Развитие университетского юридического образования в России в период с 1884 до 1917 года. Статья шестая // Законодательство, 2013, № 8, с. 88–94.

493. Трагедия в семье проф. В. Фаусека // Петербургская газета, 1910, январь, № 15

494. *Трифонов Д.Н., Кривомазов А.Н., Лисневский Ю.И.* Учение о периодичности и учение о радиоактивности: Комментированная хронология важнейших событий. – М.: Атомиздат, 1974. – 248 с.

495. *Трубецкая О.Н*. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 269 с.

496. Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. Извлечения и объяснительные статьи Б.Н. Меншуткина, Н.А. Иоссы, Ю.М. Шокальского, В.И. Вернадского. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911. – 240 с.

497. Труды VI Съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. С 14 марта по 20 марта 1910 г. – СПб., 1910. – VIII+511 с.

498. *Трутовский В.* Современное земство. Под редакцией и с предисловием Б.Б. Веселовского. – Пг.: Издание П.И. Певина, 1915. – 288 с.

499. *Ульянов А.Е.* Покупка помещичьей земли Крестьянским поземельным банком в губерниях Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия социально-экономические науки и искусство, 2011, № 3, с. 75–78.

500. *Урусов В.С.* Теория изоморфной смесимости. – М.: Наука, 1977. – 251 с.

501. *Урусов В.С.* Современный взгляд на работы В.И. Вернадского в области кристаллографии и кристаллохимии // *В.И. Вернадский* Кристаллография. Избранные работы. – М.: Наука, 1988, с. 3–12.

502. Устав, Инструкции и Список членов Московского общества распространения технических знаний. – М.: В типографии С. Селивановского, 1870. – 22 с.,

503. Устав Московского общества народных университетов. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1913. – 8 с.

504. Устав Московского Общества распространения технических знаний. – М.: Типография А.Г. Кольчугина, 1896. – 9 с.

505. Устав Общества для доставления средств Высшим женским курсам. – М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1910. – 14 с.

506. Устав Общества единения народностей России. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1909. – 15 с.

507. Устав Общества славянской культуры. В Москве // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 38. Л. 55–60 об.

508. Устав Общества содействия внешкольному образованию. – М.: Тип.-литография т-ва на вере Е. Кудинова и К°, 1907. – 13 с.

509. Устав Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова, состоящего при Императорском Московском университете и Императорском Московском Техническом училище. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1912. – 12 с.

510. Устав императорских российских университетов // П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, с. 598–632.

511. Уставы Московского университета, 1755–2005. – М.: Империум Пресс, 2005. – 479 с.

512. Учение о радиоактивности. История и современность. М.: Наука, 1973. – 254 с.

513. *Фадеева М.В.* Студенты Императорского Московского университета в правовом поле Российской империи: под надзором трех инстанций // Вопросы образования, 2016, № 4, с. 251–275.

514. *Фальковский Н.И.* История водоснабжения в России. – М.-Л.: Изд-во Министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1947. – 307 с.

515. *Федоров В.А.* Государственный совет // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 1.: А–Д. – М.: Бол. Российская энциклопедия, 1994, с. 619–620.

516. *Федоров Е.С.* Теодолитный метод в минералогии и петрографии. – СПб., 1893. – 194 с.

517. *Ферсман А.Е.* Минералогические заметки. 1. Кристаллы диопсида из месторождений лазурита на юг от Байкала // Известия Императорской Академии наук, VI серия, 1910, т. IV, № 6, с. 465–468.

518. *Ферсман А.Е.* Минералогические заметки. II. Флогонит и альбит из ледниковых валунов Московской губернии // Известия Императорской Академии наук. VI серия, 1910. т. IV, № 10, с. 732–750.

519. *Ферсман А.Е.* Тюя-Муюнский радиевый рудник. (Из впечатлений поездки весною 1924 года) // Природа, 1924, № 1–6, стлб. 57–88.

520. *Ферсман А.Е.* К столетию геохимии // Советская наука, 1941, № 2, с. 118–121.

521. *Ферсман А.Е.* Жизненный путь академика В. И. Вернадского (1863−1945) // Записки Всероссийского минералогического общества. Вторая серия, 1946, ч. 75, № 1, с. 5−24.

522. *Ферсман А.Е.* Очерки по истории камня. Том I. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 371 с.

523. *Ферсман А.Е.* Жизненный путь академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) // *А.Е. Ферсман* Избранные труды. Том V. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 787–805.

524. *Ферсман А.Е., Вернадский В.И.* Об икснонолите из Ильменских гор // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6, 1910, т. 4, № 7, с. 511–516.

525. *Флеер М.Г.* Михаил Яковлевич Герценштейн. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906. – 16 с.

526. *Флятау Ю.Л.* Об образовании лактонов γ-фенолокислот: Производные дифенилуксусной кислоты. – Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1911. – 77 с.

527. *Франк С.* Философия религии В. Джемса // Русская мысль, 1910, кн. 2, с. 155–164.

528. *Франк С.Л.* Виллиам Джемс // Русская мысль, 1910, кн. 10, с. 218–221.

529. *Френкель З.Г.* О Международной гигиенической выставке в Дрездене (Из «Воспоминаний о пройденном жизненном пути», 1869–1970) // Гигиена и санитария, 1972, № 11, с. 74–76.

530. *Фролов С.А.* Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884–1917 гг.). – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического ун-та, 2005. – 120 с.

531. *Фуллон А.А.* О выделке железа в сыродутных печах по каталанской методе. – СПб., 1819. – XVI+44 с.

532. *Хабаков А.В.* Деятельность Геологического комитета в России (1882–1917 гг.) // Труды Института естествознания и техники АН СССР, т. 27. История геолого-географических наук. – М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 146–177.

533. *Хвостова М.С.* История изучения естественной и искусственной радиоактивности природных объектов России: Автореф. дис. … канд. географ. наук. – М., 2006. – 32 с.

534. *Хлопин В.Г.* Получение радиевых солей в России // Успехи физических наук, 1922, т. 3, № 1, с. 99–103.

535. *Хлопин В.Г., Владимирова М.Е.* Геологический возраст уранинитов и монацитов из пегматитовых жил Северной Карелии // Известия АН СССР. ОМЕН. Серия химическая, 1938, № 2, с. 499–508.

536. *Христофорова Н.В.* Российские гимназии XVIII-XX веков: На материале г. Москвы. – М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина (ГЛК), 2002. – 192 с.

537. *Чарноцкий С.И.* Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Лист Нефтяно-Ширванский. – СПб., 1909. – VII+72 с.

538. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.

539. *Черненко В.В., Андреева И.П., Самсонова Н.Н.* Владимир Иванович Вернадский и собрание Минералогического кабинета Московского Императорского университета // Наука и просвещение. Посвящается 150-летию со дня рождения академика В.И. Вернадского. Сборник научных трудов ГГМ РАН. Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2012, с. 99–122.

540. *Черненко В.В., Андреева И.П., Самсонова Н.Н.* Владимир Иванович Вернадский – руководитель Минералогического кабинета Императорского Московского университета // Музеи Российской академии наук. Вып. 10: альманах. – М.: Таус, 2013, с. 18–44.

541. *Черненко В.В., Кандинов М.Н.* В.И. Вернадский в Московском Императорском университете (1889–1911) // Труды Ферсмановской научной сессии, 2013, № 10, с. 42–46.

542. *Чуковский К.И.* От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. – СПб.: Издательское бюро, 1908. – 183 с.

543. *Чумаченко В.К.* Взгляды российского чиновничества на финляндский вопрос по материалам комиссии П.Н. Дурново /// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Вып. 26 (1–2). – СПб.: Издательство РХГА, 2025, с. 59–68.

544. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 271 с.

545. *Цыганков Д.А.* М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2011, № 5, с. 95–113.

546. *Шарапов С.* Что делать с Финляндией? – М.: Издание Книгоиздательства «Свидетель», 1910. – 77 с.

547. *Шевченко Т.* Кобзарь. – СПб.: Об-во им. Т.Г. Шевченка для вспомоществования нуждающимся уроженцам южной России, учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга; Благотворительное об-во издания общеполезных и дешевых книг, 1907. – XVI+ 635 с.

548. *Шевченко Т.* Кобзарь. – СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1908. – XXII+ 634 с.

549. *Шевченко Т.Г.* Кобзарь (в переводе И.А. Белоусова). – М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1911. – 163 с.

550. *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 863 с.

551. *Шилов Л.А.* Из истории дореволюционных студенческих книгоиздательств // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX вв. Сборник научных трудов. – Л.: Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1983, с. 68–96.

552. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. – 592 с.

553. *Шубникова О.М.* В.И. Вернадский как минералог и его школа в Московском университете // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 130–159.

554. *Щеглов В.Г.* Государственный совет в царствование Императора Александра Первого. Историко-юридическое исследование. Т. 2. Вып. 1. – Ярославль, 1895. – III+V+501 с.

555. *Щербаков Д.И.* Месторождения радиоактивных руд и минералов Ферганы и задачи их дальнейшего исследования. – Л., 1924. – 59 с.

556. *Щербаков Д.И.* В.И. Вернадский и радиогеология // Записки ВМО. Серия 2, 1946, ч. 75, вып. 1, с. 37–42.

557. *Щуровский Г.Е.* Вступительная речь Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20 по 30 августа 1869 года. - М.: Университетская типография (Катков и К^0). 1870.-С. 59-68.

558. *Эвенчик С.Л.* Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР: Сборник статей. – М., 1972, с. 4–99.

559. «Это был уник человеческой породы…» (Письма Г.И. Успенского к В. И. Ребиндер) / Публикация И. М. Захаровой // Встречи с прошлым. Вып. 3. – М.: Советская Россия, 1987, с. 51–56.

560. Юбилейный сборник газеты «Последние новости»: 1920–1930. – Париж: Газета «Последние новости», 1930. – 64+XXX с.

561. *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 544 с.

562. *Юртаева Е.А.* Государственный совет в России. 1906–1917 гг. – М.: URSS, 2011. – 204 с.

563. *Юшкин Е.М.* Майкопский нефтяной фонтан // Кубанский сборник. 1910 год. Труды Кубанского областного статистического комитета. Том 15. – Екатеринодар, 1910, с. 581–587.

564. *Якимюк Е.Л.* Влияние идей В.И. Вернадского на формирование научного мировоззрения Е.С. Бурксера (досоветский период) // КЛИО, 2015, № 7 (103), с. 175–179.

565. *Якобсон И.И*. В.А. Бородовский и Л.С. Коловрат-Червинский (Из истории ранних радиоактивных исследований в России) // Успехи физических наук, 1952, т. XLVII, май, с. 115–120.

566. *Якуцени В.П.* Геология гелия. – Л.: Недра, 1968. – 232 с.

567. *Янин Е.П.* Очерки жизни и деятельности академика В.И. Вернадского. – М.: ГЕОХИ РАН, 2018. – 179 с.

568. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. История геологических наук и научного знания. – М.: НП «АРСО», 2021. – 380 с.

569. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. История и судьба сборника «Живое вещество». – М.: НП «АРСО», 2022. – 372 с.

570. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Об ученых и их деятельности. – М.: НП «АРСО», 2022. – 319 с.

571. *Янин Е.П.* Академик В.И. Вернадский в 1917 году. – М.: НП «АРСО», 2023. – 264 с.

572. *Янин Е.П.* В.И. Вернадский о научных революциях, взрывах и падениях научного творчества // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2023, № 6, с. 59–76

573. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Переписка с А.И. Яковлевым. – М.: НП «АРСО», 2023. – 412 с.

574. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Начало творческого пути, 1885–1888 гг. – М.: НП «АРСО», 2024. – 464 с

575. *Янин Е.П.* Из архивного наследия академика В.И. Вернадского. Заграничная командировка, 1888–1890 гг. – М.: НП «АРСО», 2025. – 440 с

576. *Ярилов А.А.* Памяти старейшего докучаевца – академика Владимира Ивановича Вернадского // Почвоведение, 1945, № 7, с. 321–324

577. *Arldt Th.* Die Entwicklung der Kontinente und ihrer Lebewelt. Ein Beitrag zur vergleichenden Erdgeschichte. – Leipzig, 1907. – XX+730 S.

578. *Asch W., Asch D.* Die Silicate in chemischer und technischer Beziehung: Unter Zugrundelegung der seitens der philosophischen Fakultät der Universität Göttingen preisgekrönten Hexit-pentit-Theorie nebst Umwandlung derselben in eine allegemeine stereochemische Theorie. – Berlin: Springer-Verlag, 1911. – XV+409 S.

579. *Doelter C.* Allgemeine chemische Mineralogie. – Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1890. – IV+276 S.

580. *Duhem P.* La théorie physique son objet et sa structure. – Paris: Chevalier & Privière, 1906. – 450 p.

581. *Fersman A.E.* Der Diamant. Heidelberg. C. Winters, Universitätsbuchhandlung, 1911, 274 S., Atlas, 49 Taf. (In Gemeinschaft mit V. Goldschmidt).

582. Festschrift Harry Rosenbusch Gewidmet von Seinen Schuelern zum Siebzigsten Geburtstag. – Stuttgart, 1906. – VI+412 S.

583. *Hartley W.N.* Researches on Spectrum Photography in relation to New Methods of Quantitative Chemical Analysis. Part I // Philosophical transactions of the Royal Society of London, 1884, Vol. 175, part I, p. 49–62.

584. *Hartley W.N.* Researches on Spectrum Photography in Relation to New Methods of Quantitative Chemical Analysis. Part II // Philosophical transactions of the Royal Society of London, 1884, Vol. 175, part I, p. 325–342.

585. *Haug* Traité de géologie.Volume II: Les Périodes géologiques. – Paris, 1908. – p. 539–928.

586. *Gallois L.* L`Académie des Sciences et les origines de la Carte de Cassini. Premier article // Annales de géographie, 1909, Tome XVIII, № 99, 15 mai, p. 193–204.

587. *Gallois L.* L`Académie des Sciences et les origines de la Carte de Cassini. Second article // Annales de géographie, 1909, Tome XVIII, № 100, 15 juillet, p. 289–310.

588. *Gallois L.* Martin Béhaim // Annales de géographie, 1909, Tome XVIII, № 99, 15 mai, p. 262–267.

589. *Gemelli A.* L'Enigma della vita e i nuovi orizzonti della biologia. Introduzione allo studio delle scienze biologiche. Firenze: Libreria editrice fiorentina, 1910. – XXIII+598 p.

590. *Gesell A.* Die montan-geologischen Verhaltnisse von Zalatna und Umgebung // Jahresbericht Der Königlich ungarischen Geologischen Anstalt für 1894. – Budapest, 1897, S. 129–152.

591. *Gesell A.* Die montangeologischen Verhaltnisse der Zinnobererz-Bergbaue von Dumbrava und Baboja bei Zalatna // Jahresbericht der Königlich ungarischen Geologischen Anstalt für 1895. – Budapest, 1898, S. 101–112.

592. *Laspeyres H.* Ueber die Krystallform des Antimons // Zeitschrift der Deutschen Geologischen Gesellschaft. XXVI. Band, 1875, S. 574–622.

593. *Magnus R*. Goethe als Naturforscher. – Leipzig: Verlag, 1906. – VIII+336 S.

594. *Müller H.* Der Erzdistrikt von Schneeberg im Erzgebirge // Gangstudien oder Belträge zur Kenntniss der Erzgänge. Dritter Band. – Freiberg, 1860, Band 3, S. 1–223.

595. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1902. – 528 s.

596. *Paoli A.* La scuola di Galileo nella storia della filosofia // Annali delle Università Toscane, 1899, 22, p. 1–327.

597. *Pavlow A.P.* Enchaînement des aucelles et aucellines du crétacé russe // Nouveaux Mémmoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscow, 1907, Tome XVII, Livrasion I, p. 1–93.

598. Rafael Aguilar y Santillán Bibliografía geológica y minera de la República Mexicana. – México, 1908. – XIII+331 p.

599. *Romanow P.* Dom Polski w Moskwie // Studia Polonijne, 1999, т. 20, s. 145–150.

600. *Rydberg J.R.* Elektron, der erste Grundstoff. – Lund: Haken Ohissons Buchdrukerei, 1906. – 30 S.

601. *Scacchi A.* Breve notizia dei Vulcani fluoriferi della Campania // Rendiconto della R. Accademia delle Scienze fisiche e matematiche di Napoli, 1882, Anno XXI, p. 201–204.

602. *Schultz W*. Pythagoras // Archiv für Geschichte der Philosophie, 1908, Band 21, 2 Helf., S. 240–252.

603. *Stokes R.S.G.* Mines and minerals of the British Empire: Being a description of the historical, physical, & industrial features of the principal centres of mineral production in the British dominions beyond the seas. – London: Edward Arnold, 1908. – XX+403 p.

604. *Tanner V.* Zur geologishen Geschichte des Kilpisjärwi-Sees in Lapland // Bulletin de la Commission Géologique de Finlande, 1907, № 20, S. 1–23.

605. *Tanner V.* Studier öfver kvartärsystemet i Fennoskandias nordliga dela. II // Bulletin de la Commission géologique de Finlande, 1907, № 21, s. 1–127.

606. *Trüstedt O.* Die Erzlagerstätten von Pitkäranta am Ladoga See // Bulletin de la Commission Géologique de la Finlande, 1907, Vol. 19, Pt. 5, S. 3–333.

607. *Urbain G., Clair C.* Estudio espectrográfico de las «Blendas». Investigatión acerca de la Blenda de «Picos de Eoropa». Presencial del «Germanio», en la misma // Revista de la Real Academia de Ciencias. Exactas, Fisicas y Naturales de Madrid, 1909, Tomo VIII, p. 49–62.

608. *Vernadsky G.* A history of Russia. Ancient Russia. – New Haven: Yale university press, 1944. – XIV+ 425 c.

609. *Vernadsky W., Revoutsky E.* Sur la distinction chimiqne entre l'orthose et le microcline // Comptes rendus de l'Académie des Sciences, 1910, T. 151, p. 1372–1374.

610. *Vyšný P*. Neo-Slavism and the Czechs, 1898–1914. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. – XIV+287 p.

611. *Zepharovich V.R. von* Mineralogisches Lexicon für das Kaiserthum Österreich. I. Band. 1790–1857. – Wien: Wilhelm Braumüller, 1859. – XXX+627 S.

612. *Zepharovich V.R. von* Mineralogisches Lexicon für das Kaiserthum Österreich. II. Band. 1858–1872. – Wien: Wilhelm Braumüller, 1873. – XIV+436 S.

613. *Zepharovich V.R. von* Mineralogisches Lexicon für das Kaiserthum Österreich. III. Band. 1874–1891. – Wien: Wilhelm Braumüller, 1893. – XIV+478 S.

Содержание

От автора …… 3
Начало года. XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей ……. 6
Участие В.И. Вернадского в работе Съезда …….. 8
Отклики на Съезд в печати …….. 17
Парагенезис химических элементов в земной коре и начало новой «эпохи в минералого-геохимических науках» 22
Московский университет ……..…….. 38
Организационно-педагогическая деятельность Вернадского и общая ситуация в Университете в 1910 г. …… 38
Курсы лекций …… 54
Основы минералогии …… 69
Минералогический кабинет …… 74
Минералогический кружок …….. 86
Комиссия для организации чествования памяти М.В. Ломоносова 90
Московское общество испытателей природы …… 92
Императорская Академия наук ……...……...…….. 94
Заседания Академии наук в 1910 году …… 95
Минералогическое отделение Геологического музея …… 106
«*Опыт описательной минералогии*» …….. 115
Ломоносовская комиссия Академии наук ……... 121
Начало исследований радиоактивности Земли и создание Радиевой комиссии 124
Разные учебные и научные организации …….. 152
Московские высшие женские курсы ……... 152
Геологический комитет …….. 159
Комиссия по исследованию причин усиления жесткости мытищинской воды, организованная Московским городским общественным управлением …….. 160
Общественно-политическая деятельность …… 165
Государственный совет Российской империи ……... 165
Земская деятельность …… 173
Конституционно-демократическая партия …… 185
Комитет по устройству чествования Т.Г. Шевченко по случаю 50-летия со дня смерти поэта ……... 196
Общество распространения технических знаний …… 198
Общество содействия внешкольному образованию в Москве ……. 202
Общество единения народностей России …… 203
Московское общество народных университетов …… 204
Славянские общества …….. 205

Лето в Вернадовке и поездка на фосфориты
в Пензенскую губернию ……..... 215
Завершение года. Торжественное публичное заседание Императорской Академии наук ……...……. 232
Приложения ……. 243
1. *В.И. Вернадский* Из «Хронологии 1910» ...…… 243
2. *В.И. Вернадский* Дневник 1910 г. ……..……. 257
3. *В.И. Вернадский* О применении принципа
Ле Шателье-Джиббса к явлениям кристаллиза ……..... 379
4. *В.И. Вернадский* Отзыв (возражения) на работу С.А. Вейберга .. 382
5. *В.И. Вернадский* Обращение к Академии наук по поводу
минералогической коллекции П.А. Кочубея ……. 388
6. *В. Линд* Рецензия на книгу ……... 390
7. *В.В. Карандеев* Минералогический кружок
при Минералогическом кабинете Московского университета …… 393
8. Минералогический кабинет Высших женских курсов в Москве 404
9. *В. Аш* и *Д. Аш* – В.И. Вернадскому ……. 407
10. Императорские университеты в Российской империи
в 1910 году …… 412
Литература …..……. 421

Евгений Петрович Янин

Из архивного наследия академика В.И. Вернадского.
Дневник и другие материалы 1910 года

Утверждено к печати Ученым советом Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».
143405, Московская область, г. Красногорск,
Коммунальный квартал, дом 2.
Заказ № 2643-26.
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,75

ISBN 978-5-6056085-7-8

